ПЭЛЕМ ГРЭНВИЛ ВУДХАУЗ

Annotation

В этой книге — новые идиллии П.Г. Вудхауза, а следовательно — новые персонажи, которые не оставят вас равнодушными.

Пэлем Грэнвил Вудхауз
Собрание сочинений
Том 14. Простак и другие

Золотце ты наше

Перевод с английского И. Митрофановой
Редактор Н. Трауберг

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

в которой читатель знакомится с Золотцем, несколько заинтересованных сторон строят планы его будущего, а также затрагивают будущее Питера Бернса. Завершается телефонным звонком крайней важности.

1

Если бы управители отеля «Гвельф», этой примечательности Лондона, могли присутствовать январским днем в гостиной миссис Элмер Форд, приехавшей из Нью-Йорка, то, пожалуй, они бы слегка огорчились. Случись между ними философ, он погрузился бы в размышления о тщете человеческих усилий. Уж как они старались для миссис Форд! Поместили её в прекраснейший номер. Отменно накормили. Дали строгий наказ расторопным слугам предвосхищать любое её желание. Однако, имея все эти блага, она беспокойно и нетерпеливо мечется по комнате, не хуже тигрицы, запертой в клетке, если не узника Бастилии. Вот она меряет шагами комнату. Вот присела, и, едва взяв роман, тут же уронила из рук. Вскочила снова и снова заметалась. Пробили часы, она сверилась с наручными, хотя и смотрела на них всего две минуты назад. Открыв медальон на золотой цепочке, впилась взглядом в то, что увидела, и судорожно вздохнула. Наконец, быстро пройдя в спальню, она вынула из чемодана картину в рамке и, вернувшись в гостиную, водрузила её на стул. Отступила на шаг-другой, стала жадно её рассматривать. Большие карие глаза, обычно твердые и властные, странно смягчились. Губы задрожали.

— Огден! — прошептала она.

Картина, вызвавшая такие чувства, возможно, и не потрясла бы стороннего зрителя. Он увидел бы плохой любительский портрет на редкость отталкивающего мальчишки лет одиннадцати, флегматично и капризно смотревшего с полотна. Пухлого перекормленного мальчишки, выглядевшего таким, каким он и был: избалованным, испорченным отпрыском родителей, у которых слишком много денег.

Пока миссис Форд любовалась картиной, а картина отвечала ей столь же пристальным взглядом, зазвонил телефон. Она жадно бросилась к нему. Звонили от портье с известием, что к ней посетитель.

— Да? Да? Кто? — Голос у неё сник, как будто она собиралась услышать совсем не это имя. — Да, — тускло повторила она. — Да, пожалуйста, попросите лорда Маунтри подняться.

И вернулась к портрету. На лице у неё возникло нетерпение, исчезнувшее было при звонке. Усилием воли она согнала его, когда вошел ее гость, лорд Маунтри, розоволицый блондин лет двадцати восьми, со светлыми усами, довольно плотный и очень, очень серьезный. Заметив портрет, пронзивший его холодным взглядом, он вздрогнул и поспешно отвел глаза.

— Ну, миссис Форд, всё улажено. — Он был из тех, кто не теряет времени на ненужные приветствия. — Я заполучил его.

— Заполучили! — Голос ее дрогнул.

— Да. Стэнборо.

— А-а! Я… я подумала… про другого. Присаживайтесь, пожалуйста.

Лорд Маунтри сел.

— Того художника. Помните, вы недавно упомянули, что хотите заказать портрет вашего мальчика. У вас есть только один, в одиннадцатилетнем возрасте…

— Вот он. Это Огден, лорд Маунтри. Я написала его сама.

Пэр Англии, который специально выбрал стул так, чтобы оказаться спиной к портрету, и сидел со слегка упрямым выражением лица, словно решив ни за что не поворачиваться, хотя страшный бес мчится за ним по пятам, заставил себя

обернуться. Взгляд с портрета он встретил со всей возможной беспечностью.

— Э…э, н-да, — промямлил он и запнулся. — Отличный мальчик, смелый такой…

— Нет, правда?

Лорд отвернулся снова.

— Я рекомендовал вам этого Стэнборо, если помните. Он мой большой приятель, и я всегда рад оказать ему при случае услугу. Говорят, художник он — высший класс. Сам я в этом не разбираюсь. Вы просили меня привести его. Он ждет внизу.

— Ах, да, конечно! Я не забыла. Большое спасибо, лорд Маунтри.

— Мне пришла в голову недурная идейка, если вы еще не передумали поплавать на моей яхте. Боюсь, там вам будет очень скучно. Вы не передумали?

Миссис Форд кинула быстрый взгляд на часы.

— С нетерпением предвкушаю.

— Тогда отчего бы нам не убить одним выстрелом двух зайцев? Давайте соединим плавание и портрет. А? Вы возьмете с собой своего мальчика, а я — Стэнборо. Ну, как?

Предложение это не было плодом внезапного порыва добросердечия. Лорд всесторонне обдумал вопрос и пришел к выводу, что такой план превосходен, хотя и не без изъянов. Он остро осознавал, что на яхте свободно можно обойтись и без мальчишки, а увидев портрет, еще яснее понял все изъяны свого замысла. Но ему очень хотелось заполучить в компанию Стэнборо. Каким бы ни оказался Огден, Билли Стэнборо — парень веселый, идеальный спутник в путешествии. Если он будет на борту, то и плавание пойдет совсем по-другому. Проблема была в том, что Стэнборо наотрез отказывался долго бездельничать. И вот его светлость, которого редко осеняли блестящие идеи, породил, к собственному изумлению, план, который только что изложил миссис Форд.

Теперь он выжидающе смотрел на нее и удивился, заметив мимолетное облачко страдания на ее лице. Он быстренько пробежался по своей последней речи. Нет, ничего огорчительного в ней не было; и он совсем уж растерялся.

Миссис Форд смотрела мимо него на портрет. В глазах у неё стыла боль.

— Боюсь, вы не совсем понимаете положение дел, — хрипло и напряженно проговорила она.

— А?

— Видите ли… у меня нет… — она умолкла. — Мой мальчик не… Огден не живет со мной.

— В школе, э?

— Нет, не в школе. Позвольте обрисовать вам ситуацию. Мы с мистером Фордом не очень ладили и год назад развелись в Вашингтоне. Несовместимость, знаете ли… и… и…

Она поперхнулась словами. Его светлость, всегда испытывающий панический ужас перед глубокими эмоциями, выказывал ли их мужчина или женщина, молча терзался. Вот что самое плохое в этих американцах! Вечно они разводятся, ставя людей в неловкое положение. Ну откуда человеку знать? И почему тот, кто познакомил их — кто же это был? — не рассказал ему про это? Он-то считал, что она обыкновенная американка, путешествующая по Европе на денежки щедрого муженька, скрывающегося на заднем плане.

— Э… — промямлил он. Больше сказать ему ничего не удалось.

— И… и суд, — процедила сквозь зубы миссис Форд, — присудил

ему опеку над Огденом.

Лорд Маунтри, зарозовевшись от смущения, сочувственно побулькал.

— С тех пор я не видела Огдена. Вот почему я так заинтересовалась, когда вы упомянули своего друга, мистера Стэнборо. Мне пришло в голову, что Форд вряд ли сумеет возразить против того, чтобы у меня был портрет моего сына, написанный за мой счет. Да, не сумеет, когда я изложу ему дело. Теперь вы понимаете, что сейчас несколько преждевременно строить какие-то определенные планы насчет того, чтобы портрет писался на вашей яхте.

— Боюсь, это сокрушительный удар по моему замыслу, — печально согласился лорд Маунтри.

— Нет.

— А?

— Определенно обещать я пока не хочу, но, возможно, Огден все-таки сможет поплыть с нами. Кое-что можно будет устроить.

— Так вы думаете, что все-таки сумеете взять его с собой?

— Очень и очень надеюсь.

Лорд Маунтри, хотя он сочувственно булькал, был слишком честен и прямолинеен и не мог одобрить преднамеренную слепоту.

— Не понимаю, как вы сумеете противостоять решению суда. Оно ведь и в Англии действительно?

— Я всё равно надеюсь. Что-то можно устроить.

— О, я тоже, я тоже! — Исполнив свой долг — не игнорировать очевидных фактов, его светлость опять был готов сочувствовать. — Кстати, а где Огден сейчас?

— Он в деревне, у мистера Форда. Но…

Её прервало треньканье звонка. Вскочив с кресла, миссис Форд метнулась через комнату к телефону, как показалось пораженному лорду, одним прыжком.

Когда она поднесла трубку к уху, волна радости омыла её лицо. Она издала короткий вскрик восторга и волнения.

— Немедленно присылайте их наверх! — распорядилась она и повернулась к гостю преображенным лицом.

— Лорд Маунтри, — быстро начала она, — пожалуйста, не сочтите меня крайне грубой, но я попрошу вас уйти. Ко мне идет… Я должна…

Его светлость торопливо поднялся.

— Конечно, конечно, разумеется! Куда это я положил свою… ах, вот она! — Он схватил шляпу и, сэкономив усилия, тем же движением уронил на пол трость. С растущим нетерпением миссис Форд наблюдала, как он

наклоняется за ней. Наконец он выпрямился, слегка раскрасневшись, но с тростью и со шляпой, целыми и невредимыми.

— Значит, до свидания, миссис Форд. Дайте мне знать, если ваш мальчик войдет в нашу компанию. Хорошо?

— Да-да! Спасибо вам. До свидания!

— До свидания.

Подойдя к двери, лорд открыл её.

— Ох ты, Господи! — воскликнул он, круто оборачиваясь. — А Стэнборо-то! Как же со Стэнборо? Попросить, чтобы подождал еще? Он ведь внизу сидит!

— Да-да. Мне очень неприятно, что заставляю его ждать. Попросите подождать еще несколько минут в Пальмовом зале.

— Я закажу виски, — осенило лорда Маунтри.

— Да-да, как хотите! Лорд Маунтри, вам действительно пора. Я веду себя грубо… Господи, сама не понимаю, что говорю! Но мой мальчик возвращается ко мне!

Накопленное веками рыцарство встрепенулось, пришпорив его светлость. Он понял, хотя и несколько смутно, что вот-вот начнется сцена, в которую он явно не вписывается. Встреча матери с давно потерянным сыном. Это — святое. А потому, развернувшись, он молнией бросился в дверь, но так как в этот миг в неё входили, то ему пришлось, привычно нагнувшись за шляпой, бормотать извинения.

Новой гостьей оказалась сказочной красоты девушка с довольно твердым и даже циничным выражением лица. За руку она вела толстого мальчишку лет четырнадцати, чье сходство с портретом на стуле кричало, кто он. Мальчишка столкновения избежал, но оно его рассердило, потому что, оглядев с холодным отвращением наклонившегося пэра, он выразил свое мнение о нем одним хлестким словом:

— Недотепа!

Лорд Маунтри разогнулся.

— Прошу прошения, — выговорил он уже раз в седьмой. Он совсем потерялся. И всегда-то крайне стеснительный, сейчас он был смущен донельзя в силу разных причин. Казалось, весь мир состоял из глядящих на него глаз: глаза миссис Форд взывали «Уходите!», глаза Огдена ясно кричали «Вот дурак!», портрет вторил им «Идиот!». И, наконец, глаза сказочно красивой девушки — огромные, серые, прохладно насмешливые, презрительно вопрошали: «Кто этот странный розоволицый субъект, который попал мне под ноги?»

— Прошу… прошу прощения, — снова пробормотал он.

— Гляди, куда идешь, — сурово указал Огден.

— Всё в порядке, — произнесла девушка. — Ты познакомишь нас, Неста?

— Лорд Маунтри — мисс Дрэссилис, — представила их миссис Форд.

— Боюсь, из-за нас лорд Маунтри уходит, — заметила девушка. Глаза её показались его светлости еще громаднее, серее, прохладнее, насмешливее и презрительнее. Он барахтался в них, словно в глубоких водах.

— Нет, что вы… нет… — заикался он. — Честное слово. Я ухожу. До свидания. Значит, миссис Форд, вы дадите мне знать насчет яхты? Да? Славная соберется компания. До свидания. До свидания, мисс Дрэссилис.

Он бегло оглянулся и на Огдена, будто бы в нерешимости — допустима ли вольность попрощаться и с ним? Но духу ему не хватило, и он, повернувшись, стремглав выскочил в дверь. Из коридора донесся стук упавшей трости.

Синтия Дрэссилис, закрыв дверь, улыбнулась.

— Какой нервный молодой человек, — заметила она. — Что он такое говорил насчет яхты, Неста?

Миссис Форд оторвалась от зачарованного созерцания Огдена.

— Ах, ничего! Мы собираемся на юг Франции. На следующей неделе небольшой компанией.

— Какая чудесная идея!

В голосе Синтии послышалась задумчивая нотка.

— Н-да, блестящая мысль, — пробормотала она. Миссис Форд устремилась к Огдену, вихрем обрушилась на него, шурша дорогой юбкой, и сжала в объятиях.

— Мой мальчик!

Не каждому дано грациозно перейти к сцене накаленных эмоций. Огдену не удалось. Он грубо выдрался из материнских объятий.

— Сигаретка есть?

Мальчишкой он был на редкость неприятным. Портрет сильно льстил ему. Написанный любящей рукой, он его приукрашивал. На портрете он был плотненьким, на самом деле — попросту толстым. Там он был задумчив, на самом деле — угрюм. Но и у искусства есть границы, тем более — у любительского, и портрет даже отдаленно не намекал, какие у него отталкивающие манеры. Развит он был не по летам. У него был вид пресыщенного жизнью человека, постоянно мающегося от скуки. И речь, и поведение напоминали скорее взрослого и весьма непривлекательного.

Даже миссис Форд на миг опешила и дрожаще рассмеялась.

— Какой ты прозаичный, дорогой!..

Синтия окинула наследника миллионов твердым полупрезрительным взглядов.

— Он весь день такой. Ты и не представляешь, как мне это помогало.

Миссис Форд обернулась на нее, полная благодарности.

— Синтия, милая, я еще тебя и не поблагодарила.

— Верно, — сухо бросила девушка.

— Ты — чудо, дорогая. Настоящее чудо! Я повторяю это с той минуты, как получила твою телеграмму. — И перебила себя: — Огден, иди ко мне, сыночек.

Тот угрюмо наклонился к матери.

— Только больше не тискай, — выдвинул он условие, прежде чем позволил заключить себя в объятия.

— Скажи мне, Синтия, — начала снова миссис Форд, — как это тебе удалось? Я говорила лорду Маунтри, что надеюсь скоро увидеть своего Огдена, но на самом деле не надеялась. Казалось совершенно невероятным, что ты добьешься успеха.

— Этот твой лорд Маунтри… — протянула Синтия. — Как ты с ним познакомилась? Почему я не видела его прежде?

— Познакомилась я с ним в Париже, осенью. Его долго не было в Лондоне. Ухаживал за больным отцом.

— Понятно.

— Он был так любезен. Договорился, чтобы писали портрет Огдена. Но при чем тут лорд Маунтри? Как мы вообще свернули на него? Расскажи мне лучше, как тебе удалось увезти Огдена?

— Получилось всё, — зевнула Синтия, — очень легко. Проще простого.

— Огден, милый, — отвлеклась миссис Форд, — не уходи. Я хочу, чтобы ты был близко.

— Ой, ну ладно!

— Оставайся тут, ангел мой.

— Фу, слюнтяйство какое, — тихо пробормотал ангел. — Слушай, я зверски хочу есть, — добавил он.

Миссис Форд будто током ударило. Она вскочила на ноги.

— Мое бедное дитя! Конечно же, тебе нужно поесть. Позвони, Синтия. Я попрошу принести ланч сюда.

— И я поем, — сказала Синтия.

— О, ты ведь тоже не ела. Я и позабыла.

— Я так и думала.

— Вы оба пообедаете тут.

— Вообще-то, — возразила Синтия, — лучше пусть Огден поест внизу, в ресторане.

— Посплетничать хочешь?

— Огден, ну что ты, милый, — укорила его миссис Форд. — Хорошо, Синтия. Ступай, Огден. Закажи себе что-нибудь посущественнее.

— А то, — немногословно отозвался её сынок и наследник.

Когда за ним закрылась дверь, наступила короткая пауза. Синтия с непонятным выражением смотрела на подругу.

— Ну что ж, дорогая, я это сделана.

— Да. Ты — чудо, моя душенька! Они снова помолчали.

— Кстати, — сказала наконец миссис Форд, — ты упоминала, будто есть какая-то мелочь, маленький счет, который беспокоит тебя?

— А я упоминала? И правда, есть. Платеж неотложный. Он, можно сказать, затемняет мне весь горизонт. Вот он.

— Большая сумма? — миссис Форд взяла у нее чек и охнула. Потом, подойдя к бюро, вынула чековую книжку.

— Ты очень добра, Неста, — сказала Синтия. — А то они уже начали зубы показывать.

И, спокойно сложив чек, сунула его в сумочку.

— Ну, а теперь расскажи мне, как тебе это удалось, — попросила миссис Форд.

Упав в кресло, она откинулась на спинку, сцепив руки за головой. В первый раз обрела она спокойствие души и, полузакрыв глаза, будто бы приготовилась слушать любимую музыку.

— Расскажи всё с самого начала. Синтия подавила зевок.

— Ладно, дорогая. Итак, в Истнор я отправилась поездом в 10.20. Соберешься ехать туда, учти, неплохой поезд. Приехала в четверть первого и пошла прямо в дом, — ты ведь этого дома никогда не видела? Совершенно очаровательный. Я сказала дворецкому, что хочу видеть мистера Форда по делу, заранее разузнав, что того нет дома. Он уехал в Дройтвич.

— Ревматизм, — пробормотала миссис Форд. — У него иногда разыгрывается.

— Дворецкий ответил мне, что мистера Форда нет, и как будто решил, что мне надо бы уйти. Но я прилипла, точно моллюск, и послала его позвать учителя. Его зовут Бростер, Реджи Бростер. Премилый молодой человек. Большой, широкие плечи, и лицо такое добродушное.

— Ну, дорогая, ну?

— Я объяснила ему, что делаю серию рисунков для журнала. Интерьеры известных деревенских домов.

— Неужели поверил?

— Он верит всему. Он из таких. Он даже поверил, что мой редактор особенно просил зарисовать внутреннюю лестницу. Про лестницу мне рассказали в гостинице. Забыла уж, в чем там суть, но что-то в ней есть особенное.

— Итак, ты вошла…

— Итак, я вошла.

— И увидела Огдена?

— Только на минутку. А потом Реджи…

— Кто?

— Ну, Бростер. Теперь он для меня Реджи. Он по природе своей Реджи. Такое доброе, простодушное лицо. Итак, Реджи увидел, что настало время уроков, и отослал Огдена наверх.

— Одного?

— Одного! А мы с Реджи поболтали немножко. Карие, яркие, твердые глаза миссис Форд расширились.

— Бростер — никуда не годный учитель для моего мальчика, — холодно заявила она.

— Да, наверное, делать так нельзя, — согласилась Синтия. — Но я была в этой шляпке и…

— Продолжай.

— Спустя какое-то время я сказала, что должна начинать работу. Он хотел, чтобы я сначала зарисовала ту комнату, где мы сидели. Я ответила — нет, я лучше спущусь вниз и набросаю вид дома с востока. Восток я выбрала, потому что оттуда ближе всего к вокзалу. И добавила, что он, конечно, водит иногда Огдена в сад. Он согласился — да, водит, и сейчас как раз подоспело время прогулки. Наверное, пойдут они в мою сторону, Огдену интересно посмотреть мой эскиз. Кажется, он поощряет интерес Огдена к искусству.

— Бростер — неподходящий учитель для моего мальчика.

— Ну, сейчас-то, дорогая, он ему больше не учитель. Правильно?

— Что же случилось потом?

— Я ушла со своими рисовальными принадлежностями. Вскоре подошли и Реджи с Огденом. Я сказала, что не могла рисовать, потому что меня напугал бык.

— Неужели он и этому поверил?

— Целиком и полностью. Он такой добрый и чуткий. Мы мило

поболтали. Он рассказал мне про себя всё. Раньше, оказывается, он очень хорошо играл в футбол. Сейчас больше не играет, но часто вспоминает прошлое.

— Он мог заметить, что ты не умеешь рисовать. Что тогда стало бы с твоей историей?

— Ну, про рисунки как-то всё забылось. Мне даже не пришлось начинать. Видишь ли, мы увлеклись разговором. Реджи рассказывал мне про футбол, про матчи в Оксфорде. Он хотел, чтобы я прочитала газетную вырезку об университетском матче, в котором он играл. Я ответила: «С удовольствием». Он сказал, что она у него в чемодане. Я пообещала присмотреть за Огденом, пока он за ней сходит. Естественно, я отослала его как раз вовремя, чтобы нам успеть на поезд. Он ушел, а мы — тут. Ну, а теперь можешь заказать ленч, про который говорила. Умираю с голоду.

Миссис Форд поднялась. На полдороге к телефону она вдруг остановилась.

— Мое дорогое дитя! Мне только что пришло в голову, что мы немедленно должны уехать отсюда. Учитель, наверное, последовал за вами. Догадался, что Огдена похитили.

— Уж поверь мне, — улыбнулась Синтия, — Реджи потребуется много времени, чтобы хоть о чем-то догадаться. Кроме того, поездов долго не будет. Мы в полной безопасности.

— Ты уверена?

— Абсолютно. Я убедилась прежде, чем уезжать. Миссис Форд жарко расцеловала ее.

— О, Синтия, ты — чудо!

Вскрикнув, она отшатнулась — в дверь пронзительно позвонили.

— Ради бога, Неста, — раздраженно бросила Синтия, — держи себя в руках. Бояться нечего. Говорю же тебе, Бростеру никак не успеть, даже если б он знал, куда ехать. А откуда ему узнать? Скорее всего, это Огден.

Краски вернулись на лицо миссис Форд.

— Да, правда. Синтия открыла дверь.

— Входи, милый, — ласково позвала миссис Форд. Вошел жилистый коротышка с седыми волосами, в очках.

— Добрый день, миссис Форд, — поздоровался он. — Я приехал забрать Огдена.

Порой возникают ситуации, настолько неожиданные, настолько мучительные, что мы решили не принимать их в расчет.

Мы отказываемся учитывать поведение жертвы, попавшей в подобную ситуацию. Мы считаем, что великий генерал, столкнувшийся с бешеным быком, вправе развернуться и убежать, это ничуть не роняет его репутации. Епископ, поскользнувшийся зимой на льду и потешивший прохожих несколькими па рэгтайма, ничуть не утрачивает своего достоинства. Таким же образом мы обязаны извинить Синтию Дрэссилис, когда, открыв дверь гостиной, она впустила совсем не Огдена, а незнакомца, сопроводившего свой приход примечательными словами, записанными в конце предыдущей главы.

Синтия гордилась умудренным и надменным отношением к жизни, но такая грубая подмена оказалась чрезмерной даже для неё. Отпустив ручку двери, она попятилась назад и, издав невнятный писк изумления, приросла к полу, тараща глаза и широко открыв рот.

На миссис Форд это внезапное появление произвело другой эффект. Ласковую, довольно глупую улыбку будто стерли с её лица. Остекленевшие глаза, испуганные, словно у пойманного в капкан зверька, уставились на незваного гостя. Задыхаясь, она сделала шаг вперед.

— Что вы себе позволяете? — закричала она. — Как смеете вламываться в мою комнату?

Гость и не подумал уступать позиций, он стоял твердо. В нем любопытно переплетались робость и агрессивность. Настроен он был решительно, но одновременно полон сожалений. Такое поведение отличало, наверное, наемного убийцу Средних веков, твердо решившего выполнить работу добросовестно, однако ясно осознающего, что причиняет жертве определенные неудобства.

— Сожалею, — пробормотал он, — но я должен попросить вас, миссис Форд, отдать мне мальчика.

Синтия уже пришла в себя. Она смерила незваного гостя холодным взглядом, обескуражившим лорда Маунтри.

— Кто этот джентльмен? — утомленно обронила она.

Но гость был покрепче, чем его светлость. Он встретил её взгляд со спокойной твердостью.

— Меня зовут Мэнник, — назвался он. — Я личный секретарь Элмера Форда.

— Что вам нужно? — спросила миссис Форд.

— Я уже объяснил, миссис Форд. Мне нужен Огден.

— О чем это он, Неста? — вскинула брови Синтия. — Огдена тут нет.

Мистер Мэнник, вынув из нагрудного кармана телеграфный бланк, в спокойной, деловитой манере начал разворачивать его.

— Тут у меня телеграмма от мистера Бростера. Одно из условий его работы — если он не уверен, где находится Огден, он должен срочно телеграфировать мне. Он и телеграфировал. Он сообщил, что сегодня днем оставил Огдена в компании незнакомой молодой леди, — очки мистера Мэнника сверкнули на Синтию, — а когда вернулся, оба они исчезли. Порасспросив, он выяснил, что молодая леди села в экспресс 1:20 на Лондон, а вместе с ней и Огден. Получив эту информацию, я незамедлительно телеграфировал мистеру Форду, прося инструкций. И получил ответ. — Он выудил вторую телеграмму— Вот он.

— Мне все-таки непонятно, что привело вас сюда, — перебила миссис Форд. — По непростительной небрежности служащих его отца мой сын похищен. Но это не причина…

— Позвольте, я прочитаю телеграмму мистера Форда, — продолжил, по-прежнему непреклонно, мистер Мэнник. — Она довольно длинная. Думаю, мистер Форд несколько раздосадован. «Мальчика украла наемница его матери»…Я читаю подлинные слова мистера Форда, — перебил он сам себя, адресуясь к Синтии и как бы прося прощения.

— Не извиняйтесь, — с коротким смешком сказала Синтия. — За грубость мистера Форда вы не отвечаете.

Мистер Мэнник поклонился.

— Он продолжает: «Заберите Огдена. Ее опека незаконна. Необходимости вызовите полицию, примените силу».

— Очаровательно! — бросила миссис Форд.

— Практично, — возразил мистер Мэнник. — Это ешё не всё. «Прежде всего, увольте этого болвана, а потом зайдите в Агентство, справьтесь хорошей частной школе. Ни под каким видом не нанимайте нового учителя. Хватит. Организуйте всё сегодня. Отошлите Огдена в Истнор с миссис Шеридан. Пусть остается ним дальнейших распоряжений». Таково послание мистера Форда.

Мистер Мэнник аккуратно сложил документ и снова убрал в карман.

Миссис Форд взглянула на часы.

— А теперь уходите, пожалуйста!

— Простите мою невежливость, миссис Форд, но без Огдена я уйти не могу.

— Я позвоню в офис. Пусть пришлют портье и выведут вас.

— А я воспользуюсь его присутствием и попрошу его привести полисмена.

В пылу битвы налет сожаления начал слетать с мистера Мэнника. Он говорил раздраженно. Синтия воззвала к его разуму с утомленным видом принцессы, снисходящей до спора с конюхом.

— Вы сами не видите, что его тут нет? — спросила она. — Вы что, думаете, мы его прячем?

— Не желаете ли обыскать мою спальню? — Миссис Форд распахнула дверь.

Мистер Мэнник стоял непоколебимо.

— Это, миссис Форд, совершенно излишне. Судя по тому, что его нет в номере, мальчик в ресторане.

— Я позвоню…

— И попросите прислать его сюда. Поверьте мне, миссис Форд, это для вас единственный выход. Я глубоко вам сочувствую, но я служащий мистера Форда и должен действовать в его интересах. Закон на моей стороне. Я здесь, чтобы увезти Огдена обратно, и я его увезу.

— Нет, не увезете!

— Должен добавить, что когда я поднялся сюда, то оставил миссис Шеридан — она тоже секретарша, если помните, мистер Форд упомянул ее в телеграмме, — так вот, я оставил её поискать в ресторане и привести Огдена, если найдет, ко мне, в эту комнату.

В дверь позвонили. Он открыл её.

— А вот и миссис Шеридан. Входите.

В комнату вошла девушка в простом аккуратном синем платье — невысокая, грациозная, хорошенькая, но явно привыкшая заботиться о себе в этом жестоком мире. Глаза были ясные, взгляд твердый, губы красивые, но четкого рисунка, подбородок человека, который храбро встречает трудности и умеет расправляться с ними. Маленький стойкий солдатик.

Перед собой она подталкивала Огдена, уже наевшегося, но по-прежнему угрюмого. Увидев мистера Мэнника, мальчик остановился.

— Приветик! — буркнул он. — А вас-то чего сюда принесло?

— Застала его за ланчем, — сообщила девушка. — Подумала, вы не станете возражать, если я позволю ему закончить.

— Послушайте-ка, что тут творится? — грубо спросил Огден. — Куска спокойно съесть не дают! Прям задергали.

— Твой отец, Огден, — объяснил мистер Мэнник, — желает, чтобы ты вернулся в Истнор.

— Ну и ладно. Тогда мне лучше поехать, ма. У миссис Форд перехватило дыхание.

— Поцелуй меня на прощание, Огден!

Огден в угрюмом молчании подчинился её объятиям. Остальные вели себя каждый на свой манер. Мистер Мэнник беспокойно теребил подбородок. Синтия повернулась к столу и взяла иллюстрированную газету. Глаза миссис Шеридан наполнились слезами. Она шагнула было к миссис Форд, словно желая заговорить, но тут же и отступила.

— Пойдем, Огден, — хрипло позвал мистер Мэнник. Необходима эта работенка наемного убийцы, но как мучительно её выполнять! Он испустил вздох облегчения, очутившись в коридоре со своим трофеем.

Миссис Шеридан нерешительно остановилась у двери и обернулась.

— Простите! — выдохнула она.

Молча отвернувшись, миссис Форд скрылась в спальне. Синтия отложила газету.

— Минутку, миссис Шеридан!

Девушка, уже повернувшаяся было, остановилась.

— Вы мне можете уделить минутку? Войдите и закройте дверь. Присядьте, пожалуйста. Очень хорошо. Вам как будто жаль миссис Форд?

— Мне действительно её жалко. Очень. Невыносимо видеть, как она страдает. Я жалею, что мистер Мэнник впутал в это меня.

— Неста обожает своего сынка, — сказала Синтия. — Почему, только небесам ведомо. Лично я з жизни не видела мальчишки противнее. Однако так оно есть. А мне жаль вас. Как я поняла со слов мистера Мэнника, вам придется в ближайшее время находиться в обществе Огдена. Как вам это?

— Мне пора идти. — Миссис Шеридан направилась к двери. — Мистер Мэнник ждет меня.

— Минутку! Скажите, разве вы не думаете, что миссис Форд — самый подходящий опекун для Огдена? Вы же видели, как она любит его.

— Могу я быть с вами откровенной?

— Пожалуйста.

— Так вот, я думаю, что влияние миссис Форд для Огдена хуже всего. Мне жаль её, но это не пошатнет моего мнения. Только из-за миссис Форд Огден такой, какой он есть. Она испортила мальчика, потакая всем его капризам, пока он не стал, как вы сами сказали, противным.

— Ну ладно! — расхохоталась Синтия. — Я завела разговор о материнской любви только потому, что у вас такой вид, будто вас он трогает. Давайте бросим эту тему и перейдем к делу.

— Я вас не понимаю.

— Сейчас поймете. Может, вы думаете, что я похитила Огдена только из любви к миссис Форд? Да, мне нравится Неста, но не настолько. Мой лозунг — «по-ско-рей раз-бо-га-тей». Мне самой приходится заботиться о

себе, больше-то никто не позаботится. У меня дома кошмар. Отец умер, мать — сварливая ехидна, так что…

— Пожалуйста, остановитесь, — перебила миссис Шеридан. — Я не понимаю, зачем вы мне всё это говорите.

— Да всё вы прекрасно понимаете. Не знаю, сколько вам платит Форд, но вряд ли очень уж щедро. Почему бы вам не перейти на нашу сторону? Миссис Форд целый мир подарит, если вы опять украдете Огдена.

— Видимо, вы пытаетесь подкупить меня.

— В этом случае, — заверила Синтия, — видимость не обманывает. Да, пытаюсь.

— До свидания.

— Не будьте дурочкой. Дверь захлопнулась.

— Вернитесь! — закричала Синтия и шагнула было к двери, словно намереваясь догнать ушедшую, но тут же со смешком отказалась от этой мысли. Она села и снова принялась за иллюстрированную газету. Вскоре открылась дверь спальни. Вышла миссис Форд, прикладывая на ходу к глазам носовой платочек. Синтия вскинула на неё взгляд.

— Мне ужасно жаль, Неста. Миссис Форд подошла к окну.

— Я всё равно не сдамся, — отозвалась она. — И всё-таки это доказывает, что похищение возможно!

Синтия перевернула страницу.

— Я только что попыталась ее подкупить.

— О чем ты?

— Наобещала много чего от твоего имени этой секретарше. Но — не получилось. Я просила её вернуть нам Огдена поскорее, с уплатой по доставке, но она пронзила меня взором и удалилась.

— Да пусть её, — нетерпеливо пожала плечами миссис Форд. — Меня уже тошнит от дилетантов.

— Спасибо тебе, дорогая.

— О, я знаю, ты старалась, как могла. Для любителя ты справилась прекрасно. Но всё-таки настоящего успеха любителям не добиться. Мы пренебрегли десятками мелких предосторожностей. Нам требуется профессионал. Человек, для которого похищение — обыденность. Кто-то вроде Ловкача Фишера.

— Неста, дорогая, кто это? Мне кажется, я его не знаю.

— Он пытался похитить Огдена в 1906 году, когда мы жили в Нью-Йорке. По крайней мере, полиция приписала похищение ему, хотя доказать ничего не смогла. Потом был ещё один кошмарный субъект, по имени, как сказала полиция, Бак МакГиннис. Этот сделал попытку в 1907 году. В

Чикаго.

— Господи Боже! Да похищение Огдена — популярнее футбола! А я-то считала, что была первой.

— Вряд ли какого другого ребенка в Америке, — в голосе миссис Форд прозвучал оттенок гордости, — приходилось охранять так бдительно. Мало того, у похитителей даже и прозвище для него есть — они зовут его «Золотце ты наше». Долгие годы мы выпускали сына из дома только под охраной детектива.

— Значит, сейчас Форд всё поменял. Я не видела никаких детективов. Наверное, он считает, что в Англии они не нужны. А может, полагался на Бростера. Бедняжечка Реджи!

— Он, разумеется, проявил преступную небрежность, но это послужит ему хорошим уроком. Будет поосторожнее в будущем и не станет оставлять Огдена на милость любого, кому заблагорассудится заглянуть в дом.

— Что, кстати, не оставляет шанса для тебя. Теперь легко похитить мальчика не удастся.

— О, я оставила всякую надежду, — смиренно вздохнула миссис Форд.

— А я — нет!

В голосе у неё прозвучало нечто, заставившее её подругу резко обернуться. Миссис Форд напустила на себя смиренность, но женщиной она была целеустремленной. Недавнее поражение оставило её в синяках, но никоим образом не сломило.

— Синтия! О чем ты? На что ты намекаешь?

— Ты, Неста, презираешь любителей, но ведь и твои профессионалы не добились успеха. Потерпела я неудачу не из-за недостатка опыта, а из-за своего пола. Это мужская работа. Будь я мужчиной, у меня хотя бы хватило грубой силы, чтобы побороться, когда явился Мэнник.

Миссис Форд покивала.

— Да, но…

— Так как все эти твои Ловкачи, — продолжала Синтия, — провалились тоже, то, очевидно, единственный способ похитить Огдена — действовать изнутри. У нас должен быть свой человек во вражеском лагере.

— Это невозможно… — удрученно вздохнула миссис Форд.

— А вот и нет!

— Ты знаешь кого-то?

— Знаю.

— Синтия! О ком ты?

— Его зовут Питер Бернс.

— Никогда не слышала. — Миссис Форд покачала головой.

— Я тебя познакомлю. Он тебе понравится.

— Откуда ты знаешь, что он захочет помогать нам?

— Захочет ради меня, — Синтия запнулась. — Видишь ли, мы с ним помолвлены.

— Моя дорогая! Почему же ты не сказала мне? Когда это случилось?

— Вчера вечером, на танцах у Флетчера. Глаза миссис Форд округлились.

— Вчера? Так ты была на танцах? А сегодня два раза съездила по железной дороге? Ты, наверное, до смерти устала!

— Нет, ничего. Со мной всё в порядке, спасибо. Вчера я думала, что буду назавтра никуда не годной развалюхой. Но сейчас у меня такое чувство, будто я не устану никогда. Возможно, так действует помолвка.

— Расскажи мне про него.

— Ну, он богатый. Очень милый. — Синтия загибала пальцы, перечисляя достоинства жениха. — Я думаю, храбрый. И уж, конечно, не глупый, как Реджи Бростер.

— Ты сильно в него влюблена?

— Он мне нравится. Безвредный такой…

— Н-да, любовью ты не пылаешь.

— О, мы прекрасно поладим. Перед тобой, Неста, мне, слава Богу, притворяться не нужно. За это я тебя и ценю. Ты знаешь, какие у меня обстоятельства. Мне нужно выйти замуж за богатого, а Питер — самый приятный богач из всех моих знакомых. Он совсем не думает о себе. Я даже удивляюсь. С его-то деньгами можно было стать настоящим кошмаром.

У миссис Форд мелькнуло некое соображение.

— Но если он так богат… — начала она. — Фу, забыла, что я хотела сказать!

— Дорогая Неста, я знаю. Если он так богат, зачем ему жениться на мне? Он может выбирать из половины Лондона. Что ж, я скажу тебе. Женится он, во-первых, потому, что ему меня жалко. А во-вторых, потому, что у меня хватило ума. Он вообще ни на ком жениться не собирался. Несколько лет назад его бросила девушка. Дура, наверное. Он считал, что всю оставшуюся жизнь будет жить с разбитым сердцем. Я не могла этого допустить. Потребовалось много времени, больше двух лет, но я выиграла. Он очень сентиментален. Я давила на сочувствие. И вчера вечером

вынудила его сделать мне предложение.

Нельзя сказать, чтобы миссис Форд слушала эти откровения равнодушно. Несколько раз она порывалась прервать рассказчицу, но та только отмахивалась. Наконец она решительно перебила:

— Знаешь, ничего этого я говорить не собиралась. А тебе бы не следовало рассуждать так цинично, так ужасно о… о…

И вспыхнув, умолкла. Иногда она ненавидела Синтию. Это бывало, когда та вынуждала ее выставлять напоказ искренние чувства. Миссис Форд целых двадцать лет усиленно старалась забыть, что вышла замуж, когда работала продавщицей в иллинойском городишке, и от вспышек нецивилизованной искренности, характерных для её девических лет, ей становилось не по себе.

— Да, ничего подобного я говорить не собиралась, — повторила она.

Синтия расплылась в добродушной улыбке.

— Знаю. Я просто поддразнивала тебя. «Подкалывала» — так выражаются там, у вас?

Миссис Форд тут же смягчилась.

— Извини, Синтия, не хотела набрасываться на тебя. Но всё-таки… — Она заколебалась. То, что она хотела спросить, ужасно отдавало Механиксвиллем, но она все-таки не сдалась. Почему-то ее очень разволновала судьба неведомого мистера Бернса.

— Неужели ты совсем его не любишь?

— Конечно, люблю! — просияла Синтия. — Он такой душечка. Что ты, я его не брошу, я верна старому Питеру. Просто я хотела показать, какой он добрый. Он сделает для меня всё. Ну, так как же? Позондировать почву насчет Огдена?

Магическое имя отвлекло мысли миссис Форд от матримониальных дел мистера Бернса. Теперь он стал странствующим рыцарем. Она счастливо рассмеялась. Перспектива иметь защитника смягчила саднящую боль поражения. Бой с мистером Мэнником стал представляться ей легкой стычкой.

— Ты меня удивляешь! — сказала она. — Как же Бернс может помочь нам?

— Да очень просто. Ты слышала, как Мэнник читал телеграмму. Огдена отошлют в частную школу. И Питер поедет туда же.

— Не понимаю. Мы даже не знаем, какую школу выберет Мэнник.

— Но очень скоро можем узнать.

— А как же Бернс проникнет туда?

— Да запросто. Он скажет, что хочет открыть собственную школу.

Поедет к директору и предложит заплатить за то, чтобы поработать у него учителем. Директор ухватится за такое предложение. Это выгодная сделка. Питер не очень выучился в Оксфорде, но, по-моему, в разные игры играет просто замечательно. Для частной школы он — настоящее сокровище.

— А он пойдет на это?

— Я его уговорю.

Миссис Форд поцеловала подругу с жаром, какой до сих пор приберегала только для Огдена.

— Моя дорогая! — воскликнула она. — Если б ты знала, как я счастлива!

— Я знаю, — уверенно отозвалась Синтия. — А теперь ты можешь сделать то же самое для меня.

— Все, что угодно! Все, что угодно! Купи себе еще одну шляпку.

— Шляпки мне не нужны. Я хочу поехать с тобой на яхте лорда Маунтри.

— Видишь ли, — после легкой паузы ответила миссис Форд, — это не моя яхта.

— Да, конечно. Но ты можешь привезти меня с собой.

— Компания там будет очень маленькая. И тихая.

— Толпа меня утомляет. Я обожаю тишину. Миссис Форд сдалась.

— Ты мне, конечно, оказываешь огромную услугу. Ладно, ты поедешь со мной на яхте.

— Я скажу Питеру, пусть сейчас же приходит сюда, — просто отозвалась Синтия и пошла к телефону.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ
РАССКАЗ ПИТЕРА БЕРНСА

где другие заинтересованные стороны, среди них — Бак МакГиннис и его соперник Ловкач Фишер, строят другие планы для Золотца. А также о хитростях, грабежах и тревогах одного вечера в частной школе, и о поездке, заканчивающейся встречей влюбленных. Рассказ ведет Питер Бернс, праздный джентльмен, прерывающий свою праздность ради благой цели.

Глава I

1

Я придерживаюсь твердого мнения, что после двадцати одного года мужчине не следует просыпаться и вылезать из кровати в четыре часа утра. В двадцать лет, когда всё ещё впереди, жизнь можно безнаказанно крутить так и сяк, но в тридцать, когда жизнь уже становится беспокойной смесью прошлого и будущего, задумываться о ней можно лишь тогда, когда солнце поднимается и мир играет теплом, светом, весельем.

Такие мысли посетили меня, когда я вернулся после бала у Флетчеров. Только-только занималась заря, и в воздухе витала особая, присущая только Лондону пустынность зимнего утра. Дома казались мертвыми и необитаемыми. Прогрохотала мимо тележка, и бродячий черный кот крался по тротуару, усиливая уныние и заброшенность.

Меня пробила дрожь. Я устал, мне хотелось есть и после бурных эмоций ночи я затосковал.

Итак, я помолвлен. Час назад я сделал предложение Синтии Дрэссилис. Что ж, могу честно сказать, я и сам удивился.

С чего вдруг я так поступил? Люблю я её? Анализировать любовь трудно. А может, то, что я пытаюсь анализировать, и есть ответ на вопрос? Пять лет назад, когда я любил Одри Блейк, я ни в какие анализы не пускался. Я жил себе и жил в некоем трансе, совершенно счастливый, и не разнимал свое счастье на составные элементы. Но тогда я был на пять лет моложе, а Одри — это Одри.

Про Одри нужно объяснить, потому что она в свою очередь объясняет Синтию.

Никаких иллюзий насчет своего характера я тогда не питал. Природа одарила меня душой свиньи, а обстоятельства словно сговорились довершить работу. Я любил комфорт и мог себе позволить жить удобно. Как только я достиг совершеннолетия и освободил опекунов от забот о моих деньгах, я закутался в комфорт, как в теплый халат. Если между 21 и 25 годами у меня и промелькнула хоть одна неэгоистичная мысль или я совершил хоть один неэгоистичный поступок, я об этом не помню.

И вот в самый пик этой поры я обручился с Одри Блейк. Теперь, когда я понимаю её лучше и сужу о себе беспристрастно, я могу понять, как оскорбительно я себя вел. Любовь моя была настоящей, но нестерпимо обидной из-за моего снисходительного самодовольства. Я был как король Кофетуа. Да, вслух я не произносил: «Моей королевой станет нищенка», но всем своим поведением выражал это часто и ясно. Одри была дочерью беспутного и сварливого художника, с которым я познакомился в богемном клубе. Он зарабатывал на жизнь то случайными иллюстрациями к журнальным рассказам, то писанием картин, а в основном рисовал рекламу. Владельцы «Детского питания», не удовлетворившись простым сообщением, что «Младенец хочет есть», сочли необходимым втолковать это публике средствами искусства. Многочисленные творения Блейка часто встречались на последних страницах журналов.

На жизнь можно зарабатывать и так, но тогда поневоле вцепишься в богатого зятя. Мистер Блейк вцепился в меня, что оказалось одним из последних его поступков в этом мире. Через неделю после того, как он, судя по всему, вынудил Одри принять мое предложение, он умер от воспаления легких.

Смерть эта вызвала важные последствия. Из-за нее свадьбу отложили, а я стал вести себя совсем уж снисходительно, так как с исчезновением кормильца исчез и единственный изъян в роли короля Кофетуа. Наконец, она расширила для Одри возможности свободно выбрать мужа.

Об этом аспекте мне очень скоро пришлось узнать. Однажды вечером, когда я смаковал в клубе кофе и размышлял над тем, как замечательна жизнь в этом лучшем из миров, мне передали письмо. Оно оказалось совсем коротеньким, только суть: Одри вышла замуж за другого.

Сказав, что эта минута стала поворотным пунктом в моей жизни, я бы вас обманул. Она взорвала мою жизнь, в некотором смысле убила меня. Человек, которым я был прежде, умер в тот вечер, и оплакивали его немногие. Кем бы я ни был сегодня, я уж точно не тот самодовольный

созерцатель жизни, каким был до этого вечера.

Скомкав в руке письмо, я сидел посреди своего разрушенного свинарника, впервые столкнувшись с тем, что даже в лучшем из миров не все можно купить за деньги.

Припоминаю, что, пока я сидел так, ко мне подошел один мой клубный знакомец, от которого я не раз спасался бегством, и, устроившись рядом со мной, начал болтать. Человек он был невысокий, но с пронзительным голосом; такого не хочешь, а услышишь. Он тараторил и тараторил, а я ненавидел его, пытаясь думать под потоком слов. Теперь я понимаю, что он спас меня, отвлек от себя. Свежая рана кровоточила. Я силился осмыслить немыслимое. Я принимал без рассуждений, что Одри ко мне привязана. Она была естественным дополнением моего комфорта. Я нуждался в ней, я сам ее выбрал и был вполне доволен, а следовательно, всё было распрекрасно. И теперь мне приходилось принять невероятный факт, что я ее потерял.

Письмо Одри стало зеркалом, в котором я увидел себя. Сказала она мало, но я понял. Мое самоупоение разлетелось в клочья — и что-то еще, более глубокое. Теперь я понял, что любил ее, хотя и сам не знал, что способен на такую любовь.

А приятель всё говорил и говорил.

По-видимому, упорная, безостановочная речь более эффективна во время беды, чем молчаливое сочувствие. До определенного момента она бесит, но как только этот момент минует, начинает действовать успокаивающе. По крайней мере, так случилось со мной. Постепенно я обнаружил, что меньше ненавижу приятеля, вскоре стал прислушиваться, а там и откликаться. До ухода из клуба первая бешеная ярость поулеглась, и я побрел слабый, беспомощный, но спокойный, начинать новую жизнь.

Прошло три года, прежде чем я встретил Синтию. Эти годы я провел, скитаясь по разным странам. Наконец я снова прибился к Лондону, и снова стал вести жизнь, внешне похожую на ту, что вел до встречи с Одри. Мой прежний круг знакомств был широк, и я легко связал оборванные нити. Завел я и новых друзей и среди них — Синтию Дрэссилис.

Мне нравилась Синтия, и мне было жаль её. Приблизительно в то время, когда я встретил её, я испытывал жалость почти ко всем. Кто на собраниях общины возгорается верой сильнее всех? Дурной негр, конечно. В моем случае это приняло форму борьбы с себялюбием. Я никогда не умел делать что-то наполовину или, скажем, с чувством меры. Эгоистом я был до мозга костей. А теперь, когда судьба вышибла из меня этот порок, я

обнаружил, что проникся почти болезненным сочувствиям к чужим несчастьям.

Синтию мне было жаль чрезвычайно. Я часто встречал её мать и уже потому жалел ее. Миссис Дрэссилис — из тех, кто мне активно не нравится. Вдова, оставшаяся с кое-какими средствами, успешно соединяла алчность, ворчливость и жеманство. В Кенсингтоне полно подобных женщин. Подобно Старому Мореходу, они причитают: «Вода, вода, везде вода, а жажду не утолишь», только воду в их случае заменяют деньги. Деньги окружали миссис Дрэссилис со всех сторон, но получала она их редко и в мизерных количествах. Любой из её родственников по мужу мог бы, пожелай он, утроить её ежегодный доход без малейшего для себя ущерба, однако ни один не желал. Они ее не одобряли. По их мнению, высокородный Хьюго Дрэссилис женился на женщине ниже себя — не настолько ниже, чтобы женитьбу нельзя было упоминать, но все-таки ниже. Родственники относились к жене с холодной вежливостью, а к вдове — с почти ледяной.

Старший брат Хьюго граф Уэстберн никогда не любил красивую, но явно второсортную дочь провинциального адвоката, которую Хьюго представил семье одним памятным летом. Удвоив доход от страховки и приглашая Синтию раз в год в семейное гнездо, когда та была маленькой, он сделал всё, что от него ожидали. По крайней мере, так он считал.

Он, но не миссис Дрэссилис. Она рассчитывала на гораздо большее. И крах надежд погубил её характер, внешность, а заодно спокойствие всех, кто хоть как-то соприкасался с ней.

Меня раздражало, когда я случайно слышал, как люди называли Синтию жесткой. Сам я жесткости в ней не замечал, хотя, видит Бог, на её долю пришлось достаточно испытаний. Для меня она всегда была милой и приветливой.

Дружба наша была безопасной. Наши умонастроения настолько совпадали, что у меня и порыва не возникало влюбиться. Я слишком хорошо её знал, мне не предстояло сделать никаких открытий. Я всегда мог легко читать в её честной и простой душе. Не осталось ни капельки того ощущения, что есть нечто скрытое, а именно это обычно ведет к любви. Мы достигли границ дружбы, переходить которые никто из нас не желал.

И вдруг на балу у Флетчеров я предложил Синтии выйти за меня замуж, а она согласилась.

Оглядываясь назад, я вижу, что, хотя непосредственный толчок дал Тэнкервилл Гиффорд, вся ответственность лежит на Одри. Она сделала

меня человечным, способным на сочувствие, а именно сочувствие и заставило меня выговорить те слова.

Но непосредственной причиной был, конечно, молодой Гиффорд.

На Марлоу Сквер, где жили Синтия с матерью, я чуть опоздал и нашел ярко разодетую миссис Дрэссилис в гостиной с бледным молодым человеком. Звался он Тэнкервилл Гиффорд, а для его близких друзей, в число которых я не входил, — Тэнки. Так же его именовали и в личных колонках глянцевых спортивных еженедельников.

Я частенько встречал его в ресторанах. Однажды в «Эмпайре» кто-то нас познакомил. Но он был нетрезв, и упустил интеллектуальное удовольствие, какое могло ему доставить знакомство со мной. Как всякий, кто вращается в лондонских кругах, я знал про него всё. Краткая его характеристика — грубиян и хам и, не принадлежи гостиная миссис Дрэссилис, я бы удивился, найдя его тут.

Хозяйка представила нас друг другу.

— Мне кажется, мы знакомы, — заметил я. Он посмотрел на меня стеклянным взором.

— Не припоминаю. Я ничуть не удивился.

В эту минуту вошла Синтия. Уголком глаза я заметил, что на лице Тэнки отразилось смутное неудовольствие, поскольку она явно мне обрадовалась.

Выглядела она потрясающе: высокая, эффектная, с прекрасными манерами. Простое платье смотрелось ещё благороднее в сравнении с кричащим блеском матери. Черный цвет красиво оттенял чистую белизну её лица и светло-золотистые волосы.

— Вы опоздали, Питер, — взглянула она на часы.

— Знаю. Виноват.

— Ну, пора и двигаться, — вступил Тэнки. — Мое такси ждет.

— Позвоните, пожалуйста, мистер Гиффорд, — попросила миссис Дрэссилис. — Я прикажу Паркеру подозвать еще одно.

— Повезите меня в своем, — услышал я шепот в самое ухо.

Я оглянулся на Синтию. Выражение её лица не переменилось. Потом я перевел взгляд на Тэнки и понял все. Я уже замечал выражение дохлой рыбы на его лице, когда меня знакомили с ним в «Эмпайре».

— Вы с мистером Гиффордом можете ехать в моем такси, — предложил я миссис Дрэссилис, — а мы поедем следом.

Миссис Дрэссилис отвергла предложение. Мне показалось, что резкую нотку в ее голосе Тэнки не заметил, но для меня она прозвучала пронзительно, как пение горна.

— Я не тороплюсь! — заявила она. — Мистер Гиффорд, вы отвезете Синтию? А мы с мистером Бернсом поедем следом. Встретите Паркера на лестнице, прикажите ему вызвать другое такси.

Когда дверь за ними закрылась, она накинулась на меня, точно разноцветная змея.

— Как вы можете, Питер, быть таким удивительно бестактным? — закричала она. — Вы тупица! У вас, что, глаз нет?

— Простите… — забормотал я

— Он ведь обожает её!

— Очень жаль.

— Почему это?

— Мне жалко Синтию.

Она точно сжалась внутри платья. Глаза у неё сверкали. Во рту у меня пересохло и бурно заколотилось сердце. Оба мы разозлились не на шутку. Такая минута зрела уже давно, и мы оба знали это. Лично я был рад, что она наступила. Когда человека глубоко затрагивает что-то, великое облегчение высказаться напрямую.

— О-о, — выдохнула она наконец, и голос её дрожал. Она изо всех сил старалась удержать контроль над собой. — Ах, что вам до моей дочери, мистер Бернс!

— Она мой большой друг.

— Что ж, очень по-дружески погубить ее единственный шанс.

— Если шанс — мистер Гиффорд, то да.

— Что вы имеете в виду? — едва не задохнулась она. — Я всё вижу, все понимаю. Я намерена положить этому коней. Слышите? Если я впустила вас в дом, если вам позволено приходить и уходить, когда вам вздумается, как домашнему коту, то вы возомнили…

— Я возомнил… — подсказал я.

— Что можете встать на пути Синтии. Пользуетесь тем, что давно нас знаете, и монополизируете её внимание. Вы губите ее шансы. Вы…

Тут появился бесценный Паркер и сообщил, что такси ждет у дверей.

До дома Флетчеров мы доехали в молчании. Ни один из нас не сумел воскресить тот первый бесшабашный восторг, который нес нас через начальные стадии конфликта, а продолжать ссору в менее вдохновенном состоянии было невозможно. Мы наслаждались блаженным периодом отдыха между раундами.

Когда я вошел в бальный зал, как раз заканчивался вальс. Синтия, статуя в черном, кружилась с Тэнки. Когда музыка смолкла, они оказались как раз напротив меня. Оглянувшись через плечо, она меня заметила и,

высвободившись, быстро двинулась ко мне.

— Уведите меня, — тихонько попросила она. — Куда угодно! Быстрее!

Было не до того, чтобы соблюдать этикет бального зала. Тэнки, ошарашенный внезапно наступившим одиночеством, силился, судя по выражению его лица, сосредоточиться на решении загадки. Пара, направлявшаяся к двери, загородила нас от него, и мы вслед за ней выскользнули из зала.

Оба мы молчали, пока не дошли до маленькой комнатки, где я раньше размышлял.

Синтия присела, бледная и несчастная.

— О, Боже! — вздохнула она.

Я понял. Мне воочию представилась её поездка в такси, эти танцы, кошмарные перерывы между ними… Всё случилось внезапно.

Я взял ее за руку. Она с измученной улыбкой повернулась ко мне. В глазах у неё блестели слезы… Я услышал свои слова…

Сияющими глазами Синтия смотрела на меня. Всю её усталость как рукой сняло.

Я смотрел на нее. Чего-то недоставало. Я почувствовал, еще когда говорил, что голосу моему не хватает убежденности. И тут я понял, в чем дело. Не было таинственности. Мы слишком хорошо знали друг друга. Дружба убивает любовь.

Синтия выразила мои мысли словами.

— Мы всегда были как брат и сестра, — с сомнением проговорила она.

— До сегодняшнего вечера.

— А сегодня что-то переменилось? Я действительно вам нужна?

Нужна ли? Я пытался задать этот вопрос себе и ответить честно. Да, в некотором роде сегодня я переменился. Добавилось восхищение её хрупкостью, обострилась жалость. Всем сердцем мне хотелось помочь ей, избавить от жуткого окружения, сделать счастливой. Но нужна ли она мне в том смысле, в каком она употребила это слово? Скажем так, как Одри? Я поморщился. Одри канула в прошлое, но мне было больно вспоминать о ней. Быть может, огонь погас оттого, что я стал на пять лет старше? Я прогнал всякие сомнения.

— Да, сегодня вечером я переменился. — И наклонившись, я поцеловал Синтию. У меня было такое чувство, будто я бросаю кому-то вызов. А потом я понял, что бросаю вызов себе.

Я налил горячего кофе из фляжки, которую Смит, мой слуга, наполнил для меня к моему возвращению. Кофе вдохнул в меня жизнь, угнетенность исчезла. Но осталось саднящее беспокойство, дурное предчувствие на самом донышке души.

Я сделал шаг в темноте. Я боялся за Синтию. Я взялся дать ей счастье. Уверен ли я, что мне это удастся? Рыцарский пыл угас, и зашевелились сомнения.

Одри отняла у меня то, чего я не мог возродить. Мечту, вот, пожалуй, самое точное определение. С Синтией я всегда буду стоять на твердой земле. К концу главы мы станем друзьями. И ничего больше.

Я обнаружил, что испытываю к Синтии острую жалость. Её будущее со мной виделось мне как долгие годы невыносимой скуки. Она слишком хороша, чтобы связывать свою жизнь с опустошенным человеком.

Я хлебнул еще кофе, и настроение переменилось. Даже в серое зимнее утро мужчина тридцати лет и отменного здоровья не может долго прикидываться развалиной, да еще если он утешается горячим кофе.

Моя душа обрела равновесие. Я посмеялся над собой, сентиментальным обманщиком. Разумеется, я могу сделать её счастливой. Ни одна другая пара не подходит друг другу лучше. А что до первого крушения, которое я раздул до настоящей трагедии, это просто эпизод моей юности. Смехотворный случай, который я отныне изгоню из своей жизни.

Я быстро подошел к столу и вынул фотографию.

Нет, четыре часа утра — определенно не то время, чтобы человек проявлял целеустремленность и решительность. Я дрогнул. Я намеревался порвать фото в клочки без единого взгляда и выбросить в мусорную корзинку. Но взглянул и заколебался.

Девушка на снимке, невысокая и нежная, смотрела прямо на меня большими глазами, с вызовом встречавшими мой взгляд. Как хорошо я помнил эти ирландские синие глаза под выразительными бровями. Как точно поймал фотограф этот полумечтательный, полудерзкий взгляд, вздернутый подбородок, изогнувшиеся в улыбке губы.

Все мои сомнения снова нахлынули. Только ли сентиментальность тому причиной, дань предутренней тоске по улетающим годам или Одри и вправду заполонила мою душу и стояла стражем у входа, чтобы ни одна преемница не могла захватить её место?

Ответа не было, если не считать ответом то, что я снова убрал фото на прежнее место. Решать сейчас нельзя, чувствовал я. Всё оказалось труднее, чем мне представлялось.

Когда я лег в постель, ко мне вернулась прежняя мрачность. Я беспокойно, долго крутился, ожидая сна.

После пробуждения последняя связная мысль всё так же ясно сидела у меня в голове. Это была жаркая клятва — пусть будет что будет, пусть эти ирландские глаза преследуют меня до самой смерти, но я останусь верным Синтии!

2

Телефонный звонок раздался как раз тогда, когда я собирался ехать на Марлоу Сквер, сообщить миссис Дрэссилис о положении дел. Синтия, наверное, уже рассказала ей новость, это до некоторой степени снимет неловкость разговора, но воспоминание о вчерашней стычке мешало мне радоваться новой встрече.

Когда я снял трубку, то услышал голос Синтии.

— Алло, Питер, это вы? Я хочу, чтобы вы немедленно приехали.

— Я как раз выходил.

— Нет, не на Марлоу Сквер. Я не там. Я в «Гвельфе». Спросите люкс миссис Форд. Это очень важно. Всё расскажу при встрече. Приходите скорее.

Для визита в отель «Гвельф» моя квартира расположена лучше некуда. Пешком я дошел туда за две минуты. Люкс миссис Форд располагался на третьем этаже. Я позвонил, и мне открыла Синтия.

— Входите! Какой вы милый, что так быстро.

— Да я живу прямо за углом.

Она закрыла дверь, и мы в первый раз взглянули друг на друга. Не могу сказать, чтобы я нервничал, но определенно чувствовал некую странность. Прошлый вечер представлялся далеким и чуточку нереальным. Наверное, я это как-то показал, потому что Синтия вдруг нарушила повисшую паузу коротким смешком.

— Питер, да вы смущаетесь!

Я пылко, но без подлинной убежденности бросился отрицать обвинение, хотя и вправду был смущен.

— А должны бы, — заключила она. — Вчера, когда я выглядела необыкновенно красивой в своем новом платье, вы сделали мне предложение. Теперь вы снова смотрите на меня спокойными глазами и, наверное, прикидываете, как бы пойти на попятную, не ранив моих чувств?

Я улыбнулся, Синтия — нет. Перестал улыбаться и я. Она смотрела на

меня как-то непонятно.

— Питер, — серьезно спросила она, — вы уверены?

— Моя дорогая! Ну что это с вами?

— Вы действительно уверены? — настаивала она.

— Абсолютно. Целиком и полностью. — Передо мной мелькнуло видение больших глаз, глядящих на меня с фото. Мелькнуло и исчезло. Я поцеловал Синтию.

— Какие у вас пышные волосы, — заметил я. — Настоящее безобразие их прятать. — Она не откликнулась. — Сегодня, Синтия, вы в странном настроении, — продолжал я. — Что случилось?

— Я думаю.

— Не надо. Ну что такое? — Меня осенило. — А! Миссис Дрэссилис рассердилась из-за…

— Да нет, мама в восторге. Вы ей всегда нравились. Я с трудом скрыл усмешку.

— Тогда что же? — допытывался я. — Устали после танцев?

— Нет, не так всё просто.

— Так расскажите.

— Трудно всё передать словами…

— А вы попробуйте.

Отвернувшись, Синтия поиграла с бумагами на столе. Помолчала с минуту.

— Я очень тревожилась, Питер, — наконец приступила она. — Вы такой рыцарственный, жертвенный. Истинный Дон Кихот. Меня тревожит, что вы женитесь на мне только из-за того, что вам меня жаль. Так? Нет, молчите. Я расскажу сама, если позволите мне высказать, что у меня на душе. Мы уже два года знаем друг друга. Вам обо мне известно всё. Вы знаете, как… как я несчастлива дома. Вы женитесь на мне, потому что хотите вытащить меня оттуда?

— Моя дорогая!

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Я ответил на него две минуты назад, когда вы спрашивали…

— Так вы меня любите?

— Да.

Все это время Синтия отворачивала от меня лицо, но теперь обернулась и пристально взглянула мне в глаза. Сознаюсь, я даже вздрогнул. Её слова поразили меня еще больше:

— Питер, вы любите меня так же сильно, как любили Одри Блейк?

В минуту, отделившую её слова от моего ответа, ум у меня метался

туда-сюда, силясь припомнить, при каких же обстоятельствах я упоминал при ней Одри. Я был уверен, что ни при каких. Я никогда ни с кем не говорил про Одри.

В каждом, даже самом уравновешенном человеке таится зернышко зловещих суеверий. А я не особенно уравновешен, и у меня их не один гран. Я был потрясен. С той самой минуты, как я сделал Синтии предложение, мне казалось, будто призрак Одри вернулся в мою жизнь.

— Господи Боже! — вскричал я. — Что вы знаете про Одри?

Она снова отвернулась.

— Видимо, это имя сильно вас задело.

— Если спросить старого солдата, — пустился я в оправдания, — он скажет, что рана даже спустя долгое время порой причиняет боль.

— Нет. Если она действительно зажила.

— Да. Даже когда зажила и когда ты едва помнишь, по какой глупости ее получил.

Синтия молчала.

— Откуда вы услышали… про неё? — спросил я.

— Когда мы только что познакомились, а, может, вскоре после этого я случайно разговорилась с вашим другом, и он рассказал мне, что вы были помолвлены с девушкой по имени Одри Блейк. Он должен был быть вашим шафером, но вы написали ему, что свадьба отменяется. А потом вы исчезли, и никто целых три года вас не видел.

— Да. Всё это правда.

— Роман у вас, Питер, был серьезным. Такой роман трудно забыть.

Я вымученно улыбнулся, улыбка получилась не очень убедительной. Мне не хотелось обсуждать Одри.

— Забыть почти невозможно, — согласился я, — разве что у человека на редкость плохая память.

— Я не об этом. Вы понимаете, что я подразумевала под «забыть»?

— Да, — откликнулся я, — понимаю.

Синтия быстро подошла ко мне и, взяв за плечи, заглянула мне в лицо.

— Питер, вы можете честно мне сказать, что забыли её, — в том смысле, какой подразумеваю я?

— Да.

И опять на меня нахлынуло прежнее чувство — то странное ощущение, будто я бросаю вызов самому себе.

— Она не стоит между нами?

— Нет.

Выговорил я это слово с усилием, словно какая-то частичка

подсознания изо всех сил мешала мне.

На лице у Синтии появилась ласковая улыбка. Она подняла ко мне голову, и я обнял её, но она отодвинулась с легким смешком. Всё её поведение переменилось. Совсем другая девушка серьезно смотрела мне в глаза.

— Ой-ой, какие у вас мускулы! Вы прямо смяли меня. Наверное, вы превосходно играли в футбол, как и мистер Бростер.

Ответил я не сразу. Я не мог упаковать сильные эмоции и сунуть их на полку, как только в них отпала надобность. Я медленно приспосабливался к новой тональности разговора.

— Кто такой Бростер? — наконец поинтересовался я.

— Учитель, — она развернула меня и ткнула пальцем на стул — вот этого.

Портрет, стоявший на стуле, я заметил, еще когда входил, но не особо к нему приглядывался. Теперь я всмотрелся повнимательнее. Очень грубо написанное изображение на редкость противного мальчишки лет десяти-одиннадцати.

— Да? Вот бедняга! Что ж, у всех свои неприятности. А кто этот юный головорез? Не ваш друг, я надеюсь?

— Это Огден. Сын миссис Форд. Тут истинная трагедия.

— Может, это он только на портрете такой. Мальчишка и вправду косит или его так художник увидел?

— Не смейтесь. Сердце Несты разбито. Она потеряла этого мальчика.

Я смутился.

— Он умер? Виноват, виноват. Ни за что не стал бы…

— Да нет, он жив-здоров. Но для нее — умер. Суд отдал его под опеку папаши.

— Суд?

— Миссис Форд была женой Элмера Форда, американского миллионера. Они развелись год назад.

— Понятно.

Синтия неотрывно смотрела на портрет.

— Этот мальчик — в своем роде знаменитость. В Америке его называют «Золотце ты наше».

— Почему же?

— Так уж прозвали похитители. Его много раз пытались похитить.

Замолчав, она непонятно взглянула на меня.

— А сегодня, Питер, сделала попытку и я. Поехала в деревню, где жил мальчик, и похитила его.

— Синтия! Господи, что вы говорите?

— Разве вы не поняли? Я сделала это ради Несты. У нее разрывалось сердце из-за того, что она не могла видеть сына. Вот я и украла его, прокравшись в дом. И привезла сюда.

Не знаю, отразилось ли на лице всё мое изумление. Надеюсь, нет, потому что у меня просто ум за разум зашел. Полнейшее хладнокровие, с каким Синтия рассказывала об этой выходке, совершенно сбивало меня с толку.

— Вы шутите?

— Нет. Я правда его украла.

— Господи Боже! А закон! Ведь это уголовное преступление!

— Ну, а я это сделала. Людям вроде Элмера Форда нельзя доверять опеку над ребенком. Вы его не знаете, а он бессовестный финансист, только и думает о деньгах. Мальчику нельзя расти в такой атмосфере в самом впечатлительном возрасте. Это погубит все доброе, что в нем есть.

Мой ум все еще беспомощно увязал в юридическом аспекте дела.

— Но, Синтия, похищение — это похищение! Закон не принимает во внимание мотивов. А если бы вас поймали…

Она резко перебила меня:

— А вы, Питер, побоялись бы пойти на это?

— Ну… — промямлил я. Такой вариант мне и в голову не приходил.

— Я не верю, чтобы вы на это решились. Но если я попрошу вас, то ради меня…

— Синтия, похищение — это… Это низость.

— Я же ее сделала. Разве вы презираете меня? Никакого достойного ответа придумать я не мог.

— Питер, — продолжала она, — я понимаю ваши муки совести. Но разве вы не видите, что наше похищение в корне отличается от обычных, которые вам, естественно, противны? Мы лишь увозим мальчика из окружения, которое наносит ему вред, к матери, которая его обожает. Здесь нет ничего дурного. Наоборот, это замечательно!

Синтия приостановилась.

— Питер, вы сделаете это ради меня?

— Я не понимаю, — слабо противился я. — Это ведь уже сделано. Вы же сами похитили его.

— Да, но меня выследили, и его увезли обратно! И теперь я хочу, чтобы попытались вы. — Она подошла ко мне ближе. — Питер, неужели вы не понимаете, что будет означать для меня, если вы согласитесь? Я всего лишь человек, и в глубине души невольно ревную к Одри Блейк. Нет,

ничего не говорите. Словами меня не излечить. Вот если бы вы решились на похищение ради меня, я успокоюсь. Тогда я буду уверена.

Она стояла совсем близко от меня, держа меня за руку и заглядывая мне в лицо. Ощущение нереальности, преследовавшее меня с той минуты на танцах, нахлынуло с новой силой. Жизнь перестала быть упорядоченной, когда один день спокойно сменяется другим без треволнений и происшествий. Теперь ее ровный поток забурлил стремнинами, и меня закрутило на них.

— Питер, вы сделаете это? Скажите «да»! Голос, вероятно — мой, ответил:

— Да…

— Дорогой мой!

Толкнув меня в кресло, Синтия присела на подлокотник, сжала мою руку и заговорила поразительно деловито:

— Слушайте. Я расскажу, как мы всё организуем.

У меня, пока она рассказывала, родилось ощущение, что она с самого начала была уверена в самой существенной детали её плана — моем согласии. У женщин так развита интуиция.

3

Оглядываясь назад, я могу установить точно момент, после которого вся эта безумная авантюра, в какую я ввязался, перестала быть больным сновидением, от которого я смутно надеялся очнуться, и приняла форму ближайшего будущего. Этот момент — наша встреча с Арнольдом Эбни в клубе.

До тех пор вся затея представлялась мне чисто иллюзорной. Я узнал от Синтии, что Огдена скоро отправят в частную приготовительную школу. Я должен проникнуть туда и, улучив момент, выкрасть мальчишку. Но мне казалось, что помехи на пути этого ясного плана непреодолимы. Во-первых, как мы узнаем, какую из миллиона частных школ Англии выберет мистер Форд или мистер Мэнник? Во-вторых, интрига, с помощью которой предполагалось, что я триумфально внедрюсь в школу, когда (или если) мы найдем её, представлялась мне совершенно невероятной. Я должен буду выступить, наставляла меня Синтия, в роли молодого человека с деньгами, желающего выучиться делу, чтобы организовать такую школу самому. Возражение было одно — я абсолютно ничего подобного не желал. У меня и внешность совсем не та, не похож я на человека с такими замыслами. Всё

это я изложил Синтии.

— Меня за один день разоблачат, — убеждал я. — Человек, который желает открыть школу, должен быть… ну, башковитым. Я же ничего не знаю.

— Вы кончили университет.

— Н-да, кончил. Только все забыл.

— Неважно. У вас есть деньги. Любой, у кого есть деньги, может открыть школу. Никто не удивится.

Это показалось мне чудовищным поклепом на нашу образовательную систему, но по размышлении я признал правоту Синтии. Владелец частной школы, если он человек богатый, не должен преподавать, так же как импресарио не должен писать пьесы.

— Ладно, это пока что оставим, — сказал я. — Но вот настоящая проблема. Как вы намереваетесь узнать, какую школу выбрал Форд?

— Да я уже выяснила, вернее, выяснила Неста. Она наняла частного сыщика. Всё оказалось очень просто. Огдена посылают к некоему мистеру Эбни. Название школы — «Сэнстед Хаус». Это где-то в Хэмпшире. Совсем небольшая школа, но там полно маленьких графчиков, герцогинят и тому подобное. Младший брат лорда Маунтри Огастес Бэкфорд тоже учится там.

Лорда Маунтри и его семью я хорошо знал несколько лет назад. Огастеса припоминал смутно.

— Маунтри? Вы его знаете? Он учился со мной в Оксфорде. Синтия заинтересовалась.

— А что он за человек?

— Очень неплохой. Немножко глуповатый. Давно его не видел.

— Он друг Несты. Я встретила его однажды. Он станет вам рекомендацией.

— Кем-кем?

— Вам же понадобится рекомендация. По крайней мере, я так думаю. Ну и вообще, если вы скажете, что знакомы с лордом Маунтри, то будет проще договариваться с Эбни, ведь этот Огастес в его школе.

— А Маунтри все известно? Вы ему рассказали, зачем я хочу поехать в школу?

— Не я, Неста. Он решил, что вы поступаете как настоящий мужчина. Мистеру Эбни он скажет всё, что нам понадобится. Кстати, Питер, вам придется заплатить что-то директору. Неста, конечно, оплатит расходы.

Тут я в первый и единственный раз выступил с твердым заявлением:

— Нет. Она, конечно, очень добра, но все это — любительская затея.

Я иду на это ради вас, и за всё заплачу сам. Господи! Вообразить только, ещё и деньги за такую работу брать!

— Вы такой милый, Питер. — Синтия взглянула на меня довольно странно и после легкой паузы сказала: — Ну, а теперь — за дело.

И мы вместе состряпали письмо, в результате которого и состоялась двумя днями позже важная встреча в клубе с Арнольдом Эбни, магистром гуманитарных наук из «Сэнстед Хауса», Хэмпшир.

Мистер Эбни оказался долговязым, вкрадчивым, благожелательным человеком с оксфордскими манерами, высоким лбом, тонкими белыми руками и воркующей интонацией. В общем, он производил впечатление скрытой важности, точно постоянно находился в контакте с великими. Было в нем нечто от семейного адвоката, которому поверяют свои секреты герцоги, и что-то от капеллана королевского замка.

Ключ к своему характеру он раскрыл в первую же минуту нашего знакомства. Мы только что уселись за стол в курительной, когда мимо прошаркал пожилой джентльмен, бегло кивнув нам на ходу. Мой собеседник тут же, чуть ли не конвульсивно вскочив на ноги, ответил на поклон и снова медленно опустился в кресло.

— Герцог Дивайзис, — полушепотом сообщил он. — Достойнейший человек. Крайне. Его племянник лорд Роналд Стоксхей был одним из моих учеников. Замечательный юноша.

Я заключил, что в груди мистера Эбни еще горит старый феодальный дух.

Мы приступили к делу.

— Итак, мистер Бернс, вы желаете стать одним из нас? Войти в гильдию преподавателей?

Я попытался изобразить, будто только того и жажду.

— Что ж, при определенных обстоятельствах, в которых… э… могу сказать, нахожусь и я сам, нет более радостной профессии. Работа наша очень важна. А как поразительно наблюдать за развитием молодых жизней! Что там, помогать им развиваться. В моем случае, могу добавить, существует дополнительный интерес — в моей школе формируются умы мальчиков, которые в один прекрасный день займут место среди наследственных законодателей, этой маленькой кучки энтузиастов, которые, несмотря на вульгарные атаки крикунов-демагогов, по-прежнему вносят свою лепту, и немалую, в благосостояние Англии. Н-да…

Он приостановился. Я сказал, что придерживаюсь того же мнения.

— Вы ведь выпускник Оксфорда, мистер Бернс? По-моему, так вы

писали? А-а, вот ваше письмо. Да, именно. Вы учились в… э… а, да. Прекраснейший колледж. И декан его — мой старинный друг. Может, вы знали моего бывшего ученика лорда Ролло? Хотя нет, он учился там после вас. Превосходнейший юноша. Изумительный… Вы получили степень? Да, получили. И представляли университет в командах крикета и регби. Чудесно! Mens sana in… э… corpore sano.[1] О, как это верно!

Бережно сложив письмо, он снова убрал его в карман.

— Ваша главная цель поступления в мою школу, мистер Бернс, как я понимаю… э… узнать основы дела. У вас мало или совсем нет опыта?

— Нет, никакого.

— Следовательно, лучше всего для вас, несомненно, поработать какое-то время учителем. Таким образом вы получите глубокие знания, научитесь ориентироваться в лабиринтах нашей профессии, что сослужит вам хорошую службу, когда вы станете организовывать собственную школу. Учительству можно научиться только на практике. «Только те, кто… э… смело встречает опасности, постигают её тайну». Да, я, безусловно, рекомендовал бы вам начать с нижней ступеньки, покрутиться хотя бы какое-то время в колесе практики.

— Конечно, — покивал я. — Само собой.

Он остался доволен моим согласием. Я заметил, что директор облегченно вздохнул. Думаю, он ожидал, что я заартачусь, услышав о практической работе.

— Так совпало, — продолжил он, — что мой учитель классических языков уволился в конце последнего семестра. Я хотел обратиться в агентство, когда получил ваше письмо. Как вы считаете, вы… э…

Мне надо было подумать. Я чувствовал добрую расположенность к Арнольду Эбни, и мне не хотелось наносить ему слишком существенный урон. Я намеревался украсть у него мальчишку, который, как ни формируй его ум, не превратится в законодателя страны, но, несомненно, вносил свою лепту в ежегодный доход директора и не желал усугублять свое преступление, выступая к тому же и в роли бесполезного учителя. Что ж, рассудил я, пусть я и не Джоуитт,[2] но все-таки латынь и греческий знаю достаточно и сумею обучить начаткам этих языков маленьких мальчиков. Совесть моя успокоилась.

— С радостью, — ответил я.

— Ну и отлично. Тогда давайте считать, что это… э… решено, — заключил мистер Эбни.

Повисла пауза. Мой собеседник начал чуть беспокойно поигрывать

пепельницей. Я недоумевал, в чем дело. А потом меня осенило. Мы подошли к низменному — нам предстояло обсудить условия.

Поняв это, я сообразил, как смогу бросить еще одну подачку своей требовательной совести. В конце концов, всё дело упиралось в твердые деньги. Похитив Огдена, я лишу мистера Эбни денег, но, выплатив вознаграждение, верну их.

Я быстренько прикинул: сейчас Огдену около тринадцати лет. Возрастной предел в приготовительной школе приблизительно до пятнадцати. В любом случае пестовать его «Сэнстед Хаус» мог только один год. О гонораре мистера Эбни придется догадываться. Для гарантии я определил сумму по максимуму и, сразу переходя к сути, назвал цифру.

Она оказалась вполне удовлетворительной. Моя мысленная арифметика была достойна похвалы. Мистер Эбни просиял. За чаем с пышками мы с ним подружились. Я и вообразить не мог, что существует столько теорий преподавания, сколько я услышал за эти полчаса.

Распрощались мы у парадной двери клуба. Эбни сиял благостной улыбкой с крыльца.

— До свидания, мистер Бернс, до свидания. Встретимся при… э… Филиппах.[3]

Добравшись домой, я вызвал звонком Смита.

— Смит, — сказал я, — завтра вы первым делом купите для меня кое-какие книги. Названия лучше записать.

Слуга послюнил карандаш.

— Латинская грамматика.

— Да, сэр.

— Греческая грамматика.

— Да, сэр.

— «Легкие переложения в прозе» Бродли Арнольда.

— Да, сэр.

— И «Галльская война» Цезаря.

— Не уловил имя, сэр.

— Це-зарь.

— Спасибо, сэр. Что-нибудь еще?

— Нет, это всё.

— Хорошо, сэр.

И он бочком удалился из комнаты.

Слава Богу, Смит всегда считал меня сумасшедшим, а потому никаким моим просьбам не удивляется.

Глава II

«Сэнстед Хаус» был внушительным строением в георгианском стиле. Квадратный дом стоял посередине участка в девять акров. Как я узнал, прежде дом был частным владением и принадлежал семье по фамилии Бун. В свои ранние дни поместье было обширным, но течение лет внесло перемены в жизнь Бунов. Из-за денежных потерь им пришлось продать часть земли. Появились новые дороги, отрезая порции от участка. Новые способы путешествий увлекли членов семьи из дома. Прежняя устоявшаяся жизнь деревни тоже переменилась, и в конце концов последний из Бунов пришел к заключению, что содержать такой большой и дорогой дом не стоит.

Превращение дома в школу было естественным. Для обычного покупателя он был слишком велик, а поместье, уменьшившись в размерах, стало неподходящим для богачей. Полковник Бун был рад продать дом мистеру Эбни, и школа начала свое существование.

Для школы здесь имелись все необходимые условия. Дом стоял на отшибе. Деревня находилась в двух милях от его ворот. Неподалеку море. Площадка для игры в крикет, поле для футбола, а внутри дома — множество комнат самых разных размеров, подходящих и для классов, и для спален.

Когда я приехал туда, помимо мистера Эбни, меня самого, еще одного учителя по имени Глоссоп и домоправительницы в доме жили 24 мальчика, дворецкий, кухарка, слуга на все руки и две служанки, одна помогала на кухне, вторая прислуживала за столом. В общем, настоящая маленькая колония, отрезанная от внешнего мира.

Кроме мистера Эбни и Глоссопа, унылого, нервного и манерного человека, я перекинулся словом в мой первый вечер с Уайтом, дворецким. Есть люди, которые нравятся с первого взгляда. Уайт был таким. Даже для дворецкого он обладал поразительно приятными манерами, но у него не было суровой холодности, какую я замечал у его коллег.

Он помог мне распаковать вещи, а между делом мы болтали. Был он среднего роста, плотный и мускулистый, и двигался с прытью, не свойственной дворецким. Из некоторых оброненных им замечаний я сделал вывод, что он много путешествовал. В общем, Уайт заинтересовал меня. У него было чувство юмора, а те полчаса, что я провел с Глоссопом, заставили меня ценить юмор. Я выяснил, что он, как и я, тут новичок. Его

предшественник неожиданно уволился летом, и Уайт нанялся на работу приблизительно в одно время со мной. Мы согласились, что местечко симпатичное. Уайт, как я понял, считал уединенность плюсом. Ему не очень нравилось деревенское общество.

На следующее утро в восемь часов началась моя работа. В первый же день все мои представления об учителе частной школы перевернулись. До сих пор я считал, что время эти учителя проводят играючи. Но я смотрел со стороны. Мое мнение складывалось из наблюдений, сделанных в моей частной школе, когда учителя принадлежали к касте, вызывающей зависть. Им завидовали все — спать они ложились, когда хотели, не делали уроков, их не могли высечь тростью. Тогда мне представлялось, что эти три фактора, в особенности последний, — чудесный фундамент для Идеальной Жизни.

Я не пробыл в «Сэнстед Хаусе» и двух дней, как в душу мне начали заползать сомнения. Мальчик, видящий, что учитель стоит и ничего не делает (как заманчиво!), не подозревает, что на самом деле бедолага поставлен в крайне тяжелые рамки. Он выполняет обязанности учителя, а выполнять их обязанности нелегко, особенно человеку вроде меня, который до сей поры жил привольно и беззаботно, защищенный от мелких неурядиц существенным доходом.

«Сэнстед Хаус» открыл мне глаза. Он меня ошеломил. Он показал мне, как часто я проявляю мягкость и неумелость, сам того не сознавая. Наверное, другие профессии требуют еше более мощного выплеска энергии, но для человека с частным доходом, который неспешно прогуливался по жизни, учительство — достаточно крепкая встряска. Она была нужна мне, и я её получил. Мне даже показалось, что мистер Эбни, интуитивно поняв, как благотворно подействует на мою душу жесткая дисциплина работы, по доброте своей предоставил мне полную возможность выполнять не только мои обязанности, но и большую часть своих. Потом я разговаривал с другими учителями и пришел к выводу, что директора частных школ делятся на две категории — трудяги и любители поездок в Лондон. Мистер Эбни принадлежал к последней. Мало того, сомневаюсь, что на всех просторах Южной Англии отыщется другой, более яркий представитель этой категории. Лондон притягивал его, точно магнит.

После завтрака он отводил меня в сторонку. Разговор катился всегда по одной колее:

— Э… мистер Бернс…

Я (боязливо чуя беду, как дикий зверь, пойманный в капкан, чует

приближение охотника, пробирающегося лесом):

— Э…да?

— Боюсь, мне придется сегодня съездить в Лондон. Я получил важное письмо от… — и он называл имя какого-то родителя или потенциального родителя (под потенциальным я имею в виду такого, кто подумывал прислать к нам сына. У вас может быть хоть двадцать детей, и все же, если вы не отдаете их в его школу, директор не удостоит вас титула «родитель»).

Затем следовало:

— Он пожелал… э… увидеться со мной. (Или, если родитель уже получил свой титул, «Он желает обговорить кое-что со мной». Различие почти неприметное, но он всегда упирал на него.)

Вскоре такси увозило его по длинной дороге, и начиналась моя работа, а вместе с ней — и самодисциплина души, про которую я упоминал.

«Выполнение обязанностей» требует от человека немалых усилий. Приходилось отвечать на вопросы, разнимать драки, останавливать старших мальчиков, чтобы не мучили младших, останавливать младших, чтобы те не мучили самых маленьких, предотвращать швыряние камнями и ходьбу по мокрой траве, следить, чтобы не донимали кухарку, не дразнили собак, не производили слишком громкого шума. А заодно — препятствовать всем формам харакири: лазанию по деревьям, по водосточным трубам, свисанию из окон, катанию по перилам, глотанию карандашей и выпиванию чернил на спор («а тебе слабо.»).

Приходилось — с перерывами — совершать и другие подвиги: разрезать баранью ножку, раздавать пудинг, играть в футбол, читать молитвы, преподавать, загонять отставших в столовую и обходить спальни, проверяя, выключен ли свет. Это еще не все.

Мне хотелось угодить Синтии, если удастся, но выпадали минуты в первые дни, когда я недоумевал, как же мне урвать время для похищения. Ведь именно похитителю, как никому другому, требуется свободное время — выпестовать на досуге замыслы, выстроить планы.

Школы бывают разные. «Сэнстед Хаус» принадлежит к самому трудному сорту. Постоянные отлучки мистера Эбни немало отягчали бремя его учителей, особая почтительность к аристократии — еще больше. Старания превратить «Сэнстед Хаус» в место, где нежно лелеемые отпрыски ощущали бы как можно меньше временное отсутствие титулованных мамаш, привело его к благостной терпимости, которая и ангелов превратила бы в бесенят.

Успех или провал учителя, по-моему, — всего лишь вопрос удачи. У

моего коллеги Глоссопа имелись почти все качества, необходимые для успеха, но ему не повезло. С надлежащей поддержкой мистера Эбни он сумел бы навести порядок в классе. Но сейчас у него всегда был бедлам, и когда директора заменял он, в школе царил хаос.

Мне же, напротив, повезло. По какой-то причине мальчики приняли меня. Почти в самом начале я насладился величайшим триумфом в жизни учителя: один мальчик смачно треснул по голове другого за то, что тот упорно продолжал шуметь, хотя я велел ему замолкнуть. Сомневаюсь, можно ли в другой области испытывать столь сладкий трепет от завоеванной популярности. Возможно, подобие этого чувства испытывают политические ораторы, когда их аудитория шумно требует изгнать возмутителя спокойствия, но всё равно по остроте своей это не сравнится с учительским. Учитель абсолютно беспомощен в классе, если мальчишки решат, что он им не нравится.

Только через неделю после начала семестра я познакомился с Золотцем.

Я с самого начала старался высмотреть его, и когда обнаружилось, что в школе мальчишки нет, растревожился не на шутку. Послала меня сюда Синтия, я тружусь, как в жизни не трудился, а может — всё зря?

Но как-то утром мистер Эбни отвел меня после завтрака в сторонку:

— Э… мистер Бернс…

Так в первый раз я услышал эти, вскоре такие знакомые, слова.

— Боюсь, мне придется сегодня съездить в Лондон. У меня важная встреча с отцом мальчика, который скоро приедет в нашу школу. Он пожелал… э… увидеться со мной.

Может, наконец-то Золотце!

И я оказался прав. На переменке ко мне подошел Огастес Бэкфорд. Брат лорда Маунтри был крепким мальчуганом с россыпью веснушек на носу. Два качества завоевали ему популярность и славу: он умел задерживать дыхание дольше любого другого мальчишки и всегда первым узнавал все сплетни.

— Сегодня вечером, сэр, приедет новый мальчик, — зашептал он, — американец. Я слышал, как директор сообщал об этом домоправительнице. Его фамилия Форд. Кажется, отец у него ужасно богатый. А вы хотите быть богатым, сэр? Я хотел бы. Если б я был богатым, то накупил бы себе много чего. Когда я вырасту, я стану богачом. Я слышал, как мой отец говорил про это с адвокатом. Скоро, сэр, приедет новая горничная. Я слышал, кухарка говорила Эмили. Вот я, хоть тресни, не стал бы горничной. Лучше уж кухаркой.

Мальчик на минуту задумался над этой альтернативой, а когда заговорил, то затронул еще более животрепещущую проблему:

— Если б вам, сэр, понадобилось полпенни, чтобы получилось два пенса и хватило на ящерку, как бы вы поступили, сэр?

Свои полпенни он получил.

Огден Форд, мечта похитителей, вошел в «Сэнстед Хаус» в четверть десятого тем же вечером. Ему предшествовали: Обеспокоенный Взгляд, мистер Арнольд Эбни, таксист с огромной коробкой и наш слуга с двумя чемоданами. Первым я упомянул Обеспокоенный Взгляд, потому что Взгляд этот существовал сам по себе.

Сказав, что мистер Эбни смотрел обеспокоенным взглядом, я бы создал неверное впечатление. Мистер Эбни попросту плелся за ним в кильватере. Обеспокоенный Взгляд скрывал директора как Дунсинанский лес — войско Макдуфа.[4]

Огдена я увидел лишь мельком, пока мистер Эбни провожал его в свой кабинет. Мальчишкой он мне показался очень хладнокровным и еще более противным, чем на портрете, который я видел в отеле «Гвельф».

Через минуту дверь кабинета открылась, и вышел мой наниматель. Увидев меня, он явно почувствовал облегчение.

— А-а, мистер Бернс! Как раз собирался вас искать. Вы можете уделить мне минутку? Давайте пройдем в столовую. Наш новый мальчик по имени Огден Форд, — начал он, прикрыв за собой дверь, — довольно… необыкновенный. Он американец, сын мистера Элмера Форда. Так как он будет много времени на вашем попечении, мне бы хотелось подготовить вас к его… э… особенностям.

— А у него есть особенности?

Легкая судорога исказила лицо мистера Эбни. Прежде чем ответить, он промокнул лоб шелковым платком.

— Беря за стандарт мальчиков, которые прошли через мои руки, и конечно, будет справедливо добавить, пользовались у нас всеми преимуществами на редкость утонченной домашней жизни, можно сказать, что он… э… несколько странноват. Хотя никаких сомнений, что аи fond… аи fond… в основе своей он обаятельный мальчишка, ну просто прелесть, в настоящее время ведет он себя… э… странновато. Могу предположить, что его с самого детства систематически баловали. В его жизни, подозреваю я, не было дисциплины. В результате он очень отличается от обычного мальчика. У него совершенно отсутствуют та застенчивость, та неуверенность в себе, та детская способность удивляться, какие мне кажутся столь очаровательными в маленьких англичанах. Какой-то он

пресыщенный, утомленный жизнью. Вкусы и мысли у него преждевременно развившиеся и… необычные для его возраста… Иногда он так диковинно выражается… У него мало почтительности к установленным авторитетам, если она есть вообще.

Он замолчал, снова промокнув лоб платком.

— Мистер Форд, его отец, произвел на меня впечатление человека огромных способностей. Типичный американский король торговли. Он на редкость откровенно поведал мне о своих домашних делах, касающихся его сына. Не могу в точности повторить его слова, но суть их такая: до сегодняшнего дня мальчика воспитывала одна миссис Форд. Она — мистер Форд изложил это очень красноречиво и многословно — слишком снисходительна. И… э… в сущности испортила сына. Что — вы, конечно, понимаете, это конфиденциально — и послужило истинной причиной их развода, который… э… к несчастью, случился. Мистер Форд считает школу — могу ли я так выразиться? — противоядием. Он желает, чтобы тут была самая строгая дисциплина. Поэтому я жду от вас, мистер Бернс, чтобы вы твердо, но, разумеется, гуманно пресекали его выходки, как, например… э… курение. По дороге в школу он курил беспрерывно, и мне удалось убедить его только с применением силы. Конечно, сейчас, когда он уже фактически в школе и должен подчиняться нашей дисциплине…

— Да, именно, — вставил я.

— Вот и всё, что я хотел сказать. Возможно, будет лучше, если вы пойдете к нему прямо сейчас. Вы найдете его в кабинете.

Директор удалился, а я отправился в кабинет знакомиться с Золотцем.

Меня приветствовало облако табачного дыма, плывущего из-за спинки кресла. Войдя в комнату, я узрел пару башмаков, возложенных на каминную решетку. Шагнув вправо, я увидел мальчишку целиком.

Он разлегся в кресле, в мечтательной рассеянности, устремив глаза в потолок. Когда я подошел к нему, он затянулся сигаретой, взглянул на меня, снова отвел взгляд и выпустил новое облако дыма. Я его не заинтересовал.

Возможно, меня укололо такое безразличие, и потому я воспринял его предубежденно. Но, в общем, он показался мне юнцом на редкость непривлекательным. Тот портрет еще польстил ему. У него было толстое тело, круглая омерзительная физиономия с тусклыми оловянными глазами и брюзгливо обвисшим ртом. В общем, туша, пресытившаяся жизнью.

Склонен предположить, как выразился бы мистер Эбни, что заговорил я с ним резче и решительнее, чем говорил бы директор. Меня выводило из

себя его чванливое безразличие.

— А ну-ка, выброси сигарету, — приказал я.

К моему изумлению, повиновался он мгновенно. Я уже начал подумывать, не слишком ли резко я с ним говорю — он, как ни странно, производил на меня впечатление взрослого человека, — но тут он извлек из кармана серебряный портсигар и открыл его. Тогда я и разглядел, что выбросил он на каминную решетку почти дотла сгоревший окурок.

Я забрал у него из рук портсигар и бросил на стол. Только тут мальчишка впервые по-настоящему заметил мое присутствие.

— Ну и наглец же вы! — обронил он.

Он словно бы торопился продемонстрировать самые различные свои дарования. Это, как я понял, мистер Эбни и называл «выражаться странновато».

— Не хами, — добавил я.

Мы несколько секунд пристально рассматривали друг друга.

— Кто вы? — спросил Огден. Я назвался.

— А чего вы сюда ввалились? Чего пристаете?

— Мне платят, чтобы я приставал. Это главная обязанность учителя.

— А, так вы учитель?

— Один из них. И между прочим, так, маленькая формальность — тебе полагается обращаться ко мне «сэр» во время наших оживленных бесед.

— Еще чего!

— Прошу прощения?

— Ступайте прогуляйтесь.

Видимо, он подразумевал, что рассмотрел мое предложение и сожалеет, что не может выполнить его.

— Разве ты не называл своего учителя «сэр», когда жил дома?

— Я? Не смешите! Так и мозоль на языке набьешь.

— Как я понимаю, ты не испытываешь чрезмерного уважения к тем, кто стоит выше тебя.

— Это вы про учителей? Да, не испытываю.

— Ты употребляешь множественное число. У тебя был учитель до мистера Бростера?

Он расхохотался.

— Да их десяток миллионов был!

— Бедняги! — искренне посочувствовал я. — И что с ними случилось? Совершили харакири?

— Да нет, уволились. Я их не виню. Я довольно крепкий орешек.

Глядите, не забывайте.

Он потянулся к портсигару. Я сунул его себе в карман.

— Ой, надоело! — буркнул мальчишка.

— Взаимно.

— Вы что ж думаете, можно важничать и ко мне лезть?

— Ты точно определил мою работу.

— Ну, прям! Я всё узнал про это ваше заведение. Мне этот пустозвон всё разболтал в поезде.

Как я понял, подразумевал он мистера Арнольда Эбни и посчитал определение довольно удачным.

— Он тут босс, и только ему позволено бить мальчиков. Попробуйте только, сразу потеряете работу. А он ни в жизнь не станет, потому что папа платит ему двойную плату, и он боится — аж жуть, — что случится заварушка.

— Ты тонко уловил ситуацию.

— Да уж, это верно.

Я смотрел на него. Он сидел, все так же развалясь в кресле.

— А ты забавный, — заметил я.

Он чуть подсобрался, разозлившись. Маленькие глазки засверкали.

— Послушайте, да вы нарываетесь на неприятности. Чересчур уж вы нахальный. Что вы о себе воображаете? Кто вы такой?

— Я — твой ангел-хранитель. Я тот, кто возьмет тебя в руки и сотворит из тебя солнечный лучик. Я таких, как ты, насквозь знаю. Я бывал в Америке и изучил этот тип на его родном асфальте. Вы, перекормленные миллионерские детишки, все одинаковы. Если папочка не впихнет вас в офис, прежде чем вы из коротких штанишек вырастете, вы становитесь пустельгами. Думаете, будто вы одни-разъединственные на свете, пока кто-то не покажет, что это не так. Тогда вам приходится мириться с тем, что свалится на вас, — и с хорошим, и с дурным.

Огден заговорил было, но я уже увлекся своей излюбленной темой, которую изучал и над которой размышлял с того самого вечера, когда получил то письмо в клубе.

— Знал я одного человека, — продолжал я, — начинал он в точности, как ты. У него всегда было полно денег, он никогда не работал и привык думать о себе как о молодом принце. Что же с ним случилось?

Огден зевнул.

— Боюсь, я тебе наскучил.

— Да нет, валяйте, — разрешил Золотце. — Развлекайтесь себе!

— Ну, это долгая история, так что не стану тебя утомлять. Но мораль

та, что мальчика, на которого сваливаются большие деньги, следует взять в ежовые рукавицы и вбить в него здравый смысл, пока он еще маленький.

— Болтаете много, — потянулся Огден. — И как это, интересно, вы возьмете меня в рукавицы?

Я задумчиво окинул его взглядом.

— Ну, всё должно иметь начало. Мне кажется, тебе сейчас больше всего необходимы физические упражнения. Будем бегать с тобой каждый день. В конце недели ты себя не узнаешь.

— Эй, если вы воображаете, будто заставите меня бегать…

— Когда я схвачу тебя за ручонку и побегу, то очень скоро ты увидишь, что бежишь. А спустя долгие годы, когда ты выиграешь марафон на Олимпийских играх, ты придешь ко мне со слезами на глазах и скажешь…

— Тьфу, что еще за слюни?

— И я не удивлюсь, — я посмотрел на часы. — А сейчас, между тем, тебе пора спать. Положенное время прошло.

Огден вытаращился на меня.

— Спать?!

— Да.

Его это так насмешило, что он даже не разозлился.

— Слушайте, во сколько, вы думаете, я обычно ложусь?

— Я знаю, во сколько ты будешь ложиться здесь. В девять часов.

Словно в подтверждение моих слов дверь открылась, и вошла миссис Эттвэлл, домоправительница.

— Думаю, мистер Бернс, ему пора ложиться.

— Я и сам, миссис Эттвэлл, говорил только что то же самое.

— Да вы тут все спятили! — буркнул Золотце. — Какое там спать!

Миссис Эттвэлл в отчаянии повернулась ко мне.

— Никогда не видела такого мальчика.

Весь механизм школы держался на определенных правилах. Любое колебание — и авторитет Власти пошатнется, а восстановить его потом крайне трудно. Ситуация, показалось мне, взывает к действиям.

Наклонившись, я выдрал Золотце из кресла, будто устрицу из раковины, и направился к двери. Тот визжал беспрерывно. Лягнул меня в живот, а потом в коленку, не переставая пронзительно верещать. И верещал всю дорогу наверх. Визжал он, и когда мы добрались до его комнаты.

Полчаса спустя я сидел, задумчиво покуривая, в кабинете. Сообщения

с места боевых действий информировали об угрюмой и, возможно, лишь временной, покорности Судьбе со стороны врага. Огден лежал в постели, нехотя решив подчиниться обстоятельствам. Атмосфера едва сдерживаемого ликования царила среди старших членов колонии.

Мистер Эбни держался дружелюбно, а миссис Эттвэлл открыто поздравляла меня. Я стал героем дня.

Но ликовал ли я сам? Нет, я призадумался. На моем пути встали непредвиденные сложности. До сего момента я рассматривал похищение как нечто абстрактное. Не учитывал личность. Если у меня и рисовалась какая-то картинка в мыслях, то самая благостная: я крадучись ухожу в ночь со смирным ребенком, его маленькая ручка доверчиво покоится в моей. Теперь я видел и слышал Огдена Форда и вывел, что если кому-то вздумается похитить его тишком, потребуется хлороформ.

Ситуация оборачивалась чрезвычайными трудностями.

Глава III

Я никогда не вел дневника, и мне трудно пересказывать события по порядку, расставлять мелкие происшествия в надлежащей последовательности. Пишу я, полагаясь лишь на несовершенную память. Работа осложняется тем, что первые дни моего временного пребывания в «Сэнстед Хаусе» сливаются в одно расплывчатое пятно, путаный хаос, как на картине футуриста. Из него выступают случайные фигурки мальчиков — мальчики работают, мальчики едят, мальчики играют в футбол, мальчики перешептываются, задают вопросы, хлопают дверьми, топочут по лестнице и носятся по коридорам. Окутана вся картина сложным запахом — ростбиф вперемежку с чернилами и мелом да еще специфический душок классной комнаты, не похожий ни на какой другой запах на свете.

Но выстроить происшествия рядком я не могу. Я вижу, как мистер Эбни, наморщив лоб, с отвисшей челюстью пытается отлепить Огдена от полувыкуренной сигареты. Слышу голос Глоссопа, разозленного до безумия, рычащего на хихикающий класс. Мелькает и десяток других картинок, но я не могу разместить их по порядку. Хотя, может быть, последовательность не так уж важна. Моя история рассказывает о событиях, выходящих за пределы обычной школьной жизни. К примеру, повествование мало касается войны между Золотцем и Властью. Это уже тема для эпопеи, она лежит за рамками главного сюжета, и от нее я

откажусь. Рассказ о постепенном укрощении Огдена, о хаосе, какой принесло его появление, пока мы не научились с ним справляться, превратил бы эту историю в трактат о воспитании. Достаточно упомянуть, что процесс формирования его характера и изгнание дьявола, овладевшего им, протекали очень и очень медленно.

Именно Огден принес в школу моду жевать табак со страшными последствиями для аристократических интерьеров лордов Гартриджа и Уиндхолла, а также достопочтенных Эдвина Беллами и Хилдербра Кейна. Хитроумные азартные игры на деньги, которым Огден научил других, молниеносно подрывали моральные устои двадцати четырех невинных английских школьников, причем на одну игру нечаянно наткнулся Глоссоп. А однажды, когда мистер Эбни нехотя нанес ему четыре слабеньких удара, Огден облегчил душу, поднявшись наверх и расколотив окна во всех спальнях.

Была у нас, конечно, пара трудных питомцев. Политика благожелательной терпимости способствовала этому. Но с Огденом сравнится не мог никто.

Как я уже сказал, мне трудно располагать незначительные события в должном порядке. Однако три я выделяю особо. Их я назову — «Дело незнакомого американца», «Приключения бегущего дворецкого» и «Эпизод с добродушным гостем».

Опишу каждый по отдельности, в том порядке, как они случились.

В «Сэнстед Хаусе» было заведено, что у каждого учителя есть каждую неделю свободные полдня. Не очень щедро; в большинстве школ, я думаю, выходных побольше. Но взгляды у мистера Эбни специфические, так что мы с Глоссопом были ограничены в отдыхе.

Моим днем была среда. В ту среду, о какой я пишу, я отправился в деревню, намереваясь поиграть в бильярд в местной гостинице. Ни в «Сэнстед Хаусе», ни в его окрестностях не было столичных развлечений, и бильярд в «Перьях» составлял для их искателя весь вихрь веселья.

В «Перьях» существовал местный этикет игры. Вы играли с маркёром партию, а потом вели его в бар и выставляли выпивку. Подняв бокал, он провозглашал: «Ваше здоровье, сэр», — и залпом осушал его.

После чего вы могли, если желали, продолжать игру или отправляться домой, как уж вам заблагорассудится.

В баре, когда мы вошли туда, был всего один посетитель, и, едва взглянув на него, я понял, что трезвостью он похвастать не может. Он полулежал в кресле, закинув ноги на стол, и тягуче выводил:

А мне плевать, будь он сам король,
Пса пинать никому не позволю-ю-ю…

Выпивоха был плотно сбит, чисто выбрит, с перебитым носом. Мягкая фетровая шляпа была надвинута чуть ли не на этот самый нос, а мускулистое тело упаковано в костюм, купленный по каталогу «Товары почтой». И внешность его, и акцент кричали: «Американец из Нью-Йорка», мало того, из восточного района. Каким чудом он оказался в Сэнстеде, было выше моего разумения.

Едва мы уселись, как он, поднявшись, нетвердой походкой вышел. Я видел, как он прошагал мимо окна, и его заявление, что ни одной, даже коронованной особе непозволительно обижать его пса, слабо доносилось до моих ушей, пока он уходил по улице.

— Уж эти мне американцы! — неодобрительно высказалась мисс Бенджэфилд, статная рослая барменша. — Все на один лад!

Мисс Бенджэфилд я никогда не противоречил — с тем же успехом можно затевать спор со Статуей Свободы, так что и сейчас просто сочувственно вздохнул.

— А вот интересно, зачем он сюда пожаловал?

Мне подумалось, что и я не прочь бы это узнать. Не прошло и тридцати часов, как я узнал.

Я подставляюсь под обвинение в непроходимой тупости, на какую даже и доктор Ватсон презрительно бы усмехнулся, когда скажу, что ломал себе голову всю обратную дорогу, но так и не додумался ни до чего определенного. Усиленное выполнение обязанностей притупили мою сообразительность, и мне на ум не пришло, что присутствие Золотца в «Сэнстед Хаусе» может служить причиной тому, что незнакомые американцы шныряют по деревне.

Вот мы и подошли к поразительному поступку дворецкого.

Всё произошло тем же вечером.

Обратно я отправился не поздно, но короткий январский день уже кончился и совсем стемнело, когда я вошел в ворота школы и зашагал по подъездной дороге. Дорога эта, покрытая гравием, тянется почти двести ярдов и обсажена по обе стороны соснами и рододендронами. Шагал я резво, начало подмораживать, и уже увидел сквозь деревья свет в окнах, когда до меня донесся быстрый топот.

Я остановился. Топот стал громче. Видимо, бежали двое. Один — коротким быстрым шагом, у другого, впереди, шаг был размашистее.

Я инстинктивно отступил в сторонку. В следующую же минуту, гулко стуча по замерзшему гравию, мимо меня пробежал первый. Тут же раздался резкий треск, и что-то пропело в темноте, словно огромный комар.

Это оказало на бегуна мгновенный эффект. Затормозив на полном ходу, он нырнул в кусты. На дёрне его топот отдавался слабо. Все заняло несколько секунд, я так и стоял на месте, когда услышал, что приближается второй. Очевидно, от погони он отказался, потому что шел совсем медленно. Он остановился в нескольких шагах от меня, и я услышал, как он ругается себе под нос.

— Кто это? — резко выкрикнул я. Треск пистолета взвинтил меня. Жизнь у меня размеренная, благополучная, в ней нет револьверных выстрелов, и я вознегодовал против их внезапного вторжения.

Мне доставило злорадное удовольствие, что и я напугал неизвестного не меньше, чем он меня. Повернувшись ко мне, он чуть не подпрыгнул, и у меня вдруг мелькнуло, что разумнее поскорее назваться и поднять руки. По-видимому, я ненароком вторгся в самую гущу чьей-то ссоры, один из участников которой — тот, кто стоял в двух шагах от меня с заряженным пистолетом, — был крайне импульсивен: такие сначала стреляют, а уж потом выясняют, что к чему.

— Я мистер Бернс, — назвался я. — Учитель. А вы кто?

— Мистер Бернс?

Несомненно, этот сочный голос был мне знаком.

— Уайт? — неуверенно спросил я.

— Да, сэр.

— Что вы тут делаете? Вы что, с ума сошли? Кто тот человек?

— Хотел бы я и сам знать, сэр. Какая-то сомнительная личность. Я наткнулся на него за домом, он шнырял там очень подозрительно. Ну, он удрал, и я за ним погнался.

Моя спокойная натура была шокирована:

— Нельзя же стрелять в людей только из-за того, что они оказались за домом. Может, это торговец.

— Вряд ли, сэр.

— Если уж на то пошло, я тоже сомневаюсь. Вел он себя не как торговец. Но всё-таки…

— Сэр, я вас понял. Я просто хотел его напугать.

— Вам это удалось. Он влетел в кусты, точно пушечное ядро.

Я услышал, как дворецкий фыркнул, сдерживая смех.

— Да, малость припугнул его, сэр.

— Надо позвонить в полицейский участок. Вы сможете его описать?

— Вряд ли, сэр. Было очень темно. А если можно мне высказаться, полиции лучше не сообщать. У меня очень невысокое мнение о здешних констеблях.

— Не можем же мы допустить, чтобы посторонние рыскали у нас…

— С вашего разрешения, сэр, пускай рыскают. Иначе их не поймать.

— Если вы считаете, что это повторится, я должен сообщить мистеру Эбни.

— Извините, сэр, но лучше не надо. Он человек нервный, это его только встревожит.

Тут меня неожиданно стукнуло, что, увлекшись таинственным беглецом, я упустил из виду самое примечательное во всем происшествии. Откуда у Уайта вообще взялся пистолет? Мне встречалось много дворецких, которые свободное время проводили самым экстравагантным способом — один играл на скрипке, другой проповедовал социализм в Гайд-парке. Но мне еще ни разу не встречался дворецкий, который развлекался бы, паля из револьвера.

— А откуда у вас взялся револьвер?

— Сэр, могу я попросить вас сохранить всё в тайне? — наконец проговорил он.

— Что именно?

— Я — сыщик.

— Что!

— От Пинкертона, сэр.

Я испытывал чувства человека, увидевшего на хрупком льду табличку «Опасно». Если бы не эта информация, кто знает, какой опрометчивый поступок я совершил бы, поддавшись впечатлению, что Золотце не охраняют? Одновременно пришла мысль, что если раньше всё было сложно, то теперь, в свете открытия, усложнилось во много раз. Похищение Огдена никогда не представлялось мне легким, а теперь стало во сто крат труднее.

У меня хватило смекалки изобразить изумление. Наивный учитель, сраженный новостью, получился довольно удачно, во всяком случае, Уайт пустился в объяснения:

— Меня нанял мистер Элмер Форд охранять его сына. За мальчиком, мистер Бернс, охотятся несколько человек. Это вполне естественно, он трофей весомый. Если его похитят, мистеру Форду придется выложить немалые денежки. Поэтому вполне логично, что он принимает меры предосторожности.

— А мистеру Эбни известно, кто вы?

— Нет, сэр. Мистер Эбни уверен, что я обычный дворецкий. Только вы узнали, и вам-то я открылся только оттого, что вы случайно застигли меня в достаточно странной ситуации. Вы сохраните всё в тайне, сэр? Не стоит об этом распространяться. Такие вещи делаются втихую. Для школы невыгодно, если мое присутствие здесь заметят. Это не понравится другим родителям. Им покажется, что их сыновьям грозит опасность. Они забеспокоятся. Так что попросту забудьте всё, что я рассказал вам, мистер Бернс…

Я заверил его, что буду нем, но лгал. Я собирался помнить крепко, что за Золотцем, кроме меня, наблюдает и другой зоркий глаз.

Третье, и последнее, событие в этой цепи — «Добродушный гость» — случилось на следующий день. Я расскажу о нем коротко. Неожиданно в школу явился хорошо одетый человек, назвавшийся Артуром Гордоном из Филадельфии. Он извинился, что предварительно не известил о своем визите, но объяснил, что в Англии совсем ненадолго. Он присматривает школу для сына своей сестры, и при случайной встрече в Лондоне мистер Элмер Форд, его деловой знакомый, порекомендовал ему мистера Эбни. Вел себя мистер Гордон очень приятно. Веселый, добродушный, он шутил с мистером Эбни, посмеивался с мальчиками, потыкал Золотце в ребра, к крайнему неудовольствию этого перекормленного юнца, бегло осмотрел дом, мимоходом заглянув и в спальню Огдена — для того, объяснил он мистеру Эбни, чтобы подробно рассказать мистеру Форду, как его сыну и наследнику живется, и отбыл, искрясь добродушием. Все остались в полном восторге от обаятельного гостя. Напоследок он сказал, что школа прекрасна, и он узнал все, что хотел узнать.

Как выяснилось в тот же самый вечер, то была полнейшая и бесхитростная правда.

Глава IV

1

Виной тому, что я оказался в центре поразительных событий, приключившихся в тот вечер, мой коллега Глоссоп. Он нагнал на меня такую тоску, что вынудил сбежать из дома. Оттого и случилось, что в

половине десятого, когда завертелись события, я расхаживал по гравию перед парадным крыльцом.

Персонал «Сэнстед Хауса» собирался после обеда в кабинете мистера Эбни на чашку кофе. Комнату называли кабинетом, но, скорее, это была учительская. У мистера Эбни был личный кабинет, поменьше, куда не допускался никто.

В тот вечер мистер Эбни ушел туда рано, оставив меня наедине с Глоссопом.

Один из изъянов островной изолированности частных школ — то, что каждый без конца сталкивается с другими. Избежать встречи надолго невозможно. Я избегал Глоссопа, как мог, — он только и мечтал загнать меня в угол, чтобы завести сердечную беседу о страховании жизни.

Самодеятельные агенты страхования — прелюбопытная компашка. Мир ими кишит. Я встречал их и в деревенских поместьях, в приморских отелях, на пароходах, и меня всегда поражало, что для них игра все-таки стоит свеч. Сколько уж они прирабатывают, не знаю, но вряд ли много, однако хлопочут неимоверно. Никто не любит их. Они, конечно же, видят это и упорствуют. Глоссоп, например, пытался уловить меня для занудных бесед всякий раз, как выдавался хотя бы пятиминутный перерыв в нашей дневной работе.

Сегодня он дождался все-таки случая и твердо вознамерился не упускать его. Едва мистер Эбни вышел из комнаты, как Глоссоп принялся извлекать из карманов буклеты и брошюры.

Я кисло смотрел на него, пока он бубнил о «возвращающемся вкладе», о суммах, возвращаемых при отказе от полиса и накоплении процентов на полисе «тонтина»,[5] пытаясь понять, почему я чувствую к нему такое отвращение. По-видимому, частично оно объяснялось его притворством, словно он старался из чисто альтруистических мотивов, ради моего же блага, а частично — тем, что он заставлял меня взглянуть в лицо фактам: я не вечно буду молодым. Абстрактно я, конечно, и сам понимал, что мне не всегда будет тридцать, но от манеры, в какой Глоссоп разглагольствовал о моем шестидесятипятилетии, мне начинало казаться, что это будет завтра. Я ощущал неизбежность увядания, безжалостность бега времени. Я просто видел, что седею.

Потребность избавиться от него стала неодолимой и, пробормотав: «Я подумаю», удрал из кабинета.

Кроме моей спальни, куда он вполне мог за мной последовать, у меня оставалось только одно убежище — двор. И, отперев парадную дверь, я вышел.

Подмораживало. Сияли звезды, от деревьев, растущих у дома, было совсем темно, и я видел на несколько шагов вокруг.

Я начал прогуливаться взад-вперед. Вечер был на редкость тихим. Я услышал, как кто-то идет по подъездной дороге, и решил, что это горничная возвращается после свободного вечера. Слышал я и птицу, шелестящую в плюще на стене конюшни.

Я погрузился в свои мысли. Настроение мне Глоссоп испортил, меня переполняла горечь бытия. Какой во всем смысл? Почему человеку дают шанс на счастье, но не дают здравого смысла, чтобы понять, где этот шанс, и использовать его? Если Природа создала меня таким самодовольным, что я даже потерял Одри, отчего она не подбавила мне толику самодовольства, чтобы я хотя бы не испытывал боли от потери? Я подосадовал на то, что как только я освобождаюсь на минутку от работы, мои мысли неизменно обращаются к ней. Это меня пугало. Раз я помолвлен с Синтией, я не имею права на такие мысли.

Возможно, виновата была таинственность, окружавшая Одри. Мне неведомо, где она, неведомо, как ей живется. Я даже не знаю, кого она предпочла мне. В том-то и дело! Одри исчезла с другим мужчиной, которого я никогда не видел, и даже имени его не знал. Поражение нанес неизвестный враг.

Я совсем было погряз в топком болоте уныния, когда события завертелись. Я мог бы и догадаться, что «Сэнстед Хаус» ни за что не позволит мне поразмышлять о жизни в спокойном одиночестве. Школа — место бурных происшествий, а не отвлеченных размышлений.

Я дошел до конца своего маршрута, остановился разжечь потухшую трубку, и тут грянули события, стремительно и негаданно, что вообще характерно для этого местечка. Тишину ночи разорвал звук, похожий на завывание бури. Я узнал бы его среди сотни других. Оглушительный визг, пронзительный вой, тонкое верещание не поднимались до крещендо, но, начавшись на самом пике, держались, не спадая. Такой визг мог издавать лишь один человек — Золотце. Это его боевой клич.

Я уже привык в «Сэнстед Хаусе» к несколько ускоренному темпу жизни, но события сегодняшнего вечера сменялись с быстротой, поразившей даже меня. Целая кинематографическая драма разыгралась в то время, за какое сгорает спичка.

Когда Золотце подал голос, я как раз чиркнул спичкой и, напуганный, застыл с ней в руке, будто решил превратиться в фонарь, освещающий пьесу.

А еще через несколько секунд кто-то неизвестный чуть не убил меня.

Я всё стоял, держа спичку, прислушиваясь к хаосу шумов в доме, когда этот человек вылетел из кустов и врезался в меня.

Он был невысок, а, может, пригнулся на бегу, потому что жесткое, костлявое плечо оказалось от земли точно на таком же расстоянии, как мой живот. При внезапном столкновении у плеча было преимущество — оно двигалось, а живот был неподвижен. Ясно, кому больше досталось.

Однако и таинственному незнакомцу кое-что перепало, раздался резкий вскрик удивления и боли. Он пошатнулся. Что с ним было после этого, меня уже не трогало. Скорее всего, убежал в ночь. Я был слишком занят собственными проблемами, чтобы следить за его передвижениями.

Из всех лекарств против меланхолии яростный удар в живот — самое действенное. Если Корбетта[6] и одолевали какие-то абстрактные тревоги в тот день, в Карсон Сити, все они мигом вылетели у него из головы, как только Фитцсиммонс нанес свой исторический левый хук. Лично я излечился моментально. Помню, отлетев, я рухнул мешком на гравий и попытался дышать, не сомневаясь, что мне ни за что не удастся сделать ни вдоха, и на несколько минут утратил всякий интерес к делам мира сего.

Дыхание возвратилось ко мне несмело, нерешительно, будто робкий блудный сын, набирающийся мужества, чтобы ступить на порог родного дома. Вряд ли это заняло так уж много времени, потому что школа только-только начала извергать своих обитателей, когда я сумел сесть. Воздух звенел от беспорядочных выкриков и вопросов. Расплывчатые фигуры мельтешили в темноте.

С превеликим трудом я начал подниматься на ноги, чувствуя себя больным и бессильным, когда до меня дошло, что сенсации этого вечера еще не закончились. Приняв сидячее положение, я решил, прежде чем пускаться на дальнейшие авантюры, переждать приступ тошноты. Но тут мне на плечо опустилась рука и голос приказал: «Не двигайся!».

2

Спорить я не мог и особо командой не возмущался. Мелькнуло мимолетное чувство, что обращаются со мной несправедливо, но и всё. Я понятия не имел, кто мне приказывает, да и любопытства особого не испытывал. Дышать было подвигом, и я все силы бросил на него, удивляясь и радуясь, что справляюсь так здорово. Помню, такие же ощущения я испытывал, когда впервые сел на велосипед, — ошеломляющее чувство, что я качусь, но как мне это удается, известно

лишь небесам.

Минуту-другую спустя, когда у меня выдалась пауза, я огляделся — что же творится вокруг, и понял, что среди участников драмы по-прежнему царит переполох. Все бегали взад-вперед, выкрикивая что-то бессмысленное. Быстрым тенорком отдавал распоряжения Эбни; чем дальше, тем они становились бестолковее, взмывая на совсем уж головокружительную высоту бессмыслицы. Глоссоп, как заводной, твердил: «Позвонить в полицию?» — на что никто не обращал ни малейшего внимания. Двое-трое мальчишек носились, точно угорелые кролики, пронзительно вереща что-то неразборчивое. Женский голос — кажется, миссис Эттвэлл — допытывался: «Вы его видите?»

До этого момента только моя спичка освещала место действия, пока не сгорела дотла, но теперь кто-то (как выяснилось — Уайт, дворецкий) пришел на конюшенный двор с фонарем. Все будто поуспокоились, обрадовавшись свету. Мальчишки перестали верещать, миссис Эттвэлл и Глоссоп умолкли, а мистер Эбни произнес «А-а», очень довольным голосом, будто приказ об этом отдал сам и теперь поздравляет себя с успешным его выполнением.

Вся компания сосредоточилась вокруг фонаря.

— Спасибо, Уайт, — проговорил мистер Эбни. — Превосходно. Но боюсь, что негодяй уже удрал.

— Весьма возможно, сэр.

— Какое-то необыкновенное происшествие, Уайт.

— Да, сэр.

— Человек вошел прямо в спальню к мастеру Форду.

— Вот как, сэр?

Раздался пронзительный голос. Я узнал Огастеса Бэкфорда. Этот никогда не подведет, он всегда в центре событий.

— Сэр, пожалуйста, сэр, что случилось? Кто это был, сэр? Сэр, это был взломщик, сэр? А раньше вы когда-нибудь встречали взломщика, сэр? Мой отец на каникулах водил меня смотреть «Раффлса». Как вы думаете, этот тип похож на «Раффлса», сэр? Сэр…

— Это несомненно… — начал мистер Эбни, когда вдруг его осенило, кто донимает вопросами, и в первый раз он увидел, что во дворе полно мальчишек, активно простужающихся насмерть. Его манера «все мы тут друзья, давайте-ка, обсудим это любопытное дельце» мгновенно переменилась. Он превратился в рассерженного директора школы. Никогда прежде я не слышал, чтобы он так резко говорил с мальчиками, многие из которых, пусть и нарушали правила, были особами титулованными.

— Почему это вы не в постелях? Немедленно возвращайтесь в спальни! Я строго накажу вас. Я…

— Позвонить в полицию? — осведомился Глоссоп. Ему не ответили.

— Я не потерплю такого поведения, — продолжал Эбни. — Вы простудитесь. Это безобразие! Я очень строго накажу вас, если вы немедленно не…

Его перебил спокойный голос:

— Послушайте!

Золотце невозмутимо шагнул в круг света — в халате, с дымящейся сигаретой в руке. Прежде чем продолжать, он выпустил облако дыма.

— Слушайте-ка! Я думаю, вы ошибаетесь. Это не случайный грабитель.

Зрелища bete noir,[7] облака дыма, добавившегося к переживаниям вечера, мистер Эбни уже не вынес. Он поразма-хивал в мрачной тишине руками, его жесты отбрасывали гротескные тени на гравий.

— Как ты смеешь курить! Как ты *смеешь* курить сигарету!

— Да я только эту и нашел, — дружелюбно ответил Золотце.

— Я уже говорил… я предупреждал тебя… Десять плохих отметок! Я не желаю… Пятнадцать плохих отметок!

Болезненный взрыв директора Золотце оставил без внимания. Он спокойно улыбнулся.

— Если вы спросите *меня,* — продолжил он, — то этот тип охотился за кое-чем посущественнее посеребрённых ложек. Да, сэр! Если желаете моего мнения, это был Бак МакГиннис или Эд Чикаго. Или еще кто из них. Охотился он за мной. Они давно в меня целят. Бак пытался похитить меня осенью 1907 года, а Эд…

— Ты меня слышишь? Возвращайся немедленно…

— Не верите, так я вырезку покажу. У меня есть альбом с вырезками. Как только в газетах появляется заметка про меня, я сразу вырезаю и клею в альбом. Если вы со мной пойдете, я прямо сейчас и покажу вам историю про Бака. Это в Чикаго случилось. Он бы точно уволок меня, если б не…

— Двадцать плохих отметок!

— Мистер Эбни!

Это вмешалась особа, стоявшая позади меня. До сих пор она (или он) оставалась молчаливым наблюдателем, выжидая, я полагаю, перерыва в беседе.

Все разом подскочили, точно хорошо слаженный кордебалет.

— Кто там? — вскричал мистер Эбни. Судя по его голосу, нервы у него были на пределе.

— Мне позвонить в полицию? — в очередной раз спросил Глоссоп, опять

— Я — миссис Шеридан, мистер Эбни. Вы ждали меня сегодня вечером.

— Миссис Шеридан? Миссис Ше… я думал, вы приедете в такси. Я ждал… ну в общем… э… машины.

— Я пришла пешком.

У меня возникло странное ощущение, что голос этот я слышал. Когда она приказывала мне не двигаться, то говорила шепотом, или мне в моем полубессознательном состоянии показалось, что это шепот, но теперь она заговорила громче, и в голосе у нее проскользнули знакомые нотки. Он затронул какую-то струну в моей памяти, и я хотел послушать еще.

Голос прозвучал снова, но ничего более определенного не всплыло. Я все так же терялся в догадках.

— Здесь один из грабителей, мистер Эбни. Заявление произвело сенсацию. Мальчики, прекратившие было голосить, взвыли с новой силой. Глоссоп предложил позвонить в полицию. Миссис Эттвэлл взвизгнула. Мальчики и все остальные двинулись на нас всей толпой.

Во главе шел Уайт с фонарем. Я чувствовал себя виноватым в том, что сейчас обрушу на них такое разочарование.

Первым узнал меня Огастес. Я ждал, что сейчас он осведомится, приятно ли мне сидеть на гравии в морозную ночь, или из чего сделан гравий, но тут заговорил мистер Эбни:

— Мистер Бернс! Господи Боже… *как вы тут очутились?*

— Может, мистер Бернс сумеет объяснить нам, куда побежал грабитель, сэр, — высказался Уайт.

— Нет, не сумею, — ответил я. — Я — настоящий кладезь информации, но вот куда он побежал, понятия не имею. Знаю только, что у него плечо — таран военного корабля. Он им меня двинул.

Я услышал позади легкий вздох изумления и обернулся. Мне хотелось посмотреть на женщину, всколыхнувшую мою память своим голосом. Но свет от фонаря не падал на нее, и в темноте просматривался лишь расплывчатый силуэт. Я почувствовал, что и она пристально разглядывает меня.

— Я разжигал трубку, — возобновил я свое повествование, — когда услышал визг.

В группе за фонарем раздался смешок.

— Это я визжал, — сообщил Золотце. — Не сомневайтесь, визгу я задал! А что бы, интересно, *вы* стали делать, если б проснулись в потемках

да увидели, как вас какой то грубиян выдергивает из постели, будто моллюска из раковины? Он попробовал рот мне зажать, но прижал вместо этого лоб, я и заорал, он даже свет не успел зажечь. Вот уж перепугался, бандюга! Он опять хихикнул и затянулся сигаретой.

— Как ты смеешь курить! — закричал мистер Эбни. — А ну, выброси сигарету.

— Да забудьте вы про нее, — скупо бросил Золотце.

— А потом, — продолжил я, — кто-то откуда-то вылетел и саданул меня. После этого меня как-то перестал интересовать и он, и всё остальное. — Говорил я, адресуясь к незнакомке. Она все еще стояла за пределами света. — Вероятно, миссис Шеридан, вы можете объяснить нам, что случилось?

Я не ждал, что ее рассказ принесет практическую пользу, но хотел, чтобы она заговорила снова. Первых же слов оказалось достаточно. Я подивился, как мог ещё сомневаться. Теперь я точно узнал её голос. Его я не слышал пять лет, но не забуду до конца жизни.

— Мимо меня кто-то пробежал.

Я едва понимал её слова. Сердце у меня колотилось, голова шла кругом. Я тщился поверить невероятному.

— Мне показалось, — продолжала она, — что он убежал в кусты.

Я услышал, как заговорил Глоссоп, и из ответа мистера Эбни понял, что тот предложил позвонить.

— В этом нет необходимости, мистер Глоссоп. Несомненно, он… э… давно сбежал. Всем нам разумнее вернуться в дом. — Он повернулся к смутной фигуре рядом со мной. — А вы, миссис Шеридан, наверное, устали после путешествия и… э… необычных волнений. Миссис Эттвэлл покажет вам, где… э… в общем, вашу комнату.

В общем движении Уайт, видимо, поднял фонарь или шагнул вперед, потому что свет сместился. Фигура рядом со мной перестала быть расплывчатой, ясно и четко обрисовалась в желтом свете. Я увидел большие глаза, глядящие так же, как серым лондонским утром, две недели назад, они смотрели на меня с выцветшей фотографии.

Глава V

Из всех эмоций, не дававших мне заснуть той ночью, на следующее утро сохранились лишь смутный дискомфорт и негодование против Судьбы, скорее, чем против человека. То, что мы с Одри очутились под

одной крышей после всех этих лет, больше меня не удивляло. Так, мелкая деталь, и я отмел её, приберегая все силы ума для того, чтобы разобраться с действительно важным — что она вернулась в мою жизнь, как раз когда я решительно выбросил её оттуда.

Негодование усилилось. Судьба выкинула со мной бессмысленный финт. Синтия доверяет мне. Если я проявлю слабость, то пострадаю не один. Что-то подсказывало мне, что я ее проявлю. Как могу я остаться сильным, когда меня станут терзать тысячи воспоминаний?

Но я непременно буду сражаться, пообещал я себе. Легко я не сдамся. Я обещал это своему самоуважению и был вознагражден слабым проблеском энтузиазма. Я рвался тотчас подвергнуть себя испытанию.

Возможность представилась после завтрака. Одри стояла на гравии перед домом, фактически — на том же самом месте, где мы встретились накануне. Заслышав мои шаги, она подняла глаза, и я увидел, как решительно вздернула она подбородок. Эту манеру я замечал в дни нашей помолвки, не придавая ей особого значения. Господи, какой же самодовольной скотиной я был в те дни! Даже ребенок, подумал я, если только он не погрузился с головкой в самолюбование, сумел бы разгадать смысл этого жеста, и я был этому рад. Я рвался в бой.

— Доброе утро, — поздоровался я.

— Доброе утро.

Наступила пауза. Я воспользовался ею, чтобы собраться с мыслями, и с любопытством взглянул на Одри.

Пять лет изменили ее, но только к лучшему. У нее теперь была спокойная сила, которой я прежде не замечал. Возможно, она присутствовала и в прежние дни, хотя вряд ли. Одри производила впечатление человека, через многое прошедшего и уверенного в себе.

Внешне она изменилась поразительно мало — такая же невысокая, легкая, стройная. Она стала чуть бледнее, ирландские глаза повзрослели, смотрели чуть жестче, но и всё.

Внезапно я опомнился — чего это я так пристально рассматриваю её? Бледные щеки окрасил легкий румянец.

— Не надо! — вдруг проговорила она с легким раздражением.

Слова эти с маху убили сентиментальную нежность, заползавшую мне в душу.

— Как ты тут очутилась? — спросил я. Она молчала.

— Только не подумай, что я сую нос в твои дела, — раздраженно продолжал я. — Мне любопытно, по какому совпадению мы встретились.

Одри порывисто обернулась ко мне. Лицо её утратило всякую

жесткость.

— О, Питер! — произнесла она. — Мне очень жаль. *Я так виновата.*

Ага, вот он, мой шанс. Я уцепился за него, позабыв про всякое благородство, и тут же пожалел об этом. Но мне было горько, а горечь толкает человека на дешевые выходки.

— Виновата? — вежливо удивился я. — Да в чем же? Одри растерялась, как я и рассчитывал.

— В том… в том, что случилось.

— Милая Одри! Любой совершил бы ту же ошибку. Я не удивляюсь, что ты приняла меня за грабителя.

— Да я не о том! Я о том, что случилось пять лет назад.

Я расхохотался. Смеяться мне совершенно не хотелось, но я уж постарался, как сумел. И был вознагражден — я видел, что её покоробило.

— Неужели ты еще волнуешься? — я снова рассмеялся. Таким вот веселым и жизнерадостным был я в это зимнее утро. Короткий миг, когда мы оба могли бы смягчиться, миновал. В её синих глазах зажегся блеск, подсказавший мне, что между нами опять война.

— Я ничуть не сомневалась, что ты переживешь, — бросила она.

— Ну, мне было только двадцать пять. В двадцать пять сердце не разбивается,

— Твое, Питер, вряд ли вообще разобьется.

— Это что, комплимент? Или наоборот?

— Ты-то, конечно, считаешь, что комплимент. А я подразумевала, что ты недостаточно человечен.

— Вот у тебя какое представление о комплименте.

— Я сказала, *у тебя.*

— Наверное, пять лет назад я был прелюбопытной личностью.

— Да.

Говорила она задумчиво, будто бы через годы бесстрастно исследовала неведомое насекомое. Такое отношение раздосадовало меня. Сам я мог отстраненно рассматривать того, кем некогда был, но определенную привязанность к прежней своей личности ещё сохранял, а потому почувствовал себя уязвленным.

— Полагаю, ты относилась ко мне, как к какому то людоеду? — поинтересовался я.

— Да, наверное.

Мы опять помолчали.

— Я не хотела оскорбить твои чувства. — Это было самое обидное замечание. Я именно хотел оскорбить её чувства. Но она не притворялась.

Она действительно испытывала — да, думаю, и сейчас испытывает — неподдельный ужас передо мной. Борьба оказалась неравной.

— Ты был очень добр, — продолжала она, — порой. Когда случайно вспоминал, что надо быть добрым.

Если учесть, что ничего лучшего у нее сказать про меня не нашлось, вряд ли это можно было рассматривать как панегирик.

— Что ж, — заметил я, — не к чему обсуждать, каким я был и что делал пять лет назад. Как бы там ни было, ты спаслась от меня бегством. Давай вернемся к настоящему. Что нам теперь делать?

— Ты считаешь, ситуация неловкая?

— Да.

— И одному из нас следует уехать? — с сомнением продолжила она.

— Вот именно.

— Но я никак не могу.

— Я тоже.

— У меня тут дело.

— И у меня тоже.

— Я должна быть здесь.

— И я тоже.

Она с минуту рассматривала меня.

— Миссис Эттвэлл сказала, что ты учитель.

— Да, я выступаю в роли учителя. Изучаю это дело.

— Почему? — неуверенно спросила она.

— А что такого?

— Раньше у тебя все было хорошо.

— Сейчас еще лучше. Я работаю. Одри помолчала.

— Да, тебе уехать нельзя.

— Верно.

— И мне — тоже!

— Что же, придется нам мириться с неловкостью.

— А почему должна быть неловкость? Ты же сам сказал, что уже всё пережил.

— Абсолютно. Я даже помолвлен.

Одри слегка вздрогнула и стала чертить носком туфли по гравию. Наконец она проговорила:

— Поздравляю.

— Спасибо.

— Надеюсь, ты будешь очень счастлив.

— Я просто уверен.

Она опять замолчала. Мне пришло в голову, что, посвятив её так основательно в свои дела, я имею право поинтересоваться и ею.

— А как ты тут очутилась?

— Это довольно долгая история. Когда мой муж умер…

— О! — воскликнул я.

— Да, он умер три года назад.

Говорила она ровно и чуть сурово. Истинную причину этой суровости я узнал позднее, а тогда я объяснял это тем, что ей приходится общаться с человеком, ей неприятным, то есть со мной, и мне стало еще горше.

— Какое-то время я заботилась о себе.

— В Англии?

— В Америке. Мы уехали в Нью-Йорк сразу же после того, как я тебе написала. С тех пор я жила в Америке. Здесь я несколько недель.

— А как ты очутилась в Сэнстеде?

— Несколько лет назад я познакомилась с мистером Фордом, отцом мальчика, который сейчас в этой школе. Он рекомендовал меня мистеру Эбни. Тому нужен был помощник.

— Ты зависишь от своей работы? Я хочу сказать — прости, если затрагиваю слишком личную тему, — мистер Шеридан…

— Нет, денег он не оставил.

— А кем он был? — решился я. Я чувствовал, что говорить об умершем ей больно, во всяком случае — со мной, но тайна Шеридана изводила меня пять лет, я хотел узнать побольше о человеке, перевернувшем всю мою жизнь, даже не появившись в ней.

— Он был художник. Друг моего отца.

Мне хотелось подробностей. Какой он был с виду, как говорил, чем отличался от меня. Но было ясно, что ей не хочется говорить о нем, и, чувствуя обиду, я все-таки уступил ей, подавив свое любопытство.

— Так у тебя только и есть эта работа?

— Вот именно. Если у тебя дела обстоят так же, ну что ж, тут мы и останемся.

— Останемся, — эхом повторил я.

— Мы должны сделать положение легче для нас обоих.

— Конечно.

Она посмотрела на меня своим странным взглядом, широко раскрыв глаза.

— А ты похудел, Питер.

— Вот как? Страдания, думаю. Или физические упражнения.

Одри отвела взгляд и закусила губу.

— Ты ненавидишь меня, — отрывисто бросила она. — И все эти годы ненавидел. Что ж, неудивительно.

Отвернувшись, она медленно побрела прочь, и тут мне открылась вся низость моей роли. С самого начала я только и старался побольнее кольнуть её, мелко ей отомстить. За что? То, что случилось пять лет назад, — моя вина. Нельзя позволить уйти ей. Я чувствовал себя подлым гадом.

— Одри! — крикнул я.

Она остановилась. Я подбежал к ней.

— Одри, — начал я, — ты ошибаешься. Если я кого и ненавидел, то только себя. А тебя я понимаю…

Губы её чуть приоткрылись, но она молчала.

— Я понимаю, почему ты так поступила. Теперь я вижу, каким я был пять лет назад.

— Ты так говоришь, чтобы помочь мне, — тихо произнесла она.

— Нет, я уже давно это понял.

— Я безобразно обошлась с тобой.

— Ничего подобного. Определенному сорту мужчин очень нужна… встряска. И они получают её, рано или поздно. Так случилось, что свою я получил от тебя. Но это не твоя вина. Я бы всё равно получил, что следует. — Я засмеялся. — Судьба караулила меня за углом. Ей страшно хотелось чем-то меня оглоушить. Под рукой оказалась ты.

— Прости, Питер.

— Чепуха! Ты вбила в меня немножко разума. Вот и всё. Каждому человеку требуется образование. Большинство получают его в малых дозах. Мои деньги мешали его получить. К тому времени, как я встретил тебя, мне уже здорово недодали, и я получил все одним махом.

— Ты великодушен.

— Ну, что ты! Я просто вижу всё яснее, чем раньше. В те дни я был истинной свиньей.

— Вот уж нет!

— Был, был. Ладно, не будем из-за этого ссориться.

В доме прозвенел колокольчик, призывая к завтраку, и мы повернули к двери. Когда я отступил, пропуская её, Одри остановилась.

— Питер… Питер, будем разумны. Зачем нам испытывать неловкость? Давай притворимся, будто мы старые друзья, которые теперь встретились. Да и почему «притворимся»? Ведь недоразумения разъяснились, и мы опять друзья, правда?

Одри протянула руку. Она улыбалась, но глаза смотрели серьезно.

— Ну, что? Старые друзья, Питер? Я взял её руку.

— Старые друзья.

И мы отправились завтракать. На столе рядом с моей тарелкой лежало письмо от Синтии.

Глава VI

1

Приведу его полностью. Написано оно было с борта яхты «Русалка», стоявшей на якоре в Монако.

> «Мой дорогой Питер, где же Огден? Мы ждем его каждый день. Миссис Форд извелась от беспокойства. Она без конца спрашивает меня, есть ли у меня новости, и ужасно утомительно каждый раз отвечать, что их нет.
>
> С Вашими возможностями Вы уже давно могли бы похитить его. Действуйте быстро. Мы полагаемся на Вас. Спешу, Синтия».

Я несколько раз прочитал это деловитое послание — днем, и после обеда, и вечером, чтобы поразмыслить над ним в одиночестве. Выйдя из дома, я побрел к деревне.

На полпути я вдруг понял, что кто-то идет за мной следом. Вечер был темный; ветер, свистящий в деревьях, усиливал пустынность деревенской дороги. В такое время, в таком месте особенно неприятно услышать шаги позади.

Неопределенность нервирует. Резко развернувшись, я на цыпочках двинулся обратно. И не ошибся. Минуту спустя в потемках обозначилась темная фигура, и восклицание, раздавшееся, когда я перестал таится, доказало, что я застал преследователя врасплох.

Последовала короткая пауза. Я ожидал, что человек, кто бы он ни был, рванется бежать, но он шагнул вперед.

— Прочь с дороги! — крикнул я, и моя трость агрессивно проскрежетала по гравию: я вскинул её, готовый к неожиданным поворотам событий. Пусть знает, что у меня есть какое-то оружие.

Намек скорее обидел, чем напугал преследователя.

— Ну, босс, к чему грубить, — укоризненно попенял он хриплым полушепотом. — Я ж ничего не затеваю.

У меня сложилось впечатление, что голос этот я слышал, но не мог вспомнить — где.

— Зачем вы меня преследуете? — спросил я. — Кто вы?

— Да вот, хочу поболтать. Я вас приметил еще под фонарем, да и пристроился в хвост. Игру-то я вашу раскусил.

Теперь я узнал его. Если только в окрестностях Сэнстеда не появилось двух человек из Баури, то это — тот самый, кого я видел в среду вечером; тот, кто навлек на себя неодобрение мисс Бенджэфилд.

— Не понимаю, — сказал я. — Какая игра?

— Да ну вас, — отмахнулся он. — Шутки шутками, а зачем вы терлись вчера возле дома? Мальчишку выслеживали?

— Так это вы на меня наткнулись?

— Ну! Подумал было, что дерево. Чуть нокаут не получил.

— Зато я получил. Видно, вы очень торопились.

— А то! — просто согласился человек и сплюнул. — Вот что, — завел он снова, облегчив душу критикой этого захватывающего эпизода. — Золотце это — прямо потрясный паренек. Я подумал, это взрыв какой, когда он заголосил. Но не будем тратить время. Оба мы за ним охотимся.

— Что вы имеете в виду?

— Да хватит придуриваться. — Он сплюнул. Видимо, этим незатейливым способом он умел выражать всю гамму чувств. — Я же вас знаю!

— Тогда у вас есть преимущество. Хотя мне кажется, что и я вас видел прежде. Это ведь вы были в «Перьях» в среду вечером и пели что-то такое про собаку?

— Точно. Я и был.

— Откуда вы меня знаете?

— Аи, да кончай ты придуриваться, Сэм!

И в голосе у него мне послышалась невольное восхищение.

— Нет, скажите, кто я, по-вашему? — терпеливо спросил я.

— Ах, чтоб тебя! Но тебе меня не обдурить! Ловкач ты, Сэм Фишер, вот ты кто. Я тебя знаю.

Я онемел от удивления. Поистине, некоторым славу прямо навязывают.

— Я, тебя, Сэм, никогда не видал, — продолжал он. — Но знаю, это ты. И скажу тебе, как я докумекал. Во-первых, только ты да я знаем, что Золотце тут. Мои ребята ловко умыкнули его из Нью-Йорка. И я слыхал, что ты приехал сюда за ним. Ну вот, когда я наткнулся на типа, который следит тут за мальчишкой. Так кто ж это выходит, как не ты? А этот тип

говорит как пижон-ученый, — и ты так говоришь. Так что кончай придуриваться, Сэм, давай перейдем к делу.

— Я имею удовольствие говорить с мистером Баком МакГиннисом? — осведомился я, чувствуя уверенность, что он — не кто иной, как эта знаменитость.

— А то! Не к чему, Сэм, играть со мной в прятки. Оба мы тут за одним, так что давай к делу.

— Минутку, — перебил я. — Может, вас удивит, но меня зовут Бернс, и я учитель в этой школе.

Он сплюнул с восхищением.

— От даешь! — заорал он. — Все верно, Сэм, таким ты и должен прикинуться. Смекалистый парень! Прям внутрь втерся. Надо же!

Голос у него стал молящим.

— Слышь-ка, Сэм, ты уж не будь свиньей. Давай уж 50 на 50 в этом дельце. Ведь мы с ребятами за чертову сотню миль прикатили. Ни к чему нам из-за добычи свару затевать. Тут на нас на всех хватит. Старик Форд выложит с лихвой на каждого. Нечего нам ссориться. Давай уж вместе копнем золотую жилу. Это ж не мелочь какая. Я б и приставать не стал, коли на двоих не хватило бы. Так как я молчал, он продолжил:

— Не по-честному, Сэм, пользоваться тем, что у тебя образование. Была бы честная борьба, и у нас обоих были бы равные шансы, я бы ничего не сказал. Но ты у нас грамотей и в дом втерся. Тогда это не по-честному. Сэм, не будь ты сквалыгой! Не грабастай всё! 50 на 50. Уговор? Идет?

— Не знаю. Спросите у Сэма. Спокойной ночи.

И, пройдя мимо него, я скорым шагом направился к воротам. Он потрусил следом, моля:

— Ну хоть четверть-то отстегни! Я молча шел вперед.

— Не будь ты свиньей! Он уже почти бежал.

— Сэм! — Голос его утратил умоляющую нотку, в нем зазвучала угроза. — Эх, будь со мной моя пушка, не посмел бы ты эдак нагличать. Слушай-ка, умник! Ну, ты дождешься! Мы тебя сделаем! Берегись!

Остановившись, я повернулся к нему.

— Послушай, болван! — закричал я. — Говорю тебе, я — не Сэм Фишер! Ты, что, не можешь понять, что вцепился не в того человека? Моя фамилия Бернс. *Бернс!*

Бак сплюнул, презрительно на этот раз. Идеи он усваивал медленно, но еще медленнее избавлялся от тех, какие уже проникли в вещество, которое он именовал своим мозгом. По каким-то признакам он решил, что я — Ловкач Фишер, и никакие возражения не могли его поколебать. Он

воспринимал их просто как увертки, диктуемые жадностью.

— Расскажи это своей бабушке! — В этой фразе он излил весь свой скепсис. — Может, еще скажешь, что за Золотцем не охотишься?

Удар угодил в цель. Если говорить правду стало привычкой, то человек медленно отходит от стандарта, когда выпадает минута для наглой лжи. Я невольно заколебался. Наблюдательный МакГиннис тотчас уловил мои колебания и победно сплюнул.

— А-а! — с внезапной злобой выкрикнул он. — Ладно, Сэм! Погоди! Мы тебя сделаем! Понял? Придет твой час. Получишь свое. Погоди!

С этими словами он растворился в ночи. Откуда-то из темной дали донеслось презрительное «Жмот!», и он удалился, оставив меня в твердом убеждении, что если с начала экспедиции в Сэнстед я часто считал дело сложным, то теперь сложность достигла апогея. В школе ведет слежку зоркий человек Пинкертона, а снаружи караулит шайка мстительных конкурентов. Да, «Сэнстед Хаус» становится неуютным местечком для молодого неопытного похитителя.

Придется действовать быстро.

2

Когда я вышел на следующее утро прогуляться перед завтраком, дворецкий, совершенно не похожий на сыщика (к чему стремится каждый сыщик), дышал воздухом на футбольном поле.

При виде него мне захотелось получить сведения из первых рук о человеке, за которого меня принял МакГиннис, а заодно и о самом МакГиннисе. Мне хотелось, чтобы меня уверили, что мой приятель Бак, несмотря на внешность, человек мирный, который лает да не кусает.

В начале нашей беседы Уайт вел себя как настоящий дворецкий. Из того, что я узнал о нем позже, думаю, что он испытывал артистическую гордость, вживаясь в свою роль. При упоминании Ловкача, однако, манеры дворецкого слетели с него, будто шкурка, и он стал самим собой — живым, энергичным, совсем не похожим на благостную личность, которую изображал.

— Уайт, — спросил я, — известно ли вам что-нибудь о Ловкаче, то есть о Сэме Фишере?

Он уставился на меня. Наверное, вопрос, никак не вытекающий из предыдущего разговора, сбил его с толку.

— Я встретил тут одного джентльмена по имени Бак МакГиннис —

кстати, как оказалось, он и был нашим вчерашним гостем, и он только и говорил про Сэма. Вы его знаете?

— Бака?

— И того, и другого.

— Ну, Бака я никогда не видел, но знаю про него всё. Вспыльчивый малый, с перчиком.

— Да, так я и подумал. Ну, а Сэм?

— А в мизинце у Сэма, уж можете мне поверить, больше перца, чем в целом Баке. По сравнению с Сэмом Бак хилый и вялый, точно вяленая треска. Когда доходит до открытой схватки, Бак — простой грабитель. А Сэм — человек образованный. У него есть мозги.

— Так я и понял. Что ж, рад слышать, что вы так высоко отзываетесь о Сэме, потому что предполагается, что я — это он.

— Что-что?

— Бак МакГиннис уперся на том, что я — Ловкач Фишер. Никакие доводы не смогли его переубедить.

Уайт смотрел удивленно. У него были очень яркие, насмешливые карие глаза,

— О, Господи! — засмеялся он. — Это не обидело вас?

— А как же! Он обозвал меня свиньей за то, что я хочу забрать Золотце себе. И ушел с угрозами: «Я тебя сделаю». Как думаете, что этот глагол означает на его языке?

Уайт посмеялся еще.

— Ну, красота. Надо же такое выдумать! Принять вас за Ловкача Сэма!

— Он сказал, что никогда Ловкача не видел. А вы? Он что, похож на меня?

— Ни чуточки.

— Как вы думаете, он в Англии?

— Сэм? Да, он тут.

— Значит, МакГиннис прав?

— Абсолютно. Сэм охотится за Золотцем. Он и раньше пытался, но мы всегда его обставляли. На этот раз он уверен, что ему удастся.

— Тогда почему мы не видим его? Видимо, в этих краях Бак монополизировал индустрию похищений.

— О, Сэм непременно появится, когда сочтет, что готов. Уж поверьте мне на слово, Сэм знает что делает. Он — мой особый любимец. Бака МакГинниса я в грош не ставлю.

— Хотел бы и я относиться к нему так же легко. Но мне Бак

представляется весьма значимой персоной. Интересно всё-таки, что он хочет со мной сделать?

Уайт, однако, ни в какую не желал оставлять более одаренного конкурента.

— Сэм учился в колледже. У него есть мозги, и он умеет ими пользоваться.

— Да, Бак меня упрекал. Говорит, что это нечестно.

— У Бака нет разума, — засмеялся сыщик. — Вот почему он повел себя как мелкий воришка, залезающий украдкой в дом. Только так он и представляет себе похищение. И вот почему, когда касается Золотца, остерегаться нужно только одного человека.

— Он для вас просто личный друг! А мне определенно не понравился.

— Да ну его! — презрительно отмахнулся Уайт.

Мы уже повернули к дому, когда до нас через поле донесся звон колокольчика.

— Значит, вы считаете, что нужно ждать Сэма? — спросил я. — Рано или поздно он появится?

— Вот именно.

— Много вам хлопот!

— Такая моя работа.

— Наверное, и мне следует относиться к этому так же. Но хотел бы я все-таки знать, что Бак собирается сделать…

Уайт наконец снизошел до объяснений по этому мелкому пункту.

— Думаю, они стукнут вас мешком, — небрежно бросил он, явно рассматривая подобную перспективу вполне хладнокровно.

— Мешком? — промямлил я. — Как занятно!..

— И ощущения занятные. Я-то знаю. Мне доставалось.

Мы расстались у двери. Утешитель Уайт — никудышный. Он не снял тяжести с моей души.

Глава VII

Оглядываясь назад, я понимаю, что наше знакомство с Одри только и началось после её приезда в Сэнстед. Прежде, во времена помолвки, мы оставались чужими, искусственно связанными, вот она и вырвалась из пут. Теперь мы впервые начали узнавать друг друга, открывая, что между нами много общего.

Это не встревожило меня. Зорко стоя на страже, не проблеснет ли хоть

легчайший признак, свидетельствующий об измене Синтии, в дружелюбном общении с Одри я не обнаруживал ни единого. Напротив, я испытывал огромное облегчение, мне казалось, что опасности нет. Я и не представлял себе, что смогу испытывать к Одри такое ясное чувство, такую легкую спокойную дружбу. Последние пять лет мое воображение столько раз воскрешало воспоминания о ней, что я воздвиг какой-то сверхчеловеческий образ, какую-то богиню. То, что я испытывал сейчас, было, конечно, естественной реакцией на то состояние души. Вместо богини я нашел общительную женщину, и мне представлялось, будто я сам, простой силой воли поставил Одри на разумное место в моем жизненном укладе.

Наверное, не слишком умный мотылек придерживается таких же взглядов на лампу. Влетая в пламя, он поздравляет себя с тем, как здорово он построил отношения на отличнейшей основе, полной здравого смысла.

И вот, когда я чувствовал себя ясно и безопасно, грянула беда.

Была среда, мой «полувыходной», но за окнами лил дождь, и бильярд в «Перьях» не так уж манил меня, чтобы отшагать две мили. Я устроился в кабинете. В камине потрескивал приветливый огонь, и темноту освещало лишь поблескиванье углей. За окном шуршал дождь, трубка горела ровно. Всё это вместе, да вдобавок мысли о том, что пока я блаженствую, Глоссоп сражается с моим классом, навевало на меня задумчивый покой. В гостиной играла на пианино Одри. Звуки слабо долетали до меня через закрытые двери. Я узнал мелодию. Интересно, вызывает ли она и у Одри те же воспоминания, что и у меня? Музыка смолкла. Я услышал, как открылась в гостиной дверь, и Одри вошла в кабинет.

— Я и не знала, что тут кто-то есть, — сказала она. — Я замерзла. А в гостиной камин потух.

— Проходи и садись, — пригласил я. — Ты не возражаешь, что я курю?

Я подвинул для нее кресло к камину, ощущая при этом определенную гордость. Вот я, наедине с ней, а пульс у меня стучит ровно, мозг холоден. Передо мной мелькнул образ Настоящего Мужчины — сильного, хладнокровного, железной рукой контролирующего свои эмоции. Я упивался собой.

Одри посидела несколько секунд, глядя в огонь. В самой середке черно-красного угля вились маленькие язычки. За окном слабо завывал ураган, и струи дождя хлестали по стеклу.

— Тут так уютно, — произнесла она наконец.

Я вновь набил трубку и разжег её. Глаза Одри — я увидел их на миг в свете спички — смотрели мечтательно.

— А я сидел тут и слушал тебя, — заметил я. — Мне нравится последняя вещь.

— Тебе она всегда нравилась.

— Ты это помнишь? А помнишь, как однажды вечером… нет, ты, конечно же, забыла.

— В какой вечер?

— О, да ты не помнишь. Однажды вечером, когда ты играла именно эту мелодию… в студии твоего отца.

Одри быстро подняла глаза.

— А потом мы сидели в парке. Я выпрямился.

— Мимо еще прошел человек с собакой, — подхватил я.

— С двумя.

— Нет, с одной.

— С двумя. С бульдогом и фокстерьером.

— Бульдога я помню, а… честное слово, ты права! Фокстерьер с черным пятном над левым глазом.

— Над правым.

— Да, над правым. Они подошли, и ты…

— Угостила их шоколадкой.

Я медленно откинулся на кресле.

— У тебя поразительная память.

Она молча наклонилась над камином. По стеклу всё барабанил дождь.

— Так тебе по-прежнему нравится, как я играю на пианино?

— Еще больше прежнего. Теперь в твоей игре появилось что-то новое, чего не было прежде. Я не могу выразить, это…

— Думаю, Питер, это опыт, — спокойно перебила Одри. — Теперь я на пять лет старше. За эти годы много пережила. Не всегда приятно окунаться в жизнь, но… на пианино играешь лучше. Опыт входит в сердце и передается через пальцы.

Мне показалось, что говорит она чуть-чуть горько.

— Одри, тебе худо приходилось?

— Всякое бывало.

— Мне жаль.

— А мне в общем-то нет. Я многому научилась.

Она опять умолкла, взгляд её не отрывался от огня.

— О чем ты сейчас думаешь? — спросил я.

— О многом.

— О приятном?

— И о приятном тоже. Последняя мысль была приятная. Мне повезло, что я нашла теперешнюю работу. В сравнении с прежними…

Её передернуло.

— Мне бы хотелось, Одри, чтобы ты рассказала мне об этих годах, — попросил я. — Что еще за работы?

Одри откинулась в кресле и прикрыла лицо газетой. Глаза ее оказались в тени.

— Хм, дай-ка вспомнить. Какое-то время я работала медсестрой в Нью-Йорке…

— Трудно было?

— Ужасно. Вскоре мне пришлось это бросить. Но… всякому выучиваешься. Понимаешь, сколько в твоих бедах надуманного. Вот в больнице беды настоящие. Там они бросаются в глаза.

Я промолчал. Я чувствовал себя немножко неуютно. Так чувствует себя человек в присутствии другого, более значительного.

— Потом я нанялась официанткой.

— Официанткой?

— Говорю же тебе, чем я только ни занималась! Была и официанткой. Очень, кстати, плохой. Била тарелки. Путала заказы. А в конце концов нагрубила клиенту и отправилась искать другую работу. Кем я работала потом, забыла. По-моему, в театре. Год ездила с труппой. Тоже нелегкий труд, но мне нравилось. После этого стала портнихой, что труднее, это я просто ненавидела. А потом мне наконец впервые улыбнулась удача.

— Какая?

— Я познакомилась с мистером Фордом.

— И что же?

— Ты, наверное, не помнишь мисс Вандерли, американку? Она приезжала в Лондон лет пять-шесть назад. Мой отец учил её живописи. Она была очень богата, но безумно рвалась в богему, поэтому и выбрала отца. Она вечно сидела в студии, и мы с ней очень подружились. Однажды, после всех моих мытарств, я подумала, что надо бы написать ей. Может, она сумеет найти для меня нормальную работу. Она такая милая. — Голос у Одри дрогнул, и она совсем спряталась за газету. — Она хотела, чтобы я просто переехала к ним, но я не могла так поступить. Я сказала, что должна работать. Тогда она порекомендовала меня мистеру Форду, Вандерли знали его очень хорошо, и я стала гувернанткой Огдена.

— Что? — закричал я. Она смущенно засмеялась.

— Не думаю, что из меня получилась такая уж хорошая гувернантка.

Я почти ничего не знаю. Мне самой нужна няня. Но я как-то справилась.

— Этот маленький изверг — он душу из тебя, наверное, вытряс?

— О, здесь мне снова повезло! Я ему почему-то понравилась, и он вел себя как настоящее золотце. Насколько мог, конечно, и если я не особо мешала ему безобразничать. Я и не мешала. Я очень слабая. Счастливое время, такого у меня давно не было.

— А когда он приехал сюда, ты тоже приехала, чтобы оказывать на него нравственное воздействие?

— Более или менее, — засмеялась она.

Мы посидели молча, а потом Одри высказала мысль, бродившую у нас обоих:

— Как странно, Питер, что мы с тобой сидим вот так и болтаем после всего, что… после всех этих лет.

— Точно во сне.

— Да, в точности как во сне… Я так рада… Ты не представляешь, как я ненавидела себя порой за… за…

— Одри! Не надо так говорить. Давай не будем вспоминать про это. К тому же, вина целиком моя.

Она покачала головой.

— Ладно, давай скажем, что мы не поняли тогда друг друга.

— Да, — медленно кивнула Одри, — не поняли.

— Но теперь понимаем, — продолжил я. — И мы друзья, Одри.

Она не ответила. Мы долго сидели в молчании. А потом — видно, сдвинулась газета — отсвет огня упал на её лицо, заблестел в глазах, и кровь у меня запульсировала в жилах, словно барабан, предупреждающий город об опасности. В следующую минуту тень снова закрыла ее глаза.

Я сидел, вцепившись в подлокотники кресла. Я трепетал, со мной что-то творилось. У меня зародилось чувство, будто я на пороге чего-то чудесного и опасного.

Снизу донеслись голоса мальчиков. Занятия закончились, а значит, и этот разговор у камина. Через несколько минут кто-нибудь — Глоссоп или мистер Эбни — непременно вторгнется в наше убежище.

Мы оба поднялись, и тогда — случилось это. Одри оступилась в темноте. Она споткнулась, рука её схватилась за мой пиджак, и она очутилась в моих объятиях.

Длилось всё одну секунду. Она обрела равновесие, двинулась к двери и исчезла.

А я замер на месте, пораженный ужасом от открытия, пришедшего ко мне в этот короткий миг. Простое касание начисто сокрушило хлипкое

сооружение дружбы, а оно казалось мне таким крепким! Я говорил любви: «До сих пор, и ни шагу дальше», — а любовь нахлынула на меня еще сильнее из-за того, что её сдерживали. Время самообмана кончилось. Я понял себя.

Глава VIII

1

То, что Бак МакГиннис — не лежачий камень и действовать будет быстро, я понял из характеристики Уайта, а еще раньше — из личных наблюдений. Мир делится на мечтателей и людей действия. Из того малого, что я видел, я отнес Бака к последнему классу. Каждый день я ждал, что сегодня он приступит к делу, и когда день проходил, был приятно разочарован. Но я не сомневался, час придет. И он пришел.

Я предполагал, что атаку Бак предпримет фронтальную, не пойдет на тонкие уловки. Но атака оказалась настолько лобовой, что меня парализовало от изумления. Казалось невероятным, чтобы события, обычные для Дикого Запада, вдруг развернулись в мирной Англии, пусть даже и в таком уединенном местечке, как «Сэнстед Хаус».

Выпал один из тех бесконечно тянущихся дней, какие случаются только в школе. Сильнее любого другого заведения школа зависит от погоды. Утром каждый мальчик встает с постели, заряженный определенным количеством озорства, и он должен, если он хочет заснуть вечером, избавиться от него до отбоя. Вот почему все учителя так ждут летнего семестра, когда перемены проводят на воздухе. Нет зрелища приятнее для учителя частной школы, чем толпа мальчишек, выпускающих пары на солнышке.

В этот день снег начался с самого утра, и хотя ученики были бы только рады выскочить и поваляться часочек на снегу, им мешал строгий запрет мистера Эбни. Ни одному учителю не доставляет радости смотреть, как ученики рискуют схватить простуду, а мистер Эбни особенно сурово следил за этим. Разгул, последовавший за ночным визитом Бата МакГинниса, кончился тем, что трое лордов, один баронет и младший сын достопочтенного подхватили жесточайшую простуду.

Простудился и сам мистер Эбни; его пронзительный тенорок перешел

в хриплое карканье, и он лежал в постели, взирая на мир слезящимися глазами. Следовательно, его взгляды на игры в снегу, естественно, были предвзятыми.

Тем самым нам с Глоссопом приходилось прикладывать немало стараний, чтобы сохранять порядок среди мальчишек, ни одному из которых не удалось разрядить энергию. Как справлялся Глоссоп, я мог себе только представлять. Судя по тому, что даже я, обычно поддерживавший относительный порядок без особых усилий, и то терпел поражение, могу вообразить, что творилось у него. Его классная комната находилась на противоположном конце коридора, и частенько его голос на обезумевшем фортиссимо проникал через мою дверь.

Потихоньку, однако, мы пережили этот день. Мальчики понемножку угомонились, занявшись обычными вечерними приготовлениями, когда за окном раздался рокот большого автомобиля. Звякнул дверной звонок.

Помню, я не обратил особого внимания. Я решил, что зашел кто-то из живших по соседству, в большом доме, а не то, принимая во внимание поздний час, какая-то компания хочет спросить дорогу в Портсмут или Лондон — «Сэнстед Хаус» стоял на отшибе в середине сложной, запутанной системы пересекавшихся боковых дорог. Словом, я не обратил внимания на звонок; но для мальчишек годилось все, что отвлечет от монотонности дня, души их жаждали разнообразия. И они откликнулись шумными возгласами.

Чей-то голос:

— Сэр, пожалуйста, у дверей машина! Я (сурово):

— Знаю. Продолжайте работать. Несколько голосов:

— Сэр, а вы когда-нибудь катались на машине? Сэр, а мой отец разрешил мне порулить на прошлую Пасху! Сэр, а как вы думаете, кто там?

Одиночный талант, имитирующий мотор:

— Дрр-рр! Др-р! Др-р!

Я уже готов был щедрой рукой понаставить плохих отметок, когда странный звук остановил меня. Он последовал сразу, как открылась парадная дверь. Я слышал шаги Уайта, пересекающего холл, звяканье щеколды, а потом — этот шум, определить который я не мог.

Закрытая дверь классной комнаты приглушила его, но всё-таки он донесся и сюда. Вроде бы что-то упало, но я знал, что это случиться никак не может. В мирной Англии, открыв дверь, дворецкие не валятся с шумом на пол.

Мой класс, жадно прислушивавшийся, тут же ухватился за новую

тему:

— Сэр, что это было, сэр?

— Вы слыхали, сэр?

— Как думаете, что случилось, сэр?

— Тише! — закричал я. — Ти-ше!..

В коридоре послышались быстрые шаги, дверь отлетела настежь, и на пороге появился приземистый плотный человек в автомобильной куртке. Мало того, верхнюю часть его лица прикрывала белая тряпка с дырками для глаз, а в руке он держал браунинг.

Если бы учителю разрешили носить белую маску и расхаживать с пистолетом, то поддержание порядка в школе превратилось бы в детскую забаву. В классе мгновенно воцарилась тишина, какой никогда не добиться угрозой плохих оценок. Поворачиваясь к посетителю, я заметил уголком глаза, как мальчишки восторженно таращатся на волшебное воплощение мечтаний, подстегнутых приключенческой литературой. Насколько я мог судить при последующем опросе, ни один из них не испытал ни искорки страха. Какой там страх! Для их развлечения ожила иллюстрация из еженедельника, и тратить время было бы жалко.

Что до меня, я был поражен. Автомобильные бандиты могут терроризировать Францию, а гангстеры совершать напеты в Америке, но у нас — мирная Англия. То, что Бак МакГиннис околачивается где-то в окрестностях, не делало всё правдоподобнее. Мне представлялось, что счеты со мной Бак будет сводить где-то на улице, в потемках. Я видел, как он лежит в засаде на пустынной дороге, в крайнем случае — прокрадывается на школьный двор. Но даже в самые страшные моменты я и подумать не мог, что он вломится в парадную дверь и наставит на меня пистолет в моей же классной комнате.

Однако это был для него простой и даже очевидный поступок. При наличии автомобиля успех ему был обеспечен. «Сэнстед Хаус» стоит совсем на отшибе. Поезд, потерпевший крушение посреди пустыни, и то не так отрезан от мира.

Учтите и характерную для школы беспомощность. Школа держится доверием родителей, а этот зыбкий фундамент может рассыпаться от легчайшего дуновения. Все действия должны осуществляться с предельной осмотрительностью. Вряд ли, конечно, МакГиннис учитывал эту сторону, но он не мог сделать более хитрого хода, даже будь он Наполеоном. Если владелец обычного деревенского коттеджа может поднять в погоню всю округу, то директору частной школы приходится действовать совсем иначе. С его точки зрения, чем меньше людей узнает о случившемся, тем

лучше. Родители — народец нервный. Человек может быть идеальным директором, и все же, случись драматическое происшествие, и ты в их глазах опорочен. Они мгновенно и легко впадут в панику, не удосуживаясь навести справки. Белокурый Уилли может получать отменнейшее образование, но если в храм науки повадились люди с браунингами, родители непременно заберут его оттуда. К счастью для директоров, такие посетители крайне редко наведываются к ним в гости. Я даже думаю, что визит МакГинниса был первым.

Вряд ли, как я уже говорил, Бак, чья сильная сторона — отнюдь не работа мозгов, продумал все это. Он попросту положился на удачу, и удача его не подвела. Школа ни за что не станет поднимать на ноги всю округу. Я так и видел, как мистер Эбни прилагает все старания, чтобы, не дай Бог, ни словечка не просочилось в газеты.

Человек с браунингом заговорил. Он увидел меня — я стоял спиной к камину, параллельно двери — и, резко повернувшись, вскинул оружие.

— Руки вверх! — приказал он. Голос незнакомый. Я поднял руки.

— Ну-ка, кто тут Золотце? Он повернулся к классу.

— Кто из вас, ребятишки, Огден Форд? Класс от изумления поразила немота.

— Огдена Форда тут нет, — ответил я.

Наш гость не обладал наивной верой, которая ценится выше нормандской крови, и не поверил мне. Не поворачивая головы, он издал длинный свист. Снаружи затопали шаги. В комнату ввалился еще один приземистый крепыш.

— Его нету в другой комнате, — объявил он. — Я проверил. А вот это был, вне сомнений, мой приятель Бак. Я узнал бы его голос где угодно.

— Этот тип говорит, — сказал человек с револьвером, — и тут его нету. Тогда где же?

— Ба, да это же Сэм! — воскликнул Бак. — Здоров, Сэм. Рад встрече? Мы теперь тоже внутри, на этот раз всё путем.

Слова произвели заметный эффект на его коллегу.

— Сэм? А, черт! Позволь, я башку ему снесу. — с наивным жаром потребовал он, угрожающе рванувшись ко мне, и замахнулся свободным кулачищем. В роли Сэма я не пользовался популярностью. Никогда еще я не слышал, чтобы столь скупые слова выражали столько эмоций. Бак, к моему облегчению, отверг эту просьбу, и я решил, что это очень порядочно.

— Охолони! — коротко бросил он.

Тот охолонул, то есть опустил кулачище. Но револьвер был по-

прежнему нацелен на меня. Мистер МакГиннис взял ситуацию в свои руки.

— Ну так чего, Сэм, — сказал он, — колись. Где тут у вас Золотце?

— Я не Сэм, — твердо возразил я. — Можно мне опустить руки?

— Ага, если желаешь, чтоб тебе макушку отстрелили. Такого желания у меня не возникло, и рук опускать я не стал.

— Ну так, Сэм, — повторил МакГиннис, — нету у нас времени лясы точить. Выкладывай, где этот Золотце?

Отвечать как-то требовалось. Бесполезно было настаивать, что я не Сэм.

— В это время по вечерам он обычно занимается с мистером Глоссопом.

— Какой-такой Глоссоп? Недотепа с булкой вместо физии?

— Именно. Вы прекрасно его описали.

— Там Золотца нету. Я проверил. А ну, кончай дурить, Сэм! Где он?

— Я не могу сообщить вам, где именно он в данный момент, — правдиво ответил я.

— А, черт. Дай-ка, я ему долбану! — взмолился грабитель с револьвером, крайне неприятная личность. Я бы никогда с таким не подружился,

— Охолони! — опять бросил МакГиннис. Тот охолонул с сожалением.

— Ты его, Сэм, куда-то припрятал, — предположил МакГиннис. — Но тебе меня не обмишурить. Я местечко это частым гребешком прочешу, а сыщу мальчишку.

— Пожалуйста. Не смею задерживать.

— А ты со мной потопаешь.

— Как желаете. Рад служить.

— Да кончай ты рассусоливать, болван! — рявкнул Бак, внезапно впадая в ярость. — Говори, как нормальный парень. Стоит тут, морочит мне башку!

— Слушай-ка, давай я двину ему разок, — жалобно взмолился обладатель револьвера. — Какие возраженья-то?

Вопрос этот показался мне самого дурного вкуса. Бак не обратил на него внимания.

— Отдай-ка пушку, — приказал он, отбирая у другого браунинг. — Ну, а теперь, Сэм, будешь умником, и пойдешь, или нет?

— Охотно сделаю всё, что пожелаете, но…

— Ну так и двигай давай, — с отвращением приказал Бак. — Топай, да поживее, сейчас обойдем местечко. Думал, у тебя, Сэм, побольше ума. Чего играть в эти дурацкие игры? Сам знаешь, что проиграл. Ты…

Стреляющая боль в плечах вынудила меня перебить его.

— Минутку. Я опущу руки. У меня судороги.

— Дыру в тебе прострелю, если опустишь.

— Это уж как вам угодно. Но я не вооружен.

— Левша, — бросил он второму, — пошарь, нету ли при нём пушки.

Шагнув вперед, Левша принялся умело охлопывать мои бока, угрюмо бурча всё время. На таком близком расстоянии соблазн стал почти неодолимым.

— Нету, — сумрачно объявил он.

— Тогда можешь опустить, — разрешил МакГиннис.

— Спасибо.

— А ты оставайся тут, приглядывай за ребятней. Двинулись, Сэм.

Мы вышли из комнаты, я — впереди, Бак — чуть ли не вплотную следом. Изредка он предостерегающе тыкал мне в спину верной пушкой.

2

Когда мы вышли в коридор, я сразу увидел человека, лежащего у парадной двери. Свет лампы падал ему на лицо, и я узнал Уайта. Руки и ноги были связаны. Пока я смотрел на него, он пошевелился, точно бы стараясь разорвать узы, и я почувствовал облегчение. Тот шум, который донесся до меня в классе, в свете последующих событий представлялся весьма зловещим, и я с облегчением увидел, что он еще жив. Я догадался, и совершенно правильно, как выяснилось впоследствии, что злодеи использовали мешок с песком. Его оглушили в тот самый момент, как он открыл дверь.

Рядом с комнатой Глоссопа стоял, привалившись к стене, еще один субъект в полумаске, приземистый и плотный. Видимо, шайку МакГинниса подбирали по единому образцу, все казались близнецами. У этого единственной отличительной чертой были рыжие усы. Он курил трубку, словно воин на привале.

— Привет! — крикнул он, когда мы появились, и ткнул большим пальцем в дверь класса. — Я их запер. Чего это ты делаешь, Бак? — Он ленивым кивком указал на меня.

— Местечко обходим, — объяснил МакГиннис. — Парня там тоже нету. Давай, шевелись, Сэм!

Апатия слетела с его коллеги, как по волшебству.

— Сэм! Так это Сэм! Дай-ка я вышибу ему мозги! Больше всего в этом

эпизоде меня поразила схожесть вкусов у членов шайки МакГинниса. Люди, имеющие, без сомнения, самые разные точки зрения на другие предметы, в этом пункте сходились единодушно. Все как один рвались разнести мне голову. У Бака, однако, были насчет меня другие замыслы. Пока что я был необходим ему как гид, а моя ценность сильно упала бы, если б из меня вышибли мозги. Дружелюбия ко мне он чувствовал не больше, чем сподвижники, но не позволял чувствам примешиваться к делу. Всё внимание Бак сосредоточил на предстоящем походе наверх, с истовостью молодого джентльмена из поэмы Лонгфелло, который нес знамя со странной надписью Excelsior.[8]

Коротко попросив своего союзника охолонуть, что тот и исполнил, он подтолкнул меня дулом револьвера. Рыжеусый вновь привалился к стенке, удрученно посасывая сигару с видом человека, познавшего разочарование. Мы же поднялись по лестнице и приступили к обходу комнат на втором этаже.

Были там кабинет мистера Эбни и две спальни. Кабинет был пуст, а единственными обитателями спален оказались трое мальчиков, лежавших с простудой по причине того, первого визита МакГинниса. Они пискнули от удивления при виде учителя, явившегося в такой сомнительной компании.

Бак разочарованно оглядел их. Я ждал, чувствуя себя коммивояжером, водящим покупателя по залу с образцами товаров.

— Дальше, — буркнул Бак.

— А кто-нибудь из этих не сгодится?

— Заткнись ты, Сэм.

— Зови меня Сэмми, — проникновенно попросил я. — Мы теперь старые друзья.

— Не хами, — сурово отозвался он, и мы двинулись дальше.

Верхний этаж оказался еще пустыннее второго. В спальнях никого не было. Единственная комната, кроме спален, принадлежала мистеру Эбни, и когда мы подошли к ней, чихание внутри поведало о страданиях обитателя.

Чихание потрясло Бака до глубины души. Он сделал стойку у дверей, точно гончая.

— А тут кто? — спросил он.

— Только мистер Эбни. Его лучше не беспокоить. У нег сильнейшая простуда.

Бак неправильно истолковал мою заботливость о нанимателе. Он разволновался.

— Открой сейчас же эту дверь!

— Он испугается.

— Давай! Отворяй!

Тот, кто тычет браунингом пониже спины, не встретит неповиновения. Я открыл дверь — постучавшись сначала в виде слабой уступки условностям, — и наша процессия вошла.

Мой сраженный болезнью наниматель лежал на спине, вперившись взором в потолок, и сначала наш приход не оторвал его от созерцания.

— Да? — хрипло прокаркал он, и исчез за огромным носовым платком. Приглушенные звуки, точно отдаленные взрывы динамита, соединенные с землетрясениями, подсказали, что он расчихался.

— Просите, что побеспокоили, — начал было я, но Бак, человек действия, презирающий пустую болтовню, прошагал мимо меня и, ткнув револьвером в бугор на постели, где, по грубым подсчетам, скрывались ребра мистера Эбни, бросил всего одно слово:

— Па-а-слушай!

Мистер Эбни резко сел, точно чертик в коробке. Кто-то мог бы даже сказать, что он подскочил. И тут он увидел Бака.

Не могу даже отдаленно представить, каковы были его чувства. Он с самого детства вел размеренную, спокойную жизнь. Создания вроде Бака появлялись в ней, если появлялись вообще, только в кошмарных снах после чересчур плотного обеда. Даже в обычном костюме без экстравагантностей вроде маски и револьвера Бак был совсем не красавец. Но с этой чудовищной грязной тряпкой на лице он превратился в ходячий кошмар.

Брови мистера Эбни взлетели, челюсть отпала до самого нижнего предела. Волосы, взлохмаченные от соприкосновений с подушкой, встали дыбом. Глаза выпучились, как у змеи. Он зачарованно уставился на Бака.

— Слушай, кончай глазеть-то. Не на выставке. Где этот ваш Форд?

Все фразы МакГинниса я записываю, словно их произносили звучным голосом, ясно и четко; но я ему льщу. На самом деле манера его речи наводила на подозрения, что рот у него набит чем-то большим и жестким, и понять его было трудновато.

Мистеру Эбни это не удалось. Он по-прежнему беспомощно таращился, разинув рот, пока напряженность не снялась новым чиханием.

Допрос чихающего человека не приносит удовлетворения. Бак сумрачно дожидался конца приступа. Я, между тем, оставался близко к двери. Я тоже пережидал чихание мистера Эбни, и мне в голову пришла мысль в первый раз с той минуты, как Левша ввалился в класс: надо бы действовать. До этого новизна и неожиданность событий притупили мой мозг. Покорно шагать впереди Бака по лестнице и с той же покорностью

дожидаться, пока он допросит мистера Эбни, представлялось мне единственно возможным. Для человека, чья жизнь протекала в стороне от подобных вещей, гипнотическое влияние пистолета поистине непреодолимо.

Но теперь, временно освободившись из-под этого влияния, я начал думать, и ум мой, восполняя прежнюю пассивность, искрометно, просто и быстро выстроил план действий.

План получился простенький, но очень эффективный. Мое преимущество заключалось в знании «Сэнстед Хауса» и невежестве Бака. Только бы взять правильный старт, и тогда его преследование окажется напрасным. Именно в старте я видел залог успеха.

До Бака не дошло, что оставить меня между дверью и собой — тактическая ошибка. Наверное, он слепо полагался на гипнотическую силу пистолета. Он даже не смотрел на меня. В следующий же миг мои пальцы легли на выключатель, и комната потонула во мраке. Схватив стул, стоявший у двери, я швырнул его в пространство между нами. Потом, отскочив, распахнул дверь и помчался.

Бежал я не бесцельно. Я стремился к кабинету. Он, как я уже объяснял, находился на втором этаже. Его окно выходило на узкую лужайку, окаймленную кустарником. Прыжок, конечно, не из приятных, но мне вроде бы припоминалось, что по стене, близко к окну, проходит водосточная труба. И в любом случае, я не в том положении, чтобы синяк-другой отпугнули меня. Я прекрасно понимал, что мое положение крайне опасно. Когда Бак, завершив обход дома, не найдет Золотца — а я полагал, что так и случится, — то он снимет защиту, какую предоставлял мне как гиду. На меня обрушится вся ярость его разочарования. Никакие благоразумные соображения о собственной безопасности не удержат их. Будущее ясно. Мой единственный шанс — сбежать в сад, где в темноте преследовать невозможно.

Управиться следовало в несколько секунд — я рассчитал, что Баку потребуются именно эти секунды, чтобы пробраться мимо стула и нашарить дверную ручку.

И оказался прав. Как раз когда я достиг двери кабинета, дверь спальни отлетела, и дом наполнился криками и топотом бегущих ног по не застланной ковром площадке. Из коридора снизу раздались ответные крики, но с вопросительной ноткой. Помощники были готовы помочь, но не знали как. Покидать посты без особого распоряжения им не хотелось, а криков Бака за топотом ног было не разобрать.

Очутившись в кабинете, я быстро запер за собой дверь, пока они не

достигли взаимопонимания, и скакнул к окну. Ручка гремела. Неслись крики. Треснула от ударов панель, и затряслись на петлях двери.

И тут меня впервые в жизни охватила паника. Сокрушающий оголтелый страх, уничтоживший всякий разум, захлестнул меня волной; тот парализующий ужас, какой бывает только в кошмарных снах. И впрямь все походило на сон. Мне чудилось, будто я стою рядом с самим собой, глядя со стороны, как я сражаюсь израненными пальцами с окном, дергаю, а оно никак не поддается.

3

Критик в кресле, анализирующий ситуацию спокойно, не сделает, пожалуй, скидок на спешку и страх. Он рассуждает хладнокровно и отстраненно и видит совершенно точно, что следовало сделать и какими простыми средствами можно избежать катастрофы. Он бы вмиг расправился со всеми моими трудностями.

Всё было бы до смешного просто. Но я потерял голову, и на минутку перестал быть разумным существом. Лишь чистая удача спасла меня. Как раз в тот миг, когда сопротивлявшаяся дверь наконец поддалась напору, пальцы мои, скользнув, ткнулись в защелку, и я понял, почему никак не мог поднять окно.

Оттянув защелку, я рывком поднял раму. В комнату ворвался ледяной ветер со снегом. Я вскарабкался на подоконник, и треск позади подсказал, что дверь пала.

От слежавшегося снега на подоконнике колени у меня промокли, пока я выбирался наружу, готовясь к прыжку. В комнате раздался оглушительный взрыв, и что-то ожгло мне плечо, будто каленым железом. Вскрикнув от боли, я потерял равновесие и свалился вниз.

К счастью для меня, под окном рос лавровый куст, не то я расшибся бы. Упал я на него всем телом. Упади я на дерн, я переломал бы себе все кости. В мгновение ока я вскочил на ноги, поцарапанный и ошеломленный. Мысль о побеге, которая владела мной минутой раньше, затмевая все другие, исчезла бесследно. Боевой задор, переливался, можно сказать, через край. Помню, как я стоял там, и снег ледяными ручейками стекал у меня по лицу и шее, а я грозил кулаком в сторону окна. Двое преследователей свесились из него, третий суетился позади, точно коротышка, прыгающий за спинами толпы, чтобы разглядеть место действия. Вместо того чтобы благодарить за свое спасение, я только жалел,

что не могу добраться до них.

Последовать быстрым, но тяжким маршрутом, который прельстил меня, они не пытались, будто дожидаясь чего-то. Очень скоро я понял, чего. От парадной двери послышались бегущие шаги.

Внезапно стихший шум подсказал мне, что человек миновал гравий и бежит по дерну. Я отступил шага на два, выжидая. Вокруг было черным-черно, и я не боялся, что меня увидят. Свет из окна до меня не доставал.

Остановился человек, чуть не добежав до меня. Последовал короткий разговор:

— Ты его видишь?

Спрашивал не Бак. А вот ответил Бак. Когда я понял, что тот, кто совсем рядом, на чью спину я вот-вот прыгну и чью шею, если будет угодно Провидению, сверну штопором, не кто иной, как мистер Бак МагГиннис собственной персоной, меня наполнила радость, которую трудно пережить молча.

Оглядываясь назад, я чувствую даже слабую жалость к МакГиннису. Хорошим человеком он не был. Безусловно, он заслужил всё, что на него надвигалось, а всё-таки ему не повезло, что он очутился именно там, именно в этот миг.

Боль в плече, царапины на лице и злость на то, что я вымок и замерз, ввергли меня в дикую ярость и решимость разделаться с любым, кто бы ни подвернулся под руку. В груди нормального, мирного человека такие желания возникают редко. Короче говоря, меня обуревала бешеная драчливость, и я смотрел на Бака как на дар небес. Он успел проговорить: — Нет, не могу… И тут я прыгнул на него.

Мне доводилось читать о прыжках ягуара, и я сам видел весьма впечатляющие полеты полузащитников на футбольном поле. Мой прыжок соединил лучшие качества и тех, и других. Я столкнулся с МакГиннисом где-то в области пояса, и вопль, какой он издал, когда мы с шумом свалились на землю, прозвучал музыкой для моих ушей.

Сколько истины в старой римской пословице «Surgit amari aliquid».[9] Всегда чего-то да недостает. В программе, какую я набросал, поражение МакГинниса было всего лишь второстепенным пунктом, так сказать, прелюдией. Несколько поступков я желал совершить, повергнув его, но этому не суждено было осуществиться. Потянувшись к его горлу, я заметил, что свет из окна потускнел. Плотная фигура выбралась на подоконник, как до того и я, что-то зацарапало по стене — он спускался, чтобы прыгнуть.

Наступает момент, когда самые приятные действия приходят к концу.

Мне было тяжко отрываться от МакГинниса, как раз когда я начал показывать себя во всем блеске, но я покорился неизбежности. Еще минута, и его союзник опустится на нас, точно гомеровский бог, спускающийся из облака, а продолжать сражение против двоих я был не готов.

Я высвободился — МакГиннис был странно покорен — и очутился в темноте и безопасности в тот самый миг, как подкрепление коснулось земли. На этот раз дожидаться я не стал. Мою жажду битвы в какой-то степени утолил бой с Баком, и я с честью мог укрыться в безопасном месте.

Сделав большой крюк, я пересек подъездную дорогу и пролез через кусты в нескольких ярдах от автомобиля, наполнявшего ночь тихим урчанием мотора. Было интересно посмотреть, что предпримет враг дальше. Маловероятно, что они пустятся прочесывать сад. Я предположил, что они признают поражение и уберутся, откуда явились.

И оказался прав. Долго ждать мне не пришлось. Очень скоро в свете автомобильных фар появилась маленькая группка. Трое шли сами, а четвертого, ругавшегося с яростью и вдохновением, выдававшим настоящего знатока, они несли на руках, сплетенных наподобие носилок.

Водитель, деревянно восседавший за рулем, обернулся на шум.

— Захватили его? — спросил он.

— Никого мы не захватили, — угрюмо бросил один. — Нету там Золотца. А Сэма мы ловили, но он смылся, да еще Бака отдубасил.

Они уложили свой бесценный груз в машину, и Бак лежал там, повторяя свой репертуар ругательств. Двое залезли вслед за ним, а третий уселся рядом с водителем.

— У Бака нога сломана, — объявил он.

— Вот это да! — отозвался шофер.

Ни одного молодого актера, награжденного первыми аплодисментами, не пробирала такая пронзительная дрожь, какая пробрала меня при этих словах. В жизни случаются триумфы и благороднее сломанной ноги похитителя, но тогда я так не думал. Я едва сдержался, чтобы не издать победный клич.

— Заводи! — бросил бандит на переднем сиденье. Рокот перешел в рев. Машина развернулась и покатилась с нарастающей скоростью по подъездной дороге. Рокот мотора становился всё слабее и, наконец, совсем смолк. Я отряхнул снег с пиджака и направился к парадной двери.

Войдя в дом, я освободил Уайта. Тот лежал всё там же, где я его видел. Развязать узлы на запястьях и щиколотках ему не удавалось. Я пришел ему на помощь довольно тупым перочинным ножиком. Уайт

поднялся и принялся молча растирать затекшие руки-ноги.

— Они уехали, — сообщил я. Он кивнул.

— Вас мешком стукнули? Он опять кивнул.

— Я сломал Баку ногу, — со скромной гордостью поведал я.

Уайт взглянул недоверчиво. Я пересказал ему как можно короче все свои приключения. Когда я дошел до того, как сделал Баку подсечку, мрачность на его лице сменилась веселой улыбкой. Увечье Бака всем остальным доставило массу радости. Уайт, например, выказывал неподдельный энтузиазм.

— Это обуздает его на время, — сказал он. — Думаю, недели две мы про него не услышим. Лучшего лекарства от головной боли мне в жизни не давали.

Он потер шишку, вскочившую у него на лбу, пониже волос. Я не удивлялся его радости. Кто бы ни треснул его мешком, работа была проделана классно, и у жертвы это вызывало самые жестокие, мстительные чувства.

Во время нашего разговора я смутно осознавал, что вдалеке перекатывается гул, похожий на отдаленный гром. Теперь я понял, что доносился он из классной комнаты Глоссопа, и били по панелям двери. Я вспомнил, что рыжеусый запер Глоссопа и его юных подопечных. Правильно сделал. И без их участия суматохи хватало.

Я направлялся в свой класс, когда заметил на лестнице Одри, и подошел к ней.

— Всё в порядке, — сообщил я. — Они ушли.

— Кто это был? Что им нужно?

— Некий джентльмен по имени Бак МакГиннис с дружками. Явились они похитить Огдена Форда, но не заполучили его.

— Где же он? Где Огден?

Не успел я ответить, как точно ад с цепи сорвался. Пока мы разговаривали, Уайт в простоте души повернул ключ в двери глоссоповского класса, и комната бурным потоком извергла заключенных под предводительством моего коллеги. В тот же самый момент стала опустошаться и моя классная комната. В коридор набились мальчишки, крики стояли оглушительные. Каждому нашлось что сказать, и все надсаживались разом.

Глоссоп очутился сбоку от меня, самозабвенно жестикулируя.

— Мы должны позвонить! — гаркнул он мне в ухо. — В полицию!

Кто-то подергал меня за руку. Это была Одри. Она говорила что-то, но её слова тонули в общем реве. Я потянул её к лестнице, и мы нашли

относительно тихое местечко на площадке второго этажа.

— Что ты говорила? — спросил я.

— Его там нет.

— Кого?

— Огдена. Где же он? Нет и в комнате. Наверное, они его увезли.

К нам подскочил Глоссоп, прыгая по ступенькам, точно альпийская серна.

— Мы должны позвонить в полицию! — крикнул он.

— Я уже позвонила, — ответила Одри, — десять минут назад. Они послали людей. Мистер Глоссоп, Огден Форд был в вашей классной комнате?

— Нет, миссис Шеридан. Я думал, Бернс, он с вами. Я покачал головой.

— Эти люди, мистер Глоссоп, приезжали похитить Огдена, — сказала Одри.

— Несомненно, шайка мерзавцев! Из нее же и тот, что шнырял тут вчера вечером! Какая нелепость! Мои нервы не выдержат регулярных нарушений закона. Нам нужна защита полиции. Негодяев надо привлечь к суду. Никогда не слыхивал ничего подобного! И это в английской школе!

Глаза Глоссопа взволнованно поблескивали за очками. Макбет при столкновении с призраком Банко был в сравнении с ним выдержанным и хладнокровным. Не приходилось сомневаться, что набег Бака здорово взбаламутил покойный, счастливый мирок маленькой общины.

Шум в коридоре и не думал спадать, наоборот, он всё нарастал. Угасшее было чувство профессионального долга вернулось к нам с Глоссопом. Мы спустились по лестнице и постарались сделать всё, что можно, каждый по-своему, чтобы навести порядок. Задача оказалась не из легких. Мальчики изначально склонны к шуму, и внешний повод не нужен. Но уж когда грабители в белых масках тычут учителей пониже спины браунингами, они просто превосходят сами себя. Сомневаюсь, сумели бы мы вообще их утихомирить, но, к счастью, визит Бака случился незадолго до чая, и кухня оказалась вне сферы его деятельности. Как и во многих деревенских домах, кухня в «Сэнстед Хаусе» находилась в конце длинного коридора, отделенная дверями, за которые, если грохот выстрелов и проникал, то едва слышно. Наша превосходная кухарка вдобавок была глуховата, вследствие чего, несмотря на штурм и напряженную обстановку на нашей половине, она, словно Шарлота у Гёте, продолжала готовить сэндвичи с маслом, и когда ничто не могло бы утишить расходившуюся бурю, её перекрыл звон колокольчика.

Если и существует передряга, способная удержать английского джентльмена или мальчика от чая, то её еще не выявили. Крики вмиг смолкли. Все ощутили, что с расспросами, пожалуй, можно и повременить до более подходящего случая, а вот с чаем — ни за что! И двинулись в сторону столовой.

Глоссоп уже ушел с толпой, и я намеревался последовать за ними, как в парадную дверь снова позвонили.

Я решил, что это полиция, и остался ждать. В предстоящем расследовании я буду главным свидетелем. Если кто и находился в самой гуще событий с самого начала, так это я.

Уайт открыл дверь. Мельком увидев синие формы, я подошел поздороваться.

4

Полицейских пришло всего двое. В ответ на нашу жаркую просьбу о помощи против вооруженных бандитов Его Величество Закон материализовался в образе плотного инспектора и долговязого поджарого констебля. Я подумал, как им повезло, что они опоздали к событиям, живо представив себе, как Левша и Рыжеусый, которым помешали в их замыслах, громят полицейские силы.

Уайт, снова превратившись в дворецкого, познакомил нас.

— Это мистер Бернс, наш учитель, — объявил он и удалился со сцены. Когда Уайт выступает в роли дворецкого, никто лучше него не знает своего места.

Инспектор остро взглянул на меня. Констебль обозревал неведомые горизонты.

— Хм, — буркнул инспектор.

Мысленно я назвал их Боне и Джонсон. Отчего, и сам не знаю. Разве что они того заслуживали.

— Вы нам звонили, — обвиняюще произнес Боне.

— Да, правда.

— Что случилось? Что — ты достал блокнот? — тут происходит?

Джонсон, оторвав свой взор от неведомой дали, вынул блокнот.

— Около половины шестого… — начал я. Джонсон послюнил карандаш.

— Около половины шестого к парадной двери подъехал автомобиль. В нем было пятеро бандитов в масках и с револьверами.

Я их заинтересовал, сомнений не было. Здоровый цвет лица стал еще здоровее, глаза округлились. Карандаш Джонсона летал по бумаге, скрипя от избытка чувств.

— Люди в масках? — повторил Боне.

— И с револьверами, — присовокупил я. — Ну, разве вы не рады, что не попали в разгар веселья? Они позвонили в парадную дверь, а когда Уайт открыл им, они оглушили его мешком. Затем…

Боне поднял здоровую лапищу. Я замер в ожидании.

— Кто такой Уайт?

— Дворецкий.

— Я возьму заявление и от него. Приведите дворецкого. Джонсон послушно ускакал.

Оставшись со мной наедине, Боне стал подружелюбнее.

— Такого странного начала, мистер Бернс, я в жизни не слыхивал, — признал он. — Я двадцать лет в полиции, но ничего подобного… Похлеще петушиных боев. И что надо этим людям в масках, как вы полагаете? Сначала я даже решил, что вы над нами подшучиваете!

Я был шокирован таким предположением и поспешил выложить дальнейшие подробности.

— Это шайка американских мошенников. Они хотели похитить Форда, нашего ученика. Вы ведь слышали про его отца, Элмера Форда? Он американский миллионер. За последние годы уже несколько раз Огдена пытались похитить.

В эту минуту вернулись Джонсон с Уайтом. Уайт коротко изложил им историю, продемонстрировал синяк, показал отметины от веревок и был отпущен. Я предложил, чтобы дальнейшая беседа протекала в присутствии мистера Эбни, У которого, я не сомневался, было что сказать, чтобы замять историю.

Мы поднялись наверх. Сломаная дверь кабинета ненадолго отвлекла нас и привела к новому всплеску активности карандаш Джонсона. Расправившись с ней, мы подошли к комнате мистера Эбни.

На властный стук Бонса откликнулись нервным «Кто там?» Я объяснил, в чем дело, через замочную скважину, и изнутри донесся скрип отодвигаемой мебели. Короткая встреча с Баком явно вынудила моего нанимателя как-то обезопасить себя от второй, и он забаррикадировался всем, что ему удалось подвинуть. Прошло несколько минут, прежде чем путь освободили.

— Входите, — произнес наконец гнусавый голос. Мистер Эбни сидел в кровати, туго завернувшись в одеяло. Вид у него был взъерошенный, в

комнате — полнейший кавардак. Валявшаяся у туалетного столика кочерга показывала, что он приготовился дорого продать свою жизнь.

— Рад видеть вас, идспектор, — сказал он. — Бистер Бердс, как вы объясдяете это чрезвычайное происшествие?

Потребовалось немало времени, чтобы объяснить мистеру Эбни, что стряслось, и еще больше, чтобы убедить Бонса и его коллегу, что школа отнюдь не желает поднимать всю округу. Не хотим мы и сообщений в газетах, гласность — не наша стезя. Они были явно разочарованы. Происшествие, должным образом раздутое, стало бы самым ярким событием, когда-либо случавшимся в округе, и их жадные глаза уже видели славу, маячившую соблазнительно близко. Однако упоминание о холодных закусках и пиве, ждущих на кухне, чуть-чуть развеяло сумрак, и они почти жизнерадостно исчезли.

Джонсон до последней минуты делал заметки.

Не успели они уйти, как в комнату ворвался Глоссоп, искрясь от возбуждения.

— Мистер Эбни! Огдена Форда нигде не могут найти! Тот ответил на информацию громоподобным чиханием.

— Про что это вы? — спросил он, когда приступ миновал, и повернулся ко мне: — Бистер Бердс, как я подял, вы… э… сказали, что оди уехали без этого Форда?

— Совершенно точно. Я видел, как они уезжали,

— Я тщательно осмотрел весь дом, — прибавил Глоссоп, — его нигде нет. И не только его. Исчез еще один мальчик, Огастес Бэкфорд.

Мистер Эбни сжал голову руками. Бедняга был не в том состоянии, чтобы выносить стойко и легко удары, сыплющиеся один за другим. Он был похож на человека, который, едва оправившись от землетрясения, тут же был сбит автомобилем. Только-только смирился он с безропотным созерцанием МакГинниса и его дружков, как ему обрушивают на голову новые бедствия. Вдобавок, он страдает от простуды, а она, как известно, подрывает дух самых стойких. Страдай Веллингтон простудой, Наполеон непременно выиграл бы Ватерлоо.

— И Огастеса Бэкфорда де богут дайти? — слабо простонал он.

— Видимо, они сбежали вместе, — сказал Глоссоп. Мистер Эбни сел, точно ударенный током.

— Дичего подобдого не случалось в дашей школе! — завопил он. — Я всегда старался… э… чтобы бои бальчики считали «Сэдстед Хаус» счастливым добом. Я систематически вдедрял дух жиздерадостности. Я не богу всерьез поверить, что Огастес Бэкфорд, одид из самых билых

бальчиков, взял и сбежал.

— Его мог уговорить Форд, — подсказал Глоссоп. — А это, — добавил он мрачно, — просто переодетый дьявол.

Мистер Эбни даже не упрекнул его в грубости. Возможно, эта теория показалась ему небезосновательной. Лично я решил, что в ней определенно что-то есть.

— Дадо дебедледдо что-то предпридять! — воскликнул мистер Эбни. — Э… дезабедлительдо сделать какие-то шаги. Сбежали оди, скорее всего, в Лоддон. Бистер Бердс, вы должны отправиться в Лоддон следующиб же поездом. Я сам де богу из-за простуды.

Да уж, настоящая насмешка судьбы! Единственный раз, когда долг действительно призывал этого чемпиона-ездока в Лондон, он не мог откликнуться на призыв.

— Хорошо, — согласился я. — Пойду, посмотрю, когда поезд.

— Бистер Глоссоп, а вы будете во главе школы. Вам лучше сейчас же отправиться и посмотреть, как бальчики.

Когда я спустился, Уайт стоял в холле.

— Уайт, — спросил я, — вы не знаете расписания поездов?

— Вы едете в Лондон? — общительно поинтересовался он.

Мне показалось, что при этом он взглянул на меня как-то непонятно.

— Да. Не могут найти ни Огдена Форда, ни лорда Бэкфорда. Мистер Эбни считает, что они вдвоем сбежали в Лондон.

— Я бы не удивился, — суховато откликнулся Уайт. Нет, в его поведении явно было нечто странное.

— Угу. Ладно, нужно посмотреть расписание.

— Через час есть скорый. У вас полно времени.

— Пожалуйста, передайте мистеру Эбни, что я уезжаю через час, а я пока пойду упакую сумку. И вызовите такси.

— Конечно, — кивнул Уайт.

Я поднялся в свою комнату и принялся складывать скудные пожитки. По нескольким причинам я чувствовал себя счастливым. Поездка в Лондон после напряженных недель в Сэнстеде представлялась нечаянным праздником. Человек я столичный, и мысли о часике в мюзик-холле — в театры я уже опоздаю, — с ужином в ресторане, где играет оркестр, грели мне душу.

Когда я вернулся в холл, неся сумку, я наткнулся там на Одри.

— Меня посылают в Лондон! — объявил я.

— Я знаю. Уайт сказал. Питер, привези его обратно.

— За тем меня и посылают.

— Для меня это значит всё.

Я удивленно взглянул на нее. Лицо у Одри было напряженное, взволнованное, и объяснить это я никак не мог. Я отказывался верить, что кому-то не безразлично, что случится с Золотцем, только из бескорыстной любви. Вдобавок, раз он уехал в Лондон по доброй воле, значит, скорее всего, он веселится там.

— Не понимаю. Что ты имеешь в виду?

— Я объясню. Мистер Форд прислал меня сюда, чтобы я была рядом с Огденом, охраняла его. Он знает, что всегда есть опасность новых похищений, даже если мальчика увезли в Англию тайно. Так я и очутилась здесь. Я еду туда, куда едет Огден. Я несу за него ответственность. А я не справилась. Если Огдена не привезут обратно, мистер Форд больше не захочет иметь со мной дела. Он никогда не прощает неудач. Тогда, мне придется вернуться к прежнему, стать портнихой или официанткой. Какую еще работу я сумею найти? — Одри передернуло. — Питер, я не могу! Из меня вышел весь задор. Я боюсь. Мне не вынести этого снова. Привези его обратно. Ты должен. И ты привезешь! Скажи, привезешь?

Я не ответил. Я растерялся. Ведь это я виноват во всех её неприятностях. Спланировал всё я. Я дал ему денег на дорогу. Если я не успею в Лондон раньше и не помешаю, он вместе с моим слугой Смитом уедет на дуврском поезде к пароходу в Монако.

Глава IX

1

После долгих раздумий меня осенило: а ведь проще и безопасный всего умыкнуть Золотце, уговорив его уехать самостоятельно. Как только пришла эта идея, всё остальное пошло легко. Переговоры, состоявшиеся утром на конюшенном дворе, много времени не отняли. Наверное, такой вот Огден, у которого длинный послужной список спасений, запросто принимает то, что изумило бы всякого мальчишку. Я думаю, он решил, что я — полномочный агент его матери, и деньги, которые я дал ему на дорожные расходы, прислала она. Возможно, он даже ожидал чего-то в этом роде. В общем, он уловил основные пункты плана поразительно быстро. Маленькая ручонка потянулась за наличными, когда я еще и закончить не успел.

Схематично мой план выглядел так: он улизнет в Лондон еще днем, отправится ко мне, найдет там Смита, а потом вместе с ним поедет к матери в Монако. Смиту я написал заранее, попросил подготовиться к поездке. На мой взгляд, ни малейшего изъяна в плане не было, и хотя Огден несколько осложнил его, сманив с собой в придачу и Огастеса для компании, провалом это не грозило.

Но теперь возникло абсолютно непредвиденное осложнение, и я хотел распутать всё, что наворотил.

Я стоял, тупо взирая на Одри, и ненавидел себя за то, что стал причиной ее беспокойства. Ударь я её, и то я не чувствовал бы себя так гадко. Страдая, я клял Синтию за то, что она вовлекла меня в такую неразбериху.

Я услышал, как меня окликнули, и, обернувшись, увидел Уайта.

— Мистер Эбни, сэр, желает повидать вас. Я отправился наверх, радуясь, что удалось сбежать. Напряженность ситуации уже действовала мне на нервы.

— Войдите, бистер Бердс, — прогнусавил мой наниматель, проглатывая таблетку. Вид у него был совсем уж озадаченный. — Уайт только что сообщил бде крайде страддую вещь. Оказывается, да самом деле од служит у Пидкертода, о котором вы десомдеддо… э… слышали.

Итак, Уайт раскололся. И что такого? Он боялся, что мистер Эбни будет нервничать, а теперь этот мотив отпал.

Вторжение краснокожих с томагавками и то не увеличило бы страха директора..

— Прислан сюда мистером Фордом, я полагаю? — уточнил я. Надо же хоть что-то сказать.

— Вот ибеддо… э… — Он чихнул. — Бистер Форд, не посоветовавшись со бдой — я не обсуждаю такт или будрость его поступка… поручил Уайту стать дворецким в этоб… э… добе, поскольку его предшестведдик деожидаддо уволился, подкупледдый, подозреваю, сабиб бистером Фордом. Божет, я и де прав, до вряд ли.

Я счел его рассуждения вполне разумными.

— Оддако, — возобновил он свою речь, отнимая от носа баночку с ментолом, которую нюхал с напряженной сосредоточенностью пса, обнюхивающего кроличью нору, — это де отдосится к делу. Я пытаюсь объясдить, бросто пытаюсь объясдить, почему Уайт будет сопровождать вас в Лондон.

— Что!

Восклицание вырывалось у меня помимо воли. Вот это да! Если

чертов сыщик поедет со мной, то привезти Огдена обратно я не смогу. Я намеревался отправиться прямо к себе в надежде еще застать его там. Но как я объясню его присутствие у себя Уайту?

— Не думаю, мистер Эбни, что в этом есть необходимость, — запротестовал я. — Я и сам справлюсь.

— Две головы лучше чеб одда, — нравоучительно изрек больной и снова прильнул к банке.

— У семи нянек дитя без глазу, — парировал я. Если беседа свернет на прописные истины, ему со мной не тягаться. Но такую высоту духа он не потянул.

— Чепуха! — рявкнул он с раздражением человека, чью пословицу побили другой. Такого тона я от него не слышал. Саморазоблачение Уайта не прошло для него бесследно. К профессиональному детективу он испытывал всю почтительность обычного человека.

— Бистер Бердс, Уайт будет сопровождать вас, — упрямо повторил он.

Что ж, ладно. В конце концов, вполне возможно, что мне удастся улизнуть. Лондон большой город.

Через несколько минут подкатило такси, и мы с дворецким отправились выполнять свою миссию.

В такси мы разговаривали мало. Я слишком углубился в свои мысли, мне было не до разговоров, а Уайт, очевидно, был занят своими. Но когда мы устроились в пустом купе и поезд тронулся, он обрел дар речи. Я прихватил с собой книгу, чтобы отгородиться, и тут же притворился, будто читаю, но он опрокинул мой защитный барьер.

— Интересная книжица, мистер Бернс?

— Весьма.

— А жизнь-то, она позанимательнее книг.

Я никак не откликнулся на это глубокое наблюдение, что его ничуть не обескуражило.

— Мистер Бернс, — окликнул он после нескольких минут молчания.

— Да?

— Давайте-ка побеседуем. Эти поездки такие скучные.

И опять я расслышал странный подтекст в его тоне. Подняв глаза, я встретил его взгляд. Смотрел он на меня тоже очень странно. В его блестящих карих глазах было что-то, от чего мне стало не по себе. Он не просто так навязывал мне беседу.

— Я могу заинтересовать вас куда больше, чем книга, даже если это самый сногшибательный бестселлер.

— О!

Он закурил сигарету.

— Вы ведь не хотели, чтобы я с вами ехал?

— Зачем ехать вдвоем? — безразлично бросил я. — И всё же, возможно, и правда, две головы лучше, чем одна. Что вы предполагаете делать, когда приедете в Лондон?

Наклонившись, Уайт постукал меня по колену.

— Прилипнуть к вам, как ярлык к бутылке. Вот что я предполагаю.

Мне было трудно встречать его взгляд. Плод нечистой совести!

— Хочу выяснить, какой адрес вы дали Форду утром на конюшенном дворе.

Любопытно, насколько буквальными оказываются фигуральные выражения. Я читал рассказы, в которых сердце какого-нибудь изумленного персонажа выпрыгивало у него из груди. На минутку мне показалось, будто и мое выпрыгнуло. Во всяком случае, иллюзия была очень явственна, а на том месте, где полагалось быть сердцу, определенно чувствовалась пустота. Ни за какую награду я не сумел бы вымолвить ни слова. Я даже дышать не мог. Внезапность удара парализовала меня.

Однако Уайт явно был готов продолжать беседу и без моего участия.

— Наверное, вы и не подозревали, что я прячусь рядышком, а то не стали бы с ним говорить. Так вот, я слышал каждое слово. Вот тебе деньги, — сказали вы. Значит, он их берет и чешет в Лондон. Потом идет по адресу вот на этой карточке. А уж там ваш дружок Смит присмотрит за ним. Наверное, что-то говорили и до того, но я малость припоздал. Но всё что надо, я слышал. Кроме адреса. Вот его-то я и намерен разузнать, когда мы приедем в Лондон.

Устрашающую информацию он выложил звучным и ласковым голосом, словно что-то вполне обыденное. Мне показалось, что всему — конец. Я, считай, уже арестован. Каким же я был дураком, что обсуждал такие дела на конюшенном дворе! Мог бы и сообразить, что в школе пустынных мест не бывает.

— Должен признаться, меня покоробило, когда я вас услышал, — продолжал Уайт. — У меня нет, конечно, наивной веры в человека, но мне все-таки и в голову не приходило, что вы можете играть в такую игру. Что только доказывает, — философски добавил он, — что когда дело доходит до Золотца, подозревать нужно всех.

Поезд погромыхивал на рельсах. Я пытался привести свой ум в рабочее состояние, изобрести хоть что-то, но ничего не получалось. Я понимал одно — меня загнали в самый глухой угол. Больше никаких

мыслей на ум не приходило.

— Насчет вас, — возобновил он свой монолог, — я строил разные догадки. Никак не мог вычислить, кто вы. Сначала, конечно, я решил, вы работаете заодно с Баком. Потом, после сегодняшних происшествий, увидел, — нет, только не с Баком. А теперь, наконец, вычислил, что к чему. Вы — ни с кем. Так сказать, в одиночку. Даже поспорил бы, что это ваше первое дельце. Углядели шанс огрести денег, грабануть старика Форда и решили — а, пожалуй, это выгоднее, чем дураков учить. Что ж, не спорю.

И, наклонившись, он снова постукал меня по колену. В действии этом было что-то неописуемо противное. Как человек с опытом, могу утверждать: арест — не подарок, но когда тебя арестовывает сыщик с отеческими манерами, это уж черт знает что.

— Послушайте, — продолжил он, — мы должны объединиться.

Мне тут же припомнились точно такие же слова, сказанные Баком МакГиннисом. Я рывком сел и вытаращился на Уайта.

— Мы составим отличнейшую команду, — продолжал он все тем же воркующим тоном. — А поделимся пятьдесят на пятьдесят, честнее не бывает. У вас — мальчишка, у меня — вы. Мне не захватить его без вашей помощи, но и вам не удрать с ним, если не поделитесь со мной. Так что, тупик. Единственный выход — играть пополам. Договорились?

Выбирая сигарету и зажигая спичку, он лучился добрыми улыбками, глядя на мое изумление. Потом, удовлетворенно выпустив облачко дыма, скрестил ноги и откинулся на спинку сиденья.

— Когда я говорил вам, сынок, что я человек Пинкертона, я несколько исказил жестокую правду жизни. Но вы застигли меня, когда я палил из револьвера, нужно же было как-то выкрутиться. — Выпустив кольцо дыма, он мечтательно наблюдал, как оно тает на сквозняке из вентилятора. А потом сказал:

— Я — Сэм Фишер.

2

При столкновении двух эмоций более слабая отступает в сторонку. Мое удивление потонуло в облегчении. Если б я был волен изумляться, то сообщение моего спутника, несомненно, изумило бы меня. Но у меня не хватило на это сил. Я так обрадовался, что Уайт не сыщик, что мне было все равно, кто он на самом деле.

— Такая уж у меня привычка, — изливался Уайт. — Я не занимаюсь

мелочами, даю другим разгребать грязную работу и вступаю в игру, когда путь расчищен. Избавляет от массы хлопот и расходов. Я не разъезжаю с шайкой головорезов вроде этого тупоумного осла. Какой от них толк? Спотыкаются друг о друга, и всё. Возьмем того же Бака. Где он? Потерпел провал и вышел из игры. А вот я…

И он самодовольно улыбнулся. Его поведение раздражало меня. Я не хотел, чтобы меня считали смиренным орудием всякие наглые негодяи.

— Ну, что вы!

Он в легком удивлении воззрился на меня.

— Я, сынок, еду с вами и заберу свою долю как джентльмен.

— Вот как?

— А что? Есть возражения?

Он смотрел на меня с ласковой укоризной, будто старый дядюшка, урезонивающий упрямого племянника.

— Молодой человек, надеюсь, вы не думаете, что сумеете меня обставить? Я иду шаг в шаг с вами. Ну-ка, послушаем, что вас беспокоит. Обсудим всё спокойно.

— Если не возражаете, — ответил я, — не стоит. Я не желаю разговаривать с вами, мистер Фишер. Вы мне не нравитесь. Не нравится ваш способ зарабатывать себе на жизнь. МакГиннис, конечно, достаточно плох, но он хотя бы откровенный гангстер. А для вас извинений нет.

— Что-то мы очень добродетельны! — вкрадчиво заметил Сэм.

Я промолчал.

— А может, просто завидуете? Нет, это уж чересчур!

— Вы что, вообразили хоть на минутку, что я делаю это ради денег?

— Именно такое впечатление у меня сложилось. Я ошибся? Похищаете богатых сынков ради здоровья?

— Я обещал, что верну этого мальчика его матери. Вот почему я дал ему денег на поездку. И вот почему мой слуга должен был отвезти его… туда, где его ждет миссис Форд.

Сэм ничего не сказал, но его брови выразили всё за него: «Неужели, дорогой сэр?» На такую очевидную издевку я промолчать не мог.

— Это чистая правда! — взорвался я

Он пожал плечами, как бы говоря: «Ну, как желаете. Сменим тему».

— Вы говорите «должен был отвезти». Что же, поменялись планы?

— Да. Теперь я хочу отвезти его обратно в школу.

Он рассмеялся сочно и раскатисто. Его двойной подбородок уютно колыхался.

— Нет, так не годится, — твердил он, мотая головой с добродушным

упреком. — Так не годится.

— Вы что, не верите мне?

— Если по честному, не верю.

— Ну и ладно. — И я опять уткнулся в книгу.

— Если вы решили обдурить меня, — хихикнул он, — то одумайтесь. Прям так и вижу, как вы везете Золотце в школу!

— Погодите и увидите.

— Интересно, какой адресок вы ему дали? — размышлял он. — Ладно, скоро выяснится.

Он погрузился в молчание. Постукивая на стыках, бежал поезд. Скоро и Лондон.

— Договоренность о равных долях, — проговорил Сэм, нарушая долгое молчание, — действует, конечно, только в том случае, если вы бросите эту глупую игру. Позвольте высказаться прямо. Либо мы партнеры, либо конкуренты. Решать вам. Если проявите благоразумие и сообщите мне адрес, то я даю слово…

— Ой, ваше слово! — презрительно фыркнул я.

— У нас строгий кодекс, — с непоколебимым добродушием отозвался Сэм. — Я-то не обману. Если же вы считаете, что управитесь без моей помощи, мой печальный долг — забрать мальчишку и деньги в одиночку. Я должен знать, что вы предпочитаете войну союзу.

Перевернув страницу книги, я продолжал читать.

— Если б молодость знала! — вздохнул он. — Молодой человек, я почти вдвое старше вас и, по моим скромным подсчетам, раз в десять умнее. Однако же, в своей самонадеянной уверенности, в своем беспримерном нахальстве вы воображаете, будто сумеете обскакать меня. *Меня!* Это смешно!

— Ну и посмейтесь, — откликнулся я. — Смейтесь, пока можете.

Он укоризненно покачал головой.

— Через несколько часов, сынок, вы не будете так нахальничать. Вы локти себе будете кусать. А потом, когда моя машина окатит вас грязью на Пиккадилли, вы познаете вполне горький вкус раскаяния. Да… Молодости приходится платить за опыт.

Я взглянул на него — пухлого, розового, самодовольного, попыхивающего сигаретой, и на сердце у меня потеплело.

С таким человеком не выдержишь позицию праведной холодности. Я могу презирать его образ жизни и могу ненавидеть его самого как ведущего представителя одного из самых презираемых занятий на земле, но сам он, честное слово, весьма обаятелен. С треском захлопнув книгу, я

расхохотался.

— Нет, вы — просто чудо!

Он просиял. Ему показалось, что я склоняюсь к дружелюбному и разумному взгляду на дело.

— Значит, вы одумались, — начал он. — Превосходно! Ну а теперь, молодой человек, шутки в сторону. Вы везете меня по тому адресу. Заметьте, я даже не прошу вас называть его. Пусть не будет никакого обмана. Я прошу одного — позвольте мне сопровождать вас туда, где спрятан Золотце. А уж потом положитесь на мой обширный опыт. Я благополучно увезу его, и начну переговоры с папашей.

— Значит, опыт у вас обширный?

— Вполне сносный… да, сносный.

— А вас никогда не беспокоило, сколько тревог и несчастий вы причиняете людям?

— Да ведь и то, и другое временно. Вы взгляните под другим углом. Подумайте, какую радость испытывают осиротевшие родители, когда их сынок снова является домой. Разве не стоит капельку пострадать ради того, чтобы вкусить наивысшее счастье? В некотором смысле, вы можете назвать меня благодетелем. Я учу родителей ценить своих отпрысков. Вы же знаете, какие они, родители. Отец однажды утром получает на службе нагоняй. Что он делает, придя домой? Облегчает душу, ругая маленького Уилли. Миссис Ван Фу-ты-ну-ты забывает пригласить мамашу на свой необыкновенный обед, и что же? Мамочка вымещает обиду на Уилли. Они, конечно, его любят, но слишком уж привыкли к нему, и не понимают до конца, что он для них значит. И тут сынок исчезает. Паника! Страдания! Раскаяние! «Как я мог кричать на этого ангела?», — стонет папочка. «А я его шлепнула! — рыдает мама. — Этой вот рукой я шлепнула наше сокровище». — «Мы недостойны иметь его!» — вопят они хором. — «О, если б мы могли его вернуть!». Ну, они и получают его обратно, как только выкладывают деньгу. После такого они дважды подумают, прежде чем вымещать свои обиды на бедном ребенке. Итак, я приношу в дом счастье. Я не говорю, что папочка не испытывает мук, когда видит прореху в банковском счете. Но, черт подери, зачем же деньги, если их не тратить?

И он фыркнул от человеколюбия.

— А отчего вас так уж зацепило похищение Огдена Форда? — поинтересовался я. — Да, он ценный экземпляр, но вы-то скопили немало. Как я понял, филантропией вы занимаетесь давно. Почему бы вам не уйти от дел?

— Молодой человек, — вздохнул он, — да это мечта моей жизни!

Уйти от дел… Верьте — не верьте, но нрав у меня домашний. Когда мне выпадает минутка помечтать, то я вижу уютный маленький домик с красивой верандой и встроенной ванной.

Он окинул меня взглядом, точно решая, достоин ли я его откровений. В карих глазах затеплилась мечтательность. Видимо, осмотр удовлетворил его или он пребывал в настроении, когда человеку надо излить хоть кому-то душу. У человека, занимающегося его своеобразным бизнесом, мало друзей, и порой становится невмоготу.

— Вас когда-нибудь любила порядочная женщина, сынок? Поразительная, доложу вам, штука. — Сэм сентиментально призадумался и продолжил, несколько испортив впечатление от вступления: — Черт знает что, а не штука, и, заметьте, редкая. Я-то знаю. Мне она выпала.

Искорка с его сигареты обожгла ему руку, и он выругался вполголоса.

— Мы из одного городка, — возобновил Фишер свой рассказ, оправившись от боли. — Учились в одной школе… вместе бегали на уроки… Я носил корзиночку с её ланчем, помогал перебираться через приступки. Ах!.. Когда мы выросли, всё осталось по-прежнему. Двадцать лет назад мы договорились, что я уезжаю и зарабатываю деньги на покупку дома. А потом возвращаюсь, и мы женимся.

— Почему же вы этого не сделали? — поинтересовался я. Он грустно покачал головой.

— Знали бы вы побольше о мошенниках, молодой человек, понимали бы, что за пределами своего бизнеса они — истинные простофили. Ловятся на любую приманку. По крайней мере, я — такой. Не успевал поднакопить деньжат и взять курс на родной городок, как ко мне подкатывал сладкоречивый незнакомец и соблазнял на игру, после которой мне снова приходилось возвращаться к работе. Так случалось несколько раз, и когда мне, наконец, удалось вернуться домой с деньжатами, оказалось, что она вышла замуж за другого парня. Женщинам, понимаете ли, трудно, — рыцарственно объяснил Сэм. — Им становится одиноко, а *он* всё не возвращается, вот и приходится выходить замуж за Генри, который сидит дома. Просто чтобы развеяться.

— Итак, она жена Генри, который сидит дома? — сочувственно спросил я.

— Была до прошлого года, а теперь — вдова. Покойный повздорил с бешеным скунсом, так мне сказали. Надеюсь, он был хороший человек. Я-то его толком не знал, дрался с ним в школе, и всё. А с ней повидался как раз перед приездом сюда. Она меня любит. Всё решено, мне бы только обстряпать это дельце. Ей много не надо, чтобы хватало на жизнь.

— Желаю вам счастья.

— Можете и побольше сделать. Взять меня с собой по тому адресу.

Я увернулся от темы.

— А что она говорит насчет вашей… профессии? — полюбопытствовал я.

— Она ничего не знает. И не узнает. Ни к чему посвящать жену в разные мелочи. Она считает, что я — коммивояжер. Разъезжаю по Англии с товарами галантерейной фирмы. Ничего другого она бы не потерпела. Она очень щепетильная. Вот почему я и намерен бросить всё после дельца с Золотцем. — Он кинул на меня взгляд, полный надежды. — Так вы *возьмете* меня с собой, сынок?

Я покачал головой.

— Нет?

— Мне жаль портить ваш роман, но никак не могу. Придется вам приискать другой дом, куда вы принесете счастье. К Фордам вход запрещен.

— Ну до чего ж упрямый! — печально, но без всякой злобы проговорил он. — А я не смогу вас убедить?

— Нет.

— Ну, ладно. Стало быть, будем конкурентами, не союзниками. Вы, сынок, об этом еще пожалеете. И очень горько. Вот когда встретите меня в собственной маши…

— Про машину вы уже говорили.

— И то правда.

Поезд затормозил, как всегда поступают поезда на английских железных дорогах перед въездом на вокзал. Вскоре он снова нерешительно двинулся, будто вопрошая себя: «А меня здесь ждут? Примут ли меня приветливо?» В конце концов, после второй остановки он медленно заскользил вдоль платформы.

Выпрыгнув, я помчался к стоянке такси. Поезд еще окончательно не остановился, а я уже выезжал с вокзала.

Посматривая в заднее окошко, я не видел Сэма. Мой искусный ход сбил его с толку. Я всё-таки оставил его в дураках!

Езды до моей квартиры было четверть часа, но мне показалось, будто я еду вечность. Провал или успех были так близко от меня. Если Смит последовал моим инструкциям, то движется со своим спутником к пароходу. Учитывая расстояния, к тому времени, как я приеду, они уже уйдут из дома.

Сэм следил за мной на вокзале Сэнстеда, и я не мог послать телеграмму. Пришлось положиться на случай. К счастью, мой поезд прибыл каким-то чудом минута в минуту. При такой скорости я должен бы застать Смита за несколько минут до ухода.

Такси затормозило. Взлетев по лестнице, я распахнул дверь своей квартиры.

— Смит! — крикнул я.

Скрипнул отодвигаемый стул, в конце коридора открылась дверь, и появился Смит.

— Слава Богу, вы еще не уехали! Я боялся, что мы разминемся. А где мальчик?

— Мальчик, сэр?

— Ну, про которого я вам писал.

— Он ещё не приехал, сэр.

— Как не приехал?

— Так, сэр.

Я тупо уставился на него.

— А вы давно дома?

— Весь день, сэр.

— И никуда не выходили?

— Нет, сэр, с двух часов.

— Ничего не понимаю!

— Возможно, юный джентльмен передумал и не выехал сэр?

— Я знаю, что выехал.

Больше никаких предположений у Смита не нашлось.

— Раз приезд молодого джентльмена откладывается, сэр, значит, я остаюсь в Лондоне?

Позади меня прогремел сочный голос:

— Он, что же, не приехал?

Я обернулся и встретился глазами с сияющим и благодушным Фишером.

— Мне пришла в голову мыслишка посмотреть адрес в телефонном справочнике, — объяснил он. — Мог бы додуматься и раньше.

— Заходите, — пригласил я, распахивая дверь гостиной. Я не хотел ничего обсуждать с ним в присутствии Смита. Сэм восхищенно оглядел комнату.

— Так вот она, ваша квартира. А что, недурно устроились, молодой человек. Как я понимаю, Золотце затерялся по пути? Поменял по дороге планы?

— Я ничего не могу понять.

— А я — могу. Вы дали ему приличную сумму?

— Ну да. Достаточно, чтобы он доехал… куда едет.

— Тогда спорю, что он нашел для деньжат другое применение. Транжирит их тут, в Лондоне. Прожигает молодую жизнь. Разумеется, — вставил он, — это меняет в корне все наши соглашения, сынок. Теперь ни о каком партнерстве и речи быть не может. Я желаю вам добра, но теперь вы для меня ноль. Где-то в этом большом городе прячется Золотце, и я найду его. Сам, в одиночку. Тут, мистер Бернс, наши тропки разбегаются. Спокойной вам ночи.

Глава X

Когда Сэм ушел с видом сурового папаши, отрясающего с ног пыль греха, я смешал себе коктейль и уселся поразмышлять. Не потребовалось много времени, чтобы понять, что чертов мальчишка обвел меня вокруг пальца с искусной ловкостью, какой позавидовал бы сам Фишер. Прячется где-то здесь в большом городе. Но где? Лондон — адрес неопределенный.

Интересно, какие шаги предпримет Сэм? Может, есть какое-нибудь тайное агентство, куда люди его профессии имеют доступ? Нет, вряд ли. Скорее всего, он, как и планировал, прочесывает город наугад в надежде вспугнуть дичь ненароком. Он произвел на меня впечатление человека изобретательного и умного, и меня грызла мысль, что, пожалуй, он опередит меня в таком туманном предприятии. Мое воображение рисовало, как его волшебным образом осеняет вдохновение. Картинки были так ярки и живы, что я выпрыгнул из кресла, полный решимости немедленно пуститься на поиски. Однако было уже безнадежно поздно, вряд ли я добьюсь успеха.

Так и получилось. Два с половиной часа я топтался по улицам, настроение падало все ниже и из-за неудачи, и из-за того, что сыпал мокрый слякотный снег. Вконец уставший, я вернулся домой и грустно отправился спать.

Было странно, проснувшись, понять, что я в Лондоне. Казалось, уехал я отсюда много лет назад. Время зависит от эмоций, а не от часов и минут, а эмоций в «Сэнстед Хаусе» у меня было, хоть отбавляй. Я лежал в кровати, перебирая прошлое, пока Смит, весело гремя посудой, готовил мне завтрак.

Лихорадочную энергию прошлого вечера сменила непонятная

летаргия. Невозможно найти иголку в этом человеческом стоге. Перед завтраком трудно сохранять оптимизм, и я смотрел в будущее с тупой покорностью. Вскоре я снова перекинулся мыслями в прошлое. Но прошлое означало Одри, а думать об Одри было больно.

Странно, что за тридцать лет я сумел найти среди сотен женщин лишь одну, которая смогла пробудить во мне чувства, называемые любовью. И как жестоко, что она отвечает на эти чувства лишь слабой симпатией!

Я попытался проанализировать, стоят ли её достоинства места, какое она занимает в моем сердце. Я знавал женщин, которые привлекали меня сильнее физически, и женщин, привлекавших меня сильнее духовно. Знавал я женщин и мудрее, и красивее, и приятнее, но ни одна не действовала на меня так, как Одри. Необъяснимая вещь. Мысль о том, что между нами — родство душ, что мы две половинки, предназначенные друг другу с начала времен, опровергалась тем, что мое влечение к ней было обратно пропорционально её влечению ко мне. Чуть ли не миллионный раз за эти пять лет я попытался мысленно представить себе того человека, Шеридана, призрачного поклонника, которому она сдалась с такой готовностью. Какими качествами обладал он, которых нет у меня? В чем заключался магнетизм, принесший ему триумф?

Размышления, конечно, бесплодные. Отложив их до следующего раза, когда я вновь почувствую склонность к самобичеванию, я вылез из постели. Ванна и завтрак взбодрили меня, и я ушел из дома в довольно жизнерадостном расположении духа.

Искать наугад человека среди миллионов, что и говорить, привлекательно. Я вел свои расследования, тычась вслепую всё утро и весь день, но следов Огдена или его дружка не обнаружил. Утешался я только тем, что и Ловкач Сэм, скорее всего, тоже не добился успеха.

К вечеру встал вопрос о возвращении в Сэнстед. Мистер Эбни не определил точно временных границ поездки, но и не поставил условия возвращаться только с беглецами, и я решил, что, пожалуй, мне лучше подзадержаться в Лондоне хотя бы еще на одну ночь. Я зашел на ближайшую почту отправить мистеру Эбни телеграмму. Пока я писал её, проблема, ставившая меня в тупик уже двадцать четыре часа, вдруг сама собой разрешилась. То ли с отъезда померкли мои дедуктивные способности, то ли они всегда были ниже нормы, не знаю. Но факт остается фактом. Я совершенно проглядел очевидное. Наверное, я настолько сосредоточился на Золотце, что совершенно упустил из виду Огастеса Бэкфорда. Теперь же мне пришло в голову, что, порасспросив в его доме, я узнаю что-нибудь полезное. Мальчик вроде Огастеса не станет

сбегать из школы без причин. Возможно, в его родительском доме сегодня какая-то вечеринка, и на ней (как он решил, подстрекаемый необузданным Золотцем), без него не обойдутся.

Дом его я знал прекрасно. В те дни, когда мы с лордом Маунтри учились в Оксфорде, я частенько там бывал. С тех пор как я уехал за границу, я мало общался с этой семьей. Теперь настало время возобновить знакомство. Я махнул такси.

Дедуктивные рассуждения не подвели меня. У дома был расстелен красный ковер, изнутри доносились звуки музыки.

Леди Роксэм, мать Маунтри и исчезнувшего Огастеса, была одной из тех женщин, которые все обстоятельства принимают как должное. При виде меня она не выказала ни малейшего удивления.

— Как любезно, что вы пришли навестить нас, — приветствовала она меня. — Кто-то говорил, что вы как будто за границей. А Тэд на юге Франции, плавает на яхте. Огастес здесь. Мистер Эбни, его директор, позволил ему приехать на сутки.

Я понял, что Огастес ведет смелую игру. За этим лихим враньем я разглядел руку Огдена.

— Ну, Сибил вы вряд ли помните. Она была совсем ребенком, когда вы приезжали к нам в последний раз. Сегодня у нее день рождения, и мы устроили прием.

— Могу я чем-то помочь?

— Пожалуйста, проходите. Все будут вам рады.

Я сильно в этом сомневался, но вошел. Танцы только что кончились. В мою сторону, не торопясь, весело двигался в строгом итонском костюмчике беглый Огастес, а по пятам за ним, с пресыщенным видом человека, которому любые правила отравляют удовольствия жизни, плелся Золотце. Увидели они меня одновременно. Эффект моего появления служил яркой иллюстрацией их характеров. Огастес покраснел, как свекла, и уставился на меня взглядом, полным ужаса. Золотце подмигнул мне. Огастес, заколебавшись, едва передвигал ноги, а Золотце подошел смело и приветствовал меня как старого друга:

— Привет! Как это вы сюда попали? Слушайте-ка, я пытался дозвониться до вас и всё объяснить. Я так дергался с приезда в Лондон.

— Ты, маленький поганец!

Мой сверкающий взгляд, миновав его, упал на достопочтенного Огастеса Бэкфорда, отчего виновато подпрыгнул. Золотце оглянулся через плечо.

— Думаю, он нам ни к чему, если мы хотим обсудить наше дельце.

Пойду скажу ему, пусть топает отсюда.

— Ничего подобного ты не скажешь. Я не намерен упускать из виду ни одного из вас.

— О, да с ним всё в порядке! Вам не стоит переживать из-за него. Он завтра так и так вернется в школу. Он сбежал, чтобы на этой вечеринке побыть. Пусть уж повеселится, раз здесь. Я договорюсь с ним, что вы встретитесь после концерта.

Огден подошел к своему дружку, поговорил с ним, и Огастес умчался к другим гостям. Вот она, жизнерадостность юности. Уже через минуту он беззаботно танцевал тустеп. Будущее со всеми его грозами начисто улетучилось у него из головы.

— Всё в порядке, — сообщил Золотце, возвращаясь. — Он пообещал, что не удерет. Найдете его где-нибудь поблизости. Теперь можем и поговорить.

— Не хочется посягать на твое драгоценное время, — отрезал я. Небрежность этого дьяволенка невыносимо раздражала меня. Я для него не больший авторитет, чем пальма в горшке, к которой он прислонился!

— Ничего, всё нормально. Для него всегда всё нормально.

— Мне такие вечеринки не нравятся. Я и пришел только потому, что Бэк упросил. А вообще, танцы меня утомляют, так что пойдем куда-нибудь, посидим, поговорим.

У меня возникло чувство, что детский праздник — самое для меня подходящее место. Сэм Фишер обходился со мной как с ребенком, а теперь и Золотце. То, что я вполне дееспособный человек, которому идет уже тридцать первый год, что недавно я едва спасся от смерти и у меня за плечами безнадежная любовь, не производило на него ни малейшего впечатления.

Я покорно последовал за своим спутником в укромное местечко. Развалившись в кресле, Огден закинул нога на ногу.

— Сигаретка найдется?

— У меня нет сигареты, но даже если б и была, я бы тебе не дал.

Он кинул на меня снисходительный взгляд.

— Хандрите, э? Весь какой-то дерганый. В чем проблема? Злитесь, что я не поехал к вам на квартиру? Так я всё объясню.

— Буду рад послушать.

— А всё получилось так. Я вдруг подумал, что плюс минус денек — значения не имеет. Раз уж я тут, в Лондоне, могу и повеселиться немножко, а потом уж уехать. Я предложил Бэку смотаться в Лондон, ему идейка пришлась по душе. Выяснилось, что он и на машине-то всего разок

катался. Нет, представляете? А у меня есть собственная с малолетства. Ну, и, естественно, мне захотелось устроить ему увеселительную прогулку. На это деньги и ушли.

— Все?

— Само собой. У меня два доллара осталось. Мы же не только катались, есть тоже надо. Слушайте-ка, этот Бэкфорд жрет, как слон, за уши не оттянешь. Все из-за того, что он не курит. Вот у меня совсем не тот аппетит, что раньше. М-да. Ладно, все. Выкладывайте денежки, и я завтра же отправлюсь. А уж ма обалдеет, подумать жутко.

— Ты к ней не приедешь. Завтра мы возвращаемся в школу.

— Что такое? — он недоверчиво посмотрел на меня. — В школу?

— Я переменил планы.

— Не поеду я ни в какую школу! А вы не посмеете везти меня силой. Что с вами будет, если я выложу старому пустозвону про нашу сделку? Про то, как вы сунули мне деньги, а?

— Говори, что хочешь. Он тебе не поверит.

Огден подумал, истина дошла до него. Самодовольное выражение слетело у него с лица.

— Вы, что, спятили? Сами отсылаете меня в Лондон, а не успел приехать, тянете обратно. Прям устал от вас.

Конечно, что-то в его доводах было. Крутая перемена моих намерений, разумеется, представлялась ему необъяснимой. И я, чудом отыскав его, был склонен проявить великодушие. Я смягчился.

— Огден, — сердечно начал я, — хватит с нас детской вечеринки. Тебе скучно, а меня, если я еще здесь задержусь на полчаса, попросят развлекать народ комическими куплетами. Мы с тобой люди светские. Забирай-ка свою шляпу и пальто, и я отвезу тебя в театр. А дела обсудим позже, за ужином.

Мрачность на его лице растворилась в радостной улыбке.

— Вот теперь дело говорите! — весело воскликнул он.

И мы украдкой проскользнули за шляпами, как лучшие друзья. Записку для Огастеса с просьбой прийти на вокзал Ватерлоо в десять минут первого завтра я оставил дворецкому. Мои методы отличала, конечно, определенная неформальность, которую мистер Эбни вряд ли одобрил бы, но я чувствовал, что могу положиться на Огастеса. Добротой многого можно добиться. К тому времени, как занавес после мюзикла упал, между нами царил полный мир. Ужин скрепил нашу дружбу, и ко мне мы ехали в самых отличных отношениях. Полчаса спустя Огден похрапывал в гостевой комнате, а я умиротворенно курил перед камином.

Я не просидел и пяти минут, как в дверь позвонили. Смит уже лег, так что я подошел к двери сам и обнаружил на коврике у порога мистера Фишера.

Благожелательность ко всем живым созданиям, плод удачи с Золотцем, распространилась и на Сэма. Я пригласил его войти.

— Ну, — спросил я, угостив его сигарой и наполнив бокал, — как делишки, мистер Фишер? Удача улыбнулась вам?

— Молодой человек, — укоризненно покачал он головой, — вы такой хитрый. Да, нужно отдать вам должное. Я вас недооценивал. Вы очень и очень ловки.

— Похвала от самого Ловкача Фишера очень ценна. Но с чего вдруг эти щедрые комплименты?

— Вы обставили меня, молодой человек. Вы плели мне, что Золотце пропал, а я и купился. Как младенец!

Он сбил пепел с сигары, явственно страдая.

— Не надо упорствовать, сынок. Я случайно оказался в трех ярдах от вас, когда вы вместе с ним садились в такси на Шефтсбери-авеню.

— Ну, в таком случае, — рассмеялся я, — пусть между нами не будет секретов. Он спит в соседней комнате.

Сэм серьезно наклонился вперед и постукал меня по колену.

— Молодой человек, момент критический. Именно теперь, если не проявите осторожности, вы можете загубить превосходную работу. Если заважничаете, загордитесь, станете думать «раз я побеждал до сих пор, то и дальше буду править бал». Уж поверьте мне, самое трудное впереди. Именно сейчас вам требуется опытный человек. Включите в игру меня и предоставьте вести переговоры со стариком Фордом. Вы только всё испортите. Я уже десятки раз это проделывал и знаю, как действовать. Вы не пожалеете, что взяли меня партнером. Сами не потеряете ни цента. Я сумею выудить у него вдвое больше, а вы вообще можете все сорвать. Ни гроша не получите.

— Очень любезно с вашей стороны, но никаких переговоров с мистером Фордом не будет. Я отвезу мальчика обратно в Сэнстед, как уже говорил вам. — Я поймал его полный муки взгляд. — Вы что, не верите мне?

Не отвечая, он затянулся сигарой.

Есть такая слабость у человека — ему хочется убедить сомневающихся в нем, пусть даже мнение их совсем для него неважно. Я вспомнил, что в кармане у меня лежит письмо от Синтии и, вынув его в качестве вещественного доказательства, прочитал Сэму. Тот очень

внимательно слушал.

— Понятно, — обронил он, — А кто писал?

— Неважно. Одна моя приятельница. Я сунул письмо обратно в карман.

— Я намеревался отправить Огдена в Монако, но переменил планы. Вмешались другие соображения.

— Какие же?

— Можно бы назвать их совестью, если вы знаете это слово.

— Вы, что же, и вправду хотите отвезти его обратно в школу?

— Да.

— Что ж, тогда поедем обратно. Хотя я надеялся, что уже больше никогда не увижу этого места. Английские деревни, может, летом и хороши, но зимой подавай мне Лондон. Однако, — покорно вздохнув, он поднялся с кресла, — попрощаемся до завтра. Каким поездом едете?

— У вас хватит наглости вернуться в Сэнстед? — опешил я.

— А вы что, тешитесь мыслишкой разоблачить меня перед мистером Эбни? И думать забудьте, молодой человек, Оба мы не без греха, так что не будем кидать камень в ближнего. Да к тому же, разве он поверит? Какие у вас доказательства?

Довод этот я считал достаточно веским, когда сам приводил его Золотцу. А теперь, когда его использовали против меня, еще больше убедился в его основательности. Руки у меня были связаны.

— Значит, завтра, — продолжил Сэм. — После маленькой увеселительной прогулки в Лондон мы снова заживем тихой провинциальной жизнью.

Он рассиялся улыбками.

— Что ж, и в тихой провинциальной жизни есть свой интерес. Думаю, скучать нам не придется.

И я ему поверил.

Глава XI

Учитывая самые разные помехи (простуда, страх за Золотце, благоговение перед аристократией), с ситуацией мистер Эбни справился просто артистично. Ни о каком физическом наказании и речи быть не могло, особенно применительно к Золотцу, который наверняка отомстил бы новым набегом на окна, и мистер Эбни был вынужден положиться на свое ораторское искусство. Пустил он его в ход настолько успешно, что

когда закончил речь, Огастес рыдал в голос и был так подавлен, что целых три дня не задал никому ни единого вопроса.

Одним из последствий этого приключения было то, что кровать Огдена переставили в комнатушку, примыкающую к моей. Это помещение первоначально мыслилось как гардеробная, а при правлении мистера Эбни его стали использовать как склад. Стояли там и мои коробки, и чемодан Глоссопа. Замечательное местечко для мальчика, за которым в любую ночь могут вломиться похитители. Окно было совсем маленькое, человеку в него не пролезть, единственный вход — через мою комнату. Ночью, во всяком случае, безопасность Золотцу была гарантирована.

Любопытство мальчишек, к счастью, недолговечно. Их активный ум живет в настоящем. Всего несколько дней, и треволнения, вызванные набегом Бака и исчезновением Золотца, улеглись. Неделя — и оба эпизода перестали служить темой разговоров, жизнь школы вернулась в нормальную колею.

Для меня, однако, наступила пора беспокойств. Моя жизнь последние пять лет протекала ровно и гладко, и теперь, когда меня кидало и бросало на бурных стремнинах, я был вконец сбит с толку. Сложность положения усугубляла та странность, что в моем мирке, маленьком мирке Сэнстеда, оказалась всего одна женщина, да к тому же — та самая, которой мне как раз следовало всячески избегать.

Мои чувства к Синтии не поддавались никакому анализу. Иногда я цеплялся за воспоминания о ней, и она представлялась мне прочным и безопасным оплотом в мире хаоса. В иные минуты она давила на меня тяжким бременем. Случались дни, когда я готов был бросить борьбу и плыть по течению, и дни, когда я отвоевывал дюйм за дюймом. Но с каждым новым днем мое положение становилось безнадежнее.

Иногда, лежа ночами без сна, я убеждал себя, что если бы только я мог увидеть или хотя бы услышать что-то от Синтии, бороться было бы легче. Именно её бесследное исчезновение делало всё таким трудным. В моей борьбе мне никто не помогал.

И вот однажды утром, словно бы в ответ на мои сетования, от Синтии пришло письмо. Это меня поразило. Точно между нами имелась какая то телепатическая связь.

Письмецо было коротеньким, почти официальным.

«Мой дорогой Питер,
я хочу задать Вам вопрос. Сформулировать его я могу

совсем коротко. Вот он: остались ли Ваши чувства прежними? Почему я об этом спрашиваю, объяснять не буду. Просто спрашиваю, и всё. Каким бы ни был ответ, он не повлияет на нашу дружбу, так что будьте вполне откровенны. Синтия».

Я тотчас сел писать ответ. Письмо, полученное именно в этот момент, да еще такого содержания, глубоко на меня подействовало.

Словно подоспело нежданное подкрепление в почти проигранной битве, оно подпитало мою уверенность в себе. Я снова почувствовал себя сильным, способным сражаться и победить, и я излил Синтии душу. Я писал ей, что чувства мои ничуть не изменились, что люблю я только ее. Все это, как я вижу, оглядываясь назад, было порождением расшатанных нервов, но в то время письмо представлялось мне выражением истинных чувств.

То, что битва не закончена — хотя в момент экзальтации я воображал, что уже победил себя, — стало, к сожалению, вполне очевидно, когда, вернувшись с почты, я встретил Одри. Меня тут же пронзил сладкий трепет. Вид ее напомнил мне, что подкрепление и есть подкрепление, помощь для победы, но совсем не победа.

Впервые во мне вспыхнуло возмущение, хотя причин для него не было. Оно не выдержало бы и легчайшего анализа, но оказало мне поддержку. Я изо всех сил старался подавить сладкий трепет, пытаясь смотреть на Одри критическим и враждебным взглядом. Кто она такая, почему порабощает человека против его воли? Чары существуют только в воображении зачарованного. Если у него найдутся силы отмести чары и убедить себя, что их нет, он спасен. Здесь лишь вопрос воли и спокойного рассуждения. Наверняка в Египте были стойкие, уравновешенные люди, которые понять не могли, отчего это все так восхищаются Клеопатрой. Что в ней такого особенного?

Уговаривая себя, я приподнял шляпу, пробормотал «Доброе утро» и прошел дальше, само воплощение энергичного делового человека, спешащего по делам.

— Питер!

Даже энергичный деловой человек, спешащий по делам, вынужден остановиться, когда с ним затоваривают. Иначе, не говоря уже о правилах вежливости, покажется, что он убегает. На лице у нее отражалось слабое удивление.

— Ты так спешишь?

Ответа у меня не нашлось. Да Одри, видимо, и не ждала ответа.

Мы молча направились к дому. Молчание мучило меня. Очарование её личности подтачивало мои защитные сооружения, и выдержат ли они напор, я сильно сомневался.

— Питер, тебя что-то беспокоит? — наконец спросила она.

— Э… да нет. А что?

— Мне показалось, что беспокоит.

Я рассердился на себя. Так по-идиотски себя вести! Что за тупое молчание! Тактика энергичного человека, спешащего по делам, — легкий непринужденный разговор. Неудивительно, что Ловкач Сэм обращался со мной как с ребенком. Я и веду себя как надутый школьник. Молчание стало еще тяжелее.

Мы дошли до дома. В холле мы расстались. Одри ушла наверх, я — в свой класс. Она не смотрела на меня. Лицо у нее было холодное и оскорбленное.

Человек непоследователен до странности. Создав холодность между Одри и собой, я, казалось бы, должен был успокоиться. Разум говорил мне, что так лучше всего. И, однако, ни намека на радость в последующие дни я не испытывал. Миновал короткий миг ясной рассудочности, а вместе с ним улетучился и подъем, продиктовавший письмо к Синтии, и негодование, помогавшее рассуждать хладнокровно о женских чарах. Одри снова стала центром моего мира. Но наша дружба, иллюзорная материя, умудрявшаяся существовать рядом с моей любовью, исчезла. Трещина между нами расползалась день ото дня. Вскоре мы едва разговаривали. Короче, ничего лучшего и пожелать было бы нельзя, и то, что я сожалел об этом, свидетельствует об изначальной слабости характера.

Глава XII

1

В эти пасмурные дни лишь одна мысль из многих других приносила определенное утешение: такая ситуация не продлится вечно. Школьный семестр катился к концу. Скоро я освобожусь от соседства, парализовавшего все мои усилия. Я твердо решил, что последний день семестра будет означать конец моей связи с «Сэнстед Хаусом» и всем, что в нем находится. Миссис Форд найдет себе другого приспешника. Если её счастье зависит от возвращения Золотца, то пусть научится обходиться без

счастья, как остальные обитатели падшего мира.

Между тем, однако, я по-прежнему выполнял свои обязанности. В результате какого-то мучительного, непонятного мыслительного процесса я пришел к заключению, что я по-прежнему отвечаю перед Одри за безопасность Золотца, и никакая перемена отношений не поколеблет эту позицию.

Возможно, к этому примешивалось и менее альтруистическое желание — обыграть Ловкача. Его присутствие в школе было вызовом мне. Разгадать его поведение я не мог. Не знаю, чего в точности я ожидал от него, но определенно не думал, что он станет бездействовать. Однако один день сменялся другим, а он по-прежнему ничего не предпринимал. Образцовый дворецкий. Наше общение в Лондоне заставляло быть настороже, его пассивность меня не обманывала.

Рано или поздно, не сомневался я, он перейдет к стремительным и неожиданным действиям, отточив план до мельчайших деталей. Но когда он ринулся в атаку, меня обманула крайняя простота его метода, и поражение он потерпел по чистой случайности.

Как я уже говорил, учителя в «Сэнстед Хаусе» — другими словами, все взрослые мужчины, за исключением самого Фишера, — собирались в кабинете мистера Эбни после обеда выпить кофе. Это была церемония, а в заведении вроде школы, где все катится по расписанию, вариантов нет. Иногда мистер Эбни уходил сразу после кофе, но посиделок не пропускал никогда.

В этот вечер, в первый раз с начала семестра, я был не настроен пить кофе. Уже несколько ночей я плохо спал и решил, что воздержание от него — хорошее лекарство от бессонницы.

Подождав для проформы, пока Глоссоп и мистер Эбни наполнят свои чашки, я тут же отправился к себе в комнату, где, бросившись на кровать, лежал в темноте, борясь с приступом депрессии, более глубокой, чем обычно. Одиночество и темнота очень подходили для моих мыслей.

Ловкач Сэм в эту минуту никак их не занимал. Ему в них места не было. И когда моя чуть приотворенная дверь начала медленно открываться, я насторожился не сразу. Но то ли едва слышный звук заставил меня очнуться от ступора, погнав кровь быстрее, то ли встрепенулся я оттого, что открывалась дверь очень странно — честный, обычный сквозняк не открывает ее толчками, украдкой.

Я бесшумно приподнялся, напрягся, насторожился. И тут кто-то очень тихо вошел в комнату.

Только один человек в Сэнстеде мог так войти. Меня это позабавило.

Наглость Фишера щекотала мне нервы. Поступок, столь чуждый его обычным, осторожным методам. Этакое бесцеремонное вторжение, прямо похищение de luxe.[10] Будь сейчас глубокая ночь, я бы еще мог понять такие действия, но в девять вечера, когда ни Глоссоп, ни мистер Эбни, ни я не спим, и он может наткнуться на нас на лестнице, это полнейшая нелепость. Словом, я изумлялся нахальству Ловкача.

Я затаился, представляя, что будет, когда он включит свет. И он включил. Я любезно приветствовал его:

— Мистер Фишер! Чем могу служить?

Для человека, который умеет контролировать себя в сложных ситуациях, он принял удар неважно. Изумленно охнув, он круто обернулся.

Правда, опомнился он моментально. Я невольно восхитился. Почти немедля он снова стал вкрадчивым, словоохотливым Сэмом, который изливался передо мной в лондонском поезде, делясь теориями и мечтами.

— Сдаюсь, — дружелюбно сказал он, — эпизод закрыт. Я — человек мирный, а вы, как понимаю, не станете спокойненько полеживать в постели, если я войду в другую комнату и похищу нашего юного друга. Разве что вы опять переменили решение. Тогда, может, 50 на 50 не соблазнит?

— Ни чуточки.

— Что же, я просто спросил. На всякий случай.

— Да, как же с мистером Эбни? Что, если мы столкнемся с ним на лестнице?

— Ну уж нет, — доверительно проговорил Сэм. — Вы, как я понял, кофе сегодня не пили.

— Не пил. А что? Он покачал головой.

— Кто бы мог подумать! Молодой человек, разве мог я предугадать, что именно сегодня, после того как вы ежевечерне пили кофе, вы вдруг пропустите его? Вы наказание какое-то, сынок. Прям вышли на тропу войны.

Так вот оно, объяснение.

— Вы, подсыпали что-то в кофе?

— А то! Столько подсыпал, что один глоток помог бы страдающему бессонницей, не успеет он и доброй ночи сказать. То пойло, какого хлебнул Рип ван Винкль, в сравнение не идет. И надо же, всё понапрасну! Н-да…

Он направился к дверям.

— Мне оставить свет гореть, или вам лучше в темноте?

— О, пожалуйста, оставьте! В темноте я, пожалуй, засну.

— Только не вы! А если и заснете, вам приснится, что я тут, и вы мигом проснетесь. Из-за вас, молодой человек, бывают моменты, когда мне так и охота кинуть всё к черту, да приняться за честный труд.

Он примолк.

— Ну, пока погодим. Нет, — встрепенулся он, — у меня еще есть пара снарядов в запаснике. Еще поглядим!

— Ладно. А в один прекрасный день, когда я буду прогуливаться по Пиккадилли, проезжающий автомобиль забрызгает меня грязью. Из окна машины на меня кинет чванливый взгляд богач, и я, вздрогнув от удивления, узнаю…

— И почуднее вещи случаются. Куражьтесь, сынок, пока побеждаете. Мои неудачи не продлятся вечно.

С печальным достоинством он вышел из комнаты, но через минуту появился снова.

— А я тут вдруг подумал: 50 на 50 вас не впечатляет. А может, дело сдвинется, если я предложу 25 и 75?

— Ни в коей мере.

— Н-да… А предложение-то роскошное.

— Просто изумительное. Но, боюсь, я не вступлю в сделку ни на каких условиях.

Сэм ушел, но тут же вернулся. Голова его выглянула из-за двери, точно у Чеширского кота.

— А не станете потом говорить, что я не дал вам шанса? — беспокойно осведомился он.

И снова исчез, на этот раз окончательно. Я услышал, как он протопал по лестнице.

2

Итак, мы дожили до последней недели семестра, последних дней последней недели. В школе царило каникулярное настроение. У мальчиков оно приняло форму беспорядка. Те, на которых Глоссоп до сих пор только рявкал, теперь заставляли его рвать на себе волосы. Те, кто раньше всего лишь плескался чернилами, теперь разбивали окна. Золотце бросил сигареты и перешел на старую глиняную трубку, которую отыскал в конюшне.

Что до меня, я чувствовал себя, как измученный пловец, берег от которого совсем близко. Одри всячески избегала меня, а когда мы

случайно всё-таки сталкивались, держалась холодно и вежливо. Но теперь я страдал меньше. Еще несколько дней, и я покончу с этой фазой моей жизни, она снова станет для меня лишь воспоминанием.

Полнейшее бездействие отличало в эти дни Фишера. Он больше не пытался повторять своих попыток. Кофе не содержало чужеродных снадобий. Сэм, подобно молнии, дважды в одно и то же место не ударял. Душа у него была артистическая, и ему не нравилось латать испорченную работу. Если он предпримет новый ход, это будет, не сомневался я, что-то новенькое, оригинальное.

Забывая о том, что я всем обязан только удаче, я раздувался от самодовольства, думая о Сэме. Я потягался с ним умом и выиграл. Достойно всяческой похвалы для человека, ничего особенного до сих пор не совершавшего.

Если не хватало прописных истин, вбитых в меня в детстве, и моего несчастья с Одри, меня мог бы остеречь хотя бы совет Сэма — не праздновать победу, пока не окончена битва.

Однако, признавая истины в теории, человек всегда крайне изумляется, когда они сбываются на практике. Мне пришлось удивиться в предпоследнее утро семестра.

Вскоре после завтрака мне сообщили, что мистер Эбни хочет видеть меня у себя в кабинете. Я отправился к нему, не чуя беды. Обычно в кабинете обсуждались после завтрака дела школы, и я подумал, что мы будем обсуждать какие-то детали завтрашнего отъезда.

Мистер Эбни мерил шагами пол с выражением крайней досады. За столом, спиной ко мне писала Одри. В её обязанности входила деловая корреспонденция школы. Она не оглянулась, когда я вошел, продолжая писать, будто меня и на свете нет.

Мистер Эбни был слегка смущен, и объяснить это я вначале не мог. Держался он величественно, но как бы защищаясь, а это всегда означало одно — сейчас он объявит, что укатит в Лондон, оставив меня выполнять его работу. Прежде чем приступить к разговору, он кашлянул.

— Э… мистер Бернс, — наконец приступил он, — могу ли я спросить, вы уже составили планы на каникулы?.. Э… на самое начало? Нет еще? — И выудил письмо из кипы бумаг на столе.

— Э… превосходно. Это значительно упрощает дело. Я не имею права просить о том, о чем сейчас попрошу. Я не могу посягать на ваше свободное время. Но при сложившихся обстоятельствах вы могли бы оказать мне важную услугу. Я получил письмо от мистера Форда, и оно ставит меня в несколько затруднительное положение. Я не хотел бы

отказывать в любезности родителям мальчиков, которых доверили… э… доверили моим заботам, — в общем, мне бы хотелось удовлетворить просьбу мистера Форда. Сложилось так, что дела призывают его на север Англии, а потому он никак не сумеет приехать завтра за маленьким Огденом. Не в моих привычках критиковать родителей, которые оказали мне честь, поместив в мою школу сыновей, но я бы сказал, что просьба, изложенная заранее, более удобна. Однако мистер Форд, как и многие его соотечественники, несколько… э… бесцеремонен. Он делает всё, как говорится, тут же, на месте. В общем, он желает оставить маленького Огдена в школе на первые дни каникул. Буду вам крайне обязан, мистер Бернс, если у вас найдется возможность задержаться в школе и… э… присмотреть за мальчиком.

Прекратив писать, Одри повернулась на стуле, впервые показывая, что слышит речи мистера Эбни.

— Зачем причинять мистеру Бернсу неудобства? — не глядя на меня, вмешалась она. — Я и одна могу позаботиться об Огдене.

— В случае… э… обыкновенного мальчика, миссис Шеридан, я бы, не колеблясь ни минуты, оставил ученика на ваше попечение. Но мы должны помнить не только — говорю откровенно… э… не только все особенности именно этого мальчика, но также и то, что бандиты, которые напали на дом в ту ночь, могут воспользоваться случаем и предпринять новую атаку. Я не могу спокойно… э… возлагать на вас столь тяжкую ответственность.

В том, что он говорил, был свой резон. Одри ничего не ответила. Я услышал, как она постукивает ручкой по столу, и догадался о её чувствах. Я и сам чувствовал себя как пленник, который подпилил прутья решетки, а его переводят в другую камеру. Мне приходилось крепиться изо всех сил, чтобы дотерпеть до конца семестра, и теперь отсрочка освобождения нанесла мне сокрушительный удар.

Мистер Эбни кашлянул и конфиденциально понизил голос:

— Я бы и сам остался, но меня вызывают в Лондон по безотлагательному делу, я задержусь там на день-другой. У моего последнего ученика… э… графа Бакстона — я могу полагаться на вашу скромность, мистер Бернс?., неприятности с администрацией в Итоне, и его опекун, мой друг по колледжу., э… герцог Бэсборо, справедливо или нет, уж не знаю, очень… э… доверяет моим советам и желает со мной проконсультироваться. Я вернусь по возможности скорее, но вы, конечно, понимаете, что при данных обстоятельствах сроки зависят не только от меня. Я должен полностью предоставить себя в… э… распоряжение герцога.

Он нажал звонок.

— Если заметите каких-нибудь подозрительных личностей, у вас есть телефон. Незамедлительно свяжитесь с полицией. У вас также будет помощь…

Дверь открылась, и вошел Ловкач Фишер.

— Вы звонили, сэр?

— А-а. Входите, Уайт, закройте дверь. Мне нужно вам кое-что сказать. Я только что проинформировал мистера Бернса, что мистер Форд просит разрешить его сыну остаться в школе на первые дни каникул. Несомненно, миссис Шеридан, — повернулся он к Одри, — вы будете удивлены и, возможно… э… несколько напуганы, когда узнаете о необычном положении Уайта в «Сэнстед Хаусе». Вы не возражаете, Уайт, если я проинформирую миссис Шеридан, учитывая, что вам придется работать вместе? Так вот. Уайт — сыщик и служит в агентстве Пинкертона. Мистер Форд, — легкая нахмуренность обозначилась на его высоком лбу, — мистер Форд добился для него должности, чтобы он защищай его сына в случае… э… в общем, от попытки его похитить.

Я видел, как Одри вздрогнула, и румянец мигом залил ей лицо. Она удивленно вскрикнула.

— Вы, — заметил мистер Эбни, — естественно, удивлены. Вся ситуация крайне необычна… и могу добавить… э… тревожна. Однако, Уайт, у вас свой долг перед нанимателем, и вы, конечно, останетесь с мальчиком.

— Да, сэр.

Я поймал себя на том, что смотрю в яркий карий глаз, светившийся откровенным триумфом. Второй глаз был прикрыт. От избытка чувств у Ловкача Сэма хватило нахальства подмигивать мне.

— Вам, Уайт, будет помогать мистер Бернс. Он любезно согласился отложить свой отъезд на тот короткий период, когда мне придется уехать.

Что-то я не припоминал, чтобы давал любезное согласие, но действительно был рад согласиться и рад увидеть, что мистер Фишер, хотя мистер Эбни этого и не заметил, явно огорчился. Но, как обычно, оправился он в минуту.

— Это очень любезно со стороны мистера Бернса, — сладчайшим голосом пропел он, — но вряд ли есть необходимость причинять ему неудобства. Уверен, мистер Форд предпочел бы, чтобы вся ответственность сосредоточилась в моих руках.

Для упоминания этого имени он выбрал не самый удачный момент. Мистер Эбни был человеком порядка и терпеть не мог отхода от

установившегося течения жизни, и письмо мистера Форда выбило его из колеи. Семью Фордов, отца и сына, он очень не любил.

— Что мистер Форд предпочел бы, не имеет значения. Ответственность за мальчика, пока он остается в школе… э… целиком моя, и я приму такие меры предосторожности, какие мне представляются нужными… э… независимо от того, что, по вашему мнению, нравится мистеру Форду. Так как я не могу находиться в школе сам, в силу… э… неотложных дел, то, безусловно, воспользуюсь любезным предложением мистера Бернса остаться моим заместителем.

Он сделал паузу, чтобы высморкаться, что бывало всегда после его редких взрывов. Сэм не дрогнул под ударами шторма. Он хладнокровно переждал, пока шторм закончится.

— Тогда, боюсь, мне придется быть с вами откровеннее, — сказал он. — Я надеялся избежать скандала, но, вижу, ничего не поделаешь.

Из-за платка медленно появилось изумленное лицо мистера Эбни.

— Я совершенно с вами согласен, сэр, что кто-то должен быть тут и помогать мне присматривать за мальчиком, но только не мистер Бернс. Мне грустно говорить это, но мистеру Бернсу я не доверяю.

Изумление мистера Эбни возросло. Я тоже удивился. Не похоже на Сэма швырять свои козыри вот так открыто.

— О чем это вы? — спросил мистер Эбни.

— Мистер Бернс сам охотится за мальчиком. Он приехал, чтобы похитить его.

Вполне понятно, мистер Эбни ахнул от изумления. Я умудрился насмешливо и невинно расхохотаться. Проникнуть в замыслы Сэма я не мог. Не надеется же он, что его диким заявлениям хоть на минуту поверят. Мне показалось, что от постигшего его разочарования он потерял голову.

— Вы что, Уайт, с ума сошли?

— Нет, сэр. Я могу доказать свои слова. Если бы в тот раз я не поехал с ним в Лондон, он наверняка бы увез с собой мальчика.

На минутку у меня зашевелилась тревожная мыслишка — уж не припасено ли у него в резерве что-то неизвестное?

Но я отбросил свои домыслы. Ничего у него не может быть!

В полном замешательстве мистер Эбни повернулся ко мне. Я вздернул брови.

— Смешно и нелепо.

Видимо, эта фразочка полностью совпадала с мнением мистера Эбни. Он накинулся на Сэма с обидчивым гневом мягкотелого человека.

— С чего вдруг, Уайт, вы являетесь ко мне с вашими абсурдными

россказнями?

— Я не хочу сказать, что мистер Бернс хотел похитить мальчика, — гнул свое Сэм, — как те субъекты, которые вломились в дом. У него причина особая. Мистер и миссис Форд, как вы, конечно, знаете, разведены. Мистер Бернс пытался увезти мальчика, чтобы вернуть его матери.

Я услышал, как Одри тихонько охнула. Гнев мистера Эбни чуть подтаял, тронутый сомнениями. Такие слова, сняв с обвинения полнейшую абсурдность, делали его правдоподобным. На меня снова нахлынуло беспокойство, что у Сэма припрятан неведомый мне козырь. Может, это всё и блеф, но что-то в его обвинениях есть зловещее.

— Вы можете сказать, — продолжал Сэм, — что это делает честь сердцу мистера Бернса. Но, с точки зрения моего нанимателя, да и вашего тоже, рыцарственность порыва еще следует проверить. Пожалуйста, сэр, прочитайте это.

И он протянул мистеру Эбни письмо. Тот, поправив очки, начал читать — сначала бесстрастно, скептически, потом жадно и ошеломленно.

— Я счел необходимым, сэр, порыться в бумагах мистера Бернса в надежде найти…

И тут я понял, что он стащил у меня. Голубовато-серая почтовая бумага сразу показалась мне знакомой. Теперь я точно узнал её. Это было письмо Синтии, изобличающий документ, прочитать который ему в Лондоне у меня хватило безумия. Его предсказание, что удача может в любой момент переметнуться к другому, обернулось правдой.

Я поймал взгляд Сэма, и во второй раз у него достало наглости подмигнуть мне многозначительным полновесным подмигиванием, по выразительности равнозначным триумфальному кличу студентов на матче.

Мистер Эбни, залпом прочитав письмо, силился обрести дар речи. Я легко истолковал его эмоции. Если он и не пригрел гадюку на своей груди, то был очень к тому близок. Директора школ терпеть не могут потенциальных похитителей.

Ну, а у меня самого был полный разброд мыслей. Даже начатков плана не было, чтобы справиться с жуткой ситуацией. Я был раздавлен отчаянной беспомощностью своего положения. Разоблачить Сэма невозможно, объяснить свою относительную невиновность тоже. Внезапность атаки лишила меня всякой способности мыслить связно. Я был разбит наголову.

— Ваше имя Питер, мистер Бернс? — спросил мистер Эбни.

Я кивнул. Говорить было выше моих сил.

— Письмо это написано… э… леди. В нем вас недвусмысленно просят… э… поспешить с похищением Огдена Форда. Желаете, чтобы я прочитал его? Или сознаетесь, что знаете его содержание?

Он ждал ответа. У меня его не было.

— Вы не отрицаете, что приехали в «Сэнстед Хаус» со специальной целью похитить Огдена Форда?

Сказать мне было нечего. Я мельком увидел лицо Одри, холодное и жесткое, и быстро отвел глаза. Мистер Эбни сглотнул. На лице у него было укоризненное выражение свежепойманной трески. Он смотрел на меня с болезненной гадливостью. И этот старый мерзавец Сэм смотрел так же, вроде шокированного епископа.

— А я-то… э… безоговорочно доверял вам, — промямлил мистер Эбни.

Сэм укоризненно покачал головой. С проблеском боевого задора я пронзил его взглядом, но он снова покачал головой.

Думаю, это был самый черный момент моей жизни. Безумное желание сбежать во что бы то ни стало нахлынуло на меня. То, какой стала Одри, словно кислотой разъедало мой мозг.

— Пойду, упакую чемодан, — буркнул я, прибавив про себя: «Вот и конец».

Бросив упаковываться, я сел на кровать поразмышлять. Настроение у меня было унылое, дальше некуда. Случаются кризисы в жизни, когда никакие доводы не могут принести утешения. Тщетно я старался уговорить себя, что именно этого я, в сущности, и желал. Ведь Одри наконец уйдет из моей жизни.

Разве не к этому я стремился всего двадцать четыре часа назад? Разве не твердил себе, что уеду и больше не стану видеться с ней? Безусловно…

Это был конец.

— Чем могу помочь? — перебил мои размышления ласковый голос.

В дверях стоял Сэм, лучась своей неизменной добродушнейшей улыбкой.

— Нет, вы неправильно с ними обращаетесь. Позвольте мне. Еще минута, и вы сгубили бы складку.

Я увидел у себя в руках жалко повисшие брюки. Сэм забрал их и, бережно сложив, положил в чемодан.

— Не расстраивайтесь так, сынок, Таковы уж превратности войны. И какое это имеет значение? Судя по роскошной квартирке в Лондоне, денег у вас хватает. Потеря работы вас не разорит. А если вы беспокоитесь насчет миссис Форд, не стоит! Наверное, она про свое Золотце и думать

забыла. Так что выше нос. С вами все в порядке.

Он протянул было руку, чтобы похлопать меня по плечу, но все-таки удержался.

— Подумайте о *моем* счастье, если хотите утешиться. Поверьте, молодой человек, я петь готов. Никаких забот и хлопот. Ух, как вспомню, что теперь всё пойдет легко и гладко, в пляс готов пуститься! Вы себе не представляете, как мне важно провернуть это дельце. Знали бы вы Мэри! Так её зовут. Непременно приезжайте к нам в гости, сынок, когда мы устроимся своим домом. *Для вас* всегда будут нож и вилка, как для родного. Господи! Так и вижу домик, вот как вас. Симпатичный такой, с красивой верандой… Я сижу в качалке, курю сигару, читаю бейсбольные новости. А Мэри тоже в качалке, напротив, штопает мне носки и поглаживает кота. У нас обязательно будет кот. Даже два. Обожаю кошек. А в саду — коза. Слушайте, да как же все будет *здорово!*

Тут эмоции всё-таки возобладали над осторожностью и он смачно шлепнул толстой рукой по моим сгорбленным плечам.

Есть предел всему. Я вскочил на ноги.

— Убирайтесь! — завопил я. — Вон отсюда!

— Ну, и ладно, — покладисто согласился он и, неспешно поднявшись, сочувственно оглядел меня. — Выше нос, сынок! Будьте мужчиной!

Случаются минуты, когда даже лучшие из людей впадают в мелодраму. Стиснув кулаки и сверля его взглядом, я закричал:

— Я вас еще обыграю, негодяй!

Некоторым не дано воспринимать этот жанр. Сэм терпимо улыбнулся.

— Ну-ну-ну! Как хотите, отчаянный вы человек. Чем бы дитя ни тешилось…

И он ушел.

Глава XIII

Из «Сэнстед Хауса» я исчез незаметно, без всякого шума, и отправился пешком по длинной дороге. Мой багаж должны были привезти на вокзал. Я был благодарен Провидению за милость — мальчики были в классах и не смогли приставать ко мне с расспросами. Один Огастес Бэкфорд довел бы меня до поседения.

Утро было чудесное. На синем небе ни облачка, с моря дул свежий ветерок. Наверное, на меня подействовало ликование приближающейся весны, потому что тупая депрессия вдруг слетела с меня, ко мне вернулась

живость и зароились планы. С какой это стати я уползаю с поля битвы? Почему я так смиренно уступил Ловкачу Сэму? Воспоминание о его подмигиваниях подхлестнуло меня, как тоник. Я покажу ему, что я еще фигура в игре! Пусть для меня закрыт дом, но ведь есть еще «Перья». Можно затаиться там и наблюдать за его ходами.

Дойдя до гостиницы, я остановился и уже готов был войти и занять боевой пост, когда мне пришло в голову, что это ложный ход. Возможно, Сэм не поверит в мой отъезд. В его привычках все делать тщательно, и если даже он не явится провожать меня, то уж расспрашивать на вокзале, действительно ли я уехал, станет непременно. И я прошел мимо.

На вокзале его вроде не было. Не приехал он и на тележке с вещами. Но я решил не рисковать. Купив билет до Лондона, я сел в поезд с намерением сойти в Гилфорде и вернуться дневным поездом обратно в Сэнстед, но по размышлении мне это показалось излишним. Вряд ли Сэм похитит Золотце до завтра. С возвращением можно не торопиться.

Ночь я провел в Лондоне и в Сэнстед вернулся ранним утренним поездом. В чемодане, среди прочего, лежал браунинг. Я немножко стеснялся этой покупки. Для людей типа МакГинниса пистолет — такая же обыденность, как пара башмаков, но я покраснел, входя в оружейный магазин. Если бы мне предстояло сражаться с Баком, я бы меньше смущался. Но было что-то в Сэме, от чего пистолеты казались нелепостью.

Сняв комнату в гостинице и оставив там вещи, я отправился к школе. Прежде чем предпринимать что-то, я должен повидать Одри и открыть ей правду про Ловкача Сэма. Если она будет настороже, моя помощь не понадобится. Её доверие к нему может оказаться роковым.

Когда в школе нет мальчиков, очень одиноко. На территории было пустынно, когда я осторожно лавировал между деревьями, и атмосфера казалась почти жуткой. Всё было неподвижно, будто место заколдовали. Никогда прежде я не чувствовал с такой остротой, насколько изолирован «Сэнстед Хаус». В таком одиноком местечке может приключиться все что угодно, а мир, ничего о том не ведая, будет жить по-прежнему. Подойдя ближе к дому, я с явным облегчением увидел над головой телефонные провода. У них был такой прозаический, такой успокаивающий вид.

Прогрохотала по дороге тележка торговца и исчезла за поворотом. Еще одно напоминание о внешнем мире было приятно, но я не мог избавиться от ощущения, что атмосфера зловещая. Приписал я это тому, что я — как шпион во вражеской армии. Мне нужно видеть, оставаясь невидимым. Не думаю, чтобы бакалейщику, который проехал на своей тележке, чудилось что-то нехорошее в здешней атмосфере. Ни Одри, ни

Огдена нигде не было, но я не сомневался, что они в саду. Однако расширять зону поиска я не рискнул. Я и так подошел к дому ближе, чем дозволяло благоразумие.

Глаза опять наткнулись на провода, и мне пришла идея: надо позвонить Одри из гостиницы и попросить о встрече. Был риск, что трубку возьмет Ловкач, но не такой уж он великий. Если только он не отказался от роли дворецкого, — что не в его характере, — сейчас он в комнате домоправительницы, а звонок телефона, который стоит в кабинете, туда не доносится.

Я выбрал момент, когда обед закончился и Одри, скорее всего, в гостиной. И правильно. На звонок ответил её голос.

— Это Питер Бернс. Повисла ощутимая пауза.

— Да? — холодно проговорила она.

— Мне необходимо с тобой поговорить.

— Да-а?

— По телефону не могу. Пожалуйста, давай встретимся через полчаса у ворот.

— Откуда ты звонишь?

— Из «Перьев». Я тут живу.

— Я думала, ты в Лондоне.

— Я вернулся. Так мы встретимся? Она заколебалась.

— Зачем?

— Мне нужно сказать тебе кое-что важное. Для тебя. И мы снова помолчали.

— Хорошо.

— Значит, через полчаса. Огден в постели?

— Да.

— Его дверь заперта?

— Нет.

— Тогда запри её. А ключ возьми с собой.

— Почему?

— Объясню, когда встретимся.

— Хорошо, запру.

— Спасибо. До встречи.

Положив трубку, я тут же отправился к школе. Одри уже ждала на дороге, невысокая, смутно различимая в сумерках фигурка.

— Это ты… Питер?

Она чуть запнулась перед именем, будто перед препятствием. Мелочь, но в моем нынешнем настроении меня это ужалило.

— Прости, что опоздал. Я не задержу тебя надолго. Давай пройдемся по дороге? Может, за тобой и не следили, но так безопаснее.

— Следили? Кто? Не понимаю.

Пройдя несколько шагов, мы остановились.

— Кто мог следить за мной?

— Один замечательный субъект по имени Сэм Фишер.

— Сэм Фишер?

— Известный тебе как Уайт.

— Ничего не понимаю.

— Я бы удивился, если б ты поняла. Я и попросил тебя встретиться, чтобы объяснить тебе. Человек, который выдает себя за сыщика от Пинкертона и помогает тебе присматривать за Огденом, — это Ловкач Фишер, профессиональный похититель.

— Но… но…

— Какие у меня доказательства? Никаких. Но сведения от него самого. Он рассказал мне всё в поезде, в тот вечер, когда мы ехали в Лондон.

Одри быстро заговорила. По её тону я понял, что она обнаружила изъян в моем сообщении.

— Зачем же ему было рассказывать?

— Я был ему нужен как сообщник. В тот день я отослал Огдена в Лондон. Сэм подслушал, как я давал ему деньги и инструкции. Объяснял, как улизнуть из школы и куда ехать. И сообразил — вполне правильно, — что цель у меня та же, что и у него. Он предложил мне партнерство, принять которое я не мог.

— Отчего же?

— Мотивы у нас разные. Я хочу похитить Огдена не для того, чтобы выманить выкуп.

Вдруг, совершенно неожиданно, Одри взорвалась. До сих пор она слушала спокойно, и её вспышка ошеломила меня.

— О, твой мотив я знаю! Не к чему и объяснять. Разве есть пропасть, перед которой остановится влюбленный? Наверное, ты твердил себе, что совершаешь нечто рыцарское? Женщина её типа может подбить мужчину на любую низость. Выполняя её просьбу, он считает себя рыцарем, совершающим подвиг. Наверное, она наговорила тебе, что муж плохо обращался с ней, не ценил её высоких качеств? Повела на тебя своими карими глазами — прямо так и вижу, а потом потупила взгляд и заплакала. И ты согласился сделать всё, что ей угодно.

— Про кого это ты рассказываешь?

— Про миссис Форд, разумеется. Про женщину, которая послала тебя украсть Огдена и написала тебе письмо.

— Это не миссис Форд. Впрочем, неважно. Прийти тебя я попросил, потому что хотел остеречь насчет Фишера. И всё. Если я как-то еще смогу тебе помочь, пришли за мной. Если желаешь, я приеду и стану жить в доме, пока не вернется мистер Эбни.

Уже во время своей речи я увидел, что совершаю ошибку. Ум ее колебался между подозрением и верой, и теперь стрелка качнулась.

— Нет, спасибо, — коротко бросила она.

— Ты мне не доверяешь?

— С какой стати? Может быть, Уайт и Ловкач Сэм, а может, и нет. Я буду настороже. Спасибо, что предупредил. Но доверять тебе? Вот уж нет. Ведь всё сходится. Ты сказал мне, что помолвлен. Ты приезжаешь сюда с поручением, за которое мужчина возьмется только ради женщины, которую очень любит. Есть письмо, где тебя умоляют поскорее украсть мальчика. Я знаю, на что способен мужчина ради той, в кого влюблен. Так с какой же стати я должна тебе доверять?

— Посуди сама. Ты забываешь, что у меня была возможность украсть Огдена. Он уже уехал в Лондон, но я привез его обратно, потому что ты объяснила мне, как это для тебя важно.

Одри заколебалась, но лишь на минутку. Слишком глубоко сидело в ней подозрение.

— Не верю я тебе. Ты его привез обратно, потому что этот человек, которого ты называешь Сэмом, случайно прознал про твои планы. Зачем бы тебе совершать это ради меня? С какой стати ставить мои интересы выше интересов миссис Форд? Я для тебя — никто.

На меня налетел сумасшедший порыв — отбросить всякую сдержанность, выплеснуть невысказанные слова, плясавшие у меня в мозгу. Заставить Одри любой ценой понять мои чувства к ней. Но меня сдержала мысль о письме Синтии. Если я хочу сохранить хоть каплю самоуважения, я должен молчать.

— Ладно. Доброй ночи, — попрощался я, собираясь уйти.

— Питер!

В её голосе прозвучало нечто, заставившее меня обернуться в сладком трепете.

— Ты уходишь?

Слабость была бы сейчас гибелью. Скрепившись, я отрывисто бросил:

— Я сказал всё, что хотел. Доброй ночи.

И, снова отвернувшись, быстро зашагал к деревне. Я чуть ли ни бежал.

У меня было такое состояние, когда спасти мужчину может только бегство. Одри больше ничего не сказала, и вскоре я оказался вне опасности в дружественной темноте, за пределами её голоса.

Черноту Маркет сквер рассеивал лишь свет из «Перьев». Когда я приближался, оттуда вышел какой-то человек и остановился у входа закурить сигару. Он повернулся ко мне спиной, согнувшись, прикрывая спичку от ветра, и что-то в его внешности показалось мне знакомым.

Я лишь мельком увидел его, когда он, выпрямившись, исчез из светлого круга, но и этого оказалось достаточно. Это был мой старый приятель, живучий Бак МакГиннис.

Глава XIV

За стойкой восседала мисс Бенджэфилд, величественная, как обычно, услаждавшая свой могучий ум грошовым романчиком.

— Кто этот человек, мисс Бенджэфилд? — поинтересовался я. — Ну, который только что вышел?

— Ах, *этот…* Он — да ведь вы, мистер Бернс, были тут в тот январский вечер, когда…

— Это тот самый американец?

— Ну да. Что ему тут понадобилось, понятия не имею. Он давным-давно исчез. Я с тех пор его не видела, да и видеть не желала. А сегодня вечером вдруг вернулся снова, будто фальшивый грош. Интересно, что у него на уме? Ничего хорошего, я думаю.

Рассеять предубеждение мисс Бенджэфилд было нелегко. Она гордилась, как сама частенько хвастала, что твердо знает, чего хочет.

— Он тут остановился?

— Только не в «Перьях». Мы в жильцах разборчивы.

Я поблагодарил её за подразумевавшийся комплимент и заказал пиво, принося прибыль трактиру. А потом, закурив трубку, уселся поразмышлять над новым поворотом событий.

Стервятники слетались, чтобы отомстить. Сэм в доме, Бак — за его стенами. Очень напоминает прежний расклад, с той лишь разницей, что и я теперь по другую сторону школьной двери.

Почему появился Бак, понять нетрудно. Он, разумеется, в курсе передвижений мистера Форда, и легко выяснил, что миллионера отозвали по делам на север, а Золотце всё еще в «Сэнстед Хаусе». И вот он тут как тут, готовится к атаке.

Да, я поторопился вычеркнуть имя Бака из списка действующих лиц. Сломанные ноги срастаются. Мне следовало бы об этом помнить.

Его появление, соображал я, сильно меняет план кампании. Теперь покупка браунинга теряет свою смехотворность, становясь искусным стратегическим ходом. Когда единственной угрозой был Сэм, я намеревался вести игру выжидательную, наблюдая за ходом событий со стороны, готовый подоспеть на помощь в случае необходимости. Чтобы обуздать Бака, методы потребуются поэнергичнее.

Я принял решение. Если тут этот рьяный приверженец фронтальных атак, то находиться я должен только в одном месте. Мне следует проникнуть в «Сэнстед Хаус» и нести стражу там.

Намерен ли он предпринять атаку уже сегодня вечером? С точки зрения противника, достоинством МакГинниса было то, что он не коварен. Почти наверняка он будет действовать прямо. Рано или поздно Бак бросится в лобовую атаку на крепость. Угадать надо одно — будет ли атака предпринята нынешней ночью. Заставит ли профессиональное рвение пожертвовать ранним сном?

Меня не прельщала мысль провести ночь, патрулируя территорию школы, однако защитить дом было необходимо. Тут мне пришло в голову, что на роль часового отлично подходит Ловкач Сэм. Если приезд МакГинниса, с одной стороны, осложнял ситуацию, то с другой — упрощал её: отпадала надобность в секретности, которая до сих пор была основой моих действий. Приезд Бака позволял мне выйти из подполья и сражаться в открытую, а не наблюдать за «Сэнстед Хаусом» издалека, словно Провидение. Завтра я предполагал выгнать Сэма, но сегодня я использую его. Дело превратилось в трехсторонний турнир. Первый тур сыграют Сэм и Бак.

Я снова стал звонить в школу. Ответили нескоро. Наконец в трубке раздался голос Фишера. Одри, видимо, еще не вернулась после нашей встречи.

— Алло, — проговорил Сэм.

— Добрый вечер, мистер Фишер.

— Ух ты! Да это вы, дорогой друг! Из Лондона звоните?

— Нет. Я в «Перьях». Он сочно хохотнул.

— Никак не можете затормозить? Всё еще сражаетесь? Слушайте-ка, ну какой толк? Чего бы не бросить всё, сынок? Только попусту время тратите.

— У вас, мистер Фишер, легкий сон?

— Не понял.

— Сегодня ночью вам лучше крепко не засыпать. Бак МакГиннис снова объявился тут.

На другом конце провода наступило молчание. Потом я услышал, как Сэм тихонько ругнулся. Значение информации не ускользнуло от него.

— Честно?

— Да.

— Вы не врете?

— Разумеется, нет.

— А вы уверены, что это Бак?

— Разве такую физиономию забудешь? Он опять выругался.

— А вы, смотрю, встревожились.

— Где вы его видели? — спросил Сэм.

— Выходил из «Перьев» с самым свирепым и решительным видом. В нем кипит горячая кровь МакГиннисов. Он полон решимости выиграть или умереть. Боюсь, это означает для вас, мистер Фишер, бессонную ночь.

— А я думал, вы вышибли его из игры…

В его голосе пробивалась сварливая нотка.

— Всего лишь временно. Сделал что мог. Но он даже не хромает.

С минуту Сэм молчал. Как я понял, он призадумался над новым поворотом дела.

— Ладно, сынок, спасибо за подсказку. Однако, почему вы позвонили?

— Потому что я люблю вас, Сэмюэл. Доброй ночи. Проснулся я поздно и позавтракал не спеша. Мирный покой английской деревенской гостиницы расслабил меня. Откинувшись на стуле, я задымил первой трубкой. День был из тех, что вдохновляет на великие подвиги — один из деньков преждевременного лета, какие порой выпадают, чтобы помочь нам пережить пронзительный ветер весны. В открытое окно лилось горячее солнце. Во дворе тихонько кудахтали куры и бормотали индюки. Мысли о насилии казались совершенно чужеродными.

Не торопясь, я вышел на площадь. Я не спешил закончить интерлюдию мира и покоя и приступать к тому, что, по существу, обернется осадой.

После ланча я решил, что наступила пора начинать активную кампанию.

Часы на церковной башне отбили два, когда я выступил в путь с чемоданом в руке. Беспечная прелесть утра еще жила во мне. Я забавлялся при мысли, какой сюрприз я устрою Фишеру. Его подмигивание мучило меня.

Проходя по территории школы, я увидел вдалеке Одри, гуляющую с

Золотцем. Избежав встречи с ними, я вошел в дом.

В доме царила та же атмосфера заколдованного спокойствия, как и в саду. А может, тишина была еще более гнетущей. Я так привык к немолчному гулу и суете мальчишеской школы, что, идя тихим коридором, чувствовал себя почти виноватым, словно вор.

Сэм, цель моего посещения, если он вообще в доме, сидит у домоправительницы в уютной маленькой комнатке недалеко от кухни. Я решил заглянуть прежде всего туда и был вознагражден зрелищем, открывшимся, как только я толкнул приотворенную дверь: ноги в черных брюках торчали из глубин плетеного кресла. Пузатая середина, вздымающаяся, как небольшой холм, ритмично поднималась и опускалась. Лицо было прикрыто шелковым платком, из-под которого доносилось мерное, уютное похрапывание. Идиллическая картинка, добрый человек на отдыхе. Для меня в ней была дополнительная привлекательность — она свидетельствовала, что Сэм наверстывает то, что упустил ночью.

Меня немножко утешило, что и сам я ночью лежал без сна, не в силах успокоить взбудораженный ум. Значит, и мистер Фишер исправно нес вахту.

Хотя я был доволен, что застал Сэма в виде натюрморта, тиски времени вынуждали меня потревожить его, вернуть к активной деятельности. Я легонько ткнул в центр территории, вздымающейся над черными брюками. Сэм с недовольным ворчанием сел. С лица у него упал платок, он заморгал стеклянными глазами только что разбуженного человека. Затем выражение пробудившейся души расползлось у него по лицу, превратившись в дружелюбную улыбку.

— Привет, молодой человек!

— Добрый день. Усталый у вас вид.

— Господи! — зевнул он от всей души. — Что за ночь!

— Бак заявлялся?

— Нет, но каждый раз, как я слышал поскрипывание, мне чудилось, что он пришел. Я ни на минуту не посмел сомкнуть глаз. Вы когда-нибудь не спали всю ночь в страхе, что гоблины уволокут вас, если вы не будете настороже? Уж поверьте мне, это не праздничек.

Лицо его разодрал новый гигантский зевок. Он всю душу в него вложил, будто важнее задачи у него в жизни не было. Посоревноваться с ним мог бы только аллигатор. Выждав завершения зевка, я перешел к делу.

— Сожалею, что вы, мистер Фишер, провели беспокойную ночь. Надо бы вам днем отоспаться. Вы увидите, кровати там очень удобные.

— Где это — там?

— В «Перьях». На вашем месте, я прямо сейчас туда бы и отправился. Плата там вполне разумная, еда вкусная. Вам понравится.

— Что-то я не понимаю, сынок.

— Я стараюсь исподволь сообщить вам, что вы переезжаете. Сию же минуту. Окиньте взглядом в последний раз этот старый дом и ступайте в жестокий мир.

Он вопросительно таращился на меня.

— Вы вроде бы бормочете что-то, молодой человек, но смысл, если вообще в ваших словах есть смысл, от меня ускользает.

— Смысл тот, что сейчас я вышвырну вас отсюда. Сюда возвращаюсь я, а для нас обоих места в доме нет. Если не уйдете тихо-мирно, я возьму вас за шиворот и выброшу вон. Теперь дошло?

Он позволил себе сердечно, от души хохотнуть.

— Да, наглости вам, молодой человек, не занимать. Что ж, не хочется мне проявлять недружелюбие, сынок, вы мне нравитесь. Но иногда охота побыть одному. А мне к тому же надо отоспаться за ночь. Так что топайте, перестаньте донимать дядю. Ноги в руки. Пока-а.

Плетеное кресло заскрипело — Сэм устраивал поудобнее свое пухлое тело. Он поднял носовой платок.

— Мистер Фишер, у меня нет желания обижать ваши седины и гнать вас по дороге, так что объясняю еще раз. Физически я сильнее. И я непременно желаю выдворить вас отсюда. Как вы можете этому помешать? Мистера Эбни нет, к нему обратиться нельзя. Полиции, конечно, позвонить можно, но вы не станете. Так что же вы можете сделать? Ничего. Только уйти. Теперь вы меня понимаете?

Сэм погрузился в задумчивое молчание. На лице у него никаких эмоций не отражалось, но я знал, что он проникся значением моих слов. Я чуть не зримо следовал течению его мыслей, пока он обкатывал мои аргументы, пункт за пунктом, и наконец нашел, что они неуязвимы.

Когда Сэм заговорил, стало ясно, что он легко смирился с поражением.

— Ну, вы точно *мое несчастье*, молодой человек. Я всегда это говорил. Вы твердо настроены выгнать меня? Нет, ничего не говорите! Я уйду. В конце концов, в гостинице тихо, спокойно, а чего еще желать человеку в мою пору жизни?

Я вышел в сад поговорить с Одри. Она прогуливалась по теннисному корту. Золотце развалился в шезлонге и, видимо, спал.

Одри заметила меня, когда я вышел из-за деревьев. Я ежился, шагая по открытому пространству, под пристальным враждебным взглядом, но

никакого смущения не чувствовал — после схватки с Сэмом меня переполнял боевой задор. Поздоровался я отрывисто.

— Добрый день. Я только что побеседовал с Сэмом Фишером. Если чуточку подождешь, увидишь, как он идет по дороге. Уходит из дома. А я возвращаюсь.

— Вот как?

Тон у Одри был недоверчивый, или, вернее, казалось, будто мои слова не имели для нее никакого смысла. Таким же тоном говорил сначала и Сэм. Ей, как и ему, требовалось время, чтобы воспринять неожиданное.

Смысл она поняла как-то вдруг.

— Ты возвращаешься? — Глаза её округлились, щеки раскраснелись вовсю. — Но я же говорила тебе…

— Я помню, что ты говорила. Что не доверяешь мне. Это неважно. Я все равно возвращаюсь, доверяешь ты или нет. Этот дом на военном положении, командую тут я. Ситуация после нашего разговора переменилась. Вчера я мог позволить тебе поступать по-своему, намереваясь следить за ходом дел из гостиницы, Теперь всё по-другому. Теперь речь уже идет не о Сэме Фишере, с Сэмом ты бы справилась, теперь это уже Бак МакГиннис. Тот человек, который, помнишь, приезжал на автомобиле. Я увидел его в деревне после нашего прощания. А он опасен.

Одри взглянула мимо меня на подъездную дорогу. Я проследил за её взглядом. Там медленно шагала плотная фигура с чемоданом.

Я улыбнулся. Её глаза встретились с моими, и я увидел, как в них вспыхнул гнев, прятавшийся в глубине. Подбородок вызывающе вздернулся, как в прежние времена. Я пожалел о своей усмешке. Старый мой грех, самодовольство, следовало бы скрывать.

— Я не верю тебе! — закричала Одри. — Я тебе не доверяю!

Любопытно, как мотивы меняются или исчезают по мере развития событий. Взявшись за что-то, человек продолжает дело автоматически, независимо от первоначальных побуждений. Ко второй, можно сказать, фазе затеи с Золотцем я приступил, отказавшись от Синтии в пользу Одри и давая себе ясный отчет, почему я так поступаю. Я решил противостоять разным силам, пытавшимся отнять Огдена у Одри по одной простой причине — я любил ее и старался помочь ей. Но мотив этот — если он вообще существовал — действовал теперь лишь в форме абстрактного рыцарства. С тех пор как мы расстались накануне вечером, мои чувства к ней претерпели полную перемену. Теперь я отвечал на враждебность враждебностью. Я смотрел на нее критически и говорил себе, что её

колдовские чары наконец-то рассеялись. Если она терпеть меня не может, то я — самое малое — безразличен к ней.

Однако, несмотря на переменившиеся чувства, решимость помогать ей ничуть не поколебалась. Хотя охрана Огдена — не моя забота, я всё равно воспринимал её как свое личное дело.

— Я и не прошу тебя доверять мне, — возразил я. — С этим мы уже всё решили. Нет нужды снова топтаться на старом месте. Думай, что хочешь. Я знаю, что мне делать.

— Ну, если ты решил остаться, то вряд ли я смогу помешать тебе.

— Вот именно.

В просвете между деревьями опять показался Сэм, шагавший медленно и печально, как солдат, отступающий от Москвы. Одри провожала его взглядом, пока он не скрылся из виду.

— Если желаешь, — горько произнес я, — можешь приписать мои поступки профессиональному соперничеству. Если я влюблен в миссис Форд и приехал сюда, чтобы украсть для нее Огдена, то, естественно, я сделаю всё, чтобы помешать МакГиннису заполучить мальчишку. Ты не обязана смотреть на меня как на союзника только потому, что действуем мы заодно.

— Мы не действуем заодно!

— Ну, так очень скоро будем. Бак не проведет даром еще одной ночи.

— Я не верю, что ты его видел.

— Как тебе угодно, — бросил я и пошел прочь. Какое мне дело, чему она верит?

День тянулся и тянулся. К вечеру погода внезапно испортилась, как обычно бывает в Англии весной. Потоки дождя загнали меня в кабинет.

Было, наверное, часов десять, когда зазвонил телефон.

— Алло, это вы, сынок? — спросил Сэм Фишер.

— Да. Что вам угодно?

— Поговорить. По делу. Можно мне прийти?

— Если хотите.

— Сразу же выхожу.

Минут пятнадцать спустя я услышал рокот автомобиля. Сквозь деревья сверкнули фары, и вскоре машина, миновав поворот подъездной дороги, затормозила у парадной двери. Вылезла пузатенькая фигура. Я смотрел из окна второго этажа, и оттуда же стал говорить.

— Это вы, мистер Фишер? Он отступил от двери.

— Где вы?

— Это ваша машина?

— Моего друга.

— Не знал, что вы намеревались привезти с собой целую компанию.

— Нас всего трое. Я, шофер и мой друг МакГиннис. Вероятность того, что Сэм разыщет Бака и заключит с ним союз, приходила мне в голову, и я был готов. Я потверже сжал в руке пистолет.

— Мистер Фишер!

— Да?

— Попросите своего друга, пусть окажет любезность — войдет под свет фонаря и бросит оружие.

Последовала приглушенная беседа. Голос Бака погромыхивай, точно поезд, проходящий под мостом. Просьбу не приняли благосклонно. Последовало успокаивающее воркование Сэма. Слов я не разобрал, но догадывался, что Сэм напоминает: сейчас их цель — переговоры, а не атака, и пистолеты будут выглядеть лишними. В общем, каковы бы ни были его доводы, они убедили Бака, потому что тот, наконец, ссутулясь и бурча, вошел в круг света.

— Добрый вечер, мистер МакГиннис, — поздоровался я. — Рад видеть, что с ногой у вас в порядке. Не задержу вас надолго. Просто ощупайте свои карманы и выбросьте все пистолеты, а потом можете уходить с дождя. Во избежание недоразумений могу вам сказать, что у меня тоже есть пистолет. Сейчас он нацелен на вас.

— Нету у меня оружия.

— Да ладно вам. Сейчас не время для шуточек. Выкидывайте всё.

Минутное колебание, и маленький черный пистолет упал на землю.

— Больше нет?

— Я что вам, цельный полк?

— Не знаю, кто вы. Что ж, верю вам на слово. Войдете по одному, подняв руки.

Спустившись, я отпер дверь, держа пистолет наготове. Первым вошел Сэм. С поднятыми руками он был похож на епископа, благословляющего паломников, а сладкая улыбка усиливала впечатление. МакГиннис, шагавший следом, епископа не напоминал. Он угрюмо бурчал что-то под нос, косо поглядывая на меня.

Я провел их в класс и включил свет. В воздухе мешались самые разные запахи. Пустота будто выявила букет школьных чернил, мела, промокашек. Так ночь усиливает аромат цветов. Во время семестра я никогда не понимал, что в классе такой характерный запах. Свободной рукой я закурил сигарету.

— Молодой человек, — тут же приступил к делу Сэм, — мне хотелось

бы напомнить вам, что пришли мы под флагом перемирия. Целиться в нас и кричать: «Руки вверх» — неправильно. Я уверен, мой друг МакГиннис согласен со мной.

Он стрельнул глазом на Бака, который поддержал заявление, сплюнув в камин. Еще при предыдущих разговорах я заметил его любопытный дар облегчать таким способом Душу. В молчаливом выражении чувств, если перевести его на обычные словесные стандарты, Бак был настоящим оратором.

— Мистер МакГиннис со мной согласен! — жизнерадостно объявил Сэм. — Так опустить руки? Можно нам принять позу номер два? Мы пришли для маленького дружеского разговора между джентльменами и можем поговорить с тем же успехом в менее напряженных позах. Небольшой отдых, мистер Бернс. Можно опустить руки? Спасибо.

Разрешения ждать он не стал, да оно и не требовалось. Сэм и мелодрама — как масло и вода, смешать их невозможно. Положив пистолет на стол, я сел, как и Бак, бросивший тоскливый взгляд на оружие. Сэм уже сидел и смотрелся так уютно, так по-домашнему, что я чуть не счел за упущение с моей стороны, что не предложил приятной компании хересу и печенья.

— Итак, — начал я, — чем могу служить?

— Давайте объясню, — тут же встрепенулся Сэм. — Как вы уже, конечно, догадались, мы с мистером МакГиннисом стали партнерами. Объединенная компания «Золотце».

— Догадался. И что?

— Разумное партнерство — душа бизнеса. Мы с мистером МакГиннесом были конкурентами, но оба увидали, созрел момент для искренней улыбки, сердечного рукопожатия, в общем — для союза. И сформировали, сынок, крепкую команду. Специализация моего партнера — действие. Я обеспечиваю стратегию. Зачем же дурить?

— Вы считаете, что непременно победите?

— А то!

— Тогда зачем же беспокоиться и приходить на встречу со мной?

Видимо, я облек в слова мысль, давно досаждавшую МакГиннису.

— Вот это точно! — вскричал он. — Какая в этом польза? Разве я не говорил? Чего зазря тратить время? Чего мы тут рассыпаемся? Давайте дело делать.

Сэм махнул рукой, как лектор, иллюстрирующий свои доводы.

— Вот видите! Человек действия. Ему подавай заварушки. Он напрашивается на них, так и набрасывается. Ну, а я предпочитаю мир.

Зачем суетиться, когда можно получить то, что хочешь, спокойно? Это мой девиз. Вот потому мы и пришли. Предложение прежнее. Мы здесь, чтобы купить вас. Да, помню, вы отказались от моего предложения. Но всё меняется. Правда, теперь ваши акции упали. Теперь мы не сможем взять вас в долю. Сейчас мы предложим только комиссионные. Казалось бы, в данный момент у вас крепкая позиция. Вы в доме, мальчишка у вас. На самом деле это ничего не значит. Мы могли бы захватить его в пять минут, если б пошли на заварушку. Но мне кажется, в шумихе нет необходимости. Мы легко, конечно, победим, если дойдет до сражения. Хотя, с другой стороны, у вас — пистолет и, пожалуй, кого-то из нас ранят. Зачем же это, если можно все уладить мирно? Так как, сынок?

МакГиннис зарокотал, готовый высказаться, но Сэм утихомирил его взмахом руки и вопросительно обратил на меня карие глаза.

— Пятнадцать процентов, — высказался он.

— Подумать только! Раньше было 50 на 50.

— У нас бизнес суровый.

— Бизнес! Да это грабеж чистейшей воды!

— Наш потолок. Да и на это-то было нелегко уговорить Бака. Он отбрыкивался, как мул.

Бак пошаркал ногами и с неприязнью оглядел меня. Наверное, трудно думать по-доброму о человеке, который сломал тебе ногу. Очевидно, МакГиннис совсем не стремился похоронить прошлое.

Я поднялся.

— Что ж, сожалею, что ваши хлопоты пропадают даром. Позвольте проводить вас. По одному, пожалуйста.

Сэм опечалился.

— Так вы отвергаете предложение?

— Да.

— Минуточку. Давайте всё проясним. Вы понимаете, против чего идете? Не думайте, что сражаться придется только с Баком и со мной. Здесь все ребята, ждут наготове. Та же шайка, что и в тот вечер. Будьте разумным, сынок. У вас нет ни одного паршивого шанса. Не хотелось бы мне, чтобы вы пострадали. А ведь никогда не угадаешь, что может случиться. У ребят на вас пребольшущий зуб из-за ваших делишек в тот вечер. Не стал бы я упираться как идиот, сынок. Ну, честно!

В голосе у него слышалась добрая нотка, которая тронула меня. Между нами возникла странная дружба. Он жаждал провернуть сделку, но искренне огорчится, если мне причинят вред. Я видел, что он вполне искренен. Он уверен, что я в глухом тупике, а мои шансы против

«Объединенной компании» микроскопически малы. При такой очевидной победе ему наверняка стоило немалых трудов убедить своих союзников. Но он проглядел одно — телефон. То, что Сэм допустил такую промашку, удивило меня. Будь это Бак, я бы еще понял. Разум Бака вполне мог подвести его. От Сэма я ожидал большего, тем более что телефон без конца звонил. Он сам воспользовался им всего полчаса назад.

Я цеплялся за мысль о телефоне. Она подпитывала спокойную уверенность игрока с тайным козырем в кармане. Ситуация была в моих руках. Полицию здорово переполошил предыдущий налет МакГинниса. Стоит мне позвонить — а я собирался позвонить сразу же, как только закроется дверь за послами, — промедления не будет. На этот раз пришлют не только констебля Джонсона и инспектора Бонса. Несметные тучи рьяных помощников бросятся нам на выручку.

С такими мыслями я ответил Сэму любезно, но твердо:

— Мне жаль, что я так у них непопулярен, но всё равно… И я указал на дверь.

Эмоции, требовавшие выражения в словах, вскипели в МакГиннисе. Он с рычанием прыгнул вперед, но тут же отступил, увидев мой верный пистолет.

— А ну-ка! Слушай, ты! Ты будешь… Сэм-миротворец потянул его за локоть.

— Угомонись, Бак! Шагаем быстро.

Бак заколебался было, но потом позволил увести себя. Мы вышли из классной комнаты в том же порядке, как вошли.

Восклицание на лестнице заставило меня оглянуться. Над перилами наклонилась Одри. Лицо её было в тени, но я понял по голосу, что наша маленькая процессия поразила её, чему я не удивился. Бак был субъектом живописным, а его привычка бурчать про себя на ходу весьма настораживала посторонних.

— Добрый вечер, миссис Шеридан, — вкрадчиво поздоровался Сэм.

Одри не ответила. Она не могла оторвать взгляда от Бака.

Я распахнул парадную дверь, и они вышли. Автомобиль по-прежнему урчал мотором на подъездной дороге. Пистолет Бака исчез. Наверное, его подобрал шофер. Предположение подтвердилось несколько секунд спустя. Не успела машина тронуться, как раздался сухой треск, и в стену справа от двери вонзилась пуля. Я тут же скакнул в холл, чуть ли не перекувыркнувшись в воздухе. Хотя я и был настроен на насилие и стрельбу, именно в этот момент я совсем не ждал выстрела и неприятно удивился. Захлопнув дверь, я запер её на засов. С крайним раздражением я

обнаружил, что у меня дрожат пальцы.

Одри уже спустилась и стояла рядом со мной.

— Они выстрелили в меня, — пожаловался я.

При свете коридорной лампы я увидел, что Одри совсем бледная.

— Но промахнулись на милю. — Нервы мои всё еще ходили ходуном, и я говорил резко. — Не бойся.

— Я не… не испугалась, — неубедительно заверила она.

— А я — очень, — у меня тон был вполне убедительный. — Так всё неожиданно. К этому надо привыкать постепенно. В следующий раз буду готов.

Я направился к лестнице.

— Куда ты?

— Звонить в полицию.

— Питер…

— Да?

— Это был тот… тот человек?

— Да, это был Бак МакГиннис. Они с Сэмом стали партнерами.

Одри колебалась.

— Прости, — наконец сказала она.

Я был уже на середине лестницы. Остановившись, я оглянулся через перила.

— За что?

— Я тебе днем не поверила.

— Ну, ничего. — Я пытался говорить безразлично, потому что остерегался, как бы не подкралась коварная дружба. Загнав себя на позиции безразличной враждебности, я предугадывал в будущем прежний хаос, если позволю себе отступить. Подойдя к телефону, я снял трубку.

Деревенские телефонистки несколько неторопливы, и то, что меня не сразу спросили, какой номер мне нужен, вначале не встревожило меня. Подозрение закралось, я думаю, после того, как осталось без ответа третье «алло». Промедления случались и прежде, но таких долгих не бывало.

У телефона я стоял верных две минуты, крича «алло, алло», и, наконец, понял правду. Бросив трубку, я обессиленно прислонился к стене и постоял с минуту, оглушенный. Меня точно стукнули по голове. Даже думать я был не в состоянии, и только постепенно пришел в себя настолько, что расслышал голос Одри.

— Что такое? Они что, не отвечают?

Любопытно, как реагирует ум, если стараешься ради кого-то. Если бы нужно было думать только о себе, мне потребовалось бы гораздо больше

времени, чтобы совладать с собой. Но необходимость спокойно сообщить правду и помочь ей выстоять укрепила меня. Я обнаружил, что вполне хладнокровно размышляю, как получше сообщить ей о случившемся.

— Понимаешь… — начал я.

— Что? — быстро перебила она меня. — Ты не можешь добиться ответа?

Я помотал головой. Мы молча смотрели друг на друга. Она быстрее, чем я, сообразила, что произошло.

— Они перерезали провода?

Я опять поднял трубку и опять крикнул «алло». Ответа не последовало.

— Боюсь, что да.

Глава XV

1

— Что мы будем делать? — спросила Одри.

Она смотрела на меня с надеждой, словно на кладезь идей.

Голос звучал ровно, в нем не было страха. Женщины сохраняют мужество, когда у них есть полное основание проявить слабость. Это — частица их непредсказуемости. Сейчас определенно был такой случай. Дневной свет принесет нам помощь — не думаю, чтобы даже Бак решился вести осаду днем, когда ему может помешать тележка торговцев; но, пока темно, мы абсолютно отрезаны от мира.

Оборвалась наша единственная связь с цивилизацией. Даже будь вечер потише, всё равно не было шанса, что шум нашей битвы достигнет ушей того, кто может прийти на помощь. Как и сказал Сэм, энергия Бака, соединенная с его стратегией, — мощная комбинация.

В широком смысле для осажденных открыты только два пути. Они могут оставаться на месте или удрать. Я обдумывал второй.

Вполне возможно, что Сэм и его союзник отбыли на машине за подкреплением, оставив горизонт временно чистым. В таком случае, удрав немедленно, мы сумеем незаметно проскользнуть по территории школы и добраться в безопасности до деревни. В поддержку такой уловки говорило то, что в машине, в её последний приезд, были только шофер и два посла. Остальная шайка ждет, по словам Сэма, в полной боевой готовности, на

случай, если мы не придем к соглашению. Ждут они где-то в штаб-квартире Бака, а она располагается, скорее всего, в каком-то коттедже на дороге. До начала атаки нам, пожалуй, удастся удрать.

— Огден в постели? — спросил я.

— Да.

— Пожалуйста, сходи, разбуди его и приведи сюда как можно скорее.

Я напряженно вглядывался в окно, но увидеть что-то было невозможно. Дождь лил как из ведра. Будь даже на подъездной дороге толпа людей, они всё равно остались бы для меня невидимы.

Скоро вернулась Одри, за ней плелся Огден. Он зевал во весь рот, скорбно, как человек, которого растолкали от крепкого сна.

— Ну, что еще такое?

— Послушай, — начат я, — Бак МакГиннис и Ловкач Фишер пришли за тобой. Они сейчас у дома. Не пугайся.

Он насмешливо фыркнул.

— Это мне, что ль, пугаться? *Меня* они не тронут. Откуда вы знаете, что это они?

— Они только что заходили ко мне. Человек, который называл себя Уайтом, на самом деле Сэм Фишер. Он весь семестр ждал случая похитить тебя.

— Уайт! Так это — Сэм Фишер? — Огден восхищенно поцокал. — Слушайте-ка, да он молоток!

— Они отправились за остальной шайкой.

— А чего вы копов не вызвали?

— Они провод перерезали.

Его это только позабавило и восхитило. Он широко улыбался, маленький негодяй.

— Да, молоток! — повторил Огден. — Вот уж точно ловкач! На этот раз он меня похитит. Держу пари на никель, что победит он!

Меня его отношение раздражало. Он, причина всех треволнений, воспринимает их как спортивное состязание, устроенное ради его потехи! Что бы ни случилось со мной, ему ничего не грозит, но это меня не утешало. Если б я считал, что мы друзья по несчастью, то смотрел бы на толстого гада дружелюбнее. Но теперь я едва удерживался, чтобы не стукнуть его.

— Если уходим, нам лучше не терять времени, — подсказала Одри.

— Думаю, попробовать стоит.

— Что такое? — всполошился Золотце. — Куда еще уходим?

— Мы хотим выбраться через черный ход и попытаться ускользнуть в

деревню.

Комментарий Золотца был короткий и деловитый. Он не стал смущать меня похвалами моему стратегическому гению.

— Дурацкая игра! — прокомментировал он. — В такую-то дождину? Нет уж, сэр.

Это новое осложнение взорвало меня. При планировании своих маневров я принимал, как само собой разумеющееся, что участвовать он будет охотно. Теперь я смотрел на него, как на лишний багаж, помеху для отступающей армии. Причем, заметьте, еще и бунтовщика. Взяв мальчишку за шиворот, я встряхнул его, дав выход своим чувствам. Это оказалось разумным. Такой довод он понял.

— Ой, да ладно! — буркнул он. — Как хотите. Пойдемте. По мне, это полная дурость.

Даже если бы ничего больше не случилось, хватило бы отношения Золотца, чтобы погубить наше бегство. Важнее всего для победы, чтобы самую слабую надежду воспринимали с энтузиазмом; Огден же с самого начала омрачил дело унынием. Раздраженный, сонный, он осуждал все и вся. Пока мы шли к задней двери, он сыпал оскорбительными замечаниями. Я угомонил его перед тем, как тихонько отодвинуть засов на двери, но он уже столько наговорил, что пыл мой окончательно угас. Не знаю, какой эффект произвело бы на Наполеона, если бы его армия — скажем, перед Аустерлицем — называла его маневры «дурацкой игрой» а его самого «чурбаном» и «олухом». Черный ход «Сэнстед Хауса» выходил на узкий, мощенный плитками двор, закрытый со всех сторон, кроме одной. Налево располагался сарайчик, где хранился уголь, приземистое строение, похожее на амбар; направо — стена, возведенная архитектором по чистой прихоти. Никакой цели я так и не смог обнаружить, хотя там устроился кошачий клуб.

Сегодня вечером, однако, я благодарил небо, что эта стена есть. Она послужит нам важным прикрытием. Прячась за ней, мы сможем обогнуть угол сарайчика, потом войдем в конюшенный двор и, сделав крюк через футбольное поле, избежим захода на дорогу. Именно дорога, по моему мнению, представляла самую опасную зону.

Нытье Золотца, которого я временно сумел угомонить, возобновилось с новой силой, когда дождь, врываясь в открытую дверь, стал поливать нас. Что и говорить, не самый идеальный вечер для прогулок. В конце двора ветер задувал в простенок с удвоенной силой, там было узкое пространство. Местечко напоминало Пещеру Ветров под Ниагарским водопадом, и впечатление усиливалось из-за потоков воды, льющихся нам

на голову. Золотцу всё это показалось неприятным, о чем он и заявил.

Я вытолкнул его под дождь, несмотря на все протесты, и мы начали пробираться через двор. На полпути к первому важному пункту — углу сарая, я остановил экспедицию. Наступило минутное затишье, и я воспользовался случаем, чтобы прислушаться.

Откуда-то из-за стены, близко к дому, донесся приглушенный рокот автомобиля. Возвращалась осаждающая команда.

Терять времени было нельзя. Очевидно, возможность нашего побега еще не пришла в голову Сэму, не то он вряд ли оставил бы дверь без охраны, но обычная его проницательность, несомненно, очень скоро исправит ошибку, так что свобода действий исчислялась буквально минутами. Стало быть, надо как можно скорее добраться до конюшенного двора. Как только мы окажемся там, считай, мы прошли линию врага.

Отпустив пинок Огдену, который выказывал склонность к беседам о погоде, я двинулся дальше, и мы благополучно добрались до угла сарайчика.

Теперь мы достигли по-настоящему опасной стадии в нашем путешествии. Достроив стену до этого угла, архитектор явно утомился. Оборвавшись внезапно, стена предоставила нам пересечь полдюжины ярдов по открытой площадке, нас ничто не загораживало от взгляда наблюдателей. К тому же, здесь закончилась и плитка двора. Открытую площадку покрывал гравий. Значит, если даже в темноте нам удастся миновать площадку незамеченными, есть риск, что нас услышат.

Подоспела минута для озарения, и я терпеливо ждал его, когда случилось нечто, избавившее меня от проблем. Изнутри сарайчика послышался хруст угля, и через квадратное отверстие в стене, предназначенное для столь мирной цели, как вынимать мешки, выбрались двое. Щелкнул выстрел. С дороги послышался ответный крик. Мы очутились в ловушке.

Я недооценил Сэма. Он не упустил возможности побега через черный ход. Случайности жизни в кризисные минуты решают исход дела. Отверстие, через которое выпрыгнули эти двое, находилось едва ли в двух ярдах позади того места, где стояли мы. Выпрыгни они удачно да приземлись на ноги, то оказались бы рядом с нами, мы и шагу шагнуть не успели бы. Но фортуна распорядилась иначе: пылкое рвение перевесило осмотрительность, и первый из двух, задев ногой за деревянную стену, упал на четвереньки, а второй, не в силах притормозить, приземлился ему на спину и, судя по сдавленному воплю, лягнул его в лицо. Пока они падали, я сумел выстроить план и исполнить его.

— На конюшни!

Я прокричал это Одри, одновременно подхватив Золотце. Она поняла — ведь погубить нас могла бы и секунда, — вмиг нагнала меня, мы побежали открытой площадкой, и оказались в конюшне, прежде чем первый из шайки смутно замаячил в темноте. Половинка деревянных ворот была открыта, другая послужила нам прикрытием. Они стреляли на бегу, наугад, я думаю — было слишком темно и вряд ли они нас видели. Две пули вонзились в ворота, третья угодила в стенку над нашими головами и рикошетом улетела в ночь. Прежде чем они успели выстрелить снова, мы уже были на конюшне и захлопнули за собой дверь. Опустив Золотце на пол, я стал быстро задвигать тяжелые засовы. По плитке прогрохотали шаги и остановились за дверью. Тяжелое дерево ударилось о створки, наступила тишина. Первый раунд был окончен.

Конюшни эти, как и в большинстве английских деревенских домов, в пору расцвета «Сэнстед Хауса» были его славой и гордостью. Какими бы недостатками ни грешили британские архитекторы той поры, при постройке конюшен они никогда не позволяли себе работать спустя рукава. Их строили крепкими, прочными, стены могли выдержать натиск непогоды, а заодно и людей, потому что Буны в то время были крупными лошадниками; тогда люди с деньгами не разменивались по мелочам и благоразумно заботились, чтобы конюшня, где содержался фаворит, была настоящей крепостью. Стены толстенные, дверь прочная, окна забраны решетками. Лучше убежища мы вряд ли могли найти.

При мистере Эбни конюшни утратили свое первоначальное предназначение. Их разделили на три отсека крепкими перегородками. Один превратился в спортзал, другой — в плотницкую мастерскую, а третий, в котором мы находились, остался конюшней, хотя ни одна лошадь и копытом сюда не ступала. Это отделение наш слуга приспособил для чистки обуви, и кормушки, где когда-то хранился корм для лошадей, теперь были отданы под кисти, щетки и банки с ваксой. Туда, где когда-то звучало эхо фаворитских копыт, ставили велосипеды. Пошарив между щетками и банками, я нашел огарок свечи, и зажег его. Я рисковал, конечно, но было необходимо осмотреть помещение. Никогда раньше я не давал себе труда осматривать конюшню, а мне требовалось изучить её географию.

Вполне удовлетворенный тем, что увидел, я задул свечу. Единственные два оконца очень маленькие, находились высоко и были забраны частой решеткой. Даже если враг и станет стрелять через них, мы могли укрыться в десятке местечек. А что лучше всего, даже если дверь и

падет под ударами нападавших, у нас есть вторая линия защиты — чердак. Туда можно забраться через люк, по лестнице, приставленной к задней стенке. Обстоятельства благоприятствовали нам, загнав нас в неприступное убежище.

После завершения осмотра до меня дошло, что Золотце все еще причитает и жалуется. Видимо, выстрелы подстегнули его нервные центры, потому что он сменил ленивое нытье, каким в более счастливые минуты комментировал жизненные обстоятельства, на резкую и энергичную ругань.

— В жизни не видел такого дурацкого похищения! Что, интересно, думают эти идиоты? Палят в нас! Пуля-то прошла в дюйме от моей головы. Могла меня убить. Черт, и вымок я насквозь! Точно простуду схвачу. Ну, точно. А всё из-за вашей глупости. Зачем было тащить нас сюда? Чего дома не сиделось?

— В доме мы не продержались бы и пяти минут, — объяснил я. — А здесь мы можем держать осаду.

— Да кому нужно ее держать? Мне, что ли? Что за важность, если они меня и похитят? *Мне лично* начхать. Вот как выйду сейчас через эту дверь, и пусть меня хватают! Так моему папочке и надо. Не будет отсылать меня из дома в разные там чертовы школы. Зачем ему это понадобилось? Мне и дома хорошо. Я…

Громкий стук в дверь перебил поток его красноречия. Антракт закончился, начался второй раунд.

Сейчас, когда я задул свечу, мрак в конюшне стоял непроглядный, а сочетание шума и темноты действует на нервы. Оставайся я спокойным, я бы попросту7 плюнул на удары. Судя по шуму, били каким-то деревянным орудием, как выяснилось потом — молотком из плотницкой. Дверь осталась бы в целости и сама, без моего вмешательства. Для новичка в битве, однако, сохранять хладнокровное бездействие — самый трудный подвиг. Шум меня раздражал, я преувеличивал его значимость. Мне казалось, что этому немедля нужно положить конец.

Минутой раньше я посадил синяк на голень, стукнувшись о пустой упаковочный ящик, выброшенный вместе с другим хламом на конюшню. Теперь я нашарил его и, бесшумно поставив под окно, залез на него и выглянул. Найдя задвижку у окна я приподнял раму. Снаружи ничего не было видно, но шум стал явственнее. Просунув руку через решетку, я наугад выстрелил. В практическом смысле поступок имел свои изъяны. Выстрелы и вблизи вряд ли угодили бы в невидимую цель. Но как символ они произвели изумительный эффект. Двор вдруг наполнился танцующими

пулями. Ударив о плитку двора, пули отскакивали, отбивая кирпичи у дальней стены и, отрикошетив от нее, разлетались по всем направлениям. В общем, вели себя в манере, рассчитанной обескуражить самое мужественное сердце.

Осаждающая сторона не стала задерживаться, чтобы поспорить. Нападавшие бросились врассыпную. Я слышал, как цокают каблуки по всем направлениям компаса. Еще несколько секунд, и воцарилась тишина, нарушаемая лишь шуршанием дождя. Второй раунд получился коротким, он едва заслуживал названия раунда. Как и первый, закончился он целиком и полностью в нашу пользу.

Я спрыгнул с ящика, раздуваясь от гордости. У меня не было никакого опыта, и, однако, я провел бой как настоящий ветеран. Да, у меня есть полное право чувствовать себя победителем. Я снова зажег свечу и покровительственно улыбнулся гарнизону. Золотце, сидя на полу, слабо хватал ртом воздух. Он даже на минутку умолк. Одри в дальнем углу выглядела бледной, но спокойной. Её поведение было безупречным. Ей было нечего делать, и она держалась со спокойным мужеством, завоевавшим мое восхищение. Она вела себя именно так, как и положено в критической ситуации. С таким храбрым, сверхкомпетентным командиром, как я, ей только и требовалось ждать и не мешаться под ногами.

— Я никого не ранил, — объявил я, — но все разбежались, как кролики. Теперь они уже за пределами Хэмпшира.

И я снисходительно рассмеялся. Я мог позволить себе снисходительно посмеяться над врагом.

— А они вернутся?

— Возможно. В таком случае… — Я пощупал левый карман куртки, — мне лучше приготовиться. — Я пощупал правый карман. — Н-да, приготовиться, — тупо повторил я. Меня прошиб липкий пот. Голос мой поник — ни в одном кармане не оказалось ни единого патрона, а я-то считал, что их полно. В минуты сильного волнения любой может промахнуться. Я допустил промах, забыл свои боеприпасы.

2

Хотелось бы мне считать, что утаил я это открытие лишь из-за благородного желания избавить своих спутников от лишнего беспокойства. Но, боюсь, что моя скрытность диктовалась иным — я содрогался от одной мысли, что Золотце прознает о моей слабоумной небрежности. Даже во

времена опасности человек сохраняет свои слабости, и я чувствовал, что не в силах вынести его комментариев. Если он уже позволял себе нотки раздражительности, то воображение никло при мысли, до каких глубин язвительности он дойдет, если я открою правду. Я постарался поправить ситуацию веселым оптимизмом.

— Они уже не вернутся, — убежденно заявил я и попытался поверить этому.

Золотце, как обычно, отпустил раздражающее замечание.

— Ну, тогда давайте выбираться отсюда, — потребовал он. — Не хочу я торчать всю ночь в этом проклятом леднике. Я простужусь, у меня слабая грудь. Если вы так уверены, что спугнули их, давайте сматываться.

Заходить так далеко я был не готов.

— Может, они где-то поблизости. Прячутся.

— Ну и что? Пусть меня похитят, я не возражаю.

— Думаю, нам лучше подождать, — заметила Одри.

— Конечно, — подхватил я. — Безумно выходить сейчас отсюда.

— Кхе-кхе-кхе, — закашлял Огден, и с этой минуты не переставал сухо покашливать.

Я, конечно, не верил всерьез, что моя демонстрация положила конец осаде. Я угадывал, что перед возобновлением вражеских действий будет определенный перерыв, но слишком хорошо знал целеустремленность МакГинниса, чтобы вообразить, что он откажется от цели из-за нескольких выстрелов наугад. Впереди у него целая ночь, рано или поздно он вернется. Рассудил я верно. Нудно и томительно текли минуты, врага не было, потом, карауля у окна, я услышал шаги, пересекающие двор, и тихие осторожные голоса. Сражение возобновлялось.

Яркий свет проник в окошко, отбросив широкий круг на потолок. Сообразить, что происходит, было нетрудно. Они сходили к автомобилю и притащили одну фару — коварный ход, в котором я увидел руку Сэма. Обезопасив таким образом опасное место, они с безудержной яростью возобновили атаку. Молоток заменили каким-то орудием поувесистее, железным на этот раз. Скорее всего, разводным ключом от машины. Орудие грозное, и даже крепкая дубовая дверь содрогалась под ударами. Полетели щепки, и я решил, что пришло время отступить на вторую линию укреплений. Сколько выдержит дверь, сказать трудно, но я сомневался, что дольше нескольких секунд.

Я вновь зажег свечу, потушенную из соображений экономии, и, поймав взгляд Одри, дернул головой, показывая на лестницу.

— Ты пойдешь первой, — прошептал я.

Огден наблюдал, как она исчезла в люке, потом с самым решительным видом повернулся ко мне.

— Если думаете, что заставите и *меня* подняться, то здорово промахнулись. Я буду сидеть тут. Пусть ворвутся и пусть забирают меня. Устал я от ваших дурачеств.

На словесный спор времени не было. Я схватил его в охапку (он лягался), поднял по лестнице и втолкнул в люк. Огден испустил свой фирменный заливистый визг. Это вдохновило нападавших, точно пение горна. С удвоенной силой посыпались на дверь удары.

Я взобрался по лестнице и опустил за собой крышку люка. Воздух на чердаке был душный и затхлый, пахло скошенным сеном. Не то местечко, какое человек выбрал бы по доброй воле, чтобы посидеть и отдохнуть. Слышалось шуршание, по ветхому полу прошмыгнула крыса, Одри сдавленно вскрикнула, а Золотце с отвращением буркнул: «Тьфу, дрянь!» Какие бы достоинства ни имело это убежище в качестве крепости, оно было, вне сомнений, мерзее некуда.

Удары в дверь дошли до предела. Очень скоро раздался треск, от которого сотрясся пол, на котором мы сидели, а наши соседи-крысы, точно обезумев, засновали взад-вперед в страшном смятении. Свет автомобильной фары просочился сквозь многочисленные щели и трещины, проделанные временем в старых досках. Почти посередине зияла большущая дыра, ставшая своего рода прожектором, что позволило нам в первый раз разглядеть место, где мы укрылись. Чердак был высокий, просторный. Крыша находилась футах в семи над нашими головами. Я мог выпрямиться во весь рост без всяких затруднений.

В действиях противника наступило затишье. Тайну нашего исчезновения враг разгадал быстро — почти немедленно лучи фары сдвинулись и заиграли на крышке люка. Я услышал, как кто-то взбирается по лестнице, крышка слабо заскрипела, когда её толкнули. Я занял позицию рядом, готовый, если засов поддастся, защищаться как смогу рукояткой пистолета, моего единственного оружия. Но засов, хотя и ржавый, держался крепко, и человек опять спрыгнул на пол. Потом я уже не слышал больше ничего, кроме обрывков шепота.

Вдруг раздался голос Сэма.

— Мистер Бернс!

Молчанием я ничего не выигрывал и откликнулся:

— Да?

— Может, с вас хватит? Вы здорово нас погоняли за наши деньги, но вы же сами понимаете, что теперь вы попались. Очень мне не по нутру,

если вас ранят. Спускайте малыша, и разбежимся.

Он умолк.

— Ну? — наконец не выдержал он. — Чего не отвечаете?

— А я ответил.

— Да? Что-то не слыхал.

— Я улыбнулся.

— То есть, вы намерены упорствовать? Не глупите, сынок. Парни и так уже злятся на вас как звери. Чего ради наживать неприятности? Вы у нас в кармане. Я понял про этот пистолет. Я заподозрил, что произошло, и смотался в дом. Всё правильно, патроны там. Забыли их захватить. Так что, если собирались блефовать и грозить пистолетом — забудьте.

Разоблачение вызвало эффект, какого я и опасался.

— Вот так дурость! — едко воскликнул Огден. — Нет, надо было остаться в доме. Надеюсь, теперь вы согласны покончить с этой ерундой? Давайте спустимся и сдадимся. Побудем, наконец, в покое. Я точно пневмонию заработаю.

— Вы совершенно правы, мистер Фишер, — откликнулся я. — Но не забудьте, пистолет у меня все-таки еще есть, пусть даже и без патронов. Первый, кто попытается подняться сюда, будет валяться с головной болью.

— Аи, сынок, не стал бы на это полагаться! Будьте умником, а? Мы не можем ждать слишком долго.

— А вы попробуйте.

В спор врезался голос Бака, бормоча что-то совершенно неразборчивое. Ясно было только, что разъярен он донельзя.

— Ну, ладно, — услышал я послушный возглас Сэма, а потом опять наступила тишина.

Я снова стал зорко следить за крышкой люка. Воодушевленный, я решил, что осаждавшие признали поражение.

Вряд ли Сэм и вправду так уж печется о моем благополучии, думал я, и ошибался, — теперь я вижу, что говорил он искренне. Положение наше, хотя я этого и не понимал, действительно было безнадежно по той простой причине, что, как почти у всех позиций, у нашей был не только передний край. Оценивая возможность атаки, я считал, что последовать она может только снизу, совершенно упуская из виду, что у чердака есть и крыша.

Услышав шарканье по черепице над моей головой, я обратил внимание на этот опасный пункт. Последовал грохот тяжелых ударов, и я понял, что Сэм сказал правду. Мы терпели поражение.

Я был слишком ошеломлен внезапностью атаки и не выстраивал никаких планов. Да и вряд ли я мог что-то предпринять. Я был безоружен,

беспомощен и ждал неизбежного.

События разворачивались быстро. На деревянный пол сыпалась штукатурка. До меня смутно доносилось, что Золотце бормочет что-то, но я не вслушивался.

В крыше появилась дыра, всё расширяясь. Я слышал тяжелое кряхтенье человека, отдиравшего черепицу. Потом наступила кульминация, а за ней — разрядка, да так стремительно, что они, в сущности, произошли одновременно. Я увидел, как атакующий на крыше осторожно приладился к дыре, сгорбившись, точно обезьяна, и в следующий момент прыгнул. Когда его ноги коснулись пола, раздался оглушительный треск, взметнулось облако пыли, и он исчез.

Под моими ногами изношенные доски прогибались, а под его напором рухнули. Свет лампы, узкими лучиками просачивавшийся сквозь щели, засиял посреди пола широким озером.

В конюшне поднялась суматоха. Герой несчастья душераздирающе стонал, на что у него явно имелись веские причины; я не знал размеров его увечий, но человек не грохается с такой высоты безнаказанно. И тут последовало новое странное происшествие этого вечера. Я уже какое-то время не уделял Огдену достаточного внимания; другие, более насущные проблемы отвлекали меня. А следовательно, его поступок был для меня полнейшим и сокрушительным сюрпризом.

Я осторожно продвигался к рваной дыре в надежде увидеть, что творится внизу, когда совсем рядом позади меня завизжал Золотце: «Это я, Огден Форд! Я прыгаю!» и без дальнейших предупреждений он перевалился через край.

Манну, упавшую с небес в пустыне, вряд ли встретили так радостно. Воздух звенел от восторженных воплей. Кто-то чересчур пылко выплеснул восторг, разрядив в потолок пистолет, к моему крайнему неудобству: место, выбранное мишенью, находилось всего в футе от моих ног. Потом они всей гурьбой двинулись к выходу, по-прежнему радостно вопя. Сражение было закончено.

Не знаю, сколько прошло времени, прежде чем я заговорил. Может, несколько минут. Я стоял как в столбняке, ошеломленной быстротой, с какой разыгрались финальные этапы драмы. Уделяй я Золотцу больше внимания, я догадался бы, что тот только и поджидает удобного случая; но мне такая вероятность и в голову не приходила. Теперь меня просто оглоушили.

Вдалеке послышался шум отъезжающего автомобиля. От рокота мотора я очнулся.

— Что ж, можно и уходить, — тускло проговорил я, зажег свечу и поднял её. Одри стояла у стены с бледным, застывшим лицом. Подняв крышку люка, я спустился вслед за ней по лестнице. Дождь прекратился, высыпали яркие звезды. После духоты чердака свежий влажный воздух казался упоительным. На минутку мы приостановились, захваченные покоем и мирной тишиной ночи. Тут, совершенно неожиданно, Одри разрыдалась. Я растерялся. Я никогда не видел её в слезах. Раньше Одри встречала удары судьбы со стоическим безразличием, которое то привлекало, то отталкивало меня в зависимости от настроения. Я воспринимал это и как отвагу, и как бесчувственность. В прежние дни такое поведение немало способствовало барьеру между нами. Она казалась мне отстраненной, к ней невозможно было приблизиться. Наверное, подсознательно оно оскорбляло мой эгоизм — значит, она может выстоять в минуты трудностей без моей поддержки.

И вот барьер упал. Прежняя независимость, почти агрессивная, исчезла. Новая Одри открылась мне. Она беспомощно рыдала, безвольно опустив руки, глаза пусто смотрели в пространство. Было в её позе что-то такое беспомощное, такое побежденное, что меня резануло как ножом.

— Одри…

Ночь была очень тихой. В лужицах между выщербленными плитками поблескивали звезды. Только размеренное капанье воды с деревьев нарушало тишину.

Огромная волна нежности смыла в моей душе всё, кроме Одри. Внезапно рухнуло то, что с того вечера, когда наши жизни столкнулись вновь после пяти долгих лет, сдерживало меня, душило, затыкало мне рот. Я забыл Синтию, свои обещания, всё на свете.

— Одри!

Она очутилась в моих объятиях, прильнула ко мне, бормоча мое имя. Темнота облаком окутывала нас. А потом, выскользнув из моих объятий, Одри исчезла.

Глава XVI

В моих воспоминаниях о той странной ночи зияют огромные прорехи. С необычайной яркостью припоминаются мелкие инциденты, о каких-то долгих часах я не помню ничего. Что я делал, куда ходил — припомнить не могу. Мне кажется, когда я оглядываюсь назад, что я бродил и бродил до самого утра. Однако когда наступил день, я по-прежнему был на

территории школы. Возможно, я метался кругами, как раненое животное. Счет времени я утратил.

Внезапно проклюнулась заря — свет мгновенно сменил ночь. Всё было темно, а потом я оглянулся — и уже настал день, безрадостный, похожий на декабрьский вечер. Я понял, что очень замерз, устал, измучился.

Душа у меня была похожа на это утро, такая же серая и пасмурная. Совесть можно прогнать, но потом она, как и природа, непременно вернется. Моя незаметно прокралась обратно вместе с дневным светом. Мне предстояло расплачиваться за выпавший мне час свободы.

Я заплатил сполна. Я не видел выхода. Ночью меня подстегивало ликование, но теперь наступило утро, мечты уступили фактам. Я должен был трезво взглянуть в лицо будущему.

Присев на пенек, я зарылся лицом в ладони. Должно быть, я заснул, потому что, когда я опять поднял глаза, день разгорелся ярче. Вся унылость растаяла. Небо весело синело, пели птицы. Только через полчаса в голове у меня проступили начатки плана. Я не мог полагаться на то, что сумею судить о своем положении честно и четко там, где всё пронизано колдовским очарованием Одри.

Та часть души, которая сражалась за верность Синтии, здесь подавлялась. Меня тянуло в Лондон. Там я смог бы подумать на свободе, спокойно взвесить свое положение и на что-то решиться.

Развернувшись, я зашагал к вокзалу. Сколько времени, я мог определить очень приблизительно. Сквозь деревья ярко светило солнце, но на дороге за школьным двором не было видно никаких признаков рабочего дня.

Когда я добрался до станции, пробило половину шестого. Сонный носильщик сообщил мне, что поезд на Лондон, почтовый, будет в шесть.

В Лондоне я оставался два дня, а на третий отправился в Сэнстед повидаться с Одри в последний раз. Я принял решение. Я заметил её на подъездной дороге неподалеку от ворот. Она обернулась на мои шаги, и когда я увидел её лицо, то понял, что борьба, о которой я столько передумал, сейчас только и начнется.

Меня поразил её вид — лицо бледное, вокруг рта усталые морщинки. Я не мог выговорить ни слова. Что-то душило меня, и снова, как в ту ночь на конюшне, мир и все, что в нем было, уплыло в бесконечную даль.

Молчание нарушила Одри.

— Питер, — почти беззвучно произнесла она. Мы пошли вместе.

— Ты ездил в Лондон?

— Да. Вернулся сегодня утром. Я ездил туда подумать.

— Я тоже много думала, — кивнула она.

Остановившись, я начал прорывать ногой канавку в мокром гравии. Слова никак не шли с языка. Снова заговорила Одри — быстро, но тускло и безжизненно.

— Давай, Питер, забудем, что случилось. Мы были тогда сами не свои. Я устала, испугалась. Тебе стало меня жалко. Ведь и у тебя были натянуты нервы. Но всё это пустое! Давай забудем!

— Нет, — покачал я головой. — Дело не в том. Я не могу допустить, чтобы ты даже притворялась, будто так думаешь. Я люблю тебя, и всегда любил, хотя и не понимал, насколько сильно, пока ты не уехала. Через какое-то время мне показалось, что я справился, сумел победить любовь и забыть тебя. Но когда мы встретились здесь, я понял, что ошибся. Я приехал попрощаться с тобой, но буду любить тебя всегда. Это мне наказание за то, каким я был пять лет назад.

— А мне за то, какой была я, — горько рассмеялась она. — Я была маленькой дурочкой, капризным ребенком. Мое наказание хуже твоего, Питер. Тебя не будет терзать мысль, что ты держал в руках счастье двух людей, а потом выбросил его, потому что у тебя не хватило ума его удержать.

— Именно так я и буду думать. В том, что случилось пять лет назад, виноват я, Одри, и больше никто. Даже когда я терзался, что потерял тебя, я тебя не винил. Нет. Ты заставила меня увидеть себя, какой я. Я был высокомерным, эгоистичным, несносным типом. Я, и только я, выбросил наше счастье. Ты всё выразила в одной фразе в тот первый день. Помнишь, ты сказала — я бывал добр, когда давал себе труд вспомнить об этом. Тебе не за что упрекать себя. Да, не слишком нам повезло, но вся вина на мне.

На её бледном личике зажегся румянец.

— Я так сказала, но только оттого, что боялась себя. Я была ошеломлена, встретив тебя здесь. Я подумала, что ты меня ненавидишь, у тебя были все причины. И говорил ты со мной, будто ненавидел. Вот я и не хотела показать, что ты для меня. Я сказала неправду, Питер. Пять лет назад, может, я и думала так, но сейчас — нет. Я повзрослела и стала понимать жизнь. Я слишком многое пережила, у меня не осталось ложных идей. У меня были шансы сравнивать мужчин, и я поняла, Питер, не все они бывают добрыми, даже когда им и случается вспоминать про доброту.

— Одри, — я никогда не мог заставить себя задать этот вопрос раньше, — Шеридан был… был добр к тебе?

Она с минуту молчала, и я решил, что она возмутилась.

— Нет! — резко бросила она с силой, поразившей меня. Это слово вместило целую историю несчастливой судьбы.

— Нет, — повторила она после паузы, на этот раз помягче. Я понял, почему — ведь она говорила о мертвом.

— Я не могу обсуждать его, — поспешно продолжила она. — Наверное, в основном виновата я. Я была несчастна из-за того, что он — не ты, и он прекрасно видел, что я несчастна и ненавидел меня за это. У нас не было ничего общего. Наш брак был чистейшим безумием. Шеридан завоевал меня внезапной атакой. Я никогда не отличалась здравым смыслом, а тогда потеряла и остатки. Я чувствовала себя гораздо счастливее, когда он бросил меня.

— Так он тебя бросил?

— Да. Почти сразу, как только мы добрались до Америки. — Одри засмеялась. — Я говорила тебе, что научилась понимать жизнь. Вот тогда-то я и начала учиться.

Я пришел в ужас. В первый раз я четко себе представил, через что прошла Одри. Когда она рассказывала мне о своей борьбе, в тот вечер у камина, я считал, что началось всё после смерти её мужа, и что жизнь с ним в какой-то мере подготовила её к борьбе. Но Одри была выброшена на арену совсем неопытной девчонкой, и это ужаснуло меня. Пока она говорила, я ясно понял, что теперь ни за что не смогу сделать то, за чем приехал. Я не смогу отказаться от нее. Она нуждается во мне. О Синтии я старался не думать.

— Одри, — я взял её за руку, — я приехал сюда сказать тебе «прощай». Но я не могу. Ты мне нужна. Ничто не важно, только ты. Я ни за что не откажусь от тебя.

— Слишком поздно, — прерывающимся голосом сказала она. — Ты помолвлен с миссис Форд.

— Я и правда помолвлен, но не с миссис Форд, а с девушкой, которую ты не знаешь, — с Синтией Дрэссилис.

Она быстро вырвала руку, широко распахнув глаза, и несколько минут молчала.

— Ты любишь её? — наконец спросила она.

— Нет.

— А она?

У меня перед глазами встало письмо Синтии. Толковать его смысл можно было однозначно.

— Боюсь, что да.

Одри твердо посмотрела на меня. Лицо у нее было очень бледно.

— Питер, ты должен жениться на ней. Я помотал головой.

— Ты должен. Она верит в тебя.

— Не могу. Мы с тобой нужны друг другу. Разве ты можешь возразить?

— Нет.

Она произнесла это просто, без всяких эмоций. Я подвинулся к ней ближе, зачарованный, но она отступила.

— Она тоже нуждается в тебе.

Тупое отчаяние наползало на меня. Меня придавило предчувствие провала. Я сразился со своей совестью, с моим чувством долга, и сокрушил их. Но Одри снова поднимала их на борьбу со мной. Мое самообладание рухнуло.

— Одри! — закричал я. — Ради Бога! Неужели ты не понимаешь, что творишь? Нам дали второй шанс. Наше счастье снова в твоих руках. Зачем нам обрекать себя на горе? Важно одно — мы любим друг друга. Я ни за что тебя не оставлю!

Она молчала, опустив глаза. Во мне начала оживать надежда. Но когда она вскинула глаза, то посмотрела все тем же твердым взглядом, и сердце у меня снова ухнуло.

— Питер, я хочу кое в чем признаться тебе. Тогда ты поймешь, я думаю. Питер, я сражалась нечестно. Все эти недели, с нашей первой встречи, я старалась украсть тебя. Иначе и не скажешь. Я пускала в ход все самые скверные трюки, какие могла придумать, только бы отбить тебя у той девушки, ее тут не было, она не могла защититься. Я не думала о ней. Меня обуял эгоизм. А потом, после той ночи, когда ты уехал, я много передумала и будто очнулась. Я увидела, что за роль я играла. Но даже тогда я старалась убедить себя, что не причиняю никому зла. И даже твердила себе, что совершила прекрасный поступок. Раньше я считала, понимаешь, что ты увлекся миссис Форд, а миссис Форд я знаю. Если она и способна любить мужчину, то только мистера Форда, хотя они и разведены. Я знала, что она сделает тебя несчастным. Я убеждала себя, что я тебя спасаю. А теперь ты говоришь, что это не миссис Форд, а совсем другая девушка. Это всё меняет. Разве ты не понимаешь, что я не вправе позволить тебе бросить её? Ты стал бы презирать меня. Я буду чувствовать себя подлой, будто я воткнула ей нож в спину.

Я выдавил смех. Он гулким эхом отскочил от барьера, разделившего нас. В сердце своем я знал, что смехом барьер не разрушить.

— Ты же понимаешь, Питер? Ты должен.

— Ничего я не понимаю. По-моему, ты перенервничала. Я…

— Ты помнишь тот вечер в кабинете? — перебила меня Одри. — Мы разговаривали. Я рассказывала тебе, как я жила те пять лет.

— Помню.

— Так вот, каждое слово говорилось с одной целью… Даже паузы. Я старалась их сделать красноречивыми. Понимаешь, Питер, я знаю тебя. Знаю вдоль и поперек, потому что я тебя любила. Я знала, какой эффект произведут на тебя мои рассказы. Да нет, в них всё правда. Тут я была честной. Но, рассказывая, я преследовала низкие мотивы. Я играла на твоих чувствах. Я знала, какой ты добрый, знала, что ты будешь жалеть меня. Я специально создавала образ, который зацепил бы твою душу и убил память о той, другой. Я знала тебя, Питер, и знала хорошо. А потом я поступила еще хуже — притворилась, будто споткнулась в темноте. Мне хотелось, чтобы ты поймал и поддержал меня. Так ты и сделал. И… — Голос её сорвался. — Я рада, что призналась тебе во всем. От этого мне стало получше. Теперь ты понимаешь, что я чувствую?

Одри протянула руку.

— Прощай.

— Я ни за что не оставлю тебя, — упрямо повторил я.

— Прощай. — едва слышным шепотом повторила она. Я взял её за руку и притянул к себе.

— Никаких «прощай»! В мире для меня нет больше никого, кроме тебя. Я не откажусь от тебя ни за что.

— Питер, — слабо сопротивлялась она, — отпусти. Я прижал её еще теснее.

— Ни за что!

Тут на гравии послышалось шуршание шин. К нам подъезжал большой красный автомобиль. Я уронил руку Одри, она отступила и исчезла в кустах. Машина, замедлив ход, затормозила рядом со мной. Я увидел в салоне двух женщин: одну — темноволосую и красивую, вторую — миссис Дрэссилис.

Глава XVII

Мне не дали ни одной свободной минутки поудивляться, как это мать Синтии оказалась в «Сэнстед Хаусе». Ее спутница выскочила, не успела даже машина толком остановиться, и, схватив меня за руку, выпалила загадочные слова, сверля меня властным взглядом.

— Сколько бы он ни предлагал, даю вдвойне!

Она была рождена повелевать. Во всяком случае, у неё и в мыслях не мелькнуло сомнения, что мной командовать она может. Будь я тараканом, она не могла бы смотреть на меня с большим презрением и высокомерием. Глаза у нее были огромные, пламенные, ярко-карие. Когда я разглядел их, у меня впервые родились подозрения, кто она такая. Но к смыслу её слов ключа у меня всё равно не появилось.

— Значит, запомните, — продолжала она, — я даю вдвое, пусть даже это и миллион долларов.

— Боюсь, я вас не понимаю, — наконец удалось вставить мне.

Она нетерпеливо прищелкнула языком.

— Не к чему играть в таинственность. Эта леди — мой друг. Ей известно всё. Я попросила её поехать со мной. Я — миссис Элмер Форд. Я приехала сразу же, как только получила ваше письмо. По-моему, вы — самый низкий мерзавец, умудрившийся избежать тюрьмы, но сейчас это неважно. Мы здесь, чтобы обсудить сделку, мистер Фишер, так что давайте сразу и начнем.

Мне уже поднадоело, что меня вечно принимают за Ловкача Сэма.

— Я не Фишер.

И повернулся к машине.

— Вы можете назвать мое имя, миссис Дрэссилис? Та, широко раскрыв глаза, таращилась на меня.

— Как это вы тут очутились? Я всюду разыскивала вас, Питер, но никто…

Миссис Форд перебила подругу. По-видимому, она привыкла вести беседу, и ей все равно, как этого добиться.

Фигурально выражаясь, она прикончила миссис Дрэссилис одним махом, или, вернее, захлестнула её, как приливная волна, сметя все её речи.

— О-о, — ворвалась она в разговор, устремляя карие глаза на меня, теперь не так презрительно, но все же властно. — Извините за ошибку. Я приняла вас за подлого негодяя по имени Фишер. Надеюсь, вы простите меня. Мы договорились с ним встретиться на этом самом месте в это время, а потому, увидев вас, я и решила, что вы — это он.

— Я могу поговорить с вами наедине? — попросил я.

С людьми миссис Форд обращалась бесцеремонно. Когда дело касалось её собственных желаний, она принимала покорное согласие как само собой разумеющееся.

— Поезжайте к дому, Джарвис, — велела она шоферу. И миссис Дрэссилис умчали по дороге, не успела та опомниться.

— Итак?

— Бернс, — представился я.

— Теперь мне понятно, — протянула она. — Теперь я знаю, кто вы. — Она выдержала паузу. Я предвкушал, что она осыплет меня благодарностями за мою храбрую службу, но заговорила она совсем в иной тональности.

— Не могу понять, мистер Бернс, чего вы тут так долго тянули? Почему не выполнили просьбы Синтии? Уж, разумеется, за все эти месяцы… И в конце концов, допустили, чтобы этот мерзавец Фишер украл моего мальчика у вас из-под носа…

Она одарила меня взглядом, полным бездонного презрения. Я вспомнил все муки, какие претерпел в этом семестре ради ее сыночка, а косвенно — и ради нее, и почувствовал, что самое время высказаться.

— Разрешите рассказать, как это получилось — сказал я и, тщательно выбирая слова, обрисовал случившееся, не упустив подчеркнуть, что Огден ушел к врагу абсолютно добровольно.

Миссис Форд слушала меня молча.

— Да, Огги поступил не очень правильно, — терпимо заметила она, когда я драматической кульминацией закончил свою историю. Мне её замечание показалось несоразмерно мягким.

— Огги всегда был вспыльчивым, — продолжала она. — Вы, конечно, это заметили?

— Не без того.

— Им можно руководить, но его нельзя принудить. С самыми, несомненно, лучшими намерениями вы не разрешили ему уйти из конюшен и вернуться в дом. Он обиделся и поступил по-своему.

Она взглянула на свои часики.

— У вас есть часы? Сколько сейчас времени? И всего-то? А я думала, больше. Рановато я приехала. Я получила письмо от этого Фишера с указанием места и часа встречи. Он сказал, что написал и мистеру Форду и назначил тот же час. — Она нахмурилась. — Не сомневаюсь, что муж приедет.

— Не его ли это машина? — указал я.

По подъездной дороге, грозно рыча, подъезжал второй автомобиль. При виде нас оттуда донесся крик, и шофер нажал на тормоза. Из машины выпрыгнул пассажир, коротко приказал что-то шоферу, и она покатила дальше.

Это был могучий мужчина средних лет с мощными плечами. Лицо, открывшееся, когда он снял очки для езды, оказалось типичным лицом

римских императоров, чьи черты донесли до нас монеты и статуи — агрессивное, с чисто выбритым квадратным подбородком. Как и у его бывшей жены (которая сейчас стояла, выпрямившись во весь рост), у него был вид человека, рожденного командовать. Можно было себе представить, что семейная жизнь этой пары больше походила на поле битвы, чем у большинства супругов. Взгляд миссис Форд он встретил воинственно и тут же отвернулся ко мне.

— Даю вдвое больше того, что предлагает она! — быстро заявил он и, сделав паузу, оглядел меня с отвращением. — Вы негодяй!

Привычка должна бы выработать иммунитет, но нет. Я высказался откровенно:

— Знаете, мистер Форд, скоро я обязательно опубликую указатель имен и адресов людей, которые ошибочно принимали меня за Сэма Фишера. *Я — не Фишер!* Можете вы это уразуметь? Меня зовут Питер Бернс, я целый семестр работал учителем в этой школе. Судя по тому, что я узнал о вашем сыночке, любой, кто похитит этот ходячий кошмар хоть на два дня, уж точно захочет от него избавиться. Он наверняка выложит денежки, лишь бы кто-то забрал у него Огдена.

Мои слова чуть было не соединили эту разведенную пару. Они единым фронтом выступили против меня. Возможно, в первый раз за многие годы они образовали союз, пусть и временный.

— Как вы смеете так говорить! — закричала миссис Форд. — Огги — прекрасный мальчик.

— Да, Неста, ты совершенно права, — подхватил её бывший муж. — Возможно, ему требуется умный воспитатель, но сам по себе он отличный мальчишка. Я наведу справки и, если этот человек дурно обращался с Огденом, пожалуюсь мистеру Эбни. Где, черт дери, этот Фишер? — резко перебил он себя.

— На месте, — произнес любезный голос. Кусты позади меня раздвинулись, и на гравий выступил Ловкач Сэм.

По голосу я его узнал, а вот по виду не узнал бы. Он принял меры предосторожности и замаскировался для встречи. Белоснежный парик неописуемого благородства выглядывал из-под черной шляпы. Глаза мерцали из-под снежно-белых бровей.

Белые усы прикрывали рот. Выглядел он весьма почтенно. Кивнув мне, он галантно снял шляпу перед миссис Форд.

— Здоровы и невредимы, мистер Бернс, раз вышли прогуляться. Рад видеть. Миссис Форд, должен извиниться за непунктуальность, но на самом деле я не опоздал. Я дожидался в кустах. Побоялся, что вы привезли

с собой каких-нибудь полицейских, а потому решил произвести разведку, прежде чем появляться. Однако, вижу, всё в порядке, мы можем сразу и приступить к делу. Разрешите сказать, прежде чем начнем, что я подслушал вашу беседу и совершенно не согласен с мистером Бернсом. Мастер Форд — очаровательный мальчуган. Я испытываю к нему чувства старшего брата. Мне нестерпимо расставаться с ним.

— Сколько? — гаркнул мистер Форд. — Вы мне надоели. Сколько?

— Я дам вдвое больше того, что предлагает он! — тут же закричала миссис Форд.

Сэм вскинул руку епископским жестом, получившимся еще эффектнее из-за седого парика.

— Разрешите сказать? Спасибо. Мне немножко неловко. Я попросил приехать на встречу вас обоих не ради аукциона. У меня к вам прямое деловое предложение. Но оно требует откровенного разговора, затрагивающего частную жизнь. Можно мне продолжить? Спасибо. Я постараюсь покороче.

Его красноречие производило на Фордов успокаивающий эффект. Оба они молчали.

— Во-первых, поймите, что говорю я как эксперт. Я уже много лет в деле и знаю, о чем толкую. Так вот, когда вы получили развод, вы сказали «прощай» миру и покою. Ей-богу, — в голосе Сэма появились отеческие нотки, — я видел это сотни раз. Пары разводятся, и если есть ребенок, что происходит? Они начинают играть им в волан, перебрасывать его как мячик. Жена крадет его у мужа. Муж выкрадывает от жены. Спустя какое-то время в игру вступает, это уж обязательно, джентльмен моей профессии, мастер, и обыгрывает обоих любителей. Он пользуется суматохой, прокрадывается в дом и удирает с ребенком. То же самое произошло и теперь. Я подскажу вам, как предотвратить похищения в будущем. План таков. Вам необходимо, — речь Сэма лилась, успокаивающая, заботливая, ну просто старый друг семьи, старающийся залатать прореху, — соединиться вновь, и поскорее. Забудьте прошлое. Похороните его. Поцелуйтесь и помиритесь.

Фырканье мистера Форда укротило его на минутку, но он тут же завелся снова.

— Я думаю, виноваты обе стороны. Встретьтесь, обговорите всё. А когда согласитесь закончить битву и начать с чистого листа, на сцену появлюсь я. Даже мистер Бернс скажет вам, если вы его спросите, что я всей душой стремлюсь оставить этот бизнес и зажить спокойной семейной жизнью. Значит, послушайте. Что от вас требуется? Платить мне зарплату

(цифру обговорим позднее) за то, что я останусь с вами и стану караулить вашего мальчика. Не надо фыркать, я говорю разумные вещи. Вам гораздо выгоднее иметь меня на своей стороне, чем на противоположной. Наймите вора ловить вора. Чего я не знаю насчет этой игры, того и знать не стоит. Гарантирую вам, если вы поставите меня на эту должность, то я уж позабочусь, чтобы никто без разрешения и на сотни миль не подошел к вашему мальчику. Вот увидите, я отработаю каждый пенни. А теперь мы с мистером Бернсом прогуляемся немножко, пока вы думаете.

И, подхватив под руку, он увлек меня прочь. Когда мы заворачивали за поворот, я бросил взгляд на родителей Золотца. Они стояли там, где мы их оставили, точно от красноречия Сэма приросли к месту.

— Ну-ну, молодой человек, — Сэм окинул меня ласковым взглядом, — приятно встретить вас снова, на этот раз — при более счастливых обстоятельствах. Вам, знаете, здорово везет, не то вас бы избили в тот вечер. Я уж испугался, чем все закончится. Бак парень простой, грубый, и его шайка такая же. Они здорово разозлились. Просто зверски! Захвати они вас, и неизвестно, что могло случиться. Однако всё хорошо, что хорошо кончается. А у этой маленькой игры конец счастливый. Я получу эту работу, сынок. Старик Форд не дурак, ему не потребуется много времени смекнуть, что я прав. Он возьмет меня на службу.

— А как же ваш партнер? — поинтересовался я. — Как Бак участвует в сделке?

Сэм отечески похлопал меня по плечу.

— А никак, сынок, никак. Худо, конечно, словно конфету у малыша отбираешь, но… бизнес есть бизнес. Что ж, пришлось, хоть я и не хотел надуть старину Бака. На следующий же день я выкрал у него Золотце. Получилось легче легкого. Бак хорош в драке. Когда доходит до мозгов, его всегда обставляют. Так он и будет брести по жизни, бедолага. Даже и думать неприятно.

Он вздохнул. Видимо, несчастья Бака глубоко его опечалили.

— Я не удивлюсь, если он бросит профессию. Нахлебался, хоть у кого руки опустятся. Я рассказывал, что случилось с ним той ночью? Нет? А я думал, рассказывал. Ну так Бак нырнул через крышу. Мы подняли его и увидели, что он опять сломал ногу. Любого обескуражит. Думаю, теперь он уйдет от дел.

Мы приближались к машинам и, оглянувшись, я увидел, как мистер и миссис Форд прохаживаются по дороге. Сэм проследил за моим взглядом и хихикнул.

— Всё в порядке! Они всё уладили. Что-то в их походке подсказывает мне, что они помирились.

Миссис Дрэссилис по-прежнему сидела в красном автомобиле с видом уязвленным, но безропотным.

— Мне придется оставить вас, миссис Дрэссилис, — обратилась к ней миссис Форд. — Скажите Джарвису, пусть отвезет вас, куда вам надо. А я уезжаю с мужем к моему дорогому Огги.

Она протянула руку миллионеру. Тот взял её, и они стояли, глупо улыбаясь друг другу, а Сэм, чуть ли не мурлыча, навис над ними, словно толстенькая фея. Оба шофера деревянно смотрели в пространство. Мистер Форд, отпустив руку жены, повернулся к Сэму.

— Фишер?

— Сэр?

— Я обдумал ваше предложение. Тут какой-то подвох.

— О, нет, сэр, уверяю вас!

— Непременно есть. Какие я получаю гарантии, что вы меня не обдурите?

— Вы забываете, — с облегчением улыбнулся Сэм. — Я ведь говорил вам, что женюсь, сэр. А моя жена ни за что мне не позволит.

Мистер Форд махнул рукой на автомобиль.

— Прыгайте! — коротко бросил он. — И скажите шоферу, куда ехать. Вы приняты!

Глава XVIII

— Ну, никаких манер, — сокрушалась миссис Дрэссилис. — Абсолютно. Я всегда это говорила.

Тон у неё был горький. Оскорбленным взглядом она провожала уезжавшую машину.

На повороте Сэм, обернувшись, помахал на прощанье. Мистер и миссис Форд, сидевшие рядышком, оглянуться и не подумали. Миссис Дрэссилис негодующе фыркнула.

— Миссис Форд — подруга Синтии. Это Синтия попросила меня приехать сюда с ней и увидеться с вами. Я приехала ради нее. И вот без слова извинения она бросает меня посреди дороги! Никаких манер!

Я не кинулся защищать отсутствующую. Вердикт миссис Дрэссилис примерно совпадал и с моим.

— А Синтия вернулась в Англию? — сменил я тему.

— Яхта приплыла вчера. Питер, я должна поговорить с вами о крайне важном деле. — Она бросила взгляд на Джарвиса, откинувшегося на сиденье с видом, свойственным всем шоферам, сидящим без дела. — Давайте пройдемся.

Я помог ей выбраться из машины, и мы молча пошли по дороге. Спутница моя едва скрывала волнение, интриговавшее меня. Была и уклончивость, пробудившая с новой силой всю мою неприязнь. Я не мог себе представить, ради чего она прикатила издалека и что намеревается сказать мне.

— Как вы тут очутились? — спросила она. — Когда Синтия сказала мне, что вы здесь, я едва ей поверила. Почему вы стали учителем? Ничего не понимаю!

— Зачем вы хотели повидать меня?

Она замялась. Ей всегда было трудно изъясняться прямо, а сейчас, очевидно, приходилось делать совсем уж огромные усилия. В следующую минуту она двинулась какими-то глухими переулками, очень и очень кружным путем.

— Я знаю вас уже столько лет. Ни кем я так не восхищалась. Вы такой великодушный, прямо Дон Кихот. Таких мужчин мало на свете. Всегда о других печетесь! Вы без колебаний откажетесь от чего угодно, если увидите, что это нужно другому. Я восхищаюсь вами. Так мало молодых людей, которые считаются не только с собой!

Она приостановилась набрать воздуха, а может, свежих мыслей, и я, воспользовавшись затишьем в ливне комплиментов, снова спросил:

— Зачем все-таки вам потребовалось встретиться со мной?

— Из-за Синтии. Она просила меня вас повидать.

— О-о!

— Вы получили от неё весточку?

— Да.

— Вчера вечером, когда она вернулась, она рассказала мне про неё и показала ваш ответ. Вы, Питер, написали ей дивное письмо. Я прямо расплакалась, когда читала. И Синтия, я думаю, плакала. Конечно, для девушки с её характером письмо решило все. Она такая верная, моя дорогая девочка.

— Не понимаю.

Как сказал бы Сэм, она как будто бы говорила, слова вылетали у неё изо рта, но смысл их от меня ускользал.

— Уж раз она дала обещание, ничто не побудит ее его нарушить, каковы бы ни были её чувства. Она такая верная. Такая стойкая.

— Вы не могли бы говорить яснее? — резко перебил я. — Что-то я никак не пойму. При чем тут верность? Не понимаю…

Но выманить её из закоулков оказалось невозможно. Она выбрала себе маршрут и намеревалась пройти его до конца, пренебрегая прямым коротким путем.

— Для Синтии, как я и сказала, ваше письмо стало решающим. Она поняла, что вопрос решен бесповоротно. Это так красиво с её стороны. Но я её мать, и мой долг не сдаваться, не принимать ситуацию как неизбежную, если я могу хоть чем-то помочь её счастью. Я знаю, Питер, ваш рыцарский характер. Я сумею поговорить с вами, как не сумела бы Синтия. Могу воззвать к вашему великодушию, что, конечно, невозможно для нее. Могу ясно изложить факты.

Я ухватился за эти слова.

— Вот этого бы мне и хотелось. Каковы же факты? Но она снова пустилась плутать по переулкам:

— У Синтии такое суровое чувство долга. С ней не поспоришь. Я уж говорила ей, что если бы вы знали, то и не подумали бы стоять у нее на пути. Вы такой великодушный, такой настоящий друг. Вы думали бы только о ней. Если её счастье зависит от того, чтобы вы освободили её от обещания, вы не стали бы думать о себе. В конце концов, я взяла дело в свои руки и приехала. Мне, правда, очень вас жаль, дорогой Питер, но для меня счастье Синтии — прежде всего. Вы ведь понимаете, правда?

Постепенно, пока она говорила, я начал неуверенно проникать в смысл её слов. Неуверенно, потому что легчайший намек на такой поворот дел всколыхнул во мне бурю надежд, и я боялся рисковать — а вдруг меня огреют по голове, разъяснив, что я ошибаюсь? Но если я прав — ну, конечно же, она не могла иметь в виду ничего иного, — тогда, значит, я свободен. Свободен, не утратив чести! Я не мог дольше выносить намеки. Я должен был услышать всё четко и ясно.

— Синтия… — я остановился, выравнивая голос. — Синтия нашла… — я опять запнулся. Мне было до нелепости трудно сформулировать мысль. — У нее появился кто-то другой? — заключил я на одном дыхании.

— Мужайтесь, Питер, — миссис Дрэссилис похлопала меня по руке. — Да.

Деревья, подъездная дорога, дерн, небо, птицы, дом, машина и надутый шофер — всё взметнулось на минуту в одном сумасшедшем хороводе, посередине которого стоял я. А потом из хаоса, который распался снова на составляющие части, я услышал свой голос:

— Расскажите мне все.

Мир снова стал похож на себя, и я тихонько слушал со слабым интересом, подхлестнуть который, как ни старался, не сумел. Все эмоции я истратил на главный факт, детали стали разрядкой.

— Мне он понравился, как только я его увидела, — начала миссис Дрэссилис. — И, конечно, так как он ваш друг, мы, естественно…

— Какой мой друг?

— Я говорю о лорде Маунтри.

— Маунтри? А что с ним? — Свет пролился на мои отупелые мозги. — Вы хотите сказать… так это лорд Маунтри?

Мое поведение, видимо, обмануло ее. Она стала заикаться, спеша рассеять, как ей показалось, ложное восприятие фактов.

— Нет, вы не думайте, Питер, он себя вел самым достойнейшим образом. Он ничего не знал о помолвке. Она сказала ему, когда он сделал ей предложение, и ведь это он настоял, чтобы моя дорогая Синтия написала то письмо.

Миссис Дрэссилис умолкла, потрясенная такими глубинами честности.

— Да?

— В сущности, он сам и диктовал его.

— О-о!

— К сожалению, получилось что-то не то. Туманное какое-то. И намека не проскользнуло на истинное положение дел.

— Да, это верно.

— Но лорд Маунтри не разрешил Синтии изменить ни словечка. Иногда он бывает очень упрям, как и многие застенчивые мужчины. А когда пришел ваш ответ, все стало еще хуже.

— М-м-м… наверное.

— Вчера я увидела, как несчастны они оба. И тогда Синтия предложила… Я сразу же согласилась поехать и рассказать все.

Она беспокойно взглянула на меня. С её точки зрения, это была кульминация, наиважнейший момент. Она запнулась. Я так и видел, как она группирует силы: придумывает красноречивые фразы, убедительные прилагательные, выстраивает предложения для грандиозной атаки.

Но между деревьями я заметил Одри, прогуливающуюся по лужайке, и атака не состоялась.

— Сегодня же вечером я напишу Синтии, — торопливо сказал я, — и пожелаю ей счастья.

— О, Питер! Спасибо!

— Ах, не за что! — бросил я. — Всегда рад.

Её полную удовлетворенность омрачила тень сомнения.

— А вы уверены, что сумеете убедить её?

— Убедить?

— И… э… лорда Маунтри. Он так решительно настроен против поступков… э… которые кажутся ему нечестными.

— Может, мне написать ей, что я хочу жениться на другой? — предложил я.

— Великолепная идея! — просветлела миссис Дрэссилис. — Какой вы молодец!

И позволила себе сказать банальность:

— В конце концов, Питер, в мире полно прелестных девушек. Нужно только поискать.

— Вы совершенно правы. Сразу же и начну.

Между деревьями мелькнуло белое платье, и я кинулся туда.

Простак в стране чудес

Перевод с английского И. Митрофановой
Редактор Н. Трауберг

1

Дж. Г. Андерсон поднял телефонную трубку.

— Дайте мне портье, пожалуйста, — попросил он. Ему дали портье.

— Фиппс? Это мистер Андерсон.

— Ну, ну, ну! — зачастил бодрый голос, ликующе подвывая, словно радостная гончая, взявшая след анисового семени. — Славный старичина Андерсон! Превосходнейший мой старикашчик! Самого вам распрекрасного утра, любезный Дж. Г.! Но это не Фиппс. Фиппс отлучился приложить лед к голове. У него жар. А это Поттер. П. следом О, затем Т, за ним Т, потом Е, а на самом кончике — Р. Поттер.

— Поттер, — проскрежетал мистер Андерсон так, словно эта фамилия задела его за живое. Бросив трубку, он откинулся в кресле и прикрыл глаза, молился, что ли.

Каждый год, когда наступало лето с цветами и пчелами, обращая мысли неуемных американцев к алым слаксам и пестрым спортивным шортам, а мысли их жен — к цельным купальникам, мистер Дж. Г. Андерсон, владелец отеля «Вашингтон» в Бессемере штата Огайо, обычно уезжал в штат Мэн и посвящал весь свой опыт и талант управлению недавней своей покупкой — гостиницей «Приозерной» в пяти милях от городка Скивассетт. В помощь себе в этом сезоне он привез, среди прочего штата, обходительного и любимого всеми Сирила Фотерингей-Фиппса, носившего прозвище Простак,[11] другими словами — того молодого человека, который вышел сейчас, чтобы поискать льда для больной головы. Служил он портье.

2

Пролетай над гостиницей «Приозерная» смекалистая птичка, она осмотрела бы своим птичьим глазом территорию, затаила дыхание,

пронзительно присвистнула от восторга и решила, что мистер Андерсон, вложив наличные в столь привлекательную собственность, проявил недюжинный здравый смысл.

«Да, местечко недурственное, — сказала бы птичка. — Красивая у него недвижимость». Озеро, широкое и живописное, стоило, несомненно, любых денег, а вдобавок были еще лужайки, деревья, цветы, теннисные корты, площадки для гольфа, летний театр и раскиданные там-сям уютные бунгало для гостей, предпочитавших уединение. Одно из этих бунгало, заметила бы с сожалением птичка, сгорело дотла, по-видимому, совсем недавно: на его месте торчал обгоревший остов, над которым еще вились легкие клубы дыма.

Солнце светило, озеро поблескивало, деревья шелестели, цветы цвели, и каждый номер в гостинице был сдан, да еще по высокой цене. При таком раскладе мистер Андерсон, казалось бы, должен и лишившись бунгало пребывать в веселом, беззаботном настроении. Но этим августовским утром он сидел в своем кабинете, нахмурив лоб и сумрачно глядя. Даже в хорошие свои дни он немного походил на статую Эпштейна, изваянную в особо мрачном настроении, а сегодняшний день хорошим не был. Дж. Г. провел беспокойную ночь и никак не мог отделаться от угнетающей мысли, что ему приходится обитать на одной планете с Мэрвином Поттером и Сирилом Фотерингей-Фиппсом. Если джентльмен и христианин может не любить двух других джентльменов и христиан, Дж. Г. Андерсон не любил Мэрвина Поттера и Сирила Фотерингей-Фиппса. Если же вы попытались бы подбодрить его, указав, что на свете всего лишь один Мэрвин Поттер и один Сирил Ф.-Ф., он буркнул бы в ответ, что и этого с избытком хватает.

Стуки в дверь — эдакая веселенькая, бравурная россыпь — прервали его раздумья. Не успел он ответить: «Войдите», как в дверях появилась фигура, при виде которой, будь его совесть хоть чуточку менее чиста, он бы опасливо вздрогнул. Сморгнув, он вгляделся снова, но увидел то же, что и в первый раз, — человека в полной полицейской форме, при полицейском поясе и пистолете.

Лицо под кепи было на редкость красиво — худощавое, живое, тонкой и четкой лепки. Глаза, сейчас чуть налитые кровью, вот уже несколько лет приводили женщин в тот трепет, какого не бывало после смерти Рудольфа Валентино. Это был Мэрвин Поттер, всемирно знаменитая звезда экрана, обожаемая всеми, кроме Дж. Г. Андерсона. Уехав из Голливуда, он намеревался появиться в спектакле на Бродвее, а последние две недели был постояльцем «Приозерной», хотя мистеру Андерсону казалось, что живет

он там гораздо дольше. Несчастный хозяин полагал, что из всех моровых язв, какие насылает непостижимое Провидение, чтобы он преждевременно поседел, красавчик-актер — самая тяжелая.

Иная поклонница Мэрвина Поттера, увидев своего идола так близко, сомлела бы от восторга и хлопнулась бы в обморок или хотя бы, самое малое, таращилась на него в блаженном экстазе. Во взгляде мистера Андерсона экстаза, тем более — блаженства, совершенно не было. Держался он холодно и почти сурово.

Мы уже упоминали, что ночь он провел плохо. А почему? Потому, что около трех к нему в спальню вторглись этот самый Поттер и Сирил Фотерингей-Фиппс, чтобы, по их словам, преподнести ему в знак уважения маленький дар. После нескольких любезных слов Поттера, который, видимо, назначил себя церемониймейстером, Сирил Фотерингей-Фиппс вложил в руку Андерсона скользкую и очень большую лягушку.

Потом милая парочка удалилась, заливаясь хохотом, словно пьяные послы, которые, вручив верительные грамоты правящему монарху, торопятся пропустить парочку рюмашек до закрытия бара.

Только очень снисходительный наниматель отнесся бы невозмутимо к такому поведению незначительного сотрудника. Фиппс был отличным портье, вежливым, усердным, любезным, но безупречное двухлетнее досье после такой ночной выходки не спасло от молний хозяйского гнева. Юридические закавыки помешали Андерсону претворить в жизнь самое жаркое желание, то есть содрать шкуру с Сирила Ф.-Ф. ржавым ножом и окунуть его в кипящее масло, но в границах отпущенных ему возможностей он намеревался наказать портье со всей суровостью.

Владелец отеля не может наказывать постояльца, но мистер Андерсон все-таки одарил актера неприязненным взглядом. После этого в кабинете воцарился дух Эдгара Аллана По: застонали-завыли ветры, запахло семейным проклятием.

— Доброе утро, — натянуто поздоровался мистер Андерсон.

— Доброе утро! — откликнулся Поттер. — Добрее некуда! Он хлопнулся на стул, позаимствовал сигаретку мистера

Андерсона, воткнул себе в петлицу розу, стоявшую на столе. Если в радиусе пятидесяти миль и существовал еще один такой же радостный человек, как этот беглец из Голливуда, его еще потребовалось бы долго искать.

— Ну, что за прекраснейший мир! — воскликнул он. — Что, неправда? Я лично лучших миров не видел. Но вы удивляетесь, почему я тут, хотя, несомненно, радуетесь от всей души. Так вот, когда мы сейчас

болтали по телефону… Господи, что за чудесное, дивное изобретение! Поистине великий ум, всегда говорю я, когда в разговоре всплывает имя — Александр Грэм Белл. Так вот, я вспомнил, что хочу кое о чем рассказать вам. Нет, не о том, что мир прекрасен. Такой, знаете, секретик. Хочу поделиться. Потому я и прискакал.

Тревожная мысль поразила мистера Андерсона.

— Надеюсь, в вестибюле за стойкой вы сидели не в этом наряде?

— Именно в нем я и сидел, — заверил счастливчик, выпуская веселое кольцо дыма. — Имел грандиозный успех. Приятно видеть любовь публики. Испытывал, знаете, трепет писателя, раздающего автографы. Вообще-то этот костюм — неотъемлемая часть секрета. Андерсон, бедный мой старый хрыч, а у вас — несчастье. Ночью я сжег дотла свое бунгало.

Каменное лицо мистера Андерсона совсем окаменело, будто высеченное Гатзоном Борглэмом на выступе скалы. Как часто случалось в обществе Поттера, он попытался сообразить, кого он больше всего напоминает. Иова? Да, Иова, после того как тот потерял всех верблюдов и покрылся нарывами. Хотя что там! Иову до него далеко. Кто-кто, а он вынужден общаться с Мэрвином Поттером.

— Мне так и сообщили, — коротко бросил он.

— А-а, они не утаивают от вас неполадок? Прибегают к своему боссу с разными мелкими печалями? Похвально, похвально. Мне нравится этот дух доверия и откровенности.

— Конечно, вы курили в постели?

— Да, вывод справедливый, — согласился Мэрвин. поправляя розу и заимствуя еще одну сигарету. — К тому же я, если не заблуждаюсь, был «под мухой». Вчера я обручился. Сами понимаете, как бывает, когда сердце молодо и веселый бог любви творит свои дела. Ты танцевать готов! Петь! Настроение самое разудалое. Ты тянешься к животворящей Иппокрене, источнику вдохновения, и празднуешь, пока глаза не вылезут из орбит. Ах, любовь, любовь! — заливался Мэрвин. — Может ли что-нибудь еще с ней сравниться? Но я не должен отнимать у вас время восторгами влюбленного. Вам не терпится послушать о зловещем событии. Изложу самую суть, отметая утомительные прелюдии. Проснувшись от освежающего сна, я увидел, что пожар уже полыхает вовсю, а меня самого вытаскивает из пламени этот достойный восхищения молодой человек.

— Что-что?

— Очевидно, он заметил пламя из окна своей спальни и решил, что самое верное — прибежать и протянуть руку помощи. Я спасся на грани. Теперь, когда на досуге я воссоздаю всю сцену, то припоминаю, что

проснувшись, почувствовал какое-то тепло, даже жжение, и увидел языки пламени вокруг моей кровати. Мне как-то в голову не пришло, что надо что-то предпринимать. Я попросту свернулся калачиком и задремал снова. Но тут ворвался наш доброволец-пожарник и выдернул меня из постели, словно пробку из бутылки. Тогда я, помню, подосадовал. В отличие от барышни из «Королевы мая», не люблю, когда меня будят спозаранку. Но теперь я, разумеется, понимаю, что все сложилось крайне удачно.

— Удачно? — откликнулся Андерсон.

— Ну да. Еще минута-другая, и вы потеряли бы меня.

— А-ах… — вздохнул разочарованный Андерсон. Мэрвин потянулся за новой сигаретой.

— Не годится, конечно, самому себя хвалить, — продолжал он, — но поверьте, я проявил себя в минуту испытаний с наилучшей стороны. Обнаружив, что их поджаривают, будто гренки с сыром, многие потеряли бы голову, а вот я сохранил присутствие духа, спас пару бутылочек виски. А вот мой гардероб, увы, погиб! Когда тебя касается рука Божья, ты не станешь тратить время на розыски носков и брюк. Не задумываясь над приличиями, я вылетел, как был, в розовой пижаме. Вот почему вы и видите меня в костюме, который показался вам маскарадным. Я взломал дверь в вашем летнем театре и позаимствовал этот наряд из тамошних запасов.

Потом мы отправились к Фиппсу и отметили событие. Бывают минуты, когда человеку надо выпить. Да и по правде говоря, бывают ли другие? Так вот, мой милый, — заключил Мэрвин, поднимаясь. — Вот и все, что я зашел рассказать вам.

Мистер Андерсон зарычал. Он молчал во время рассказа, потому что не мог перебить посетителя, но теперь, улучив момент, вцепился в него.

— Да неужели? А я-то думал, вы пришли объяснить свое поведение.

Мэрвин наморщил лоб, явно теряясь в догадках.

— Поведение? Какое?

— Вы что, забыли? — чуть не заскрипел зубами Андерсон. — Освежу вашу память. В три часа ночи вместе с моим портье вы вломились ко мне в спальню и сунули мне лягушку.

— А, конечно! — Лицо Мэрвина прояснилось. — Теперь мне все ясно. Дорогой мой, не нужно благодарностей! Оставьте лягушку у себя. Сделайте ее своим постоянным спутником. Мне показалось, что Фиппс выглядел прекрасно. А вам?

— Прошу прощения?

— Ну, ночью. Розовый такой, свежий. Чистый воздух Мэна и ваша

отеческая забота сотворили чудеса. Когда я два года назад познакомился с ним в Лондоне, вид у него был изможденный и осунувшийся. Я там снимался, и клуб «Трутни» устроил в мою честь обед, на котором председательствовал Фиппс. Конечно, мы подружились. Спелись, словно братья Уорнеры. Обаятельнейший малый. Вообще-то фамилия его Фотеринг-Фиппс, с черточкой посередке. А как, кстати, вы с ним встретились? От Лондона до Скивассетта путь долгий.

Мистер Андерсон был совсем не в настроении болтать с Мэрвином Поттером, да еще на такую противную тему. В манере его добавилось холодности.

— Видимо, вас это интересует, — начал он, — и у вас полно свободного времени для пустых разговоров, а у меня, должен заметить, все не так. Я… э… а…

— Попробуйте еще раз, с начала, — посоветовал Мэрвин. Мистер Андерсон медленно сосчитал про себя до десяти.

Доктор, тревожась за его давление, рекомендовал ему такое средство в минуты стресса. Когда какой-нибудь гад загоняет вас в угол, наставлял доктор, и под воротничком у вас становится жарко, самое главное — успокоиться. Иначе, объяснял все тот же доктор, вы попросту лопнете по швам, вас хватит удар. Не успеете вы проговорить «Эй, да что такое?», как у вас закружится голова, и вы навсегда распрощаетесь со своей суповой тарелкой. У этих медиков странная манера выражаться…

— Два года назад, — снова начал мистер Андерсон, чеканя слова, чтобы все было ясно и не пришлось повторять, — я познакомился с дядей Фиппса, лордом Бинхэмтоном. Лорд Бинхэмтон, — по-прежнему четко продолжал мистер Андерсон, — разводит сиамских кошек. В Бессемере проходил ежегодный съезд соответствующего общества. Лорд Бинхэмтон как раз находился в Нью-Йорке, у тестя, и решил поприсутствовать на съезде. Остановился он в моем отеле.

— А что, все другие были заняты? — удивился Мэрвин. Мистер Андерсон снова сосчитал до десяти, на этот раз — еще медленнее.

— Так мы познакомились. Он сказал мне, что у него есть в Англии племянник, для которого он старается найти работу, и убедил меня его нанять, — заключил мистер Андерсон, темнея лицом при воспоминании о том, на что толкнул его сладкоречивый сын Англии. Как и многие опрометчивые поступки, случилось это после обильного и вкусного обеда, от которого он размяк и был готов оказывать услуги всем подряд, а теперь дивился, как он мог это сделать даже и после Лукуллова пиршества.

Мэрвин покивал.

— Понятненько. Так вот оно как! А я удивился, когда встретил Фиппса здесь.

— Больше вы его здесь не встретите, — мистер Андерсон взялся за телефон. — Дайте мне портье… Фиппс? Это мистер Андерсон. Немедленно зайдите ко мне.

— Зачем он вам понадобился? — неодобрительно покачал головой Мэрвин. — Он ничего не сможет добавить к моему рассказу. Кроме того, ему требуется полный покой. У него голова трещит.

— Я постараюсь, чтобы она затрещала еще сильнее, — заверил Андерсон, мрачно кладя трубку.

Герой экрана наконец заметил его мрачность.

— Судя по некоторой сдержанности, вы недовольны Фиппсом.

— Вот именно.

— Вы считаете, что ночью он вел себя… э… фамильярно?

— Вот именно.

— И хотите уволить его?

— Точно.

Мэрвин весело рассмеялся.

— В ваших угрозах, Дж. Г., нет ничего страшного. Он крепко вооружен, и они легким ветерком пролетят мимо. Уволить его, ха-ха! Да, может, он сам поднимается сюда, чтобы плюнуть вам в глаз и протянуть заявление об отставке. Видите ли, он получил наследство.

— Что!

— От какого-то вроде бы дедушки, если я правильно понял. Миллионер, по-моему. Так что вы легко можете понять, почему он был несколько возбужден. Новость ему сообщили под вечер. Обручился я в тот самый день, а девушка моя, говоря по-старинному, настоящая душенька, так что и я был возбужден. Надеюсь, я не слишком сложно объясняю? Улавливаете картинку? Фиппс, с одной стороны, в отменнейшем настроении из-за своего неожиданного богатства, а я — с другой, в таком же настроении, потому что влюблен. Оба мы в отличнейшем настроении.

Если бы птичка, о которой мы упоминали раньше, случайно присела на подоконник и заглянула в окошко, то она заметила бы поразительнейшую перемену к лучшему после слова «наследство». Из угрюмой статуи Эпштейна хозяин превратился в мягкого, доброго Дж. Г. Андерсона.

— Ну и ну, — произнес он на манер лесной голубки, беседующей с лесным голубком. — Наследство! И большое?

— Такое, что и в мечтах не пригрезится. Потому-то он и подарил вам

лягушку. «Понимаешь, Поттер, — сказал Фиппс, ныряя под куст и появляясь с этим земноводным, если я не путаю ученых терминов, — тут прекраснейший экземпляр. Пригодится». — Ты хочешь взять лягушку себе? — спросил я. «Разумеется, — ответил он, прибавив, что намерен обучить ее простым трюкам и выступать с ней по телевизору. Но я отговорил его. «Зачем тебе дрессированная лягушка? — спросил я. — Ты богат. Прояви широту натуры. Прояви щедрость. Отщипни от своего богатства, Фиппс. Многие будут до смерти рады получить такую лягушку. Надо делиться, Фиппс, надо делиться». После короткого спора он принял мою точку зрения. Тут случайно всплыло ваше имя, и он согласился подарить лягушку вам, правда, добавив, что вы — отпетый мерзавец, которого в менее терпимом обществе давным-давно расстреляли бы на рассвете. Но все равно, прибавил он, ему нужнее. Да, умилился я, вот она, широкая душа! Ладно, а теперь мне пора бежать. Нужно съездить в Скивассетт, подкупить одежды. Я уже говорил, — осведомился Мэрвин Поттер, вставая из-за стола, — что наш мир — лучший из миров? Да? Тогда мне нечего прибавить. Самого доброго утра вам, Дж. Г. Андерсон!

3

Несколько минут после ухода посетителя мистер Андерсон сидел, погрузившись в раздумья. Мысли его занимал Сирил Фотерингей-Фиппс, но он не испытывал леденящего ужаса, нападавшего на него, когда он размышлял о нем прежде. Тогда у него возникало ощущение, что он исследует не душу Фиппса, а заглядывает в черную яму с шипящими змеями. Сейчас, словно парящие по воздуху пушинки чертополоха, в голову вплывали мысли о том, что, если ему пойдут навстречу, он, пожалуй, сможет распрощаться с отелем «Вашингтон» и городком Бессемер штата Огайо.

Городишки вроде Бессемера вполне милы, если они вам нравятся, но у них есть один недостаток — в зимние месяцы тут становится холодновато. У мистера Андерсона кровь с течением лет становилась все жиже, и его все больше тянуло на юг. Если ему удастся сбыть «Вашингтон», он купит уютную гостиничку где-нибудь во Флориде и будет уезжать отсюда еще до первого снега. «Приозерная» летом и гостиничка во Флориде зимой… чего еще желать человеку, страдающему ознобышами? И кому же еще сплавить «Вашингтон», как не амбициозному портье, который только что унаследовал состояние? В первый раз за это утро мистер Андерсон

обнаружил, что взгляды его целиком и полностью совпадают со взглядами Поттера. Да, и вправду, наш мир — чудеснейший из миров. Поттер ничуть не преувеличил его очарования.

Мистер Андерсон с головой окунулся в мечты и уже чуть было не замурлыкал веселенький мотивчик, когда, как случалось и прежде, раздался стук в дверь, на этот раз — робкий, умоляющий, словно бы царапался пес, вернувшийся в старый дом после ночного загула.

Вошел Сирил Фотерингей-Фиппс. Бочком, на чуть подкашивающихся ногах, как всегда в присутствии босса. Пусть на него и свалилось богатство, но Дж. Г. Андерсон все равно пугал его до посинения.

Высокий, стройный англичанин был именно того типа, который распространен в клубе «Трутни» на Довер стрит в Лондоне. Членом этого заведения он оставался до сих пор, хотя уже два года как встал под знамена мистера Андерсона. Характер у него был самый приятный, волосы — цвета сливочного масла, лицо — простодушное, симпатичное, того самого рода, который пробуждает в женщинах материнские инстинкты. Но такие свойства, как известно, — палка о двух концах. У мужчин-нанимателей, которых по утрам донимает печень, они вызывали раздражение. В дни, когда Дж. Г. Андерсон чувствовал себя плоховато, это приятное, почтительное лицо приводило его в ярость, о чем он мог даже и вслух упомянуть.

Однако в хорошее утро Дж. Г. утешался мыслью, что его портье, хотя и умственно отсталый, ниже морского моллюска, ушибленного в детстве, во всяком случае весьма декоративен.

Декоративным Сирил Фиппс был, что же касается разума, он первый согласился бы, что он не из тех, у кого затылок распух от мозгов. У одних — распух, у других — нет, с этим приходится мириться, сказал бы он. В Итоне его прозвали Простаком, и прозвище перешло и в Оксфорд, что там — в клуб «Трутни», где уровень интеллекта не особо высок. Простак. Чуть только взглянешь на него, сразу понимаешь — да, прозвище это правильно и неизбежно. «Mot juste»,[12] — говорите вы себе.

Солнечная улыбка далась мистеру Андерсону нелегко, но он силой вынудил непривычные к тому губы изобразить ее подобие. При воспоминании, что этот молодой человек посмел обозвать его нехорошим словом, улыбка начала было сползать, но Дж. Г. Андерсон, ухватив ее за самый кончик, водрузил на место. Он был полон решимости излучать тепло и ласку, пусть они хоть задушат его.

— Входите, Фиппс, входите! — радостно воскликнул он. — Слышал, у вас голова болит. Худо, худо. Вам надо бы взять выходной. Да вы

присаживайтесь, Фиппс, присаживайтесь. Я хочу побеседовать с вами, дорогой друг.

Простак сел, да и вряд ли ноги смогли бы удержать его дольше. Такая бьющая через край сердечность обескуражила его. С содроганием припоминая темные делишки минувшей ночи, он ожидал от хозяина особой язвительности. Хотя сам он не присутствовал при взрыве атомной бомбы на Бикини, но читал о нем, и ему рисовалось нечто подобное.

Ведь если припомнить все факты… После двух лет неизменной почтительности — «Да, мистер Андерсон», «Конечно, мистер Андерсон», «Совершенно верно, мистер Андерсон», «О, разумеется, мистер Андерсон», — он скатился с высоких стандартов угодливой корректности до того, что вломился в святилище, да еще всучил владыке лягушку, хотя никаких причин считать, что тот любит этих рептилий, у него не было. «Как пал ты с небес, Люцифер, сын зари!» — воскликнет Андерсон. Среди многого прочего.

Так думал он, и что же? Ошеломляющая сердечность могла бы вышибить из седла и человека покрепче.

— Сигарету, мой дорогой? — предложил мистер Андерсон после короткой паузы, в течение которой сокрушался, что из-за несметного богатства, свалившегося на портье, он лишен возможности запустить ему в голову серебряной чернильницей.

— Спасибо, нет! Правда, спасибо, — откликнулся Простак, принимая трубку мира. Наивная его натура с готовностью откликалась на доброту. Он успокоился, перестал теребить клубный галстук и приготовился поболтать. Видимо, он ошибался, предполагая, что наниматель послал за ним, чтобы выпотрошить голыми руками. По тому, как покатила беседа, больше было похоже, что мистера Андерсона одолело одиночество, с кем не бывает, он жаждал общения, и, пробежавшись по списку приятелей, воскликнул: «Фиппс! Вот кто мне нужен! Этот веселый остроумный юноша прямо сыплет забавными историями. Приглашу-ка я Фиппса, и мы с ним посмеемся. Говорите что хотите, но никто не сравнится со славным старым Фиппсом».

— Не хотите ли выпить? — осведомился мистер Андерсон со слащавой сердечностью.

Простак слегка содрогнулся.

— Нет, спасибо пребольшое. — Молодому человеку со слабыми мозгами не под силу кутить на широкую голливудскую ногу с субъектом вроде Мэрвина Поттера, он непременно почувствует что-нибудь на следующее утро. Простак предпочел бы, чтобы в его присутствии не

говорили о выпивке. Правда, тот, кто втыкал раскаленные иглы в его череп, взял на минуту передышку, но все же Простак еще не мог спокойно думать об алкоголе.

— Что ж, приступим к делу, — заявил мистер Андерсон, не любивший топтаться на месте. — Поттер сказал мне, что вы унаследовали деньги.

— Да, сэр…

— Большие деньги.

— Верно, сэр. От моего дедушки по материнской линии. Он… э… дал дуба в прошлую среду.

— Ай-я-я-яй!

— Да, сэр.

— Но, как ни крути, всякая плоть — трава.

— Точно, сэр.

— Сегодня мы здесь, а завтра — там, как говорится. Ваш дедушка американец?

— Да, сэр. Ну, в общем. Да, именно американец. Его звали П. Миддлмэсс Поскитт. Когда он наживал бешеные деньги, продавая бумажные выкройки, хотя как можно на этом нажиться, я не понимаю, он улучил время и произвел на свет двух дочерей — Эмералд и Руби. Эмералд вышла замуж за моего дядю Теодора. Вот я бы на это ни за что не решился, он прямо каймановая черепаха! В Англии его называют Бич.

— Как я понимаю, вы про лорда Бинхэмтона?

— Ну да. Ой, я и позабыл, что он ваш приятель! Обаятельнейший человек, наверное, когда отдыхает с приятелями. Но с этой стороны я его не знаю. Для меня с самого раннего детства он всегда был бесом в человеческом образе. Или злодеем из детектива. Прямо из Эдгара Уоллеса.

— Я думаю, он громче лает, чем кусает.

— Может быть, хотя точно сказать не могу. Не хочу зря наговаривать, меня он никогда не кусал, хотя иногда и казалось, вот-вот цапнет. Но я что-то начал вам рассказывать?

— Вы рассказывали, что у вашего дедушки было две дочери.

— А, ну да. Так вот, вторая, Руби, вышла замуж за моего отца, и у них родился сын, то есть я. Так странно!.. — продолжал Простак, обретя природную говорливость и глядя на Дж. Г. Андерсона как на старинного друга. — Вот уж не думал, что мне что-то перепадет. Я и дедушку-то толком не видел с четырнадцати лет, когда ходил в гольфах и прыщиках. И он никак не показывал, что подозревает о моем существовании. Сомневаюсь, чтобы букмекер принимал на меня ставки выше, чем тридцать к одному. Но вот как порой оборачивается, а? Поневоле

задумаешься.

Мистер Андерсон всем сердцем желал, чтобы его молодой гость прекратил трещать и дал ему возможность перейти к делу, но этим денежным мешкам приходится потакать, и он согласился, что да, призадуматься можно.

— А я вам еще одну странность расскажу, — не унимался Простак, истинная душа компании. — Верите ли вы в то и се?

— Э… Во что именно?

— Ну, в гадалок, в предсказательниц судьбы.

— В гадалок? Нет, не верю.

— Вот и глупо, дорогой мой хозяин, извините за выражение. Они, скажу я вам, не дуры. Как раз перед отъездом из Англии меня затянули на благотворительный базар, неподалеку от Уимблдона, и там была одна гадалка. Работала она в шатре, а мне жали ботинки, и я хотел передохнуть. Пришлось заглянуть туда и получить на пять монет предсказаний от этой цыганской сивиллы. Сидит за столом, а перед ней — хрустальный шар. Я тоже присел, чтобы дать отдых конечностям, а она сгребла мои пять монет и, поплевав на ладони, взялась задело. Вы меня слушаете?

Мистер Андерсон заверил, что весь обратился в слух, что, в общем, соответствовало действительности.

— Хорошо, подгребаю к сути. Сивилла, вглядевшись в хрустальный шар, заявила, что у меня редкостная душа и огромное обаяние, хотя люди, только что познакомившиеся со мной, не сразу способны оценить меня в полной мере, потому что у меня глубокий потенциал и скрытые глубины. Потом она затронула мое будущее, и вот тут-то я и получил с лихвой за свои пять шиллингов. Она предсказала мне долгое путешествие, светловолосую девушку, неприятности от неведомого брюнета и — внимание — кучу денег. В долгое путешествие я и правда отправился, сюда. И получил кучу денег. Так что осталась только девушка, правда?

Собрав всю волю в кулак, мистер Андерсон проговорил:

— Не-со-мне-нно.

— Без брюнета я вполне могу обойтись. Я думаю, брюнеты эти, если их задеть за живое, могут доставить кучу неприятностей. Но вот девушку… девушку мне очень хочется встретить. Прекрасную светловолосую девушку. Конкретно распространяться про нее цыганка не стала, но намекнула, что она, то есть девушка, по уши в меня влюбится. Бросится в объятия и воскликнет: «Суженый мой!» и тэ пэ. Что ж, это мне подходит. Всякому приятно, чтобы прекрасная девушка бросилась ему в объятия и воскликнула, правда?

Мистер Андерсон незамедлительно бы вызвал полицию, сделай прекрасная девушка хоть шаг в его сторону, но ответил: «Конечно».

Воспользовавшись тем, что его молодой друг завороженно уставился в пространство, он быстренько сменил тему, свернув на бизнес.

— Скажите-ка, а что вы думаете делать с этими деньгами? Вздрогнув, Простак очнулся, мягким движением снял прекрасную девушку, сидевшую у него на коленях и навивавшую прядку его волос на палец, и переспросил:

— А? С деньгами? Ах, с деньгами! Что я с ними думаю делать? Ну вообще-то, черт их дери, я еще и сам не знаю.

— Зато я знаю, — живо откликнулся мистер Андерсон. — Вы купите «Вашингтон».

— Вашингтон? — удивился Простак. Его мозги сегодня утром находились не в лучшей форме.

— Ну да!

— То есть ваш отель?

На секунду показалось, что мистер Андерсон позабудет всякую ласковость и гаркнет, что, естественно, говорит не о столице, и бросится рассуждать о тупых, как стенка, типах, до которых все доходит как до жирафа или до лягушки. Кстати, о лягушках…

Но минута слабости миновала. Мистер Андерсон снова пристроил на физиономию солнечную улыбку и с мучительной болью прикрепил ее к губам.

— Вот именно, отель. Вы там долго работали и, конечно, поняли, что это — золотая жила. Пожалуй, многие бы сказали, что только дурак расстанется с таким отелем, но так уж вышло. Я хочу проводить зиму на юге, и собираюсь купить отель во Флориде, в Палм Бич или Майами. В общем, где-то в тех краях. Но прежде надо продать «Вашингтон». Охотнее всего я продам его вам. Молодому человеку, которого я сам обучал. Естественно, — добавил мистер Андерсон, замечая, что вторая сторона переговоров по-прежнему похожа на куклу, а потому, скажем так, интеллекту собеседника требуется легкая пауза. — Я не жду, что вы примете решение с маху. Ступайте, обдумайте мое предложение, а потом мы продолжим разговор.

4

Когда Простак, покинув кабинет, очутился на свежем воздухе, голова у него шла кругом. Предложение Андерсона расширило его горизонты,

открыло новые перспективы. В первый раз с той минуты, как он получил письмо о неожиданном богатстве, он почувствовал то могущество, какое приносят деньги.

До этой минуты головная боль не позволяла ему глубоко задумываться, и он предполагал, что деньги, свалившиеся на человека, можно вложить в надежные ценные бумаги, а самому вернуться на прежнюю позицию, за стойкой портье, чтобы выдавать постояльцам ключи и письма. Простак давно понял, что не обладает никакими выдающимися дарованиями. Он — один из многих, и ему еще повезло, что он нашел хоть какую-то работу. Надо быть полным ослом, чтобы не приклеиться к ней крепче самого крепкого клея. Судьба сделала из него портье, и портье он должен оставаться.

Но мистер Андерсон объяснил ему, что такая пассивная, бесхребетная позиция недостойна богатого человека. Сделав свое поразительное предложение, Дж. Г. снял пелену с его глаз, и тут же нахлынули амбиции, желание вырваться из серого круга, зажить наполненной жизнью, как, например, Поттер. Они не очень часто встречались после знакомства в Лондоне, но этого хватило, чтобы прийти к убеждению: когда доходит до насыщенной жизни, Поттеру равных нет.

Когда Простак ступил на гравий перед главным входом, он услышал, что его окликнули, и, подняв глаза, увидел Мэрвина. Герой экрана сидел за рулем, раздавая автографы представителям своей публики.

— Привет! — воскликнул он, когда Простак подошел. — Как головка?

— А? Гораздо лучше. Спасибо. Не так болит.

— Счастлив слышать. Но отсутствие боли не объясняет сосредоточенного выражения твоего лица. Ты похож на «Пробуждение Души». Почему же ты, Фиппс, разгуливаешь с таким выражением?

— Я задумался.

— О чем?

Простак был счастлив довериться такому опытному человеку. Подсознательно он жаждал обрести советника, чьему суждению можно доверять. Не зная, что Америка наводнена отчаявшимися людьми, обращающимися за советом к Мэрвину Поттеру, он выложил историю о предложении Дж. Г. Андерсона, и Мэрвин с ходу высмеял такую идею.

— Купить его отель? — спросил Мэрвин.

— Да.

— Нечего тебе покупать паршивые отели! Ты этого не хочешь.

— Не хочу?

— Ну, конечно. Это бред какой-то. Ты просто выкинешь деньги на

ветер. Владельцы отелей всегда кончают драными носками и очередью за бесплатным супом. Их приканчивают накладные расходы. Даже бездонный кошелек не выдержит покупки новых запасов мыла и новых полотенец, взамен тех, что сперли постояльцы. Ты прямо удивишься, Фиппс, если я скажу тебе, сколько крадут мыла и полотенец. Я и сам их прихватывал во всех отелях, начиная со Скалистого Побережья в Массачусетсе и до Флориды, «Болотистого Штата», где водятся аллигаторы. А я не так уж склонен к воровству. Нет и нет! Надо придумать что-нибудь получше. Я не хочу, проезжая однажды вечером по Бауэри, увидеть бродягу, спящего в канаве, и с содроганием узнать в нем моего старого друга. Что ж, скажу тебе, как поступил бы я с таким богатством.

Это удивило Простака.

— А разве ты не богат?

— Ну, что ты! Мы, актерская братия, люди бедные. Нам выпадает несколько счастливых мгновений, когда мы считаем деньги в день выплаты, думая, что мы богаты. Но тут нам стучат по плечу, и позади оказывается джентльмен с бачками, готовый вывернуть нам руки. Он забирает у нас все, снимает с нас последнюю шкуру.

— Ты про налоги? Поттер покривился.

— Не произноси при мне, Фиппс, этого слова. Ты не желаешь мне зла, но невольно задеваешь за живое. Да, налоги, если уж ты настаиваешь.

— Наверное, они большие.

— Колоссальные! Добавь к ним еще непредвиденные расходы жизни на Золотом Западе. Пони для поло, яхта, плавательные бассейны, жены… То одно, то другое, а в сумме набегает… Мне пришлось удрать из Голливуда хоть на время, ради экономии. В Нью-Йорке, где соблазнов поменьше, я, может, сумею скопить небольшой запасец. Скоро я появлюсь на Бродвее.

— Да, мне кто-то говорил. Спектакль, конечно, будет иметь успех.

— Естественно.

— Я хочу сказать, у тебя полно поклонников.

— Полчища. В основном, женщины. Леди меня обожают, Фиппс. И разве их можно винить, бедных дурочек?

— Наверное, это учитывают?

— А то как же! Завоюй женщин, и дело в шляпе. В театре не будет ни единого свободного местечка. Да, я как раз собирался тебе сказать. Вполне очевидно, как ты должен распорядиться богатством. Вложи деньги в мой спектакль. Ты мне нравишься, Фиппс, и я хочу, чтобы ты удвоил свое состояние. Да что там! Утроил. Когда волосы у меня поседеют, а профиль

испортит пара лишних подбородков, я смогу обратиться за пропитанием к тебе. «Леман Продакшнс Инкорпорейтед» — вот кто заправляет этим рискованным предприятием. Хотя почему рискованным? Железный проект. Я уверен, Леман будет рад продать тебе кусочек. Поезжай в Нью-Йорк, к нему. Ты станешь кем-то вроде менеджера. Делать тебе ничего не придется — посиживай себе в кресле, смотри, как другие трудятся, да огребай огромную прибыль. Идеальная, по-моему, жизнь. Так что беги скорее и скажи Андерсону, что сделка отменяется, потому что ты решил вложить свои миллионы в театр. Ну а теперь, — прибавил Мэрвин, — вынужден с тобой распрощаться. Еду в Скивассетт купить одежки, сколько уж там найдется. До свидания, Фиппс. Встретимся при Филиппах. Мы с моей невестой летим после ланча в Нью-Йорк, репетиции уже начались, и мое место там. Когда встретимся снова, надеюсь, ты уже станешь настоящим менеджером. Буду касаться шляпы, здороваясь с тобой, и называть тебя «сэр».

И, подписав еще пару автографов для своей публики, случайно прогуливавшейся мимо, Мэрвин Поттер отбыл, весело махнув рукой.

Несколько минут Простак стоял на гравиевой дорожке, взвешивая все «за» и «против». Как и Андерсон, Мэрвин Поттер расширил его горизонты и открыл новые перспективы. Пока кинозвезда говорила, в нем вспыхнул дух авантюр; но постепенно стал затухать.

В конце концов, рассудил он, «Вашингтон» — родное место, безопасная гавань. Не опрометчиво ли бросить ее ради неведомых морей? Да, опрометчиво. Направляясь к офису мистера Андерсона, Простак решительно склонялся к тому, чтобы принять предложение босса. Мрачный взгляд Мэрвина на отельный бизнес несколько поколебал его, но теперь на троне вновь воцарился Разум.

Все-таки Мэрвин исказил факты. Простак проработал у Андерсона достаточно долго, чтобы понять — джентльмен этот весьма зажиточен. Тому, кто прослужил в его караван-сарае два года, очевидно, что, даже учитывая мыло и полотенца, доходы у Дж. Г. весьма недурные. Ел он дорогие яства, носил дорогие одежды, покупал дорогие машины и курил сигары по доллару за штуку. Сомнений не оставалось: человек этот живет в роскоши, и любой, кто станет его преемником, тоже будет жить неплохо.

Когда вошел Простак, мистер Андерсон как раз курил долларовую сигару. Он вскинул глаза и просиял прежней дружелюбной улыбкой.

— А, Фиппс. Вернулись?

— Да, сэр.

— Как себя чувствуете? Получше?

— Да, сэр.

— Ну и отлично. Вы застали меня буквально чудом. Мне нужно ехать в Скивассетт, повидаться с моим адвокатом. Но я могу назвать вам несколько цифр. Вот, например, за год, закончившийся 31 декабря… — И мистер Андерсон принялся выстреливать цифрами, будто гейзер.

Для Простака они ровным счетом ничего не значили, но по тому, как его наниматель обкатывай их на языке, словно дорогой портвейн, он заключил, что суммы достаточно соблазнительны, и последние его сомнения улетучились. Когда мистер Андерсон, сделав паузу и опустив листок с записями, спросил:

— Ну как?

Простак без малейших колебаний ответил:

— О, что там! Здорово!

— Недурственно, а? — не отставал мистер Андерсон.

— Это точно.

— Так что, желаете купить «Вашингтон»?

— О, безусловно!

— Тогда вот вам мое предложение. Я продам его за сто тысяч долларов.

Простаку показалось, будто его внезапно хлестнули по лицу мокрым полотенцем, что очень и очень неприятно. Еще ему показалось, будто его лягнул в живот на редкость сильный мул. Он хватанул ртом воздух, забулькал, споткнулся и принялся теребить клубный галстук «Трутней».

— Сто тысяч?

— Сто тысяч.

— Да, черт возьми, у меня их нет!

— Хм, а сколько же у вас есть?

— Двадцать две тысячи 18 центов.

Мистера Андерсона затрясло с головы до ног. Он утратил всякую солнечность. Пришел конец пиру любви. Взгляд, каким он пронзил своего портье, был тяжелым и укоризненным. Именно такими взглядами владельцы отелей пронзают портье, когда те морочат им голову, валяют дурака, тратят попусту время и пробуждают надежды, чтобы тут же начисто разбить их. Даже когда ему сунули лягушку в три часа ночи, и то Дж. Г. не испытывал такого острого отвращения к своему молодому подчиненному.

— Двадцать две тысячи? — хрипло промычал он.

— И 18 центов. Видите ли, — пустился в объяснения Простак, —

главный куш отхватил, конечно, мой дядя Теодор. Почти все нажитое имущество из старого сундука отошло ему. В конце концов, он ведь был зятем старику и постоянно общался с ним. Ежегодно навещал его в Нью-Йорке, хлопал по спине, интересовался: «Ну как оно все?» — а я…

Мистер Андерсон медленно считал про себя.

— Десять! — выкрикнул он, добравшись до этой цифры, И со странной ласковостью проговорил:

— Фиппс…

— Слушаю!

— *Вы* заняты?

— Да нет, не очень.

— Тогда я хочу, чтобы вы кое-что для меня сделали. Быстрым жестом мистер Андерсон указал на открытое окно, из которого открывался превосходнейший вид на озеро Скивассетт.

— Это не отнимет много времени. Видите озеро? Простак ответил, что озеро он видит.

— Ну, так вот, я хочу, чтобы вы взяли лодку и поплыли по озеру. Отгребите от берега ярдов на двести… Там глубоко?

— Да, очень.

— Вот и прекрасно. Отгребите, значит, ярдов на двести, а потом привяжите на свою чертову шею чего потяжелее и утопитесь! Всего хорошего, — пожелал на прощание Андерсон и вылетел из комнаты. Он уже опаздывал на встречу с адвокатом.

Простак распрямился. Человеком он был мягким, но что-то в словах мистера Андерсона, а может — в его тоне, глубоко оскорбило его. И когда тот вновь появился в дверях, Простак не то чтобы метал искры, не так-то уж легко таким глазам их метать, но держался все-таки холодно.

— Да, забыл, — проговорил мистер Андерсон. — Вы уволены! Если я увижу вас снова, то убью хоть штопором, если ничего другого не подвернется.

Простак хрипло рассмеялся. В глазах у него зажегся странный свет. Он принял решение: надо внять замечательнейшему совету Мэрвина и принести театру немного пользы. Нет, как он мог польститься на такое дурацкое место, когда перед ним открывалась столь сверкающая стезя!

— Вот как? — спросил он. — Я уволен? Тогда, может, вам интересно, что, если бы вы не удрали, как ошпаренный кот, я уже подал бы заявление об уходе. И если желаете знать, что я собираюсь делать…

— Вот уж нет!

— Я стану управляющим.

— В отеле?

— В театре. Займусь, как говорится, шоу-бизнесом.

— Помоги ему Бог, бедному! — воскликнул мистер Андерсон и исчез вновь, на этот раз — окончательно.

5

Мучительная эта сцена случилась в понедельник. Правильно решив, что ничто не удерживает его, Простак вечерним же поездом уехал из Скивассетта и прибыл в Нью-Йорк во вторник, к позднему завтраку в отеле рядом с Мэдисон-авеню. Отель этот был ему первым домом, когда он приехал в Америку два года назад.

В поезде, как и во всех американских поездах, сильно трясло и качало, Простак был вялый, измученный, и только поспав днем и приняв освежающий душ, счел, что в состоянии выйти и полюбоваться видами Нью-Йорка.

Первым видом, которым он смог полюбоваться, был вид Мэрвина Поттера. Герой экрана стоял на углу Мэдисон-авеню и 65-й стрит, подписывая автограф маленькой девчушке с хвостиками-косичками.

— А-а, Фиппс! — сердечно окликнул он, когда Простак приблизился. — Вот ты и объявился! Я вроде уже говорил тебе, что мы живем в чудеснейшем мире. Особенно меня пленяет то, что в нем повсюду Фиппсы. Куда бы ты ни двинулся — на север, на юг, на восток, на запад, — всюду наткнешься на Сирила Ф.-Ф. Присоединюсь к тебе через минутку.

Он нацарапал свое имя в захватанном альбоме, и девчушка исчезла в неизвестности. Мэрвин провел усталой рукой по лбу.

— Я, Фиппс, человек публичный, что поделать! — вздохнул он. — Как утомляет постоянное общение с нескончаемым потоком поклонников! Нет, против поклонников я, в общем, не возражаю, но есть такие субъекты, в чей молочный коктейль меня так и тянет капнуть редкого азиатского яда. Они требуют у меня автограф, искренне полагая, что я — Грегори Пэк. Автографы этого Пэка продаются на черном рынке по 40 центов за штуку, а вот мои идут по четвертаку. Меня просто мутит, когда эти молодые рептилии охают со скрытой досадой, увидев, кто на самом деле расписался. Ладно, давай сменим пакостную тему. Итак, вот ты и в Нью-Йорке. Ах, Нью-Йорк, Нью-Йорк, центр вселенной! До отъезда в Голливуд я был бриллиантом в его короне и надеюсь стать им вновь, когда спектакль пойдет в сиянии славы.

— Ты, наверное, уже репетируешь?

— Весь день. Сил никаких нет. Репетиции — такая тягомотина.

— Очень нудно, да?

— Да уж, скучища. Все время приходится ловчить, крутить, чтобы внести хотя бы немного огня. Но, кажется, забрезжил выход. Сегодня на репетиции сидел один толстый дядька. Во время всех моих крупных сцен он крепко спал. Завтра, если он явится и посмеет заснуть, я подожгу ему ногу.

— А что это такое?

— Ну и ну, — изумился Мэрвин, — ты два года в Америке и до сих пор не узнал, что это такое? Да у нас детишки в детском саду прекрасно поджигают ноги. Берешь самую обыкновенную спичку, оглядываешься вокруг и как только замечаешь друга или приятеля, который на тебя не смотрит, всовываешь ему спичку сбоку, между носком и ботинком, и поджигаешь ее, а там уж дело продолжит природа. Проще простого. Надо было испробовать это на Дж. Г. Андерсоне. Как, кстати, ты с ним расстался? Он, наверное, головой потолок прошиб, когда ты сообщил ему, что не станешь покупать этот тухлый отель?

— Да, раскипятился немножко.

— Пари держу, взбесился, как мокрая курица. Сам знаешь, что творится с курами, когда они промокнут. А Лемана ты уже видел?

— Думаю позвонить ему завтра.

— А сегодня вечером что? Какие у тебя планы?

— Да вроде никаких.

— Вот и чудесно. Давай, заходи ко мне, пообедаем вместе, а?

— С удовольствием.

— Моя невеста сегодня отправляется то ли на танцы, то ли на какой-то раут в Кинг-Пойнт, на Лонг-Айленде, она там живет. Твое славное общество мне и требуется, чтобы повеселиться. Отправимся с тобой в какой-нибудь тихий ресторанчик. Заходи ко мне часов в восемь в «Ренфу» на 66-й Ист-стрит, я там снимаю скромную квартирку. Одеваться к обеду не надо. Кстати, Фиппс…

— Да?

— У тебя есть мой автограф? Нет? Без него ни один молодой человек просто не может начинать новую жизнь. Вот, возьми. Носи его у сердца. Или продай за четвертак, как тебе больше нравится. Что ж, оревуар. В «Ренфу», ровно в восемь, — заключил Мэрвин. — Три коротких звонка, а потом просвисти первые такты гимна.

И он, благосклонно кивнув, удалился, а Простак отправился гулять, с

удовольствием попыхивая сигарой, которую купил в отеле, и наслаждаясь прохладой, повеявшей с приближением вечера. Он радостно предвкушал завтрашнюю встречу с Леманом из «Леман Продакшнс». Не зная точно, в котором часу театральные менеджеры готовы к просьбам о встрече, он пожалел, что не проконсультировался с Мэрвином, но решил, что в половине третьего, после того как Леман неспешно съест ланч, будет в самый раз.

Предвкушал Простак и обед с Мэрвином. Он подумал было, что опасно общаться с таким своеобразным субъектом, но отбросил эту мысль. Даже Мэрвину Поттеру, решил он, вряд ли удастся внести своеобразие в спокойный обед в тихом ресторане. Он еще не знал, что нет таких публичных мероприятий, какие Мэрвин не сумел бы расцветить эксцентричными вариациями. Как раз в ту минуту его неспешной прогулки, когда он размышлял о достоинствах Мэрвина, а заодно и Лемана, он узрел то, что побудило его круто обернуться. Сигара застыла в его губах, а впечатлительная душа взбурлила, точно цистерна, пробитая молнией.

— У-уф! — выдохнул он, покачнувшись.

Узрел он спину девушки в бежевом наряде. Она разглядывала витрину, и вид ее пробрал Простака до самых печенок. Вид сзади, разумеется, еще не все, и человек благоразумный воздержится от суждений, пока предмет восторга не повернется лицом, но тем не менее он застыл, пораженный в самое сердце. Его охватило чувство, которое время от времени навещает каждого из нас, наивысший пик его жизни. Сейчас ему суждено пережить величайшее духовное озарение.

Смутно ощущая, что в такой священный момент человеку тонких чувств не надо пыхтеть толстой сигарой, Простак поскорей отшвырнул окурок и застыл каменным изваянием.

— О, Господи милостивый! — воскликнул он.

Поглощенная созерцанием девушка восклицания не услышала. Она пришла от самого Бродвея, чтобы полюбоваться на эту витрину, и ее не могло оторвать даже упоминание Бога.

Эйлин Мур принадлежала к классу девушек, получающих от 50 до 60 долларов в неделю, а потому большинство ее покупок ограничивалось созерцанием витрин. В ясные вечера, закончив работу, она обычно шла через весь город и устраивала пиршество, любуясь на витрины Мэдисон-авеню. Заведение, перед которым она стояла, принадлежало сейчас Норин О'Хара и торговало шляпками. Девушка тоскливо и мечтательно рассматривала шляпку, похожую на фруктовый салат, всей душой желая

купить ее. Ах, если б у нее были деньги! В этот миг до ее руки дотронулся чей-то палец, и кто-то произнес:

— Простите…

Обернувшись, она увидела, что в ее жизнь вошел стройный молодой человек с кремовыми волосами и открытым милым лицом.

— Простите! — повторил он.

— Да? — отозвалась Эйлин.

Говорила она не без суровости, а ее красивые глаза глядели строго. Она терпеть не могла волков, и хотя молодой человек на волка похож не был, она достаточно долго зарабатывала на жизнь в Нью-Йорке и узнала, что многие волки, и очень хищные, разгуливают в овечьей шкуре, обманывая глаз открытыми милыми лицами.

Поэтому тон ее был весьма прохладным, в нем слышалась скрытая угроза. Прохлады и угрозы было бы гораздо больше, не пробуди в ней лицо Простака материнского инстинкта.

Мы уже упоминали, что именно так Простак нередко действовал на женщин. Даже глядя на него тем взглядом, каким Джек Дэмпси, бывало, смотрел на противника, она ощущала, что ее так и тянет погладить его по голове.

Простак ничуть бы не возражал, подчинись она этому желанию. Когда он увидел ее лицо, кипение в глубинах души ничуть не ослабело, скорее, усилилось. Вид сзади был неотразим, но вид спереди оказался еще лучше. Единственного быстрого взгляда оказалось достаточно, чтобы понять: из девушек, которых он встречал в своей жизни, эта превосходит всех. Никогда прежде не влюблялся он с первого взгляда с такой страстью, даже три года назад, когда вошел в бакалейную лавку с Кэтикетом,[13] то есть с Пибрайтом, и увидел Анджелику Бриско, дочь священника в Мейден Эггсфорд, покупающую бекон с прожилками сала.

Пыл его чувств удивил бы многих из окружения Эйлин, в первую очередь — ее нанимателя. Если бы вы попросили его дать словесный портрет его секретарши, то он ответил бы: «Да так, ничего особенного. Девушка как девушка», — сказал бы он. — Ну, смазливенькая блондиночка, с голубыми глазами, таких вокруг полно».

Но Простак видел эфирного духа, фею красоты. Таращась на нее, он дивился — неужели ему когда-то нравилась Анджелика Бриско? Он снял шляпу перед той цыганкой. Вот она, думал он, та прекрасная светловолосая девушка, после которой для него исчезнут все девушки на свете.

Если он и мог найти недостаток в ее внешности, то это была бы

излишняя суровость взора. Но даже и суровый взор ослеплял его. Что уж говорить о носике, вздернутом так мило, и о несравненных, невиданных губках! Они могли улыбаться очаровательно, с приветливой теплотой, но в данный момент были стянуты в жесткую прямую линию и едва приоткрылись, когда она снова задала свой вопрос.

— Да? — повторила Эйлин. — Чем могу помочь, братец? Хотите продать мне Бруклинский мост?

Простак понял — произошло недоразумение. Владельцем Бруклинского моста он не был, о чем так прямо и сказал.

— Нет? — уточнила Динти. — А чем же еще вы владеете, кроме нахальства?

Простака внезапно поразила неловкая мысль. Особой интуицией он не обладал, но выводы делать умел.

— Неужели вы злитесь оттого, что я заговорил с вами?

— Да, мне немножко неприятно.

— О, Господи! Мне ужасно жаль. Ни за что бы не стал, но возникла довольно серьезная ситуация, и я подумал, нужно бы ее прояснить.

— Слушаю.

Простак привел в порядок мысли, насколько позволяли эмоции.

— Понимаете, дело в том, что… я остановился в отеле за углом…

— Неплохое местечко?

— Да, ничего себе.

— Там удобно?

— Да, сносно.

— Вот и хорошо. Счастлива слышать. Так вы говорили?..

— Я вышел прогуляться и купил сигару в отеле.

— Хорошая сигара?

— Очень!

— Прекрасно. Продолжайте. Когда же мы доползем до вашей серьезной ситуации?

— Сейчас, сейчас. Видите ли, я курил эту сигару, а потом выбросил ее так, не глядя…

— Как мальчик, который пустил в воздух стрелу. Помните? Стрела упала на землю, а где — он сам не знает.

— Упала? Да, вполне понятно. Бывает. Но между той стрелой и моей сигарой есть существенная разница. Моя сигара упала не на землю, а на вашу шляпку.

Теперь он завладел ее вниманием.

— На мою шляпку!

— Ну да. И мне все больше кажется, что ваша шляпка горит.

— То есть вы хотите сказать, что в любой момент могу загореться и я?

— Вполне возможно.

— Почему же вы не сказали мне сразу?

— Я подбирался к этому исподволь.

— Зачем? Такие вещи надо узнавать сразу. Ну-ка взгляните, — попросила Эйлин, наклоняя головку.

Простак извлек сигару, отшвырнул ее, угодив в случайного прохожего, сказал «pardon» и сообщил:

— Вроде вы перестали дымиться…

— Это хорошо.

— Но боюсь, ваша шляпка уже не та, что было. На ней выжглось большое пятно. — Взгляд его упал на витрину Норин О'Хара, и на него снизошло вдохновение. — Ой, вот что! Позвольте мне купить вам другую!

— Ну, нет! Так нельзя! Не беспокойтесь.

— Как это — не беспокойтесь? Я не могу губить шляпки направо и налево. Если пожелаете, я куплю вам дюжину.

— А вы кто, великий Гэтсби?

— Гэтсби? Нет. Меня зовут…

— Я имею в виду — вы что, миллионер?

— Ну, я получил довольно большие деньги. Мой дедушка со стороны матери недавно откинул э… ласты и оставил мне значительную сумму.

— Понятно. Что ж, в таком случае — большое вам спасибо. Только возьмем дешевую.

— Что вы! Самую дорогую, какая есть в магазине.

И Простак властно ввел ее в лавку Норин О'Хара.

Норин повела себя очень дружелюбно и приветливо. После сообщения Простака, что леди требуется шляпка, она встрепенулась и ринулась помогать, а когда он добавил, что цена не имеет значения, рвению ее не было предела. Она суетилась, демонстрируя одну шляпку за другой, но Эйлин одобрила лишь ту, которая напоминала фруктовый салат. Когда она надела ее и вышла, Простак затрепетал до самых кончиков замшевых туфель. Он и не подозревал, что сияющая красота может засиять еще ослепительнее из-за какого-то салата.

— Что ж, снова большое спасибо, — поблагодарила его Эйлин. — Если бы вы знали, как я ненавидела свою старую шляпку! Но думала, что носить ее мне придется до скончания века. Ох, я чувствую себя прямо как девушка, которой подарили меховую шубку только потому, что она стояла у мехового магазина, трясясь от холода и клацая зубами. Это вовсе не в

моих правилах, но я рада, что так получилось, — заключила она, заметив, что ее спутник добродушно посмеивается.

Простак объяснил причину своего веселья.

— Меня насмешило довольно странное совпадение. Мне вдруг пришло в голову, что уже второй раз за два дня я попадаю на пожар.

— И это вас смешит?

— Немножко.

— Вас, наверное, так же легко рассмешить, как публику в студии. А что произошло в прошлый раз?

— Я спас одного человека из горящего бунгало. Выхватил из пламени, можно сказать.

— А теперь выхватили меня. Поостерегитесь, не то это войдет в привычку. Ну, мне пора.

— Неужели?

— Да, у меня встреча очень далеко от центра.

— Ах ты, Господи! Что ж, вызову вам такси.

— Уж эти мне миллионеры! Я не езжу в такси. Я езжу в автобусе.

Девушка легко прыгнула в автобус, как раз притормозивший у бровки, а когда тот отъехал, Простак захлопал глазами ему вслед, и челюсть у него отвалилась, что пробуждало в Дж. Г. Андерсоне самые зверские чувства. Ему только что пришло в голову, что, встретив свою прекрасную девушку, как и предсказывала сивилла, он совсем упустил из виду, что надо бы спросить ее имя, адрес и номер телефона. А теперь она уехала, унесенная ветром, и он никогда ее не увидит. Корабли, разминувшиеся в ночи, подумал он. Да, точно, два чертовых корабля, разминувшихся в треклятой ночи.

Мэдисон-авеню запрыгала у него перед глазами. Никогда прежде не видел он такого прыгучего проспекта.

6

Вечером, в восемь часов, перед дверью квартиры Мэрвина Поттера предстал мрачный байронический Простак, с сердцем, отягченным грузом страданий, и душой в сплошных ранах. Чем больше он размышлял о дневном происшествии, тем больше негодовал на то, что у судьбы нездоровое чувство юмора. Подразнила его единственной девушкой в мире, просто подсунула ее, а потом мигом вырвала как раз в тот миг, когда, казалось, все пойдет счастливо. Крайне вульгарная шутка. Теперь он

понимал лебедя в Бинхэмтон-Холле. Когда-то, в двенадцать лет, он протягивал злосчастной птице кусочек сдобной булочки на бечевке, и проворно отдергивал всякий раз, как та нацеливалась его схватить. Лебедь, помнится, страдал, а Простак заливался хохотом. Теперь, став жертвой подобного обращения (конечно, на духовном уровне), он сгорал от стыда.

— Ну, что ж, — сказал он себе, или что-то в этом роде, и нажал звонок. Послышались шаги, дверь отворилась, и его тяпнул за правую штанину большой густо-желтый пес, плавно перескочивший порог.

— Ай! — завопил Простак, на минутку позабывший свою несостоявшуюся любовь.

Мэрвин, следовавший за псом, сердечно приветствовал его. В руке он держал бокал, наполненный янтарной жидкостью, из которого и отхлебнул.

— Привет! Это ведь Фотерингей-Фиппс, верно?

— Да.

— Тот самый Фотерингей, о котором столько говорят? Глазам своим не верю! Ах-ах-ах! — болтал Мэрвин. — Нынешний день, да, нынешний день — он лучше рая. Какая честь! Входи и выпей.

— Я бы с удовольствием, но тут твой пес вцепился мне в ногу.

Мэрвин прищурился.

— Хм, да. Ты абсолютно прав. Мой пес просто лев, а не собака. Зовут Тюльпан. Какой же ты наблюдательный! Другие бы и не заметили.

Простак, последовавший за хозяином в гостиную, почувствовал, что к душевным мукам примешивается легкое беспокойство. Ему стало очевидно, что его приятель, измученный долгой дневной репетицией, поддался своему низшему «я», и уже значительное время пьет, точно пылесос. Если уже не в стельку пьян, то сильно навеселе. Осталось только надеяться, что он не достигнет агрессивной стадии. Не хотелось бы находиться поблизости от такого крупного и мускулистого субъекта, когда им овладеет агрессия.

Пока что Мэрвин был само дружелюбие. Он всучил стакан Простаку, освежился щедрым глотком и стал увлекательно рассказывать о жизни в Голливуде, сыпля забавными байками о других звездах и студийных чиновниках.

— Тебя, Фиппс, когда-нибудь припирал в угол оскорбленный чиновник? Нет? Ну, что же ты! Таким опытом следует обзавестись каждому молодому человеку. Очень расширяет кругозор и помогает лепке характера. Прекрасно помню тот день, когда я брел через джунгли на съемочной площадке «Метро Голдвин», а прямо на меня как выскочит из

рощицы Луис Б. Майер. Он ухитрился каким-то образом сбежать из офиса, где его держат, и по сверкающим его глазам и мокрому подбородку я увидел, что он уже отведал крови. К счастью, при мне было ружье для охоты на слонов, а со мной рядом — мой преданный туземец-носильщик… — Взгляд Мэрвина стал блуждающим. — Что ж, спокойной ночи, — сердечно пожелал он и мгновенно заснул.

Простак осмелился тронуть его за руку.

— Послушай-ка… Мэрвин открыл глаза.

— У меня даже шкура висит в Беверли Хиллс, — завершил он повествование.

— Послушай!

— Да, Фиппс?

— Поздновато уже. Может, нам пора обедать?

— Обедать? — Мэрвин уставился на него. — Ты что, хочешь есть?

— Ну да.

— Ничего ты не хочешь. Сядь! — громоподобно рявкнул Мэрвин.

Простак сел. Хозяин явно достиг той стадии, какой несчастный гость надеялся избежать, и он поймал себя на мысли, что лучше бы ему подружиться с менее знаменитой звездой.

— Обед! — проговорил Мэрвин и добавил: — Фу! — после чего снова закрыл глаза и опять погрузился в освежающий сон.

По тону, каким он проговорил эти слова, Простак понял, что Мэрвин не очень высокого мнения о еде, но разделить такое безразличие не мог. Он с самого завтрака ничего не ел, и с каждой минутой все больше ощущал потребность подкрепиться. Когда желудок начал издавать глухие жалобные шумы, ему пришла в голову замечательная идея — воспользоваться сном хозяина, тихонько убраться из дома и поесть где-нибудь в одиночестве. Если приятель приглашает вас на обед, рассудил он, то, естественно, вы сидите у него, пока он не подаст сигнал, но если у хозяина нет намерений подавать такой сигнал и, судя по его поведению, никаких калорий от него не дождаться, то человек вправе считать себя свободным и отправиться на поиски еды. Сама Эмили Пост, не сомневался он, одобрила бы такое мнение.

Осуществляя намерение, Простак встал, намереваясь улизнуть, но комнату тут же огласили странные булькающие звуки, как будто бы какой-то гигант поблизости стал полоскать рот. Между Простаком и дверью вырос Тюльпан, многозначительно глядя на гостя. Даже начинающий физиогномист не затруднился бы разгадать его выражение — пес готов быстро реагировать на любые подозрительные выходки. То, что желание

Простака покинуть дом подпадало под эту категорию, было очевидно до тошноты.

Простак попытался найти нужные слова.

— Хороший песик, — проговорил он. — Ты ведь меня пропустишь?

Зверь быстро изобразил обезумевшую ищейку, подавившуюся рыбной костью.

— Да ладно-ладно, — чуть неуверенно пробормотал Простак, — я же просто спросил.

Было без четверти девять. В четверть двенадцатого Мэрвин сел и потянулся, свежий и отдохнувший.

— Хорошая штука сон, — провозгласил он, потянувшись к графинчику и наливая себе аперитив. — Как говорится, он штопает дыры забот и скорбей. А как там мой старый Фиппси?

— Да ничего, — отозвался Простак, весьма вольно толкуя факты.

— Повеселился, пока я дремал? Потолковали с Тюльпаном о том, о сем? Прекрасный пес, верно?

— О, да! Чудесный. А он безопасен?

— Ну что ты, конечно, он в полной безопасности. Вряд ли найдется такой осел, чтобы нападать на Тюльпана. У него силы на десятерых, потому что он чист сердцем. Ладно, Фиппс, а ночка-то катится. Может, выйдем, взглянем, что нам может предложить город? Мне говорили, что стоит навестить кабаре в «Пьяцце».

— Это было бы здорово!..

— Ну, так отправились. Тюльпан, за мной!

— Собаку в «Пьяццу» не пустят.

Мэрвин нахмурился. Глаза его сузились, точно у героя вестерна, столкнувшегося с угонщиками скота. Властного человека больше всего раздражает, когда кто-то пытается командовать им.

— Как это, не пустят? — пронзительно взглянул он на Простака. — А кто? Ты?

— Нет, что ты!

— Честное слово, кто-то это сказал, — озадачился Мэрвин. — Игра акустики, не иначе. Ну, двинулись! Тюльпан, к ноге! Следующая остановка — «Пьяцца».

Посмотреть на представление кабаре в «Пьяцце» собралось много кутил. В зале «Шампанское» яблоку было негде упасть, но силой своего обаяния Мэрвин Поттер раздобыл столик у самой площадки. После довольно колкого спора Тюльпана водворили в гардеробную, на

специальную подстилку. Официант принес меню, и желудок Простака поздравил хозяина, как и подобает желудку, предвкушающему счастливую развязку.

Взмахом руки Мэрвин отослал официанта.

— Еды не надо, — распорядился он. — Только бутылку шампанского.

Простак почувствовал, как его желудок вскочил на ноги, в изумлении вздернув брови.

— Э, послушай, — проблеял он, — я бы съел почек или бифштекс. Или еще чего-нибудь.

— Нет, не съел бы. Почки? Бифштекс? После нашего роскошнейшего обеда? Фиппс, ты не должен поклоняться желудку, — укорил его Мэрвин. — Поставьте бутылку подальше от моего друга, — добавил он, когда официант принес шампанское. — Он у нас симпатичный, — доверительно пояснил он официанту с присушим ему обаянием, — но, видите ли, не знает меры. Хлебает с самого завтрака. Один бокал, Фиппс, так, для компании. Но не больше.

— Ты послушай…

На лице Мэрвина опять проступило опасное выражение.

— Надеюсь, ты не собираешься затевать спор?

— Нет-нет.

— Ну и отлично. — И Мэрвин задремал.

Простак решил, что наступило время завершить встречу. От дальнейшего общения с крепко выпившим идолом экрана он не видел ни удовольствия, ни выгоды. Ему нестерпимо захотелось удрать.

Готовясь подняться, он подтянул ногу, и что-то невидимое тут же вцепилось в нее крепкими зубами. Пренебрегая опасностью — а вдруг рассердится? — Простак потряс друга за плечо.

— Да? — шевельнулся во сне Мэрвин. — А, Фиппс, привет. Я так и думал, что наскочу на тебя здесь. А кто это с тобой? Фотеринг? Как делишки, Фотеринг? Кстати, я только что вспомнил кое-что полезное. Когда на вас нападает чиновник, смотрите налево, отпрыгивайте направо. Это его одурачит.

Простак поблагодарил, сказав, что непременно возьмет совет на заметку.

— Меняя на минутку тему, — сказал он, — твой пес сейчас под столом. Он вцепился мне в ногу.

Приподняв скатерть, Мэрвин проверил его слова.

— А ведь ты совершенно прав. Он там. Привет, Тюльпаша! И снова погрузился в сон.

Танцы и песни немножко скрасили Простаку вечер, надо ведь как-то отвлечься. Смотря представление. Простак до какой-то степени сумел пренебречь сварливыми стонами желудка. Мэрвин все спал. Но сон его был недолог. В каждом кабаре есть номер, когда хористки кидаются разными предметами в зрителей. Был он и тут. Через некоторое время ватный снежок, неотъемлемая часть номера «Зима», угодил Мэрвину в закрытый глаз. Когда он открыл глаза, другой мазнул его по кончику носа. Хористки заметили, что этот гость спит, и не стали растрачивать реквизит на более оживленных клиентов.

Песенка «Мы сражаться не хотим, но уж если мы начнем, бе-е-регись!», казалось, написана специально для Мэрвина. Оставьте его в покое, и он вас не будет трогать. Как говорится, сердцем за мир. Но если кто предполагает, что ему недостает гордости и боевого задора, он сильно ошибается.

— Ну, хватит, — сдержанно заметил он, и те, кто знал его хорошо, могли сказать, что больше всего его следует опасаться, когда он говорит мрачным, сдержанным тоном.

Мэрвин приподнял скатерть. Оттуда вопросительно выглянула шафрановая морда. Он махнул рукой в направлении хористок, которые проделывали что-то таинственное с белоснежными туфельками.

— Ату их, Тюльпан! — приказал хозяин.

7

Простак поднялся из канавы неподалеку от отеля «Пьяцца» и суетливо поправил галстук. Припомнить, как он угодил сюда, ему не удавалось, но он помнил, в каком порядке их маленькая компания вылетела на мостовую. Первым приземлился он сам, потом Мэрвин и, наконец, Тюльпан, который проплыл по воздуху и стукнул его между лопаток. Оглянувшись, Простак увидел двух своих спутников; один отряхивал пыль с брюк, второй лаял на администрацию. По-видимому, ни одного из них не тревожило то, что случилось. Мэрвин, например, вообще пребывал в самом радужном настроении. Легкая раздраженность, прорывавшаяся в последний час, растаяла без следа.

— Ну, Фиппс, куда теперь? — жизнерадостно осведомился он.

— В постель? — предложил Простак. Мэрвин удивился до крайности.

— В постель? В самый разгар вечера? Нет, Фиппс. Мы можем отправиться кое-куда получше. Квартал, где мы сейчас находимся,

наводнен кабаре, и у искателей удовольствий выбор не ограничен. Как ты насчет «Бриллиантовой Подковы»?

— Нет-нет, спасибо.

— Ну, а «Латинский Квартал»?

— Не стоит, правда.

— Ну, так к «Леону и Эдди»? Или в «Копакабану»? Ты, Фиппс, только словечко скажи. Куда пойдешь ты, туда и я.

Простак ответил, что его больше не тянет в кабаре, и Мэрвин добродушно принял его решение.

— Тогда я скажу тебе, что мы сделаем. Эй, такси! — окликнул Мэрвин. — Отвезите-ка нас на Кинг-Пойнт, Лонг-Айленд, да не жалейте лошадей. Мы поедем, Фиппс, и поболтаем с моей невестой.

— Но послушай!

Добродушие Мэрвина иссякло. В голосе у него вновь пробилась тихая опасная нотка.

— Ты, что же, возражаешь против этой встречи?

— Нет-нет, но…

— Скажи, Фиппс, тебе не нравится моя невеста?

— Нет-нет, что ты!

— Очень надеюсь. Она очаровательная девушка, милее и не сыщешь. Мисс Гермиона Бримбл, дочка хорошо известного финансового магната С. Хамилтона Бримбла, а также, по любопытному совпадению, миссис С. Хамилтон Бримбл. Ты, возможно, видел, как она порхает по этому вашему отелю. Высокенькая такая, личико — мрамор при свете звезд, глаза сверкают, словно изумруды на солнце. Ну, то есть, они зеленые, — пояснил Мэрвин. — Тебе она ужасно понравится. И я уверен, знакомство с тобой дополнит ее счастье.

— Черт побери! Она же не пожелает видеть меня среди ночи.

— Недооцениваешь ты, Фиппс, своей привлекательности. Ты излучаешь обаяние независимо от времени. Я слышал, и не однажды, от очень надежных людей, что как бы поздно ни пришел Сирил Фотеринг-Фиппс, он остается Сирилом Фотеринг-Фиппсом. Водитель, тронулись. Когда доберемся до Кинг-Пойнта, я буду направлять вас жестом и словом.

Чтобы добраться до Кинг-Пойнта на Лонг-Айленде, нужно переехать через мост Трайборо, доехать до Грейт Нек и свернуть на Мидлл Нек роуд. Поездка долгая и была бы крайне утомительной, не разнообразь ее Мэрвин песенками, которые напевал приятным баритоном. Когда они прибыли, Мэрвин подосадовал, что дом тонет в темноте. Как приверженец этикета он указал, что в окне должен сиять свет, путеводный маяк для путника.

— Лампа, — посетовал он, — или хотя бы свеча. Однако, — прибавил он, вновь приободряясь, — мы можем пренебречь формальностями. Вон там, по-моему, комната моей невесты, и если я не ошибаюсь, для нас открыты три пути. Мы можем остаться здесь и покричать погромче. Можем бросать камешками в окно. Наконец, ты можешь взобраться туда по водосточной трубе. Да, это лучше всего. Полезай наверх, Фиппс. Постучи дважды и произнеси мое имя.

Простаку внезапно пришло в голову одно спасительное соображение.

— Твоей невесты нет дома.

— Откуда, интересно, ты это знаешь, если даже еще и в окно не постучал?

— Ты сам мне говорил, что она ушла на танцы.

— Хм, и то правда. Разрази меня гром, правда! Ну, тогда полезай наверх и просто разбей окно.

Как выразился поэт, «это лишь чуточку больше, но как это много!» Будь Мэрвин поменьше ростом, не так пьян и не настолько обижался на малейшее возражение, Простак отклонил бы проект. Но при данных обстоятельствах он счел, что благоразумнее подчиниться. Карабкаясь по трубе, он тупо осознавал, что Мэрвин, прислонясь к стене, звучно декламирует «Выше! Выше!», а когда он добрался до подоконника, прозвучали строки о деве, приглашающей альпийского скалолаза прервать подъем и передохнуть, склонив усталую голову ей на грудь.

Когда же Простак разбил окно, из другого окна, чуть поодаль, высунулись голова и плечи человека в халате. Свет электрического фонарика упал на незваного гостя, а потом человек в халате поднял револьвер и выстрелил в его направлении. Балстрод, дворецкий-англичанин, услышал шум в ночи, а когда дворецкие-англичане слышат такой шум, они действуют.

Выстрелы просвистели мимо уха, не причинив Простаку вреда, но намек был настолько очевиден, что он тотчас уловил его. Крик Мэрвина, лай Тюльпана и его полет совпали во времени.

Когда Простак достиг земли, Мэрвин растворился во тьме, но Тюльпан оставался на месте. Он оскорбленно рычал и царапал лапами дерн.

У собак странный образ мыслей. Казалось бы, он сообразит, что ни один человек, даже с самой неустойчивой психикой, не станет карабкаться по водосточной трубе, чтобы стрелять в себя самого. Тем не менее пес был твердо убежден, что стрелял не кто иной, как Простак, а перебирая недавние события, пес заключил, что тот с самого начала играл дурную

роль, и преисполнился решимости раз и навсегда свести с ним счеты. Тюльпан терпеть не мог грубых, вульгарных шуток. Царапнув лапами в последний раз, он бросился в атаку.

Спасла Простака только прыть. Самая крохотная пауза, и с ним было бы покончено. «О, — спросил у себя Простак, — где мои крылья голубки?», и в следующий же миг очутился на верхних ветвях большого кедра. С этой высоты он беспрепятственно мог любоваться разворачивающимися событиями.

Теперь у Мэрвина не было причин жаловаться на отсутствие света. Дом был ярко освещен, как и он сам. Очень скоро начали появляться люди и обыскивать прилегающую территорию. Действовали они, как показалось Простаку, не очень охотно, но все-таки выполняли тяжкую задачу под гипнотическим оком Балстрода. Простак никогда не видел дворецких в халатах и с радостью отказался бы от такого зрелища, пусть и очень впечатляющего.

Через некоторое время церемониймейстер убедился, что вытащили они пустышку, поисковая партия вернулась в дом, и свет потихоньку начал гаснуть. Парадная дверь закрылась. Дом окончательно погрузился в темноту. И Простак был готов поддаться знакомому порыву, который часто охватывал тех, кто проводил вечерок с Мэрвином Поттером, то есть удрать поскорее, когда аромат табака защекотал ему ноздри, и он разглядел, что поддеревом стоит Балстрод, наслаждаясь сигаретой.

При виде него Простак прирос к ветке. Примерно через четверть часа раздался шум машины, затормозившей у ворот, и миссис С. Хамилтон Бримбл с дочкой Гермионой показались на подъездной дорожке. Простак сообразил, что низенькая толстенькая леди — это миссис Бримбл, а повыше и постройнее — ее дочь, когда низенькая сказала:

— Гермиона, под деревом кто-то стоит. На что вторая откликнулась:

— Да это же Балстрод, мама. Ой-ой! Он в халате!

Вид дворецкого, расхаживающего по саду в халате, явно переполошил миссис Бримбл. До этой минуты Балстрод был для нее вкрадчивой фигурой во фраке, сером или черном, и она понятия не имела, что среди его одежды есть халат китайского шелка с вышитыми желтыми драконами. Она шагнула к нему, готовая вскрикнуть: «Вот так штука!», — но воспитание, положение удержали ее и она воскликнула только:

— Балстрод! Что вы тут делаете ночью?

Со спокойствием человека, уверенного в основательности и надежности своих мотивов, дворецкий ответил:

— Добрый вечер, мадам. Я преследовал грабителей.

— Грабителей?

— Да, мадам. Их было двое. Я услышал шум, стал производить расследование и заметил разбойника, карабкающегося по водосточной трубе.

— О, Господи! Балстрод!

— Да, мадам?

— Кто же это был?

— Он не оставил своей карточки, но я узнал его сообщника. Тот оставался внизу и декламировал «Выше! Выше!»

— Что?

— Декламировал «Выше! Выше!», мадам. Стихи покойного Генри Водсворта Лонгфелло. Возможно, эти стихи вам знакомы? «Быстро сгущались сумерки ночи, мадам, когда проходил по альпийской деревне юноша, несший сквозь непогоду знамя, мадам, с надписью странной…»

Миссис Бримбл перебила его. Она, скорее, любила стихи, декламация дворецкого не вызывала у нее отвращения, но ей хотелось, чтобы он все-таки придерживался главной линии.

— Вы говорите, его узнали?

— Да, мадам. Это был субъект, называющий себя Мэрвином Поттером.

— Мэрвин? Поттер? Он же обедал у нас сегодня.

— Высматривал, мадам, где что лежит.

— Балстрод, вы уж совсем ку-ку! — пылко вступилась Гермиона. — Мэрвин не взломщик!

— Не согласен с вами, мисс.

— Он киноактер! Очень знаменитый!

— Вполне возможно, что такова его версия, мисс. Я могу лишь утверждать, что застиг его за тем, как он подстрекал другого молодого человека, явно преступной наружности, вскарабкаться по водосточной трубе и проникнуть в дом через окно.

Вмешалась миссис Бримбл, возможно, почувствовав, что страсти накалились и через минуту ей придется разбирать безобразный скандал. Будь она полисменом, она крикнула бы: «Разой-дись!» но сейчас только могла приказать Балстроду, чтобы тот отправлялся спать. Вежливо пожелав всем спокойной ночи, дворецкий удалился.

Услышав звук, похожий на шипение сифона, Простак резонно заключил, что хозяйка перевела дух.

— Ну вот, — проговорила она, и ухо могло уловить в ее голосе оттенок великодушной теплоты, — твой Мэрвин! Я тебе сразу сказала, как

только его увидела…

— Я уверена, мама, что у него есть какое-нибудь объяснение.

— Так пусть он его даст! — воскликнула миссис Бримбл и взмахом руки указала на стройную легкую фигуру, выступившую из тени.

— Мэрвин! — воскликнула Гермиона.

Мэрвин вроде бы ей обрадовался. В его голосе слышался искренний пыл влюбленного, когда он крикнул:

— Привет, малышка!

— Что ты тут делаешь? — спросила мисс Бримбл.

— Так, брожу по окрестностям. А вообще-то ищу такого Фиппса, я его где-то обронил. Возможно, ты знаешь его под именем Фотерингей. Нас обоих выбросили с час назад из «Пьяццы», и пока мы расслаблялись в канаве, он сказал мне: «Поттер, я бы очень хотел познакомиться с твоей невестой». На что я ответил: «Нет ничего проще, дорогой Фиппс. Сейчас поймаем первое же такси и скатаем к ней».

— Мэрвин, ты вдребезги пьян.

Герой экрана скорбно икнул.

— А кто бы не напился в обществе Фотерингей-Фиппса? — спросил он. — Это же дикарь-индеец! Вломился ко мне в квартиру и стал меня пугать. Он из тех, кто в подпитии ведет себя безобразно. Я сразу увидел, что нализался он до ноздрей. У него и пистолет был. Если хочешь знать, весь вечер размахивал. Я думал тихо, спокойно провести вечерок дома. Скромный обед, парочка хороших книг… Но он и слышать не желал. «Я лесной волк с великого Северо-Запада! — рычал он. — Сегодня ночью мне пришла пора выть!» Уволок меня в «Пьяццу», представляешь? Что я мог поделать?! Ни-че-го. У него ведь пистолет. А когда мы сели за столик, он вскочил и закричал: «Берегись! Сейчас начну! Подбирайте своих мертвецов, ребята! К каждому трупу — сувенирчик!» Естественно, нас выбросили. Мы приложились ушами прямо к асфальту. Поверь мне, Фотерингей-Фиппс — он такой. До того доведет, что его с друзьями выбросят из портового салуна в Марселе. Обещаю тебе встречаться с ним после медового месяца как можно реже.

— Медовый месяц может не состояться, — сумрачно произнесла Гермиона. — Мама, ступай домой. Я хочу поговорить с Мэрвином.

Она повела нареченного по лужайке, а Простак остался один в тихой ночи. Освобожденный от общества миссис Хамилтон С. Бримбл и ее дочери Гермионы, он мог бы и слезть с насеста, пожелай он того, но он не желал. Зачем ему новые удары, которые, возможно, припас для него этот жуткий дом? Словом, он цеплялся за свою ветку, точно озабоченный

опоссум, когда заметил маленькую компанию, состоявшую из Мэрвина Поттера, шагавшего с самым понурым видом, собаки на поводке и Гермионы Бримбл, высоко вздернувшей подбородок. Гордо и холодно вошла она в дом, и парадная дверь громко захлопнулась за ней. Никаких поцелуев на прощание.

Простак спустился вниз осторожно — в таком местечке никогда не угадаешь, какие еще ужасы могут таиться в тени. Пес Тюльпан пылко рванулся к нему, уведомляя о его присутствии Мэрвина, но, к счастью, его окоротил поводок.

— А-а, Фиппс, — тускло проговорил Мэрвин. — А я тебя ищу повсюду. Откуда это ты свалился?

— Сидел на том дереве.

— Любишь по деревьям лазать?

— Нет, не люблю. Меня туда загнал пес-людоед.

— Играл, знаешь ли.

— Да? Ну, я не стал его спрашивать. Просто прыгнул, спасая жизнь.

— Значит, — призадумался Мэрвин, — ты сидел на этом дереве? Тогда ты мог кое-что услышать из недавнего разговора.

— Я и услышал.

— Но самое интересное пропустил. Тебе уже не было слышно. Ты ведь не женат?

— Нет.

— Тогда ты и не подозреваешь, до чего может дойти рассерженная женщина. Не припомню ничего подобного с того дня, как я украл сцену у мексиканской звезды. Где девушки набираются таких словечек, понять не могу. Скорее всего, заучивают в последнем классе.

— Она дала тебе отставку?

— Если ты имеешь в виду, что она порвала помолвку, то я отвечу «нет». Мы по-прежнему жених и невеста. Но какой ценой! Какой ценой, Фиппс! Выдвинула ультиматум. Отныне — никакого питья. Одно движение к алкоголю, и свадебным колоколам — крышка. Начинаем с сегодняшнего вечера.

Мэрвин погрузился в угрюмое молчание, уйдя мыслями в безрадостное, серое будущее.

— Вот интересно, Фиппс, — обронил он, — представляешь ли ты, что это значит? Холод и тьма, холод и тьма. Повсюду царят радость и смех, но не в сердце Мэрвина Поттера. Повсюду весело поглощают шотландское виски, а я не могу присоединиться. Я буду чувствовать себя как мучимый жаждой прокаженный. Но — раз нужно, значит нужно. Пойдем-ка, Фиппс.

В гостях хорошо, а дома лучше. Возвращаемся в Нью-Йорк.

— Забежим куда-нибудь перехватить сэндвич?

— Нет, это немыслимо! — Мэрвин вскинул брови. — Ты что, Фиппс, жуешь, не переставая? Роешь себе могилу зубами? Хотя что же, — философски заключил он, — ленточные черви так и останутся червями.

И зашагал туда, где их ждало такси.

8

Офис «Леман Продакшнс Инк.» размещался в сумрачном здании, каких полно на Бродвее и 40-х улицах. Лифты в них слишком тесные, заполонены блондинками, все на одно лицо, и мужчинами с заросшим подбородком, тоже скроенными по одной модели. Все до единого — из шоу-бизнеса или с его окраин. Пока лифт плывет вверх и вниз, вы улавливаете обрывки разговоров о летних гастролях, ракурсах камеры, и о том, что за ними прислали сами «Линдсей и Крус».

Почти все такие здания сдаются в аренду под офисы, занимающиеся водевилями, фильмами и телевидением. Джо Леман прежде занимался водевилями, и водевильное его прошлое сказалось — став продюсером в драматическом театре, он раскинул свою палатку в одном из таких зданий, тогда как обычно эти продюсеры располагались на верхнем этаже какого-нибудь театра или прятались за обветшавшими фасадами особняков на 55-й стрит.

Офис «Леман Продакшнс» состоял из приемной, где сидел прыщавый мальчишка, день напролет жуя жвачку; комнатушки, где хватало пространства только секретарше и пишущей машинке; и внутреннего кабинета — святилища, где Леман проводил совещания со своим партнером Джеком МакКлюром.

В два тридцать на следующий день после того как Простак посетил Кинг-Пойнт, мистер Леман тоже совещался в своем офисе, но не с Джеком МакКлюром — тот сидел в зале «Моррис» и смотрел репетицию, — а со своей женой Фанни, бывшей Фанитой, Величайшей Жонглершей Мира.

Кабинет был запущенный, неприбранный, совсем не похожий на те помещения, в каких ведут дела люди вроде Ли Шуберта и Джона Голдена. Если бы сюда неожиданно попал тонко чувствующий декоратор, то он, скривившись, громко разрыдался бы. Дни водевилей для Джо Лемана едва миновали, и у одной стены громоздилась груда всякого барахла из прежнего офиса. Связки газет, в основном — рождественские выпуски

«Вэрайэти» с рекламными поздравлениями мистера Лемана актерам; несколько коробок с папками; пестрая мешанина сценических костюмов и даже балетная туфелька были самыми приметными в комнате, если не считать огромного и нового письменного стола, уже припорошенного пылью.

Остальная мебель тоже была новой — крутящееся кресло у стола, стул для посетителей перед ним и стул поменьше сбоку. Бачок с охлажденной питьевой водой довершал обстановку. Еще мистер Леман прихватил с собой в новый офис шестьдесят или семьдесят фотографий тех, кто в разное время пользовался его профессиональными услугами. Снимки в занятном беспорядке украшали стены, все с надписями «С любовью к Джо», «Джо от Прекрасной Марквери», «Самому великому агенту в мире», и тому подобное. Надписи эти свидетельствовали скорее о деловых союзах, чем о личных привязанностях.

Мистер Леман сидел в крутящемся кресле, закинув ноги на стол и ритмично жуя сигару. Его жена, лет под сорок, хладнокровная, самоуверенная, закаленная за годы гастролей по медвежьим углам, предпочитала расхаживать по кабинету.

— Да уж, голубчик, — говорила она, — посмотрела я на эту твою хваленую труппу.

— И что же? — осторожно подтолкнул ее Леман.

— И репетицию видела. Теперь я знаю, что такое «судьба хуже смерти».

— Вот как? — прорычал мистер Леман. — А ты не ходи на репетиции.

Леман был волевой, крупный, мощный мужчина, склонный дышать тяжело в минуты профессионального напряжения.

Костюм его был достаточно скромным, разве что рубашка несколько ярковата, но все-таки казалось, что одет он крикливо, вероятно, из-за шляпы «дерби», которую он не снимал никогда. Даже люди с крайне богатым воображением не могли представить его без этой шляпы.

Однако и Фанни была не из тех женщин, кого легко запугать. Ровным голосом она продолжала:

— Да, голубчик, шоу у тебя историческое. Летосчисление станут вести со дня премьеры.

Леман беспокойно поерзал в крутящемся кресле. Рука его, потянувшаяся было почесать голову, наткнулась на шляпу, и он почерпнул силы в этом головном уборе.

— Слушай, а каким боком это тебя-то касается? — нежно осведомился он. — Деньги ведь не твои, верно?

— Были бы мои, дай я слабину. Но я устояла.

— Ну и отлично. А когда ты презрела долг жены, я отправился за угол к Лестеру Бардетту, и он тут же вложил двадцать штук. Вот так! Чек он даст сегодня.

— Пусть лучше он, чем я! Поберегу уж свои наличные.

Джо кисло взглянул на жену. Эти наличные были животрепещущей темой. Нет, все-таки нужно принять закон против того, чтобы жена клала деньги на свое имя, опять подумал он, вторя чувствам многих бродвейских мужей.

— Вообще-то после всего, что я для тебя сделал, могла бы хоть благодарность проявить, — угрюмо проворчал он. — У тебя не было бы ни пенни, если бы я не выдернул тебя из техасского кабака и не вставил твой номер в настоящий водевиль. Фанита! Величайшая Жонглерша! — с едкой иронией воскликнул он. — Да если б не я, ты бы до сих пор подбрасывала свои четыре булавы в каком-нибудь фиговом представлении.

Фанни взорвалась. Она не могла вынести, когда оскорбляли ее профессиональную гордость.

— Прямо, четыре! Я работала с шестью булавами, и мне орали «браво». Сколько лет держался номер…

— Угу. И нет сцены между Нью-Йорком и Калифорнией, где не осталось бы вмятин от твоих булав. А в первых пяти рядах и сидеть никому не разрешали. Фанита, ха-ха!

— Да, Фанита! Я и сегодня так же хороша.

— Почти.

— Ладно-ладно, — небрежно отмахнулась Фанни. — Я была никуда не годной жонглершей, а ты великим агентом. Но и дом, и участок во Фрипорте купила я. Не говоря уж о моих сбережениях. Послушай, Джо, — смягчилась она, как всегда смягчалась, разрядившись в домашней ссоре, — это ведь не твой конек. Почему бы тебе снова не заняться водевилями? Уж на этом-то ты собаку съел.

— Потому что я не желаю. Ясно?

Фанни вздохнула. Случайный зритель ни за что бы не подумал, но она любит этого человека — тупоголового, с сигарой, шляпой «дерби» на макушке.

— Ладно, — смирилась она, — поступай, как знаешь. Давай, гони это шоу, и мы с тобой посмотрим, как оно станет историческим.

— Не волнуйся, станет, хотя ты и в насмешку говоришь. Подумай сама, какое шоу не станет сенсацией, если главную роль играет Мэрвин Поттер? Каждая женщина в Америке бросится на него смотреть.

— Если он не сожжет театр в первый вечер. От него только этого и жди. Я бы лучше управлялась с полной тележкой обезьян, чем с этим придурком. Сомневаюсь, что зрители станут платить даже за Мэрвина Поттера, когда разнесется слух об этой актрисе.

— Мисс Уиттекер прекрасно сыграет.

— Это ее так зовут? Кто она, собственно?

— Знаешь Джека МакКлюра?

— Она что, его мамочка?

— Золовка! Сестра его жены. А потому, уж, пожалуйста, не откалывай при Джеке этих своих шуточек.

Фанни серьезно кивнула.

— Так вот почему она в шоу.

— Нет, не потому. Она и сама по себе хороша.

— Ну да, если кому нравятся пышнотелые дамы былых времен. На репетиции я застала сцену, где она взбирается на яблоню в семейном саду. Деревья вам придется изготовлять из железобетона, — заключила Фанни и, сомневаясь, что ей удастся выдать заключительную реплику удачнее, одарила на прощание супруга ласковой улыбкой.

Несколько минут спустя в кабинет вошла девушка, при виде которой Простак, будь он тут, пошатнулся бы и с трудом удержал глаза в орбитах. Светловолосая, в шляпке, похожей на фруктовый салат. В ее голубых глазах, остановившихся на мистере Лемане, мерцало скрытое веселье. Для Эйлин Мур, его секретарши, хозяин был неистощимым источником развлечений.

Мистер Леман, крутанувшись на кресле, окинул девушку воинственным взглядом. Ничто в его манерах не намекало, что он находит в ней хоть тень девичьей привлекательности, сразившей наповал Простака на Мэдисон-авеню. Душа у него еще саднила от недавней стычки, и путеводная звезда жизни Фотерингей-Фиппса была всего лишь подвернувшейся во время под руку подчиненной, на которую можно выплеснуть накопившиеся эмоции.

— Эй, вы!

— Да, адмирал?

— Где это вы были?

— В кафе, адмирал.

— Не очень-то вы торопились обратно. И не смейте называть меня адмиралом. Вы что, думаете, я плачу за то, чтобы вы жевали день напролет?

— А вы мне вообще не платите. Вы мне уже за две недели задолжали.

И знаете, — Эйлин чувствовала, что такие вещи надо душить на корню, — в контракте оговорен час на обед. Именно час я и отсутствовала, не больше, не меньше. Так что отстаньте, Саймон Легри, и выбросьте свой кожаный кнут. Вам что, неизвестно, что Линкольн уже освободил рабов? Вы никогда газет не читаете?

Леман заворчал. С Фанитой, Величайшей Жонглершей Мира, он еще мог надеяться, что иногда настоит на своем, но когда он пытался препираться с этой девушкой, то всегда остро ощущал комплекс неполноценности. Если бы он не задолжал ей двухнедельную зарплату, угрюмо подумал Леман, то давным-давно выкинул бы ее, потому что она, по его мнению, нахальна, как свежевылупившийся цыпленок.

— Ладно, — сдался он, — пишите письма.

Она написала с десяток писем, босс обожал их диктовать. Вскоре наступило затишье, и, как всегда в таких случаях, Эйлин разговорилась. Девушкой она была милой, дружелюбной, и ей хотелось, чтобы всем было весело. Она поискала возвышенную и занимательную тему. На минуточку призадумалась, не поболтать ли о новой шляпке, но решила, и вполне правильно, что этот предмет не увлечет аудиторию.

— Сегодня утром я видела на репетиции миссис Леман, — поделилась она, чувствуя, что это более острая тема.

— Да?

— Она такая забавная, правда?

— Прямо до колик, — угрюмо проговорил мистер Леман.

— А как зовут актрису, которая играет героиню?

— Глэдис Уиттекер.

— Глэдис Уиттекер, — задумчиво повторила секретарша. — У нее такой темперамент. Ведь миссис Леман даже с ней не разговаривала!

Ужасная мысль змеей вползла в голову Лемана: — То есть Фанни откалывала свои шуточки? — содрогнулся он.

— Она только спросила.

— О чем? Сколько эта Глэдис весит? В каком году родилась?

— Нет-нет. Хотя она и правда слишком пышна и старовата для своей роли.

— Я так не считаю.

— А миссис Леман считает. Мы смотрели ту сцену, где мисс Уиттекер залезает на яблоню, и миссис Леман спросила у режиссера: «Какой на ней будет костюм в этой сцене?» Режиссер ответил: «Голубенькие бриджи».

Леман тихонько застонал. Вот оно! Перст судьбы!

— «Голубенькие бриджи», — ответил режиссер. А миссис Леман и

скажи: «Не забудьте, когда будет хохот, опустить занавес».

— К вам мисс Уиттекер, сэр, — объявил прыщавый юнец, появляясь в дверях.

— Вкати ее на инвалидном кресле, — распорядилась Эйлин.

Леман обрушился на секретаршу с необузданным жаром дикого зверя, угодившего лапой в капкан.

— Убирайтесь! Живо! — прогремел он. — И захватите с собой свои шуточки. С меня хватает миссис Леман, а тут еще и вы. — Он повернулся к юнцу. — Она ведет себя нормально?

— Да, сэр.

— Не плачет?

— Нет, сэр.

— А ножа при ней нет? — осведомилась Эйлин. Леман снова изобразил дикого зверя в капкане.

— Убирайтесь! Ступайте печатать письма!

— Да, масса Легри.

— Введи ее, — распорядился Леман и круто повернулся к помощнице. — Чего вы ждете?

— Хочу пропустить ее к столу, — отозвалась она. — Нам тут не разминуться.

Если у мистера Лемана и нашелся подходящий ответ, ему пришлось промолчать, потому что в этот момент юнец ввел мисс Уиттекер. Дойдя до своих дверей, Эйлин остановилась и обернулась.

— Да, сэр, голубенькие бриджи, — тихонько промолвила она.

И скрылась в комнатушке, прикрыв за собой дверь, а через минуту оттуда донесся слабый стук машинки.

— Не обращайте на нее внимания, — посоветовал Леман. — Она чокнутая. И не обращайте внимания на миссис Леман, она тоже не в себе. Присаживайтесь. С чем пришли?

Мисс Уиттекер, крупная пышная блондинка, все еще красивая, но слишком величественная, чтобы лазить по яблоням, опустилась в кресло. Глядя на нее, любой оценил бы совет миссис Леман изготовить яблоню из бетона. В руке Глэдис держала продолговатый лист бумаги, который и предъявила Леману жестом фокусника, вынимающего кролика из шляпы.

— Это ваш чек на сто долларов. Он вернулся ко мне уже в третий раз. На что же он дает право? На вечное владение?

С этим Леман расправлялся не впервые.

— Погодите немного и снова предъявите, — посоветовал он.

— Но мне, мистер Леман, нужны деньги.

— Вы их получите.

— Можно сказать одно словечко?

— Прошу.

Мисс Уиттекер действительно ограничила себя всего одним словом:

— Когда?

Напускное самообладание слетело с Лемана.

— Когда я буду готов, вот когда! Сил никаких нету! — закричал он. — Тружусь день и ночь, чтобы слепить это шоу, а стоит отлучиться на минутку, как тут же являются всякие и требуют денег. Деньги, деньги, деньги! Если вам понадобились деньги, отчего вы не попросите их у Джека МакКлюра? Вы же сестра его жены!

— Джек МакКлюр! — выговорила Глэдис, и сразу стало видно, что она не очень высокого мнения о своем зяте.

Лемана запоздало навестила мыслишка, что умнее бы держаться с актрисой поласковее, а то и утешить ее. Поднявшись, он ласково приобнял мисс Уиттекер, не снимая шляпы.

— Послушай, детка, — начал он. — Ты же знаешь, как готовят шоу. Все деньги вложены в спектакль. Заперты, в некотором роде. Так и называется — замороженные активы. Я позабочусь, чтобы ты получила свою сотню. С минуты на минуту я ожидаю миллионера с крупным чеком. Дай мне полчаса.

Ладно уж, — согласилась мисс Уиттекер тоном судьи, выносящим условный приговор. — Но если не выложите деньги на бочку, я отправлюсь прямиком в профсоюз и расскажу всю историю. Что случится потом, сами знаете. Они призовут всю труппу к забастовке.

Поднявшись, мисс Уиттекер величественно выплыла из комнаты, а мистер Леман, жуя сигару, уставился пустым взором в пространство. Он думал о женщинах.

Женщины! Нет, что за пол, что за пол! Являются, вымогают деньги и еще грозят профсоюзом. Кусают руку, которая помогла им выбраться из паршивых техасских кабаков. Они дерзки и неуважительны и так странно, уголком глаза, поглядывают на тебя, когда ты диктуешь им письма. Нет, не видит он никакой пользы от слабого пола. На мужчину, который тронет женщину, не желая ее приласкать, смотрят косо, что совершенно справедливо. Но мистер Леман мог бы назвать трех женщин, которых он с удовольствием бы тронул.

Вскоре, отвлекшись от неприятной темы, он обратился мыслями к другой, более радостной. Он стал размышлять о Лестере Бардетте, и темная тучка растаяла, в душу хлынул солнечный свет. Сумрачный взгляд,

каким он смотрел на мир, просветлел. Конечно, женщины есть, и больше, чем надо, но этому можно противопоставить тот факт, что в старом добром мире живут и такие мужчины, как Лестер Бардетт, готовый легко и быстро выложить двадцать штук.

Мистер Леман все еще упивался мыслями о Бардетте, и чем дольше он думал об этом честном и справедливом производителе одежды, тем больше успокаивалась его душа, когда снаружи раздался непонятный шум. Дверь распахнулась настежь, и в комнату влетел его партнер Джек МакКлюр, всем видом своим напоминавший жителя, уцелевшего после последних дней Помпеи.

— Джо! — закричал МакКлюр, слишком возбужденный, чтобы сообщать жуткие новости исподволь. — Ты представляешь, что стряслось?! Лестер Бардетт слинял!

9

Джек МакКлюр представлял в «Леман Продакшнс» спокойствие и воспитанность. По-видимому, существует какой-то закон природы, по которому в каждом театральном агентстве всегда есть спокойный, приятный джентльмен. Джек был куда симпатичнее Лемана, более того, привлекательнее — высокий, красивый, спортивного типа. Леман спортом не занимался и по окончании делового дня мысли его неизменно устремлялись к «Астор-бару». Джек ходил в нью-йоркский спорт-клуб и играл там в сквош, в летние же месяцы его можно было видеть на Лонг Бич, где он рассекал волны. Одевался он по моде, и даже чуточку опережал ее — на голове у него красовалась мягкая серая шляпа, которую он, как и Леман «дерби», не снимал никогда.

— Слинял, — повторил Джек и, подойдя к бачку, налил себе в бумажный стаканчик бодрящий глоток.

Леман, который после ухода Глэдис Уиттекер устроился в своей любимой позе, то есть закинув ноги на стол, рывком сбросил их, чуть не опрокинув кресло. Лицо у него побелело, глаза выпучились, словно у Макбета, узревшего дух Банко, заглянувшего к нему на обед.

— Как это?

— А вот так. Он забирает свои деньги. Все. До последнего цента.

— Почему?

— Вот он тебе расскажет, — посулил Джек, тыкая бумажным стаканчиком на дверь, в которую входил Мэрвин Поттер, задержавшийся,

чтобы дать автограф офисному юнцу.

Мэрвин, как обычно, был спокоен, любезен и невозмутим. Вчерашняя ночь, которая лишила бы румянца обычного человека, не оставила на нем следа. Глаза у него блестели, держался он безмятежно и, по-видимому, ни чуточки не страдал от головной боли.

— Приветствую тебя, благословенный Леман, — тепло поздоровался он. — Давненько не виделись, но ты все такой же… Жаль-жаль. И славная старая контора — тоже. Вроде ты подбавил сюда пыльцы, а в остальном все по-прежнему. Какая великолепная пыль! — прибавил Мэрвин, проводя пальцем по столешнице. — Где ты такую раздобываешь?

Мистер Леман сосчитал до десяти. Как ни странно, его доктор дал ему тот же совет, что и другой доктор — мистеру Андерсону.

— Оставь в покое мою пыль! — буркнул он. — Что там с Лестером Бардеттом?

— Ох уж этот Бардетт, — печально покачал головой Мэрвин. Такой вспыльчивый. Вопреки совету поэта, дает волю страстям. Не поддавайся гневу, учили меня в воскресной школе. Очевидно, никто не внушил этого правила Бардетту. Мне кажется, ни один производитель одежды не лиловел и не багровел так на моих глазах. А все из-за совершеннейшего пустяка.

— Какого это?

— Он поджег Лестеру ногу, — объяснил Джек.

Мистер Леман страдальчески воздел руки и непременно стиснул бы голову, если б не мешала шляпа.

— Поджег ногу?

— А что такого? Будьте разумны, дорогой мой Леман! — призвал Мэрвин. — Вы так возбудились. Можно подумать, что я виновен в злодеянии или преступлении, а я и всего-то поступил так, как поступил бы на моем месте любой тонко чувствующий актер. Бардетт опять заснул в кресле, и я решил, совершенно справедливо, что другого такого случая может больше не подвернуться. Птицы, пчелы, ветерок, и деревья — вся Природа взывала ко мне: ну подожги ты ему ногу! Что же, я и поджег.

— Лестер очень разозлился, — не к месту вставил Джек.

— Да, — согласился Мэрвин. — Я старался урезонить его, убедить, но он ничего не желал слушать. Хотя можно взглянуть и с моей точки зрения. Мне показалось, будто в этом субъекте течет змеиная кровь. Не знаю, много ли вам известно об аспидах, — продолжил Мэрвин, — но главное их свойство — не слушать заклинателя. Заклинай, не заклинай — им неважно.

Мистер Леман легко вспыхивал, а, вспыхнув, не задумываясь,

выплескивал эмоции в достаточно едких словах. Не запнувшись ни на секунду, он припечатал Мэрвина шестью определениями, на что тот предположил, что так называет Леман и девушек.

— Улыбнитесь же мне! — попросил Мэрвин. — Горько, насильственно, но улыбнитесь. Господи Боже, никак не пойму, из-за чего весь этот сыр-бор! Да в Голливуде поджечь ногу — это так, мелочь, рядовая любезность.

— К черту Голливуд!

— Чувство, достойное восхищения, — отозвался Мэр-вин. — Я и сам частенько так говорю.

Леман снова забросил ноги на стол. Так ему лучше думалось, а сейчас было самое время пошевелить мозгами пошустрее. Двадцать тысяч долларов испарились в одно мгновение. Это послужит ему уроком, чувствовал он. Не будет обольщаться, будто кто-то, кроме санитаров из буйнопомешанного отделения, сумеет удержать под контролем звезду вроде Мэрвина Поттера. Единственным светлым пятнышком во всем этом черном происшествии, единственным слабым серебряным лучиком в черной туче, сгустившейся над ним, было отсутствие Фаниты. Кто-кто, а она не может бросить ему торжествующе: «А я тебе что говорила!»

Джек МакКлюр снова наполнил бумажный стаканчик и хмуро выпил.

— Ну, вот и кончена игра, — изрек он. Мистер Леман кивнул так же уныло.

— Да, придется нам прикрывать шоу.

— Это почему же? — удивился Мэрвин.

— Почему? — рявкнул Леман. — Может, скажете мне, где найти другого партнера, готового расстаться с двадцатью тысячами?

— Столько хотел вложить Лестер, — подсказал Джек. — Двадцать тысяч долларов.

— Двадцать тысяч? — изумился Мэрвин. — Да это же так, семечки. В Голливуде мы давали бесплатный хлеб и угощали супчиком тех, кто вносил всего двадцать тысяч. Мы им свои обноски сплавляли.

Леман кинул на него злобный взгляд.

— Хватит нам сказок про Голливуд. Тут у нас Бродвей, и типы, желающие дать двадцать тысяч, на деревьях не растут.

— Ах, Леман, какой вы пессимист! Пораженец, можно сказать. Господи Боже! — воскликнул Мэрвин. — Для спектакля, где играет подарок всем американкам, не надо попрошайничать, обходя народ со шляпой. Акулы бизнеса с двойными подбородками в драку ринутся за привилегию внести свой вклад в искусство. Да Господи, еще в Скивассетте

один молодой миллионер просто умолял, чтобы я позволил ему вложить состояние в этот спектакль…

— Что! — вскричал Леман, вскакивая с места.

— Что! — вскричал Джек МакКлюр, подпрыгивая до небес.

— Кто он? — заорал Леман.

— Где он? — заорал Джек.

— А-а, вот тут вы меня поймали, — отозвался Мэрвин. — Фамилия его Фиппс, а вот где он сейчас, сказать не могу. Я наткнулся на него вчера, но адреса не выяснил. Вы найдете его, найдете! — заверил герой экрана. — Порыскайте по окрестностям и обязательно найдете. — И чувствуя, что сделал все для этих людей, он забрал со стола шляпу и удалился.

Первым, когда закрылась дверь, заговорил мистер Леман:

— Дай мне телефонную книгу.

Джек протянул ему справочник, и он лихорадочно принялся листать страницы.

— Здесь Фиппсов сорок одна штука, — сообщил он наконец.

— Позвони им всем, — отозвался Джек.

— Всем звонить ни к чему, — проявил смекалку мистер Леман. — Зачем нам беспокоить миссис Анну Б. Фиппс, или Астора Фиппса, «Канцелярские товары», Эдгара Фиппса, фотографа, а также миссис Эдвард Фиппс, или Элси Фиппс? Даже миссис Флоренс Фиппс и мисс Джеральдин Фиппс нам ни к чему. И «Гостевое агентство Фиппс» — тоже.

Он взялся за телефон.

— Набери мне Фиппса.

— Сэр? — уточнил прыщавый юнец.

— Набери мне Фиппса.

— Которого, сэр?

— Всех Фиппсов, какие есть. Кроме миссис Анны Б. Фиппс, Астора Фиппса «Канцелярские товары», Эдгара Фиппса, фотографа, миссис Эдвард Фиппс, мисс Элси Фиппс, миссис Флоренс Фиппс, мисс Джеральдин Фиппс и Фиппса «Гостевое агентство».

— Слушаю, сэр, — отозвался прыщавый юнец, резво накручивая номер Эдгара Фиппса, фотографа.

Шло время. Наконец охрипший и измученный Джозеф Леман откинулся на крутящемся кресле, промокая лоб. Он пообщался с большим количеством Фиппсов, чем, наверное, любой другой человек в Нью-Йорке, с Фиппсами-басами, Фиппсами-тенорами, Фиппсами-баритонами, с тремя простуженными Фиппсами, двумя Фиппсами-заиками и, наконец, с одним Фиппсом, у которого, видимо, не было нёба.

— Что теперь? — спросил он, и внезапное озарение снизошло на него. Он проговорил в телефон: — Набери мне Дэвида.

— Всех Дэвидов, сэр? — переспросил прыщавый юнец, потихоньку зажигаясь трудовым энтузиазмом.

— Сола Дэвида.

— Слушаю, сэр.

— Сол может подкинуть деньжат, — заметил мистер Леман.

— Вполне, — подтвердил Джек.

— Наше шоу — верняк, и любой, кто вложит деньги, состояние огребет.

Зазвонил телефон.

— Это Сол Дэвид? Говорит Джо Леман. О… Нет! — Леман шваркнул трубку. — Бермуды, — горестно возвестил он. — В какую только даль не удерут, когда пытаешься раздобыть у них денег.

Джек выдвинул новый вариант.

— Есть еще шанс. Два типа, некие Леви, выпускают блузки с длинным рукавом. Они вкладывали деньги в шоу в прошлом году.

Мистер Леман покачал головой.

— Прибыль они получили грошовую и навсегда покончили с шоу-бизнесом. А я вот сижу с крепко сбитой драмой, модной и современной, и не могу…

Джек выступил еще с одним предложением.

— А у Фанни? Может, попытаться вытянуть у нее?

— У Фанни!

— У нее же полно!

— А то я не знаю! Сегодня утречком забегал к ней в банк, пытался разведать, какой у нее баланс, но полный облом. Нет, Фанни не тот человек. До того прижимистая… Десяток угрей так прижмет, что внесет их на два этажа, ни одного не выронив. Опять этот чертов телефон. Ответь ты, Джек, у меня уже горло горит.

Следуя примеру МакКлюра, Леман уныло побрел к бачку с водой и наполнил бумажный стаканчик.

— Что!!! — заорал Джек в трубку.

Мистер Леман выронил стаканчик. Джек, зажав ладонью микрофон, проговорил дрожащим голосом:

— Фиппс!

— Который? Эдгар-фотограф?

— Нет-нет-нет!

— Фиппс из гостевого агентства?

— Нет-нет-нет! Тот самый Фиппс!

Мистер Леман покачнулся, точно лесной великан под топорами лесорубов.

— *Тот самый Фиппс?*

— Говорит, Мэрвин Поттер сказал ему, что мы продадим ему долю в шоу.

— Где он? — напрягшись, спросил Леман.

— Звонит из «Астора», — объяснил Джек, проконсультировавшись с трубкой. — Ждите в вестибюле, — проговорил он в трубку. — Я спущусь и провожу вас.

— Да! Ступай! — одобрил Леман. — Эй! — закричал он, когда его партнер двинулся к двери. — Крепче держи его за рукав!

Всякая апатия мистера Лемана исчезла. Он искрил энергией.

— Мур! — рявкнул он.

Из комнатушки появилась Эйлин.

— Слушаю, полковник?

— Приберите-ка тут. Придет ангел-спаситель.

— Есть, сэр.

— Да поворачивайтесь расторопнее.

— Слушаюсь, сэр. Кто, вы сказали, придет?

— Ангел. Миллионер. Он хочет вложить деньги в шоу.

— Гип-гип-ура! Это означает, что вы выплатите мне жалованье?

— Нашли время для разговора!

— Но вы должны мне за две недели.

— Да ладно-ладно. Получите свои деньги, получите. А теперь слушайте. Когда этот типус будет здесь, войдите с листком бумаги, ладно? С письмом каким-нибудь, ну, с чем-то. Деловито так войдите и положите его мне на стол.

— Да, сэр.

— А потом не задерживайтесь. Выйдите поскорее.

— Да, сэр. Похоже на новые игры, где каждый играет за себя. Мода на них охватила общество, будто лесной пожар.

— Неважно, на что это похоже. Вы все поняли?

— Да, генерал.

— Входите. Приносите бумагу. Кладете ее на стол.

— И выхожу с улыбкой. А вы не можете объяснить мне, с какой это все целью?

— Неважно, с какой. Атмосферу создает, черт подери, если вам так уж нужно знать. Никогда не слышали об атмосфере?

— Ах, атмосферу? Ладно. Извините, я ухожу.

И она вернулась в свою комнатушку, а мистер Леман закинул ноги на стол, сбил «дерби» на глаза, раскурил новую сигару и отдался первым приятным мыслям за этот день. Он не отличался особой религиозностью, но невольно почувствовал, что Провидение опекает хорошего человека, присматривает, чтобы тот не свалился у обочины. Хороший человек может получить удар, может споткнуться, но если Провидение поджидает с полотенцем в его углу ринга, то поражения он не потерпит.

Вполне вероятно, что мистер Леман пустился бы распевать песенку, словно жаворонок, так поднялось у него настроение, но не успел он впасть в такую ужасную крайность, в дверях появился Джек МакКлюр, ведя за собой последнего из Фотерингей-Фиппсов.

Он ласково, но цепко удерживал Простака за локоть.

— Мистер Сирил Фиппс, Джо, — провозгласил он. — Мистер Леман, мистер Фиппс.

10

Не успел Леман увидеть Простака, как понял, что здорово недооценил Провидение: в своих милостях хорошему человеку оно заходит очень далеко. «Я тут же увидел, вот она, наша устрица, — сказал бы мистер Леман, если бы диктовал мемуары стенографистке. — Жирненькая такая, да еще приправленная кресс-салатом». Все в молодом человеке кричало о его наивности, и старший партнер «Леман Продакшнс» встрепенулся, точно от пения горна.

— Как поживаете, мой дорогой? — осведомился он. — Присаживайтесь.

Простак робко пристроился на стуле для посетителей. Леман произвел на него глубокое впечатление. В этом театральном магнате было что-то от Дж. Г. Андерсона и немножко — от дядюшки Теодора, чей взгляд с самого раннего детства замораживал кровь племянника. Шляпу Простак держал в руке. Заметив, что ни мистер Леман, ни мистер МакКлюр головы не обнажают, он подумал минутку, не ошибся ли, но пока ни на что не осмелился.

— Сигару? — предложил мистер Леман.

— А? Нет. Не думаю, спасибо большое.

— Тэк-с, — дружелюбно бросил Леман и скосил глаз на Простака. — Откуда вы?

— Родился в Лондоне…

— Это в Англии?

— Да, именно.

— Шикарное местечко. Никогда там не бывал, но все говорят. Итак, мистер Фиппс, вы интересуетесь театром. Занимались когда-нибудь шоу-бизнесом?

— Пока еще нет.

— Что ж, все мы когда-то начинали. Самое трудное — найти великую пьесу. Вот я нашел. Можно сказать, самое большое драматическое открытие за последние двадцать лет. Ничего подобного не бывало, ясно?

— Не бывало?

— Ничего подобного, — подтвердил мистер Леман и выдержал внушительную паузу, размышляя о грандиозности своего драматического открытия.

Джек МакКлюр нарушил молчание, тихонько, по-джентльменски покашляв.

— Я говорил мистеру Фиппсу, — сказал он, — что, если он будет действовать быстро, он, возможно, и успеет купить долю в нашем спектакле. Мы ведь еще не до конца его профинансировали?

— Да, не до конца, — признался мистер Леман.

— Удачно получается, — заметил Джек.

— Очень удачно, — согласился мистер Леман. — Но, конечно, мистер Фиппс, тут, в Нью-Йорке, все так, как сказал мистер МакКлюр. Решения нужно принимать быстро. Думать на бегу. Был у нас один приятель, который мог бы купить долю в «Мышьяке и старых кружевах»,[14] если бы подсуетился.

— Но он протянул до следующего дня, — печально подхватил Джек, — и проиграл.

— Таковы правила в шоу-бизнесе, — покачал головой мистер Леман.

— Да, таковы правила, — согласился Джек, тоже покачивая головой.

Простак покивал с умным видом.

— Да, это мне понятно. Делай все немедленно. Я и сам за быстрые решения, если дело и впрямь хорошее. Но все-таки, конечно, я должен проявлять осмотрительность. Осмотрительность и осторожность, если вы меня понимаете.

— Вот такие люди мне по душе! Я и не прошу вас действовать очертя голову. Пьеска у меня роскошная, и я не боюсь ее показать. Просто убойная, захватит всех, ясно? Не для совсем уж высоколобых, но и не для низкой публики.

— Для среднелобой?

— Вот-вот. Первое добротное шоу для среднелобой публики. Успех будет сногсшибательный.

— Принесет много денег?

— Много? Еще бы! Спросите Дика Роджерса и Оскара Хаммерстейна, сколько они огребли с «Тихоокеанского». Спросите Оскара Серлинга, сколько он сделал на «Жизни с отцом». Спросите Макса Гордона, сколько ему отчислилось от «Рожденной вчера».

— Вы хотите, чтобы я их спросил?

— Да я вам и сам скажу, дорогуша. Миллионы!

— Миллионы?

— Миллионы, — кивнул Леман.

— Да-а, вот этого мне и хотелось, — вздохнул Простак. — Только хорошо бы с гарантией.

— Я это лично гарантирую. И мой друг тоже. Верно, Джек?

— Конечно.

— Итак, что скажете? Думайте на бегу. Это шоу-бизнес. Простак потеребил галстук клуба «Трутни». Красноречие мистера Лемана произвело на него глубокое впечатление, но он не забывал и хорошее присловье дяди Теодора: «Оглядись, а потом уж прыгай». Дядюшка Теодор умел придумывать меткие сентенции.

— А я могу почитать пьесу? — поинтересовался Простак.

— М-да-м…. — с сомнением промычал Леман. — Как думаешь, Джек, сумеем мы раздобыть экземплярчик для мистера Фиппса?

— Боюсь, что нет, — ответил Джек, правильно расшифровав мычание партнера. — Видите ли, мистер Фиппс, труппа уже репетирует, и все копии разошлись по рукам.

— Да какого черта! На что вам пьеса? — воскликнул мистер Леман. — Я расскажу самую соль. — Широким жестом он сдвинул весь хлам на столе, точно расчищая поле битвы. — Ну, так вот, — он сбил «дерби» на затылок. — Эта пьеса о добром человеке. Понятно? Он всегда старается всем Делать добро.

— Джентльмен до мозга костей, — подхватил Джек МакКлюр.

— Да, джентльмен до мозга костей, — согласился мистер Леман. — Роль эту играет Мэрвин Поттер, а это марка, знаете ли. Спросите хоть меня.

— Он хорошо сыграет?

— Еще бы, — заверил мистер Леман.

— Точно, — подтвердил Джек МакКлюр.

— Держу пари, — сказал мистер Леман.

— И я, — подтвердил Джек МакКлюр.

— Что ж, это замечательно, — заметил Простак. Леман сбил шляпу набок.

— А теперь слушайте. Начинаем мы с пролога.

— С пролога, — пояснил Джек.

— В прологе есть драматург.

— Такой, который пьесы сочиняет, — пояснил Джек.

— Он, понимаете, влюблен в одну даму, и приглашает людей послушать его новую пьесу. Конечно, дама — в их числе. Начинает он читать, объявляет: «Сцена первая. Сад». И тут! — Мистер Леман проделал что-то со своей шляпой. — Когда он произносит «сад», мы делаем киношный трюк, даем обратный кадр. Затемнение, быстрая смена декораций, вспыхивают огни, и на сцене — сад.

— Вот именно.

— Ну! А дальше идет его пьеса. Только он сам в ней, понимаете, и его дама тоже. Зрители-то видели ее в прологе. Здорово?

— Жуть! — согласился Простак.

— Она лезет на яблоню. У нее, видите ли, хорошее настроение, — объяснил мистер Леман. — Тут входит этот драматург, и начинается диалог. То он говорит, то она, слова так и летают. Он любит ее, она любит его, и они решают пожениться.

Простак заморгал. Сюжет в таком изложении показался ему немного примитивным, да и коротковатым. Занавес поднимется в 8:40 по восточному времени,[15] а упадет, подсчитал он, примерно в 8:53.

— И что, тут конец пьесы? — поинтересовался он.

— Конец? Да что вы! Вы ничего и не слышали.

— Будет что-то еще?

— Да уж, не без того!

— Не забудь про священника, — напомнил Джек.

— Ах, да! Входит священник, и они опять разговаривают. Сцена в саду закончена, мы переносимся в нью-йоркское кабаре. Музыка, танцы всякие… Ну, сами понимаете.

— Да-да, — пошел на риск Простак.

— В это кабаре приходят наш герой, дама и ее брат. Герой и дама еще не поженились. Должны пожениться завтра. Уловили?

— Да, — на этот раз вполне уверенно подтвердил Простак.

— Так вот, этот брат вечно буянит, поднимает тарарам. Мимо проходит субъект, которому брат не нравится, и он бросает: «А-а, это ты?»

Брат злобно глядит на него и говорит: «Ну, я. И что?» И тот субъект… — ну, в общем, то, се, они заводятся, то один говорит, то другой, слова летают, и тэ дэ, и тэ пэ, а потом брат выхватывает пистолет и — оп! — Леман подчеркнул кульминацию эпизода, щелкнув пальцами.

— Вот это да! — восхитился Простак. — Здорово! Он убивает его, да?

— А то! Субъект мертвее макрели. Холодней поцелуя мачехи. Музыка обрывается. Официанты вопят. Девушки визжат. Женщины падают в обморок. Тут входит полиция. «Что происходит?» — спрашивает она. — Теперь игре Лемана позавидовал бы сам Эдвин Бут. — «Кто это сделал?» — спрашивает полиция. И субъект отвечает: «Я».

— Субъект?

— Да.

— Он же мертвый!

— Это кто?

— Да субъект…

— Нет-нет-нет! — схватился Леман за шляпу. — Не субъект, герой, ну, который влюблен в даму. Он говорит «я», чтобы спасти брата любимой женщины.

Простак слегка озадачился.

— Но ведь там полно народу?

— А то как же?

— Разве они не видели, что субъекта застрелил брат?

— Нет, не видели, — с бесконечным презрением к невежеству новичка в законах сцены проговорил Леман. — Все они смотрели в другую сторону.

— А-а, тогда понятно!

— Итак, героя взяли и посадили на двадцать лет. Зритель не узнает об этом до следующего акта. Копы надевают на него браслеты, он гордо выходит, а дама кричит и хлопается в обморок. Занавес падает. Вот вам Акт первый. Шикарное начало, а?

— Нет слов.

— Пьеса называется «Жертва», — пояснил Джек. — Он жертвует собой ради дамы, понятно?

— «Жертва», — повторил мистер Леман. — Интригующее название, а?

— Простите?

— Хорошо смотрится под светом прожекторов, — добавил Джек.

— О, колоссально! — согласился Простак.

Мистер Леман воспользовался перерывом между актами, чтобы

освежиться у бачка с водой. Он промочил горло, готовясь к Акту второму.

— Ну а теперь — Акт второй. Все происходит двадцать лет спустя, когда героя выпускают из тюрьмы. Он решил укрыться на острове в Тихом океане и едет все дальше и дальше. Заехав очень далеко, он нанимается играть на пианино в эдаком местечке, — деликатно выразился Леман.

— В доме с дурной славой, — подсказал Джек.

— Вот именно, — согласился Леман. — Он — конченый человек и играет в таком доме.

— Не забудь про священника, — подсуфлировал Джек.

— А, да…. Священника помните?

— Он еще был в саду.

— Да, тот самый. Теперь он миссионер на этом самом острове. Хочет прикрыть местечко. Ну, приходит, и тут разворачивается грандиозная сцена. Они там все пляшут-скачут, а он им проповедует. И вдруг, бенц! Этот герой встает против него. Тут мы вводим крепкий диалог, переходим все границы. Он кричит, бранится, ругается, слова летают, и тэ дэ, и тэ пэ. Конец первой сцены Акта второго.

— Да, события так и бурлят, — рассудительно заметил Простак.

— А что дальше будет! Следующая сцена — в доме губернатора.

— Какого губернатора?

— Ну, на острове.

— А-а…

— И кто же к нему приходит? Дама, которая хотела выйти замуж за героя, и ее муж. Они, понимаете, совершают кругосветный круиз. А почему муж? Потому что она вышла замуж, пока герой парился в тюряге. Он, то есть герой, видит, как она подъезжает к дому, и тоже туда пробирается. Поговорить с ней хочет, понимаете? На сцене — спальня, и она — неглиже, герой влезает в окно и говорит: «Женевьева!» Она восклицает: «Гарольд!» — и прибавляет: «Это ты?» а он отвечает: «Да, это я». Идет диалог, то он говорит, то она, слова летают, и тэ дэ, и тэ пэ. Тут выясняется, что этот брат умер, а на смертном одре сознался, что убийство совершил он, и дама признается, что по-прежнему любит героя, но должна сохранять верность типу, за которого вышла, потому что у нее благородная душа, ясно? Они прощаются, вдруг входит муж, он думает, что в комнате взломщик, и стреляет в него из пистолета. Герой падает на пол, дама тоже падает и умирает на его теле. Следующий акт — в раю, — продолжил мистер Леман, направляясь к бачку с водой.

— В раю? — удивился Простак.

— Ну да, на небе, — подтвердил мистер Леман, опустошая бумажный

стаканчик. — Тут появляются ангелы, спускаются в зал…

— В длинных вуалях, — подсказал Джек.

— Тут и губернатор, только теперь он как будто бы Бог.

— А так можно?

— Это настоящая находка, — сообщил мистер Леман тоном, отметающим всякие сомнения. — Да и вообще, впрямую ведь не сказано, что он Бог.

— Не забудь священника, — подсуфлировал Джек.

— А, да. Приходит и священник, а с ним раввин, ясно? Они беседуют про то, что все люди братья, какой бы религии ни придерживались. Идет диалог, то один говорит, то другой, слова летают, и тэ дэ, и тэ пэ. А потом вдруг — бац! Затемнение, перемена декораций и, когда вспыхивают огни, на сцене снова мы у драматурга. Он заключает свою даму в объятия, и она говорит, что синяя птица счастья поселилась в их доме. Поцелуй, читка заканчивается, все восхищаются, герой с дамой женятся. Постепенно гаснет свет. Занавес. Ну, как?

Простак промокнул лоб.

— Потрясающе. А кто это написал?

— Да тип какой-то, забыл фамилию. Мы выкупили у него пьесу, так что теперь не нужно будет платить проценты с прибыли. С такой пьесой, дорогуша, убытков не потерпишь. А сколько вы намерены вложить? Можете получить долю в 49 процентов за… — Мистер Леман приостановился, прикидывая, на сколько тянет гость, — за тридцать тысяч долларов.

— Эх, черт побери! Тридцать тысяч?

— Разве ты не можешь, Джо, малость скостить для мистера Фиппса? — вмешался МакКлюр, и мистер Леман ответил, что да, пожалуй.

— Я вот что сделаю. Быстренько отвечайте «да», и я соглашусь на двадцать пять.

— Боюсь, все отменяется. — Простак поднялся, но тут же четыре услужливые руки снова усадили его.

— Эти ваши деньжата… — сказал мистер Леман. — Если вы сможете быстро забрать их, мы все-таки сумеем заключить сделку.

— Они в банке, на Пятой авеню.

— Вот как? Что ж, не хотел я уступать так много, — проговорил мистер Леман, — но если вы дадите мне чек на десять тысяч долларов, дорогуша, то двадцать пять процентов прибыли — ваши.

Простак потеребил галстук. Человек, все богатство которого заключается в двадцати двух тысячах долларов и 18 центах, имеет полное

право теребить галстук, прежде чем вложить десять тысяч в драму, даже крепко сбитую и очень современную.

— Десять тысяч?

— Да, цифра такая.

— Десять?

— Это еще очень дешево. Думайте на бегу! Простак медленно поднялся.

— Что ж…

— Договорились! — закричал мистер Леман.

— Договорились! — подхватил Джек МакКлюр. Партнеры превратились в сообщающиеся механизмы.

Леман быстрым движением обмакнул в чернила перо и сунул ручку Простаку, а Джек МакКлюр одновременно расчистил место на столе. Каждый их жест показывал, что они рассчитывают на немедленные действия, и Простак с чувством человека, переправляющегося через Ниагарский водопад в бочонке, стал медленно вытаскивать чековую книжку. Две пары глаз следили за малейшим его движением. Леман с МакКлюром едва удерживались, чтобы не выхватить книжку у него из рук и не развернуть ее на столе. Простак, по-прежнему медленно, открыл ее сам и, взяв ручку у мистера Лемана, начал писать.

— «Трест Гарантия», а? — заметил Джек, заглядывая ему через плечо.

— Джо Л-е-м-а-н, — любезно подсказал Джо. — Вы человек смекалистый, мистер Фиппс, и непременно получите прибыль. Теперь роспись…

Простак занес уже ручку, но тут снаружи послышался шум, будто внезапно вспорхнула с насеста сотня фазанов, и дверь с треском распахнулась.

В офис ворвалась жена Лемана.

— Слушай, ты, песий плут! — закричала она, адресуясь к мужу, и с оглушительным стуком захлопнула за собой дверь.

11

С быстротой, поразительной для человека такой комплекции, Леман выпрыгнул из своего крутящегося кресла и очутился рядом с женой. Он понятия не имел, какие мотивы подвигли обожаемую половину нанести ему повторный визит, но опасался худшего.

Взгляд, каким она пронзила его, предвещал катастрофу. Сказав, что

Величайшая Жонглерша ожгла его взглядом, мы не скажем ничего. Возбужденному воображению Лемана чудилось, что из глаз ее вырываются языки пламени. Внутренне содрогаясь, он прибег к спасительному средству — шумной брани.

— У тебя что, совсем мозги отшибло? — жарко вопросил он. — Уходи отсюда. Брысь!

На минуту чувства захлестнули Фанни, и она не могла вымолвить ни слова. Но, наконец совладав с собой, обрела дар речи:

— Слушай!

— Фанни… — простонал мистер Леман.

— Ради Бога! — закричал Джек МакКлюр.

Но Фанни осталась глуха к их мольбам. Голос у нее был громоподобный, и она использовала его во всю силу. Прыщавый юнец, напугавшийся было, что окажется за бортом событий, облегченно вздохнул и прильнул ухом к замочной скважине.

— Послушай! — снова закричала Фанни. Глаза ее метали искры. — Я только что была в своем банке. Кассир там сказал мне, что утром к ним заходил мужчина в клетчатом костюме и пестром галстуке и старался выведать баланс моего счета.

Мистер Леман стрельнул опасливым взглядом на Простака.

— Ну что ты, что ты, — насколько сумел льстиво проговорил он. — Я ничего об этом не знаю. Зайди чуть погодя, — заискивающе попросил он.

— Если ты еще хоть раз посмеешь там крутиться, — продолжил голос рока, — у них есть приказ — стрелять тут же. Увидят тебя хоть мельком, и мигом — бац! Вот и все, что я пришла сказать тебе.

— Ну, так уходи!

— Я и не задержусь. Только не смей разнюхивать насчет моих денег. Тебе все равно не обломится ни гроша.

Фанни распахнула дверь, а офисный юнец отпрыгнул, потирая ухо.

— Да, сэр, ни гроша! И уж тем более на это твое тухлое шоу! Ну, уж нет!

И Фанни вышла, с треском саданув дверью.

Довольно долго после ее ухода ни Леман, ни Джек МакКлюр не двигались, только взгляды их то и дело натыкались на Простака, который деревянно застыл на стуле. Наконец Леман начал продвигаться к своему месту за столом — медленно, осторожно, стараясь создать впечатление, будто ничего особенного не произошло. Джек таким же манером вернулся на свое место, и ни один не осмеливался хоть на секунду оторвать взгляда от гостя. Будь Простак статуей Крылатой Победы в Лувре, а они —

любителями искусства, и то они не могли бы рассматривать его так сосредоточенно и напряженно.

Простак очнулся. Он поднял ручку, потом, внезапно снова опустив ее, вскинул глаза.

— Она сказала «тухлое»? — тихо осведомился он. Мистер Леман уже пришел в себя.

— Да она не об этом шоу говорила, — быстро откликнулся он.

— Мы занимаемся еще одним, — не замешкался и Джек МакКлюр.

— А про это она даже и не знает, — продолжил Леман.

— А кто это? Ваша приятельница?

— Это моя старуха, миссис Леман. Она немножко не в себе. Не обращайте на нее внимания. У нее случаются припадки.

Потянулась пауза. Лицо Простака, как уныло отметили оба партнера, по-прежнему оставалось болезненно-бледным. Мистер Леман просительно обратился к нему:

— Послушайте-ка, дорогой мой, у вас же есть и собственное мнение! Такой башковитый парень. Я же рассказал вам сюжет. Потрясающе, а?

— Э… конечно… Но… с другой стороны… Видите ли, мне не очень хочется терять десять тысяч долларов.

Мистер Леман подавился веселым смешком.

— Вы и не потеряете! Я вам еще не говорил о гастролях?

— Каких гастролях?

— О городах, где мы будем прокатывать спектакль. — Мистер Леман достал из ящика график. — Смотрите. Мы открываемся в Сиракузах. Прекрасный, театральный город. Потом едем в Провиденс, Вустер, Олбани… И всюду нас ждет легкая победа.

— Легкая победа?

— Городишки шикарные. Мы снимем сливки. Так что подписывайте чек, и дело решено.

Простак все колебался. Два голоса звенели у него в ушах: один — Величайшей Жонглерши Мира, другой — его дяди Теодора. Когда он закрывал глаза, то так и видел дядю: тот стоял, грел свой обширный тыл у камина в библиотеке, устремив на племянника рыбий взгляд, и изрекал вечную сентенцию: «Оглядись, а потом уж прыгай». Бесполезно скрывать от себя, что дядя Теодор весьма кисло взглянул бы на происходящее в офисе «Леман Продакшнс, Инк.»

Сидя с закрытыми глазами и гадая, на что все-таки решиться, Простак услышал щелканье дверной ручки. По офисному линолеуму легко процокали каблучки. Открыв глаза, Простак был поистине заворожен тем,

что увидел. Девушка, приблизительно габаритов Бэтти Грейбл, наклонилась над столом Лемана, кладя на него какую-то бумагу, и с первого взгляда Простак узнал в ней ту, которая после романтической встречи на Мэдисон-авеню ни на минуту не покидала его мыслей, кроме разве того момента, когда он прятался в ветвях от пса Тюльпана. Он издал бессловесный вскрик, и девушка, оглянувшись, тоже узнала его. Она не сказала ничего — дисциплина есть дисциплина, но глаза у нее округлились, и она подарила ему самую дружелюбную, теплую улыбку. Потом вернулась к себе в комнатушку, а Простак глазел ей вслед в полном экстазе.

— Вот так так! — потрясенно пробормотал он. Мистер Леман, нахмурившись, изучал письмо.

— Из театра Гилд, — сообщил он Джеку. — Хотят купить долю в нашем шоу.

— Я так и знал, что захотят.

— Да.

— Нужно было этого ждать после того, что они говорили во вторник.

— Верно. Конечно, они опоздали. Мы ведь уже обещали мистеру Фиппсу.

— Не можем же мы его подводить!

— Нет, с мистером Фиппсом мы должны играть честно. Все та же старая история. Не думали на бегу, вот и проиграли. Таков уж шоу-бизнес, — вздохнул мистер Леман.

— Н-да, таков шоу-бизнес, — тоже вздохнул Джек. Простака не интересовал невезучий театр. Он по-прежнему пожирал глазами дверь комнатушки.

— Послушайте, — наконец очнулся он, — кто это такая?

— А?

— Кто эта девушка?

— А, эта… Моя секретарша.

— Ваша секретарша?

— Ну да.

Простак затрепетал с головы до пят. В офисе «Леман Продакшнс» заиграла нежная музыка, а на пыльном полу распустились фиалки.

— То есть, она здесь работает?

— Ну конечно. Целый день.

Простак оставил колебания. Совсем слабо, из дальнего далека, ему еще слышался остерегающий голос дядюшки, но теперь слушать осторожного родственника ему было недосуг. Твердой рукой он подмахнул

чек, и мистер Леман ринулся на него, словно форель на муху.

— Он еще влажный, — предупредил Простак.

— Ничего, я его высушу. Ну, котик мой, — заключил мистер Леман, — теперь и вы наш партнер. — Он ринулся к двери, где его уже поджидал Джек МакКлюр, словно борзая, натягивающая поводок. — Подождите тут, пока мы с Джеком сходим в банк. Подождите и присмотрите за порядком. Вот что… Эй! — рявкнул он.

Появилась секретарша.

— Развлеките этого джентльмена до нашего возвращения, — распорядился мистер Леман. — Пошли, Джек.

И за ними захлопнулась дверь.

12

Молчание, последовавшее за уходом партнеров, нарушила Эйлин, потому что Простак, очутившийся так близко от девушки, которая подействовала бы на него, как удар тупым орудием, даже если бы он смотрел на нее через телескоп, испытывал затруднения с голосовыми связками. Его пронзали электрические разряды, а пальцы ног поджались в замшевых туфлях.

— Вот мы и встретились снова, — проговорила она. — Теперь нас вроде бы познакомили. Хотя на настоящее знакомство не очень-то похоже, правда?

Простак уже мог выговаривать кое-какие слова.

— Э? — почти не заикаясь, спросил он.

— Лучше бы он назвал нас.

— Назвал? Вы хотите узнать мое имя?

— Ну, так удобнее. Чтобы как-то обращаться к вам: «Судья», «Полковник» или «Ваше Королевское Высочество». Меня, кстати, обычно зовут Динти.

— Динти?

— Всех Муров называют Динти. Из-за ресторана.

— Какого ресторана?

— Ресторана «Мур Динти». Неужели вы не знаете? В рифму с «Линти».

— Какой Линти?

Динти увидела, что быстро тут ничего не объяснишь.

— Давайте оставим эту тему, — предложила она. — Как зовут вас?

— Меня? — Простак на минутку призадумался. — А-а, Фотерингей. То есть — Фиппс.

— Так как же?

— А?

— Фотерингей? Или Фиппс?

— И так, и так.

Динти нахмурилась, словно такая мудреная софистика только затемняла вопрос.

— Не может быть.

— Посередке черточка.

— Возможно, но как-то странно.

— В сущности, даже Фотерингей не совсем правильно.

— Не совсем?

— Произносится «Фоэнги».

— Фиппс Фоэнги. Ни за что не выговорить.

— Нет, Фотерингей.

— Но вы же сказали, это неправильно.

— Ну да, неправильно.

Строгая Динти стала еще строже. Ей показалось, что ее дурачат.

— Не нравятся мне все эти хитрости, — сказала она. — Чего вы рассчитываете добиться? Будьте честным. Будьте открытым. Пусть ваше «да» будет «да», а ваше «нет» — «нет». Уж если Фиппс, то Фиппс, а если Фоэнги, то Фанги.

— Друзья называют меня Простаком.

— Ну вот, хоть куда-то добрели.

— Я хочу, чтобы и вы так меня называли.

— С удовольствием. Спасибо, Простак.

— Не за что. Повисла новая пауза.

— Ну, — поинтересовалась Динти, — как продвигаются поджоги?

— А?

— Поджигали еще чьи-то шляпки?

— Нет-нет.

— А бунгало?

— О, нет! И бунгало не поджигал.

— Начали жизнь с чистого листа? Решили быть честным? Я очень на это надеялась. А что вы поделывали после нашей встречи?

— Кто? Я? Да так, ничего особенного. Вот, ночью собака загнала меня на дерево.

— Но вы выжили, правда? А я вчера ходила на вечеринку в Бронкс.

Порадуйтесь, новая шляпка произвела сенсацию. За мной даже гнался по лестнице телеведущий.

Новая пауза. Простак судорожно искал в своем пошатнувшемся мозгу тему для беседы. Он понимал, пока что его вклад не особенно блестящий. Кроме того, ему хотелось, чтобы макушка прекратила подпрыгивать, точно крышка чайника, это мешало четко мыслить.

— Здесь столько пыли, — заметил он, набредя на интересную тему.

— Да, мы гордимся нашей пылью, — отозвалась Динти. — Мистер Леман ее импортирует. Немножко пыли попало вам на лицо. Нет, не там. Левее. Дайте я сотру.

Она забрала у него из руки платок и удалила пыль, естественно, к нему приблизившись, а такая близость опасна для девушки, которая произвела сильное впечатление на Фотерингей-Фиппса, ибо эти Фиппсы славятся горячей кровью. Именно такая кровь вовлекла в большие неприятности дядюшку Теодора, что могут подтвердить семейные архивы, повествующие об оксфордской барменше (1909 г.).

К тому же, под влиянием цыганской сивиллы Простак уже смотрел на Динги как на ту, которая предназначена ему судьбой. Все поэты романтической школы признают, что, встретив подобную особу, вы можете опустить формальности и выбросить книгу этикета. Слово-другое, и вы вольны свободно выражать свои чувства.

Может, это и правильно, а может, и нет, поэт — советчик ненадежный; но именно таких взглядов придерживался и Простак. То, что приподнимало его макушку, внезапно вскипело. Перед глазами заплясали искры. Порывисто потянувшись, он заключил Динти в объятия. Мало того, он поцеловал ее со всей страстью широкой натуры и был готов продолжать в том же духе, когда рука, просвистев в воздухе, залепила ему оплеуху. Небеса, как хорошо известно, защищают небогатых девушек, но Динти Мур в подобных случаях считала более разумным не полагаться на помощь сверху. Она натренировалась в прекрасных апперкотах и не стеснялась демонстрировать выучку. Точно в такой же манере она нанесла удар на Кони-Айленд молодому клерку по имени Эд, когда тот, угостив ее парой бутербродов и шоколадным мороженым с орехами, повел себя так же импульсивно.

Отступив, она окинула Простака холодным взглядом. Он разочаровал ее. Ей казалось, что она погладила дружелюбную на вид собаку, а та на нее накинулась.

Простак потер ухо. Мысли у него еще путались, но все-таки он понимал, что ему положено извиниться.

— Простите, — выговорил он.

— Ничего.

— Я потерял голову.

— Если она у вас есть. Больно вам?

— Да.

— Вот и прекрасно.

Ум Простака заработал снова. Он мог все объяснить.

— Я понимаю, это немножко неожиданно. Видите ли, гадалка в Англии предсказала мне, что я отправлюсь в далекое путешествие и встречу прекрасную девушку. Так что когда я действительно поехал в Америку, а потом встретил вас, то, естественно, подумал: «Ого-го!» То есть я мигом смекнул — это вы, а это я. Это мы оба, если вы меня понимаете. Не следовало, конечно, так увлекаться, но ведь я исподволь подходил к тому, чтобы сделать вам предложение.

— Что!

— Пред-ло-же-ние. По буквам: персик, роза, енот… Динти, присев на стол, оглядела его с живым интересом.

Жизнь она вела уединенную и впервые встретилась с личностью, подобной последнему из Фотерингей-Фиппсов.

— Ну и ну!

— Я знаю, знаю. Конечно же, вы должны все обдумать. Я не хотел атаковать вас внезапно.

— Само получилось?

— Вот именно. Я влюбился с первого взгляда, видите ли. Но я готов молчать до более удобного момента.

— И часто вы так влюбляетесь?

— Никогда. То есть, не с такой… — …страстью?

— Вот именно. Понимаете, страсть…

— По буквам: солнце, тростинка, астра…

— Да-да.

Зачарованная Динти глядела на него. Она все еще глядела, когда дверь открылась, и вошла мисс Глэдис Уиттекер, мрачная и целеустремленная. Ожидая увидеть мистера Лемана и обнаружив на его месте молодого человека с кремовыми волосами, она запнулась на ходу.

— А мистер Леман? — проговорила она, оглядываясь. — Я пришла его повидать.

— Он скоро вернется, мисс Уиттекер, — сообщила Динти.

— А зачем ему понадобилось куда-то уходить? Я же сказала, что еще зайду. Это важно.

Осознав свои новые обязанности, Простак очнулся от ступора.

— Э… э… это имеет отношение к спектаклю? — спросил он, гадая, нужно ли добавить «дорогуша» или «моя душенька». В нем уже пустили ростки манеры театрального менеджера.

— Простите?

— Я хочу сказать, что если это имеет какое-то отношение, то вами могу заняться и я.

Любезность вопроса несколько смягчила суровую целеустремленность мисс Уиттекер.

— Да? Мистер Леман говорил о человеке, который войдет в компанию. Это вы?..

— Правильно. Я партнер.

— Тогда, конечно, вы сумеете помочь! — воскликнула мисс Уиттекер, пуская в ход все свое очарование. — По-моему, мистер Леман не упоминал вашего имени.

— Фиппс.

— А я Глэдис Уиттекер, мистер Фиппс. Вы ведь взглянете на репетиции, правда? Не сомневаюсь, всем нам захочется узнать ваши идеи. А мне особенно. Не могу передать вам, как я рада, что вы берете все в свои руки. О, я ведь по делу! — перебила она себя, будто внезапно что-то вспомнив. — Не могли бы вы оказать мне великую любезность? Не хочется утруждать вас, но я забыла дома чековую книжку. А только что увидела прелестное платьице. Продавцы не хотят его придержать. — И мисс Уиттекер на одну кошмарную секунду перешла к какому-то лепету.

Простак вынул чековую книжку.

— Конечно. Сколько?

— Сто долларов. И пусть дадут наличными.

— О чем говорить!

Спасибо. — Мисс Уиттекер забрала чек и сунула в расшитую сумочку. — Прекрасно. Просто чудесно, мистер Фиппс, что вы пришли к нам. И не забудьте! Вы *должны* заглянуть на репетицию и высказать мне все свои замечания. Если вам не понравится, вы ведь мне скажете? Да?

— А вы не обидитесь?

— Обижусь? — чуть ли не в экстазе воскликнула мисс Уиттекер. — Настоящий артист благодарен за советы. До свидания, мистер Фиппс, и еще раз спасибо. Как хорошо иметь такого менеджера!

Дверь закрылась. Простак растерянно смотрел вслед актрисе. Мисс Уиттекер, явившаяся в самый разгар важнейшей сцены, показалась ему немножко слишком напористой.

Динти рассматривала его с новым интересом.

— Так вот кто вы! Тот самый ангел.

— А?

— Мистер Леман про вас рассказывал. Вы уже вложили деньги в шоу?

— А? Да, вложил определенную сумму.

— Ну-ну. Я часто гадала, какие чувства испытывает такой человек. Наверное, приятно быть ангелом. Будь у меня такое богатство, как у вас, я бы тоже рискнула.

Словечко «рискнула» вновь оживило все тревоги и колебания, охватившие Простака после беспокойной сцены с этой миссис Леман. Он вздрогнул, словно невидимая рука ткнула острым шилом в сиденье его стула.

— Рискнул бы? А вы что, думаете, это рискованно?

— Спектакль — всегда игра в рулетку.

— Но этот… где играет Мэрвин Поттер…

— Конечно, сильная приманка. Но…

— Да?

— Он такой непредсказуемый. Вполне может подвести.

— А как?

— Ну, не знаю. Как-нибудь. Вы с ним знакомы?

— О, да, еще бы! Мы большие приятели. Он жил в Скивассетте, в отеле. Это про него я рассказывал. Тот самый, которого я спас из пламени. Он поджег бунгало, а я случайно увидел пожар из окна, бросился туда и вынес его.

— Ну, вот видите, бунгало поджег. На такие проделки он горазд. Наверное, пил тогда весь вечер.

— Да, был немножко под газом.

— Говорят, он всегда под газом.

— Вчера вечером — точно. Из-за него нас выкинули из «Пьяццы».

— Вот об этом я и говорю. Разве вам не кажется, что вы рискуете, вкладывая деньги в шоу, где играет выпивоха? Простак потеребил галстук. Челюсть у него отвалилась.

— Знаете, моя добрая богиня в человеческом образе, у меня от ваших слов мурашки бегут.

— Простите. Не хочу набрасывать тень на вашу сделку. Возможно, все будет хорошо.

— Да, конечно. Я вот только что вспомнил, что невеста Поттера запретила ему пить. Так что с этой стороны неприятностей не будет.

— Ну и прекрасно. Но…

— И пьеса хороша, верно? То есть, для среднелобой публики. Увлекательная интрига, и все такое. Будет безумный успех, правда?

— О, конечно, но…

— Вы все время твердите «но»…

— Я надеюсь, что будет успех. Но ведь спектакли и проваливаются.

Простак, взволнованно приподнявшийся, снова упал в кресло. Он побледнел под загаром, которым одарил его солнечный Мэн.

— По-вашему, этот провалится?

— Я так не говорю. Просто надо учитывать всякие роковые случайности. В театральном сезоне случаются провалы. Возможно, имя Мэрвина Поттера и принесет успех, но всякое бывает. Однако вам-то что до этого? Вы же миллионер.

— Я?

— Мистер Леман так сказал.

— Я не миллионер. У меня всего двадцать две тысячи.

— Что!

— И 18 центов.

Чудовищное подозрение вспыхнуло в ее мозгу.

— И что же, вы все деньги отдали мистеру Леману?

— Господи, конечно, нет! Только десять тысяч.

— О!

— Что такое?

Динти стала похожа на мать, узнавшую дурные вести от слабоумного ребенка.

— Неудивительно, что вас зовут Простаком! Знаете, что вам нужно сделать?

— Нет.

— Сейчас же позвонить в свой банк и остановить выплату по чеку, пока мистер Леман не успел доехать туда.

— А?

— Если успеете.

— Но если я позвоню, я никогда больше вас не увижу.

— Почему это?

— Потому что не буду тут работать. Мне хотелось работать рядом с вами. Господи Боже, потому я и вошел в дело. Практически я уже решил отказаться, когда появились вы. Я догадался, что вы постоянно здесь, и подписал, где положено.

— Это очень мило, но…

— Опять «но»!

— Но вы должны выйти из дела.

— Но… теперь вы и меня заставили сказать «но»… но как же тогда я увижу вас?

— Увидите, не волнуйтесь. Теперь я и за миллион не отпущу вас из своей жизни. Можете заходить сюда и водить меня в кафе.

— Каждый день?

— Если хотите. А по воскресеньям мы будем кормить медведей в зоопарке. Ну, а теперь к телефону, быстро. Какой у вас банк?

— «Трест-Гарантия». На Пятой авеню и 43-й стрит.

— О Боже! И выбрали-то именно этот! Единственный банк в Нью-Йорке, который открыт до четырех часов. А я-то надеялась, что это какой-нибудь банк на окраине, который закрывается в три, и они не успеют туда добраться. Быстрее же! Быстрее, быстрее!

Пока Простак рылся в телефонном справочнике, Динти задумчиво смотрела на него. Она немножко растерялась. Ей было в новинку выступать в роли femme fatale.[16]

Как большинство хорошеньких женщин, она всегда была довольно высокого мнения о себе, но ей и в голову не приходило, что в ее жизни может появиться мужчина, готовый потерять половину состояния за ее улыбку. Она чувствовала себя польщенной и благодарной. Простак уже был не просто приятным молодым человеком, он перешел в разряд необыкновенных. Динти обнаружила, что сердце у нее бьется слишком часто, а перед глазами что-то плывет.

— О Боже! — закричала она, увидев сквозь влажную дымку, что необыкновенный молодой человек уронил справочник и теперь шарит под столом. Ее лихорадило от нетерпения.

— Простите, — извинился Простак.

— Самое время ползать по полу!

— Он сам спрыгнул, — жалобно объяснил Простак и стал виновато выползать наверх, когда дверь открылась, и небрежной походкой вошел Мэрвин Поттер.

— А, Фиппс! — воскликнул Мэрвин. — Опять ты? Чтоб я помер, где тебя только нет! Следующий раз, как стану принимать ванну, непременно осмотрю мыльницы.

— Привет, Поттер.

— Да, я Поттер. С начала, с конца, первый, последний, навсегда. Так что можешь не волноваться. Какой ты разносторонний малый! То на деревья забираешься, то под стол ныряешь. Скажи-ка мне, Фиппс, — поинтересовался актер, отбирая у приятеля телефонный справочник и

небрежно швыряя его в дальний угол, — ты ничего во мне не замечаешь?

— А что?

— Пышущий здоровьем вид, — подсказал Мэрвин. — Розовые щеки. Непередаваемый словами bien etre.[17] А все из-за того, что не пью. Я стал другим человеком. Кстати, как ты тут очутился? Последовал моему совету и пришел переговорить с Неманом?

Простак, бросившийся за телефонным справочником, словно охотничий пес, вернулся с книгой к столу.

— Да, я его партнер.

— Уже партнер?

— Пока что нет, — вмешалась Динти. — Звоните скорее! Но тут телефон зазвонил сам. Мэрвин снял трубку.

— Алло? Да, говорите. Что? Все ли в порядке? Разумеется, все в порядке. Удивляюсь, что вы задаете такие вопросы. — Он положил трубку.

— Твой банк. Хотели узнать, все ли в порядке, можно ли обналичивать твой чек на кругленькую сумму в десять тысяч долларов. Я сказал, конечно, все в порядке. Господи, стабильность банковского баланса Фотерингей-Фиппса подвергает сомнению какой-то жалкий кассиришка, у которого, может, глаза слезятся, а лицо в пятнах! Где это видано, где это слыхано, куда мы катимся? — сокрушенно заключил Мэрвин Поттер.

13

Когда покойный Алджернон Свинберн в своей поэме «Сад Прозерпины» заметил, что даже самые тихие реки в конце концов достигают моря, он, скорее всего, подразумевал, что любые репетиции все-таки заканчиваются, и труппа наконец-то оказывается на гастролях в Нью-Хейвене, Бостоне, Филадельфии или, как та, которую частично финансировал Простак, в Сиракузах.

После четырех недель пота, крови, труда и слез администрация, режиссер, актеры и вся обслуга спектакля «Жертва» разместились в этом процветающем городке. Мелкие сошки — в пансионе, большие шишки — в отеле «Мейфлауэр».

Простаку, благодаря которому спектакль вообще стал возможным, предоставили просторный номер 726, в котором было два окна и три кресла, и он уже там обосновался. Внизу, в своем офисе, Оскар Фричи, помощник управляющего, отдавал последние указания официанту, который после премьеры должен был обслуживать праздничный ужин,

заказанный Простаком. Главным блюдом были куры по-королевски, а напитком — несметное количество шампанского.

— Хорошенько заморозьте, — распорядился Оскар Фричи, и официант откликнулся «Слушаюсь», поскольку словечко «Ага», еще не докатилось до Сиракуз.

В дни, последовавшие за его вступлением в компанию, Простак пережил, как говорится, весь спектр чувств, то воспаряя к высотам, то погружаясь в бездну. Иногда спектакль казался ему точно таким, как расписывал Леман, а иногда — словно бы подтверждал язвительную критику его супруги. Молодой совладелец то проникался надеждами, то впадал в отчаяние. Но теперь, когда приближалось время премьеры, сомнения исчезли, Простак горел оптимизмом. Генеральная репетиция накануне убедила его. Прошла она без сучка и задоринки, и теперь он с легким сердцем переодевался в парадную одежду, приличествующую, по его мнению, премьере в Сиракузах. Когда вошел мистер Леман в неизменном «дерби», горя предвкушением и дружелюбием, Простак как раз закончил повязывать галстук.

— Ну, как вы тут, дорогуша? — спросил мистер Леман и приостановился, изумленный открывшимся зрелищем. — Ого-го! — восхищенно воскликнул он, а Джек МакКлюр, вошедший следом, заметил, что компаньон — истинный красавчик.

Простак смутился. С самого детства он старался поступать, как положено, а в этих замечаниях уловил критику.

— Как? — спросил он. — А вы разве не переоденетесь к вечеру?

— Нет, но это не имеет значения.

— Я думал, это ведь премьера…

— Конечно, и еще какая. Такой Сиракузы и не видывали.

— Мне надо произносить речь?

— Да нет, зачем?

— Хорошо. Я так и думал, но на всякий случай принарядился.

— Конечно. Порадуйте им глаз. Джек, в каком номере Эйлин?

— Дальше по коридору. Вам она нужна?

— Да. И передайте Фанни, что я в 726-м.

— О'кей, — отозвался Джек.

Он вышел, бросив последний восхищенный взгляд на Простака, а мистер Леман объяснил, чему тот обязан чести их визита.

— Знаете, почему я заглянул к вам, дорогуша? У вас такая просторная комната, я и подумал, вы не станете возражать, если мы соберемся тут после премьеры.

— Хотите отпраздновать?

— Скорее, поговорить кое о чем. Могут произойти кое-какие перемены.

— Перемены? В спектакле?

— Ну так, на всякий случай.

Простака кольнула легкая, но вполне ощутимая тревога. Ему не понравился этот небрежный разговор.

— Он ведь и так хорош? — беспокойно осведомился он.

— Еще бы. Фантастика. Но, понимаете, может кое-что всплыть. Так, реплика-другая. Нужно провести совещание.

Мы с женой живем в соседнем номере, но ваш такой просторный и красивый, лучше собраться здесь.

— Это кому? — озадачился Простак.

— Ну, всем, кто придет. Видите ли, после первого показа надо обменяться мнениями. Один скажет то, другой — сё, и тэ дэ, и тэ пэ, — по привычке объяснил Леман. — Хочется узнать, что думает народ, ясно? Я скажу, что вам делать. Прихватите с собой блокнот на спектакль и записывайте все, что, на ваш вкус, идет не так. О пьесе, об актерах, о декорациях. Словом, обо всем. Пометьте, а потом мы обсудим.

— А я думал, после премьеры… вы праздничный ужин устраиваете… Отметить там, и все такое прочее.

— Можно и ужин. Прекрасно. Простак украдкой тронул галстук.

— Э… а можно пригласить мисс Мур?

— Вам она требуется прямо сейчас?

— Нет, на ужин, я имел в виду. У вас нет возражений, чтобы и она присоединилась?

— Конечно, нет. Пригласите ее. И внизу скажите про ужин.

— О, я уже распорядился. Повидался с помощником управляющего. Его зовут Фричи.

— Дурак какой-то!

— А?

Мистер Леман заговорил внушительно, словно любящий отец, объясняющий сыну-подростку смысл жизни. За свою карьеру ему не раз доводилось бывать в Сиракузах и об Оскаре Фричи у него сложилось устоявшееся мнение.

— Вы с этим субъектом поосторожнее. Не допускайте его близко, а то он вас насмерть заговорит. Он чокнутый, ясно? Свихнулся на театре.

— А?

— Спятил. Дай ему хоть полшансика, и он никогда не замолчит.

— Мне он понравился.

— Да я ничего против него не имею. Только — дай ему палец, он всю руку хапнет. Держитесь-ка от него подальше.

— Хорошо.

Наступила пауза. На грубом лице Лемана проступила мрачность, глаза подозрительно увлажнились. Он порывисто протянул Простаку руку.

— Ну, дорогуша, вот и наступил наш вечер. Желаю удачи. Простак тепло пожал ему руку

— И вам того же!

— И вот еще что, — добродушно проговорил Леман, — работать с вами, Фиппс, одно удовольствие. Вряд ли вы сами понимаете, что значит для нас ваше сотрудничество. Мы ужасно вам благодарны. Спасибо!

— Это *вам* спасибо, — отозвался Простак. — Мне было очень приятно работать с вами.

Леман был явно тронут.

— В этом весь секрет успеха в театре. Сотрудничество. В первый показ частенько что-то идет наперекосяк, и тут же все начинают рычать друг на друга, но мы — как одна счастливая семья.

— Да, как одна семья. Правильно.

— Такой мы и останемся.

— Абсолютно.

— Счастливой семьей.

— Да, счастливой семьей. Новая пауза.

— Ну что ж, удачи, — снова пожелал мистер Леман.

— Удачи, — вторил ему Простак.

Опять воцарилась тишина. Двое сильных мужчин стояли, раздираемые чувствами, слишком глубокими, чтобы их можно было выразить словом. Молчание прервал приход Динти, следом за которой явился Джек МакКлюр.

— А-а! — воскликнул мистер Леман, отбрасывая сантименты и снова становясь человеком дела. — Вы мне нужны, моя милая.

— Я тут, фельдмаршал!

— Я хочу, чтобы вы на спектакле сидели рядом со мной, понятно? Будете записывать мои замечания. Джек, я только что говорил мистеру Фиппсу, как он нам помог.

— А то!

— И какое удовольствие работать с ним.

— Золотые слова. Удачи, Фиппс.

— Удачи.

— Тут было кое-что, Джек… что же это? — сказал мистер Леман. — Ах да, есть один аспект…

И он увел своего партнера, досказывая на ходу. Динти пошла было следом, но ее остановил страстный вскрик.

— Постойте!

— Что, мой птенчик?

— Погодите! — взмолился Простак. — У меня для вас кое-что есть.

И покраснел при мысли о том, что мог, захлестнутый эмоциями, всколыхнувшимися в его груди от нежной сцены с Леманом, даже временно забыть об этом. Он прогулялся к шкафу и вернулся с большой коробкой цветов. Динти пошатнулась.

— Это мне?

— Э-э… То есть «да». Я купил их в честь премьеры. Это цветы.

— Удивительно! Именно так я себе и сказала, как только увидела их. Цветы, сказала я, или глаза меня обманывают. Какой вы милый, Простак!

— Мы, Фиппсы, все милые. Славимся этим по всей Англии.

— Вы станете хорошим мужем для какой-нибудь хорошей девушки.

— Непременно. Это подводит меня к важному вопросу. Сколько раз я просил вас выйти за меня замуж?

— Я уже и со счета сбилась.

— Так вот, я прошу опять. Выйдете?

— О, Простак…

— Что толку твердить «О, Простак»!

— А что еще вы хотите услышать?

— Я ведь вам нравлюсь?

— Конечно. Кому бы вы не понравились?

— Ну, вот.

— Мало без толку твердить «О, Простак», а повторять «Ну, вот» еще глупее.

— Почему?

В Динти пробудился материнский инстинкт.

— Потому что, дитя мое, мы живем в жестоком мире и должны быть практичными. Вопрос не только в том, нравитесь вы мне или нет. Я-то лично считаю, что вы милы, как красный вагончик, но семейная жизнь требует денег.

— У меня есть десять тысяч долларов.

— Долго на них в наши дни не протянешь, если у вас нет работы.

Простак ее не понимал. Богиня в человеческом облике изъясняется совершенно непонятными словами.

— Что значит, нет работы? Я партнер в «Леман Продакшнс»! Мы получим прибыль! Знаете что, — вдохновился Простак, ибо воодушевляющие слова Лемана в ту, первую их встречу не увяли в его памяти. — Спросите Дика Роджерса и Оскара Хаммерстейна, сколько они получили со своих постановок. Спросите Оскара Серлинга или Макса Гордона…

— Да я и так знаю.

— А я все-таки скажу. Миллионы.

— Да знаю я. Но…

Динти запнулась. Она присутствовала на всех репетициях и стала ярым приверженцем Фанни Леман. В той бурной сцене, когда Фанни, характеризуя крепко сбитую драму, употребила эпитет «тухлая», она не участвовала, но, присутствуй она там, признала бы, что лучший друг Лемана и его самый строгий критик выбрала правильное словцо. Отчаянно цепляясь за надежду на Мэрвина Поттера, увидеть которого горят желанием все женщины Америки, она все равно терзалась сомнениями.

И все же ей не хотелось заморозить мечтания Простака. Возможно, для него наступит горькое пробуждение, но сейчас она была счастлива видеть его счастливым. Положив руки ему на плечи, она поцеловала его, и Простак задрожал, как желе.

— Ты никогда прежде этого не делала, — в благоговейном трепете пролепетал он.

— Не стала бы и сейчас, но я хотела пожелать тебе удачи. Это материнский поцелуй.

— Материнский?

— Именно, — твердо заверила Динти. — Смотри, не вздумай спутать его с поцелуем необузданной страсти. Это придет позднее… может быть. А вот почему я торчу тут, теряю с тобой время и дарю материнские поцелуи, я и сама понять не могу. Мистер Леман, наверное, пену изо рта пускает. «Она все не идет!» — воскликнул он.

— Это Шекспир, да?

— Кто-то вроде. Сама не знаю. Мое образование оборвалось, когда я еще не успела толком набраться знаний. До свидания, мой дорогой. И удачи. Я уверена, все будет прекрасно. Помни, если произойдут какие-то накладки, все можно еще поправить. Для того и устраиваются премьеры.

— Ну да. Я буду делать пометки, если что не так.

— Вот это дельный разговор. Действуй, мой мальчик!

Динти торопливо вышла, а Простак, опустившись в кресло, предался восторженным размышлениям, подбивая итоги своих позиций.

Дело потихоньку продвигается, размышлял он. Она еще не ответила «да», но, с другой стороны, не говорит и «нет». Она призналась, что он не совсем ей противен, и даже зашла так далеко, что сравнила его с красным вагончиком. Насколько хорош вагончик, Простак понятия не имел, но, очевидно, он довольно привлекателен. Более того, она его поцеловала. Правда, по ее словам, поцелуй материнский, но уж этому верить он не собирался.

— Как бы не так, материнский, — вслух проговорил он, и Глэдис Уиттекер, входившая в эту минуту в дверь, приостановилась и с немалым удивлением оглядела его.

— Что такое?

— Ой, простите! — вскочил он на ноги. — Я и не знал, что вы тут. Я… э… декламировал. Монолог, знаете ли. Как эти субъекты у Шекспира. Что-то случилось?

— Я искала мистера Лемана.

— Он ушел в театр. Вы хотели повидать его по какому-то делу?

— Да.

Теперь Простак разглядел, что на лице статной блондинки странное выражение, холодное и суровое. Она очень напоминала ему тетушку. В детстве он тетушек навидался, поистине — легионы, и все они были такие, строгие и замороженные. Вспомнить хотя бы тетю Шарлотту, когда его к ней привели, обвиняя в том, что он сломал зонтик викария.

— Я хочу, чтобы он поговорил с мистером Поттером. Простак удивился. Он ничего не слыхал о раздоре между этими людьми.

— А разве они не разговаривают?

— Поговорил с ним *серьезно.* О *выпивках.*

— Разве Мэрвин пьет?

Мисс Уиттекер еще больше стала похожа на тетушку.

— Я не охотница критиковать своих коллег, мистер Фиппс, но считаю своим долгом сообщить вам, что я только что встретила мистера Поттера в вестибюле. Он был пьян в стельку.

Простак чуть не рухнул.

— В стельку?

— Вот именно, — подтвердила мисс Уиттекер. — Надеюсь, что он сможет сегодня играть. До свидания, — попрощалась она и вышла с видом Кассандры.

Простак принялся мерить шагами пол, трясясь от беспокойства и тревоги. Новость поразила его. Он ни на миг не усомнился, что Мэрвин не пьет, а ведь неприятно узнать, что тебя дурачили, как последнего олуха.

Помнится, приятель «завязал». Когда завязка развязалась? Когда бы то ни было, сомневаться в этом не мог бы самый оголтелый оптимист. Приличная женщина вроде мисс Уиттекер не стала бы говорить «пьян в стельку», если бы перед ней маячила хоть тень сомнения.

Вот тебе и сюрпризец, подумал он. Из всех мыслимых препон к успеху пьяная звезда, пожалуй, самая коварная. В памяти всплыли страшные истории о том, как опускали занавес и возвращали публике деньги. Неудивительно, что он беспокойно расхаживал по номеру.

А когда Простак повернул с восточного направления на запад, то обнаружил нового посетителя. Был это не кто иной, как Мэрвин Поттер собственной персоной.

14

Узрев эту кинозвезду, Простак прежде всего почувствовал глубокое облегчение. После мрачных слов мисс Уиттекер он поддался, как мы видели, неописуемым страхам. В уме у него мелькали видения вопящего Мэрвина, вроде Дэна Мак-Гру, устроившего пальбу в мэйлмьютском салуне. Он видел актера пьяным в ту ночь, когда горело бунгало, да и в саду особняка миссис С. Хамилтон Бримбл и знал, каким резвым становится идол американских женщин в минуты досуга, а потому страшился увидеть Мэрвина среди удерживающих его мужчин, пока другие бегут вызывать полицейское подкрепление. Теперь вид был вполне сносный.

Мало того, Мэрвин, медленно вошедший в номер 726, совсем не походил на буяна из Скивассетта и Кинг-Пойнта. Голову он опустил, держался подавленно. Словом, его можно было бы принять за трезвенника, только что получившего дурную весть из дома, если бы не странноватое выражение глаз.

— А-а, Фиппс, — тихо обронил он, словно дух, нашептывающий что-то на спиритическом сеансе.

В Простаке проснулся менеджер, а ни одному театральному менеджеру не нравится видеть, как его звезда бродит по отелю, когда вот-вот должен подняться занавес.

— Эй, что это? — воскликнул он. — Ты еще не одет?

— А чего у меня не хватает? — удивился Мэрвин все тем же бесцветным тоном, обводя тусклым взглядом свой костюм.

— Я хочу сказать, ты не оделся к спектаклю? Он скоро начнется.

— При чем он тут? — чуть оживился Мэрвин. — Не трогай спектакль, и он тебя не тронет. Должен сказать тебе, Фиппс, кое-что серьезное. Как говорил Морж, настала пора поговорить о многом.

Мэрвин опустился в кресло и, с трудом сфокусировав взгляд, посмотрел по-совиному на Простака.

— Фиппс, — начал он, — мы старые друзья. — Мэрвин выдержал паузу и взглянул на Простака вопросительно. — Мы ведь старые друзья, верно?

— Ну, в общем…

— Не следует определять наши отношения небрежным «ну, в общем», — укорил Мэрвин с той ноткой суровости, какая уже проскальзывала в его тоне, когда Простак предлагал пообедать. — Человек человеку или старый друг, или не старый друг. Среднего не дано. Мы с тобой, Фиппс, очень старые друзья. Скажу даже больше — друзья закадычные. Через все тревоги и испытания, в беде и радости мы выстояли плечом к плечу, как ребята из старой бригады. Тебе знакомы их обычаи?

— А? Нет. Вроде бы нет.

— Они стояли плечом к плечу и — хотя это я не каждому открою — клинок к клинку, — пояснил Мэрвин, после чего впал в легкую дрему. На этом сцена могла бы и завершиться, если бы Простак, который снова начал мерить шагами пол, не споткнулся о ноги гостя.

Тот открыл глаза.

— На чем мы остановились?

— А?

— Мы обсуждали какую-то занимательную тему, и с большим интересом. Какую же?

— Ты говорил, что мы старые друзья.

— Правильно. Мы действительно друзья. Ты этого не оспариваешь?

— Да нет. В общем, нет.

— Я был бы обижен и разочарован, если бы ты оспаривал. Иногда ко мне приходят люди и говорят: «Скажи-ка, Поттер, — это меня так зовут, — скажи-ка, Поттер, разреши наш спор, вы с Фиппсом старые друзья?» И я отвечаю: «Да, говорю я, Григгс или Фрилингхаузен, или кто там еще ко мне пришел, ты совершенно прав. Мы с Фиппсом старые закадычные друзья». Друзья бывают молодые и старые, так вот мы с Фиппсом — старые. Кто мгновенно подбегает, поцелует, приласкает? Фиппс. У нас с Фиппсом, говорю я этим людям, полнейшее доверие и откровенность. Мы открываем друг другу душу, честно и без всяких обид. Если, например, я обязан в силу нашей дружбы побеседовать с Фиппсом как старший брат,

указав ему, что он завис над краем пропасти, Фиппс воспримет это правильно. Правда, Фиппс?

— Несомненно.

— И никаких обид?

— Никаких.

— Чудесно. Тогда я поговорю с тобой, как старший брат. Фиппс, когда я шел по коридору, я встретил эту секретаршу, юную Динти Мур. Он выпорхнула из твоего номера. Стало быть, ранее, в какой-то миг, она в него проскользнула. Я задремал на пару минут, прислонясь к стене, а когда открыл глаза, увидел Глэдис Уиттекер, тоже выходящую из твоего номера. Вывод — стало быть, раньше она в него вошла. Сколько женщин вошли в твой номер за время моей сиесты? Даже теперь тут могут быть женщины, в какой-нибудь трещинке и щелочке. Они прячутся под кроватью, скрываются в гардеробных, выглядывают из-за кресел, а может, прикорнули в ванной. Мне это не нравится, Фиппс. Не нравится, старый мой дружище. Возможно, ты примешься спорить, что твое сердце совсем молодо и ты просто следуешь примеру Казановы и Карла Второго. Но, повторяю, мне это не нравится. Изгони женщин из своей жизни, и ты заживешь лучше, чище. В этом секрет счастливой карьеры.

Высказавшись, Мэрвин снова погрузился в дрему.

Простак в недоумении смотрел на него. Чего-чего, а этого он меньше всего ожидал. В прежних беседах старый друг всегда выказывал заметный энтузиазм в отношении противоположного пола. Простак все еще тщетно искал разгадку решительного поворота, когда Мэрвин проснулся и немедля начал с того места, на каком прервал свою речь:

— Каких только бед ни натворили Женщины! Кто предал Капитолий? Женщина. Из-за кого Марк Антоний потерял весь мир? Из-за женщины. Кто был причиной долгой десятилетней войны и, наконец, поверг Трою в прах? Женщина. Да, этот пол я не одобряю, — сурово заключил Мэрвин и добавил, что следовало бы принять закон.

Недоумение Простака возросло.

— А мне казалось, тебе нравятся женщины.

— Больше, Фиппс, не нравятся. Категорически. Когда-то сердце мое было открытым домом с надписью на коврике «Добро пожаловать». Но теперь, Фиппс, сердце мое разбито на тысячи кусков. Оно превратилось в жалкие руины, по которым гуляют ледяные ветры отчаяния. Женщина стерла меня в пыль, Фиппс. Так же фальшива, как и красива. Я говорю о своей невесте. Вернее, о своей бывшей невесте.

— О, чтоб я лопнул! Она уже бывшая?

— Это мягко сказано. Такой бывшей ты в жизни не видывал. Сегодня с утренней почтой я получил от нее письмо, отправленное из Нассау на Багамах. Она рвет всякие дипломатические отношения, дает мне отставку. Да, Фиппс, она выкинула меня прочь, и жизнь стала пустой.

Чтоб забыл я свои терзанья, *предлагали радости мне,* и когда я хранил молчанье, *полагали, что я вполне* излечился от тяжкой страсти, / миновали мои напасти. Излечился я, Фиппс? Миновали? Еще чего! Правда, у меня и времени пока не так много было, — рассудительно добавил Мэрвин.

Простак искал слов, чтобы утешить друга.

— Мне очень жаль… — проговорил он.

— Спасибо тебе, Фиппс. — Мэрвин явно хотел пожать руку Простаку, но промахнулся на два фута шесть дюймов и, потеряв равновесие, грохнулся на пол, потом поднялся, подбодрив себя возгласом «Опля!», и начал снова: — Твое сочувствие трогает меня. Я не скажу, что оно залечило мое разбитое сердце, но оно меня трогает. Спасибо тебе, дружище. Вот оно как. Я очень прошу тебя, Фиппс, когда ты будешь рассказывать об этом злосчастном случае, говори обо мне, каков я есть. Не приукрашивай ничего, но и не опускайся до злобы. Говори про человека, который любил неразумно, но слишком сильно… у тебя не завалялась где-нибудь капелька виски, а?

— Боюсь, что нет.

— А скотча? Или бурбона? Я человек непривередливый.

— Да вроде ничего нет.

— Ну и ладно. Такова жизнь, верно я говорю?

— Как же это случилось?

Мэрвин на минутку окунулся в размышления.

— Долгая, печальная история. Ярко иллюстрирует женское, да и общее коварство. Ты представляешь, что сделала эта девушка, Фиппс? Нет, не говори, я сам расскажу. Вспомни тот вечер, когда мы заскочили к Бримблам, и ты там лазил по деревьям. Ты припоминаешь, что я сказал тебе? Она велела мне завязать.

— Помню. И ты завязал, да?

Мэрвин подтвердил это с тяжким вздохом.

— Да, я больше не пил. Я держал слово крепко и верно. Она завела манеру появляться нежданно-негаданно, так что по-другому я не мог. Три долгие унылые недели ничто не смачивало моих губ, кроме ячменного отвара да лимонада. И что же случилось? Со своим отцом С. Хамилтоном Бримблом из Кинг-Пойнта, на Лонг-Айленде, и своей матерью миссис С. Хамилтон Бримбл, как ни странно, тоже из Кинг-Пойнта, она отправилась

в Нассау ради перемены климата, оставив меня одного… Одного в Нью-Йорке.

Мэрвин вздохнул опять, тяжелее прежнего. История, которую он намеревался рассказать, потрясла его до основания души. Простаку стало его до боли жалко, а по спине, когда он украдкой взглянул на часы, прокатилась холодная дрожь. Уже давным-давно убитому горем человеку следовало бы сидеть в своей гримерке и накладывать грим.

— Расставание, — возобновил свое повествование Мэрвин, — было мучительным. Чувствовал я себя, как тип из этой поэмы, который мечется по свету, теряя своих газелей. Однако в любой, самой черной туче опытный глаз сумеет, если вглядится повнимательнее, рассмотреть золотой проблеск. Кошмар несколько умеряло одно соображение — теперь, когда ее не будет и некому нежданно-негаданно приезжать ко мне, я могу пить вволю. Человек чести, — сообщил Мэрвин, емко и коротко обобщая свои взгляды, — держит слово, данное женщине, пока она рядом. Но когда ее поблизости нет, положение меняется. Короче, Фиппс, едва она успела ступить на борт парохода, как я устремился в клуб «Ягнята» с пылом верблюда, который после долгих дней перехода по знойным пескам пустыни узрел наконец оазис. А потом подпитал организм во многих ресторанах и ночном клубе. Приходилось немало наверстывать, и я уж расстарался.

— Она об этом узнала?

Мэрвин испустил третий вздох — вздох человека, до дна испившего горькую чашу жизни, человека, чья вера в жен-шин умерла навек.

— Да как же она могла не узнать? С трудом верится, что такая чистая, наивная девушка, воспитанная мисс Финч, оказалась способна на *это!* Представь, перед отъездом в Нассау она обратилась в детективное агентство «День и Ночь», и за каждым моим шагом, хотя я и знать не знал об этом, пристально следили частные сыщики, снабженные блокнотом и карандашом. Они ходили за мной по пятам, Фиппс, скрупулезно записывая все, и передавали свои доклады единственной дочери С. Хамилтона Бримбла (ну и, конечно, миссис С. Хамилтон Бримбл) из Кинг-Пойнта, Лонг-Айленд. Результат ты видишь перед собой. Вот тебе и вся моя история. Что ж, прощай, Фиппс, старый дружище. Мне не следует больше посягать на твое время. Несомненно, у тебя еще сотня дел.

— А ты теперь бежишь в театр?

— В театр? — Поттер взглянул на него бессмысленным взором.

— Ведь ужасно поздно!

— В театр? — повторил изумленный Мэрвин. — Бегу в театр? Нет, я

не побегу ни в какой театр. Им придется заменить меня дублером. Господи, ты же не думаешь всерьез, что я сумею играть трудную роль с такой раной в груди, с моим разбитым сердцем? Нет, я отправлюсь опрокинуть еще пару рюмашек, а потом пойду и запишусь в Иностранный легион, этот отряд обреченных. До свидания, Фиппс, — попрощался Мэрвин и, благожелательно посоветовав на прощание не брать фальшивых никелей, тяжело вышел из комнаты, волоча ноги и порой подскакивая, словно стервятники клевали ему грудь.

15

Если бы горничная-литовка, которая пришла в полдесятого вечера застилать постель Простака, была хоть немножко экстрасенсом, что редко бывает у горничных-литовок, она ощутила бы в номере 726 странную, почти зловещую атмосферу, будто в доме с привидениями, где ждут, пока призраки отметятся, что явились на работу. Подобная атмосфера всегда царит в отелях Нью-Хейвена, Сиракуз и других городов, где играют спектакль, перед премьерой, когда приходит пора провести посмертный разбор нового спектакля. Так и чудилось, что номер затаил дыхание в предчувствии неведомых событий.

С 9:30 до двенадцатого часа он напряженно ждал, и, наконец, в скважине щелкнул ключ. Вошел Простак, весело насвистывая. Оставив дверь незапертой, он включил свет и прошел в комнату, все так же насвистывая. Весь вид его говорил, что он поймал синюю птицу. Призрак, присутствуй он тут, с первого взгляда признал бы в молодом человеке лицо, финансово заинтересованное в театральной постановке, которое только что видело, что спектакль уложил зрителей штабелями, сразив их наповал. Пожалуй, Призрак решил бы покопаться в своей эктоплазме, разыскивая денежку на билет. Но через несколько минут Призрак спохватился бы и решил приберечь деньги в саване. Дело в том, что появился Джозеф Леман, и было что-то в его манерах, отчего стыл позвоночник у самых отважных призраков. За Леманом на почтительном расстоянии следовал скорбный Джек МакКлюр. У самого Джо Лемана был вид человека, пришедшего возложить венок на могилу старого друга: спина сгорблена, глаза опущены, и даже его неизменная шляпа утратила лихой залом. Со вздохом, исходившим от самых пяток, Леман тяжело опустился на кровать. Джек с таким же вздохом плюхнулся в кресло.

Простак недоуменно рассматривал скорбящих. Сегодня ему особенно

хотелось видеть вокруг улыбающиеся лица, а судя по Леману и МакКлюру, они, как один английский король, зареклись улыбаться.[18] Это удивило Простака. Зритель он был благодарный, и ему казалось, что только что закончившийся спектакль прошел с блеском. Теперь в душу ему заползли сомнения — после успешной премьеры такой мрачности не бывает.

— Послушайте, — начал он, — что-то не так?

Ответа Простак не дождался. Леман пощипывал покрывало, МакКлюр барабанил по подлокотнику. Простак попытался снова.

— Мне показалось, все прошло недурно, — заметил он, но Леман вздрогнул, а голова МакКлюра откинулась назад, словно кто-то ударил его между глаз. Простак чуть подправил свое замечание: — Ну, кроме некоторых мест, я хочу сказать. Там, знаете, сям…

Оба партнера опять промолчали, словно приняли обет траппистов. Беспокойство его усугубилось. Как уже не раз отмечалось, он не блистал умом, но все же понял, что, быть может, не все к лучшему в этом лучшем из миров. Он старался стряхнуть тревогу, как кусок бланманже, когда услышал сухое, неприятное покашливание и увидел, что миссис Леман вплывает в комнату, точно военный корабль, заряжающий пушки.

— Привет! — воскликнул Простак. — Эге-ге-гей!

Фанни, твердо глядя на мужа, слов этих не заметила. Простак ей нравился, и обычно она любила поболтать с ним, но теперь была занята, приводя в порядок мысли. Ее победа была настолько полной, что и слов не требовалось. Но все-таки она намеревалась кое-что сказать. Войдя в комнату, Фанни встала в самом центре и приготовилась.

— *Во-первых!* — начала она.

В оцепеневшие конечности Лемана вернулась жизнь. Он подпрыгнул.

— Только твоих шуточек не хватало! — прогремел он. — Ясно?

Фанни рассмеялась легко и заливисто.

— Ты бы лучше в эту свою шараду добавил пару шуточек! Да-с, мой милый. Или хоть диапозитивы использовал. Еще можно вставить номер — акробатов там, собачек…

— Послушай…

— Или дрессированных тюленей, — заключила Фанни. Шляпа мистера Лемана затрепетала.

— Ты когда-нибудь закрываешь рот? — с напряженной вежливостью спросил он.

— Время от времени.

— Вот сейчас самое время, — угрожающе сообщил мистер Леман. — Не хочу ничего слышать. У нас грандиозное… да…хм… Вот слегка

подправим и… Хорошо, этому сборищу спектакль не понравился. Ну и что? Паршивее городишки в Америке и не сыщешь. Нашла знатоков. Новость изумила Простака.

— А мне казалось, вы говорили…

— Неважно, что я говорил! Заткнитесь!

— Ну, ладно. Но все же, вы сами…

— Вам сказано, заткнитесь.

Простак утих, но чувства его были задеты. Тот ли это человек, спрашивал он себя, который стискивал ему руку и чуть ли не со слезами на глазах благодарил за сотрудничество? Кратковременное знакомство с театром еще не научило его, что между поведением менеджера накануне спектакля и поведением того же менеджера сразу после провала есть легкая, но ощутимая разница.

Мистер Леман возобновил свою речь:

— Если спектакль прошел не очень успешно, что из того? Чего еще ждать, если наш красавчик подвел нас за полчаса до начала и пришлось вводить бездарного дублера?

Никаких обманчивых доводов Фанни принимать не желала.

— Ах-ах-ах, бездарного! Этот Спендер играл куда лучше Мэрвина. Все дело в пьесе. Она ни к черту не…

— Почему это?

— Хочешь узнать? Хорошо. — Фанни облизнулась — *Первое!* Но тут ее перебили, возможно — очень кстати, поскольку у мистера Лемана могло подскочить давление. Вошел официант, неся раскладной столик и другие необходимые предметы. Он был низенький, плотненький и, наверное, самый дружелюбный из всех официантов в Сиракузах.

— Здесь что, намечается вечеринка? — приветливо осведомился он.

Простак очнулся.

— О, спасибо! Да-да. — Он повернулся к мистеру Леману. Чувства его все еще были оскорблены, но в такое время следует подавлять оскорбленные чувства. — Послушайте, это ведь все мелочи, верно? Спектакль-то имел успех!

Мистер Леман бросил на него долгий скучный взгляд, но промолчал. Официант разложил столик.

— Мистер Фричи говорит, он заглянет попозже проверить, все ли в порядке, — сообщил официант, и мистер Леман вздрогнул, точно кит, в которого всадили гарпун.

— Только мне и не хватало этого чокнутого, — простонал он. — Убирайтесь!

— Слушаюсь, сэр.

— Фричи! — фыркнул мистер Леман, точнее, выплюнул это имя, точно выругался крепким и сочным елизаветинским ругательством, какое мог бы отпустить Бен Джонсон, разозлившись на Бомонта и Флетчера за стаканом шерри в таверне «Русалка». — Только его нам и не хватало.

И снова в номере 726 воцарилось молчание. Нарушила его Фанни.

— Интересно, могу я задать вопрос? — полюбопытствовала она со смиренной ласковостью, подействовавшей на Лемана, словно раскаленная кочерга. Он возбужденно подскочил, шляпа «дерби» качнулась.

— Отстань! — взмолился он. — Отстань от меня, говорю!

Но упорную женщину с пути не сбить. Долг ее — оказывать всяческую помощь мужу, и она твердо намеревалась его исполнить.

— Я только хотела спросить, ты собираешься вставить какой-нибудь номер в ту пятиминутную паузу, когда Уиттекер никак не могла вспомнить следующую реплику? — ласково проурчала она. — Если она намерена выдерживать такую паузу на каждом спектакле, тут нужен вставной номер. Балет какой-нибудь. А то я и сама могла бы выйти с булавами…

— Отстань! — Леман свирепел на глазах. — Отстань, отстань, отстаань!

— Мы все трудимся ради спектакля, — добродетельно проговорила Фанни. — Как-то я видела труппу швейцарских музыкантов…

— Прекрати сейчас же! — взревел мистер Леман и повернулся к Джеку. — Ты сказал режиссеру, что мы встречаемся здесь?

— Он придет с минуты на минуту.

— А Берни?

— Я сказал ему номер комнаты.

— А где эта Мур с моими заметками? Простак тоже решил помочь.

— Вот мои заметки, мистер Леман, если вам потребуется…

— Давай звякни Берни. Вызови его сюда.

— Ладно, — отозвался Джек. — Но что-то я не видел его в зале.

— Я видела, — вставила Фанни.

— И что он сказал? — поинтересовался было Леман, но тут же быстро добавил, заметив, как осветилось лицо жены. — Нет, молчи!

Простак все еще рвался помочь.

— Вот заметки, мистер Леман. Если желаете взглянуть… Насчет сцены в саду, к которой мне особенно хочется привлечь ваше…

— О-о! — простонал Леман.

Вошла Динти Мур с экземпляром пьесы, пухлой стопкой заметок, надиктованных Леманом, и пучком остро отточенных карандашей. Вела

она себя смирно, без всякого следа обычной живости, и напоминала персонаж из страшных историй, которому явилось привидение. Собственно, так оно и было. Приветственное восклицание Простака не вызвало ответной улыбки. Воспитанные девушки на похоронах не улыбаются.

— Дайте мне заметки, — велел мистер Леман, усаживаясь за письменный стол. — И пьесу. И карандаш.

— Дайте мне мистера Сэмсона, Китти, — сказал Джек в телефонную трубку. — Из номера 413. Да, кстати, как вам спектакль?

— Ну-с, приступим. — И мистер Леман открыл пьесу.

— Да? — с болью воскликнул Джек. Было очевидно, что ответ от телефонистки был совсем не радостный. — Ну, я бы не стал заходить так далеко… — слегка поморщившись, заметил он. — Поймите, спектакль еще не обкатан. Над ним нужно поработать. К тому времени, как мы приедем в большой город, он засверкает и заискрится.

— Ага! — воскликнул Простак. Вот это, чувствовал он, старый боевой дух.

Мистер Леман жестом приказал Динти сесть на стул рядом с ним.

— Записывайте все, что будут говорить, ясно? И я не хочу… О, Господи, снова он здесь!

Это вернулся официант, нагруженный бутылками шампанского.

Глаза Фанни, округлившись, провожали его, пока он пересекал комнату.

— О! — задохнулась она в восторге от такой щедрости. — Ваш день рождения?

— А? — переспросил Простак. — Нет, мы хотели отпраздновать успех спектакля.

Брови у Фанни вскинулись.

— Что?

— Успех спектакля.

— Значит, я правильно расслышала. — Она взяла бутылку шампанского. — Их откроют?

— Ну, конечно.

— Скоро?

— А, ясно! Официант, откройте, пожалуйста, бутылочку-другую.

— Простите, что я тороплюсь, — сказала Фанни, — но, понимаете, мне ведь пришлось смотреть все три акта.

Джек наконец установил связь с таинственным Берни.

— Берни? Это Мак.

— Скажи, пусть поторопится, — раздраженно бросил Леман.

— Мы собираемся тут, в 726-м. Ждем тебя, — сказал Джек — О'кей.

И повесил трубку. Официант маячил в дверях.

— Мистер Фричи спрашивает, когда подавать еду.

— Ах да! — воскликнул Простак, вспомнив об обязанностях хозяина. — Хотите, чтобы всю закуску привезли прямо сейчас?

— Мне все равно, — ответил Леман, чьи мысли блуждали далеко от земных дел. — Я прошу одного: пусть Фричи держится подальше отсюда.

— Вы желаете видеть мистера Фричи? — бойко осведомился официант.

— Нет! Не желаю. Брысь!

— Слушаюсь, сэр. А помните, что сказал Макартур японцам, когда те выпихнули его с Филиппин?

— Нет.

— Я еще вернусь!

Два бокала шампанского привели Фанни в веселое расположение духа. Она предложила тост:

— За Глэдис Уиттекер, королеву глухонемых! Леман грохнул кулаком по столу.

— Закройте дверь! — рявкнул он. — И где все? Я плачу режиссеру кучу денег. Где он? Берни Сэмсона я привез из Нью-Йорка. Где он? Мне что, никогда не получить ни от кого помощи? А, — перебил он сам себя, — наконец-то! В комнату вошел Сесил Бенхэм, режиссер.

16

Сесил Бенхэм, человек зрелых лет, держался спокойно и с очень большим достоинством. Некоторые, но не он сам, считали его старомодным анахронизмом. Расцвет его режиссерской карьеры пришелся на то давнее время, когда кино еще находилось в младенческом возрасте, а телевидение маячило в дымке далекого будущего. Когда Бенхэм безмятежно вошел в комнату, у присутствующих сложилось обманчивое впечатление, будто на плечах у него — накидка с алым подбоем. Ничего подобного не было, но вокруг него витала аура елизаветинской эпохи.

Многие, встречаясь с Сесилом Бенхэмом, испытывали ностальгические чувства, будто при виде благородного старинного монумента. Мистер Леман к этим многим не принадлежал.

— Эй! — гаркнул он, не тратя времени на предварительные

любезности. — Что случилось с декорацией?

Бенхэм бросил на него спокойный, полный достоинства взгляд, каким мог бы одарить развязного молодого актера в артистическом клубе.

— Прошу прощения?

— Я спрашиваю, что с декорациями? Они висели криво весь спектакль.

— Да, я тоже про это записал! — вмешался Простак, как всегда рвущийся помочь. — Особенно заметно было во второй сцене. Не знаю, известно ли вам, но в настоящем саду…

Спокойствие Бенхэма нарушила легчайшая рябь досады.

— Мой дорогой мистер Леман, едва ли я мог это предотвратить. Режиссер не в силах успевать всюду. Я весь вечер суфлировал.

— Если вы суфлировали, то где вы были, когда Уиттекер устроила паузу во втором акте? Вы что, не могли подсказать реплику?

— Я четыре раз подсказывал реплику, но на нее это не произвело никакого впечатления. Видимо, она сильно нервничала.

Простак пролил свет на проблему:

— Она, бедняжка, неважно себя чувствовала.

— Что?

— Так она мне сказала.

— А когда вы ее видели?

— В ее гримерке, после первого акта. Я давал ей кое-какие указания.

— *Что?*

— Указания. Я говорил ей, что в той длинной сцене надо бы поддать жару.

Леман раздулся и стал похож на малого пророка, готовящегося проклясть людей за их грехи.

— Нет, из всех…

Он оборвал фразу, ибо раздался стук в дверь. Простаку повезло, как везет боксеру, которого спасает удар гонга.

— Войдите! — прокричал Леман.

— Может, Берни, — заметил Джек.

Это и вправду пришел Берни, но не один, а с дамой.

Берни Сэмсон, молодой человек с землистым цветом лица и видом строгой умудренности, которая приобретается лишь долгими трудами на Бродвее, был, как говорят в театральных кругах, «правщиком». Несколько лет назад он сделал удачное предложение, когда комедия корчилась в предсмертной муке. Режиссер что-то спутал, но и в ошибочном толковании предложение спасло пьесу.

С тех пор Берни Сэмсон стал признанным правщиком драм. Своего рода стервятник, парящий над театральной сценой, он видел, как ставились и тут же умирали пьесы, и при гибели каждой участвовал в таком вот консилиуме.

Молодую девушку, которую он привел с собой, звали Пэгги Марлоу, и была она довольно известной хористкой с Бродвея. За ней водилась привычка поиграть с месяц в какой-нибудь музыкальной комедии, а потом вдруг сорваться и укатить во Флориду. Была она эффектно одета и на редкость хороша собой.

— Привет, — поздоровался Берни, кинув шляпу на кровать. — Эй, Джо! Как поживаешь, Маки? Со мной тут молодая дама, — он махнул рукой в сторону Пэгги. — Это мисс Марлоу, ребята.

— Здрасьте. — Мисс Марлоу выпустила облачко дыма, поскольку красиво очерченные губки неизменно украшала сигарета в длинном мундштуке, как шляпа «дерби» голову Лемана.

Джек МакКлюр познакомил всех.

— Миссис Леман… Мистер Бенхэм… мистер Фиппс.

— Рад познакомиться с вами, миссис Леман. Алло, мистер Бенхэм. Приветик, мистер Фиппс. А, шипучечка, — заметил Берни, увидев шампанское.

Мистер Леман упорно придерживался главной линии. Он нахмурился на шампанское, привносящее, по его мнению, фривольную нотку, не соответствующую важности момента.

— Так, Берни. Я хочу, чтобы ты сказал нам, что ты думаешь о спектакле. Мистер Сэмсон, — объяснил Леман, адресуясь к Бенхэму, — специально приехал из Нью-Йорка, чтобы его посмотреть и внести какие-то поправки. Если потребуется.

— Если? — фыркнула Фанни. — Что значит — если?

— Вот как? — Сесил Бенхэм ни капельки не обрадовался и окинул правщика настороженным взглядом. В былые дни он навидался таких Берни, и они не вызывали у него симпатии.

— Сейчас мы выскажем свое откровенное мнение, — призвал мистер Леман. — Скажем все, что думаем о спектакле.

Фанни тут же услужливо поднялась, не совсем устойчиво держась на ногах.

— Так вот, — приступила она. — *Во-первых!*

— И этого хватит, — быстро перебил жену Леман. — Давай, Берни.

Напыщенность опытного правщика плащом окутывала Берни, и свою вступительную речь он начал с уверенностью человека, пребывающего на

твердой почве.

— Разумеется, нет сомнений, что спектакль требует некоторой доработки.

— Все переделать, — вставила Фанни, увлеченная шампанским. — А может, просто убить.

— Да замолчи ты! — бросил мистер Леман.

— Когда я бываю в театре, — глубокомысленно продолжал Берни, — то смотрю не столько на сиену, сколько на публику. Зрители скажут вам все. Итак, пролог у вас шикарный. Отличная идея — герой читает пьесу. Это интригует зрителей. Но потом они начинают ускользать от вас.

— Мне бы хотелось сказать как раз об этом, — со всем рвением вступил Простак. — В частности, насчет сцены в саду..

— Кто это? — осведомился Берни. — Вы сказали, Фиппс?..

— Верно, — отозвался Простак. — Я…

— С вашего позволения, мистер Фиппс…

— Ничего-ничего. Я только хотел заметить, что сцена в саду… — Он остановился на полуслове, встревоженный и напутанный взглядом Лемана. Тот смотрел на него еще секунд десять, а потом повернулся к Берни:

— Итак, вы говорили…

Мистер Сэмсон возобновил свою речь:

— В общем, как я уже сказал, пьеса нуждается в доработке. Некоторые сцены не бьют наповал. Вот у меня есть сцена, которую я сделал для шоу под названием…

Блуждающий взгляд мисс Марлоу наткнулся на Простака.

— Приветик, — ласково сказала она.

— Здравствуйте, — отозвался Простак.

— Вы англичанин, верно?

— Да.

— То есть «ага». Какие у вас красивые волосы!

— Спасибо.

— Как сливочное масло!

— В общем, да.

— На меня это действует, — проговорила мисс Марлоу. все так же ласково.

Берни упустил нить своих рассуждений.

— Послушайте-ка, — подозрительно спросил он, — что это там у вас происходит?

— А ты занимайся своим делом, — откликнулась Пэгги. Леман воздел руки к небесам. Он сразу проникся жгучей антипатией к мисс Марлоу.

— Берни, вы что, не можете избавиться от этой мамзели? — заорал он.

— Пусть только попробует, — ровно произнесла мисс Марлоу. — Что я ним тогда сде-елаю…

— Мы будем обсуждать спектакль или нет? — полюбопытствовал Леман.

— Я против, — вступила Фанни.

— А я за то, — заметила Пэгги, — чтобы кто-то плеснул мне в бокальчик шипучки. Прямо удивляюсь, как это ты сам мне не предложил, лапочка, — продолжала она, укоризненно обращаясь к Простаку. — Ты меня за кого принимаешь, за трезвенницу? Я тебе что, сухой закон?

— Налейте ей, — властно распорядился Леман, подбородком указуя на Простака, а большим пальцем тыча в шампанское, и Простак кинулся исполнять приказ с живостью человека, уверенного, что уж в этом деле он мастер. У него начало складываться впечатление, что участники конференции, особенно Леман, не умеют слушать. Хорошо, ему не удается завладеть их вниманием, но уж шампанского-то он сумеет налить. Он наполнил бокал мисс Марлоу, и мисс Марлоу, осушив его, выдохнула:

— Уф-ф!

— Так как же? — Леман поймал, наконец, взгляд Берни, норовящий уплыть в направлении молодой дамы. — Вы говорили, что сделали сцену…

— Да. Надо чем-то заменить эпизод в кабаре. Это ведь прямо поцелуй смерти, — содрогнулся Берни. — Хотя, конечно, — продолжал он тоном человека, анализирующего проблему со всех точек зрения, — может, вся закавыка в режиссуре. Не знаю, кто ставил спектакль, но из всех паршивых работ…

Сесил Бенхэм выпрямился во весь рост.

— Прошу прощения, мистер Джексон…

— Берни Сэмсон.

— В самом деле? А я — Сесил Бенхэм.

— Вот как?

— Возможно, вы не знаете, кто я.

— Дело не только в этом…

— Я десять лет проработал с Дэвидом Беласко. Я ставил для Назимова. Я был режиссером у Эдмунда Бриза. Я был режиссером у Лоуэлла Шермана, Сирила Скотта и Джинн Иглз.

— Где они все теперь? — спросила Фанни, размахивая бокалом.

— И я не привык, чтобы мою работу характеризовали тем словом, которое употребили вы!

— Послушайте! — возмущенно взорвался Берни. — Я приехал сюда из Нью-Йорка, оказывая любезность Джо…

— Тем не менее, я настаиваю…

— Слушайте, прекратите стычку! — взмолился Леман.

— Если ему позволить…

— Что толку заводиться…

— Да, но…

— Он ничего такого не хотел сказать. Просто шутил, понимаешь? — уговаривал мистер Леман, пока уязвленный режиссер медленно усаживался на место.

— Как, и это все? — вознегодовала мисс Марлоу. — Ладно, кликните меня на следующий раунд. — И вольготно растянулась на кровати, нарочно не заметив взгляд, каким Неман одарил ее. До сих пор он приберегал их только для Простака или подруги своих радостей и печалей.

— Продолжай, Берни, — попросил мистер Леман, медленно считая до десяти, как и рекомендовал ему доктор в случаях, когда подскакивает давление. — Так какая там была сцена?

— Вот какая. Она точнехонько падает на то место, где тут у вас кабаре. Сцена — шик-блеск, но шоу в Нью-Йорке так и не пошло, так что ее никто не видел. Курильня опиума в Гонконге, представляешь?

— Ну что это? — возмутился Бенхэм с превеликим достоинством.

Даже мистер Леман засомневался:

— Берни, мы должны придерживаться сюжета! Не можем же мы выбросить всю пьесу.

— А что такого? — поинтересовалась Фанни.

— Ладно, давайте начнем с самого начала… Кто это? — спросил мистер Леман, услышав стук в дверь.

— Полиция, если в Сиракузах есть хоть какой-то закон и порядок, — высказалась Фанни. — Ныряй в окно. Я бы на твоем месте выпрыгнула. Не давайся им в руки живым.

— Откройте дверь, — велел мистер Леман.

— Я? — уточнил Простак.

— Да.

— Ладно.

У Простака возникло чувство, что ему недостает одного, чтобы превратиться в швейцара, — фуражки с козырьком и формы руританского адмирала. Но нрав у него был мягкий и услужливый, а дядя Теодор помыкал им в юности слишком долго, и теперь он уже не обижался на мелкие поручения.

Подойдя к двери, Простак открыл ее.

17

Вошла Глэдис Уиттекер в самом воинственном расположении духа, готовая отразить любые атаки на ее мастерство. Фанни встретила ее аплодисментами, но та этого не оценила.

Заняв место в самом центре комнаты, она разразилась речью.

— Прежде чем кто-то что-то скажет, — тихим угрожающим голосом начала Глэдис, — та пауза — не моя вина. Мистер Спендер подал мне неправильную реплику, из третьего акта, так что мне пришлось остановиться и подумать.

— Такой чудесный вечерок вы выбрали для раздумий! — посочувствовала Фанни.

— Могли бы поставить кого-нибудь в кулисах, чтобы подавать реплики!

Сесил Бенхэм зловеще раздулся. Бенхэмы не воюют с женщинами, пока те сами не напрашиваются. А мисс Уиттекер, рассудил он, как раз напрашивалась.

— Я подсказал вам реплику!

— Ну, а я не расслышала.

— Это уж не моя вина.

— Чудненько! — Пэгги Марлоу резво села на кровати. Возбужденные голоса обещали сражение, которые она обожала.

— У меня весь день была дичайшая головная боль, — сообщила мисс Уиттекер, и голос ее задрожал от жалости к себе. — Если вы полагаете, — продолжила она, вдруг перенося атаку на Простака, — что артистке легко играть спектакль, да еще главную роль, когда в гримерку к ней без конца вламываются посторонние с идиотскими замечаниями…

Простак испытал чувства Цезаря, которому Брут вонзил нож в спину.

— Черт подери! — закричал он, удивляясь такой неблагодарности. — Вы же сами хотели, чтобы я делал идиотские замечания… Тьфу, то есть я хочу сказать…

— Нет, правда, мистер Фиппс! Я же куда дольше вашего служу в театре…

— И вот это уже *совсем не сказки*, — вставила Фанни. Мисс Уиттекер подобралась.

— Прошу прощения?

— Да прекратите вы! — рявкнул мистер Леман. — Ну, а теперь — начнем сначала и пройдемся по всему спектаклю.

Джека осенило:

— Джо, а хочешь честного и откровенного мнения? Свежий взгляд на пьесу?

— От кого?

— От телефонистки. Молоденькая девушка, хваткая, как стальной капкан. Она видит все, что тут происходит, и я сунул ей сегодня пару баксов.

— Недурная мыслишка. Тащи ее сюда. Пусть кто угодно, только не Фричи.

Мисс Марлоу, которая было снова легла и повернулась на бок, приготовившись заснуть, перекатилась на спину и села. На лице у нее появилось напряженное выражение, словно у леопарда, изготавливающегося к смертельному прыжку.

— Он сказал «телефонистка»?

— Ну, крошка! — взмолился Берни. Он и раньше слышал такие нотки в ее голосе.

Джек говорил в трубку:

— Китти? Это МакКлюр. Слушайте-ка, вы можете оставить там все на минутку и подняться в 726-й?.. Скажу вам, когда придете. Правильно. Пока.

Мисс Марлоу все еще размышляла.

— В этом отеле одна барышня?

— Ну, крошка! — уговаривал Берни.

— Я вроде бы с ней сцепилась, вот потому-то и хотелось бы знать…

— Берни, — возвысил голос мистер Леман, — ты не мог бы отвести эту дамочку…

— В другой как-нибудь раз, крошка.

— Ну, на всякий случай, если это та самая, выпью-ка я еще бокальчик, — решила мисс Марлоу.

— Внимание, слушайте! — призвал собрание к порядку мистер Леман. — Ни-ка-ких больше перебивок. Рассматриваем все сцены по порядку. Итак, мы остановились на прологе. Он годится?

— Да, — согласился Берни.

— Да, — подтвердил Джек.

— Ну а вы, Бенхэм? Как вам пролог?

— О, я вполне удовлетворен!

— Ну, не стоит дуться. Запишите, — обернулся мистер Леман к

Динти. — Пролог годится.

— Годится, — сказал и Простак, внося безвозмездную лепту и, поймав взгляд босса, схватился за ближайшую бутылку шампанского. Как странно, подумал он уже не в первый раз за вечер, до чего же круто поменялось к нему отношение Лемана сегодня вечером. Прежнего сердечного дружелюбия и в помине нет. Что случилось с добродушным другом, так часто называвшим его «дорогушей»?

Высказала свое соображение и мисс Уиттекер:

— Вот что не так в пьесе. Героиня не вызывает сочувствия. Я все время сражаюсь с публикой. Я им не нравлюсь.

Фанни изо всех сил постаралась встать.

— А как же иначе? — Она снова плюхнулась на стул. — Ой не могу, свалюсь! — И она потянулась за бокалом.

Мисс Уиттекер, кинув на нее один-единственный взгляд, перестала замечать ее, насколько возможно не замечать Величайшую Жонглершу в Мире.

— Нет сочувствия. Вот и вся разгадка. В спектакль надо что-то добавить, чтобы показать, что, по сути, я хорошая, а не легкомысленный светский мотылек.

— Может, раздать публике брошюрки с пояснением? — предложила Фанни.

— Если бы в начале пьесы у меня была сцена, которая подала бы меня в более привлекательном свете… Скажем, эпизод с ребенком…

— К этому мы еще вернемся, — решил Леман. — Запишите, — бросил он Динти. — Ребенок для мисс Уиттекер.

— Не в самом же начале пьесы! — засомневался Простак.

— Тогда она еще не замужем.

— Ладно, лад-но-о. — Снова раздался стук. — Откройте дверь.

— Я?

— Да-а!

— Хорошо, — послушался Простак.

Снова пришел официант, нагруженный на этот раз подносами с курицей по-королевски.

— Курочка! — весело провозгласил он. — Я говорил вам, что еще вернусь.

— Поставьте на стол.

— Слушаю, сэр. Подходите, попробуйте! — пригласил официант в той же манере добродушного малого, который хочет всех осчастливить.

Леман враждебно покосился на кур. Они ничего для него не значили.

Он жил ради искусства.

— Дальше, дальше! — закричал он. — А то мы тут на всю ночь застрянем. Следующий эпизод — сцена в саду.

Лицо Простака осветилось. Наступил его звездный час.

— Я хотел сказать кое-что про эту сцену.

— Вы ничего не говорили!

— Я просто ждал, пока вы дойдете до нее. Видите ли, дорогой мой компаньон…

— Может, разрешите и мне поговорить минуточку? И не называйте меня компаньоном.

— Что ж, не буду, мой друг.

Вполне вероятно, что мистер Леман как-то прокомментировал бы и такую форму обращения, но в эту минуту раздался новый стук в дверь, и Простак, вновь направленный открыть ее, очутился лицом к лицу с маленькой девушкой в аккуратном черном платьице, на которую и воззрился.

— А-а, вот и Китти, Джо! — объявил МакКлюр и пояснил: — Телефонистка. Это — мисс Хэмфри. Ну а теперь, вот в чем дело, Китти. Мы хотим, чтобы вы сказали нам, что вы думаете о сегодняшнем спектакле. Прямо с ходу. Вы ведь смотрите все приезжающие к вам шоу. Вот мы и хотим узнать ваше правдивое мнение.

Сидевшая на кровати Пэгги задумчиво рассматривала новую гостью.

— Что ж, я скажу вам, мистер МакКлюр, — начала Китти. — Понимаете, Сиракузы — забавный городок.

— О, вот как? — вмешалась Фанни.

— Ну, то есть, ему трудно угодить, — продолжал оракул, высказывая мнение зрителей любого городка. — Понимаете, мы ведь видим все новые постановки. Все шоу привозят сюда. Если шоу пройдет здесь, оно пройдет где угодно. И люди у нас такие забавные. Если им нравится шоу, они идут на него, а если нет — и ходить не станут.

— Вот так новость! — саркастически вставил мистер Леман.

— Слушайте! — вмешался официант. — Я могу сказать вам, что не так с вашим шоу. Сам я его не видел, но горничная с четвертого видела, и она…

— Минуточку, — перебил его Джек. — Мы хотим, чтобы эта молодая леди…

— О, прошу прошения, — извинился официант. — Мисс, ваше слово.

Пэгги поднялась с кровати. Держалась она спокойно, но угрожающе.

— Это ты принимала звонок в Нью-Йорк из 413-го? — холодным

ровным тоном осведомилась она.

— Ну-ну, крошка! — взмолился Берни.

— Так это ты?

— Да, я.

— Вела ты себя нахально.

— Мне так не показалось.

— А вот мне показалось. Тебе ведь положено быть любезной? А? Положено?

— Я всегда любезна, когда говорю с леди. Повисла пауза.

— Я скажу, на что ты нарываешься, — осенило мисс Марлоу. — На то, чтобы тебе влепили по твоей безобразной мордахе.

Слова эти были брошены небрежно и легко. Пэгги, побывавшая в пятидесяти скандалах, даже ничуть не разволновалась. Однако ее заявление чуть не сорвало диспут. Фанни издала подбадривающий клич «Давай!», Леман безмолвно ахнул. Берни взмолился: «Ну-ну, крошка!», Бенхэм пощелкал языком и пробормотал: «Ну что же это?», явно считая, что под покровительством Дэвида Беласко ничего подобного не случилось бы. Джек предпринял умный тактический ход — в обычной своей спокойной манере выпроводил Китти из комнаты и закрыл дверь. Наступила минута блаженного покоя.

Леман тяжело отдувался.

— Заприте эту дверь, наконец! — распорядился он.

— Я?

— Да-а!

— Хорошо.

— Вам придется отпереть ее снова, — сказал официант, — чтобы выпустить меня. Так вот, я собирался передать, что сказала та горничная с четвертого этажа. Она сказала мне: «Руперт, чего хочет зритель? Развлечений».

Мистер Леман завыл как бэнши.[19]

— Выметайтесь!

— О'кей, сэр. Хозяин тут вы. Доброй ночи, господа.

— *Доброй ночи!* — прошипел мистер Леман.

Простак пребывал в полном недоумении. Это была первая конференция, в которой он участвовал, и она оказалась ни чуточки не похожей на ту, что рисовалась его воображению. Он-то представлял себе сердечных добродушных людей — то, что Леман в минуту вдохновения назвал счастливой семьей, обменивающихся за шампанским благожелательными, приятными замечаниями. Что-то в духе салонов XVIII

века, про которые он читал в школе. А тут — прямо клетка на редкость раздражительных диких кошек. Это ставило его в тупик, сбивало с толку. Никто не открыл ему, что сегодняшняя конференция по обычным театральным меркам — просто верх учтивости и вежливости.

Мистер Леман снова призвал собрание к порядку.

— Про-дол-жа-ем! — в обычной своей властной манере произнес он. — Мы должны решить что-то насчет спектакля, а никуда еше не продвинулись.

— Давайте станем постоянным комитетом и будем проводить собрания каждую неделю, — высказалась Фанни.

— Заткнись!

— А я еще и рта не открывала.

— Только и знаешь — ля, ля, ля… Итак, мы дошли до пролога.

— Пролог годится, — глубокомысленно заметил Простак. Леман снова одарил его раскаленным добела взглядом.

Когда премьера не имеет большого успеха, председательствующий выбирает, по театральному обычаю, какого-то индивидуума, на которого и выплескивает всю ярость. Как правило, им автоматически становится автор, но за отсутствием такового выбор пал на Простака. Фактически и не повинный в сочинении пьесы, Простак стоял ближе всех к отсутствующему драматургу.

Пронзив его взглядом, Леман продолжил:

— Итак, следующий эпизод — сцена в саду.

Про нее, как мы знаем, у Простака было что сказать. Он ожил, точно цветок под весенним дождичком.

— Ах да, наша сцена в саду, — бойко вступил он. — Я скажу вам, в чем там дело. Деревья посажены неправильно.

Леман поднялся со своего места, и Джек, всегда готовый вылить масла на бушующие воды, попросил его не страдать так сильно.

— Неправильно посажены, вот как?

— Да, мой друг. То есть, дорогуша. В настоящем саду..

Мертвенное спокойствие пало на Лемана. Такое спокойствие воцаряется в вулкане перед извержением, от которого потом тысячи людей спасаются бегством.

— А теперь послушайте! Меня от вас тошнит! Вы мне надоели до посинения. Влезаете в разговор с какими-то дурацкими идеями. Больше не могу-у-у!

— Это не дурацкая идея. Я по делу говорю.

— А я не желаю слушать, ясно? Кто тут главный, в конце концов?

— Я тоже в какой-то мере…

— Да-а? Главный продюсер я, понятно? И говорить буду я. Двадцать пять процентов, вот и все, что у вас есть.

— Да, я знаю, но вы сами велели мне делать заметки…

— Вы что же, намерены продолжать?

— Господи Боже, если я вижу, что не так, я тоже могу вставить словечко. Так вот, сад посажен неправильно. Много лет назад, когда я был совсем маленький, — продолжал Простак, ударяясь в воспоминания, — я проводил летние каникулы у своей старой тети, а конкретно, у тети Изабел в Нижнем Сматтеринге, в Вустершире. У нее был сад. Так вот, хоть верьте, хоть нет…

Извержение началось

— Да чтоб я пропал! — заорал Леман, вцепляясь в свою шляпу, единственно надежную вещь в вертящейся вселенной. — Это уж чересчур! Вы чуть было не загубили спектакль, слоняясь за кулисами и досаждая актрисам, а теперь еще являетесь сюда и болтаете без передыху про какие-то деревья и свою тетку Агату!

— Изабел.

— Что вы, черт вас дери, смыслите в нашем деле? Я руковожу этим шоу, ясно? И не желаю, чтоб в него совали нос, понятно? Терпел, сколько мог, а больше не могу-у-! Даже у самых больших кретинов и то вдвое больше разума. Поберегите голосовые связки. Доехало?

Тут встала Динти, бледная, но вполне владеющая собой. Она заметила, что у Простака отвалилась нижняя челюсть, словно увядшая лилия, и зрелище это всколыхнуло в ней все материнские инстинкты.

— Не смейте говорить с ним так! — крикнула она. — Я этого не потерплю!

Леман обратил свой обезумевший взор на мятежницу.

— Да? А вас это касается?

Динти Мур была из рода Керри, а с Мурами из рода Керри так далеко заходить нельзя. Губы у нее отвердели, глаза засверкали. На минутку даже показалось, что сейчас она расправится с Леманом, как расправилась однажды со страховым агентом по имени Эд на Кони-Айленд.

Но Динти подавила порыв.

— Да, касается. Вы взяли у него деньги — все, что сумели выманить, — на пьесу, у которой, как вы наверняка понимали, нет ни самого хилого шансика на успех, а теперь, как только он открывает рот, кричите на него. Вы слушаете телефонисток и официантов, но…

— Вот как? А кто вас вообще спрашивал?

— Я старалась молчать, сколько могла.

— Да? Ну, а теперь старайтесь где-нибудь в другом месте. Можете убираться ко всем чертям!

Тут заговорил Простак. Он рвался вмешаться в дискуссию и раньше, но благородство порыва ошеломило его, лишив дара речи.

— Минуточку, — вмешался он, слишком поздно спохватившись, что следовало бы сказать: «А ну, тормозни!» — Не так быстро, дорогуша. Номер хороший, но он все-таки мой, и я хочу сказать… Ну, если коротко и по сути, вы не можете тут командовать.

— Ах, не могу?

— Определенно.

— Предупреждаю, отстаньте от меня.

— Будь я проклят, если отстану.

— Да? Мало того, что вы лезете в шоу, так вы еще пытаетесь лезть ко мне! К черту! Убирайтесь в свой Лондон, или из какого вы там городишки, и забирайте ее с собой. Она уволена!

Голос Простака, который и так забрался высоко, поднялся на регистр выше.

— Уволена, да? — Он рассмеялся резко и насмешливо. — Позвольте сказать, она так и так не будет больше на вас работать. Хотите знать, почему?

— Рад бы услышать.

— Потому что она будет работать на меня! Вот, черт дери, почему. Вы вообразили, что я ничего не смыслю в вашем деле. Ну, я покажу, смыслю или нет. Не желаете, часом, продать мне весь спектакль?

— *Что?!*

— То. Ну, как? Думайте на бегу, дорогуша.

Воинственность Лемана сменилась некоторой задумчивостью. Он обернулся на Джека и правильно расшифровав выражение его лица — Джек только что убедился, что Дед Мороз существует — ясно увидел, как нужно поступить.

— Может быть, — медленно проговорил он, — за определенную цену. Это ведь не кот начхал. Что скажешь, Джек?

— Как ты.

— Мы с МакКлюром — владельцы. Дадите нам… по десять тысяч каждому, и спектакль ваш.

— Даю по пять тысяч.

— По семь пятьсот.

— По пять.

— Здесь и теперь?

— Простак, — вскричала Динти, — не надо!

Простак и внимания не обратил на помеху. Женщин в таких делах слушать нельзя.

— Здесь и теперь, — ответил он. — Десять тысяч долларов — за весь спектакль целиком.

— Договорились! — воскликнул Леман.

— Договорились! — вторил ему Джек МакКлюр.

Простак подошел к своему кейсу. Верная чековая книжка хранилась там. Когда он искал ее, ему показалось, что она увертывается от него, будто бы пытаясь спрятаться. Он выписал чек и широким жестом протянул его мистеру Лема-ну. Тот бережно принял бумагу и заключил:

— Ну, вот и все.

А Джек МакКлюр подтвердил:

— Да, мне тоже кажется, все.

— А теперь, — сказал Простак, — если не возражаете, покиньте мой номер.

Комната опустела, замешкалась только Фанни. Губы ее были сжаты, словно она готовилась ослепить публику, жонглируя семью булавами вместо шести, чтобы сорвать аплодисменты. Она поколебалась с минуту, порываясь что-то сказать, но потом передумала. И, пожав плечами, вышла.

18

— О, Простак! — завопила Динти. — Зачем ты это сделал?

Простаку, все еще пускающему дым из ноздрей, вопрос показался глупым, словно дева в беде, спасенная от двуглавого великана странствующим рыцарем, потребовала от рыцаря объяснений.

— Как это зачем? — фыркнул он. — Как же я мог поступить, черт возьми, когда он принялся шпынять тебя? Должен же я был поставить наглеца на место.

— Но это последние десять тысяч долларов!

— Последние десять тысяч! Больше у тебя ничего нет!

Простак тяжело опустился на стул, словно у него подкосились ноги. Пьянящее ликование, обуявшее его после шикарного жеста и поддерживающее до сих пор, сошло на нет. Ему показалось, будто вместо позвоночника ему вставили дешевую макаронину.

— Так, понятно, — промолвил он. — Да, тут есть некоторый резон. Но

все-таки, — он просветлел, — теперь мне принадлежит весь спектакль!

— Как ты собираешься управлять им?

— Э? Ну как… я думаю, просто управлять…

— На какие деньги? О, Простак, я не хочу каркать, но уклоняться от фактов бесполезно. Разве ты не знаешь, что случается с гастрольными шоу до того, как они возвращаются в Нью-Йорк? Они никогда не собирают ни цента. Они всегда терпят убытки, тысячи долларов, если только им уж очень не повезет. Тебе потребуется по крайней мере еще десять тысяч, если ты хочешь сохранить спектакль.

— Да?

— Иначе тебе придется все закрыть, чтобы сократить убытки.

Нежная зелень начала растекаться по лицу Простака, словно у пассажира, плывущего на пароме из Фолкстона в Булонь.

— Тут, конечно, есть о чем подумать, — заметил он. — А ты говоришь серьезно? У нас нет надежды плыть по инерции и оплачивать еженедельные счета?

— Боюсь, что нет.

— Тогда я тебе вот что скажу. — Простак позеленел еще гуще. — Я разорен. Я кончен. Я… Какую это песенку я распевал раньше в ванной? А, да. «Я не чек, а пустая бумажка, я безденежная букашка, никогда мне не везет!» Может, самое лучшее — покончить со всем этим? У тебя случайно не найдется унции цианида?

— Не говори так. Мы выберемся. Что-то да подвернется. Я чувствую, просто чувствую — что-то обязательно случится.

— Вот и я тоже чувствую. И как бы мне хотелось, чтобы этого всего не было!

Резко затрезвонил телефон. Простак усталым жестом взял трубку:

— Алло?.. Да, это мистер Фиппс… Что-что? Разумеется, нет… Ах, извините, да, есть… Ладно. Да, мне понятно. Ладно!

Повесив трубку, он уныло сообщил еще одну новость: — Это администрация. Обвиняет меня, и отчасти справедливо, в том, что у меня в номере — особа слабого пола. Тебе, очевидно, не положено тут находиться. Это против правил.

— Да к черту их правила!

— От всей души согласен с тобой, но все-таки, думаю, придется нам подыграть этим… собакиным детям. Мы же не хотим, чтобы сюда вторглись мужчины с суровыми лицами и вывели тебя в оковах. Лучше уж тебе улетучиться.

— Но мы должны обговорить ситуацию.

— Верно. Да, много лежачих камней придется перевернуть…

— Как ты думаешь раздобыть деньги?

— Хороший вопрос. Я и сам над ним ломаю голову.

— По-твоему, есть у кого-нибудь в Сиракузах десять тысяч долларов?

— Сомневаюсь, что вообще где-то у кого-то есть десять тысяч долларов.

— Ты мне как-то говорил, что у тебя богатый дядя в Англии. Может, телеграфировать ему?

— И попросить у него нужную сумму?

— Ну да.

— Ха!

— Что?

— Я просто сказал — «Ха». Ты читала «Алису в Зазеркалье»?

— Да, очень давно.

— Помнишь, там есть Джаббервоки? Он рвет и кусает.

— Конечно.

— Вылитый дядя Теодор. Челюсти у него кусают, клешни рвут. Одна попытка разлучить его с десятью тысячами, и он ураганом понесется через лес, круша все, да еще пуская пузыри. И могу добавить, сейчас я совсем не первый в списке его любимчиков. Как-нибудь я покажу тебе письмо, которое он написал мне, узнав, что Дж. Г. Андерсон меня вышвырнул. Ядреное такое письмецо, сочных словечек хоть отбавляй. Нет, если ты лелеешь идею перехватить деньжат у дяди Теодора — забудь. Легче вломиться в Форт Нокс с лопатой и ведерком и накопать там, чего хочется. Шансы равны.

— Да, неприятно.

— В высшей степени. Но есть и светлое пятнышко, если у неприятностей они вообще имеются. Может, я и вляпался в беду, скажу больше — да, я вляпался, зато я встретил тебя.

— Лучше б не встречал.

— Что значит, лучше б не встречал? Господи Боже, да это единственная сторона этого паршивого дельца, о которой я не жалею. Может, я и разорюсь вконец, может, я буду умирать с голоду в канаве, но я хотя бы познакомился с тобой. Это вознаграждает за все. Очищенный в огне могучей любви, я вольюсь в очередь за бесплатным хлебом, но душа моя будет глубже, лучше. Ах, как же я люблю тебя, Динти!

— И я люблю тебя, Простак.

Голова у Простака пошла кругом. Он недоверчиво уставился на мисс Мур и отметил, что глаза ее сияют, будто две звезды (так он сказал себе в

порыве счастливого вдохновения).

— Правда?

— Конечно, правда. Я всегда любила тебя, с самого начала.

— Неужели и когда я поджег тебе шляпку? Не может быть!

— Тогда, может, и нет, но на другой день, когда ты сказал, что вложил деньги в шоу, чтобы быть рядом со мной, — да. Я вдруг поняла, что ты — самый лучший человек в мире!

— Ну, это уж…

— Другого такого нет!

— Так говорил и дядя Теодор, только не таким тоном. Ехидно, знаешь, скрипуче… Динти, неужели ты меня любишь? Наверное, только дразнишь? Как говорят, разыгрываешь?

— Что ты! Не дразню и не разыгрываю. Простак раздулся, как шар.

— Тогда черт с ними, с канавами! — закричал он. — Очереди за хлебом, подумаешь! Ничто, кроме твоей любви, не имеет значения! Если ты любишь меня, я смеюсь над разорением. — Простак рассмеялся. — И скажу еще кое-что, — пылко продолжил он. — Деньги я раздобуду. Где-нибудь… как-нибудь… Если надо, ограблю банк. А спектакль… Может, он все-таки будет иметь успех в Нью-Йорке?

— Ну…

— Я понимаю, конечно, не так уж он хорош, но ведь в Нью-Йорке это вроде не важно? Если б только раздобыть денег… чтобы нам продержаться на плаву…

Он оборвал речь. В дверь постучала невидимая рука.

— А, тьфу! — воскликнул Простак шепотом. Ощутив, что постучала рука Рока, он взглянул на Динти, а Динти взглянула на него. Вот они, подумали оба, суровые мужчины с оковами.

— Кто там? — дрожа спросил Простак.

— Это мистер Фричи, мистер Фиппс.

— Эге-гей, мистер Фричи! — И прибавил хриплым шепотом: — Тот самый, чокнутый! — Он открыл дверь, вызывающе прибавив: — Она не заперта.

— Я как раз уходила, — добавила Динти.

— А? — мистер Фричи огляделся. — Рано разошлись, да?

— Это… мистер Фричи, мисс Мур.

— Как поживаете, мистер Фричи?

— Что ж, скажу вам, горло у меня не совсем в порядке, а… Простак повторил для верности защитительную речь:

— Дверь была не заперта, а мисс Мур уже уходила.

— Что-что?

— Вы ведь насчет этого зашли? Кто-то только что звонил мне из администрации насчет того, что мисс Мур в моем номере.

— А, это мистер Хемингуэй, наверное. Он полоумный. Не обращайте на него внимания.

— Тогда все чудесно! — с облегчением вздохнул Простак. — Входите, садитесь.

Оскар Фричи сел. Полноватый молодой человек с не очень умным лицом и большими близорукими глазами был очень похож на овцу в роговых очках. Любой, кто когда-либо видел овцу в роговых очках, непременно признал бы сходство с ней в помощнике управляющего. Блеющий голос усиливал иллюзию.

— Ну, как все прошло? — осведомился Фричи. — Нормально? Ужин?

— О, лучше некуда, спасибо.

— Я вижу, тут у вас шампанское осталось.

— Да, немножко.

— Я просил официанта как следует его заморозить. Заморозил он?

— О, вполне.

Оскар Фричи принялся объяснять свою тактику.

— Видите ли, к нам приезжают много гастролеров, и я знаю, что у них в обычае собираться вместе. Вот я и стараюсь присмотреть, чтобы все было как следует. Жаль, что ваши гости так быстро разошлись.

— Да, неудачно получилось.

— А мне бы так хотелось встретиться с ними. Мне всегда очень нравился театральный народ, — сообщил Оскар, почувствовав себя свободнее. — Конечно, многие останавливаются в нашем отеле. И некоторые позволяют мне заходить к ним.

— Ясно.

— Вот Иэн Кит в прошлом году приезжал. Мы с ним очень долго беседовали. Ну, знаете, как бывает. Люблю я, грешный, театр. Всю свою жизнь… Ну, в общем, рад пообщаться с театральным народом. Может, оттого, что у меня всегда было предчувствие — пожалуй, я и сам попаду в театр в один прекрасный день. Пардон? — перебил сам себя Оскар, вопросительно взглянув на Динти, которая подпрыгнула с резким вскриком.

— Судорога, — объяснила она.

— А?

— Ногу свело.

— Да? Со мной тоже бывает. Так это сведет…

— Вот-вот, именно…

Динти кинула на Простака взгляд, каким в поэме Китса обмениваются солдаты стойкого Кортеса, когда молча стоят на пике Дарьена. Почти так же взглянул на нее и Простак. Да, резонно сказал бы любой наблюдатель, головы две, но мысль в них одна.

Простак прочистил горло.

— Вы, случайно, не повторите? — тихо попросил он.

— Э?

— Насчет театра.

— Пожалуйста. Я люблю театр.

— И вам кажется, что вы сами можете им заняться?

— Вот именно.

Пала трепетная тишина.

— То есть, вы имеете в виду, как… продюсер? — уточнила Динти.

— Как продюсер? — уточнил и Простак.

— Да, мне бы очень хотелось.

— Присядьте! — воскликнула Динти.

— Присядьте! — воскликнул Простак.

— Да я и так сижу, — откликнулся Оскар.

— И правда!

Динти глубоко выдохнула.

— Мистер Фричи, отель принадлежит вам?

— Мне? Нет, я помощник управляющего. Отель принадлежит мистеру Хемингуэю.

— Но все-таки, наверное, и помощник — хорошая должность? Вы много зарабатываете?

— Вряд ли вы, театральные боссы, назовете такие деньги большими.

Углядев пушинку на рукаве гостя, Простак любовным щелчком сбил ее.

— А вы сумели… — и он приостановился, подыскивая нужные слова. — Вы смогли… вы что-то скопили?

— Мистер Фиппс тоже работал в отеле, прежде чем занялся театром, — жизнерадостно объяснила Динти. — Он знал много служащих, которые ничего не скопили. И надеется, что вы не такой.

Оскар Фричи кивнул, гордый своей бережливостью.

— Да, верно. Многие ничего не копят.

— Но вы-то копите?

— Уж я-то коплю. А что?

— Да так, ничего. Судорога.

— И у вас бывают? — заинтересовался Фричи, глядя на Простака.

— Ногу свело. А вы не желаете бокальчик шампанского?

— Неплохая мысль. Знаете, вы, театральные, так мне нравитесь! С вами так приятно!

— Еще хотите?

— А я вас не обкрадываю?

— Ну что вы! Ни чуточки. Оскар отпил шампанского.

— Да, сэр, я всегда говорил, театральные — чудо, а не люди, — распелся он. — Не задаются. Знаете… С ними так… уютно. Наверное, поэтому мне всегда нравился… э… шоу-бизнес.

— Да, с шоу-бизнесом ничто не сравнится, — согласилась Динти. — Помните ту песню?

— Еще бы! Могу ее спеть.

— Давайте!

— Ну, не прямо сейчас. В другой раз как-нибудь.

— В любое время, когда вам захочется. — Простак заметил еще одну пушинку и деловито стал снимать ее. А заодно, раз уж его рука так удобно поднялась, похлопал Оскара по плечу.

— А?

— Да-да?

— Пока ничего.

Простак никак не мог набраться храбрости. Оскар, озадаченно нахмурившись, смотрел на него.

— Нет, в чем дело?

Динти рванулась в брешь. Женщины храбрее мужчин.

— Я знаю, мистер Фричи, что хотел вам сказать мистер Фиппс. У него есть предложение.

— Вот как?

— Он хочет дать вам шанс. Вложите деньги в его спектакль. Премьера была сегодня вечером. Спектакль наверняка принесет огромную прибыль.

— Значит, вложить деньги?

— Вот именно! — очнулся Простак, когда ему расчистили дорогу. — Вот именно, дорогуша! Вам стоит сказать только слово, и вы получите свой куш.

Фричи почесал левую бровь. Предложение привлекало его, но, как часто бывает в подобных случаях, он немножко трусил. Случись Шекспиру войти в комнату с другом, он сказал бы этому самому другу: «Не смотри туда, но тот малый в роговых очках, вон там, даст тебе некоторое представление о том, к чему я клонил, когда писал о кошке из присловья».

— О-о… ну… э… — бормотал Фричи. Динти поднасела на него:

— Слушайте, мистер Фричи! Это ведь великолепная возможность. Вы видели сегодня шоу?

— Нет.

— Превосходнейший спектакль. А станет еще лучше. Сегодня героя все-таки дублер играл.

— Сами понимаете, что это значит, — вступил Простак. — Прежде чем я повезу спектакль в Нью-Йорк, я раздобуду настоящую звезду. Какую-нибудь знаменитость.

— Может, даже Мориса Эванса, — подсказала Динти.

— Или Лантса, — подхватил Простак.

— Да, Лантс совсем неплох, — согласилась Динти. — А то и Кларка Гейбла.

— Да, Гейбл, пожалуй, подойдет, — заметил Простак.

— В общем, кого-нибудь знаменитого, — подытожила Динти.

— Да, кого-то знаменитого, — подтвердил Простак. Динти вцепилась Фричи в лацкан пиджака и стала его выкручивать.

— Мистер Фиппс расскажет вам, мистер Фричи, до чего это блестящая пьеса. Настоящее чудо. Он выкупил ее у партнеров, и теперь она принадлежит ему вся целиком.

— Со всеми потрохами, — пояснил Простак.

— Да, со всеми потрохами. Вот он, ваш шанс! Шанс всей вашей жизни!

— Звучит недурно, — признал Оскар. — С другой стороны…

— До чего ж поразительное совпадение, — проговорил Простак, смахивая очередную пушинку. — Именно эти слова произнес и я, когда мне предложили долю в спектакле. Готов признаться, что и я колебался вначале. Так, слегка. Всегда следует проявлять осмотрительность. Но как только мне рассказали сюжет…

— Это прелесть что такое! — вскричала Динти.

— Вот именно, — согласился и Простак, — прелесть! Я сразу увидел, что сюжет сногсшибательный. Значит, спектакль ждет сногсшибательный успех. Там есть и священник, и раввин, они ведут диалог, то один что-то скажет, то другой, слова так и летают. Один субъект убивает другого, но только это не он на самом деле убивает, а брат. И так далее, и тому подобное, то один говорит, то другой, слова так и летают, и вы переноситесь в Гонконг. Вместо эпизода в кабаре — роскошная сцена. Ну, блеск! Курильня опиума. Туда входит священник, только он теперь миссионер, и хочет ее закрыть, а герой кричит на него, возмущается и тэ дэ

и тэ пэ. А героине станут больше сочувствовать, потому что мы вставим в пьесу ребенка. Потом, в последнем акте, все они попадают на небо и надевают крылья. Есть неплохая роль для Бога. Ничего подобного не бывало. Это будет грандиознейший спектакль! Хит! Ну так как насчет доли?

Оскар, проделав все возможное с левой бровью, переключился на правую и стал ее почесывать. Было очевидно, что он поддается. Да и кто бы не поддался красноречию Простака?

— Заняться театральным бизнесом? — раздумчиво выговорил он. — А что, забавно.

— Еще бы! Сплошной смех! — кинулась убеждать Динти. — Вы и представления не имеете, как это весело!

— А много это будет стоить?

— Да практически ничего, — заверил Простак. — Можете получить 25 процентов спектакля всего за тридцать тысяч долларов.

— За тридцать?

— За двадцать пять.

— За двадцать пять?

— За двадцать.

— За двадцать?

— Ну, за пятнадцать. Или, скажем, за десять.

— Но это уже, мистер Фричи, самая нижняя граница, — вклинилась Динти, ласково теребя его лацкан.

Оскар поскреб подбородок.

— Н-да, большие деньги…

— Да что вы! Это, считайте, даром. Только вы должны решать быстро, потому что за долей охотится масса народу. Понимаете, таков уж театральный бизнес. Тут нужно решать быстро.

— Абсолютно, — подтвердил Простак. — Р-раз — и готово. Тот, кто решает с ходу, приносит добычу домой. Да что там, был у нас один знакомый, который мог бы купить долю в «Мышьяке» но не думал на бегу. Вот и полюбуйтесь на него теперь. Стоит в очередях за супом. Таков уж шоу-бизнес.

Почесывать Оскару Фричи было больше нечего, и он пустился по второму кругу.

— Прямо… прямо… не знаю, что и сказать. Мне, конечно, в последнее время поднадоел отель…

— Еще бы! — сочувственно подхватила Динти. — Вы не того калибра человек, чтобы корпеть в отеле всю жизнь. Посмотрите хоть на мистера

Фиппса.

Оскар посмотрел.

— Он бросил отель — и где он сейчас?

— А-ах! — воскликнул Простак, широко взмахнув рукой и опрокинув бокал гостя.

Оскар спохватился, что еще не чесал кончик носа, и поспешил наверстать упущенное.

— Я с радостью бы ушел из отеля и выложил Хемингуэю все, что я о нем думаю.

— Вот это боевой дух! — одобрила Динти. — За чем же дело?

— Боюсь.

— Другого шанса вам не подвернется. Сами потом пожалеете, что упустили.

— Да уж, — с чувством подтвердил Простак. — Могу себе представить. Когда вы вспомните о колоссальной, но упущенной возможности, вас переполнят самые горькие сожаления.

— Вас сгрызет раскаяние, — подхватила Динти.

— До самых косточек проест, — заметил и Простак. — Один скелет останется.

Оскар дрогнул. Кому понравится мысль, что остаток жизни ему суждено провести в тщетных сожалениях, грустя о том, что могло бы случится?

— Н-да, тут нужно помозговать…

— Думайте на бегу!

— Пьеса, говорите, хорошая?

— Грандиозная!

Оскар опять принялся за левое ухо. Линия обороны трещала по всем швам.

— Да, кое-что мне до смерти хочется выложить этому надутому задавале, — сообщил Фричи своей бессмертной душе.

— Пиши расписку, — бросил Простак Динти.

— О'кей, босс.

— Погодите! — взмолился Фричи. — Минуточку!

— В шоу-бизнесе ждать нельзя! Или сейчас же даете нам чек, или все отменяется. Даете?

— Я же еще не сказал, что согласен.

Динти улыбнулась самой ослепительной улыбкой. В ее манере проскользнуло нечто материнское. Так и чудилось, что не будь она занята выписыванием расписки, то погладила бы Оскара по голове.

— Вы только подумайте, мистер Фричи. Если заключите сделку, сегодня сможете пойти к мистеру Хемингуэю и выложить ему все.

— Да он уже в постели.

— Так вытащите его.

Оскар призадумался — а что, заманчивая мыслишка!

— Наверное, он вас беспощадно эксплуатирует?

— По двенадцать часов в день.

— Ой, ужас какой!

— Чудовищно! — подпел Простак. — А в театре вам совсем не придется работать. Сплошное развлечение. Мы — как одна счастливая семья. К тому же, — добавил он, — кто сказал, что мы должны ограничиться одним спектаклем? Мы можем поставить много других, когда этот пройдет по стране с оглушительным успехом. Да что там, мы станем крупнейшими продюсерами. Всех видов шоу… Давайте, я открою? — предложил Простак, ухватив чековую книжку, которую вытянул почти незаметно из кармана Оскара.

— Нет-нет. Я и сам могу.

— Вот вам чернила, вот все остальное. А вот ручка тети садовника. Чек выписывайте на меня, на Сирила Фиппса. С-и-р-и-л…

— А как ваше имя, мистер Фричи? — спросила Динти. — Как оно пишется?

— Оскар Фричи. Ф-р-и-ч-и. Но я еще окончательно не решил…

— Вот и расписка! — воскликнула Динти. — В ней написано, что вы дали мистеру Фиппсу десять тысяч долларов за долю в 25 процентов. Все правильно?

— Но… послушайте…

— Все абсолютно верно, — одобрил Простак. — Лучше быть не может. Теперь все, что требуется — выписать чек, а там — сплошное веселье.

— Вы считаете, нужно выписать?

— Разумеется, нужно. Это ведь захватывающая драма. Не для высоколобых, но и не для низколобых, а как раз для среднелобых. Один субъект убивает другого субъекта, и священник есть, и раввин, они беседуют, слова летают, и тэ дэ, и тэ пэ. Да, есть сад, входит мистер Хемингуэй… Ах! — Простак схватил чек.

— Осторожнее! — остерег Фричи, — Он еще влажный.

— Ничего, я его высушу!

— Сам не пойму, правильно ли я поступил.

— Разумеется, правильно! Вы ступили на широкую дорогу к богатству

и славе. К чему только она не ведет! Это будет шедевр, дорогуша! Настоящий шедевр!

— Узнаю моего старого славного Фиппса! Да, такого Фиппса я знавал прежде. Более верных слов ты никогда и не говорил, старый мой дружище Фиппс!

Это сказал не Оскар Фричи, а Мэрвин Поттер. Заблудшая звезда стояла в дверях, обеими руками держась за косяки.

С Мэрвином произошла разительная перемена. С того последнего раза, когда его видел Простак, изменился он к лучшему. Тогда он пребывал на дне пропасти или, если хотите, шел на ближайший рекрутский пункт Иностранного легиона. Теперь он светился спокойным счастьем. Широкая сверкающая улыбка выдавала, что он пьян, но то было веселое, беспечное опьянение. Все еще пьяный в стельку, он стал веселым. У стервятников, клюющих его грудь, видимо, притупились клювы.

— Держу пари, спектакль и правда станет шедевром, — продолжил Мэрвин, опрометчиво отрывая руки от косяков и зигзагами продвигаясь к креслу, в которое и свалился, словно мешок с углем. — И вот почему: звездой буду я, Фиппс, старый дружище. Я снова встаю в строй, начальник, снова в строй. Мэрвин Поттер докладывает о своем прибытии. — Он приподнялся, салютуя и тут же снова свалился в кресло, как упомянутый мешок.

— Что! — закричал Простак.

Актер, прикрывший было глаза, точно бы намереваясь погрузиться в освежающий сон, распахнул их снова.

— Фиппс, — отозвался он, — когда у нас состоялся последний и нервный разговор, мне показалось, — поправь меня, если я ошибаюсь, — я сказал тебе, что моя невеста, единственная дочка С. Хамилтона Бримбла с Кинг-Пойнта, Лонг-Айленд, и миссис С. Хамилтон Бримбл, тоже с Кинг-Пойнта, дала мне отлуп.

— Да, все правильно.

— Мне представляется — опять же поправь меня, если ошибаюсь, — что я упомянул, будто мое сердце разбито.

— Все верно.

— Так вот, оно склеилось! — заявил актер, похлопывая по левой стороне жилета. — Звенит, как колокол. Ни трещинки! Мэрвин Поттер снова стал самим собой.

— Это хорошо.

— Не просто хорошо, — поправил Мэрвин, — колоссально! Да, — продолжал он, — на какое-то время ее бессердечная жестокость слегка

расстроила меня. Померкло солнце. Жизнь, почудилось мне, пришла к концу. Но, заметь, пришло продолжение. Я завернул в превосходный бар поблизости от отеля и там опрокинул с полдюжины рюмашек, после чего подверг вопрос пристальному рассмотрению, анализируя каждую грань. И вдруг в настроении моем произошла разительная перемена. Я воспрял духом, я понял — а ведь все это к лучшему. Спасся от эшафота в последний миг, как те типы в исторических романах. Представляешь? Палач прилаживает петлю, и вдруг все видят всадника на взмыленной лошади, размахивающего бумагой…

Мэрвин ненадолго погрузился в размышления.

— В этой затее с женитьбой, Фиппс, — возобновил он свою речь, — нужно учитывать все аспекты. Меня внезапно ударило соображение — а ведь такая девица непременно станет настаивать, чтобы свадьба была со всякими разными прибамбасами. И тебе епископ, а то и два, и тебе помощник священника, и тебе подружки и хор мальчиков, репортеры, фотографы, а в придачу — больше тысячи гостей обоего пола. Когда я, спотыкаясь, проковыляю к алтарю, эти епископы, помощники, подружки, репортеры, фотографы и гости будут с хохоту покатываться, а я буду чувствовать себя полным болваном. Прибавь к ним церковных сторожей, служек, первого и второго могильщика и кого только там не будет. А еще прими во внимание, что за церемонией последует прием у невесты в доме. Можешь ли ты после этого удивляться тому, что я чувствую себя милосердно спасенным? Я побрел от этого бара, Фиппс, с мертвенно-бледными губами, но сердце мое пело. Я понял, что ангел-хранитель Поттеров не спал, как мне показалось, где-то в уголке, а трудился словно бобр, спасая меня от таких кошмарных событий, что только представишь, дрожь пробирает. А когда я шагал по улице, то увидел ребенка…

Конвульсивно содрогнувшись, Мэрвин приостановился.

— Не знаю, — дрожащим голосом продолжал он, — то ли все дети в Сиракузах такие, то ли этого подослали, чтобы меня предупредить. Весь раздутый, то ли Борис Карлофф, то ли Уинстон Черчилль. Глаза наши встретились, и голос сверху шепнул мне на ухо: «Смотри, Поттер. Если бы не исключительно добросовестная работа твоего ангела, что-то в этом роде могло приключиться и с тобой». Ты можешь возразить, что у меня ничего подобного не родилось бы, но кто его знает? У мужчин покрасивее меня получались отвратительные дети. Некоторые мои друзья породили истинных химер. В общем, как бы там ни обернулось, исчезли последние сомнения в мудрости Промысла, опрокинувшего мои матримониальные планы. С плеч у меня гора свалилась. Я расправил грудь, я упивался своей

молодостью, я отбросил всякие мысли об Иностранном легионе. Тут я и решил вернуться к тебе, чтобы занять свое место в труппе. Прошу, Фиппс, вот он я — активный, энергичный, готовый ко всякой судьбе. Сражаясь плечом к плечу, как, помнится, ребята из старой бригады, мы повезем этот спектакль в Нью-Йорк и ошеломим их. У меня великолепная идея. Знаешь, что мы сделаем, Фиппс, дружище? Мы станем играть эту чушь как комедию. Разделаем ее под орех, зрители будут с хохоту покатываться. Этот опус не драма, это фарс! Когда ты сообразишь, что без выпивки я в жизни бы до этого не додумался, тогда и поймешь, в каком чудесном мире мы живем. Минуточку! Я правда вижу перед собой бутылку, и горлышко ее тянется к моей руке? — заинтересовался Мэрвин. — Или мне мерещится? Не плод ли это моего пораженного зноем мозга?

— Нет-нет, это бутылка. Шампанское.

— Приди же ко мне! — воскликнул Мэрвин.

И оглушительная тишина, тишина истинного счастья, слишком глубокого, чтобы выразить его словами, пала на номер 726.

Нарушил ее Оскар Фричи.

— Послушайте, мистер Поттер, — осведомился он, — а можно взять у вас автограф?

19

Поскольку «Жертву» показали в Сиракузах к концу сентября, а потом стали играть в Олбани, Вустере и Провиденсе, то премьера на Бродвее состоялась только через месяц, точнее — 27 октября.

Когда Динти Мур вошла в офис «Леман Продакшнс» утром 28-го, ей вдруг почудилось, будто по всему миру зазвонили колокола радости. Однако это был телефон, и она поспешила взять трубку.

— «Леман Продакшнс», — проговорила она, чуть растягивая слова. — Не-ет, мистер Фиппс еще не пришел. Да, похоже, что спектакль сногсшибательный… О, я не зна-аю! По-моему, мистер Фиппс сам хочет представить его в Лондоне. Позвоните ему позже. До свида-а-ния-я. — И Динти, повесив трубку, исполнила несколько танцевальных па.

Успех «Жертвы», скорее всего, не стал сюрпризом для собеседника на другом конце провода, потому что в нынешнее время сюрпризов в театре не бывает. Лет тридцать назад спектаклю иногда удавалось незаметно прокрасться по глубинке и внезапно возникнуть в Нью-Йорке. Но сегодня у «Вэрайэти» всюду есть шпионы, и шансы даже самой скромненькой

постановки взвешиваются неделя за неделей. Ослепительный свет, направленный на трон, — слабое мерцание в сравнении с прожекторами, освещающими новую театральную постановку.

Любому опытному обитателю Бродвея такие заголовки, как:

«ЖЕРТВА» СОБРАЛА 15 000 ДОЛЛАРОВ В ОЛБАНИ»

«ЖЕРТВА» ПРОШЛА НА «УРА» В ВУСТЕРЕ»

«СЕНСАЦИОННЫЙ СБОР В ПРОВИДЕНСЕ — 20 ТЫСЯЧ ДОЛЛАРОВ!» — сказали всё. Распространился слух, что если, конечно, триумфы в провинции не обернутся провалом, в требовательной столице успех спектаклю обеспечен. Так и оказалось. Несомненный, бесспорный, безусловный — как написал бы мистер Роджет в своем «Тезаурусе». Это была оглушительная сенсация.

Время шло. Раздавались телефонные звонки, заходили двое посетителей, прося встречи с мистером Фиппсом, и Динти пообещала, что сообщит об их визитах главному, когда он появится. Наконец пришел Простак, потрясенный, словно он увидел видение.

— Приветствую тебя, королева души моей, — взволнованно произнес он.

— Привет и тебе, маэстро, — вежливо ответила Динти.

— Послушай-ка, — спросил Простак, — ты шла сюда мимо театра?

— Да, конечно.

— У кассы, что, действительно, очередь?

— Да, действительно. И длиннющая. И у всех в потном кулачке зажаты четыре фунта восемьдесят шиллингов, благослови их Господь.

Простак испустил глубокий вздох. Если Динти тоже это видела, значит, ему не померещилось.

— Я едва поверил глазам. Вроде бы я видел очередь, но меня не оставляло чувство, что это всего лишь дивный сон. Тебе не показалось, что все в ней красавцы, как на подбор?

— Да, прекрасные ребята.

— Соль земли. Прямо не представляю, где еще можно найти лучшие образчики человечества, чем в очереди на шоу, в которое ты всадил кучу денег. Вот где прекраснейшие женщины и храбрейшие мужчины. О, Динти!

Простак распрямился, словно с плеч у него сняли груз. За прошедшие четыре недели выпадали дни, когда сомнения одолевали его, и он поддавался унынию, особенно если партнер его Оскар Фричи страдал от приступов трусости. Колеблющийся, сомневающийся, легко впадающий в меланхолию, тот был из тех людей, с которыми отлично бы поладил

Гамлет. Скажите ему, что в театре аншлаг, и он спросит: «Кто же тогда придет завтра?» А это, бесспорно, вгонит в тоску самого восторженного оптимиста.

Но теперь, когда на Бродвее приняли спектакль восторженно; теперь, когда восемь критиков из девяти дали самые лестные отзывы (девятый тоже дал не совсем уж плохой); теперь, когда длинные очереди очаровательнейших и умнейших зрителей выстраивались в кассу, в жажде всучить свои денежки самодержцу за окошком, Простак расцвел, точно прекрасный цветок. Глаза его сияли. Сливочные волосы блестели. Он держался живо и весело и, кажется, стал выше ростом дюйма на три. С видом рыцаря, вернувшегося к своей даме из успешного Крестового похода, он крепко обнял Динти, нежно расцеловал поднятое к нему личико и заверил ее, что из всех девушек на свете она — самая красивая.

— Я люблю тебя, Динти.

— Не так сильно, как я тебя.

— Нет, гораздо сильнее.

— Это невозможно. Ладно, давай не ссориться. Правда, чудесно, Простак, что так все обернулось? Ты понимаешь, что мы станем богатыми?

— Купаться в деньгах будем.

— Станем жить на Парк-авеню.

— С дворецким.

— С двумя. И купим шикарную машину.

— Несколько шикарных машин. А как насчет яхты?

— Интересно, осилим мы «Куин Мэри»?[20]

— Мы очень-очень постараемся. А теперь перейдем к тому, как превратить тебя в миссис С. Фотерингей-Фиппс. Какая будет процедура? Выдай мне информацию из первых рук. Послушай-ка, — вдруг встревожился Простак, — надеюсь, ты не хочешь венчания со всякими разными прибамбасами? Как там говорил Поттер… с епископом, с помощником священника, с подружками невесты, с хором мальчиков, дьячками и церковными сторожами, могильщиками и тэ пэ?

— Конечно, нет. Я хочу, чтобы мы обвенчались в Маленькой Церкви за Углом.

— А где это?

— На 29-й стрит.

— Местечко спокойное?

— Там будем только мы.

— Ну и священник, конечно.

— Да уж, без него не обойтись.

— Ладно, священник пусть будет. И может, парочка свидетелей?

— Да, наверное.

— И все?

— Да, все.

— Тогда вперед, к Маленькой Церкви! Двинулись! Беру свою шляпу — и вперед!

Динти окинула его материнским взглядом.

— Бедное мое дитя, впопыхах это не делается. Ты должен взять лицензию.

— А нельзя без нее обойтись?

— Боюсь, что нет. Если ты влетишь туда без лицензии, священник выкинет тебя из церкви. Да и вообще, у тебя еще работы полно.

— Работа? В такое время?

— Сейчас и есть то самое время. Тебе столько людей звонили. Остаток дня ты должен думать на бегу и принимать быстрые решения.

— Возможно, ты права. Да, видимо, мне предстоит много будничной работы.

Простак уселся в крутящееся кресло, запрокинул его, забросил ноги на стол, потянулся к шляпе и водрузил ее на голову.

— Ну-с! — приступил он. — Скажи мне, дорогуша, не опуская ни единой детали, ведь никогда не угадаешь, какой важной может оказаться самая незначительная деталь. Что тут у нас происходило?

Динти заглянула в блокнот.

— Было два или три звонка. Один от человека, который хочет купить пьесу для Лондона. Я сказала ему, что ты будешь ставить ее в Лондоне сам.

— Конечно, сам. И в Париже, и в Берлине, и в Москве.

— В Москве нельзя.

— Ну, тогда в Брюсселе. Откуда привозят брюссельскую капусту. Брюссель ничем не хуже. Продолжай, — велел Простак, складывая кончики пальцев вместе.

— Заходили двое посетителей. Один не захотел назваться. Он держался довольно таинственно и сказал, что зайдет еще.

— А объяснил, какое у него дело?

— Нет.

Простак нахмурился. Да, тут допущена небрежность. Необходимо, решил он, подстегнуть служащих офиса.

— Всегда проси посетителей изложить их дело, — укоризненно заметил он. — И пусть оставляют визитки. Передавай их мне, чтобы я решил — захочу я их принять или нет.

— Да, сэр. Непременно, сэр. Спасибо, что указали мне, сэр. Простак покраснел.

— Я слишком задрал нос?

— Да уж.

— Прости. Я стараюсь не задирать, но суть в том, что у меня от успеха ужасно кружится голова. Я ловлю себя на том, что выпячиваю грудь, пихаю встречных на тротуаре, а иногда меня даже подмывает заскочить в офис к Ли Шуберту и сказать ему «Ли». Ты остужай меня время от времени, ладно? Чуть заметишь, что на меня накатывает, сразу же крикни «Эй!»

— Непременно.

— «Эй!», резко так.

— О'кей, профессор.

— Ах, все к чертям! — Простак призадумался, словно его обворовали. — Отчего бы человеку и не напустить немножко высокомерия и важности и не пораздуваться от гордости после такого успеха. Ты читала статьи?

— Я их знаю наизусть. Все — изумительные.

— А «Тайме»? — нерешительно сказал Простак.

— Там тоже неплохой отзыв.

— Неплохой, да… Но мне не понравился тот абзац, что притон был всего лишь на уровне. — Лицо Простака стало суровым. — Вряд ли я приглашу критика из «Тайме» на свой следующий спектакль. Послужит ему суровым уроком.

— Эй!

— Вот именно что «Эй!» Замечаешь, как на меня накатывает? Мгновенно, точно приступ какой. Тикаю вполне нормально, и вдруг — бенц! Голова у меня раздувается, будто у больного щенка. Нужно бы сходить к врачу. А кто был другой типус?

— Какой типус?

— Ну, другой. Который спрашивал Фиппса. Ты говорила, заходили двое.

— А, да. Твой бывший босс, мистер Андерсон.

— Дж. Г. Андерсон? — выпучил глаза Простак. — Ты уверена?

— Если не врет. Он так назвался.

— Ну и ну! Будь я проклят!

— Сказал, что желает видеть тебя по крайне важному делу.

— Вот как? Тогда знаешь, наверное, что случилось? Скорее всего, он примчался в Нью-Йорк кутнуть, пошел вечером на спектакль, а утром

прочитал газеты и узнал, что у меня оглушительный успех. Теперь попытается снова сбагрить мне этот свой отель. В Бессемере, штат Огайо. Ага, разбежался!

— Почему? Отель купить можно. Простак презрительно расхохотался.

— Мне? Да зачем мне отели? Вот если заскочит Ли и предложит мне перекупить с полдюжины его театров, это другое дело. Но отели…

— Эй!

— «Эй» тут совсем ни к чему. Как я смогу управлять отелем в Огайо, если я в драматическом театре?

— Уйди из театра.

Простак изумился. Он ушам своим не поверил.

— Что? Слинять из шоу-бизнеса, когда я сижу на вершине мира?

— Но все это так рискованно, непредсказуемо, милый. Сегодня ты наверху, а завтра — рухнешь вниз. «Жертва» стала хитом, но следующая твоя постановка может провалиться. И третья тоже, а за ней — еще. Отель — другое дело, солидное. Я бы с удовольствием помогала тебе им управлять. И, знаешь, я была бы счастлива в местечке вроде Бессемера. Меня уже тошнит от Бродвея.

Простак опять засомневался, правильно ли он расслышал.

— Тошнит от Бродвея?

— Дальше некуда. О, Простак…

Динти умолкла, ибо дверь открылась, и вошел Оскар Фричи. Вид у Оскара был такой же, как всегда, то есть очень даже неважный, и с первых же слов стало ясно, что он буквально вибрирует.

— Послушайте, почему это около театра столько народу? — спросил он, даже не отвлекшись на «Доброе утро». — Я только что проходил мимо театра, а там их целая армия. И в вестибюле толкутся.

Простак, сбив шляпу на затылок, издал короткий смешок. Ох, уж эти новички!

— Они покупают билеты.

— Билеты?

— Ага.

— То есть на шоу? А почему?

— У нас огромный успех.

— Кто так говорит?

— Все так говорят. Вы что, статей не читали?

— Каких?

— О спектакле. В газетах.

— В газеты у меня не хватило духу заглянуть.

— Динти, у тебя есть газеты?

— Здесь нет. Сходить купить?

— Пожалуйста. И на всей скорости.

— Ладно. А позже, если улучите момент, мистер Шуберт, мне бы хотелось продолжить тему, на которую я говорила, когда нас перебили. Мне много чего есть сказать по этому поводу.

Оскар беспокойно дожидался, пока закроется дверь. Потом, повернувшись к Простаку, осведомился хриплым шепотом:

— Ну, а теперь честно — как наши дела?

— У нас хит! Грандиознее не бывает!

— Да нет-нет, — перебил Оскар. — Она ведь ушла. Можете сказать мне прямо.

— Толпы страждущих звонят, желая купить спектакль для Лондона.

Оскар вздрогнул.

— Сколько вы за него получили?

— Я его еще не продал.

— Что!

— Разумеется, нет. Продать спектакль, вот так глупость! За каким таким чертом мне продавать его?

Фричи жалобно вцепился в рукав партнера, взволнованный донельзя. И заблеял, словно овца, на которую был так похож:

— Послушайте! Я считаю, если мы можем получить какие-то деньги, надо их взять… а? Я себя не чувствую спокойно.

Простак осмеял его страхи:

— Вот продолжим, выпустим еще несколько спектаклей, и вы почувствуете себя спокойно.

— Вы думаете, нам это надо?

— Разумеется. У нас не конец, а самое начало. Я планирую делать большой мюзикл с десятью комиками и сотней красоток.

— Да, — Оскар потянулся за шляпой, — мне следует выйти из бизнеса.

— Из нашей фирмы? Ну, что ж. Я и сам управлюсь.

— Выкупите мою долю?

— Запросто.

— О-о, — проблеял Оскар, кладя шляпу обратно. — Ну… тогда… прямо не знаю, — рядом с ним ясно обозначился Гамлет, похлопал по спине и заверил, что прекрасно его понимает.

— Знаете, что я сделаю, дорогуша? — сказал Простак, залихватски сбивая шляпу набекрень. — Я скуплю всех крупных драматургов, какие

есть в стране, и заключу с ними контракт. А потом куплю все иностранные пьесы. Создам, как говорится, монополию.

Адамово яблоко Оскара так и скакало вверх и вниз.

— Вот как?

— А когда получу права на все пьесы, стану скупать театры.

— Театры?

— Да.

— Скупите все театры?

— Ну, мне же надо где-то ставить пьесы. Адамово яблоко опять пустилось галопом.

— Но, послушайте… А если что-нибудь случится? Предположим, что-то где-то пойдет не так?

— Разве это возможно?

— Вполне. Вполне.

— Нет, ни единого шанса. Хотите, я открою секрет шоу-бизнеса? Все просто. Давайте публике то, что ей хочется.

— Как это угадать?

— Им всегда хочется одного.

— Раз уж я вошел в театральный бизнес, — заметил Оскар, печально покачивая головой, — вкусы у них переменятся.

Вернулась Динти с охапкой газет под мышкой и визиткой в руке.

— Эй! — с порога выкрикнула она. Простак виновато взглянул на нее.

— Почему — «эй»?

— Пари держу, оно тебе потребовалось, как только я вышла из комнаты.

В этом крылось столько правды, что Простак поспешил переменить тему.

— Я вижу, у тебя визитка, — довольно равнодушно заметил он. — Кто-то ждет в приемной?

— Да.

Простак сделал торжествующий жест.

— Видите, Оскар, и минуты не прошло, как какой-то страждущий топчется в офисе, горя желанием войти в бизнес. Кто он?

— Один из тех типусов.

— Типусов? Ах, да! Из тех, кто заходил без меня.

— Правильно. Это первый. Тот, кто не назвался и обещал зайти позже.

— Не знаю, отчего, — вмешался Оскар, дрожа, как при болезни Паркинсона, — но у меня предчувствие. Это дурные вести.

Простак взглянул на визитку. Она ничего ему не сказала.

— Совершенно незнакомый тип. Кто-кто, а я немало поболтался по миру, но и не слыхивал про Дж. Бромли Липпинкотта.

— Адвокат, — прибавил Оскар, заглядывая ему через плечо. — Да, эта вот часть, про адвоката, мне совсем не нравится.

— Он сказал, что ему надо?

— Ни словечка. Нем, как могила.

— Наверное, пришел сделать предложение.

— Только не адвокат, — покачал головой Оскар. — Они предложений не делают. Может, вы чего-то натворили до театрального бизнеса? — с надеждой спросил он.

Простак превратился в энергичного администратора.

— Дам ему пять минут, послушаю, с чем явился. Зови его сюда, владычица моего сердца.

— Да, мой король.

Фричи уже трепетал, как осиновый лист.

— Знаете что? Пари держу, мы купили шоу не в том театре.

Прежде чем Простак успел прокомментировать это неприятное предположение, вернулась Динти, ведя посетителя. Как только Простак увидел его, то тут же и понял, что посетитель необычный. Из тех, кто открывает в жизни новую эру.

20

Дж. Бромли Липпинкотт был высок, темноволос и похож на мертвеца. На вид ему было лет шестьдесят, но, вполне вероятно, он и в десять лет выглядел точно так же. Как часто бывает с адвокатами, казалось, что, насмотревшись на темные стороны жизни, он с ходу подозревает всех в самых гнусных преступлениях. «Устрашающий» — вот самая подходящая характеристика для Дж. Бромли, а «зловещий» — для пухлого портфеля, который он нес, точно щит. Труп в нем спрятать размеры не позволяли, разве что карлика, но темные секреты половины жителей Нью-Йорка вполне поместились бы, и у нервного наблюдателя тут же перед глазами всплывали документы, доказывающие что он, нервный наблюдатель, официально лишен всяких прав на владение имуществом или что-то в этом роде. Такой это был портфель.

Посетитель поставил его на стол, словно боевик из банды «Черная Рука», подкладывающий бомбу в гардероб ресторана, и с минуту стоял, рассматривая Простака с Оскаром, мало того, проникая сверлящим

взглядом в самые глубины их чувствительных душ. Точно Старый Мореход, он завораживал их сверкающим взглядом.

— Доброе утро, — поздоровался адвокат.

Слова совсем простые, но произнес он их тоном детектива, разоблачающего убийцу в финальной главе триллера, и Оскар Фричи, глядевший на него широко раскрытыми, полными ужаса глазами, конвульсивно вздрогнул, словно он лениво посиживал на электрическом стуле, а какой-то грубый шутник взял да и врубил ток. Было ясно и очевидно, что Фричи опасается худшего.

Да и сам Простак чувствовал себя совсем не так беззаботно и беспечно, как ему хотелось. Что-то такое было в этом адвокате, что леденило душу. Где-то, в разных точках Соединенных Штатов, наверное, жили друзья его детских лет или старые приятели, учившиеся с ним в юридической школе, которые считали Дж. Бромли Липпинкотта своим парнем и получали удовольствие от его общества; но Простак к их числу не принадлежал. Адвокат ему не понравился.

Встретив взгляд блекло-серых глаз, Простак тотчас вспомнил предсказание сивиллы — вот он, зловещий брюнет.

— Вы хотели меня видеть? — спросил Простак, теребя галстук, и Дж. Бромли Липпинкотт бросил на него короткий, быстрый взгляд, очень резкий и неприятный.

— Кто из вас Сирил Фиппс? — стальным голосом осведомился он.

— Вот он! — с огромным облегчением указал Оскар. Впервые ему, бедняге, показалось, что перед ним мелькнула синяя птица счастья. Но облегчение длилось недолго.

— А вы — Оскар Фричи? — проницательно уточнил посетитель.

— Да, — прошелестел Оскар, вверяя душу Богу. Вот и спета песенка! Ничто его не спасет.

— А-а, — произнес мистер Липпинкотт и погрузился ненадолго в молчание, задумавшись, возможно, о виндикационном иске или о чем-то подобном. Потом взгляд его наткнулся на портфель и, вспомнив, при виде его, что у него есть миссия, он приступил к делу. Говорил он по-прежнему стальным голосом, напомнившим Простаку менеджера его Лондонского банка, когда тот выражал сожаление, что при данных обстоятельствах банку будет неудобно — да что там, попросту невозможно — разрешить ему превышение кредита.

— Я заходил к вам, джентльмены, и раньше и оставил сообщение, что еще вернусь.

— Да-а? Жалко, я не знал, — проблеял Оскар.

— У вас есть моя визитка?

Скрывать это было бы бесполезно. Простак сознался, что визитка у них имеется.

— Мое имя — Липпинкотт.

— Верно. Дж. Бромли, да?

— Из фирмы «Липпинкотт, Липпинкотт, Коэн, Манделбаум и Липпинкотт»

— Юрист, если не ошибаюсь?

Это сказал Оскар Фричи, легкомысленно вознамерившись установить дружеские отношения. Старайся с самого начала создать приятельскую атмосферу, решил он.

— Адвокат, — с холодной суровостью уточнил мистер Липпинкотт. — Можно? — спросил он, жестом указав, что хотел бы воспользоваться столом.

— О, без проблем! — разрешил Простак, подавляя желание выскочить из конторы и сбежать в Канаду. С чудовищной, грозной медлительностью Липпинкотт подошел к столу и поднял портфель, держа его в руках любовно, точно мамаша, качающая своего первенца. Открыв его, он извлек пачку документов и положил ее на стол, бросив между тем острый взгляд на Простака и Оскара. Вынул вторую пачку и, положив рядом с первой, кинул на Простака с Оскаром новый взгляд. Третья пачка — третий взгляд. Прелюдия была закончена. Липпинкотт достал очки, к ним — еще вторую пару, посадил очки на нос, прочистил горло, взял один из документов и развернул его. В окно забрел лучик солнечного света, и адвокат с минуту холодно разглядывал его, словно предупреждая — *лично с ним* никакие фокусы не пройдут.

— Так, а теперь, джентльмены, — проговорил он, и стало ясно, что сейчас он перейдет к сути.

Адвокат ласково похлопал по любимому портфелю и снова откашлялся.

— Вы владельцы, — начал он, — «Леман Продакшнс Инкорпорейтед» на 1468, Бродвей, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк. — Он на минутку приостановился, а затем, точно это составляло убийственное доказательство, которое мгновенно и навсегда сорвет маски с их лиц, присовокупил скрипучим шепотом: — Нью-Йоркской корпорации.

Наскоро припомнив фильмы, которые он смотрел в кинотеатрах Сиракуз, Оскар торжественно воздел правую руку.

— Да, владельцы. Но мистеру Фиппсу принадлежит большая часть, — добавил он, надеясь на лучшее.

Но Липпинкотт еще не вбил последний гвоздь. Последовало продолжение:

— Вышеназванная корпорация является продюсером драматического сочинения — или пьесы — под названием «Жертва».

— Да, — подтвердил Простак. В голове у него плыл туман, но он помогал правосудию как мог. — Вчера была премьера. В «Бродхесте».

Липпинкотт снова прокашлялся. Из портфеля, из которого, чувствовал Простак, сейчас может появиться фактически что угодно, он извлек журнал с ярким цветным снимком на обложке: джентльмен в черной маске и полном вечернем облачении вонзает нож в леди, прикрытую лишь легкой накидкой и кровью.

— В ноябре 1947 года, — возобновил речь адвокат, — в журнале «Горяченькие истории», выходящем в Нью-Йорке, штат Нью-Йорк, появилось художественное произведение — скажем так, повесть, — озаглавленная «Честь мужчины». Вышеназванное произведение написано моим клиентом мистером Родни Ричем из Вустера, штат Массачусетс.

Он опять выдержал паузу, опасную, словно кобра, готовящаяся нанести смертельный укус.

— Как мы должным образом докажем на суде…

— На суде? — подскочил Оскар.

— На суде.

— Мне так и послышалось, — прошуршал Оскар.

Мистер Липпинкотт возобновил свою речь перед лестно внимательной аудиторией. Менестрель был не молод, но партию свою исполнял вполне успешно.

— Как мы должным образом докажем на суде, вышеназванная повесть положена в основу драматического сочинения — или пьесы — неким Харли Томсоном, ныне усопшим.

— Умер, то есть, — объяснил Простак Оскару. С Оскаром он был знаком достаточно давно и успел узнать, что любое словечко, чуть позаковыристее, ставит того в тупик.

— А впоследствии, как мы докажем, вышеназванная пьеса была куплена, то есть приобретена неким Джозефом Леманом, действующим в партнерстве с неким Джоном МакКлюром как «Леман Продакшнс Инкорпорейтед», 1468, Бродвей, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, Нью-Йоркская корпорация, и должным образом ими поставлена.

Мистер Липпинкотт выдержал новую паузу. Суровость его смягчилась легкой грустинкой, словно он убеждал себя, что человек он крепкий, готовый к чему угодно, шокировать его нелегко, но сейчас он столкнулся с

чем-то настолько отвратительным, настолько тошнотворным для любого, кто верит в родство человека с Богом, что он едва находит слова. Столкнись он с мошеннической арендой, казалось, говорил он, то мог бы принять ее. Она ему не понравилась бы, но он сумел бы снизойти к заблудшей человеческой натуре. То же самое применимо к обманутым наследникам.

Но такое… Боже мой!

Могучим усилием воли он совладал со своими чувствами и вынудил себя продолжать.

— Будет доказано, — продолжил он, выдержав секундную паузу и оглядывая портфель, словно прикидывая, возможно ли, что оттуда выскочит кролик, — что вышеназванное драматическое сочинение — или пьеса — сходна с вышеназванной повестью по 146 пунктам.

Простак подскочил до потолка. Балетный танцор, и тот не мог бы исполнить номер столь живо и грациозно.

— *В ста сорока шести?!*

— В ста сорока шести. И что, по меньшей мере, семь персонажей в вышеупомянутой пьесе носят одинаковые имена с персонажами вышеупомянутой повести.

— Ой, матушки! Но, послушайте…

— Минутку, пожалуйста, — Липпинкотт поборол грустинку, вновь превратившись в сплошную угрозу. — Мой клиент мистер Родни Рич не получил никакого вознаграждения за пьесу, и его разрешения на переделку повести никто не испрашивал. Короче, здесь вполне ясный случай плагиата. Один из самых вопиющих, с какими мне доводилось сталкиваться, — заключил Липпинкотт и круто оборвал свою речь, будто бы еще секунда, и он поддавшись влиянию окружающей среды, закончил бы: «Это просто шедевр плагиата, дорогуша! Настоящий шедевр!»

Простак взглянул на Оскара, Оскар взглянул на Простака. Ни один не получил ни удовольствия, ни утешения от увиденного.

— Но… но… но… — проблеял Оскар.

— Послушайте, дорогой блюститель закона, — начал Простак, — мы ведь знать ничего про это не знали! Спектакль я купил у мистера Лемана, а потом мистер Фричи выкупил долю и получил свою частичку. Нам и во сне не снилось, что тут творятся грязные делишки.

— Может, и нет. Я снимаю с вас обвинение в злостном умысле. К сожалению…

— До чего неприятное слово, — скривился Оскар.

— К сожалению, мой клиент не может принимать этого в расчет. Его

сочинение воспроизведено в драматической форме без его разрешения. Вполне естественно, он добивается компенсации.

— Чего он добивается? — растерялся Оскар.

— Денег, — пояснил Простак.

Липпинкотт, который к этому моменту явно оставил всякую надежду, что из его портфеля выпрыгнет кролик, уложил туда документы, пачку за пачкой, и защелкнул застежку. В гробовой тишине щелчок цокнул взрывом, разящим наповал.

— Моя цель, джентльмены, изложить эти факты перед вами, прежде, чем возбуждать иск, давая вам возможность, если вы того пожелаете, урегулировать конфликт без суда.

— Уладить его, то есть?

— Именно. Я уполномочен сделать вам следующее предложение. Мой клиент согласен на 66 и 2/3 процента от всех прибылей, полученных от вышеозначенной пьесы, когда и если она будет поставлена в любом виде, и только на таком условии разрешает продолжать спектакли. Если же он не получит 66 процентов и 2/3…

— А это тоже деньги, — вставил Оскар, чей мозг сегодня утром соображал хорошо, во всяком случае, в том смысле, какой приложим к мозгу Оскара Фричи.

— …то он подаст просьбу о судебном запрете и заставит закрыть спектакль немедленно.

Простак издал резкий мучительный вскрик.

— Закроет спектакль?

— Да, закроет.

— Закроет? — прожурчал Оскар.

— Немедленно, — подтвердил Дж. Бромли Липпинкотт. Громкий глотательный звук нарушил тяжелую тишину, наступившую за этими словами. Его издал Оскар. Он двинулся, заплетаясь ногами, к двери, и его роговые очки поблескивали отчаянием. Да, он был ребенком в театральных вопросах, но достаточно знал о мире театра, чтобы понимать — если вы вложили деньги в драму, а кто-то ее закрывает, то рассчитывать на значительные прибыли никак невозможно.

Воздержанный обычно человек, сейчас он испытывал страстное желание напиться, и чем скорее, тем лучше.

— Послушайте, — обратился он к Простаку низким гулким голосом, — большая часть спектакля ведь ваша, верно? И я не очень-то разбираюсь в разных там адвокатах. Вы что-нибудь сделайте, а я пойду пригляжу, чтоб не спалили театр.

Он вышел из комнаты, и в офисе «Леман Продакшнс Инкорпорейтед», 1468, Бродвей, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк, опять воцарилась тишина. Простак лишился дара речи, а мистер Липпинкотт, выполнив порученное задание, готовился предаться отдыху, словно палач в каком-нибудь восточном суде, берущий передышку после того, как задушил шнурком нескольких одалисок. Он открыл портфель, чуть помедлил, как бы давая кролику последний шанс, потом сунул руку внутрь, извлек плитку шоколада с орехами и начал грызть его, объяснив, что позавтракал сегодня совсем легко.

Простак повернулся к Динти. Все это время она простояла у бачка с водой, молчаливо созерцая трагедию, разворачивающуюся перед ее полными ужаса глазами. Простак чувствовал, что если что-то дельное и можно совершить, то способ укажет только она.

— Динти, как ты думаешь, что нам теперь делать?

Динти смотрела на Дж. Бромли Липпинкотта, словно старалась разглядеть в его гранитных чертах хоть какой-то намек на человечность. Но Липпинкотт, хотя и получал удовольствие от шоколада с орехами, оставался все тем же неприступным посланником рока, от одного взгляда которого (еще до того, как он произносил хоть слово), тускнело самое солнечное утро.

— Мистер Фиппс должен дать ответ немедленно?

Дж. Бромли Липпинкотт покончил с шоколадом и изящно вытер пальцы о носовой платок.

— Сожалею, но — да.

— Однако, черт дери, у меня совсем нет времени…

— Мы что, не можем даже обсудить вопрос? — поинтересовалась Динти.

Липпинкотт снял очки для чтения, вынул другие, от близорукости, протер их, посадил на нос и внимательно, словно перед ним — хитроумная закорючка закона, рассмотрел Динти.

— Эта молодая леди — ваш советник?

— Да.

— Хм, — Липпинкотт подверг Динти новому осмотру. Возможно, что-то в ней напомнило ему о его матери, когда та была молодой, а может, ее внешность вызвала воспоминания о городской красавице времен его юности, память о которой он сберегал, переложив ее засушенной лавандой. Во всяком случае, он смягчился, то есть утратил сходство с Первым Убийцей, а стал напоминать Убийцу № 2, который все же подобрее. — Что ж, — изрек он, — я могу предоставить вам минимум времени.

— Всё лучше, чем ничего.
— Ну, скажем, полчаса.
— Да? — переспросил Простак.
— Да, — отозвалась Динти.
— Прекрасно. Вернусь за вашим решением через полчаса, — заключил мистер Липпинкотт и, чтобы прояснить все, даже для самого скудного ума, уточнил: — То есть через тридцать минут.

Захватив портфель и слизнув прилипшую крошку шоколада с уголка губ, он удалился.

21

Несмотря на то, что комната, лишившись Дж. Бромли Липпинкотта, стала несомненно веселее, поведение Простака никак не намекало, что он хоть отдаленно испытывает какой-то подъем настроения. В присутствии Липпинкотта, особенно на заключительной стадии беседы, Простак походил на труп, несколько дней проболтавшийся в воде, и на такой же труп он походил и сейчас. Следуя заведенному обычаю своих предшественников в этом офисе, когда дела оборачивались не так, как думал, Ф.-Ф. мрачно отправился к бачку с водой и налил себе бумажный стаканчик. И только выпив в манере Сократа, осушающего чашу с цикутой, он заговорил:
— Теперь мы не купим «Куин Мэри».
— О, Простак!
— И еще. Мы не будем жить на Парк-авеню. У нас не будет машин. А тем двум дворецким, про которых мы говорили, придется подтянуть носочки и бежать на поиски другой работы. Да, я знаю, — уныло заметил он, когда Динти обняла его и поцеловала. — Ужасно мило с твоей стороны, старушка, я очень-очень ценю твое деликатное внимание, но никакие поцелуи и женское участие не могут изменить того неоспоримого факта, что дело мое плохо. Я тону уже в третий раз, и как раз тогда, когда все выглядело так, черт дери, радужно!
— Ты не должен падать духом. Глаза Простака робко оглядели ее.
— Ты сказала, не падать? Ты вправду употребила эти словечки?
— Возможно, адвокат ошибается.
— Они не ошибаются никогда.
— Ты даже не попросил у него доказательств. Простак содрогнулся.
— Я не могу на них смотреть! Нет, у него все крепко сшито. Если он

утверждает, что вышеназванное драматическое сочинение — или пьеса — сходно с вышеназванной повестью в 146 пунктах, то можно прозакладывать последнюю рубашку, что именно и точно в 146 пунктах они и сходны, и что его клиент мистер Родни Рич из Вустера, штат Массачусетс, намерен заграбастать 66 и 2/3 процента из всех прибылей, полученных от вышеназванной пьесы. 66 и 2/3 процента! А у меня были такие грандиозные планы!

— Ты еще можешь их осуществить.

Простак покачал головой. Даже сам Оскар Фричи, и то не мог бы покачать головой унылее.

— Ни единого шанса. Да, я один из тех, кому такое не дано. Есть люди, скроенные для больших дел, и люди, для них не скроенные. Я вот не скроен. Не хватает у меня мозгов, недостает серых клеточек. Вспоминаю своего дядю Теодора. Как-то я разбил его пенковую трубку, пытаясь принести пользу в доме, прихлопнув в библиотеке надменно жужжавшую муху, и он сказал, что у меня разума не больше, чем у деревенского дурачка. Правда, он немножко разгорячился — эту свою трубку он любил самозабвенно, часами ее полировал, и потому позволил жаркому гневу затмить хладнокровность суждений. Но теперь я понимаю, дядя был совершенно прав. В сущности, он дал мне верную оценку. Я никчемный человек. Я безнадежен. Я просто бедный старый Простак, деревенский дурачок.

— Обожаю деревенских дурачков!

— Неужели ты хочешь сказать, — уставился на нее Простак, — что ты еше собираешься выйти за меня замуж?

— Бери лицензию и посмотришь, как у меня пятки засверкают, когда я помчусь в церковь.

На дне пропасти, куда свалился Простак, забрезжил лучик солнечного света. Он не улыбнулся, это было бы трудно, но глубокая скорбь заметно просветлела. Он поцеловал Динти даже с некоторым оживлением.

Потом тревога вернулась, и он с тяжелым вздохом отпустил невесту.

— Ты сама не понимаешь, во что ввязываешься. Прекрасным я буду кормильцем при нынешнем своем положении. Сомневаюсь, что и на кусок хлеба заработаю, не говоря уж о том, чтобы обеспечить для тебя тот стиль жизни, к которому ты привыкла.

— Однокомнатный номер в «Астории».

— Моих ресурсов даже и на это не хватит.

— Ты можешь найти работу.

— Очень сомневаюсь. Нас, Фиппсов, нелегко куда-то пристроить.

— У тебя же была раньше работа.

— Правильно. Я занимал должность портье под началом Дж. Г. Андерсона. Но пост этот я получил не благодаря своим заслугам, а благодаря связям. Мой дядя Теодор разводит сиамских кошек, и, по случайности оказавшись в Нью-Йорке, он ежегодно ездил к моему покойному дедушке, узнал, что владельцы собираются на встречу в Бессемере, штат Огайо. Он решил поучаствовать, и остановившись в отеле Дж. Г. Андерсона, познакомился с ним, подружился, а там — воспользовался выгодой быстро расцветшей дружбы, чтобы пристроить меня в качестве, как я уже заметил, портье. Но при трезвом свете дня Дж. Г. Андерсон дал мне, как выражается Поттер, пинка под зад.

— Обратно он тебя не возьмет?

Простак рассмеялся слабым обморочным смехом. Он и думать не мог, что будет когда-то в состоянии засмеяться снова, пусть даже слабо, но этот наивный вопрос невольно рассмешил его.

— Если я правильно прочитал выражение его глаз при нашем расставании, то не возьмет. Но, черт возьми, мы не должны тратить попусту время, рассуждая о всяких работах. Нам надо решить, что ответить Дж. Бромли. Он вот-вот прискачет, горя нетерпением узнать, какой тут у нас счет. Нужно ему что-то сказать.

— Предположим, — размышляла Динти, — мы согласимся на то, чего он хочет.

— В остатке и делить будет нечего.

— Да, правда.

— По половине из 33 и одной трети процента мне и Оскару… — Простак лихорадочно расхаживал по офису. Совесть буквально грызла его. — Я себя так паршиво чувствую из-за того, что втравил Оскара в это дело. Жил он себе и жил, бедный сломанный цветочек, совершенно счастливо, имел хорошую работу и сбережения в старом носке, а тут я и вламываюсь в его жизнь… Свят, свят, свят! — воскликнул Простак на стук в дверь. — Не может быть, что это уже Дж. Бромли?

— Войдите, — крикнула Динти. — Конечно, не может. Он придет не раньше, чем минут через двадцать. Возможно, это… А, привет, мистер Поттер!

— Привет, — сказал и Простак.

Хотя вечеринка, данная в его честь накануне вечером друзьями и поклонниками, закончилась в шесть утра, выглядел Мэрвин на редкость жизнерадостно, так и бурлил природной энергией.

Он принадлежал к тем счастливчикам, которые будто только

расцветают от недостатка сна. Покритиковать можно было бы только его наряд: хотя давно наступил день — время шло к обеду — он все еще щеголял в белом галстуке и во фраке, более подходящими для вечерних часов. Эксцентричность подчеркивалась надписью, которую чья-то любящая рука нанесла губной помадой на его манишку: «Привет, малыш!»

Но актер не придавал особого значения всяким мелочам. Если бы вы попеняли ему, то он ответил бы, что главное в человеке — душа. «Лишь бы душа у вас цвела и благоухала — сказал бы он вам, — а уж внешняя оболочка пусть сама о себе заботится».

Мэрвин ослепительно улыбнулся старому другу, равно как и его юной подружке, и осведомился, читали ли они газеты.

— Настоящий триумф! — воскликнул Мэрвин. — Столько похвал со всех сторон. Спектакль продержится не меньше года. Но я пришел не только за тем, чтобы сообщить вам об этом, хотя все это очень здорово. Я явился, Фиппс, старый дружище, в роли посла. Если ты не возражаешь, я присяду. Кому-нибудь еще, кроме великого белого вождя, позволяется садиться в это кресло? Сгони меня, если я нарушаю правила.

Устроившись в крутящемся кресле, Мэрвин закинул ноги на стол.

— Да, — возобновил он свою речь, — я полномочный представитель. Один из тех ребят, которые ведут неофициальные предварительные переговоры. Меня попросили поговорить с тобой по вопросу чрезвычайной важности. Сегодня утром я прикорнул на полу своей спальни и спал сном младенца. Тут мне позвонили снизу и сообщили, что ко мне пришли. Какой-то, видишь ли, посетитель. «Придушите его голыми руками, — распорядился я. Но они не решились. — Ну, тогда пришлите этого изверга наверх», — сказал я. Они прислали. И кто, как ты думаешь, им оказался? Представь, наш старый приятель Дж. Г. Андерсон. После обычного обмена любезностями он стал просить меня, чтобы я уговорил тебя купить его отель. Как я понимаю, в вашу предыдущую встречу у тебя не хватило денег на взнос, но теперь, когда ты еженедельно огребаешь миллионы, он решил, что беседу можно продолжить. Отдаст тебе отель за семьдесят пять тысяч.

— Гу!

— Прошу прощения? Что ты сказал?

— Гу!

Мэрвин озадачился.

— Этим междометием ты поместил себя в один небольшой класс с боевой лошадью, отпустившей, если ты помнишь, похожее замечание среди пения труб, но что оно означает? Объясни поподробнее, пожалуйста.

Простак прошествовал к бачку с водой и наполнил бумажный стаканчик.

— Когда он сказал «семьдесят пять тысяч», он имел в виду доллары или центы?

— Доллары, насколько я понял.

— Хотя это и не играет особой роли. Даже и семьдесят пять тысяч центов мой личный бумажник не потянет.

— У нас, Мэрвин, дурные новости, — вмешалась Динти. — Расскажи ему, Простак.

Путаясь, Простак выложил всю историю, и Мэрвин Поттер, покачивая головой, согласился, что «дурные» — очень правильное определение.

— И что вы намерены делать? — поинтересовался он.

— Сами не знаем. Мы как раз обсуждали это, когда ты пришел.

— Боюсь, тебе придется отдать ему его фунт мяса. Юристы — настоящие дьяволы. В Голливуде я увязал в них, как в трясине. Они разнюхивали, что я ем и на чем сплю, шпионили за каждым моим шагом. Помню, однажды…

Но любопытная история так и не была рассказана, потому что в этот момент распахнулась дверь, и ворвалась Фанни Леман, уверенная и решительная, как всегда. Казалось, будто она влетает на сцену, готовясь сразить зрителей наповал номером с шестью булавами. Пребывала она в отличнейшем настроении. Глаза у нее сияли, лицо раскраснелось. Так выглядит женщина, которая вот-вот обдурит кого-то.

— Привет, дети мои! — воскликнула она. — Привет, мистер Поттер!

— Доброе утро, — сказали и Динти, и Поттер.

В эту минуту, когда нужно было расправиться с трудными проблемами и принять жизненно важное решение, Простаку меньше всего хотелось, чтобы ему мешали, пусть даже и женщина, которая всегда была ему по сердцу. Но хотя ему недоставало серых клеточек, любезности было не занимать.

— А-а, привет, миссис Леман, — ответил он, надеясь, что слова не сменились предсмертным хрипом.

Однако именно хрипом они и вырвались. Брови у Фанни вскинулись, глаза стрельнули на Динти и обратно. Она остро улавливала настроение, но даже и самый тупой наблюдатель ощутил бы в атмосфере напряженность.

— Ради Бога! — воскликнула Фанни. — Что у вас стряслось? Вы должны веселиться напропалую. Разве вы не знаете, что у вас получился хит?

— О, ну да. Я знаю, спектакль прошел с успехом.

— С успехом? Он в три раза больше, чем вы надеялись. Сиена в притоне их добила. Полиция пытается закрыть из-за нее спектакль, а вам известно, что тогда получается. Публика на люстрах будет висеть.

Простак сглотнул. Теперь к Дж. Бромли Липпинкотту прибавилась нью-йоркская полиция, и он почувствовал себя электрическим зайцем, которого преследует целая свора борзых.

— Что, если они все-таки закроют?

— Ни в коем случае, — добродушно рассмеялась Фанни. — Не в этом городе.

— Конечно, нет, — подтвердил Мэрвин. — Нью-Йорк — это вам не Бостон. У нас тут есть права, малыш. Все что случится — на первых страницах газет будут печатать массу всякой ерунды, и тебе придется убрать парочку реплик типа «Черт подери» в завтрашнем спектакле. А в послезавтрашнем вставишь их снова, и все пойдет как прежде.

— А между тем, — заметила Фанни, — каждый житель города, сумевший наскрести четыре доллара 80 центов, ринется к окошку театральной кассы.

— Те, у кого не найдется такой суммы, — подхватил Мэрвин, — будут рыскать кругами по городу, пока не ухитрятся подзанять деньжат.

— Говорю тебе, — заверила Фанни, — успех будет оглушительный. Тебя ждет полная победа. И скажу тебе кое-что еще. К тебе сейчас нагрянет компания.

— А? — переспросил Простак. — Что за компания?

— Мистер Леман.

— Мистер Леман? — вскрикнула Динти.

— Никто иной. Он разжился денежками, — очень весомо объявила Фанни, — и теперь хочет выкупить спектакль обратно. Деньги у него с собой в удостоверенных чеках.

Если она рассчитывала, что новость произведет сенсацию, то ничуть не обманулась в расчетах. Простак, охнув, оглянулся на Динти. Та охнула тоже и посмотрела на Простака. Обоих одновременно посетила мысль, заставив раскраснеться, точно расцветшая роза. По поведению Мэрвина Поттера было совершенно ясно, что точно такая же мысль осенила и его.

— Боже! — воскликнула Динти.

— Хэппи энд, — заметил Мэрвин.

— Да-да, если он явится сюда раньше юриста, — возразил Простак. — Но придет ли он раньше? — напряженно осведомился он.

Фанни удивилась.

— Что у вас тут такое? Какие юристы? Простака занимало одно.

— Так придет он или нет? Как вы думаете?

— Думаю, да. Он уже вышел. Я просто помчалась вперед, чтобы раскрыть вам полную картину. У меня к вам глупая симпатия, братец Фиппс. Почему-то мне всегда были симпатичны простофили. И я не считаю, что Джо Лемана нужно поощрять, когда он пытается всадить гарпун в молодых и наивных. Он у меня хороший парень, и я его люблю, но не одобряю некоторые его приемчики.

— Очень, очень верно, — согласился Мэрвин. — Они напрашиваются на критику. Не знаю, где Джо получал образование, но наверняка в его школе или колледже забывают обучать разнице между добром и злом. Она, видимо, есть.

— Да уж, — согласилась Фани. — Он задумал кражу века, прости его Господи. Вот я и помчалась рысью, чтобы предупредить вас. Когда он явится и примется обрабатывать вас, Простак, не давайте слабины ни на минутку. Если вы позволите этому разбойнику вас улестить, выманить у вас шоу, это будет преступлением.

В дверь постучали, и Фанни ласково улыбнулась.

— Ага! Занавес поднимается!

— Да, — подтвердил Мэрвин. — Ватсон, если я не ошибаюсь, пришел наш клиент.

22

Когда в офис шумно, явно торопясь, ввалился Леман, то, прежде всего, он удивился, что там вроде бы идет совещание. Очень уж много народу собралось в его бывшем стойбище. Он посмотрел на Простака, посмотрел на Динти, оглянулся на Мэрвина Поттера. Потом взгляд его упал на Фанни, и он вздрогнул, словно человек, наткнувшийся в ванной на тарантула.

— Ты-то что тут делаешь? — хрипло выговорил он.

— В гости зашла.

— Убирайся!

Простак вскинул брови. Такого он не допускал.

— Эй-эй! — со спокойным укором окликнул он. — Вы не собираетесь снова выгонять людей из комнаты? Тут, между прочим, *мой* офис — 1468, Бродвей, Нью-Йорк, штат Нью-Йорк. Нью-Йоркская корпорация. Всех, кого надо выгнать отсюда, я выгоню сам.

— Хорошо сказано, Фиппс, — одобрил Мэрвин.

— К месту, а?

— Именно к месту, — согласился Мэрвин. — Прямо в яблочко.

Простак устроился в крутящемся кресле, с которого Мэрвин галантно встал, когда вошла Фанни, и закинул ноги на стол.

— Присаживайтесь, дорогуша, — пригласил он. — Послушаем, что у вас на уме.

— Если там что-нибудь есть, — вставил Мэрвин.

— Вот именно, — подхватил Простак, — если есть. Что привело вас сюда в это ясное солнечное утро?

Леман, который во время этих реплик сверлил взглядом свою бесценную жену, обернулся к нему с пылким жестом.

— Послушайте, — начал он. — Не знаю, что она вам тут наболтала, но не вздумайте поверить ей хоть на грамм.

— Вы говорите загадками, мой друг.

— Я пришел, чтобы вернуть вам ваши монеты — выкупить все обратно, целиком.

— То есть, вы желаете купить спектакль?

— Я отдам все, что вы за него заплатили, — двадцать тысяч. Вы не потеряете ни цента.

— И вы тоже, верно?

— Что?

— Я первый спросил.

— Что-то не пойму вас.

Простаку и в голову не приходило, что наступит момент, когда он порадуется знакомству с Дж. Бромли Липпинкоттом, но теперь он ощущал сильнейшую благодарность, что ему выпала честь наблюдать адвоката в действии. Молодой театральный менеджер может многое перенять от похожего на труп адвоката в умении держать себя. Превратиться в брюнета Простак, конечно, не мог, но позаимствовать чуть-чуть стали и напора мог вполне, что он и сделал.

— Позвольте объяснить, — начал Простак. — Вы так легкомысленно говорите.

— Или слишком бойко, — подсказал Мэрвин.

— Да, или слишком бойко, — согласился Простак, всегда открытый предложениям. — Вы легкомысленно, или бойко, говорите о покупке моего шоу, но позвольте напомнить, что вышеназванное драматическое сочинение — или пьеса — чертовски ценная собственность. Это величайшее драматическое произведение за последние двадцать лет. Начинается оно с пролога…

— Так вы поверили всякой чепухе? — взорвался Леман. —

Послушайте, дорогуша…

— Я слушаю, мой друг.

— Я в этом шоу-бизнесе собаку съел. Э?

«Э» было обращено к Фанни, которая бормотала: «Твое дело — водевили». Ожегши ее злобным взглядом, Леман сказал:

— И что? С водевилями все в порядке, но мы говорим не о водевилях, а о постановке драматических спектаклей. Я собаку съел в шоу-бизнесе, — повторил он, вбивая в ладонь левой руки кулак правой, — и сумею слепить кое-что из этого спектакля. А вот вы не сумеете.

— Не сумею?

— Нет.

Простак легко хохотнул. Дж. Бромли Липпинкотт в подобной ситуации нахмурился бы, но сам он предпочел легкий хохот. Однако он прозвенел не так музыкально, как ему бы хотелось, и он исполнил номер «на бис». На этот раз хохоток раскатился так переливчато и музыкально, что лучше не бывает.

— Не сумею, вот как? А вы заверните за угол театра и взгляните на толпу, пытающуюся купить билетик. Это шедевр, дорогуша, а под моим управлением…

— Управление — самое главное, — вставил Мэрвин.

— Да-с, сэр, именно! Управление — самое главное, — повторил Простак. — Абсолютно. Тут требуется рука эксперта, и именно ее-то и получил этот спектакль.

Дышал Лемана хрипло и тяжело. Будь здесь его доктор, он озабоченно поджал бы губы и потянулся за таблетками.

— Послушайте, — сказал Леман, — я дам тридцать. У меня в кармане — удостоверенные чеки. Ну? Договорились?

— Нет, — покачал головой Простак, — так не пойдет, старина. Ради вашего же блага — не могу согласиться. Если у вас на совести будет лежать, что вы сладкими речами уговорили меня продать это великолепнейшее произведение за какие-то там тридцать штук, то вы до конца жизни не узнаете покоя. Перестанете спать по ночам. В шоу есть блестящая сцена в кабаре…

— Сорок!

— Простите?

— Да у меня всего пятьдесят. Хотите все? Вы что, думаете, я стараюсь вас облапошить?

— Нет-нет. Снимаю обвинение в злом умысле. К сожалению…

В этот момент раздался шум, будто пронесся порыв мощного ветра,

дверь распахнулась, и в комнату, даже не постучавшись, ворвался Джек МакКлюр. Как и его бывший партнер, он очень спешил. При виде Лемана Джек резко затормозил, в крайнем изумлении.

— Вот как! — выдохнул он, одним восклицанием передавая целую гамму чувств.

— Так, — заметила Фанни, — дружок явился.

— Я считал, что мы друзья, — откликнулся Джек, и даже Дж. Бромли Липпинкотт, потрясенный таким бессовестным шедевром плагиата, не сумел бы вложить больше ужаса и негодования в пять коротких слова.

— Пытался меня обжулить? — Горящие глаза Джека прожгли мистера Лемана, потом он силой воли оторвал от него взгляд и повернулся к Простаку. — Вы уже продали ему спектакль?

— То есть шедевр?

Джек МакКлюр, обычно такой сдержанный, такой воспитанный, внезапно завопил в голос:

— Если еще нет, не продавайте! Он хочет вас ободрать.

— Мистер Леман? — поразился Простак.

— Он ничего не сказал про полицию?

— Я сказала, — вмешалась Фанни, и Леман бросил на нее взгляд, да такой, что, присутствуй здесь Дж. Бромли Липпинкотт, он первый признал бы, что этот взгляд превосходит все взгляды его собственного репертуара.

— Вот тебе и друг, — хрипло проговорил Леман. — Вот тебе и друг!

— Послушайте, — приступил к делу Джек, — я дам пятьдесят тысяч. Они у меня здесь, с собой.

— Пятьдесят тысяч? — Простак опять легко, переливчато, музыкально хохотнул. — Да даже мистер Леман предлагал столько.

— Вот как?

— Желаете повысить цену? Это ведь шедевр, не забывайте. Священник входит с раввином, и они говорят, то один что-то скажет, то другой, слова так и летают, и тэ дэ, и тэ пэ.

Джек потер подбородок.

— Но… пятьдесят тысяч? Это ведь немалые деньги.

— А что вы скажете, мистер Леман?

Внимание Лемана на минутку отвлеклось от дискуссии — он тихим, интимным полушепотом втолковывал жене, что непременно проломит ей голову.

В разговор вклинился Мэрвин Поттер, решивший выдвинуть предложение.

— Я думаю… — начал он и умолк. Только сейчас взгляд его случайно

упал на манишку, он прочитал послание и оцепенел. Потом на его красивом лице проступила суровость. — Леман, — проговорил он, — это ваша работа? Это вы подобрались ко мне, точно тать в ночи, и намалевали «Привет, малыш!» на моей грудной косточке? — Но тут же смягчившись, добавил: — Хотя нет, конечно. Вы ведь не пользуетесь губной помадой? Н-да, скорее всего, надпись так и останется исторической загадкой, вроде Железной маски. Но я не о том… Мне кажется, я нашел выход. Не знаю, много ли вам известно о мире финансов, но лично я полагаю, что в тех случаях, когда два финансовых воротилы, назовем их «Воротила А» и «Воротила Б», горят желанием провернуть крупную сделку, и ни один не желает уступать, то зачастую они разрешают спор, прибегая к так называемому слиянию. Они, если вы следуете за моими рассуждениями, «сливаются». Замечательнейший способ уладить и вашу проблему. У тебя, мой плутократ, старина Леман, есть пятьдесят тысяч. Вы, наш богач, старина МакКлюр, владеете такой же суммой. Почему бы вам не сложить свои песо и не купить спектакль пополам?

Простак зашелся от восторга. Король Соломон, сказал он себе, просто дурак в сравнении с этим светлым умом. С того самого момента, когда Джек МакКлюр упомянул про свои пятьдесят тысяч, у Простака возникло чувство, что киношная звезда готова выступить с какой-то идеей, высказать свое мнение, предложить какую-то уловку. И вот она выступила! Каждое слово, падающее с ее губ — восточная жемчужина, сияющая чистейшим светом.

— Вот это дело! — радостно вскричал Простак. — Шляпы долой перед М. Поттером! Он — голова! Сто тысяч долларов — хорошая цена, мистер Леман. Как вы думаете?

Леман бессильно свалился на стул. Джек рухнул на другой.

— Сто тысяч? — завопил Леман.

— Сто тысяч? — вторил Джек.

— Думайте на бегу! — посоветовал Простак. Леман взвился как ракета. Джек взвился тоже.

— Это… — задыхался Леман. За последние минуты он постарел на несколько лет и казался старшим братом того человека, который недавно ворвался в комнату. Да, старший брат, проживший нелегкую жизнь, испытавший немало бед, воротничок которого, вдобавок, на несколько размеров меньше нужного.

— Это последнее слово?

— Абсолютно!

— Пять звезд! — похвалила Фанни, удостаиваясь от своего супруга

нового взгляда, который вызвал бы бурный восторг у знатока злобных взглядов Дж. Бромли Липпинкотта.

— Конечно, ответ я должен получить сразу, — заявил Простак и щелкнул пальцами. — Вот так! Таков уж шоу-бизнес!

Леман поплелся к дверям секретарской комнатушки.

— Давай, Джек, зайдем на минутку.

— Зайдем.

— Мы сейчас, — пообещал Леман.

Дверь за ними закрылась. Фанни испустила глубокий вздох.

— А я-то пришла сюда, Простак, приглядеть за вами! Динти с сияющим лицом приблизилась к ней.

— Мы бы, миссис Леман, ничего без вас не сумели. Мы очень ценим… чрезвычайно. Правда, Простак?

— Я никогда этого не забуду. Дорога помощь в час беды! — пылко заверил тот. — Утром и вечером я буду с благодарностью поминать вас в своих молитвах. А первый же появившийся на свет маленький Фиппс получит имя в вашу честь. Если это будет, конечно, девочка. Ну, а если мальчик, то мы назовем его Мэрвином, в честь Поттера.

— Благороднее ярлыка для здоровенького ребенка тебе не найти, — высказался Мэрвин.

— А ребенок появится? — заинтересовалась Фанни.

— А как же! Стоит только заглянуть в том второй, — объяснил Простак. — Мы с Динти собираемся пожениться.

— Вот как?

— Так-так-так, — вступил Мэрвин. — Итак, вы женитесь. Начинаете новую жизнь. Желаю вам удачи и счастья. Но есть тут и спорный пункт, — продолжал он, помрачнев, — не совершает ли двоемужества девушка, выходящая замуж за субъекта с двойной фамилией? Я предвижу, что ее ждут определенные неловкости. Да, Динти Мур. Пожалуй, вы почувствуете себя глуповато в один из длинных зимних вечеров, когда уютно устроитесь на коленях Фотерингея, а тут вдруг внезапно войдет Фиппс. Или наоборот. Однако это целиком ваше дело, целиком ваше. Просто решил предупредить.

Фанни смотрела на Простака с нескрываемым восхищением.

— И подумать только, я принимала вас за простофилю. Вы, безусловно, выиграли. Видно, у вас открылось тайное зрение. Но как эта пьеса вдруг превратилась в хит, навсегда останется тайной. Если вы понимаете, о чем я, мистер Поттер.

— Очень даже хорошо, — отозвался Мэрвин. — Но мы ни в коем

случае не должны забывать и о том, что спектакль не только представлен Сирилом Фиппсом и ставился под его руководством, несравненным и неповторимым, но в нем играет и звезда, которую я, допусти это скромность, сравнил бы…

— С вареной курицей? — подсказала Фанни.

— Вы просто вырываете у меня слова изо рта, дражайшая леди. Кстати, насчет рта. Мой — ужасно пересох, и если я немедленно не смочу его, поднимется пыльная буря. Вы не согласитесь сопровождать меня за угол и опрокинуть стаканчик?

— Как это не соглашусь? — вскричала Фанни. — И соглашусь, и пойду.

— Я всегда говорил, ничто не сравнится с капелькой горячительного пораньше с утра, — заключил Мэрвин. — До свидания, юная Динти. До свидания — пока что — мой старый дружище Фиппс. Я сообщу Дж. Г. Андерсону, что он вскоре тебя увидит. Он дожидается меня в одном баре, неподалеку отсюда. Дай мне полчаса и, думаю, я так накачаю старикана, что он урежет цену за этот свой отель практически до нуля. Когда закончишь здесь, то, если пожелаешь с ним побеседовать, поверни, как выйдешь, налево, пройди пару кварталов до бистро под названием «Уголок Майка» и подожди снаружи, пока не услышишь разудалую песню. Это и будет Дж. Г. Андерсон, и вот тут-то и наступит момент нанести удар.

И со старомодной учтивостью Мэрвин Поттер вывел Фанни из комнаты. Когда закрывалась дверь, до оставшихся доносились объяснения: «Надпись на манишке, скорее всего, — работа международной банды, и, кажется, я знаю, кто у них главарь».

— Ну, молодец! — воскликнула Динти.

Простак не ответил. У него наступила реакция. Весь — порыв и мощь минуту назад, теперь он страдал от трусливой дрожи, такой же, что часто отравляла дни Оскара Фричи. Как-то, приехав в Монте-Карло, Простак поставил свою последнюю сотню франков на красное, и с теми же чувствами, с какими следил за колесом рулетки, не отрывал сейчас глаз от двери, за которой двое воротил проводили совещание. За утешением и моральной поддержкой он обратился, как будет обращаться до конца жизни, к своей Динти.

— Ты думаешь, они решатся?

— Разумеется.

— А что, если юрист вернется прежде, чем они примут решение?

Он оборвал фразу. В комнату проскользнул Оскар Фричи в обычной своей манере — как-то по-крабьи, словно опасался, что на голову ему

рухнет потолок или в него ударит молния. В «Уголке у Майка» Оскар опрокинул три рюмки, но и подкрепившись, казался, как всегда, робким, дрожащим кроликом, который мог бы появиться (хотя как мы видели, и не появился) из портфеля мистера Дж. Бромли Л иппинкотта. Оглядевшись и не увидев юриста, Оскар взбодрился было на минутку, но когда из комнатушки донесся оглушительный голос, опять обмяк.

— Он там, да? — подавленно спросил он.

— Нет, мистер Липпинкотт ушел, — ответила Динти. — Но вернется…

— О… — вздохнул Оскар, совсем сникнув.

— Сейчас его тут нет, — продолжала она, — это Леман и МакКлюр.

— Леман и МакКлюр? Что они тут делают? Черт! — воскликнул Оскар. — Что-то не так с теми бумагами, которые мы подписали? На самом деле они не продали нам шоу?

— Нет, продали, — возразил Простак. — А теперь пожелали выкупить обратно. Я прошу сто тысяч долларов.

— Что!

— То.

— *Сто тысяч?*

— Да.

— Господи Иисусе!

Минутная слабость Простака миновала. Он снова стал человеком, который думает на бегу и принимает быстрые решения.

— Слушайте, мой осиновый листочек, — начал он. — То, что можно было назвать пикантной ситуацией, изменилось. Леман и МакКлюр явились сюда с удостоверенными чеками в потных кулачках. Теперь всего лишь вопрос времени, и мы получим сто тысяч долларов, хрустящие и прекрасные. А мой бывший хозяин Дж. Г. Андерсон поджидает меня неподалеку, мечтая продать мне свой отель в Бессемере, штат Огайо. Мы с вами купим его вместе и превратим в величайший отель на свете. Вы ведь не хотите оставаться в шоу-бизнесе? Правда, он не хочет?

— Конечно, нет, — подтвердила Динти.

— Я не хочу? — уточнил Оскар.

— Разумеется, нет! — воскликнул Простак. — Человек вроде вас должен заниматься отелями. Правда, он должен?

— Конечно, должен.

— В тот раз вы говорили, что я должен уйти из отеля.

— О, тогда все было по-другому! Вам понравится Бессемер. Дивное местечко. Послушайте! Я продам вам двадцать пять процентов отеля за

вашу долю из ста тысяч. Решено?

— Ну… как…

Простак побарабанил по столу.

— Быстро, быстро! Думайте на бегу! Договорились?

Нужен был человек покрепче Оскара Фричи, чтобы противостоять такому натиску, тем более что Динти вцепилась в его лацкан и стала просительно заглядывать ему в глаза.

— Ну, если вы так говорите… — слабо проблеял Оскар.

— Именно! — воскликнул Простак, и тут Леман с МакКлюром вышли из комнатушки с видом людей, которые пришли к решению, хотя и без особой охоты.

— Здрасьте, — прошелестел Оскар. — Здрасьте, мистер Леман. Добрый день, мистер МакКлюр.

— Как поживаете? — отозвался Джек.

— Неплохо. Правда, у меня какое-то странное ощущение в голове, а горло вроде как…

— Пожалуйста! — перебил Простак, верно рассудив, что эти подробности лучше приберечь для врача Оскара. — Ну, как? — повернулся он к Леману.

У мистера Лемана вроде еще теплилась надежда, что соглашения можно достичь, воззвав к лучшим чувствам Простака.

— Послушайте-ка, минутку…

И умолк, прерванный властным стуком в дверь. Простак с Динти обменялись отчаянным взглядом. Им не нужно было сообщать, кто находится по другую сторону двери. Полчаса прошло, и Дж. Бромли Липпинкотт из фирмы «Липпинкотт, Липпинкотт, Коэн, Манделбаум и Липпинкотт, адвокаты», снова явился к ним. Он мог бы засидеться за стаканчиком в баре, мог бы прогуляться по Бродвею, любуясь столичными видами, мог бы много чего сделать, Но нет! Явился он точно, пунктуально, в оговоренный срок, секунда в секунду.

— Пойду открою, — рванулся было Оскар, всегда готовый услужить.

— Нет-нет! — панически закричал Простак, ухватив его за полу пиджака.

— А?

Простак сглотнул.

— Это всего лишь… всего лишь… Я знаю, кто там. — Одним прыжком он подскочил к двери и запер ее на ключ. Потом отер лоб и вернулся к мистеру Леману. — Так что вы хотели сказать? — спросил он, теребя галстук.

Оскар был не из тех, кто сдается легко. Подвернулся случай оказать любезность, и он ни за что не желал его упускать.

— Но если там кто-то пришел…

— Нет там никого.

Стук повторился, еще громче и требовательнее.

— Ладно, — с большим сомнением сказал Оскар, кося недоуменным глазом на дверь, — верю вам на слово.

— Кто там? — спросил Леман.

— Да так, никто, — ответил Простак, чей галстук превратился в мятую тряпку. — Агент какой-нибудь, книги продает. Кто-то такой… Ну, так нужно вам шоу или нет? — в отчаянии спросил он.

— Послушайте, дорогуша. Сотня штук — это прорва деньжищ. Не можете же вы рассчитывать, что мы… — Леман замолчал, по комнате прокатилось эхо третьего стука. — Ради всего святого, — раздраженно рявкнул он, — чего вы не прогоните этого типа?

Динти взяла ситуацию в свои руки — спокойно, с вкрадчивой ловкостью, столь характерной для женщин, когда они решаются на не совсем честные поступки. Ей было вполне ясно, что ее Простаку не совладать с трудностями, а ведь такую ситуацию — если чуть-чуть по-женски поманипулировать с правдой — легко уладить.

— Мистер Фиппс, — вмешалась она, — никак не может его прогнать. Знаете, кто это?

— Мне плевать — кто, пусть только не барабанит.

— Это человек, который хочет откупить большую часть спектакля, — беспечно бросила Динти.

Мистер Леман пошатнулся.

— Что!!!

— Вы удивитесь, если узнаете его имя. Он все обтяпывает вот так! — И Динти щелкнула пальцами. — Если вы не хотите покупать шоу, скажите только словечко, и я его впущу.

— Погодите! — закричал мистер Леман. — Погодите! Погодите!

В лихорадочной спешке он выдернул из кармана чек, но МакКлюр все-таки опередил партнера, выхватив свой первым. Одновременно, словно они репетировали неделями, компаньоны сунули чеки Простаку, а тот почтительно передал их Динти, которая деловито что-то царапала на листке бумаги.

— Теперь спектакль наш! — воскликнул мистер Леман. Вот ваша расписка, — протянула бумагу Динти.

— А я получу свои деньги обратно? — тревожно поинтересовался

Оскар.

— Дорогой вы наш зануда, — Простак быстро опомнился и теперь опять пребывал в форме, — вы получите гораздо больше. Я же объяснял все подробно минуту назад, но, думаю, до вас не дошло. Комический дуэт Леман — МакКлюр выложил сто тысяч долларов…

— За 33 и 1/3 процента шоу, — вмешалась Динти. Леман вздрогнул всем телом.

— *За что?*

— Этот джентльмен вам все растолкует.

Динти распахнула дверь. Вошел Дж. Бромли Липпинкотт. Ростом он казался еще выше, если это возможно, и еще больше походил на труп.

— Это юрист, — сообщил Простак. — Он требует 66 и 2/3 процента от всех прибылей, получаемых от вышеназванного спектакля, когда и если его будут ставить. Дело в том, что вышеназванное произведение — или пьеса — целиком списано с повести, созданной его клиентом, мистером Родни Ричем из Вустера, штат Массачусетс, Массачусетская корпорация. Явный плагиат, один из самых наглых, с каким когда-либо доводилось сталкиваться папочке Липпинкотгу. Все правильно, мой пончик?

— Совершенно верно, — подтвердил пончик. — Кто эти джентльмены?

— Мистер Леман и мистер МакКлюр. Они только что выкупили спектакль.

— В самом деле?

— Да, в самом, — с жаром подтвердил Оскар, не желая недопонимания в этом вопросе. В других — пожалуйста, в этом — ни за что!

Мистер Леман, не сдающийся в поражении, ринулся в бой.

— Мне известно все про такие дутые обвинения! У вас не больше оснований для иска, чем у кролика!

Дж. Бромли Липпинкотт не улыбнулся. Адвокаты не улыбаются. Но мимолетно вздрогнувший мускул в уголке его жестко поджатых губ указал, что он изобразил то подобие улыбки, на какую они способны.

— У нас дело крепко сшито, — сдержанно ответил он.

— Да? Ну, так зайдемте сюда, расскажите нам про него, — пригласил Леман. — Через минуту я это ваше крепко сшитое дело по лоскуточкам разнесу. Последние двадцать лет, стоит появиться какому-нибудь хиту, как тут же является прощелыга с претензиями.

Леман повел адвоката в комнатушку. Весь вид его кричал о том, что тот видит перед собой человека, на которого возвели напраслину. Джек

МакКлюр последовал было за ними, но чуть замешкался и бросил на Простака укоризненный взгляд.

— Вы меня разочаровали, — сказал он и скрылся в комнатушке. Дверь за ним закрылась. Когда она закрывалась, донесся голос Дж. Бромли Липпинкотта, толкующего о ста сорока шести пунктах.

Простак тут же обрел энергию и активность.

— Эй!

— Вы меня? — уточнил Оскар.

— Да. Вы знаете банк «Трест Гарантия» на 43-й стрит и 5-й авеню?

— Нет.

— Ну, так он там. На 5-й авеню и 43-й стрит. Галопом скачите туда и положите на депозит эти чеки. Не теряйте ни секунды. Летите, как молодой олень на горах бальзамических. Леману, пожалуй, еще вздумается аннулировать чеки. Положив их в банк со скоростью молнии, мы сумеем избежать всяких штучек-дрючек.

— А человеку так хочется, — добавила Динти, — правда, чтобы без штучек-дрючек. Почему бы тебе, мэтр, не положить их в банк самому?

— Мне нужно отправить пару писем, телеграмм и каблограмм, — сказал Простак. — Так вы все поняли? Повторите мне своими словами, что надо делать?

— Пойду в банк…

— И положите чеки на имя Сирила Фиппса. Правильно. А теперь, вам знакомо местечко под названием «Уголок у Майка»?

— Я только что оттуда.

— Отлично. После того как слетаете в банк, отправляйтесь в этот «Уголок». Увидите там с Мэрвином Поттером пожилого человека, похожего на паспортную фотографию. Его зовут Дж. Г. Андерсон. Передайте ему, что я появлюсь через минутку. Это владелец отеля, который мы купим. Уловили?

— Да, — отозвался Оскар. Будь его воля, он бы лучше остался и позадавал вопросы, у него их много накопилось, но даже он понимал, что дело с чеками срочное, и вышел очень быстрым для него шагом.

— Скажу вам кое-что еще про эту пьесу, — распинался мистер Леман в комнатушке. — Был один субъект по имени Джордж Бернард Шоу…

Простак повернулся к Динти, деятельный, как никогда.

— Ты умеешь стенографировать?

— Чем больше значков, тем лучше.

— Напиши каблограмму, — коротко распорядился Простак. — Теодору лорду Бинхэмтону, Бинхэмтон Холл, Бинхэмтон, Норфолк.

«Письмо получил и порвал на тысячи клочков. Ступай и расколошмать свою дурацкую голову. Привет. Сирил».

— Это все?

— Да. Теперь телеграмма. Священнику или викарию, или кто там есть, в Маленькую Церковь за Углом на… какая улица?

— 29-я стрит.

— На 29-ю стрит. «Эге-гей, викарий или священник, кто уж вы есть! Будьте во всеоружии в ближайшем будущем. Грядут Фиппсы. Звоните в колокола. С почтением. Фиппс».

— Ты такие красивые телеграммы пишешь!

— И, наконец, письмо в «Белую Звезду». Где эта «Белая Звезда», то есть правление?

— Где-то в конце Бродвея.

— Правильно. «Президенту «Белой Звезды», где-то в конце Бродвея. Дорогой сэр, будьте любезны сообщить мне нижнюю границу цены на лайнер «Куин Мэри»…»

Простак умолк и заморгал, словно очнувшаяся сомнамбула.

— Я рехнулся, — проговорил он. — Мы же не океанский лайнер покупаем. Мы покупаем отель. Разорви это письмо. Лучше быстренько поцелуй меня на дорогу и… вперед, к великим свершениям!

В комнатушке мистер Леман приводил еще один, совершенно убийственный, довод:

— Да, вот! В романе героя звали Джордж, а в пьесе его зовут Гарольд…

Но Динти и Простак его не слышали. Они были на пути в «Уголок».

Рассказы

Страшная тайна. *Перевод Н. Трауберг*
Лирический приступ. *Перевод Н. Трауберг, А. Азова*
Автора! *Перевод А. Притыкиной, Д. Притыкина*
Не на того напал. *Перевод А. Притыкиной, Д. Притыкина*
Грошовый миллионер. *Перевод С. Никонова*
Бить будет Катберт. *Перевод А. Азова*
Игрушки рока. *Перевод Н. Трауберг*
Неприятности в Тадстли. *Перевод Н. Трауберг*
Кошки, кошки! *Перевод Н. Трауберг*
Дживс готовит омлет. *Перевод А. Круглова*
Пиллингшот открывает счет. *Перевод А. Притыкиной, Д. Притыкина*
Переплавлены в горниле. *Перевод Н. Трауберг*
Джордж и Альфред. *Перевод Н. Трауберг*
Курортный роман. *Перевод П. Трауберг*
Ода колледжу. *Перевод Н. Трауберг*
Редактор Н. Трауберг

СТРАШНАЯ ТАЙНА

Один Трутень лежал в больнице со сломанной ногой, поскольку попытался проехать на спортивной машине через Мраморную арку, и его добрый собрат заглянул к нему, чтобы поделиться сплетнями. Немощный Трутень играл с сестрой в шашки, и гость его, присев на постели, поел винограда. Тогда больной спросил, как дела на свете.

— Ну, что ж, — отвечал посетитель, — лучшие умы клуба бьются над страшной тайной.

— А в чем дело?

— Ты что, не слышал?

— Ни слова.

Гость удивился, и настолько, что проглотил две виноградины.

— Да Лондон ходит ходуном! Обычно считают, что тут не без четвертого измерения. Сам знаешь. Случится что-то странное, спросишь кого-нибудь умного, а он покачает головой и скажет: «А, четвертое измерение!». Странно, что ты ничего не слышал.

— У меня еще никто не был. Так в чем дело? В чем тайна?

— В шляпах.

— То есть как?

— А так. Перси Уимболт и Нельсон Корк купили по цилиндру.

Страдалец умудренно кивнул.

— Ясно. Один купил Перси, другой — Нельсон.

— Вот именно. Один плюс один — два.

— А в чем же здесь тайна?

— В том, что Элизабет Ботсворт и Диане Пентер шляпы не понравились.

— Это бывает.

— Они же от Бодмина. Старадлец подскочил.

— Как?

— А вот так.

— Не волнуйте пациента, — сказала сестра, до сих пор в разговор не вступавшая.

— О, сестра, сестра! — сказал больной. — Вы плохо расслышали. Если бы вы расслышали хорошо, вы бы узнали, что Перси Уимболт и Нельсон Корк купили цилиндры у Бодмина — да-да, у Бод-ми-на, — и те им не подошли. Это невозможно.

Говорил он пламенно, и гость кивал. Часто говорят, что молодое поколение ни во что не верит, но это не так, оно верит в шляпы от Бодмина. Как говорится, одна из вечных истин. Признайте, что такая шляпа дурна, и вы на прямом пути к сомнению, расколу и хаосу.

— Естественно, — продолжал гость, — Перси и Нельсон стояли насмерть.

— Насмерть?

— Да. Стояли.

— Вы не расскажете с начала? — осведомилась сестра.

— Охотно, — отвечал гость, подкрепляясь виноградом. — Держитесь, сестрица.

— Так страшно?

— Еще бы! С начала и до конца.

Надо вам знать, друг мой сестрица (сказал гость), что Перси Уимболт и Нельсон Корк должны быть очень осторожны. Они не могут просто напялить любой колпак. Перси дороден, высок, и голова у него арбузом; Нельсон изящен, и голова его больше напоминает орех.

Тем самым, вы признаете, что угодит им лишь истинный мастер, а потому они ходят к Бодмину. Помню, Перси сказал, что верит в Бодмина, как юный священник — в епископа, и не сомневаюсь, что Нельсон сказал бы то же самое, если бы додумался.

В то утро, с которого я начинаю свой рассказ, они встретились у входа в святая святых.

— Привет, — заметил Перси. — Шляпу покупаешь?

— Да, — отвечал Нельсон. — И ты тоже?

Перси кивнул, оглянулся и еле слышно прибавил:

— Есть причины!

— Интересно! — сказал Нельсон. — И у меня они есть. Перси снова огляделся и еще понизил голос.

— Нельсон, — спросил он, — ты знаешь Элизабет Ботсворт?

— Естественно.

— Хороша, э?

— Не без того.

— Я бы сказал, прекрасна.

— Вот именно.

— Да-да! Хрупкая, нежная, миниа… — ну, как это? Словом, ангел в человеческом образе.

— А они не все в человеческом образе?

— Думаешь, все? — откликнулся Перси, нетвердый в ангелологии. — Ладно, — он покраснел, — я ее люблю. Мы встретимся в день скачек, и я очень надеюсь на эту шляпу. До сих пор мы встречались только в усадьбах, и она меня в цилиндре не видела.

— Вот это совпадение! — удивился Нельсон. — Я покупаю шляпу по той же самой причине.

Перси содрогнулся и выпучил глаза.

— Чтобы пленить Элизабет Ботсворт? — вскричал он.

— Нет-нет, — утешил его Нельсон. — Что ты! Мы с ней большие друзья, но и только. Я хочу поразить своей шляпой ту, кого люблю.

— Кто это? — заинтересовался Перси.

— Диана Пентер, внучка моей крестной. Странное дело! Мы знакомы с детства, можно сказать — вместе выросли, но я только сейчас в нее влюбился. Что там, я ее боготворю от самой макушки до дивных ножек.

Перси немного подумал.

— Да, большое расстояние. Мы с Дианой очень дружим, она прелестна, но немного высока, ты не считаешь?

— Это мне и нравится. Она — как статуя. Нет, как греческая богиня. И потом, ты тоже высоковат для Элизабет.

— Да, — признал Перси.

— В общем, я ее люблю, черт меня подери! Люблю, люблю, люблю. И мы с ней завтракаем в первый день скачек.

— В Аскоте?

— Нет. Она не выносит лошадей, и я сам туда не поеду.

— Вот это любовь, — признал Перси.

— Мы встретимся у крестной, на Беркли-сквер. Надеюсь, вскоре после этого ты прочитаешь в «Морнинг Пост» интересное сообщение.

Перси протянул руку. Нельсон пылко ее пожал. И они вошли в мастерскую. Бодмин обмерил их собственными руками и обещал прислать цилиндры в оговоренный срок.

Перси Уимболт — не из тех, в ком можно заподозрить нервы, но между Бодмином и завтраком он буквально трепетал. Ему чудились страшные беды, настигающие шляпу; и, честно говоря, он не ошибся. Позже он решил, что есть в нем что-то мистическое.

Случилось вот что. Трепеща, он плохо спал и накануне рокового дня вскочил в половине одиннадцатого, а там — подошел к окну, посмотреть, как погода. И кровь его замерла в жилах.

Внизу, прямо под ним, ходил по тротуару юнец в униформе Бодмина и

другой, тоже противный, в обычной одежде. На голове у низких созданий чудом удерживались цилиндры, а к перильцам газона прислонились две картонных коробки.

Поскольку только что Перси видел во сне, что он стоит в своей шляпе перед лорд-мэром, и тот внезапно бьет по ней булавой, обращая тем самым в лепешку, можно подумать, что он был готов ко всему. Но нет, он не был. Он буквально взвился. Точнее, сперва он оцепенел, мысля о том, что всегда подозревал в гнусном юнце дух нигилизма, равно как и повадки, неуместные на такой службе, а уж потом взвился и страшно закричал.

Крик его подействовал на юнцов, как хорошая бомба. Вот они ходят, красуются, балансируя шляпами, а вот — уже нет ничего, кроме коробки у входа. Перси понес ее наверх, благоговейно открыл, дрожа от страха, но все было в порядке. Мерзкий юнец пал низко, но шляпы не уронил.

Словом, все было в порядке, и наутро, отполировав цилиндр пивом, Перси надел ботинки, гетры, брюки, рубашку, воротничок, узорный жилет, пиджак, повязал сдержанно-серый галстук, вдел в петлицу старую добрую гардению и отправился в такси к своей даме. Вскоре он узнал, что она сейчас выйдет, что и произошло.

— Привет, привет! — сказал Перси.

— Привет, — сказала и Элизабет.

Естественно, до этой минуты гость стоял без шляпы, а тут ее надел, чтобы показать в должном свете. Очень тонкий маневр. В такси — уже не то, в такси все цилиндры одинаковы.

Итак, Перси надел шляпу, сверкнув взором, и стал ждать аплодисментов.

Однако Элизабет не захлопала маленькими ручками и не затанцевала от восторга. Взамен всего этого она издала звук, который издает колоратурное сопрано, если подавится костью.

Потом, поморгав, она взяла себя в руки.

— Прости, — проговорила она. — Так, минутная слабость. А вот скажи мне, когда у вас премьера?

— Премьера? — удивился Перси.

— Ну, в мюзик-холле. Ты будешь петь комические куплеты? Перси удивился еще больше.

— Я? Нет. Какие куплеты?

— Понимаешь, я думала, ты хочешь испытать костюм на собаке. Иначе зачем тебе шляпа не твоего размера?

— *Эта* шляпа? — ахнул Перси.

— *Да, эта самая.*

— Она от Бодмина.

— Откуда хочешь. Все равно это — позорище.

Тут он решил, что, живя в деревне, она не привыкла к священному имени «Бодмин».

— Вот что, — мягко сказал он, — слушай и пойми. Эту шляпу сделал *Бодмин*, известный всему миру. Он сам обмерил мне голову и обещал полный успех.

— То-то я чуть не упала.

— Если Бодмин что-то обещает, — продолжал Перси, борясь с неприятным подозрением, — он выполняет обещание. Шляпа — шедевр. Назвать ее как-нибудь иначе все равно что… Нет, не могу придумать ничего достаточно страшного.

— А я могу. Вот эта самая шляпа. Прямо Чарли Чаплин! Да, Перси, шутки я ценю, но нельзя же мучить животных. Представь, как испугаются лошади!

Поэты и прочие писатели часто говорят о любви с первого взгляда; но бывает и наоборот. Только что Элизабет была для Перси прекрасной дамой, и вот, она — жалкое созданье, с которым лучше не общаться. Многое можно выдержать от женщин. Он сам выдерживал личные обиды. Но осуждать Бодмина… ну, знаете!

— Быть может, — осведомился он, — вам хотелось бы пойти одной на эти идиотские скачки?

— Конечно! Неужели вы думаете, что я покажусь при свете дня вместе с… *этим?*

Перси сухо поклонился.

— Едем, — сказал он шоферу, и тот поехал.

Казалось бы, уже странно. Тайна в чистом виде. Но подождите, то ли еще будет!

Обратимся к Нельсону Корку. Незадолго до половины второго он появился на Беркли-сквер, у крестной и Дианы. За ланчем Диана вела себя безупречно, и настолько, что, глядя, как восхищается она отбивными и салатом, Нельсон представить не мог, что будет, когда она увидит цилиндр.

Выпив кофе, леди Пентер удалилась в будуар с таблеткой для пищеварения и любовным романом, а Перси подумал, что самое время прогуляться по Бонд-стрит. Конечно, Диана может упасть в его объятия прямо на тротуаре, но тогда он быстро кликнет кеб. Словом, они вышли из дома.

Верьте или не верьте, но почти сразу Диана остановилась и странно взглянула на Нельсона.

— Не хотела бы тебя обидеть, — сказала она, — но надо было снять мерку.

Если бы под ногами взорвался газ, Нельсон удивился бы меньше.

— Э… э… э… — заблеял он, не веря своему слуху.

— Да, я понимаю, лень идти к мастеру, — продолжала Диана. — Легче купить, что есть, но все-таки эта… штука напоминает гасильник.

Нельсон напомнил себе, что слабость постыдна.

— Ты хочешь сказать, что шляпа…

— А ты сам не видишь?

— Но это же Бодмин.

— Не знаю такого слова. На мой взгляд, это цилиндр.

— От *Бодмина!*

— Что ж, он великоват.

— Нет.

— Великоват.

— От Бодмина?

— Слава Богу, я не слепая. Нельсон с трудом сдержался.

— Не мне, — сказал он, — критиковать твое зрение, но, ты уж прости, дело плохо. Это — близорукость. Разреши заметить, что неведомый тебе Бодмин — последний в ряду славных шляпников, творивших шедевры для нашей знати. Шляпы у них, как говорится, в крови.

— Да я…

Нельсон поднял руку.

— На Виго-стрит, над их дверью, можно прочитать слова: «Поставщики Королевского двора». В переводе на общепонятный язык это значит, что если королю нужен цилиндр, он просто заходит к ним и говорит: «Привет, Бодмин. Нам нужен цилиндр». Он не спрашивает, великоват ли тот будет. Он знает, что получит шедевр. Кому-кому, а Бодминам он верит слепо. Самая суть шляпного дела в том, чтобы шляпы были такими, как надо. Вот почему я просто и спокойно повторю: это — Бодмин.

Кровь Пентеров горяча. Диана топнула объемистой ножкой по тротуару Бретон-стрит.

— Ты с детства был упрямым свиненком, — сказала она. — Шляпа ве-ли-ко-ва-та. Если бы я не видела гетр и нижней части брюк, я бы не знала, что передо мной — мужчина. Спорь сколько хочешь, но мне стыдно появляться с тобой на людях. Пожалей хотя бы пешеходов и тех, кто едет в

кебе.

Нельсон задрожал.

— Стыдно?

— Вот именно.

— Ах, стыдно!

— Ты что, глухой? Нет, тебе шляпа на уши наехала.

— На уши?

— Вот именно. Не понимаю, о чем тут спорить.

Боюсь, дальнейшее не являет нам Нельсона Корка безупречным рыцарем, но, справедливости ради, напомню, что они выросли вместе, а спор в детской нередко переходил в свару.

Так и случилось. При словах «не понимаю» Нельсон неприятно засмеялся.

— Да? А ты понимаешь, почему твой дядя Джордж в 1920 году бежал из Англии?

Глаза у Дианы сверкнули. Она опять топнула ногой.

— Дядя, — сказала она, — уехал подлечиться.

— Верно, — ответил Нельсон. — Он-то знал, что ему грозит.

— Атакой шляпы не надел бы!

— Если бы он не сбежал, ему бы вообще не пришлось носить шляпу.

На плитке тротуара уже виднелась выбоина.

— Что ж, — заметила Диана. — Зато дядя не видел того, что случилось в 1922-м с твоей тетей Клариссой.

Нельсон сжал кулаки.

— Присяжные ее оправдали, — хрипло проговорил он.

— Ах, все мы знаем, как это делается! Если не ошибаюсь, замечания из зала…

Воцарилось недолгое молчание.

— Может быть, я не прав, — сказал Нельсон, — но я бы советовал сестре Сирила, которого выгнали с поля в 1924-м, не рассуждать о чьих-то тетях.

— Сирил Сирилом, — откликнулась Диана, — а как твой кузен Фред в 1927-м?

Они снова помолчали.

— А вот золовка племянницы твоего зятя, — внезапно оживилась Диана, — эта самая Мюриэль…

Нельсон остановил ее жестом.

— Закончим спор, — холодно сказал он.

— С удовольствием, — ничуть не теплее отвечала Диана. — Трудно

слушать всякую чушь. Видимо, шляпа искажает звуки.

— Желаю здравствовать, мисс Пентер, — сказал Нельсон. И ушел, не оглянувшись.

Поссориться с девушкой на Бретон-стрит хорошо тем, что клуб «Трутни» за углом, так что можно сразу и без хлопот восстановить нервную систему. Первым Нельсон встретил своего друга, склонившегося над двойным виски

— Привет, — сказал Перси.

— Привет, — сказал Нельсон.

Они помолчали, если не считать того, что Нельсон заказал вермут. Перси смотрел вдаль, словно выпил до дна чашу жизни и обнаружил дохлую мышь.

— Нельсон, — сказал он наконец, — что ты думаешь о современных девушках?

— Ничего хорошего.

— Вполне согласен. Конечно, Диана Пентер — редчайшее исключение, но все остальные — просто ужас. У них нет ничего святого. Скажем, если взять шляпы…

— Точно. Но почему ты исключаешь Диану? Она хуже всех. Так сказать, глава движения. Представь себе — он отпил вермута, — недостатки современных девушек, сложи их, перемножь на два — и вот тебе твоя Диана. Послушай, что у нас случилось несколько минут назад.

— Нет, — возразил Перси, — это ты послушай, что случилось сегодня утром. Нельсон, старикан, *она* сказала, что Бодмин — маловат!

— Маловат?

— Вот именно.

— Поразительно! А Диана сказала, что он великоват. Они уставились друг на друга.

— Что-то тут не то, — сказал Нельсон. — Какой-то такой дух… Нет, с девушками что-то творится. Куда ни взгляни — цинизм, беззаконие…

— И где? У нас, в Англии!

— Конечно, — сурово заметил Нельсон. — Я и говорю: «Куда ни глянь».

Они помолчали.

— Однако должен сказать, — продолжал он, — с Элизабет ты ошибся. Она мне очень нравится.

— А мне нравится Диана. Трудно тебе поверить. Должно быть, произошло недоразумение.

— Я ей показал ее место! Перси был недоволен.

— Зачем, Нельсон, зачем? Ты мог ее обидеть. Вот мне пришлось быть строгим с Элизабет.

Нельсон поцокал языком.

— Жаль. Она очень ранима.

— Прости, ранима Диана.

— Да что ты! Их и сравнить нельзя!

— Диана в пять раз чувствительней твоей Элизабет. Но к чему споры? Нас обоих страшно обидели. Пойду-ка я домой, приму таблетку.

— Да и я тоже.

Они вошли в гардероб, и Перси надел цилиндр.

— Нет, — сказал он, — только полоумная креветка со слабым зрением может назвать его маловатым.

— В самый раз! — заверил Нельсон. — А взгляни-ка на этот. Только слабоумная великанша может назвать его великоватым.

— Как влитой, а?

Слова эти подтвердил человек знающий, гардеробщик.

— Вот видишь! — сказал Нельсон.

— А то! — сказал Перси.

Они ушли и расстались на Довер-стрит.

Нельсон очень страдал за Перси. Он знал, как тот чувствителен, и мог догадаться, какую рану нанес ему разрыв с любимой девушкой. Конечно, он ее любит. Тут нужен деликатный посредник, добрый друг обеих сторон, который и заделает брешь.

Тем самым, он направился к Элизабет и застал ее у входа. Конечно, она не поехала в Аскот, а кликнула такси и отправилась домой, размышляя в пути, что забыла сказать. Приехав, она собралась на прогулку с пекинесом по имени Кларксон.

Нельсону она обрадовалась и стала с ним мило болтать, словно, поднявшись с мирского дна, обрела наконец родную душу. Чем больше он слушал, тем больше хотел послушать еще. Чем больше смотрел, тем больше удивлялся, как можно жить без Элизабет Ботсворт.

Особенно его привлекала ее нежная хрупкость. Проведя столько времени с жительницей Бробдингнега, он едва не свернул шею, постоянно глядя вверх. Беседовать с Дианой, понял он, не легче, чем с флагштоком. Странно, что это не приходило ему в голову.

— Ты прекрасно выглядишь, Элизабет, — сказал он.

— Какое совпадение! И ты тоже.

— Нет, правда?

— Конечно. Как раз собиралась тебе сказать. После всяких чудищ — к примеру. Перси Уимболта — приятно увидеть человека со вкусом.

Поскольку имя Перси упомянуто, можно бы защитить друга, но Нельсон этого не сделал, выговорив взамен:

— Нет, правда?

— Конечно, — подтвердила Элизабет. — Тут главное шляпа. Не знаю, в чем суть, но я с детства очень чувствительна к шляпам. Приятно вспомнить, как лет в пять я уронила горшочек с джемом на дядю Александра, который надел охотничью шапку с ушками, как у Холмса. Шляпа, на мой взгляд, — лицо мужчины. Твоя — само совершенство. В жизни не видела, чтобы что-нибудь так шло. Шедевр, а не шляпа. Ты в ней прямо как посол.

Нельсон глубоко втянул воздух. Он трепетал с головы до ног. Шоры упали с его глаз, началась новая жизнь.

— Э-э, — сказал он, дрожа от любви. — Можно взять твою маленькую ручку?

— Просим, — сердечно ответила Элизабет.

— Спасибо, — сказал Нельсон. — А теперь — он прилип к упомянутой ручке, как пластырь, — не выпить ли нам где-нибудь чаю? Надо о многом поговорить.

Как ни странно, когда у кого-то болит за кого-нибудь сердце, у того (т. е. у кого-нибудь) сердце болит за первого. Словом, оба сердца болят. Так случилось и теперь. Расставшись с Нельсоном, Перси устремился на поиски Дианы, собираясь помирить их уместным, точным словом.

Диана гуляла по Беркли-сквер, вздернув голову и громко дыша носом. Перси крикнул: «Привет!», и холод ее глаз сменился сердечным теплом. Видимо, она ему обрадовалась. Они оживленно заговорили, и с каждой ее фразой Перси все больше убеждался, что лучшее занятие для летнего дня — прогулка с Дианой Пентер.

Пленяла его не только беседа, но и внешность спутницы. Вспоминая о том, что он потратил ценное время на какую-то креветку, он готов был себя удавить.

Ухо Дианы было плюс-минус на уровне его губ, так что речь доходила без помех. С Элизабет он просто кричал в колодец, надеясь привлечь внимание одной из инфузорий. Странно, что он так долго этого не замечал.

От таких мыслей его пробудило имя Нельсона.

— Прости, не понял, — сказал он.

— Я говорю, что этот Нельсон — жалкая фитюлька. Если бы не лень, давно бы устроился в цирк.

— Ты так думаешь?

— И не только так, — сурово сказала Диана. — Нас, девушек, доводит до седины и монастыря то, что волей-неволей показываешься с *такими* людьми. Надеюсь, я не жестока. Я напоминаю себе, что внешность мокрицы — не вина, а беда. Но на одном я настаиваю: не увеличивай свое уродство, бродя по Лондону в шляпе до колен. Разве можно гулять с бациллой, если поля ее цилиндра метут тротуар? Шляпа — мерило мерил. Человеку, который не способен купить хорошую шляпу, доверять нельзя. Вот твоя шляпа — шедевр. Много я видела цилиндров, но такого… В самую меру, не велик, не мал, просто шкурка от сосиски. Кстати, тебе идут цилиндры. Тот самый тип головы. Ты в нем… как бы тут сказать? — силен и солиден. А, вот! Истинный лев. Этот почти незаметный изгиб на юго-востоке…

Перси дрожал, как восточная танцовщица. От Хэй-хилл доносилась прекрасная музыка, Беркли-сквер кружился на одной ножке.

Он вздохнул и спросил:

— Останови меня, если я уже это говорил, но не пойти ли нам в такое местечко, где дома не пляшут вальс? Попили бы чаю, заказали пончиков… Я как раз хотел тебе кое-что сказать…

— Итак, — закончил Трутень, отщипывая виноградину, — вот такие дела. Конец счастливый.

Извещение о свадьбе Нельсона с Элизабет появилось в тот же самый день, что и извещение о Диане с Перси. Приятно, когда пары хорошо подобраны. Ну, подумайте сами, стоит ли великану идти к алтарю с истинной креветкой, а изящному джентльмену — с весьма корпулентной дамой. Да, посмеяться можно, но для того ли женятся? Словом, конец счастливый. Но не в том суть. Суть — в тайне.

— Абсолютно, — сказал немощный Трутень.

— Если бы цилиндр не шел Перси, почему он понравился Диане?

— Тьма…

— И, напротив, если цилиндр не шел Нельсону, почему он понравился Элизабет?

— Совершенная тайна!

Сестра попыталась привлечь их внимание.

— А знаете, что?

— Нет, дорогая подушковзбивательница, не знаем.

— Я думаю, мальчик от Бодмина перепутал шляпы. Трутень покачал головой и съел винограду.

— А в клубе, — продолжала сестра, — они надели правильно.

Трутень снисходительно улыбнулся.

— Неглупо, — признал он. — Нет, неглупо. Но, я бы сказал, притянуто за уши. На мой взгляд, четвертое измерение, хотя его и трудно усвоить.

— Абсолютно, — согласился его страдающий друг.

ЛИРИЧЕСКИЙ ПРИСТУП

Старейший член клуба, пребывавший в мечтании, внезапно очнулся и заговорил с отработанной легкостью рассказчика, которому не нужен предмет для разговора.

— Когда Уильям Бейтс пришел ко мне (сказал он так просто, словно часами говорил об Уильяме Бейтсе), когда У.Б. пришел, я не удивился. Я достаточно долго просидел на этой террасе и прекрасно знал, зачем я нужен клубу. Каждый, у кого есть беда, идет ко мне.

— Так вот, — начал Уильям.

Уильям этот корпулентен, вроде грузовика, и обычно смотрит на жизнь спокойно и приветливо, как все тот же грузовик. Питается он пивом и отбивными, волнуется — в исключительных случаях, но сейчас буквально трепетал, если это слово подходит к корпулентному человеку, полному пива и котлет.

— Так вот, — начал Уильям. — Родни знаете?

— Вашего шурина, Родни Спелвина?

— Именно. Он спятил.

— Почему вы так думаете?

— Посудите сами. Играем мы сегодня утром, Родни с Энестейзией, я — с Джейн. Картина ясна?

— Ясна.

— Сестру свою я знаю и резонно полагал, что у них полный порядок. Помню, я сказал Джейн: «Держись, они нас обскакали». Полез я в карман за монетой, смотрю — а Родни поднимает мяч.

— Поднимает мяч?

— Да. А почему? А потому, что он, видите ли, боится обидеть маргаритку. «Нельзя их обижать, — говорит он. — Эльфы мне этого не простят». А? Каково?

Мнение свое я скрыл из деликатности, предположив, что Родни — большой шутник. Уильям, простая душа, сразу утешился; но мне его рассказ терзал и томил душу. Я не сомневался, что у Родни — лирический приступ.

Житейский опыт учит, что люди скорее терпимы; и в нашем небольшом сообществе никто не поминал Спелвину, что когда-то он был поэтом, причем из самых вредных — из тех, кто, только зазевайся, издает книжечку в нежно-сиреневом переплете, буквально набитую всякими

эльфами. К счастью, он это бросил, когда увлекся гольфом и обручился с сестрой Уильяма.

Да, гольф и любовь спасли Родни. С тех мгновений, когда он купил клюшки и соединил судьбу с Энестейзией, он совершенно изменился. Писал он крутые детективы, и так успешно, что и сам он, и жена, и малолетний Тимоти не знали нужды. Технику письма он развил настолько, что успевал выполнить до завтрака норму в 2000 слов, после чего предавался любимой игре.

Здесь он тоже преуспел. Жена его, некогда выигравшая женский чемпионат, руководила им с любовной заботой, и в те дни, о которых мы повествуем. Родни готовился к местным состязаниям.

Казалось бы, сестра моя была счастлива; но тайная тревога снедала ее. Она помнила, что Родни — человек с прошлым. А что, если особенно дивный закат или какая-нибудь роза вызовут рецидив и все труды пойдут насмарку? Имение поэтому она старалась удержать его в доме, когда садится солнце, и не выращивала цветов. Так жена алкоголика, веря в его покаяние, все-таки вырезает из газеты рекламу виски.

И вот, на седьмом году брака, беда нависла над ними. Так думал я; так, несомненно, думала и она. Лицо у нее поблекло, глаза то и дело обращались к мужу. Как-то за обе неосторожный гость упомянул о летней луне, она мгновение сменила тему, но Родни успел вскинуть голову, словно боевой конь, и секунду-другую походил на человека, который вспомнил, что «луна» рифмуется с «волна».

Через неделю опасения сменились уверенностью. Зайдя к Бейтсам, я застал там Энестейзию и сразу понял, что дело плохо. Гостья лихорадочно вязала свитер для племянника, который готовился где-то к детским соревнованиям.

Энестейзия была бледна, и брат ее был бы бледен, если бы мог. Многолетний гольф при любой погоде на славу выдубил его щеки.

— Какой прекрасный вечер! — заметил я.

— Божественный, — нервно согласилась гостья.

— Такая погода сулит хороший урожай.

— Да-да!

— А где Родни?

Энестейзия мелко задрожала и упустила петлю.

— Гуляет, наверное, — проговорила она.

Уильям нахмурился еще больше. Его простая душа не терпела околичностей.

— Нет, не гуляет. Сидит дома и пишет стихи. Лучше сказать прямо, —

прибавил он, когда сестра издала протестующий звук. — Все равно не скроешь, а вы, — обратился он ко мне, — нам поможете. Посуди сама, у NN седые усы! Человек с седыми усами — не нам с тобой чета. Коту ясно.

Я заверил, что тайну сохраню и постараюсь помочь.

— Значит, Родни пишет стихи… — продолжат я. — Что ж, это можно было предвидеть. Эльфы, маргаритки…

Энестейзия всхлипнула, Уильям хрюкнул.

— Эльфы! — вскричал он после этого. — Хорошо бы только эльфы! Я бы не пикнул. Эльфы, ха-ха! Знаете, где он сейчас? В детской, у Тимоти. Смотрит и вдохновляется, чтобы написать, как этот тип обнимает мишку и видит во сне ангелов. Ужас какой… Знаете, как он его называет? Тимоти-Пимоти Боббин. А?

Человек я стойкий, но все же содрогнулся.

— Тимоти-Пимоти Боббин?

— Тимоти, так его так, Пимоти Б. Ни больше, ни меньше. Собственно, чему удивляться? Вирус поэзии всегда ищет слабое место. Родни — любящий отец. С сыном он сюсюкал давно, однако — в прозе. Следовало ожидать, что, когда зараза оживет, жертвой станет несчастный мальчик.

— Какое позорное будущее он ему готовит! — сокрушался Уильям. — Через много лет, когда мой племянник будет играть в чемпионате, газеты напомнят, что это — Тимоти П. Боббин из знаменитых стихов…

— Родни говорит, что наберется на томик, — глухо вставила Энестейзия.

— Стыд, срам и позор, — сказал Уильям.

— Неужели стихи такие плохие?

— Судите сами, я взяла из ящика. Начиналось так:

У Тимоти-Пимоти новый щеночек,
Хорошенький, маленький…

Под этим стояло:

«Нет! Минуточку!
Заменить кроликом…
(Ролик? Нолик? Столик? До колик? Тьфу.)
Нет, не то. Может, канарейку?
(Рейка, шейка, шлейка, лейка, лей-ка, рей-ка.)
Канарейки поют. Песенка? (Лесенка… — м-да).

А что, если просто птичка?

У Тимоти-Пимоти новая птичка.
Мы называем ее Невеличка,
А кто она — самочка или самец,
Не знает и самый ученый мудрец.
(Нет, как-то неприлично)».

Исчерпав тему птички, автор перешел к другим сюжетам:

У Тимоти-Пимоти нежные ножки,
Наденем на них меховые сапожки.
Ах, милая мама, скорей посмотри —
Сапожки снаружи, а ножки внутри.

Уильям заметил, как я мучительно моргаю, и спросил, не от ножек ли это. Я сказал, что именно от них, и перешел к третьему творению:

Тимоти-Пимоти скок, скок, скок…

Тут Родни усомнился —
«Уже было? М.6., «поскок»?» и приписал на полях:

«А если хоп, хоп, хоп?»

Замена меня не обрадовала, и я печально вернул листок Уильяму.

— Нехорошо, — серьезно сказал я.

— Что уж тут хорошего!

— Давно это?

— Не первый день. Просто прирос к перу. Тогда я задал самый важный вопрос:

— Отражается это на гольфе?

— Да вот собирается бросить.

— Что?! А соревнования?

— Говорит, обойдутся.

Тут отвечать нечего, и я ушел, стремясь остаться один, чтобы

обдумать этот печальный случай. Направляясь к дверям, я заметил, что Энестейзия закрыла лицо руками, а Уильям заботливо поглаживает ее по голове.

Несколько дней размышлял я, понимая, что Уильям переоценил силу седых усов. Да, они у меня совсем белые, но толку от них нет. Если бы на моем месте оказался бритый юнец, он бы преуспел не больше моего.

Хорошо Уильяму говорить «подумайте»; но как? Что делать, если ты столкнулся с мощью природы? Поэзия долго накапливалась в Родни, словно пар в котле, на котором кто-то сидит. Теперь, когда пар вырвался, поди его сдержи! Спорят ли с вулканом? А с водопадом? То-то и оно. Поистине, с таким же успехом можно посоветовать герою Лонгфелло, несущему в «снега и льды» знамя со странным словом Excelsior, чтобы он остановил лавину.

Одно смягчало скорбь — Родни еще не бросил гольфа. Уступив мольбам жены, он готовился к соревнованиям и уже выходил в полуфинал. Быть может, думал я, игра исцелит его?

Как-то через несколько дней я прикорнул в своем кресле, проснулся от сильного пинка и увидел Уильяма с супругой.

— Ну, как? — спросил он.

Я поморгал, туманно заметив:

— А, Джейн!

— Спать в такое время! — сурово воскликнула она. — Может, вы отдыхаете после трудов?

— Простите, — честно признался я. — Нет, я ничего не придумал.

— Ничего?

— Абсолютно.

Джейн не побледнела по той же самой причине, по какой не бледнел ее муж, однако нос сердито задвигался. Я подметил, что она искоса смотрит на мои усы.

— Да, — истолковал я этот взгляд, — да, они белы, но плана у меня нет. Идей — не больше, чем у кролика.

— Уильям сказал, чтобы вы нашли выход.

— Это невозможно.

— Это необходимо. Стейзи чахнет. Вы давно видели Тимоти?

— Вчера, в лесу. Он рвал цветы.

— Ничего подобного.

— Да я сам видел.

— И ошиблись. Он говорил по колокольчику. Звонил королеве фей, чтобы пригласить ее к своему медвежонку. Родни сидел за кустом и

записывал. Вечером, естественно, — стихи.

— Часто это бывает?

— Практически все время. Работает, мерзавец, на публику! Овсянки съесть не может, если родители не реагируют. А как он молится перед сном! Это бы еще ничего, мать и не то выдержит, но они же умрут с голоду! Родни сказал, что будет писать только стихи.

— А как же контракты?

— Он говорит, ему плевать, душа — дороже. Вчера он беседовал по телефону со своим литературным агентом, и я слышала, как тот кричит.

— А есть он собирается?

— Не думаю. По его мнению, плоды и злаки недороги и целебны. Посмотрите, говорит он, на Рабиндраната Тагора. В жизни не коснулся бифштекса, а сколько сделал! И все на рисе, разве что хлебнет воды из ручья. Бедная Стейзи! Сумасшедший муж, ломака сын — и все на брюссельской капусте! Да, не повезло ей в семейной жизни…

Она прервала свою речь, чтобы фыркнуть, и тут, как часто бывает, я увидел выход.

— Джейн, — так и сказал я, — я вижу выход.

— Да?!

Лицо ее осветилось. Такой она была лишь однажды, когда на женском чемпионате ее укусила оса.

— Когда вернется ваш сын? — продолжал я.

— Завтра к вечеру.

— Пошлите его сразу ко мне. Я расскажу ему свой замысел, и он приступит к делу.

— Не понимаю.

— Вы же знаете сына. Для него пределов нет.

Говорил я с чувством. Юный Бейтс принадлежал к тем открытым, честным натурам, которые говорят то, что думают. Недавно мы с ним беседовали, и я за считанные минуты узнал о своей внешности больше, чем за всю остальную жизнь. Признаюсь, я огорчился и хотел дать ему клюшкой, но сейчас оценил эти черты.

— Посудите сами, — сказал я. — Что с ним будет, когда он узнает, что стихи — про Тимоти? Он возмутится и не скроет своих чувств. Вскоре Спелвин-младший будет корчиться от стыда при одном только слове «Боббин», а там — умолит отца, чтобы тот это бросил. Даже поэта тронет голос ребенка.

Джейн поняла, и лицо ее осветилось материнской любовью.

— И правда! — вскричала она, восторженно сжимая руки. — Как я

сама не додумалась! Мой Джо — самый грубый мальчик по эту сторону океана. Приедет, сразу пошлю к вам.

Джо Бейтс был в ту пору чучелом лет девяти, внешне похожим на отца, внутренне — на гибрид бандита с мулом. Взгляд его я назвал бы сардоническим; улыбку, когда он не ел, — цинически брезгливой. Говорил он мало, но когда говорил, бил без промаха.

Времени я не терял, стихи показал сразу. Он молча прочитал их и глубоко вздохнул.

— Это что, про Тимоти?

— Да.

— Вот это?

— Это самое.

— И в книжке напечатают?

— Да, в такой ма-а-ленькой. Вместе с другими, в том же роде.

Юный Бейтс был явно потрясен. Семя упало в добрую землю.

— Наверное, — предположил я, — ты с ним поговоришь. Не бойся ранить его чувства. Тут невольно припоминается выражение «суровая доброта».

Пока я говорил, он глядел отрешенно, словно подбирал слова, и вскоре ушел, даже не заметив, что я предложил ему пирога с имбирным элем. День я завершил с приятным чувством выполненного долга, но только собрался лечь, раздался звонок.

То была Джейн Бейтс, судя по голосу — взволнованная.

— Да, натворили вы дел! — сказала она.

— Простите?

— Знаете, что случилось?

— Нет. А что?

— Уильям пишет стихи.

— Кто?!

— Уильям.

— То есть Родни.

— То есть Уильям. Джо пришел от вас как сомнамбула.

— Да, смею сказать…

— Пожалуйста, дайте закончить, я за себя не отвечаю. Итак, сомнамбула. Весь вечер он сидел тихо, никому не отвечал. Потом очнулся, и как!

— Простите?

— Я сказала: «И как». Он спросил, почему Родни пишет про Тимоти, а Уильям не пишет про него. Мы сказали: «Какая ерунда!», но тут он

предъявил ультиматум: если Уильям немедленно не возьмется за дело, он выходит из состязаний. Что вы говорите?

— Ничего. Я тяжело дышу.

— Правильно. Может, задохнетесь. Конечно, он нас взял голыми руками. Я поцеловала Уильяма, пожала ему руку, дала на всякий случай мокрое полотенце и заперла в гостиной с полным кофейником кофе. Только что я спросила, как дела. Вроде бы идет туго, но он не сдается.

Тут она перешла к «моим проискам», и я поспешил распрощаться.

За долгую жизнь я заметил, что беды чем-нибудь уравновешиваются. Вот и сейчас у Бейтсов барометр опускался, а у Энестейзии Спелвин погода стала получше.

После телефонного разговора я Джейн не видел, осторожности ради, а Уильяма встретил в клубе раза два. Выглядел он плохо и рассеянно почесывал за ухом сырной палочкой. Как-то он спросил официанта, не знает ли он каких-нибудь рифм, а когда тот сказал: «К какому слову?», ответил: «К любому».

Энестейзия, которую я встретил по дороге на поле, где собирался смотреть игру, была весела. Родни вышел в финал, и она уповала на лучшее. Противником его был Джек Стокер, а тот, по слухам, заболел сенной лихорадкой.

— Ну, это дело верное, — говорила она. — Да, Джек принимает «Апчхи», но что такое «Апчхи»?!

— Паллиатив, не больше.

— Говорят, вчера он так чихал, что разбилась большая ваза.

— Это хорошо.

— Знаете, — сказала она, и глаза ее засияли, — сегодня что-то изменится!

— Победит лучшее, высшее «Я»?

— Вот именно. Если он выиграет, он станет другим человеком.

Я ее понимал. Человеку, получившему впервые приз, некогда писать стихи, он должен совершенствовать мастерство. Однажды гольф его спас; что ж, спасет снова.

— Видели первые игры? — продолжала Энестейзия. — Сперва он играл отрешенно, словно оказывает честь. Что-то записывал на листочках. И вдруг, посередине полуфинала, резко переменился. Губы у него сжались, взгляд сосредоточился. У десятой лунки на его мяч села бабочка. Он зарычал и размахнулся, она еле спаслась. Неплохо, да?

— Замечательно. Надеюсь, таким он и остался?

— Да. Бабочка вернулась под самый конец, примерилась, взглянула на

него — и исчезла. Я так радовалась!

Похлопав ее по плечу, я направился вместе с ней туда, где Родни бросал монетку. Начать матч выпало Стокеру.

Кстати о Стокере. В юности борец-любитель, он в свои тридцать пять был облеплен массивными мышцами и на поле полагался не столько на технику, сколько на целеустремленность и недюжинную силу, которые в свое время позволяли ему припечатывать к мату любого противника. В гольфе его справедливо считали непредсказуемым. Как-то на моих глазах он с двух ударов добрался до пятнадцатой лунки, а в другой раз долго катал мяч вокруг второй. Словом, никогда не знаешь, чего от него ждать. Знаешь только, что, оказавшись на поле, он целиком вложится в игру.

Сегодня Стокер сразу вошел в историю, забив мяч в лунку с первого удара. Ну и пускай не в ту лунку — в шестнадцатую, которая лежала ярдов на триста вперед — но ведь забил! Зрители взволнованно зашептались: если так пойдет дальше, какие же высоты он покорит?

Но гольф — переменчивая игра. Судя по величию первого удара, казалось, что, начав свой путь ко второй лунке, Джо Стокер укокошит мячом безымянную пожилую даму, ухаживающую за цветами в саду на четверть мили к юго-западу от поля. Я даже крикнул «Поберегись!». Мяч же, чем устремиться в заоблачную высь, сделал классический крюк, приземлился недалеко от флажка и после двух легких ударов очутился прямо в лунке. Поскольку Родни утопил свой мяч в озере, на третью лунку они вышли, имея в запасе по одному очку.

Три следующие лунки они прошли вровень. Шестую выиграл Родни, седьмую Стокер. На восьмой я подумал было, что Родни вырвется вперед, поскольку мяч Стокера настолько застрял в размашистом кусте, что извлечь его оттуда удалось бы только щипцами. Но именно в такие минуты лишний раз убеждаешься, на что способен Джо Стокер. Пусть в особенно хитрых секретах игры он уступит пальму первенства более опытным игрокам, но там, где вопрос идет о силе воли и мускулов, ему нет равных. Прикинув задачу, он взялся за ниблик, а Джозеф Стокер, вооруженный нибликом, подобен королю Артуру, обнажившему волшебный меч Эскалибур. Секундой позже мяч, куст, свитое в прошлом году гнездо и устроившаяся в гнезде семейка гусениц со свистом приземлились на лужайку, и Родни опять отстал.

Они разыграли девятую лунку вничью, Родни открывалась мрачная перспектива вступить во вторую половину игры догоняющим, но тут его благородный соперник величественным жестом предложил сперва пропустить по стаканчику, и мы направились в бар, где затем разбились на

новые пары.

Все эти девять тяжелых лунок, тесно связанных с захватывающими поворотами судьбы, я пристально следил за Родни и, признаться, остался доволен. Энестейзия как в воду глядела: игра захватила вероотступника с прежней силой. То был не поэт, готовый записывать в блокнот пришедшие с каждым ударом мысли, а, скорее, шотландский профи в финале Открытого чемпионата. Его лай на помощника, который щелкал орешки, когда Родни примерялся к мячу, прозвучал музыкой для моих ушей. Словом, упорная борьба возродила в Родни наилучшие черты.

Понравилось мне, что Родни рьяно рвался в бой. Не без резкости спросив Стокера, собирается ли он провести остаток дня в баре, он так взглянул на него, что Стокер быстро допил пиво, выпил свое «Апчхи» и пошел на место.

Когда мы шли на свои места, откуда-то взялся Тимоти, словно крохотный мальчик из хора. Я сразу понял, что имела в виду Джейн — на публику он работал. Он просто лучился невинной занятностью.

— Пап-па! — позвал он.

Родни злобно оглянулся, словно мыслитель, которого оторвали от размышлений о вышнем.

— Пап-па, я подружился с та-ако-ой букашкой!

Несколько дней назад Родни схватил бы листок, сверкая глазами, но сейчас он был рассеян. Он был отрешен, и, глядя, как он размахивает ниблином, я невольно припомнил тигра, бьющего хвостом.

— М-да, — сказал он.

— Она зелененькая. Я зову ее миссис Букки.

Эти идиотские слова не вызвали энтузиазма. Родни кивнул и бросил:

— Резонно, резонно. Беги, поговори с ней.

— О че-ом?

— Э… ну… про букашек.

— Как ты думаешь, у нее есть детки?

— Очень может быть. Пока.

— А королева фей ездит на них верхом?

— Не исключено, не исключено. Вот ты и спроси. Если, — прибавил он своему кэдди, — услышу еще-один-смешок, дам две минуты на сборы. Что ж, Стокер, начали, начали, начали.

Взглянув на Стокера мрачно, я догадался, о чем он думает. Он думал о том, где эта пресловутая лихорадка. Я его не винил. Финалист, играющий против субъекта, который прославился чиханием, вправе ждать, что он чихнет, а Стокер не чихал. По-видимому, изобретатель «Апчхи» знал свое

дело. Чудотворное снадобье исцелило страдальца. Тот принимал его ложками, и оно отвечало благодарностью. Слышу я хорошо, но до меня не донеслось ни единого чиха. Играл он строго, ровно, и Спелвину приходилось туго. Наконец они дошли до 18-й лунки.

Располагалась она на склоне, особой сноровки не требовала, шансы были равны — но гольф непредсказуем. Замахнувшись клюшкой, Стокер завязался узлом, но выпрямился и собирал силу для удара, когда на поле рысцой вбежал Тимоти с букетиком в руке.

— Понюхайте мои цветочки, мистер Стокер, — прощебетал он и широким жестом поднес их к носу упомянутого игрока.

Тот хрипло вскрикнул и отскочил, словно от змеи.

— Не мешай дяде, — сказал Родни. — Беги, я скоро приду. Тимоти ускакал («скок-скок» или «хоп-хоп»), Стокер снова замахнулся. Было видно, что желание чихнуть накатывает на него, и если он хотел обогнать прибой, он должен был ударить мгновенно. Но он не успел. Взрыв синхронно совпал с ударом по мячу.

Такого удара я в жизни своей не видел. Всю душу, всю ее глубину вложил Стокер в чихание, и мяч, словно пушечное ядро, взлетел по склону, а там — исчез.

Родни вдумчиво замахнулся, потрясенный чудом. Энестейзия учила его хорошо, ударил он лихо. Даже если мы предположим, что Стокер скончался, у бывшего поэта была удачная позиция — четыре против пяти.

Только добежав до места, поняли мы, что случилось. Мяч Стокера исчез, словно улетел в небо. Однако по тщательном рассмотрении оказалось, что он — в лунке.

— А! — сказал Стокер. — Я уж решил, что промазал. Родни был все-таки силен духом. Надеяться он мог только на 19-ю лунку, но он не дрогнул. Мяч его находился футах в четырех от нее — удар нелегкий; и он примерялся с той спокойной стойкостью, которую приятно видеть.

Медленно отвел он клюшку, стал опускать ее, но вдруг тишину прорезал детский голосок:

— Пап-па!

Родни подскочил, словно его ударили по заду раскаленной кочергой, а мяч пролетел в нескольких ярдах от лунки. Матч выиграл Стокер.

Родни выпрямился. Лицо его было бледным и скорбным.

— Пап-па, — услышал он, — а маргаритки — это звездочки? Их ангелы сорвали?

Родни глубоко, судорожно вздохнул. Я разглядел его глаза; они сверкали угрозой. Быстро и мягко, словно леопард на охоте, он пошел к

сыну. Через секунду тишина огласилась звонкими шлепками.

Я взглянул на Энестейзию. Печаль на ее лице смешалась с восторгом. Она страдала как мать, ликовала как жена. Родни стряхнул чары.

Вечером юный Бейтс сказал отцу:

— Как там стихи?

Уильям метнул затравленный взгляд, и Джейн взяла дело в свои руки.

— Никаких стихов не будет, — сказала она. — Папа тебе не поэт какой-нибудь. И вообще, изволь тренироваться с семи утра.

— А дядя Родни пишет стихи про Тимоти.

— Ничего подобного. Писал и перестал.

— Так ведь…

Джейн пристально и спокойно посмотрела на сына.

— Хочешь в глаз, моя душечка? Нет? Очень хорошо.

АВТОРА!

Дж. С.М. Бабингтон из «Дакра» терзался сомнениями. Неумолимый рок заставил этого Геркулеса наших дней выбирать между удовольствием и долгом,[21] а вернее, между удовольствием и тем, что официально считалось долгом. Человеческая природа без труда взяла бы верх, однако стезя удовольствия была настолько усеяна опасностями, что затея поневоле начинала казаться Бабингтону неосуществимой.

Обстоятельства дела были таковы. В математическом классе, где учился Дж. С.М. Бабингтон — четвертом «Б», если быть точным, — любили развеивать скуку незатейливой игрой, суть которой состояла вот в чем: едва начинался урок, и учитель занимал место, один из игроков каким-либо манером привлекал к себе внимание, например, ронял книгу или опрокидывал классную доску. В ответ на сделанное замечание он тут же произносил пламенную речь в свою защиту. Следом вступал второй игрок, роль которого сводилась к тому, чтобы выйти к доске и свидетельствовать о высокой нравственности своего товарища, приводя всевозможные доводы в пользу того, что последнего необходимо отпустить с незапятнанной репутацией. В самом разгаре этого выступления к доске выходил третий игрок, за которым следовали четвертый, пятый и так далее, пока все пространство у доски не заполнялось великим облаком свидетелей.[22] Продолжительность игры заметно менялась от случая к случаю. Иногда все проходило настолько блестяще, что учитель, проникаясь духом игры, пытался вынести предупреждения всем нарушителям одновременно, что по силам далеко не каждому. Иногда развязка наступала гораздо быстрее. Так или иначе, игра доставляла массу удовольствия и была чрезвычайно популярна. В день, когда началась эта история, в класс вместо преподобного Септимуса Брауна временно направили нового учителя. Преподобный Септимус, учительствовавший с незапамятных времен, был силен в точных науках, но совершенно не разбирался в мальчишеских повадках. Заменивший его мистер Реджинальд Сеймур математику знал плохо, зато был хорошим педагогом. Кроме того, он входил в сборную Кембриджа по регби, что само по себе должно было избавить его от принятых в классе шалостей, как-никак, голубая футболка сборной заслуживает уважения. Поэтому со стороны Бабингтона было не просто неблагоразумно, а довольно глупо врезаться на бегу в классную доску. Если бы он читал Теннисона, наверное, он вспомнил бы, что былые

порядки имеют обыкновение уходить, уступая место новым.[23]

Мистер Сеймур задумчиво посмотрел на опрокинутую доску.

— Грубая работа, — спокойно сказал он Бабингтону, — вам недостает изящества. Приведите все в порядок, пожалуйста.

Бабингтон без возражений исполнил просьбу. Во времена преподобного Септимуса по этому сигналу несколько человек разом бросились бы помогать ему, однако сейчас класс, казалось, осознал, что всему свое время, и настоящий момент решительно не годится для игр.

— Спасибо, — сказал мистер Сеймур, когда доска заняла подобающее ей положение, — как ваше имя? Как-как? Я не расслышал.

— Бабингтон, сэр.

— В таком случае, Бабингтон, зайдите сюда завтра в два часа и прорешайте задачи с трехсотой по триста двадцатую из сборника упражнений по алгебре. Здесь вполне можно пройти, не задев доску. Вам просто нужно попрактиковаться.

Бабингтон был раздавлен. Он поплелся на свое место, чувствуя, что его репутации искусного игрока нанесен сокрушительный удар. А тут еще и наказание. Само по себе оно бы не слишком обеспокоило его. Конечно, неприятно оставаться после занятий в короткий день, но это всего-навсего одно из тысяч лишений, присущих телу,[24] а к таким вещам следует относиться философски.

Загвоздка была в том, что со вчерашней вечерней почтой он получил письмо из Лондона от кузена, многообещающего студента-медика. Из письма явствовало, что посредством сложной цепочки знакомств кузену удалось достать билеты на премьеру новой пьесы. Посему, если мистеру Дж. С.М. Бабингтону угодно принять приглашение, пусть он не сочтет за труд ответить на письмо и прибыть к книжному киоску, что у Чаринг Кросс, в двадцать минут третьего.

Надо сказать, что Бабингтон, хоть и совершенно не одобрял античную драматургию, к современной драме питал слабость, а потому исполнился решимости попасть на спектакль. Так он оказался перед выбором — либо пойти на назначенные мистером Сеймуром дополнительные занятия, либо пропустить их. Трудности возникали лишь с тем, какой из вариантов предпочесть. Все определялось мерой наказания в случае провала операции.

Такова была дилемма. Он обратился за советом к друзьям.

— Я бы рискнул, — сказал его закадычный друг Петерсон.

— Я бы не советовал, — заметил Дженкинс. Дженкинс также был

закадычным другом, и ничуть не уступал Петерсону умом.

— Как думаете, что мне за это будет? — спросил Бабингтон.

— Исключат, — авторитетно заявил один.

— Выговор и двойное наказание, — ответил другой.

— «"Дэйли Телеграф", — шепнул искуситель, — пишет, что это лучшая комедия со времен Шеридана».

«Точно, пишет, — подумал Бабингтон, — рискну.»

— Ну и глупо, — мрачно предрек Дженкинс, — тебя непременно поймают.

Но большинство было за риск. Вечером Бабингтон написал кузену, что принимает приглашение.

Гора упала с его плеч, когда он услышал, как мистер Сеймур в разговоре с другим учителем сказал, что хочет успеть на двенадцатичасовой поезд в Лондон. Это означало, что он не сможет проверить, действительно ли Бабингтон сел за упражнения по алгебре. Бабингтон надеялся, что удача не отвернется от него, и учитель примет задание без лишних вопросов. Он позаботился о том, чтобы решить все примеры за ночь. Помогли ему в этом Петерсон, Дженкинс и один странный малый, видимо, и вправду любивший алгебру. Этот чудак решил десять задач из двадцати за невероятно короткое время в обмен на два приключенческих романа (отданных сразу) и приглашение на чай (отложенное на потом). Поезд самого Бабингтона отправлялся в половине второго и прибывал в город задолго до назначенной встречи. Петерсон пообещал ответить за Бабингтона на перекличке — в этой тонкой операции он, как и многие младшие ученики, благодаря постоянной практике достиг небывалых высот.

Добросовестному историку было бы приятно сообщить, что поезд сломался, немного не доехав до Лондона, и Бабингтон прибыл к театру в тот миг, когда занавес опустился, а довольная публика повалила из зала. Но истина, сколь бы горька она ни была, превыше всего. Поезд шел точно по расписанию, будто относился вовсе не к тому железнодорожному ведомству, к которому был приписан.

Некий философ, обладавший незаурядной силой прозрения, однажды поведал миру, что все даже самое лучшее когда-нибудь заканчивается. Это утверждение было проверено, а затем повсеместно принято за истину. Но от общего—к частному: спектакль продолжался около трех часов и завершился бурными овациями, в которые, не скупясь, внес свою лепту и Бабингтон.

— Пойдем куда-нибудь перекусим, что скажешь? — спросил кузен

Бабингтона, когда они вышли из театра.

Бабингтон хотел было ответить, что ничего более подходящего даже представить себе не может, но не успел и рта раскрыть, как его собеседник, заметив в толпе знакомое лицо, воскликнул:

— Гляди-ка, Ричарде. Мы с ним вместе учимся, — пояснил он, — возьмем его с собой? Думаю, он тебе понравится.

Ричарде с радостью принял приглашение и пожал руку Бабингтону с таким жаром, словно до этой встречи вся жизнь его была пустой и бесцветной и лишь теперь начала обретать смысл.

— С удовольствием присоединюсь к вам, только я не один, — сказал Ричарде, — мы здесь встречаемся с приятелем. Он, кстати, автор этой новой пьесы — «Так поступают в свете».

— Ну? А мы как раз со спектакля.

— Тогда вам, наверное, будет интересно с ним познакомиться. А вот и он сам.

От ужаса у Бабингтона волосы встали дыбом, а душа ушла в пятки — к ним направлялся мистер Сеймур. Все уверения театральной программки, будто пьесу написал некто Уолтер Уолш, оказались вымыслом — да что там, вымыслом, — возмутительной и наглой ложью. В голове Бабингтона смутно промелькнула мысль о спасительном бегстве, но прежде чем он сумел стряхнуть с себя оцепенение, мистер Сеймур уже присоединился к ним. Едва соображая, что происходит, Бабингтон услышал, как его представляют человеку, по милости которого (вот где драма-то!) в эту самую минуту он должен был решать задачи с трехсотой по триста двадцатую из сборника упражнений по алгебре.

Мистер Сеймур поприветствовал Бабингтона, будто видел его первый раз в жизни. Мало-помалу Бабингтон стал приходить в себя, хотя и подозревал, что подобные пробелы в памяти могут оказаться, говоря словами поэта, лишь «маскировкою и хитрою уловкою».[25] Он тут же вспомнил историю из какого-то журнала о «пытке надеждой», как это называли легкомысленные тюремщики. Заключенному позволяли выйти из здания тюрьмы, пройти мимо охранников и сторожевых вышек, якобы не замечая его. И вот когда он, наконец, был готов сделать последний шаг к свободе, главный надзиратель мягко клал ему руку на плечо и, скорее печально, чем сердито, напоминал бедняге, что осужденным положено находиться в камере. Вне всяких сомнений, именно такую шутку собирался сыграть мистер Сеймур. Затем Бабингтону пришло в голову, что он лишь однажды попадался мистеру Сеймуру на глаза — тот мог и не запомнить его. Бабингтон был не из тех, чьи черты, привлекая к себе

внимание, врезаются в память на всю жизнь. Внешность его в обшем-то была вполне заурядной. Но не везет, так не везет — за обедом их усадили как раз друг напротив друга, и Бабингтон трепетал, ожидая худшего. И вот мистер Сеймур, некоторое время приглядывавшийся к Бабингтону, чуть наклонился вперед и совершенно простодушно спросил: «Мы с вами нигде не встречались? Ваше лицо кажется мне знакомым».

— Н-не… нет, — ответил Бабингтон, — то есть, не думаю. Может, и встречались.

— Я практически уверен, что так и есть. Вы где учитесь? Душевные муки Бабингтона были сродни агонии.

— Что? Где учусь? Ах, учусь? Да я… видите ли… в Аппингеме учусь.

Лицо мистера Сеймура просияло.

— В Аппингеме? Неужели? У меня там много приятелей. Знаете, там есть такой учитель — мистер Мортон? Мы с ним большие друзья.

Пол заходил ходуном под ногами у Бабингтона, и он ухватился за спасительную соломинку, а вернее за то, что принял за соломинку.

— Аппингем? Разве я сказал Аппингем? Конечно же, я хотел сказать Рэгби. Рэгби, видите ли. Так просто перепутать эти два названия, правда?

Мистер Сеймур смотрел на него в изумлении. Затем он повернулся к другим, как бы спрашивая, кто здесь сошел с ума, он сам или его юный собеседник. Кузен выслушивал дикие россказни Бабингтона с таким же удивлением. Он даже подумал, что тот заболел. Да и Ричардсу тоже показалось немного странным, что можно забыть, где учишься, да еще и спутать Рэгби с Аппингемом или наоборот. Все взоры устремились на Бабингтона.

— Послушай, Джек, — сказал кузен, — ты, вообще, хорошо себя чувствуешь? Ты, похоже, сам не понимаешь, что несешь. Если ты болен, только скажи, я тебе что-нибудь выпишу.

— Так он учится в Рэгби? — спросил мистер Сеймур.

— Ну, конечно же, нет. Разве смог бы он добраться из Рэгби до Лондона к утреннему спектаклю? Он учится в колледже Святого Августина.

Какое-то время мистер Сеймур хранил молчание, переваривая сказанное. Затем он усмехнулся:

— Все в порядке, он вовсе не болен. Мы встречались, но при таких обстоятельствах, что господин Бабингтон весьма осмотрительно предпочел мне о них не напоминать.

Он вкратце изложил, что произошло накануне. Слушатели, за исключением Бабингтона, так и покатывались со смеху.

— Все это такая нелепая случайность, — сказал, наконец, кузен, — я надеюсь, вы не дадите ход делу?

Прежде чем ответить, мистер Сеймур задумчиво помешал чай, добавив еще один кусочек сахара. Бабингтон молча наблюдал за ним, желая лишь, чтобы он, так или иначе, вынес свой вердикт.

— К радости Бабингтона и сожалению поборников морали, — сказал наконец мистер Сеймур, — я больше не преподаю в колледже святого Августина. Я лишь временно заменял учителя. Сегодня в час дня мои полномочия истекли. Таким образом, ввиду отсутствия состава преступления все обвинения снимаются. Я все же надеюсь, это послужит вам уроком. Полагаю, вам хватило благоразумия выполнить задания?

— Да, сэр. Весь вечер вчера просидел.

— И то ладно. Позвольте, все же, дать вам совет — возьмитесь за ум, иначе когда-нибудь это плохо кончится. Погодите, ведь ваше отсутствие должны были заметить на перекличке?..

— Мне, кстати, ужасно понравилась сцена в конце первого акта, — последовал ответ Бабингтона.

Мистер Сеймур улыбнулся. Вероятно, он был польщен.

— Ну, как все прошло? — поинтересовался вечером Петерсон.

— Даже не спрашивай, — вяло отмахнулся Бабингтон.

— А я что говорил, — невпопад высказался Дженкинс. Но, услышав, что произошло, он взял свои слова назад и разразился тирадой о безобразном везении, которого некоторые совершенно не заслуживают.

НЕ НА ТОГО НАПАЛ

Время шло к часу дня, и экспресс вот-вот должен был отправиться. Машинист уже взялся за рычаг и, насвистывая что-то, коротал мгновения подобно дозорному из «Агамемнона».[26] Дежурный по станции пытался разговаривать с тремя пассажирами одновременно. Носильщики сновали по платформе, прокладывая себе путь тележками с багажом. Старушка, без которой не обходится ни один вокзал, расспрашивала окружающих, доедет ли она до станции, о которой никто и никогда не слышал. Все прощались со всеми и, наконец, Ф. Ст.-Х. Харрисон из колледжа Святого Августина неспешно шагал к хвосту поезда. Харрисону не было нужды торопиться. Разве Мейс, его друг, не обещал занять ему местечко в углу, пока сам Харрисон запасается провиантом в дорогу? Несомненно, обещал, и Харрисон, наблюдая за мятущейся толпой, с гордостью отметил, что он не таков, как все. Место в углу, вагон полон его, Харрисона, друзьями, провизия в избытке, а устанешь от разговоров, есть что почитать; лучше и быть не может.

Он был настолько поглощен подобными размышлениями, что не обратил внимания на мальчика примерно его лет, который направлялся к заветному купе с другого конца платформы. Харрисон заметил соперника лишь когда тот, немного опередив его у двери, забросил сумку на багажную полку и изящно опустился на то самое место в углу, которое Харрисон уже считал своей собственностью. Хуже того, других свободных мест в купе не оказалось. Харрисон хотел было протестовать, но дежурный по станции как раз дал свисток к отправлению. Оставалось только одно — запрыгнуть в поезд и обсудить все en route.[27] Харрисон запрыгнул и был незамедлительно встречен хором девяти мальчишеских голосов: «Убирайся!», «Мест нет!», «Гоните его!». Затем хор распался на составляющие.

— Харрисон, дубина ты этакая! — начал Бабингтон из «Дакра». — Ты чего сюда приперся? Не видишь, что ли, — нас и так уже по пятеро с каждой стороны.

— Надеюсь, ты захватил консервный нож, — спросил Баррет, несравненная гордость «Филлпота», — он очень понадобится, когда мы доберемся до старой доброй станции. Полезай-ка лучше на багажную полку, а то весь кислород перекрыл.

Мальчик, столь мастерски оккупировавший место Харрисона, в этот

момент допустил еще одну непростительную вольность. Он ухмыльнулся. Вовсе не застенчивая, заискивающая улыбка из тех, какими стремятся завоевать симпатии окружающих, осветила его лицо. Нет, это была самая настоящая ухмылка—от уха до уха. В ярости Харрисон накинулся на него.

— Послушай-ка, — начал он. — А ну, выметайся отсюда. С чего это вдруг ты занял мое место?

— А ты, случайно, не директор железной дороги? — вежливо осведомился мальчик в ответ. Заинтересованная публика встретила реплику шквалом аплодисментов. Харрисон почувствовал себя не в своей тарелке.

— Или просто император Германии? — гнул свою линию соперник.

Снова аплодисменты, во время которых Харрисон обронил пакет с провиантом. Содержимое пакета было немедленно захвачено и по справедливости поделено довольными августинианцами.

— Ты, вот что, брось эти шутки. — Харрисона хватило только на такой ужасающе слабый ответный выпад. Реакции не последовало. Харрисон возобновил нападение.

— Вот что, — сказал он, — сам встанешь, или тебя заставить?

Его оппонент не проронил ни звука. Как сказал поэт: «Он улыбался, хоть была улыбка неуместна».[28]

Другие пассажиры купе не были склонны вести себя столь же сдержано. Эти вероломные друзья, сами удобно устроившиеся на своих местах, вдруг поняли, что вид Харрисона вынужденного стоя сносить тяготы путешествия, будет радовать глаз и веселить сердце все тридцать миль пути. Они вступились за незнакомца со всем жаром, на какой только были способны.

— Что за свинство, Харрисон, — сказал Баррет, — выгонять человека с места! Может, отстанешь от него? Эй, приятель, даже не думай вставать.

— Спасибо, — ответил незнакомец, — я и не собирался.

— Видишь теперь, к чему приводит расхлябанность? — вмешался Грей. — Если бы ты не зевал, а пришел сюда вовремя, мог бы сейчас сидеть на моем месте. О-о, Харрисон, ты даже представить себе не можешь, как удобно в этом углу.

— Пунктуальность, — добавил Бабингтон, — вежливость королей.

И снова незнакомец вызвал негодование Харрисона, ухмыльнувшись во весь рот.

— Послушайте, — взмолился Харрисон, решив прибегнуть к последнему средству, а именно — обратиться к совести окружающих, если она имелась. — Мейс занял это место для меня, пока я бегал за едой.

Скажи, Мейс.

Харрисон обернулся к Мейсу за поддержкой. К своему удивлению, Мейса он не увидел.

Благожелательные товарищи все как один прониклись юмором ситуации и снова хором выразили свои чувства.

— Тупица, — радостно завопили они, — ты зашел не в тот вагон! Мейс в следующем.

Харрисон оставил всякую борьбу и, чувствуя себя омерзительно, замолчал. В ушах его звенели отголоски безудержного хохота. Он так и не проронил ни слова, пока вся компания не вышла на пересадочной станции. Отсюда до колледжа Святого Августина нужно было ехать местным поездом. На этот раз Харрисон без труда нашел, где сесть. Был еще один неприятный момент, когда Мейс, встретив Харрисона на платформе, обозвал его дубиной за то, что он так и не пришел на занятое для него место. Они, сказал Мейс, здорово провели время в пути. А как провел время Харрисон в своем вагоне? Ответ Харрисона не отличался ясностью изложения.

Незнакомец тоже оказался в местном поезде. Теперь стало понятно — он был новичком и ехал в колледж. У Харрисона появилась надежда, что в сложившихся обстоятельствах можно будет придумать, как поквитаться с обидчиком. Он погрузился в размышления. Когда поезд добрался до станции, и школьники толпами повалили к колледжу, выяснилось, что новичок будет жить в одном корпусе с Харрисоном. Харрисон слышал, как тот спрашивает у Бабингтона дорогу «к Меревалю». Мереваль был старшим воспитателем и у Харрисона.

Минуту-другую спустя Харрисону в голову пришла Блестящая Идея. План мести был настолько изящен, так изумительно прост, что лишь ценой неимоверных усилий Харрисон не позволил своему ликованию излиться в песне. Казалось, еще немного — и он пустится в пляс.

Однако Харрисон воздержался от проявления чувств. Порыв был подавлен и погашен. Добравшись до корпуса, он первым делом отправился в комнату смотрительницы. «Венейблс уже приехал?» — спросил он.

Венейблс был старостой в корпусе Мереваля, а кроме того, капитаном сборной по крикету и одним из основных игроков сборной по регби, одним словом — важная птица.

— Да, — ответила смотрительница, — сегодня, еще до обеда.

Харрисон предвидел это. Венейблс всегда возвращался в начале последнего дня каникул.

— Он только что был у себя наверху, — продолжила

смотрительница, — прибирался в своей комнате.

И это Харрисон знал. В последний день каникул Венейблс всегда прибирался в комнате. Он не без оснований гордился этой комнатой, самой роскошной во всем корпусе.

— Он все еще там? — спросил Харрисон.

— Нет, ушел к директору.

— Спасибо, — сказал Харрисон, — ничего страшного. Я просто так спросил.

Он удалился, торжествуя. Все благоприятствовало исполнению его плана.

Затем он отправился в комнату, где жили младшие. Там, как и следовало ожидать, находился его новый друг из поезда. Удача продолжала сопутствовать Харрисону. Незнакомец был один.

— Привет, — окликнул его Харрисон.

— Привет, — ответил бывший попутчик. Он решил уступить инициативу Харрисону. Если Харрисон пришел с войной, значит, быть войне, а если с миром, тогда и он поведет себя дружелюбно.

— Не знал, что ты ехал к Меревалю. У нас это лучший корпус.

— Правда?

— Ага, хотя бы потому, что у всех, кроме совсем маленьких, отдельные комнаты.

— Как? Не может быть! А я-то думал, придется жить здесь. То есть, мне так сказали.

— Посмеяться, небось, над тобой хотели. Тебе еще не такое скажут — только слушай. Хочешь, покажу твою комнату? Пойдем наверх.

— Вот спасибо! Очень мило с твоей стороны, — поблагодарил Харрисона довольный незнакомец, и они отправились наверх.

Дверь в одну из комнат была приоткрыта. Хотя комната и выглядела пустой, было понятно, что ее можно весьма уютно обустроить.

— Вот моя каморка, — показал Харрисон. На его счастье, Грэм, которому, вопреки уверениям Харрисона, принадлежала комната, не слышал этих слов. Грэм и Харрисон были старыми заклятыми врагами. — А вот эта — твоя, — сказал Харрисон, распахнув другую дверь в конце коридора.

Его спутник в изумлении уставился на восточную роскошь, открывшуюся его взору.

— А это точно? — выговорил он. — Она вроде как уже занята.

— А-а, не обращай внимания, — отмахнулся Харрисон, — жил тут один, но он ушел из колледжа в прошлом семестре. Просто не знал, что

уходит, а потом уже не было времени собираться, так все и осталось. Ты просто выкини это барахло в коридор, и пусть лежит. Моук потом все заберет.

В корпусе Мереваля Моук был и дворецким, и коридорным.

— А, ясно, — обрадовался незнакомец, и Харрисон оставил его.

Харрисон рассчитывал, что Венейблс, вернувшись и обнаружив какого-то проходимца, хладнокровно разоряющего только что приведенную в порядок комнату, не долго думая, набросится на него и сотрет с лица земли. Возможно, впоследствии и выяснится, что он, Харрисон, имел некоторое отношение к произошедшему, и тогда ему не избежать неприятностей. Однако Харрисон был из тех, кто не слишком заботится о дне грядущем. Девиз его был: довольно для каждого дня своей заботы.[29] И уж, конечно, игра стоила свеч. Главное, все увидят, что он мастерски натянул нос, а заодно отомстил нахалу, так низко поступившему с ним в поезде. Разбив этого юнца в пух и прах, он вернет себе безупречную репутацию человека, шутки с которым плохи. Все, что произойдет между ним и Венейблсом позже, можно рассматривать исключительно как их частное дело, совершенно не касающееся сути вопроса.

Часом позже один из младших учеников известил Харрисона о том, что Венейблс ждет его у себя в комнате. Опыт подсказывал Харрисону: когда за тобой посылает староста, благоразумнее исполнить его прихоть. Он незамедлительно отправился к Венейблсу. Харрисон был готов к худшему, так как успел прийти к выводу, что сохранить инкогнито ему не удастся, однако определенно не ожидал того, что увидел.

Венейблс и незнакомец удобно расположились в креслах, к тому же, было видно, что они прекрасно поладили. И это при том, что кроме двух кресел в комнате ничего не осталось. Прочие пожитки, как с довольной ухмылкой заметил Харрисон, прежде чем постучать в дверь, были живописно разбросаны по коридору.

— Ну, здравствуй, Харрисон, — приветствовал его Венейблс, — как раз ты-то мне и нужен. По-видимому, произошло небольшое недоразумение. Ведь это ты посоветовал моему брату выставить всю мебель из комнаты?

Лицо Харрисона приобрело нежно-зеленоватый оттенок.

— Твоему б-бра-ату? — проблеял он.

— Да. Неужели я не говорил тебе, что с этого семестра в колледже будет учиться мой брат? Директору говорил, Меревалю говорил, да и вообще всему начальству. Ума не приложу, как я мог забыть о тебе.

Выскочило из головы. Но ты, я вижу, обошелся с ним по-товарищески, экскурсию вот устроил… Просто молодец.

Харрисон вымученно улыбнулся. Венейблс-младший ухмыльнулся. Одного не мог понять Харрисон — почему братья приехали в колледж не вместе? А объяснялось все очень просто. Венейблс-старший провел последнюю неделю каникул в гостях у Макартура, капитана сборной колледжа по регби. Макартур жил всего лишь в миле от колледжа.

— Вот только не возьму в толк, — безжалостно продолжал Венейблс, — как же так вышло с мебелью? Насколько я знаю, мне не приходилось срочно бросать колледж в конце прошлого семестра. Если хочешь, я, конечно, наведу справки но полагаю, выяснится, что ты ошибаешься. Должно быть, с кем-то меня перепутал. Но все-таки мы подумали, что тебе лучше знать, и вытащили всю мебель в коридор, а оказалось-то — вышла промашка, вытаскивать ничего не надо. Так что, будь другом, поставь все, пожалуйста, на место. Мы бы тебе помогли, но как раз сейчас собирались выпить чаю. Постарайся закончить к нашему возвращению. И большое тебе спасибо.

Нервно кашлянув, Харрисон взял слово.

— Я тоже, — сообщил он, — собирался пить чай.

— Очень жаль, — ответил Венейблс, — но боюсь, тебе придется изменить свои планы.

Харрисон ухватился за соломинку.

— Но ведь в этом семестре я и так уже на посылках у Велша,[30] — запротестовал он.

Был в колледже такой неписаный закон: любой из младших учеников имел право отказаться служить двум господам.[31] Иначе у слабых мира сего не было бы ни минуты покоя.

— Что ж, — ответил Венейблс, — Велшу, конечно, крупно повезло, но ведь семестр-то еще и не начался. А начнется он завтра. Так что — вперед.

Противоречивые чувства бушевали под итонским жилетом Харрисона. Явное нежелание приступать к поставленной задаче боролось с ощущением, что если он все-таки откажется, это может — да что там «может», обязательно выйдет ему боком.

— Харрисон, — мягко, но многозначительно произнес Венейблс, — знаешь ли ты, каково это — жалеть, что появился на свет?

Харрисон с задумчивым выражением лица подобрал с пола фотографию и аккуратно повесил над камином.

ГРОШОВЫЙ МИЛЛИОНЕР

В бесконечном людском потоке, что течет, наслаждаясь сиянием солнца, по Променад дез Этранжэ, можно встретить тех, кто приехал в Ровиль для поправки здоровья, и тех, кто сбежал от суровой английской весны. Но большинству приезжих это место нравится тем, что оно недорогое и недалеко от Монте-Карло.

Джорджем Альбертом Балмером двигали совершенно иные мотивы. Он приехал сюда только потому, что три недели назад Гарольд Флауэр назвал его обидным овощным прозвищем.

Что вообще побуждает человека совершать безрассудные поступки? Почему он отправляется в бочке вплавь по Ниагарскому водопаду? Ведь от этого его печень не станет здоровее. Лучше полчаса поупражняться со скакалкой. Нет, в девяти случаях из десяти он просто хочет доказать друзьям и родным, что он — не мягкотелый и не прозаичный тип, как о нем думали. Возьмите, к примеру, канатоходца из мюзик-холла, загляните ему в глаза. «Ну уж нет, я не какой-нибудь слизняк», — прочтете вы в них.

То же самое чувствовал Джордж Балмер.

В настоящий момент в Лондоне пребывают несколько тысяч респектабельных, опрятных, непредприимчивых молодых людей. Они живут по установленному распорядку, служат за скромное жалованье в разных банках, корпорациях, магазинах и коммерческих фирмах — так до самой старости. В общем, живут как устрицы, намертво прилепившиеся к своему местечку на скале.

К этой многотысячной армии принадлежал Джордж Альберт Балмер. Он не выделялся ничем — такой же респектабельный, опрятный, непредприимчивый, подчиненный распорядку и связанный по рукам и ногам страховой компанией «Планета», где он работал. Работа заключалась в ежедневном просиживании за конторкой, с натянутой улыбкой и полусонным видом. То, что за окошечком конторки течет другая жизнь, где можно выразить себя каким-нибудь иным способом, никогда всерьез не приходило в голову нашему герою.

И вот на этого самого Джорджа, двадцати четырех лет от роду, как снег на голову, свалилось наследство в тысячу фунтов.

Внешне, несмотря на потрясение, он ничуть не изменился. Даже тени высокомерия не промелькнуло под гнетом столь тяжкой ноши. Когда начальник отдела, найдя техническую ошибку в его вчерашней работе,

позвал: «Эй, креветка, — черт, как там вас кличут!» — Джордж даже не заикнулся, что к состоятельному джентльмену не подобает так обращаться. Неожиданная улыбка Фортуны не смогла пробудить его от спячки. Но все же потрясенная душа лежала в нокауте бесформенной грудой, не в силах понять, что же сбило ее с ног.

Как раз когда Джордж находился в таком полуоцепенении, к нему подошел Гарольд Флауэр. Гарольд был посыльным в «Планете», и по совместительству одним из самых заядлых должников Лондона. Торжественным, величественным гимном прозвучали для него слухи о наследстве, потому что он, в перерывах между нытьем и жалобами на непосильную работу, всеми силами старался расширить круг своих кредиторов. Этот тип неопределенного возраста с сизым носом сумел обложить поборами большинство служащих «Планеты», выпрашивая по три пенса в день получки, и теперь решил, что если в звездный час богатенького Балмера не растрясет его на что-нибудь посолиднее, то это будет постыдный конец заемной карьеры.

Весь день он ни на шаг не отходил от Джорджа, и наконец, перед самым закрытием, припер того в углу и, тыча его пальцем в грудь, потребовал взаймы соверен. При этом на одном дыхании поведал, что он — джентльмен, что жизнь курьера хуже рабской, и что целеустремленный молодой человек, если желает приумножить и без того солидное состояние, должен держаться подальше от финансовых проходимцев, а не слушать их сказки для простачков. И замолчал в ожидании ответа.

В тот день заемщики не давали Джорджу покоя. Словно золотоносный участок вехами, он был окружен важными просителями, которым никак нельзя было отказать. Он устал давать взаймы, и был решительно настроен против любого, кто требует, не имея на то оснований. У Гарольда Флауэра таковых не было. Джордж так и сказал. Какое-то время мистер Флауэр не мог поверить, что это не шутка, но, осознав наконец горькую истину, набрал полные легкие воздуха, и разразился длинной речью.

— Значит, «сожалею, но не могу одолжить», да? Джентльмен просит вас, как человека, занять до получки сущий пустяк, а вы, значит, ругаться и оскорблять. Да знаете, кто вы со своей тыщонкой? Грошовый миллионер, вот вы кто. Ну-ну, тряситесь над своим чертовым наследством. А что толковее вы придумаете? Видал я таких. Не будет вам радости от денег. Вы не из тех. Вы осторожный. Вложите их, небось, в государственные облигации, и будете получать три гроша в год. Вам деньги без пользы. У вас кишка тонка насладиться ими. Вы же растение! Овощ паршивый. В репе и то больше духа. И в брюссельской капусте. И даже в укропе.

Трудно сохранять достоинство, когда человек с хриплым голосом и водянистыми глазами сравнивает тебя с укропом, причем не в твою пользу, а возразить нечего. Джордж кое-как пришел в себя и в задумчивости побрел домой. Особенно терзало то, что он действительно собирался купить что-то сродни облигациям. Дядя Роберт, у которого он квартировал, настоятельно рекомендовал этот фонд. И независимо от дяди, сам фонд тоже рекомендовал себя. Но слова Гарольда Флауэра пробудили сомнения. Джордж думал больше двух недель, нестерпимо краснея при виде презрительных водянистых глаз. А затем подошла пора отпуска, и, воодушевленный, он бросился разыскивать посыльного, которого до этого старательно избегал.

— Э-э… Флауэр?

— Это вы меня, ваша светлость?

— Завтра я ухожу в отпуск. Позаботьтесь, пожалуйста, о моих письмах, пересылайте их мне. Адрес сообщу телеграммой. Я еще не забронировал номер в отеле. Я хочу наведаться в… — и после минутной задумчивости беспечно закончил фразу, — наведаться в Монте.

— В чего? — переспросил мистер Флауэр.

— В Монте. Ну, в Монте-Карло.

Мистер Флауэр дважды очень быстро моргнул, затем, придя в себя, ответил:

— Чего-то не верится. И это решило все.

Джордж, степенно расхаживавший этим прекрасным утром по Променад дез Этранжэ, был внешне и внутренне совершенно иным Джорджем — не тем, что ссорился с Гарольдом Флауэром в конторе «Планеты». В день прибытия он еще был одет как рядовой англичанин среднего класса, но на следующий день уже находил свой гардероб слишком теплым и, что хуже, привлекающим внимание. Вечером в городском казино Джордж увидел человека, облаченного в ярко-желтое бархатное одеяние, и никто не тыкал в него пальцем. Это воодушевляло. На следующее утро Джордж вышел из отеля во фланелевом костюме, настолько светлом, что дядя Роберт, тетя Луиза, кузен Перси, кузины Ева и Джеральдина, и тети Луизина мама единодушно заклеймили его как абсолютно неподобающий. Кроме того, в магазине на Рю Лассаль Джордж потратил двадцать франков на фетровую шляпу. И Ровиль принял его, даже не моргнув.

Внутренние перемены в Джордже были еще разительнее.

Ровиль — не Монте-Карло (там он задержался ровно настолько, чтобы послать Гарольду Флауэру открытку с видом, и отправился вдоль

побережья поискать что-нибудь подешевле), но и это место было воистину открытием. Он впервые увидел мир в цвете, и опьянел. Его потрясала шелковая голубизна моря и белоснежность огромных отелей вдоль бульвара. Городское казино очаровывало колоннами цвета клубники со сливками и розово-голубыми столами. Он сидел в кресле в зеленую и белую полоску и смотрел обозрение, в котором от начала и до конца понял только одно слово — «из». Его вниманием завладел рыжеусый джентльмен в голубом, ожесточенно споривший на французском с черноусым джентльменом в желтом, в то время как ведущая в белом и ведущий в розоватом фланелевом костюме взирали на скандал.

Именно этим вечером его впервые посетила крамольная мысль, что интеллектуальные горизонты дядюшки Роберта, пожалуй, слегка ограничены.

Теперь же, прогуливаясь по бульвару и взирая на суету толпы, он за глаза без колебаний заклеймил родственника как узколобого болвана.

Коричневые ботинки, которые он старательно отполировал с утра банановой кожурой и которые теперь впервые сияли на его ногах, имели единственный недостаток — они немного жали. Прогуливаться в них, даже недолго, средь веселой, суетной толпы было неблагоразумно. Определив по нестерпимой боли, что настала пора отдохнуть, Джордж с облегчением опустился на скамью — и тут же вскочил, почувствовав между скамьей и собой что-то прямоугольное, с острыми краями.

Это была книга — новая, толстая. Роман. Джордж вынул его и осмотрел. На внутренней стороне обложки стояло имя — Джулия Вэйвни.

Джорджа с самого детства воспитывали в духе той философской школы, чей девиз был: «упало — пропало». Убедившись, что адрес к имени приложен не был, он уже счел было томик своим и собрался — страшно сказать — прикарманить его, как вдруг из толпы появилась фигура, и через мгновение Джордж обнаружил, что неотрывно смотрит в серые, и, как ему тогда показалось, обвиняющие глаза.

— Ой, спасибо, а я уж думала, что потеряла ее.

Она часто дышала, на щеках играл румянец. Она взяла книгу из обмякших рук и одарила его улыбкой.

— Я хватилась ее, и никак не могла взять в толк, где же потеряла. Потом вспомнила, что сидела здесь. Огромное спасибо.

И улыбнулась еще раз перед тем, как развернуться и уйти, оставив Джорджа размышлять о тех невероятных глупостях, которые он только что совершил, не сходя с места. Во-первых, в продолжение всего разговора он сидел. Он не приподнял шляпы — восхитительной фетровой шляпы,

специально изобретенной для того, чтобы при подобных обстоятельствах ее приподняли с галантным отмахом — это во-вторых. Нет, даже в-третьих, потому что нужно было проделать это дважды. В-четвертых, он сидел, как дурень, с разинутым ртом. И в-пятых, он не сказал ни слова в ответ на благодарность.

Пять непростительных оплошностей меньше чем за минуту! Что, должно быть, она о нем подумала! Солнце погасло для Джорджа. Наверное, решила, что он полнейший неудачник. Свирепо засвистел восточный ветер. Наверное, приняла его за неотесанного деревенского увальня. Море приобрело маслянисто-серый оттенок. Джордж поднялся и побрел в отель, совершенно забыв про ботинки.

В голове роились мысли. С тех пор, как он приехал в Ровиль, он уже несколько раз ловил себя на том, что на него наплывает странное, неуловимое и непонятное чувство — щемящая тоска, будто в этом восхитительном цветном раю тем не менее чего-то не хватает. Теперь он начал понимать. Чтобы в полной мере насладиться этим сумасшедшим праздником белизны и лазури, он должен влюбиться. Он уже влюбился. От ипохондрии не осталось и следа; таким счастливым он помнил себя только раз в жизни — в разгар роскошного праздничного обеда, который закатил для сослуживцев бывший генеральный директор «Планеты», когда уходил на пенсию.

Джордж дрожал от нетерпения. Решено! Он снова встретит на бульваре эту девушку, познакомится с ней, и она наконец увидит, что он совсем не идиот с разинутым ртом, каким показался ей в первый раз. Воображение неслось вперед, словно в сапогах-скороходах. Он предлагает руку и сердце — она соглашается — свадьба — счастье навеки… Начать, разумеется, нужное поисков девушки. Где она остановилась? Джордж купил газету, открыл страничку «Гости», пробежал взглядом вдоль колонки. Мисс Вэйвни. Где же она…

И тут воздушный замок с грохотом рухнул.

Отель «Жемчужина Средиземноморья». Лорд Фредерик Вестон. Графиня Саусбурнская. Аделаида Лисе. Леди Вэйвни…

Он уронил газету и побрел в отель. Ботинки опять начали нестерпимо жать, потому что теперь он шел, а не летел на крыльях.

Ровиль предлагает несколько заведений, где гости могут на время отрешиться от всех мыслей. Самое известное из них — городское казино, где за определенную цену можно забыть о заботах с помощью гениальнейшего изобретения — рулетки. В Ровиле страждущие от

несчастной любви забываются в игре, как в других местах они забывались бы в вине. Рулетка завораживает. Верховный жрец с деревянным лицом легонько бросает каучуковый шарик в полированную дубовую чашу с отверстиями на дне. Отверстия пронумерованы до девяти. Шарик крутится, словно планета, постепенно замедляется, спотыкается об отверстия, на мгновение задерживается у того, которое вы выбрали, затем отскакивает в соседнее — и вы проиграли. Нет лучшего развлечения, если хотите, чтобы стрелы Купидона не саднили в вашем сердце.

Немудрено, что безнадежная страсть привела Джорджа к этим столам. Всю глубину ее безнадежности он осознал, когда прочел в газете роковые слова. Можно преодолеть все трудности, но титул — никогда. Он не строил иллюзий о своем месте в общественной иерархии. В этом мире леди Джулии не заключают браки со служащими страховых компаний, даже с наследством в тысячу фунтов, оставшимся от усопшей маминой кузины. Волшебный сон закончился. Все в прошлом — все, кроме сердечной раны.

Прежде чем окунуться в воды Леты с головой, он сделал осторожный глоток — поставил франк на номер семь, и проиграл. Другой франк на номер шесть постигла та же участь. От отчаяния он швырнул пятифранковую монету и поставил на чет. Ставка выиграла.

И пошло-поехало. Сдвинув шляпу на затылок, он протиснулся поближе к столу. Впереди была целая ночь. Рулетка захватывает. Джордж так увлекся, что сначала не обратил внимания на чью-то руку, пихающую в ребра. Потом это стало раздражать; он обернулся. Сзади стояли, закрывая обзор, два тучных француза. Пока он усиленно пытался подобрать слова, чтобы выразить неудовольствие на их родном языке, он понял, что, несмотря на их массивную и оскорбительную внешность, в этом конкретном случае они ни при чем. Рука принадлежала кому-то невидимому за их спинами — маленькая женская рука в перчатке, сжимающая пятифранковую монету.

А затем кто-то в толпе подвинулся, и он увидел лицо леди Джулии Вэйвни.

И она улыбалась.

— Поставьте, пожалуйста, на восемь, — сказала она, и толпа вновь сомкнулась, и она исчезла, оставив его с монетой в руке и полнейшим смятением в мыслях.

Рулетка требует внимания. Тот, кто играет, думая о чем-то постороннем, совершает ошибку, и Джордж ее совершил. Не вполне соображая, что делает, он швырнул монету на стол. Она попросила поставить на восемь, и он действительно думал, что так и сделал. Но на

самом деле, ослепленный чувством, он поставил на три, и так никогда и не узнал об этом.

Таким образом, когда шарик остановился и замогильный голос прохрипел, что восьмой номер выиграл, Джордж радостно уставился на крупье. Постепенно радость сменилась яростью, потому что тот никак не реагировал. Джордж наклонился.

— Месье, — сказал он на ломаном французском. — Меня! Я ставить пять франков восьмой!

У крупье были торчащие усы и вид человека, видавшего все мирские печали и несправедливости. Он покрутил вышеупомянутые усы, ничего не ответив, и скривил губы в неуловимой улыбке, что прибавило меланхолии к вышеупомянутому виду.

Джордж протиснулся ближе. Два тучных француза отошли, и стало немного просторнее.

Джордж похлопал крупье по плечу.

— Послушайте, — сказал он. — В чем дело? — Забытые фразы из глубокого детства, когда он учил французский, всплыли в памяти. — Я же говорю, меня ставить пять франков восьмой. Это именно меня.

— Господа, делайте ставки, — чеканно произнес крупье.

В обычном состоянии наипервейшее жизненное правило Джорджа, как и любого среднего англичанина его времени, — ни в коем случае не привлекать к себе внимания публики. «Фиалка пряталась в лесах, под камнем чуть видна…» — говорят про таких поэты. Но Ровиль с его яркими красками выбил героя из колеи; он был словно в лихорадке. Игра подлила масла в огонь. Любовь же довершила дело, доведя его до исступления. Если бы это было только его дело, холодная отрешенность крупье привела бы Джорджа в чувство, и он, растерянный, все же отступил бы. Но сейчас Джордж защищал интересы единственной в мире девушки. Она доверилась ему. Кто бы он был, если бы не оправдал доверия? Ничего, она увидит, из какого теста он слеплен. Сердце подступило к горлу, тело охватила дрожь. Он был страшен — почти слеп в ярости. Он был Оливером Кромвелем, воином-берсерком и сэром Галахадом одновременно.

— Сэр, — вновь обратился он к крупье. — Эй! Ну, так что? На этот раз тот ответил.

— Игра закончена, — сказал он с неописуемо меланхоличным пренебрежением.

Это было последней каплей. Как это — закончена? Ну уж нет, сейчас он им покажет. Сами напросились. Сколько там ему причитается? Ставка пять франков, семикратный выигрыш. Да, и еще ставка возвращается.

Итого сорок франков. Две эти золотые штуковины — как они их там называют. Что ж, прекрасно.

Джордж быстро наклонился к крупье, откинул крышку с золотого подноса и облегчил его на два луидора.

Интересно, что сцены, которые мы повторяем в мыслях бессчетное множество раз, никогда не происходят так, как представлялось. Например, в данном случае Джордж полагал, что завершит спор с непринужденным достоинством. Изъяв деньги, он вручит их законной владелице, поднимет шляпу и удалится, как и подобает доблестному защитнику обиженных. Но уже примерно через одну шестнадцатую долю секунды он понял, что происшествию не суждено иметь такое продолжение. Слава Всевышнему, что Тот надоумил сменить коричневые ботинки на поношенные, но удобные оксфорды.

Секундное замешательство, пока недоуменные свидетели постигают происшедшее, — и мир превратился в скопище выпученных глаз, вопящих глоток и цепких рук. Люди со всего казино слетались к месту происшествия, словно мухи на мед. Зеваки перестали зевать, официанты забыли про официальность. Седовласые джентльмены запрыгали по столам.

Не теряя времени, Джордж припустил во весь дух. Благо, его стол был ближе всех к двери, и его даже не пришлось обегать. Когда начался настоящий переполох, Джордж уже миновал окошечко кассира и на полной скорости налетел на створчатую дверь. Створки, как им и полагается, отворились. Промелькнуло окошечко гардероба, и вот наш герой на площади; прохладный ночной бриз дует в лицо, и звезды подмигивают с голубого небосвода.

Продавец газет — бизнесмен до мозга костей — тут же подскочил к нему с парижским изданием «Дейли Мейл», но моментально был сбит с ног и отлетел с тротуара на дорогу. Джордж, потрясенный, но не потерявший самообладания, тем временем повернул налево — ему показалось, что там темнее.

И в этот миг казино исторгло преследователей.

Джордж бросил торопливый взгляд через плечо и ужаснулся — казалось, их были сотни. Площадь звенела голосами. Он не понимал слов, но догадался, что это не хвалебные возгласы. Кроме того, крики побудили идущего навстречу коротышку в вечернем костюме прекратить променад, выйти из оцепенения и, расставив руки в стороны, предпринять попытку задержания.

Опасность удесятеряет силы. Для человека, никогда не игравшего в

регби, Джордж прекрасно владел ситуацией. Он сделал ложный выпад влево, затем резко дернулся вправо, обошел нападающего и скрылся в спасительной темноте.

Сзади доносились топот шагов и гул голосов.

Когда убегаешь от толпы, есть по меньшей мере одно преимущество — свобода маневру. У преследователи ее нет, они мешают друг другу. Среди воинственной толпы, что висела на пятках у Джорджа, несомненно были бегуны получше него. С другой стороны, были и гораздо худшие, и они на первых порах мешали своим резвым собратьям. Поэтому через полминуты погони Джордж оставил их далеко позади и смог, наконец, собраться с мыслями. Расслабляться было рано. Завернув за угол, он увидел, что темный переулок выходит на широкую улицу с несколькими пешеходами. Проявив недюжинное присутствие духа, он без промедления ринулся вперед, крича по-французски:

— Быстрее! Быстрее!

Для его целей таких скромных познаний в языке было более чем достаточно. Французы не флегматики. Если француз видит человека, который бежит, тыча вперед пальцем, и кричит: «Быстрее! Быстрее!», то, не тратя время на лишние расспросы, он рвете места, как мустанг. В следующий миг Джордж возглавлял группу энтузиастов в количестве шести человек, а еще через двадцать ярдов их было уже одиннадцать.

Пять минут спустя он уже сидел в винной лавчонке на побережье и умиротворенно потягивал дешевое вино. Любознательному владельцу он объяснил на смеси английского и ломаного французского, отчаянно жестикулируя, что помогал преследовать вора, но усталость взяла верх, и он покинул ряды товарищей, чтобы немного освежиться. Владелец выразил надежду, что те управятся и без Джорджа.

Любовь и впрямь сводит с ума. На следующий день, вместо того чтобы благоразумно затаиться в номере (что даже не пришло ему в голову), он сразу же после завтрака — или того, что сходит за таковой в Ровиле — отправился в отель «Жемчужина Средиземноморья», чтобы вручить два луидора законной владелице.

Вежливый, радушный портье сказал, что леди Джулия вышла, но месье может поискать ее на Променад. Она была там, на той самой скамейке, где когда-то забыла книгу.

— Доброе утро, — приветствовал он.

Она не заметила, как он подошел, поэтому вздрогнула от неожиданности. Щеки зарделись, в серых глазах засветилось изумление.

Джордж протянул два луидора.

— Прошлым вечером я не мог отдать, — сказал он.

Тут ему в голову пришла ужасная мысль — как он сразу не подумал!

— Я говорю, — начал он, заикаясь, — то есть, я надеюсь, вы не подумали, что я сбежал с вашим выигрышем! Крупье не хотел отдавать, так что, видите ли… мне пришлось взять его и убежать. Это ровно два луидора. Вы, значит, поставили пять франков, и получаете семикратный…

Старая леди, сидевшая на скамейке и взиравшая на них из-за зонтика, внезапно вмешалась в разговор:

— Кто этот молодой человек?

Джордж только сейчас заметил ее. Наверное, мать или тетушка, определил он. Нет, не тетушка — слишком уж встревожилась. Ну еще бы, совершенный незнакомец, налетел на них и начинает болтать с ее дочерью, или племянницей — кем там она приходится. Он стал оправдываться.

— Я познакомился с вашей… с молодой леди… — Что-то подсказывало ему, что это не лучший способ объясниться, но, черт возьми, что еще он мог сказать? — …прошлым вечером в казино.

И тут же прикусил язык. Он не ожидал такой реакции. Лицо старухи окаменело, взгляд стал колючим, как игла. Она, не мигая, уставилась на девушку.

— Значит, прошлым вечером вы играли в рулетку? — произнесла она.

Затем поднялась, само воплощение недовольства.

— Я возвращаюсь в отель. Когда уладите финансовые вопросы с вашим… другом, я бы хотела поговорить с вами. Я буду в номере.

Джордж тупо посмотрел ей вслед.

— Ну и ладно, — сказала девушка странным, натянутым голосом, словно разговаривая с собой. — Я даже рада.

— Боюсь, леди Джулия, ваша матушка обиделась, — озабоченно сказал Джордж.

Она удивленно посмотрела на него, затем в серых глазах загорелись веселые искорки, и она рассмеялась, откинувшись на спинку скамьи. Смех показался ему мягким, но слишком неуместным. Что такого он сказал? Странно.

В конце концов она остановилась, и на лице вновь заиграл румянец.

— Не знаю, что со мной, — вдруг сказала она. — Простите. Вы не сказали ничего смешного. Просто я не леди Джулия, и мамы у меня нет. Леди Джулия только что ушла, а я — ее компаньонка.

— Компаньонка!

— Точнее, теперь уже бывшая компаньонка. Она строгая, не разрешает даже приближаться к казино без нее. А я пошла.

— Значит… Значит, из-за меня вы потеряли работу, то есть место. Если бы не я, она бы не узнала. Я…

— Вы оказали неоценимую услугу, — ответила она. — Вы одним махом разрубили узел, который я не решалась развязать много месяцев. Знаете, как трудно, попав в колею, набраться мужества и вылезти из нее. Брат давно пишет, чтобы я ехала к нему в Канаду. А у меня нет воли, или сил, или что там еще нужно, чтобы решиться. Я знала, что попусту растрачиваю годы, но была вполне счастлива — по крайней мере, не несчастна. Вот так и получилось. Наверное, все женщины такие.

— И что теперь?

— Теперь вы вытащили меня из колеи. Уеду к Бобу первым пароходом.

Он задумчиво водил тростью по бетону.

— Там, вне колеи, тяжелая жизнь, — сказал он.

— Но это — жизнь.

Он посмотрел на прохожих. Казалось, они были далеко-далеко, где-то в другом мире.

— Послушайте, — хрипло сказал он, и замолчал. — Можно я сяду? — вдруг спросил он. — Я должен кое-что сказать, но я не могу, пока смотрю на вас.

Он сел рядом и уставился на яхту, качающуюся на якоре на фоне безоблачного неба.

— Вот что, — сказал он. — Давайте поженимся. Джордж почувствовал, что она резко повернулась и посмотрела на него. Он настойчиво продолжал:

— Я знаю, мы познакомились только вчера. Вы, наверное, думаете, я сумасшедший.

— Я не думаю, что вы сумасшедший. Просто немного донкихот. Вы очень любезны и жалеете меня, и слишком увлекаетесь, как вчера, в казино.

Он наконец повернулся к ней:

— Не знаю, что вы думаете обо мне, но я скажу. Я служащий в страховой конторе. Я получаю сотню в год и десять дней отпуска. Вы решили, я миллионер? Да уж, грошовый. Просто недавно мне досталась в наследство тысяча фунтов. Вот я и приехал сюда. Теперь вы все обо мне знаете. А я о вас — ничего. Только знаю, что кроме вас никого никогда не полюблю. Давайте поженимся и поедем в Канаду. Вы сказали, что я помог вам вылезти из колеи. А теперь вы — единственная, кто может вытащить меня. Если вы не поможете, мне уже будет все равно, вылезу я или

останусь там навсегда. Поможете?

Она молчала, глядя на море, не замечая пестрой толпы. Тень от шляпки закрывала глаза, и он ничего не мог прочесть в них.

И вдруг, совершенно неожиданно, он почувствовал ее руку в своей, и она ухватилась за его пальцы, как утопающий хватается за веревку. Джордж увидел ее глаза, и сердце заколотилось от счастья. Это были глаза друга. Невероятно! Ведь он впервые повстречал ее только вчера.

— А теперь, — сказала она, — может, сообщите, как вас зовут?

Волны с мягким мурлыканьем набегали на песок. Где-то за деревьями в садах играл оркестр. Дул бриз, полон беззаботности и морской свежести. Юноша на скамейке вызывающе окинул взглядом толпу.

«Нет уж, — можно было прочесть в его глазах. — Я не какой-нибудь слизняк!»

БИТЬ БУДЕТ КАТБЕРТ

В курительную гольф-клуба вошел молодой человек, с грохотом швырнул на пол свою сумку, изнеможенно плюхнулся в кресло и стукнул по звонку.

— Официант! — воззвал он.

— Сэр?

Юноша с отвращением ткнул в сторону сумки.

— Унесите это. Клюшки можете взять себе, а не хотите — пусть забирает клуб.

С другого конца комнаты, из-под завесы табачного дыма, взглядом глубоким и задумчивым, таким, что приходит только после многих лет гольфа, за этой сценой с грустью наблюдал старейшина клуба.

— Бросаете гольф, молодой человек? — поинтересовался он.

Нельзя сказать, что помысел юноши застал старца врасплох: следя за игрой со своего высокого насеста близ девятой лунки, он видел, как юный игрок присоединился к послеобеденной партии, с трудом на седьмом ударе достиг первой лунки, а на подступах ко второй запустил два мяча в озеро.

— Да! — яростно вскричал юноша. — Рука моя больше не коснется этих клюшек! Бестолковая игра! Глупая, бессмысленная, дурацкая игра! Потеря времени — да и только!

Старик поморщился

— Ну зачем вы так? — упрекнул он.

— Потому что это правда! Кому нужен гольф? Жизнь — не шутка; она сурова, тем более сейчас, когда нас душат конкуренты, — а мы проматываем ее за гольфом. Да что он нам дает? Какой прок от гольфа, спрашиваю я вас? Приведите мне хоть один пример, когда любовь к этой вредной игре принесла хоть какую-то пользу.

Старец мягко улыбнулся.

— Их тысячи.

— Назовите хоть один!

— Ну что ж, — проговорил старик, — тогда из бесчисленных воспоминаний, что сразу приходят на ум, я остановлюсь на истории Катберта Бэнкса.

— Никогда не слышал о таком.

— Терпение, друг мой, — произнес старейшина, — сейчас вы о нем услышите.

*

События моего рассказа, начал старейшина, происходили в одном живописном местечке под названием Зеленые Холмы. Даже если вы не были в этом загородном рае, его название, думаю, вам хорошо известно. Лежащие не слишком близко, но и не очень далеко от города, Зеленые Холмы сочетают городскую роскошь с замечательными видами и по-деревенски чистым воздухом. Здесь живут в просторных домах, построенных на собственном фундаменте, ходят по насыпным дорожкам, пользуются электричеством, телефоном, канализацией, горячей и холодной водой. Жизнь здесь, должно быть, покажется вам идиллией, верхом совершенства. Миссис Уиллоби Сметерст, однако, была на этот счет иного мнения. Для совершенства, считала она, Зеленым Холмам не хватает организованного культурного досуга. Бытовых удобств для счастья мало — нужно следить и за душой, а потому миссис Сметерст поклялась, что покуда она жива, пренебрегать духовным развитием в Зеленых Холмах не будут. Она собиралась превратить Зеленые Холмы в храм всего изысканного и утонченного — и подумать только: она добилась своего. Под ее руководством литературно-дискуссионное общество Зеленых Холмов утроило свои ряды.

Увы, нет благоухающей мирры без дохлой мухи, нет салата без гусеницы. Ряды местного гольф-клуба, к которому миссис Сметерст испытывала глубокую неприязнь, за это время также утроились. Деление жителей Зеленых Холмов на спортсменов и ценителей прекрасного стало заметней прежнего и приобрело размах Великого раскола. Обе секты относились друг к другу с враждебной прохладой.

Каждый день давал новые поводы для разногласий. На беду, поле для гольфа, как раз по правую руку от четвертой метки, граничило с домом миссис Сметерст, куда часто зазывали местных знаменитостей, и громыхавшие оттуда взрывы аплодисментов загубили немало хороших ударов. А незадолго до начала нашей истории в гостиную миссис Сметерст со свистом ворвался лихо закрученный мяч и чуть было не оборвал головокружительную карьеру Рэймонда Парслоу Дивайна, стремительно восходящей звезды литературного мира (при виде мяча звезда подпрыгнула с места еще фута на полтора). Лети мяч на два дюйма правее — и Рэймонд непременно сыграл бы в ящик.

Не успели гости опомниться, как раздался звонок в дверь, и за служанкой в гостиную проследовал приятного вида юноша в свитере и

широких штанах. Извинившись, он изъявил твердое желание ударить по мячу с того места, где тот остановился. Чудом спасшийся лектор и его слушатели в немом изумлении наблюдали, как незнакомец залез на стол и начал примериваться к мячу. Последовавший за этим отказ мистера Дивайна продолжать лекцию где-либо, кроме как под защитой подвальных стен, невзирая на все уговоры хозяйки, вконец испортил и вечер, и отношения между спортсменами и ценителями.

Я упомянул об этом случае потому, что именно он свел Катберта Бэнкса с племянницей миссис Сметерст Аделиной. Когда Катберт — так звали юношу, по чьей вине мир чуть не потерял блистательного литератора, — послав мяч обратно на поле, спрыгнул со стола, он встретился глазами с пристально глядящей на него красивой девушкой. Надо сказать, что все смотрели на юношу довольно пристально, и пристальней других — Рэймонд Парслоу Дивайн, но никто больше не был красивой девушкой. Красота вообще редко гостила в литературном обществе Зеленых Холмов, и пылкому взору юноши Аделина Сметерст предстала жемчужиной среди обугленных головешек.

Они не встречались раньше — Аделина только день как приехала к тетушке, — но в одном он был уверен: жизнь, даже с электричеством, насыпными дорожками и горячей водой, будет тосклива, если он не увидит ее вновь. Да, Катберт влюбился, и — к слову о том, что любовь делает с мужчиной, — не прошло и двадцати минут, как он с одного удара закатил мяч в одиннадцатую лунку и в три удара мастерски пересек четыреста ярдов, отделявшие его от двенадцатой.

Позвольте пропустить все промежуточные ухаживания и перейти сразу к ежегодному благотворительному балу, единственному в год событию, где волк воистину живет с ягненком, барс лежит рядом с козленком, а спортсмены и ценители, забыв на время о старых обидах, становятся добрыми друзьями. Здесь Катберт сделал Аделине предложение, но, увы, с литературных высот красавица и в бинокль бы его не разглядела.

— Мистер Бэнкс, — холодно сказала она, — я буду с вами откровенна.

— Выкладывайте как есть, — согласился Катберт.

— Как ни польщена я…

— «Вашим вниманием…» — знаю, знаю. «Для меня большая честь», и все такое. Но проедем эту лабуду. Что вам мешает сказать «да»? Я люблю вас до безумия.

— Любовь не главное.

— Вот здесь вы заблуждаетесь, — с чувством возразил Катберт. —

Это вовсе не так. Любовь… — он готов был развернуть свою мысль, но она перебила:

— У меня далекие планы.

— И прекрасная фигура, — заметил Катберт.

— У меня далекие планы, — повторила Аделина, — достичь которые мне поможет только муж. Сама я очень обыкновенная…

— Что?! — вскричал Катберт. — Вы — обыкновенная? Да вы лучшая из женщин, вы богиня. Должно быть, вы давно не смотрелись в зеркало. Вам нет равных. Даже близко нет. Все остальные в сравнении с вашей красотой — просто старые облупленные мячики.

— Ну, — смягчилась Аделина, — может, я и недурна собой.

— Недурна? Сказать, что вы недурны собой — все равно что назвать Тадж Махал милой могилкой.

— В любом случае, речь не об этом. Я хочу сказать, что если выйду за ничтожество, то и сама буду ничтожеством, а по мне это хуже смерти.

— А почему же это исключает меня?

— Ну сами посудите, мистер Бэнкс, сделали ли вы в своей жизни что-нибудь стоящее? И сделаете ли?

Катберт задумался.

— Действительно, — сказал он, — в этом году мне не повезло ни с профи, ни с любителями, зато в прошлом году я победил во Франции.

— В чем победили?

— В открытом чемпионате Франции по гольфу.

— По гольфу! Вы все свое время тратите на гольф. Я предпочитаю людей интеллектуальных, глубоко духовных.

Ревность вскипела в груди Катберта.

— Вроде этого — как его там — Дивайна?

— Мистер Дивайн, — зарделась Аделина, — станет великим человеком. Он уже столького достиг. Критики говорят, что он самый русский из всех молодых английских писателей.

— А это хорошо?

— Еще бы!

— Странно. Я думал, штука в том, чтоб стать самым английским из всех молодых английских писателей.

— Вздор! Кому нужны английские писатели в Англии? Здесь непременно надо быть русским или испанским. На мистера Дивайна снизошел великий русский дух.

— Из того, что я слышал об этих русских, не хотел бы я, чтоб на меня такое снизошло.

— Не бойтесь, вам это не грозит, — фыркнула Аделина.

— Ах так? Позвольте заметить, что вы меня сильно недооцениваете.

— Вполне возможно.

— Вы думаете, я духовно неразвит? — обиженно проговорил Катберт. — Так знайте, завтра же я присоединяюсь к вашему литературному обществу.

Выпалив эти слова, он обозвал себя олухом и чуть было не добавил пинка под зад, но смягчился, увидев обрадованное лицо Аделины, и по дороге домой даже решил, что в обществе ему понравится. Только холодным хмурым утром он понял, во что ввязался.

Не знаю, доводилось ли вам бывать в деревенских литературных обществах, но смею вас заверить, что под бдительным оком миссис Уиллоби Сметерст произрастало нечто особенное. Сил моих не хватит передать, что выпало на долю Джей Катберта Бэнкса в последовавшие недели, но даже если бы я мог, не думаю, что стоило бы это делать. Оно конечно, трагедия, как говаривал Аристотель, должна вызывать сострадание и страх — но всему же есть предел. В античных театрах существовало незыблемое правило: кровь не должна проливаться на сцене — и я последую мудрому совету древних. Достаточно сказать, что моему герою пришлось несладко. После одиннадцати дискуссий и четырнадцати лекций о свободном стихосложении во Франции, об эссеистах XVII века в Англии, о неоскандинавском течении в Португалии и еще о многом другом он так ослабел, что в те редкие мгновения, когда удавалось взять в руки клюшку, мяч без полного размаха не пролетал и двадцати ярдов.

Но не только гнетущая атмосфера лекций и дебатов высасывала из него жизненные силы: стократ мучительнее было видеть, с каким обожанием относилась Аделина к Рэймонду Парслоу Дивайну. Этот господин явно оставил неизгладимый след в ее девичьем сознании. Когда он говорил, она подавалась вперед и слушала, открыв рот. Когда он не говорил — что случалось гораздо реже, — она отклонялась назад и молча созерцала его. А если ему доводилось сесть рядом с ней, она поворачивалась и пожирала его глазами. Катберту хватило бы мимолетного взгляда на мистера Дивайна, но Аделина не уставала им любоваться. Она смотрела на него с жадностью маленькой девочки перед полным блюдцем мороженого. И все это на глазах у Катберта, которому приходилось постоянно быть начеку, чтобы вовремя нырнуть и затеряться в толпе, если вдруг кто-нибудь захочет узнать его мнение о суровом реализме Владимира Брусилова. Стоит ли удивляться, что юноша потерял сон и долгими ночами беспокойно ворочался в постели, хватаясь за одеяло,

и что портному пришлось на три дюйма подтянуть внезапно повисшие на нем жилеты?

Упомянутый мной Владимир Брусилов был знаменитым русским писателем, чьи книги — вероятно, потому, что автор разъезжал в турне по Англии, — достигли вершины популярности. Литературное общество Зеленых Холмов неделями разбирало его произведения, и Катберт уже всерьез намеревался выбросить белый флаг. Владимиру особенно хорошо давались мрачные зарисовки беспросветной тоски, где до триста восьмидесятой страницы ничего не происходило, а потом русский мужик решал наложить на себя руки. Неслабая нагрузка для человека, чьим самым серьезным чтением до сей поры была вардоновская монография[32] о прямых ударах, и терпение, с которыми Катберт переносил эти романы, лишний раз говорит о чудесах любви. Но напряжение было ужасным, и, думаю, юноша сдался бы, не заглядывай он в газеты, где писали, какая безжалостная резня разворачивается в России. Катберт был в душе оптимистом и потому решил, что с той скоростью, с какой население этой странной страны убивает друг друга, запасы русских писателей должны в конце концов иссякнуть.

Как-то утром, бредя вниз по дорожке во время короткой прогулки — единственного упражнения, на которое он еще был способен, — Катберт увидел Аделину. Боль пронзила его тело, когда в ее спутнике он признал Рэймонда Парслоу Дивайна.

— Доброе утро, мистер Бэнкс, — сказала Аделина.

— Доброе утро, — глухо ответил Катберт.

— Слышали новость о Владимире Брусилове?

— Умер? — с надеждой спросил Катберт.

— Умер? Что за вздор! С чего бы ему умирать? Нет, вчера после брусиловской лекции в Квинс-холле тетя встретилась с его менеджером, и тот пообещал, что в следующую среду мистер Брусилов будет на нашем приеме.

— А, вот оно что, — вяло сказал Катберт.

— Не знаю, как ей это удалось. Думаю, она упомянула, что там будет мистер Дивайн.

— Но говорили ведь, что он и так приезжает, — попытался возразить Катберт.

— Я буду очень рад, — заявил Рэймонд Дивайн, — возможности увидеть Брусилова.

— Наверняка Брусилов также рад возможности увидеть вас, — подхватила Аделина.

— Возможно, — согласился мистер Дивайн. — Возможно. Искушенные критики считают, что мои работы сродни творениям русских мастеров.

— У вас такие глубокие персонажи.

— Да-да.

— И атмосфера…

— Весьма.

Исполненный душевными муками, Катберт собрался покинуть воркующих голубков. Мир для него почернел, птицы перестали чирикать. Русский мужик с триста восьмидесятой страницы, и тот нашел бы больше радости в жизни.

— Вы ведь придете, мистер Бэнкс? — спросила Аделина, когда он повернулся.

— А? Да, хорошо, — сказал Катберт.

В следующую среду Катберт вошел в гостиную миссис Сметерст и занял свое обычное место в дальнем углу, откуда, слившись со стенами, можно было в свое удовольствие смотреть на Аделину. Его взору предстал великий русский мыслитель, окруженный толпой поклонниц. Рэймонд Парслоу Дивайн еще не появлялся.

Вид у мыслителя был необычный. Владимир Брусилов — несомненно из лучших побуждений — позволил своему лицу полностью скрыться за колючей растительностью, но из-под нее проглядывали глаза испуганной кошки, которую на незнакомом дворе прижала к забору ватага мальчишек. Писатель выглядел брошенным и обреченным, и причину тому Катберт приписал страшным известиям с родины.

Но Катберт ошибался. В последнее время новости из России были для Владимира Брусилова особенно радостными. Трое из его главных кредиторов пали от рук пролетариата, а богач, которому он вот уж пять лет как был должен за самовар и пару галош, сбежал из страны и больше не давал о себе знать. Нет, не дурные вести из дома тяготили Владимира. Беда была в том, что из посещенных им по приезде в Англию деревенских литературных обществ это было по счету восемьдесят первым, и от них уже с души воротило. Когда ему предложили отправиться в литературное турне, он не глядя подписал все бумаги: в пересчете на рубли предложенный гонорар казался очень привлекательным. Но сейчас, вглядываясь сквозь космы в лица сгрудившихся вокруг него дам и зная, что чуть ли не каждая держит при себе собственные рукописи и ждет, когда можно будет выхватить их и приступить к чтению, он мечтал вновь оказаться в своем тихом доме в Нижнем Новгороде, где хуже чем шальная

бомба в утреннем омлете случиться ничего не может.

Его раздумья прервал вид приближающейся хозяйки, которая держала под руку худосочного юношу в роговых очках. Выглядела миссис Сметерст так, словно вела на ринг соискателя чемпионского титула.

— Пожалуйста, мистер Брусилов, — сказала она. — Я с огромным удовольствием хочу представить вам Рэймонда Парслоу Дивайна, нашего талантливого молодого писателя, с чьими работами вы наверняка знакомы.

Достопочтенный гость с опаской поглядел из-под нависших бровей, но промолчал. Про себя он думал, как похож этот Дивайн на восемьдесят предыдущих молодых деревенских писателей. Рэймонд Парслоу Дивайн учтиво поклонился, в то время как Катберт сверкал глазами из своего угла.

— Критики, — произнес мистер Дивайн, — великодушно сочли, что в моих скромных трудах есть изрядная доля русского духа. Я многим обязан вашей великой стране. Особенно писателю Советскому, он сильно повлиял на мое творчество.

В чаще что-то зашевелилось; это раскрылся писательский рот. Владимир Брусилов не привык много говорить, особенно на иностранном языке, и каждое слово будто извлекала на свет сложнейшая горнодобывающая машина. Он смерил мистера Дивайна ледяным взглядом и отпустил три слова:

— Советский не хорошо.

Машина на мгновение замерла, потом заработала вновь и выдала на гора еще четыре слова:

— Плевать мне от Советский.

Настала тягостная минута. Судьба кумира привлекательна, но уж больно суетна: сегодня тебя любят, а завтра и помнить перестали. До сей поры акции Рэймонда Парслоу Дивайна котировались в интеллектуальных кругах Зеленых Холмов значительно выше номинала, но теперь спрос на них резко упал. Только что Дивайна уважали за влияние Советского, но, выходит, Советский — нехорошо. Советский, прямо скажем, — скверно. Пусть за любовь к Советскому вас не посадят в тюрьму, но ведь есть еще и нравственный закон, а его Рэймонд Дивайн явно преступил. Женщины отодвинулись от него, приподняв юбки. Мужчины обратили на него осуждающий взгляд. Аделина Сметерст вздрогнула и выронила чашку. А Катберт, зажатый в углу как сардина в банке, впервые за долгое время увидел проблески света.

Несмотря на глубокое потрясение, Рэймонд Парслоу Дивайн попытался восстановить утраченный авторитет.

— Я хотел сказать, что когда-то попал под влияние Советского.

Молодому писателю так легко ошибиться. Но я давно уж перерос этот этап. Фальшивый блеск романов Советского больше не ослепляет меня. Теперь я всей душой принадлежу к школе Настикова.

Это возымело эффект. Слушатели понимающе закивали. Ну не посадишь же, в самом деле, мудрую голову на молодые плечи — так стоит ли строго судить давние ошибки тех, кто наконец прозрел?

— Настиков не хорошо, — холодно произнес Владимир Брусилов. Он остановился и прислушался к работавшей в недрах машине. — Настиков хуже Советский.

Снова пауза.

— Плевать мне от Настиков.

В этот раз сомнений не было. Привилегированные акции Рэймонда Парслоу Дивайна рухнули в бездонную пропасть. Всей честной компании стало ясно, какую змею они пригрели на груди. Тот, чьи слова принимали за правду и кого доверчиво почитали, все это время, оказывается, принадлежал к школе Настикова. Вот и верь после этого людям! Гости миссис Сметерст были воспитанными, поэтому громкого протеста не последовало, но на их лицах читалось отвращение. От Дивайна поспешили отодвинуться дальше. Миссис Сметерст строго поднесла к глазам лорнет. Послышался злой шепот, а в конце комнаты кто-то шумно открыл окно.

Какое-то время Рэймонд Дивайн силился заговорить, потом осознал свое положение, повернулся и проскользнул к выходу. Когда дверь за ним закрылась, гости облегченно вздохнули.

Владимир Брусилов перешел к подведению итогов.

— Все писатели не хорошо, кроме как я. Советский — э! Настиков — у! Плевать мне от них всех! Никто писатели не хорошо, кроме как я. Вудхауз и Толстой — неплохо. Не хорошо, но и не плохо. Никто не хорошо, кроме как я!

Вынеся этот вердикт, он схватил кусок пирога, протолкнул его сквозь заросли и начал жевать.

Я покривил бы душой, если б сказал, что воцарилась гробовая тишина. Там, где Владимир Брусилов уплетает пирог, гробовой тишины быть не может. Но разговор, как вы сами понимаете, притих. Никому не хотелось первому открывать рот. Ценители прекрасного испуганно переглядывались. Что до Катберта, то он смотрел на Аделину. Аделина же смотрела в никуда. Бедняжке изрядно досталось. Ее глаза испуганно хлопали, щеки пылали, а грудь часто вздымалась.

Мысли вихрем кружились в голове Аделины. Весело шагая по зеленой тропинке, она едва остановилась на краю бездны. Не стоит отрицать, что

Рэймонд Парслоу Дивайн привлекал ее безмерно. Но внезапно кумир, в которого она успела влюбиться, оказался истуканом на глиняных ногах. Уж так устроен свет: поклонники, души не чающие в знаменитости, не колеблясь бросают ее, встретив знаменитость покрупнее. Рассуждать на эту тему можно долго — да жаль терять время. Скажем только, что лик Рэймонда Дивайна померк для Аделины навсегда, и ее единственной четкой мыслью было добраться до своей комнаты, сжечь три подписанные фотографии писателя, а как придет посыльный от бакалейщика — сбагрить ему все дивайновские книги.

Миссис Сметерст тем временем пыталась возродить пир чистого ума, полет души.

— Как вы находите Англию, мистер Брусилов? — спросила она.

Знаменитость замешкалась с ответом, уписывая очередной кусок пирога.

— Неплох, — наконец великодушно ответил он.

— Полагаю, вы успели объехать всю страну.

— Ага, — подтвердил философ.

— И, наверное, встречались с нашими выдающимися соотечественниками.

— Да-да, много джентльмен, Ллойда Джордж — но… — печаль легла на заросшее лицо, а в голосе послышались плаксивые нотки, — но я не встречал самый лучший англичан. Где Арбмичел, где Арривадон? Я их не видел, грустно. А вы?

На лице миссис Сметерст, равно как и ее гостей, отразилось отчаянное усилие. Звезда русской литературы подбросил им два совершенно новых имени, и их невежество вот-вот могло раскрыться. Что подумает о них Владимир Брусилов? Судьба литературного общества Зеленых Холмов висела на волоске. В немом страдании миссис Сметерст обвела комнату взглядом, надеясь на чью-то помощь. Все без толку.

Но вдруг из дальнего угла послышалось тихое покашливание, и гости увидели, что Катберт Бэнкс, до этого со скуки вращавший правую стопу вокруг левой лодыжки, а левую — вокруг правой, выпрямился и приобрел почти разумный вид.

— Эээ… — начал Катберт и густо покраснел, когда все уставились на него. — По-моему, он говорит об Эйбе Митчелле[33] и Гарри Вардоне.

— Эйбе Митчелле и Гарри Вардоне? — тупо повторила миссис Сметерст. — Я никогда не…

— Да! Да! Они! Точно! — обрадованно закричал Владимир Брусилов. — Арбмичел и Арривадон. Вы их знаете? А? Э?

— Мне часто доводилось играть с Эйбом Митчелом, а в паре с Гарри Вардоном мы выиграли прошлогодний открытый чемпионат.

От вопля русского мыслителя задрожали стекла.

— Открытый чемпионат? Почему, — укоризненно обратился он к миссис Сметерст, — меня не представьтили этому юноше, который играет в открытых чемпионатах?

— Ну, понимаете, мистер Брусилов, — замялась миссис Сметерст, — все дело в том, что…

Здесь она остановилась. Да и как ей было объяснить, никого при этом не обидев, что Катберт ей всегда казался не более чем дыркой в сыре.

— Представьтесь меня, — потребовала знаменитость.

— Да-да, конечно, сейчас. Это мистер… Она умоляюще посмотрела на Катберта.

— Бэнкс, — поспешил добавить тот.

— Бэнкс?! — вскричал Владимир Брусилов. — Сам Котобут Бэнкс?

— Ваше имя случайно не Котобут? — слабым голосом спросила миссис Сметерст.

— Ну, вообще-то Катберт.

— Да! Да! Котобут! — буйный новгородец с плеском нырнул в толпу и быстро поплыл к Катберту. Добравшись до него, он замер, восторженно разглядывая его, а потом молнией нагнулся и расцеловал застигнутого врасплох юношу в обе щеки.

— Дорогой вы мой! Я видел, как вы победили в чемпионате Франции. Блеск! Шик! Класс! Так всем и передать! Позвольте мне, всего лишь восемнадцатому в Новгороде, сделать вам низкий поклон.

И он снова расцеловал Катберта. Затем, распихав кучку интеллектуалов, он пододвинул к нему стул и сел.

— Вы великий человек, — заявил он.

— Ну что вы… — скромно ответил Катберт.

— Да! Великий! Самый! Очень! Вы попадали в лунку отовсюду.

— Ну, это пустяки…

Владимир Брусилов пододвинулся ближе.

— Я вам сейчас расскажу смешно. Мы в Нижнем играли как-то в паре против Ленина с Троцким. Мяч в двух дюймах от лунки, бить Троцкому. Но когда он замахнулся, кто-то из толпы попытался застрелить Ленина из револьвера — это у нас народная забава, стрелять в Ленина из револьверов — и от выстрела мяч улетает на пять ярдов от лунки. Настал черед Ленина — но он напуган, сами понимаете — и он тоже мажет. После чего мы забиваем мяч, выигрываем партию и получаем триста девяноста шесть

тысяч рублей, или, по-вашему, пятнадцать шиллингов. Вот это была игра! А вот еще одно смешно…

Комната постепенно заполнилась приглушенными голосами: не желая признать, что они так же не вписываются в это воссоединение двух родственных душ, как бродячие кошки в собачью выставку, интеллектуалы Зеленых Холмов пытались чем-нибудь себя развлечь. Время от времени они вздрагивали от раскатов писательского хохота. Может, от радости Брусилова им хоть чуть-чуть было легче.

Что до Аделины — то как мне описать ее чувства? Она была в полной растерянности. На ее глазах камень, отвергнутый строителями, сделался главой угла; темная лошадка на круг обскакала фаворита скачек. Нежность к Катберту Бэнксу заполнила ее сердце. Она поняла, что кругом неправа. Катберт, к которому она всегда относилась со снисходительным покровительством, оказался на деле героем, достойным поклонения. Глубокий вздох сотряс воздушную фигуру.

Через полчаса Владимир и Катберт собрались уходить.

— До свидания, миссис Самотрест, — сказал светило. — Спасибо за отменный прием. Я с другом Котобутом пойдем сыграем партию. Вы одолжите мне клюшки, друг Котобут?

— Какие пожелаете.

— Я обычно играю нибликом. До свидания, миссис Самотрест.

На пути к двери Катберт почувствовал легкое прикосновение руки. Аделина нежно заглядывала ему в глаза.

— Можно и мне с вами? — спросила она. У Катберта перехватило дыхание.

— Да я, — дрожащим голосом сказал он, — готов всю жизнь прошагать с вами рядом.

Их глаза встретились.

— Думаю, — мягко прошептала она, — это можно устроить.

*

Как видите, заключил старейшина, гольф может стать сильнейшим подспорьем в борьбе за существование. Рэймонд Парслоу Дивайн был никудышный игрок. Он тотчас покинул Зеленые Холмы и сейчас сидит, небось, где-то в Калифорнии и пишет сценарии для тамошних киношников. Аделина теперь миссис Бэнкс, и Катберту стоило немалых усилий отговорить ее от того, чтобы назвать их первенца Эйбом Митчелом

Мэши Бэнксом, ибо она теперь такая же страстная поклонница великой игры, как и ее муж. Все их знакомые говорят, что союз их настолько крепок, настолько…

*

Старик не договорил. Юноша сорвался с места и стремглав выбежал в дверь. Было слышно, как он громко требует обратно клюшки.

ИГРУШКИ РОКА

Пришла пора покурить, и несколько трутней собрались на этот предмет в курилке клуба. Накануне они развлекались, и сейчас их манило мирное, даже отупелое молчанье. Однако в конце концов его нарушил Трутень, сообщивший:

— Фредди вернулся.

Собравшиеся откликнулись не сразу. Другой Трутень спросил:

— Какой Фредди?

— Виджен.

— Куда ж он вернулся?

— Сюда.

— То есть, откуда?

— Из Нью-Йорка

— Чего его туда понесло?

— Это я могу рассказать, — отвечал Первый Трутень, — а также почему он там не остался.

Второй трутень подумал.

— Что-то в этом есть, — признал он. — А как он вообще?

— Неважно. Утратил любимую девушку.

— Хотел бы я получать по фунту за каждую девушку, которую он утратил, — вдумчиво сказал еще один Трутень. — Тогда бы мне не пришлось занимать у тебя пятерку.

— А ты и не занимаешь, — ответил Трутень-1. Трутень-2 нахмурился. Голова у него болела, разговор ей мешал.

— Как же он, это, утратил?

— Из-за чемодана.

— Какого?

— Того, который он поднес другой девушке.

— Какой еще девушке?

— Той, которой он поднес чемодан. Трутень-2 совсем приуныл.

— Сложновато, а? — заметил он. — Стоит ли рассказывать это другу, который немного перепил?

— Стоит, — заверил Первый Трутень. — Все очень просто. Я, например, сразу понял. Фредди считает, равно как и я, что мы — игрушки рока, если ты меня понимаешь. Ты тут планируешь, прикидываешь, предполагаешь — а зачем? Судьба свое возьмет. Думал — то-то и то-то

ведет к тому-то, а оно ведет совсем к другому.

Тут бледный Трутень с кругами, вроде панды, только темными, встал и попросил прощения, сообщив, что идет за угол, в аптеку, за соответствующим средством.

— Если бы Фредди, — продолжал рассказчик, — не понес этот чемодан, сейчас он шел бы к алтарю с Мэвис Пизмарч и гарденией в петлице.

Другой Трутень с этим не согласился.

— Старый Боддерс, то есть пятый граф Бодшемский, в жизни бы такого не допустил. Фредди для него — легкомысленный попрыгунчик. Не знаю, встречались ли вы с графом, а я у него как-то гостил, и за одно воскресенье нас дважды возили в церковь, не щадя ни женщин, ни стариков. Мало того, в понедельник, ровно в восемь — в восемь, вы подумайте! — все семья читала молитвы в столовой. Вот вам Боддерс как вылитый. Фредди всем хорош, но он бы выбыл на старте.

— Напротив, — мягко возразил рассказчик, — проверку он прошел на все сто.

— А что, Боддерс и Мэвис плыли на том же пароходе?

— Конечно. С начала до конца.

— И Боддерс одобрил Фредди?

— Мягко сказано! Он бы не мог его больше одобрить, будь Фредди англиканским конгрессом. Вы не учитываете, что старик круглый год живет в деревне и знает о Фредди одно: один его дядя, лорд Блистер, учился с ним в школе, а другой давно стал епископом. Проведя между дядями линию, он был вполне доволен.

Трутень дрогнул, но все же спросил для порядка:

— А что же Мэвис?

— В каком смысле?

— Я ее видел в поместье и, поверьте, не заметил особой удали. Между нами говоря, она играет на органе и оделяет супом достойных бедняков.

У Трутня был ответ и на это.

— Она тоже ничего не знала о Фредди. Ей понравилась мягкость его манер, и она решила, что у него есть духовное начало. Словом, все шло как нельзя лучше. При помощи штиля и луны Фредди объяснился на четвертый день, в 10.45 по вечернему времени. Наутро он сказал Бодшему, что теперь, на склоне лет, тот обзавелся сыном. Старикан, в полном восторге, назвал Фредди почтенным, добродетельным юношей, и в Нью-Йорк они прибыли счастливой, дружной семьей.

В Нью-Йорке обнаружился один недостаток — видимо, далеко не

всем так везло в любви. Фредди хотелось, чтобы там и сям цвели улыбки, но впечатление было такое, что буквально каждый с минуты на минуту зарежет жену и, зашив в мешок, бросит в болото. Правда, некоторые скорее собирались нанять сыщиков, чтобы не прогадать с уликами.

К примеру, он опечалился, когда открыл журнал, чтобы полюбоваться за яичницей с беконом фотографией Мэй Эллы Макгиннис, но любоваться не смог, поскольку мистер Макгиннис закончил домашний спор при помощи топора.

Однако если вы — гость великой нации, приходится принимать и хорошее, и плохое. При всех супружеских неурядицах жизнь была прекрасна. Лично я обручен не был, ничего о семьях не знаю, но, по словам Фредди, чувство такое, словно ты сидишь на пухлом облаке, касаясь земли разве что случайно.

Почти все время он летал, словно птичка, но все же покидал иногда эфир, и в один их этих редких случаев прогуливался по 72-й улице.

Прямо перед ним шла девушка с огромным чемоданом.

Теперь слушайте внимательно. Рассказывая эту часть, Фредди очень волновался, и я, по совести, не нахожу ничего дурного в его поступках. Чист как слеза.

Припомним, что блаженство, предшествующее браку, наделяет нас особым, безупречным рыцарством. Во всяком случае, так говорит Фредди. Ходишь, совершенно как бойскаут, ищешь добрых дел. В тот день Фредди всучил деньги трем подозрительным субъектам, погладил по головке, четырех мальчиков и спросил каждого, не хочет ли он стать президентом. Улыбался он до боли в щеках. Словом, млеко милости распирало его, когда он увидел девушку, шатающуюся под тяжестью чемодана.

Если бы она была хороша, он бы как-то удержался. Верность невесте велела исключить красавиц из числа несчастных. На них он смотрел сухо, да и вообще не смотрел. Что-то подсказывало ему, что Мэвис это больше понравится.

Однако чемоданная девица красоткой не была. Мало того, она была уродкой. Судя по виду, мозговитый магнат выбрал секретаршей именно ее, чтобы угодить супруге. Тем самым, Фредди не колебался. У девушки должна была вот-вот сломаться спина, а голос невесты шептал: «Ну, что же ты!»

Он ринулся вперед, словно воспитанный мустанг.

— Простите, — сказал он. — Не мог бы я помочь вам с этой штукой?

Девушка взглянула на него сквозь очки и, возможно, подумала, что он достоин доверия. Во всяком случае, чемодан она дала.

— Куда несем? — осведомился Фредди.

Девица сообщила, что живет она на 69-й улице, Фредди одобрительно крякнул, и они пошли, а там пришли к дому, в котором на 4-м этаже, в кв. 4В, обитала страдалица.

Вы скажете, что, доставив девушке чемодан, надо бы промолвить «пип-пип!» и убраться восвояси. По-видимому, вы правы, но приглядимся к фактам. Этаж, как мы знаем, четвертый. Лифта нет. Жара. А в чемодане, судя по весу, стальные болванки.

Словом, к концу пути Фредди устал, а потому не попрощался, но рухнул в кресло.

Девица тем временем благодушно болтала. Если Фредди не спутал, звали ее Майра Дженнингс, служила она в конторе, занимавшейся импортом натурального шелка, а сейчас вернулась из отпуска. Фотография на стене являла ее мать, обитавшую в штате Коннектикут. Подруга, с которой она (девица, а не мать) снимала вместе квартиру, еще отдыхала. Ну, и прочее, в таком роде. Милая домашняя болтовня.

Только девица перешла к тому, что совершенно обожает Рональда Кольмана, но все же Уильям Пауэлл совсем неплох, в квартиру ворвались, что характерно для Нью-Йорка. Если вы там живете, вы и не заметите. Взглянете через плечо, бросите: «Ну, что это?» и будете дальше ловить Лос-Анджелес.

Однако Фредди с непривычки немного заволновался. Судите сами: сидишь, слушаешь, а тут выламывают дверь и появляется солидный субъект, с усами и в котелке, а за ним маячат еще два субъекта, тоже не маленьких.

— Тэ-эк! — говорит субъект с большим чувством. Фредди испугался. Он решил, что перед ним — бандиты.

— Сдается мне, — продолжил субъект, — дело ясно. Двое-на-площадке кивнули.

— Ну! — сказал один.

— Яснее некуда, — поддержал другой.

— Мдэ, — резюмировал первый субъект. — Именно. Яснее *некуда.*

Мисс Дженнингс, сметавшая пыль с материнской фотографии, наконец их заметила и сказала:

— Что вы имеете в виду?

Субъект закурил сигару, его сподвижники — тоже.

— Ну-ну, миссис Сильвер! — промолвил он. — Все в порядке.

— А то! — подхватили сподвижники.

— Ребята, — обратился к ним субъект, — вы свидетели.

— А то! — подтвердили они.

— Так, значит, и скажете, что застали миссис Сильвер наедине с этим рылом.

— А то!

— Порядок, — подытожил субъект. — Чего ему еще, супругу? Тут Фредди с болезненным чувством понял, что это не бандиты, а сыщики. Мог бы, в конце концов, опознать по котелкам! С толку его сбило то, что они не курили. Как только закурили, все стало ясно.

Он охнул. Нет, он даже вскрикнул, понимая, куда завело его неуместное рыцарство. Прямо скажем, попал в переплет. С самыми лучшими намерениями — оказался одним из этих самых развратников!

Девушка, однако, не робела. Вскинув голову, расправив плечи, твердо стоя на полу, она смотрела сквозь очки на сыщиков.

— А не скажете ли, шутки ради, — спросила она, — где мы сейчас находимся?

— То есть как это — где? — взревел субъект. — В квартире 4А. У миссис Сильвер. Я — из агентства NN. Нанят вашим супругом. Ну, как, сойдет за шутку?

— Еще бы, — отвечала девушка. — Я не миссис Сильвер. Я вообще не замужем. А это — квартира 4В.

Субъект дернулся, напомнив Фредди лорда Блистера, когда тот съел тухлую устрицу.

— Не может быть! — выговорил он.

— Вот именно, — согласилась девица.

— Не туда попали?

— То-то и оно. Воцарилось недолгое молчание.

— Ясно, — сказал вспомогательный субъект, отличавшийся сметливостью. — Мы попали в другую квартиру.

Третий с ним согласился.

Вели они себя неплохо. Котелков они не сняли, сигар не бросили, но заплатили за дверь. И ушли, причитая, что это их первая ошибка за два десятка нет.

Сердечно посмеявшись с девицей над этим эпизодом, Фредди схватил такси и поехал на 46-ю улицу, поскольку сговорился с графом и Мэвис встретиться в Ритц-Карлтон, и немного запаздывал. По пути он хихикал, предвкушая, как повеселит их своей историей. Да уж, на сей раз они засмеются.

Дело в том, что Мэвис и ее папаша не слишком баловали вниманием его рассказы. Как вам известно, при нужных условиях, он — душа

общества. Сбейте два-три добрых коктейля, наведите на занятную тему, и ему цены не будет. А вот если этого нет, он скован, особенно — с Бодшемом.

Никто не любит, чтобы будущий тесть считал тебя слабоумным и глухонемым, а потому Фредди радовался предстоящей возможности.

И впрямь, старый граф будет икать и плакать от смеха, равно как и его дочь.

— Великолепно! Великолепно! А, Ван Спрунт! Прошу, мой будущий зять, Фредерик Виджен. Весьма занятный юноша. Вот послушайте, как сыщики вломились не в ту квартиру. Лопнете, честное слово! Замечательный юноша.

Ну, и прочее, в таком духе. Что? Это я говорю, что думал Фредди.

Рассказать свою историю за дыней он не смог, поскольку Бодшем безостановочно бранил социалистов, нападающих на Палату лордов. Когда подали котлеты с пюре, Мэвис поделилась мыслями о Душе Америки. Словом, до самого кофе случая не представилось.

— Э-э… — начал Фредди, уловив секунду молчания, — сегодня со мной случилась очень смешная штука. Я бы сказал, бесподобная. Рекомендую распустить пояса.

Беспечно закурив сигарету, он приступил к рассказу. Говорил он хорошо. Поверяя прошлое, сказал он мне, он не вспомнил лучшего повествованья. Суровые лица слушателей только раззадоривали его. Ему нравилась сдержанность. Действительно, такую историю нельзя портить хихиканьем. Надо терпеливо ждать, пока грохнет смех.

И вдруг, непонятно когда, он заметил какие-то неполадки, что-то такое в атмосфере. Сами знаете, что бывает, если шутка не дошла. Бодшем смахивал на треску, затаившую дурные мысли, Мэвис смотрела как-то странно.

Он кончил. Все молчали. Мэвис посмотрела на Бодшема, Бодшем — на Мэвис.

— Я не совсем поняла, — сказала дочь графа. — Ты не был знаком с этой особой?

— Конечно, не был, — ответил Фредди.

— Вот как?

— Я ее пожалел.

— Во-от как?

— Просто сердце кровью обливалось.

— Во-от ка-ак?

Старый Бодшем с присвистом вздохнул.

— Разрешите спросить, — осведомился он, — часто ли вы — э — пристаете на улице к особам противоположного пола?

— Подумай о том, отец, — сказала Мэвис голосом, который одним своим звуком погнал бы эскимоса к печке, — что эта особа, вероятно, очень красива. Здесь много смазливых лиц. Тогда тебе будет легче понять Фредерика.

— Она уродка! — взвыл Фредди. — Чучело!

— Во-о-от как?

— В очках, колченогая…….

— Во-от?

— А я думал, — обиделся Фредди, — что вы оцените мою галантность.

— М-да?

Все помолчали.

— Мне пора, отец, — сказала Мэвис — Надо кое-что купить.

— Пойти с тобой? — спросил Фредди.

— Я бы хотела побыть одна.

— Пора и мне, — сказал Бодшем. — Надо подумать.

— Подумать? — повторил Фредди.

— Именно. И очень серьезно. Да. Серьезно.

— А Фредерик докурит сигарету, — сказала Мэвис.

— Да, — согласился ее отец. — Докурит.

— Минутку! — заблеял Фредди. — Честное слово, она похожа на пугало с миннесотских полей.

— Вот как? — спросила Мэвис.

— Да ну? — спросил граф.

— Пошли, отец, — подвела итог бывшая невеста. А Фредди остался один, достаточно печальный.

Стояло солнечное утро, когда Фредди сел в такси у отеля и поехал от центра к дальним улицам. На 69-й он взял себя в руки и начал нелегкое восхождение. Довольно скоро он позвонил в квартиру 4В.

Ответа не было. Он позвонил снова, потом постучался. Мало того, он ударил в дверь ногой. Никто не откликался и, рано или поздно, он решил, что Майры нету.

Этого он не предвидел и прислонился к стене, обдумывая, что делать, но тут открылась другая дверь и показалась женщина.

— Здрасьте, — сказала она.

— Здрасьте, — сказал Фредди.

Судя по его словам, говорил он неуверенно, определив сразу, что Мэвис эту женщину бы не одобрила. Другая порода. Глаза голубые, без очков. Зубы белые, ровные. Волосы — золотые.

Видимо, вставала она поздно — к половине четвертого успела надеть только халатик и домашние туфельки. Халатик, заметим, светло розовый, был всплошную покрыт какими-то птицами. Фредди решил, что это попугаи-неразлучники. Согласитесь, что жениху, повздорившему с невестой, не стоит общаться с золотоволосыми особами в розовых халатиках, усеянными ярко-голубыми птицами.

Однако вежливость есть вежливость. Поэтому, сказав «Здрасьте», Фредди улыбнулся сдержанной джентльменской улыбкой.

Он уверяет, что именно так улыбался преподаватель библейской истории престарелой тетушке лучшего ученика; но даму в халатике это подвигло к беседе.

— Нужен кто? — спросила она.

— Вообще-то да, — признался Фредди. — Вы мне не скажете, где мисс Дженнингс?

— Кто-кто?

— Дженнингс.

— Как это?

— Дже-нин-гс.

— А по буквам?

— Да точно так же. Сперва «д», потом много «н» и «г».

— То есть мисс Дженнингс?

— Точно.

— Вот что, — честно сказала дама — Я ее в жизни не видела. И не слышала. Знать ее не знаю. Она для меня — тьфу! И вот еще что. Я полчаса ломаю спину, пытаюсь открыть окно. Ничего не выходит. Так-то, мой милый! Что посоветуете?

— Не открывать.

— Да ведь жарко!

— Это верно.

— Я просто задыхаюсь. Да. Задыхаюсь. Уф-фуф. Раньше Фредди ответил бы: «Вот как?» или «Желаю удачи», но если уж человек вступил на стезю рыцарства, обратного хода нет. Как говорится, вторая натура.

Поэтому он снова улыбнулся и спросил, чем может помочь.

— Ах, мне стыдно вас затруднять!

— Что вы, что вы!

— Это так неделикатно!

— Ни в малой мере, — заверил Фредди, преображаясь на глазах. — Рад служить.

И он пошел за ней в квартиру.

— Вот, — сказала особа. — Окно.

Фредди его осмотрел. Потом подергал. Оно стояло насмерть.

— Ну, что теперь за работа? — сурово заметила хозяйка. — Как завинтят, не отвинтить. А то распахнется, еще вывалишься.

— Такова жизнь, — сказал Фредди.

Несколько минут было слышно только его пыхтение.

— Ну, как? — спросила особа.

— Голова кружится, — сказал Фредди. — Наверное, давление повысилось.

— Я бы на вашем месте отдохнула. Какой-то вы красный.

— Мне жарко.

— Снимите пиджак.

— Спасибо.

— И воротничок.

— Мерси.

Ему стало получше. Стиснув зубы, он кинулся на окно.

— Выпейте, — предложила хозяйка.

Это ему понравилось. Он рухнул в кресло и вывалил язык. Вскоре в его руке засверкал пенящийся кубок.

— Это я из дому привезла, — сообщила хозяйка.

— Откуда?

— Из до-му.

— А разве тут не ваш дом?

— Сейчас — мой, но раньше я жила в Утике. Эту штуку сделал мистер Сильвер. Хоть раз в жизни сделал что-то путное!

Фредди задумался.

— Мистер Сильвер? Откуда я знаю это имя?

— Лучше бы я его не знала, — заметила хозяйка. — Ну, гад!

— Кто?

— Гад. Мистер Сильвер. Нет, дальше некуда! Жидкость, которую потреблял Фредди, затуманила его разум.

— Я не совсем понимаю, — сказал он. — Кто это, мистер Сильвер?

— Да Эд, мой муж. Ревни-ивый — у-ух!

— Что?

— У-ух.

— В каком смысле?

— Я ж вам говорю. Ну, я ему показала. Вы подумайте, циник! Идеалов нет.

— У кого?

— УСильвера.

— То есть у вашего мужа.

— Ну!

— А… — понял Фредди. — Ясно, ясно. По-видимому, мистер Сильвер изготовил чистый купорос, но как только ты попривыкнешь к тому, что макушка у тебя скачет, словно крышка кастрюли, он даже приятен. Быть может, у мистера С. нет идеалов, но он знал, что делать с перегонным кубом и картошкой.

— Он разбил мне сердце, — сказала хозяйка.

— Что?

— Сердце.

— Кто?

— Сильвер.

— Мистер Сильвер разбил вам сердце?

— Ну! Своими низкими подозрениями. Фредди был шокирован.

— Он вас подозревал?

— А то!

— Мистер Эд Сильвер?

— Он самый.

— Тут не обрадуешься.

— Золотые слова.

— Бедная вы, бедная, — сокрушился Фредди, и прибавил, — миссис Сильвер.

— Может, руку мне погладите?

— Поглажу, — согласился он и погладил.

Мало того, он сжал эту руку. Судя по его словам, он относился к ней, как брат — к несчастной сестре.

Тут дверь распахнулась, и ввалились тяжелые тела, все как одно — в котелках.

Фредди испытал странное чувство, словно все это уже видел. Врачи полагают, что дело — в полушариях мозга, которые не очень хорошо стыкуются. Словом, он испытал такое чувство. Быть может, он видел котелки в предыдущей инкарнации.

— А? — спросил он. — Что надо?

И тут мозги его прояснились, полушария встали на место, и он узнал субъекта, прервавшего его беседу с Майрой Дженнингс.

Правда, в тот раз главный субъект смутился. Он растерялся. Но сейчас глядел веселее, словно достиг цели.

— Порядок, ребята, — сказал он.

Остальные субъекты кивнули. Один из них заметил: «То-то и оно!», другой — «Чтоб мне лопнуть!».

Главный субъект пристально вглядывался в Фредди.

— А черт! — вскричал он. — Опять этот тип! Ребята, — почтительно сказал он, — взгляните на него. Глядите, глядите. Чемпион! Какой прыткий, а? Куда ни придешь, он тут. Даже без велика.

Фредди ощутил, что самая пора поставить субъектов на место.

— Разрешите объяснить… — начал он. Субъект нагло хмыкнул.

— Что, опять мы не в той квартире?

— И да, и нет, — ответил Фредди.

— То есть как? Это — 4А.

— Верно, — согласился Фредди. — Не спорю. *Это* — 4А. Но, слово джентльмена, с этой леди мы не… знакомы.

— Незнакомы?

— Ни в малейшей степени.

— Вот как? — сказал субъект. — Тогда что она делает у вас на коленях?

С немалым удивлением Фредди понял, что он прав. Когда она туда села, он сказать не мог, но догадался, что именно поэтому не мог величественно встать.

— Ах ты, Господи! — воскликнул он. — Вы правы.

— А то!

— Ай-я-яй! — заметил Фредди. — А-я-я-яй! Он был очень удивлен, в чем и признался.

Тут в беседу вступила хозяйка.

— Слушайте, — сказала она, — как Бог свят, я его в жизни не видела.

— Что же он у вас делал?

— Открывал окно.

— Оно закрыто.

— Знаю.

— Странно… — сказал субъект. — А, ребята?

— Ну! — сказал второй субъект.

— Ха! — сказал третий.

Первый сурово смотрел на миссис Сильвер.

— Стыдитесь! — сказал он. — Я потрясен. Да. По-тря-сен. И они тоже.

Теперь Фредди мог бы встать, и встал, и кинулся бы на субъекта, но тот по случайности был корпулентен.

— Вы оскорбляете даму! — сказал он.

— Э?

— Не кричите, — продолжил Фредди, высокомерно глядя на субъекта, — не финтите. Вы оскорбляете даму и, что хуже, в шляпе. Снимите ее!

Субъект смотрел на него. Видимо, он хотел сообщить, что сыщики шляп не снимают, но Фредди, на мой взгляд — зря, ловко дал ему в правый глаз.

После этого, по его словам, все пошло кувырком. Вроде бы поступил правильно, а глядь — ты в камере, и одно твое ухо обрело размеры некрупной цветной капусты. Прибавьте синяки под глазами и шум в голове.

Когда он вручил наутро клерку 50 долларов, вышел на улицу и купил газету, он увидел, что вчерашние события занимают полстраницы в том самом органе, который читает лорд Бодшем за кофе и яичницей.

Как видите, он до того растерялся, что забыл выдумать псевдоним. Мало того, он назвал свое второе имя, «Фотерингей»; но мы его не осудим.

Тем все и кончилось. Резонно или нет, Фредди решил не ждать реакции. Он отплыл вечером, не потрудившись узнать, что думают о происшествии Бодшем и Мэвис. Чуткий человек, этот Фредди. С него хватало догадок.

Теперь он здесь, в Англии, достаточно скорбный и суровый. Сегодня утром он говорил не очень приятные вещи о женщинах.

Мне известно, что уже в Саутхемтоне необычайно хорошенькая девушка уронила сумочку в воду. А Фредди сложил руки и мрачно уставился вдаль. По его словам, девы в беде должны искать других рыцарей, ибо с него хватит.

НЕПРИЯТНОСТИ В ТАДСЛИ

Три трутня ушли в курилку. Вскоре туда явился четвертый и предложил купить практически новый томик Теннисона. Судя по тону, он не очень надеялся на успех; и не ошибся. Трутни сказали: «Нет». Один из них даже сардонически хмыкнул.

Пришелец поспешил объясниться:

— Он не мой. Он Фредди Виджена. Старший из трутней был искренне шокирован.

— Фредди купил Теннисона?

Младший сказал, что это подтверждает его подозрения. Фредди спятил.

— Ничего подобного! — сказал Трутень-с-Теннисоном. — Мотивы у него безупречные. То был стратегический ход, на мой взгляд — очень тонкий. Он хотел улестить девушку.

— Какую?

— Эприл Кэрроуэй. Жила она в Вустере, в местечке под названием Тадсли. Фредди собирался ловить там рыбу. Уезжая из Лондона, он встретил дядю, лорда Блистера, который посоветовал ему непременно зайти в Тадсли-корт, где обитала его давняя приятельница леди Кэрроуэй. Так Фредди и сделал сразу по приезде и, проходя по саду, услышал девичий голос, такой мелодичный, что заглянул в беседку, откуда он доносился. Тут он покачнулся и чуть не упал.

По его словам, девица была совершенством. Он был потрясен; он бы и сам не выдумал такой красоты. Ему и в голову не приходило, что в этих местах живут столь прекрасные дамы. Мысли о рыбной ловле поблекли; он понял, что находиться надо в Тадсли-корте, словно фамильный призрак.

Немного придя в себя, он расслышал, что девица читает стихи небольшой суровой девочке с зелеными глазами и вздернутым носом. Естественно, ему захотелось узнать, что это за стихи. В ухаживании очень важно единство вкусов. Выясни, что любит *она* и — глянь! — в тебе видят родственную душу.

Тут ему повезло. Девушка замолчала, положила книжку в подол, переплетом кверху, и уставилась в сторону северо-северо-востока, как свойственно ее полу, когда он устал от чувств. Увидев название, Фредди кинулся на почту и послал в Лондон телеграмму, чтобы ему прислали собрание сочинений лорда Теннисона. По его словам, он испытывал

облегчение. Кто их знает, девушек! Могла она читать и Браунинга.

На следующий день, явившись в Тадсли-корт, Фредди зашел к леди Кэрроуэй и был представлен Эприл, ее дочери, а также зеленоглазой особе, которая оказалась младшей сестрой по имени Пруденс. Прекрасно. Однако не успел он бросить на Эприл пламенный взгляд, хозяйка произнесла что-то вроде «капитан Бредбери» и, как ни прискорбно, оказалось, что есть еще один гость. В кресле, с чашкой чая и крупным пончиком, сидел корпулентный субъект.

— Капитан служит в Индии, — пояснила леди Кэрроуэй. — Он в отпуске. Снял домик выше по реке.

— Да? — сказал Фредди, явно намекая на то, что это очень неприятно.

— Мистер Виджен, — сообщила хозяйка, — племянник моего старого друга, лорда Блистера.

— Да? — сказал и Бредбери, прикрывая зевок огромной ладонью. Становилось ясно, что дружба не заладилась. Капитан ощущал, что мир, достойный героев, не подходит для всяких Видженов; Фредди тоже не радовался загорелому усатому субъекту с глубоко посаженными глазами.

Однако он быстро оправился. Когда прибудет Теннисон, каждый займет свое место. Усы — еще не все, и загар — не все, не говоря о глубоко посаженных глазах. Для утонченной девушки главное дух, а за следующие дни Фредди ощутил, что этого духа в нем — на шестерых. Тем самым, он стал душой общества, и до такой степени, что вскоре капитан отвел его в сторону и посмотрел на него, как смотрел бы на афганца, который крадет полковые ружья. Только теперь оценил Фредди его размеры. Он и не знал, что наши воины так крупны.

— Скажите-ка, Приджен…

— Виджен, — поправил Фредди.

— Скажите, Виджен, вы тут надолго?

— О, да!

— Я бы вам не советовал.

— Не советовали?

— Ни в коей мере.

— Но мне нравится пейзаж.

— Без глаз все равно его не увидите.

— А куда они денутся?

— Да так, утратите…

— Почему это?

— Не знаю. Такое у меня чувство. Бывает, Пиджен, бывает. Ну,

пока, — и капитан вскочил в двухместную машину, как цирковой слон — на бочку. Фредди же пошел в «Голубого льва», где находилась его ставка.

Стоит ли отрицать, что эта недолгая беседа навела Фредди на размышления? Он размышлял в тот же вечер над бифштексом с картошкой, размышлял и ночью, хотя лучше бы спать. Когда утром принесли яйцо, бекон и кофе, он все еще не унялся.

Человек он чуткий, и заметил в словах капитана угрозу. Что же делать? Такого с ним еще не бывало. Влюблялся с первого взгляда он двадцать семь раз, но все шло обычно — несколько дней порхал вокруг барышни, а потом, устав от него или почему-либо обидевшись, она его отвергала. Но тут было иначе. Тут в игру вошел новый фактор, ревнивый соперник, и это Фредди не нравилось.

С появлением Теннисона он приободрился. Случилось это на следующее утро, и Фредди сразу отмахал две трети «Девы из Шалотта». Позже он пришел в Тадсли-корт, готовый к действиям. Представьте его удивление и радость, когда среди гостей не оказалось капитана Бредбери.

Иметь соперником военного вообще-то плохо, одно хорошо — эти военные иногда уезжают в Лондон, чтобы пообщаться с кем-нибудь из своего министерства. Капитан уехал в этот день, и это все изменило. Фредди с веселым спокойствием ел тосты. «Деву» он кончил и был набит ее строками по самые гланды. Оставалось ждать случая.

И он наступил. Леди Кэрроуэй, уходя писать письмо, спросила Эприл, не хочет ли та передать что-нибудь дяде Ланселоту.

— Передай привет, — сказала Эприл. — Надеюсь, ему нравится Борнмут.

Дверь закрылась. Фредди покашлял.

— Теперь он там? — спросил он.

— Простите?

— Как вы помните, он жил в Камелоте.

Эприл воззрилась на него, уронив от полноты чувств хлеб с маслом.

— Вы читали Теннисона, мистер Виджен?

— Я? — удивился Фредди. — Теннисона? Однако! Господи, я его знаю наизусть!

— И я! — оживилась девушка. — «Бей, бей, волна о хладный серый камень…»

— Вот именно. А возьмем «Деву из Шалотта».

— «Причастен правде тот, кто петь умеет»…

— Золотые слова. А вот «Дева…» Да, удивительно, что и вы его

любите.

— Он прекрасен!

— Мягко сказано! К примеру, в «Деве»…

— Как глупо, что над ним иногда смеются!

— Идиоты! Что им еще нужно?

Они восхищенно взглянули друг на друга.

— В жизни бы не подумала! — сказала Эприл.

— Почему же?

— Ну, вы такой, словно любите танцы, ночные клубы…

— Кто? Я? Клубы? О, Господи! Для меня нет большего блаженства, чем читать допоздна Теннисона.

— Вы любите «Локсли-холл»?

— Еще бы. И «Деву из Шалотта».

— А «Мод»?

— Нет слов. А вот «Дева»…

— Она вам нравится больше всего?

— О, да!

— И мне, конечно. Река всегда напоминает о ней.

— Вот именно! То-то я смотрю, что мне она напоминает. Кстати, не хотите завтра покататься на лодке?

— Завтра?..

— Найдем лодку, возьмем бутербродов с курицей… да, и с ветчиной…

— Понимаете, я обещала поехать завтра в Бирмингем. Капитан Бредбери хочет купить удочку. Может быть, в другой день?

— Прекрасно.

— И попозже.

— Великолепно. Зачем кататься утром? Лучше — в час, у моста. Дивно. Божественно. Полный блеск. Буду точно к часу.

Остаток дня Фредди провел в блаженстве, можно сказать — на небе. Но к ночи, попивая виски с содовой в «Голубом льве», он заметил, что на стол упала тень.

— Добрый вечер, — сказал капитан Бредбери.

Если верить Фредди, описать капитана могло бы только слово «зловещий». Брови его сомкнулись, подбородок увеличился на четыре дюйма, мускулы странно двигались, и в придачу слышался звук, напоминающий о вулкане. Так и казалось, что раскаленная лава вот-вот хлынет изо рта; и Фредди это не понравилось.

Однако он старался быть приветливым.

— А, Бредбери! — вскричал он с неестественным смехом. Правая бровь капитана настолько слилась с левой, что разнять их могла бы только машина.

— Насколько мне известно, — сказал он, — сегодня вы были в Тадсли-корте.

— Да-да! Очень вас не хватало, но вообще — приятно провели время.

— Так я и думал. Мисс Кэрроуэй сообщила, что вы пригласили ее на пикник.

— И верно. Пикник. Именно — пикник.

— Конечно, вы пошлете ей записку с отказом, поскольку вас срочно вызывают в Лондон.

— Не вызывают!

— Ну, отсылают. Лично я.

Фредди пытался встать выше оскорблений, что нелегко, когда ты сидишь.

— Я не понимаю вас, Бредбери.

— Хорошо, объясню. Утром в 12.15 есть прекрасный поезд. Вы на нем уедете.

— Да?

— Да. Я зайду в час. Если я вас застану… Кстати, я не рассказывал, что победил недавно во всеиндийских соревнованиях по боксу, в тяжелом весе?

— Д-да?

— Да.

— В любительских?

— Естественно.

— Как-то я от бокса устал, — заметил Фредди, зевая. — Слишком скучно, я бы сказал — никаких эмоций. Сейчас собираю старый фарфор.

Смелые слова, не спорю, но собеседника они не тронули, и настолько, что Фредди чуть не задумался о достоинствах поезда 12.15.

Но слабость прошла. Мысль об Эприл прогнала ее. Пригласил на пикник, значит — не дрожи, как кролик, из-за всяких капитанов. Лучше — беги. Такая махина тебя и не поймает.

Словом, ровно в час он сидел в лодке у самого моста. День был прекрасный, со всем, что надо — синим небом, серебристой речкой, птицами, пчелами, ветерками. Корзина стояла на траве, Фредди листал свою «Деву», когда услышал голос и увидел строгие зеленые глаза.

— Привет, — сказал он.

— Здравствуйте, — ответило дитя.

Пруденс мало значила для Фредди. Конечно, он видел ее и приветливо улыбался, поскольку считал нелишним улестить друзей и родственников Прекрасной Дамы. И сейчас он испытывал чувство типа: «Чему обязан?».

— Ничего погода, — начал он.

— Эприл не придет, — отвечала юная Пруденс. Солнце нырнуло куда-то, словно утка.

— То есть как!

— Атак.

— Не придет?

— Именно. Очень извиняется, но тут заедут мамины друзья, надо быть дома.

— О-о-о!

— Она просит, чтобы вы покатали меня. Пикник устроим у Григгз Ферри, а там, глядишь, она и вырвется.

Небо стало посветлее. Может быть, Эприл вырвется… Что же до Пруденс, в ней тоже есть смысл. Если ее получше умаслить, она расскажет сестре… в общем, ясно.

— Ладно, — сказал он. — Прыгай.

Дитя прыгнуло в лодку, и они отплыли. Первые десять минут разговор не клеился, Пруденс интересовалась техникой процесса — когда тянуть какую веревку и т. п. Однако пресловутая удача Видженов помогла выбраться на простор, и все пошло легче. Пруденс, которой было уже нечего делать, заметила книжку.

— Ого! — сказала она. — Читаете Теннисона?

— Читал, поджидая тебя, — ответил Фредди. — Я вообще постоянно обращаюсь к строкам великого барда. Только выпадет минутка…

— Вы его что, любите?

— Конечно. Кто его не любит?

— Я. Эприл заставляла меня его читать. Слюни какие-то!

— Ничего подобного. Чистая красота.

— Все девицы — зануды…

Кроме старой подруги, Девы из Шалотта, Фредди этих девиц не знал, но верил, что если они хороши для Эприл, сгодятся они и зеленоглазой веснушчатой девчонке.

— Героини Теннисона, — сказал он, — образцы чистейшей и нежнейшей женственности. Так и запомни, наглое дитя. Бери с них пример, не прогадаешь.

— С кого это?

— С любой. Выбирай сама. Далеко нам еще?

— Да нет, за поворотом.

Григгс Ферри оказался не только прекрасным, но и пустынным местом. За деревьями виднелся домик, вроде бы пустой. Из живых существ он заметил только лошадь, жевавшую траву у реки. Словом, если бы не дитя, они с Эприл были бы совершенно одни, и могли бы читать Теннисона сколько влезет.

Однако проснулся голод, и он стал распаковывать корзину, после чего, минут двадцать, тишину нарушало только чавканье. Наконец Фредди решил, что пора и побеседовать с чадом.

— Наелась? — осведомился он.

— Нет, — отвечала она — Но больше ничего нету.

— Ты прямо чемпион какой-то. Раз — и пусто.

— В школе, — не без гордости заметило чадо, — меня зовут Солитерихой.

При слове «школа» Фредди подумал, почему она — не там. Каникулы, кажется, начинаются позже.

— Почему ты не в школе? — спросил он.

— Меня выгнали.

— Вот как? За что же?

— Стреляла свиней.

— Свиней?

— Да, из лука. То есть одну свинью, Персиваля. Это — боров нашей директорши. Вы любите представлять, что вы — герой из книжки?

— Нет. И не отступай от сути. Что с этой свиньей?

— Я не отступаю. Я представляла Вильгельма Телля.

— Это с яблоком?

— Да, и где? На голове у сына! Я хотела уговорить одну девочку, но она уперлась, и я пошла в свинарник. Но Персиваль яблоко сбросил и стал есть, так что я ему попала в ухо. Они с мисс Мейтланд обиделись, а я еще как раз накануне подожгла дортуар…

Фредди немного поморгал.

— Дортуар?

— Да.

— С особой целью или так, причуда?

— Я представляла Флоренс Найтингейл.

— Флоренс Найтингейл?

— Она же Дама со светильником. Вот я его и уронила.

— Скажи мне, — попросил Фредди, — ваша директорша седая?

— Мисс Мейтланд? Да.

— Так я и думал. А теперь, будь любезна, утихни. Я подремлю.

— Дядя Джо говорит, если кто спит после еды, у того бывает жировое перерождение сердца.

— Ну и дурак, — сказал Фредди.

Когда он проснулся, мы не знаем, но чада поблизости не было. Это озадачило его. Подумайте сами: девчонка, которая, по ее собственным словам, стреляет в свиней и поджигает спальни, может практически сделать что угодно. Фредди поднялся, громко вопя:

— Пру-у-уденс!

Он говорил мне, что очень смущался, потому что на случайного прохожего это может произвести неприятное впечатление. Как вдруг, взглянув на реку, он увидел небольшое тело.

Не думаю, что он обрадовался. Нет, смотрите: ему поручили ребенка, а что он скажет? «Спасибо, все в порядке, только ваша сестра утонула на горе всем, особенно мисс Мейтланд». Не то, совсем не то! И он прыгнул в воду. Как же он удивился, когда оказался, что плавает не тело, а платье. Куда делось содержимое, он понять не мог.

Что же делать? Солнце приопустилось, ветер поднялся, и прежде всего надо было сменить одежду, а то, неровен час, схватишь воспаление легких. Думая о том, где же взять костюм, он снова заметил домик.

При обычных обстоятельствах Фредди никогда не пошел бы к человеку, которому не был представлен, тем более — за костюмом. Но тут случай особый; и он не колебался. Подбежав к двери, он заколотил в нее, крича: «Эй! Эй!» Промучившись минуты три, он понял, что в домике никого нет.

Однако дверь не была заперта. Он толкнул и направился в спальню. Все шло хорошо. У стены стоял шкаф с большим выбором одежды. Он выбрал неплохую клетчатую пару, рубашку и галстук в тон, а также свитер, после чего, сняв все мокрое, стал одеваться, размышляя о тайне Пруденс. Что бы сделал на его месте Шерлок Холмс или, скажем, лорд Питер Уимзи? Ясно одно: одевшись, надо продолжить поиски. Побыстрей застегнув рубашку, повязав галстук, натянув свитер, он стал надевать большие, но вполне пригодные ботинки, как вдруг случайно увидел на камине фотографию.

Изображала она могучего человека, сидевшего в кресле с довольно благородным видом и серебряным кубком. Заметим, что был он в боксерских перчатках. Несмотря на благородный вид, Фредди опознал в нем Бредбери.

Заметив, что коварная судьба загнала его в ловушку, он услышал шаги, кинулся к окну и увидел капитана, который звучно топал по гравиевой дороге. И вспомнил, что дверь открыта.

Скатившись с лестницы, он ринулся к выходу, где и столкнулся с хозяином. Точнее, не столкнулся, ибо успел захлопнуть дверь. Услышав хриплый крик, он задвинул болты и привалил для верности кресло к нижней филенке.

Не успел он обрадоваться своей прыти, как заметил, что опытный стратег уже лезет в окно гостиной.

К счастью, уборщица оставила в передней хорошую, большую метлу. Фредди перескочил в гостиную, увидел ногу на подоконнике и ткнул метлой в хозяина, который по этой причине свалился на клумбу настурций. Потом наш герой запер окно как можно крепче.

Когда капитан встал, можно было бы ожидать, что взгляд его хоть немного угаснет. Но нет. Он (взгляд) буквально прожигал стекло, словно луч смерти. Однако наши воины не смотрят, они — действуют. Их можно ошеломить, но не вывести из строя. Капитан повернулся и побежал куда-то за угол, видно, уповая на незащищенное место. У них так всегда. Афганец думает, что вы — в майдане, ан нет, вы у него же за спиной.

Это решило судьбу Фредди. Нельзя же, честное слово, скакать как заяц! Нужно с честью отступить. Он ринулся к входной двери и отодвинул засовы. Да, он рисковал, но капитан, судя по всему, действительно был за домом. Словом, Фредди достиг ворот за две секунды и несся по траве, думая при этом: все хорошо, что хорошо кончается.

Тогда он и заметил, что не надел не только пиджака, но и брюк.

Не буду описывать его мучения. Он очень скромен и, к тому же, умеет одеться применительно к случаю. Костюм, который вызвал бы замечания на парижской вечеринке, причинял ему острую боль. Он проговорил: «Все кончено» — и тут увидел машину хозяина, в которой лежал большой плед.

Как мы знаем, до талии сверху Фредди был безупречен. Да, не его размер, но все же. Если прикрыть пледом нижнюю часть, все будет более чем пристойно. Он не колебался, хотя до сих пор не крал машин. Вскочив на сиденье, он подтянул плед и двинулся в путь.

Стремился он в «Голубого льва». Пробежав в пледе через зал, он может надеть любые из семи пар брюк. Поскольку в эти часы никого нет, кроме юного чистильщика ножей, ему грозит только смешок, не больше.

Но человек предполагает. Не успел Фредди проехать полдороги, как из кустов, махая руками, выскочила Эприл Кэрроуэй.

Скажи вы на несколько часов раньше, что такая встреча его огорчит, Фредди бы весело смеялся. Ко всему прочему, он заметил, что лицо у Эприл какое-то мрачное, а взгляд — просто каменный.

— Привет! — сказал Фредди. — Значит, вырвались?

— М-дау.

Ему не хотелось бы говорить об исчезновении Пруденс, но ничего не попишешь, надо. Он кашлянул.

— Странная штука, — начал он. — Загадочная. Я куда-то Дел вашу сестру.

— Ничего. Я ее нашла.

— Да? — обрадовался Фредди.

Тут из кустов раздался голос. Фредди подскочил на сиденье. Что-то такое, помнил он, было с Моисеем. Интересно, пророк тоже принял это так, как он?

— Я здесь! — сообщил голос.

— Это *она?* — несмело спросил Фредди.

— Да, — холодно ответила Эприл.

— Что же она там делает?

— Сидит, потому что на ней ничего нету.

— Ничего? В каком смысле?

— В смысле одежды. Лошадь столкнула ее в воду.

— Лошадь раздела вашу сестру?

— Нет, — сказал голос. — Вещи лежали на берегу. Мы всегда их аккуратно складываем. Понимаете, я представляла леди Годиву. Вы же мне сами посоветовали?

— Когда-а?!

— Вы сказали, чтобы я брала пример с *его* героинь.

— Вы возбудили ее воображение, — уточнила Эприл, бросая на него достаточно неприятный взгляд. — Не могу осуждать бедное дитя.

— Но я…

— Оставим эту тему. Она сидит в кустах и может простудиться. Быть может, вы будете так любезны, что отвезете ее домой?

— О, конечно! Еще бы! С великим удоволь…

— И закутайте ее в плед, — сказала Эприл.

Мир вокруг Фредди завертелся. Голос осла, гулявшего на ближнем лугу, показался ему хохотом бесов. Птицы щебетали, но их он не слышал.

— Простите… — вымолвил он, дважды сглотнув. Эприл удивленно на него поглядела.

— Что? Вы отказываетесь уступить плед простуженному ребенку?

— Простите, я…

— Да вы понимаете?..

— Ревматизм, знаете ли… Жуткие боли… В коленных суставах… Все врачи…

— Мистер Виджен, — твердо сказала Эприл, — немедленно дайте мне плед!

Глаза его исполнились несказанной печали. Ни слова ни говоря, он нажал на газ и исчез в лучах заката.

Когда почти стемнело и цветы усеяла вечерняя роса, он позаимствовал брюки у чучела. В них и приехал он в Лондон, и живет теперь тихо, растит на всякий случай бороду.

Мне он сказал, что если кому-нибудь нужен почти чистый томик Теннисона, по любой цене, пусть даром, он рад служить. Дело не только в неприязни к обозначенному поэту, но и в письме от мисс Кэрроуэй, из которого он вывел, что больше книжка не понадобится.

КОШКИ, КОШКИ!

Когда в клубную курилку заскочил котенок, приветствуя трутней нежным «мяу!», Фредди Виджен, сидевший в углу, охватив голову руками, резко встал.

— Я полагал, — сказал он холодным ровным тоном, — что это убежище для джентльменов, а не взбесившийся зверинец.

И ушел.

Многие удивились.

— В чем дело? — осведомился один Трутень, поскольку в этом клубе не принято распускать чувства. — Они в ссоре?

Другой, компетентный Трутень покачал головой.

— С этим котенком — нет. Просто после визита в Чесс-Перречес он не любит кошачьих.

— Чесе?

— Перречес. Родовое гнездо Делии Прендерби в Оксфордшире.

— Я ее знаю, — сказал еще один Трутень, — очень мила.

— Фредди тоже так думал. Он ее пламенно любил.

— И утратил?

— Вот именно.

— Вот что, — сказал очередной Трутень, — если положить цепочкой тех, кого он любил и утратил, ряд дойдет до Пиккадилли.

— Нет, дальше, — возразил другой, — среди них есть высокие. Не пойму, чего он тратит время. Рано или поздно его отвергают. Лучше бы почитал хорошую книгу.

— С Фредди плохо то, — сказал компетентный Трутень, — что он гонится за летучей звездой. Он недурен, хорошо танцует, прекрасно двигает ушами, и девушка на все это ловится. С этой Делией все пошло лучше некуда, и настолько, что когда она пригласила его в Чесс-Перречес, он купил руководство «Что должен знать жених».

— Странные названия у наших местечек, — заметил первый Трутень.

— Фредди тоже удивлялся, пока туда не приехал. Там он быстро понял, как точны эти слова. Дело в том, что семейство Делии очень любит животных, и жилье их буквально кишит бессловесными друзьями. Собаки чешутся сами, кошки дерут обивку. Говорят, хотя я его и не видел, был там шимпанзе, тоже без сомнения, чесавшийся. Бывают такие дома в глубинах страны, а этот Чесе располагался в шести минутах от станции.

На этой самой станции Делия встретила Фредди в двухместном авто, и по пути они сердечно беседовали, выказывая взаимную приязнь.

— Предстань в своем лучшем виде, — советовала Делия. — Многие гости совершали непростительные ляпы. Главное — понравиться отцу.

— Конечно, конечно!

— Он бывает… нелегким.

— Ах, в том ли дело! Познакомь меня с ним, большего я не прошу.

— Он не любит молодых людей.

— Меня полюбит.

— Да?

— Еще бы!

— Почему?

— Я обаятельный.

— Да?

— А то как же!

— Обаятельный?

— Вот именно.

Она толкнула его в бок, он толкнул ее, она хихикнула, он засмеялся, она сказала: «Ну, ты и субъект!», он сказал: «Тем живем». Словом, сами видите, до какой фазы они дошли. Ничего конкретного, но любовь уже расцветает в девичьем сердце.

Стоит ли говорить, что по приезде, точнее — при первой встрече с этим Мортимером, Фредди совершил классический ляп, ударив его по затылку тигровым котом?

Поезд немного опоздал, и Делия сразу отвела его в комнату, приказав поскорей переодеться к обеду. Все шло хорошо, пока Фредди не заметил, что на его лучшей рубашке лежит большой кот.

Каждый знает, что такое рубашка. Фредди застыл. Потом, хрипло вскрикнув, схватил кота, вынес на балкон и бросил в бездну. Приземлился он, то есть кот, на затылке проходившего мимо джентльмена.

Обычно Фредди одевался хорошо и проворно, но этот случай подкосил его, и он потерял запонки, мало того — запутался с галстуками. Словом, гонг зазвучал, когда он был еще в рубашке, а выйдя из комнаты, узнал от лакея, что все уже едят bouillon. Естественно, он понесся в столовую и сел рядом с хозяином, когда собравшиеся уже поднесли ко рту полные ложки.

Неудобно, но все же приятно — как-никак, твои и *ее* колени под одной и той же столешницей. Кивнув хозяину, взирающему на него от главы

стола, он пробормотал какие-то извинения и начал блестящую беседу с леди Прендерби.

— Красивые у вас места!

Хозяйка с этим согласилась. Ростом, поджатыми губами и взглядом «ледяное желе» она походила на Королеву-Девственницу. Фредди она не очень понравилась, но на радостях он продолжал блистать.

— И охота хорошая, я думаю?

— Вероятно, многие охотятся.

— Так я и думал. Ах, красота! Летишь по полям, по лесам, а там кого и подстрелишь. Эге-ге-гей, пали, руби и тому подобное.

Леди Прендерби содрогнулась.

— Боюсь, я не разделяю ваших восторгов. Мне исключительно неприятно все, где связано с убийством.

Фредди замолк блюда на два. Пока он собирался с силами, хозяин, приложив руку ко рту, обратился к дочери, сидевшей на другом конце стола. По-видимому, он полагал, что другие его не слышат, однако речь его гремела, словно крики продавца брюссельской капусты.

— Делия!

— Да, папа?

— Кто этот урод?

— Тиш-щ-ш!

— Тиш? Не знаю.

— Нет, Виджен!

— Так Тиш или Виджен?

— Ви-джен.

— Говори четче, не бормочи. Кто его пригласил?

— Я.

— Зачем?

— Он мой приятель.

— Скорее, чучело какое-то.

— Тиш-ш-ш!

— Ты же сказала «Виджен». Сумасшедший, между прочим. Бросается котами.

— Па-па!

— Что «папа»? Ну что, «папа»? Сказано, ко-та-ми. Слабоумный. И с виду противен. Сколько он тут пробудет?

— До понедельника.

— О, Господи! — взревел сэр Мортимер. — А сегодня пятница.

Конечно, Фредди страдал, и не очень достойно. С горя он спросил

хозяйку, хорошо ли она стреляет. Она ответила, что лишена дикарских свойств и не склонна к пролитию крови, так что ему осталось молчать, несколько отвесив нижнюю челюсть. Тем самым, мы не удивимся, что концу обеда он обрадовался.

Поскольку кроме них с хозяином за столом сидели заплесневелые дамы типа «незамужняя родственница», Фредди понадеялся, что теперь, за портвейном, установит с сэром Мортимером приличные отношения. Он, то есть Фредди, умело замнет инцидент с котом и всячески постарается снять дурное впечатление.

Однако сэр Мортимер встал и вышел в сад. Правда, почти сразу он заглянул в столовую и крикнул: «Нет, бросаться котами!», но вслед за этим исчез.

Фредди растерялся. Он гостил во многих поместьях, но впервые с ним так обошлись, и он толком не знал, как выправить положение. Об этом он и думал, когда голова сэра М. появилась еще раз, а голос произнес: «Котами, трам-та-ра-рам!»

Фредди совсем скис. Делия велела понравиться отцу, а как ему понравиться, если он то исчезает, то возникает? К большому его облегчению, появился старый друг, тигровый кот. Хоть как-то разрядишь душу!

Взяв с хозяйкиной тарелки остаток банана, он метнул им в кота. Тот заорал и убежал. Зато появился сэр Мортимер.

— Вы его ударили? — спросил он.

— Нет, — честно отвечал Фредди, — не ударил.

— Почему же он несся со скоростью сорока миль в час?

— Я хотел угостить его фруктами.

— Попробуйте снова и увидите, что с вами будет.

— Какой прекрасный вечер, — сменил тему Фредди.

— Нет, — ответил сэр Мортимер. — Вечер ему прекрасный, кретину!

Фредди встал. Судя по всему, нервы его не выдержали.

— Присоединюсь-ка я к дамам, — с достоинством сообщил он.

— Очень им сочувствую, — признался хозяин и снова исчез.

По дороге в гостиную Фредди думал. Ума у него мало, но вполне достаточно, чтобы понять, рады ли ему. Словом, в комнату он входил, все еще пытаясь перешибить плохое впечатление. Незамужние дамы, томящиеся в сельской местности, особенно чувствительны к небольшим проявлениям учтивости и внимания в викторианском духе. Соответственно, он сразу кинулся к особе, которая явно не знала, куда поставить чашку из-под кофе.

— Разрешите, — самым сладостным тоном сказал он. И, рванувшись к чашке, наступил на кошку.

— О, виноват! — воскликнул он, отступая на другую кошку, и, со словами «Pardon, pardon!», сел в кресло на третью.

Все залопотали: «Ах, не за что!» и т. п., и т. д., но прозорливый Фредди заметил короткий взгляд хозяйки. Ситуация был такая, словно царь Ирод зашел на собрание иудейских матерей.

Делия сидела на диване и листала журнал. Фредди влекло в тот угол гостиной. Он нуждался в сочувствии. Он осторожно пересек комнату, слегка потревожив всего двух кошек, и сел на диван. Представьте его смятение, когда он обнаружил, что дева его мечты напоминает шарик мороженого, усыпанный чем-то острым.

— Пожалуйста, ничего не объясняйте, — сказала она. — Я знаю, что есть люди, ненавидящие животных.

— Да я!.. — начал Фредди, взмахнув рукой и сразу же заехав в бок очередной кошке.

Делия подхватила страдалицу на лету. Кстати, то был страдалец.

— Мама, — сказала она, — возьми ты лучше Огастеса. Он раздражает мистера Виджена.

— Да уж, — сказала леди П. — Со мной дорогому коту будет спокойней.

— Мерзопакость какая! — проблеял Фредди. — Я…

— Верно говорят, — вздохнула Делия, — не поживешь вместе — не узнаешь.

— Что вы имеете в виду?

— Да так, ничего.

Она поднялась, подошла к пианино и стала петь бретонские народные песни, предоставив Фредди смотреть альбом с поблекшими изображениями «Тети Эмили в Ландадно, 1893» или «Кузена Джорджа на маскараде».

Так тянулся мирный домашний вечер, пока леди Прендерби не отпустила, со свойственной ей милостивостью, всех спать.

Быть может, вы предположили, что на лестнице, со свечой в руках Фредди думал только о Делии. Но нет. Думал он и о том, что с этих пор путь его разошелся с животным миром поместья. Он, можно сказать, пошел поверху, они — понизу. Где-где, а в его комнате кошачьих быть не должно.

Однако, вспомнив тигрового кота, он обыскал помещение на четвереньках. Кошек не было. Он с облегчением вздохнул, даже запел, но

после первого куплета услышал, что ему вторит бас, и, поглядев на кровать, увидел солидную овчарку.

Он посмотрел на нее, она на него. Было ясно, что собака считает хозяйкой себя, а его — наглым чужаком. Она смотрела на Фредди холодным желтым взором, слегка кривя губы, что помогало заметить длинный крепкий зуб. Кроме того, она пыхтела, одновременно изображая отдаленный гром.

Как тут влезешь в постель? Спать в кресле он не любил. Тем самым, он избрал третий путь, то есть вышел на балкон посмотреть, нет ли где освещенного окна, а за ним — потенциального спасителя.

Окно было, и близко, и он даже не очень громко сказал:

— Послушайте!

Никто не ответил. Он повторил:

— Послушай-те!

И прибавил для верности:

— Эй, эй, эй!

На сей раз результаты были. Из окна выглянула леди Прендерби.

— Кто там шумит? — с отвращением спросила она. Фредди ждал не этого, но ничего не попишешь; и он ответил:

— Фредерик Виджен.

— Вам непременно надо петь на балконе?

— Я не пел. Я кричал: «Послушайте!»

— Что вы кричали?

— «Послушайте». Такой, знаете, крик души. У меня тут собака.

— Какая?

— Овчарка.

— А, это Вильгельм. Спокойной ночи, мистер Виджен. Окно закрылось. Фредди взвыл:

— Послушайте!

Окно приоткрылось, и леди П. сказала:

— Однако!

— А что мне делать?

— Делать?

— Да с этой овчаркой! Леди П. немного подумала.

— Бисквитов не давать. Когда вам принесут чай, не давать и сахара. Можно налить в блюдце молока. Он на диете. Спокойной ночи, мистер Виджен.

Фредди понял, что в диету не входит отказ от мяса, скажем — его собственного. Что же делать, что делать?

Методы, конечно, есть. Можно спрыгнуть с балкона, благо тут невысоко, и переночевать на клумбе. Можно свернуться на полу. Можно поискать местечка в доме.

Последняя идея понравилась ему больше всего. Одно опасно: когда он пойдет к двери, собачка сможет решить, что он — вор. Что ж, придется рискнуть. И через минуту он шел на цыпочках по ковру с осторожность канатоходца, подзабывшего технику дела.

Что говорить, опасность была. Когда он начал свой путь, собака вдумчиво лизала подушку. Когда он дошел до ничейной земли, она вскочила, а он тут же взлетел на гардероб. Казалось бы, вот тебе спальное место, как ни обидно это гордому духу. С овчаркой, в конце концов, не поспоришь; и он стал устраиваться поудобнее, но тут в комнату вошло неведомое созданье, скорее всего — помесь коврика и чистилки для перьев. Как выяснилось позже, то был пекинес.

Видимо, сомневалась и овчарка. Она встала, подняв брови, и медленно двинулась вперед. Потом, несмело подняв лапу, перевернула пришельца и, наконец, принюхалась.

Лучше бы ей этого не делать. Пекинесы — гордые твари, особенно самочки. Чего-чего, а панибратства они не терпят. Что-то взорвалось, и овчарка опрометью выбежала, поджав хвост. Пекинес несся за нею. Шум борьбы, донесшийся с лестницы, усладил слух страдальца. Он не жалел овчарку, сама напросилась.

Пекинес вернулся, отер пот со лба и сел у гардероба, помахивая хвостиком. А Фредди вывел из этого, что дан отбой, он свободен.

Сперва он закрыл дверь, потом решил наладить дружбу со спасителем. Человек он справедливый, а этот пекинес — украшение своей породы. Словом, он лег на пол и дал вылизать себе лицо двести тридцать три раза. Кроме того, он почесал чудо-зверя за левым ушком, за правым и у хвостика. Наконец, он почесал и брюшко.

Пекинес принимал это благосклонно, мало того, сердечно. Чтобы его не разочаровать, Фредди снял галстук и дал новому другу. Он сделал бы это не для всякого, но с этим божественным созданием предела услугам нет.

Галстук имел большой успех. Пекинес и жевал его, и таскал, и в него заворачивался. Только он начал на него кидаться, случилась неприятность. Не рассчитав дистанции, он напоролся головой на ножку кровати.

Пекинес — не индеец на костре. Комната огласилась дикими криками, словно убивают сразу несколько человек. Фредди удивился, что такая рукавица, да еще совсем юная, может издавать такой звук. Баронет,

заколотый ножом для разрезания бумаги, и тот его не издаст.

Наконец пекинес устал и, как ни в чем ни бывало, даже улыбаясь, стал снова играть с галстуком. Тут раздался робкий стук, и кто-то прошептал сквозь дверь:

— Это я, сэр. Биглзвейд.

— Кто-кто?

— Дворецкий, сэр.

— Что вам нужно?

— Миледи просит забрать собачку, которую вы мучаете.

— Что-что?

— Кроме того, она велела передать, что сообщит обо всем наутро в Общество охраны животных.

— Что тако-о-е?!

— Она просила прибавить, чтобы в случае сопротивления я ударил вас кочергой по голове.

Неприятно, а? Фредди тоже так подумал, открыл дверь и увидел леди П., ее дочь, несколько избранных теток и дворецкого с кочергой. Взор Делии пронзил его, словно кинжал.

— Разрешите объяснить… — начал он.

— Избавьте нас от подробностей, — сказала хозяйка, содрогнувшись, подняла собачку и принялась трепетно ощупывать.

— Вы послушайте…

— До свидания, мистер Виджен.

Тетки тоже попрощались, равно как и дворецкий. Делия с отвращением молчала.

— Честное слово, я ничего не делал, — снова попытался Фредди. — Она ударилась головой о кровать…

— Что он говорит? — спросила глуховатая тетка.

— Он говорит, — отвечала леди П., — что бил *ее* головкой о кровать.

— Какой ужас! — всхлипнула тетка.

— Какая мерзость! — вторила другая.

Третья пошла иным путем. Она спросила, безопасно ли в доме, где находятся такие изверги.

— Биглзвейд, — сказала хозяйка.

— Миледи?

— Вы останетесь здесь до утра. С кочергой.

— Слушаюсь, миледи.

— Захочет выйти — бам-м-мц!

— Вот именно, миледи.

— Послушайте! — закричал гость.

— До свидания, мистер Виджен.

Массовая сцена кончилась. В коридоре остался один дворецкий, время от времени взмахивающий кочергой, как бы проверяя готовность к бою.

Зрелище было так неприятно, что Фредди закрыл дверь. Ему было о чем подумать; и он сел на кровать.

Точнее, сел он на кошку, которую считал подушкой. Ее-то, умертвив, и лизал мерзкий пес.

Фредди вскочил, надеясь сверх надежды, что бедное животное — в коме. Но нет. Вид у него был совсем другой. Скажем, оно уснуло после суеты и тягот жизни.

Ну, что тут сделаешь? Он и так — зверобойца высшего ранга. Кто будет слушать, если прямо у него лежит усопшая кошка?

А почему, собственно, у него? Сбеги вниз, оставь тело в гостиной и ты чист. В таком кошатнике кошки, наверное, мрут как мухи. Найдет ее горничная, сообщит, что в доме — меньше на одну кошачью силу, прольют слезу-другую, ну, поплачут, и забудут.

Обретя новые силы, Фредди схватил кошку за хвост, но вспомнил о дворецком.

Однако есть и окно! Вот он, выход. Думаешь всякую чушь о дверях и гостиных, а балкон — прямо перед тобой. Выбрось тело в молчание ночи, и пусть его находят садовники.

Все это он проделал быстро, и услышал из сада яростный крик. Голос принадлежал сэру Мортимеру.

— Кто — швыряется — кошками? — орал он.

Окна стали открываться, головы — высовываться. Фредди сел на пол балкона и привалился к стене.

— В чем дело, Мортимер?

— Кто угодил мне в глаз ко-о-шко-ой?

— Кошкой? Ты уверен?

— Еще бы! Пошел в гамак, и тут прямо на меня падает кошка. Человек не может поспать в собственном саду! Кто ее бросил?

— Откуда?

— С того балкона.

— А, мистер Виджен, — процедила леди П. — Могла и догадаться.

Сэр Мортимер закричал:

— И я! И я! Ну, конечно, это чучело! Весь вечер швыряется кошками. Одной по затылку, другой — в глаз. Дайте мне трость, да, ту, с набалдашником слоновой кости. Сойдет и хлыст.

— Постой, Мортимер, не спеши, — сказала его супруга. — Это буйнопомешанный. Лучше с ним управится Биглзвейд, у него есть кочерга.

Остается рассказать (сказал Трутень), что в 2.15 ночи мрачный человек без галстука дохромал до станции, расположенной в шести милях от поместья. В 3.47 он отбыл в Лондон на поезде, развозящем молоко. У него были разбитое сердце и натертые ноги, в сердце же томилось отвращение к животным, которое вы только что видели. Всякому понятно, что с этой поры встретить Фредди для кошки — не к добру.

ДЖИВС ГОТОВИТ ОМЛЕТ

В наше неспокойное время каждому мыслящему человеку, наверное, приходило в голову, что против тёток пора принимать самые решительные меры. Я, например, давно уже считаю, что необходимо испробовать все ходы и выходы на предмет обуздания этой категории родственников. Если бы кто-нибудь пришёл ко мне и сказал: «Вустер, не хотите ли вы вступить в новое общество, которое ставит своей целью пресечь деятельность тёток или хотя бы держать их на коротком поводке, чтобы они не рыскали на свободе, сея повсюду хаос и разрушение?» — я бы ответил: «Уилбрахам! — если бы его имя было Уилбрахам, — я с вами всем сердцем и душой, запишите меня членом-учредителем!» И при этом вспомнил бы злосчастное происшествие с моей тётушкой Далией и Фодергилловской Венерой, после которого я ещё только-только прихожу в себя. Шепните мне на ухо слова: «Маршем Мэнор» — и моё сердце затрепещет, как крылышки колибри.

В момент завязки этой истории, если завязка — правильное слово, — я чувствовал себя, насколько помню, в наилучшей форме и в ус себе не дул. Приятно расслабившись после тридцати шести лунок гольфа и обеда в «Трутнях», я лежал на любимом вустеровском диване с кроссвордом из «Дейли Телеграф», когда раздался телефонный звонок. Было слышно, как Дживс взял трубку в прихожей. Вскоре он возник передо мной.

— Это миссис Траверс, сэр.

— Тётя Далия? Чего она хочет?

— Она не поставила меня в известность, сэр. Но, по-видимому, ей крайне желательно вступить в непосредственный контакт с вами.

— То есть, она хочет поговорить со мной?

— Именно так, сэр.

Теперь даже как-то странновато, что предчувствие нависшей беды не охватило меня, когда я шёл к телефону. Никаких таких мистических способностей — в этом моя беда. Не подозревая, в какую переделку вскоре угожу, я был только рад случаю перекинуться словечком-другим с сестрой своего покойного отца. Как всем известно, это моя хорошая и достойная тётушка, в отличие от тёти Агаты — настоящего вурдалака в юбке. Так уж получилось — то одно, то другое. — что нам уже довольно долго не доводилось поболтать вволю.

— Хэй-хо, почтенная прародительница! — приветствовал я тётю.

— Здорово, юное проклятие рода! — ответила она в своей сердечной манере. — Ты вполне трезв?

— Как стёклышко.

— Тогда слушай внимательно. Я сейчас в Нижнем Маршеме — это такая деревушка в Хэмпшире. Гощу здесь в усадьбе Маршем Мэнор у Корнелии Фодергилл, романистки. Слыхал о такой?

— Только краем уха. В моём списке для чтения её нет.

— Это потому, что ты мужчина. Она поставляет розовую водичку на потребу женскому полу.

— Аа, ясно, как жена Бинго Литтла, для вас — Рози М. Бэнкс.

— Ну да, в этом роде, но только ещё душещипательней. Рози М. Бэнкс — та просто щиплет сердечные струны, а Корнелия Фодергилл хватает их двумя руками и завязывает в узел. Я пытаюсь договориться, чтобы печатать в «Будуаре» её новый роман с продолжениями.

Я уловил суть дела. Теперь, правда, она его уже продала, но в то время, что я описываю, моя тётя ещё была владельцем, то бишь владелицей, еженедельника для слабоумных дамочек под названием «Будуар элегантной дамы». Однажды я даже написал туда статью — или «дал материал», как говорим мы, старые писаки — под названием «Что носит хорошо одетый мужчина». Как и все еженедельники, он постоянно находился, что называется, «на краю пропасти», и понятно, что животворная инъекция в виде романа с продолжениями от специалистки по розовой водичке оказалась бы весьма кстати.

— Ну и как, успешно? — поинтересовался я.

— Пока не очень. Всё какие-то проволочки.

— Про что?

— …волочки, тупица!

— Она отвечает вам «nolle prosequi»,[34] как выражается Дживс?

— Не совсем. Она не закрывает двери для мирного урегулирования. Я же говорю — у неё тактика… этих самых… про…

— …Волочек?

— Вот-вот. Она не говорит «нет», но не говорит и «да». А Том опять, как назло, строит из себя скупого рыцаря.

Имелся в виду мой дядя Томас Портарлингтон Траверс, который оплачивал счета этого, как он выражался, «Пеньюара мадам». Он богат, словно креозот — так, кажется, принято говорить, — но, подобно большинству наших состоятельных сограждан, терпеть не может раскошеливаться. Послушали бы вы, как он выражается по поводу подоходного и прогрессивного налогов.

— Он не разрешает мне дать ей больше пяти сотен фунтов, а она хочет восемь.

— Это похоже на тупик…

— Так было до сегодняшнего утра.

— И что же случилось утром?

— Кажется, обозначился какой-то просвет. У меня впечатление, что она готова уступить. Ещё один толчок — и вопрос будет решён. Ты как, всё ещё трезв?

— Да.

— Так продержись ещё до понедельника. А сейчас приезжай сюда.

— Кто, я?

— Ты, собственной персоной.

— Незачем?

— Поможешь мне её уломать. Употребишь всё своё обаяние…

— У меня его не так уж и много.

— Ну так обойдись тем, что имеешь. Попробуй старую добрую лесть. Сыграй на струнах её души.

Я задумался. Не нравятся мне эти свидания неизвестно с кем. А кроме того, если жизнь меня чему-то и научила, так это тому, что благоразумный человек должен держаться подальше от писателей женского пола. Хотя, конечно, если там намечалась приятная компания…

— А кто там ещё будет? В смысле, из молодёжи, из блестящего общества?

— Ну, молодым это общество, пожалуй, не назовёшь, но блестящим — даже очень. Муж Корнелии — Эверард Фодергилл — художник, и его отец, Эдвард Фодергилл — тоже что-то в этом роде. В общем, не соскучишься. Так что пусть Дживс соберёт твои пожитки, и ждём тебя в пятницу. Послоняешься здесь конец недели.

— Это что, взаперти с парой художников и слезоточивой писательницей? Невелика радость…

— А тебе и не положено радоваться, — успокоила меня престарелая родственница. — Просто сделай своё дело. Да, и кстати, когда приедешь, я попрошу тебя об одном пустячке.

— Что ещё за пустячок?

— Расскажу, когда увидимся. Всего лишь простенькая маленькая услуга любимой тётушке. В твоём вкусе, — сказала она и с весёлым «Пока-пока!» повесила трубку.

Я думаю, многих удивляет, что Бертрам Вустер, этот в общем-то

железный человек, тает как воск в руках своей тётки Далии и мчится исполнять малейший её каприз, словно дрессированный тюлень, отрабатывающий свой кусок рыбы. Им просто невдомёк, что эта женщина владеет секретным оружием, которым она в любой момент может подчинить меня своей воле. А именно, если я вздумаю артачиться, ей достаточно пригрозить, что меня больше не пригласят к обеду, и тогда — прощайте, все жареные и пареные шедевры Анатоля, её французского повара, истинного подарка небес для желудочных соков! Так что, если она говорит «пойди», Вустер не занимается проволочками, он просто идёт, как сказано в Евангелии. Вот почему в тихих сумерках пятницы 22-го текущего месяца я уже катил через Хэмпшир на своём спортивном автомобиле с Дживсом по левую руку и неясными предчувствиями в душе.

— Дживс, — сказал я, — мою душу отягощают неясные предчувствия.

— В самом деле, сэр?

— Да. Хотел бы я знать, что там затевается.

— Боюсь, я не вполне улавливаю вашу мысль, сэр.

— А между тем, следовало бы! Я ведь слово в слово передал вам свой разговор с тётей Далией, и каждое из этих слов должно было бы запасть вам под шляпу. Попробую освежить вашу память: мы поболтали о том о сём, а в заключение она сказала, что намерена ещё попросить меня об одном пустячке, когда же я спросил, о каком, сбила меня со следа… так это называется?

— Да, сэр.

— Ну вот, сбила меня со следа, обронив этак небрежно: «О, всего лишь простенькая маленькая услуга любимой тётушке!» Как бы вы истолковали эти слова?

— По-видимому, миссис Траверс хочет, чтобы вы что-то сделали для неё, сэр.

— Так-то оно так, но что именно — вот главный вопрос! Вы ведь помните, чем кончалось раньше дело, если меня просил о чём-то слабый пол? Особенно тётя Далия. Не забыли ещё ту историю с сэром Уоткином Бассетом и серебряным сливочником в виде коровы?

— Нет, сэр.

— Если бы не ваше вмешательство, Бертрам Вустер отсидел бы тогда срок в местной кутузке. Кто может поручиться, что этот её пустячок не ввергнет меня в такую же пучину опасности? Как бы мне хотелось от этого отвертеться, Дживс!

— Я вполне понимаю вас, сэр.

— Но никак нельзя. Я вроде тех ребят из «Лёгкой кавалерии».[35]

Помните, как там про них написано?

— Очень отчётливо, сэр. «Дело их — не рассуждать, а идти и умирать».

— Вот именно. «Пушки справа, пушки слева, грохот залпов и разрывов», а они должны мчаться в атаку, что бы там ни было. Уж я-то хорошо знаю, что они чувствовали, — заключил я, мрачно нажимая на акселератор. Чело было хмуро, боевой дух — ниже некуда.

Нельзя сказать, чтобы прибытие в Маршем Мэнор помогло разгладить первое и поднять последний. Обстановка, в которой я очутился, переступив порог гостиной, была уютней некуда. В камине полыхали дрова, стояли удобные кресла, чайный столик распространял весёлый аромат тостов с маслом и пышек — всё это, конечно, было очень приятно после долгой езды промозглым зимним вечером. Но одного взгляда на присутствующих было достаточно, чтобы понять: я угодил в то самое местечко, где всё вокруг радует глаз, и лишь человек ничтожен.[36]

Когда я вошёл, их там было трое, явно самый цвет Хэмпшира. Один — низкорослый тщедушный тип, обросший такой бородой, которая причиняет особенно много неудобства, — как я понял, это был хозяин дома. Рядом сидел другой, примерно такого же сложения, только более ранняя модель — явно его отец — и тоже при бороде по самые брови. А третья была дама — крупная, расплывшаяся и в роговых очках, — жертва профессиональной болезни писательниц. Очки делали её удивительно похожей на мою тётю Агату, и я бы обманул публику; если бы стал утверждать, что сердце у меня нисколько не ёкнуло. Тётя Далия явно переоценила лёгкость задачи, предложив мне сыграть на струнах души этой женщины.

После краткой паузы для моих позывных в эфире она представила меня остальной компании, и я совсем уж было собрался любезно справиться у Эверарда Фодергилла, какие картины он написал за последнее время, как вдруг он вытянул шею и весь напрягся.

— Тсс! — прошипел он. — Вы слышите, мяукает кошка!

— Ээ, что? — растерялся я.

— Мяукает кошка. Я уверен, что слышу кошачье мяуканье. Прислушайтесь!

Мы стали прислушиваться, а в это время дверь отворилась, и вошла тётя Далия. Эверард обратился с мучившим его вопросом к ней:

— Миссис Траверс, вы не заметили снаружи мяукающей кошки?

— Нет, — ответила моя престарелая родственница. — Никаких

мяукающих кошек. А вы что, их заказывали?

— Не выношу мяукающих кошек, — простонал Эверард. — Они действуют мне на нервы.

На этом с мяукающими кошками было временно покончено. Подали чай, я занялся тостами с маслом, и так мы коротали долгий день, пока не наступило время переодеваться к ужину. Армия Фодергиллов снялась с места, и я было направился следом, но тётя Далия меня остановила.

— Секундочку, Берти, — сказала она. — Прежде чем ты пойдёшь надевать свежий воротничок, я хочу тебе кое-что показать.

— А мне хотелось бы узнать, — парировал я, — что это за дело, которое вы хотите мне поручить.

— О деле поговорим потом. То, что я тебе покажу, имеет к нему отношение. Но сначала — вступительное слово нашему спонсору. Ты ничего не заметил в Эверарде Фодергилле, вот только что?

Я покопался в памяти.

— Я бы сказал, он какой-то немного дёрганый. Пожалуй, слегка перегибает палку насчёт мяукающих кошек.

— Вот именно. У него нервы никуда не годятся. Корнелия говорит, что раньше он очень любил кошек.

— Он, похоже, и теперь к ним неравнодушен.

— Его нервную систему подорвала эта чёртова картина.

— Что за чёртова картина?

— Сейчас покажу. Идём.

Она провела меня в столовую и включила свет.

— Смотри.

Передо мной висела большая картина, написанная маслом. Сюжет — из тех, что, если не ошибаюсь, именуют классическими. Тучная женщина, одетая по минимуму, обсуждающая что-то с голубем.

— Венера? — предположил я. Скажешь так — не промахнёшься.

— Да. Работа старого Фодергилла. Он как раз такой человек, который способен изобразить женский день в турецкой бане и назвать полотно «Венера». Это его свадебный подарок Эверарду.

— Вместо обычного ножа для рыбы? Вот это сэкономил! Ловко, очень ловко. И насколько я вас понял, последнему подарок не нравится?

— Ещё бы! Это же мазня. Старик — всего лишь жалкий любитель. Но Эверард чтит отца и опасается ранить его чувства, так что не может просто распорядиться снять её и сунуть в чулан. Ему никак от неё не избавиться — она у него всегда перед глазами, когда он садится за стол. И что в результате?

— Хлеб обращается в пепел у него во рту.

— Вот-вот. Она сводит его с ума. Ведь Эверард — настоящий художник. Он пишет отличные веши. Кое-что у него даже выставлено в галерее Тейт. Посмотри-ка сюда, — показала она на другой холст. — Вот одна из его работ.

Я бросил беглый взгляд на другую картину. Эта тоже была классическая, и на мой непросвещённый взгляд, мало чем отличалась от первой, но полагая, что от меня ждут критического суждения, я высказался: «Мне нравится патина».

Тоже, как правило, верный ход. Однако тут я, похоже, дал маху, и моя родственница презрительно фыркнула.

— Молчал бы лучше, олух несчастный! Да ты даже не знаешь, что такое патина!

И угадала: конечно, я не знал.

— Сам ты патина! Ну ладно, короче, ты понял, почему Эверард дёргается. Когда человек может писать, как он, и при этом вынужден изо дня в день за каждой кормёжкой созерцать этакую «Венеру», это, естественно, задевает его за живое. Ну вот, допустим, ты великий музыкант. Понравилось бы тебе слушать дешёвую вульгарную мелодию, одну и ту же, каждый день? Или если в «Трутнях» тебе пришлось бы ежедневно за обедом сидеть напротив кого-нибудь вроде того горбуна из «Собора Парижской Богоматери»? То-то же! Да тебе бы кусок в горло не полез!

Я хорошо понимал, что она имеет в виду. Мне не раз приходилось сидеть в «Трутнях» напротив Пуффи Проссера, и это всегда несколько портило мой великолепный аппетит.

— Ну что, теперь ты осознал ситуацию, тупица несчастный?

— Осознать-то осознал. И сердце кровью обливается. Но я не вижу, что тут можно поделать.

— Спроси меня. Могу подсказать.

— Что же?

— Ты украдёшь эту Венеру.

Я ошеломленно смотрел на тётю Далию, стоя безмолвно на Дариенском пике.[37] Это не моё. Это из Дживса.

— Украду?

— Сегодня же ночью.

— Вы говорите «украдёшь» в смысле «своруешь»?

— Именно. Это и есть тот пустячок, о котором я говорила, простенькая маленькая услуга любимой тётушке… О Господи! —

воскликнула она раздражённо. — Ну что ты надулся как индюк! Это ведь по твоей части. Ты же постоянно воруешь каски у полицейских.

— И вовсе не постоянно, — был я вынужден внести поправку. — Только иногда, для развлечения, в ночь после Регаты, например. И вообще, красть картины — это вовсе не то что стянуть полицейскую каску. Это куда сложнее.

— Глупости. Просто, как дважды два — четыре. Вырезаешь холст из рамы хорошим острым ножом, и все дела.

— У меня нет хорошего острого ножа.

— Будет. Ты пойми, Берти, — продолжала она увлечённо — всё складывается просто великолепно. В последнее время в окрестностях орудует шайка похитителей картин. Из одного дома неподалёку они украли полотно Ромни, а из другого — Гейнсборо. Это и навело меня на мысль. Когда его «Венера» исчезнет, старик Фодергилл ничего не заподозрит и не обидится. «Эти грабители — знатоки, — скажет он себе, — берут самое лучшее». И Корнелия со мной согласна.

— Вы что, ей рассказали?

— А как же! Старый верный приём шантажистов. Я поставила условие: если она даст честное слово, что «Будуар» получит её писанину за цену, которая мне по карману, то ты ликвидируешь «Венеру» Эдварда Фодергилла.

— Ах, вот как? И что же она сказала?

— Она меня благодарила срывающимся от волнения голосом, сказала, что это единственный способ уберечь Эверарда от безумия, и я её заверила, что к концу недели ты во всеоружии будешь здесь.

— Ну и ну! Вот спасибо, удружили родному племянничку.

— Так что вперёд, мой мальчик, с Богом! Тебе надо только открыть окно, чтобы все подумали, будто это дело рук людей со стороны, забрать картину, отнести в свою комнату и сжечь. Я позабочусь, чтобы твой камин хорошенько растопили.

— Ну, спасибо!

— А теперь ступай переодеваться. У тебя осталось не так уж много времени — Эверард нервничает, когда опаздывают к ужину.

Я поднимался в свою комнату с опущенной головой и с ощущением, что рок меня настиг. Дживс уже ждал, вдевая запонки в рукава рубашки, и я, не теряя времени, всё ему выложил. В таких ситуациях я бросаюсь к Дживсу как заблудшая овца к своему пастырю.

— Дживс, вы помните, я сказал в машине, что мою душу отягощают

неясные предчувствия?

— Да, сэр.

— Ну так вот — я был совершенно прав. Сейчас я в двух словах расскажу вам, чем меня огорошила тётя Далия.

Я в двух словах всё ему рассказал, и у него примерно на одну восьмую дюйма вздёрнулась левая бровь, что было признаком глубокого волнения.

— Крайне неприятно, сэр.

— В высшей степени. И самое ужасное то, что мне, похоже, придётся подчиниться.

— Боюсь, что так, сэр. Принимая во внимание возможность того, что в случае вашего отказа сотрудничать миссис Траверс применит к вам санкции, касающиеся кухни Анатоля, вам, по-видимому, ничего не остаётся, как поступить в соответствии с её желаниями. Вам нездоровится, сэр? — спросил он, заметив, как меня передёрнуло.

— Нет, я просто содрогаюсь. Это настоящий удар для меня, Дживс. Никогда бы не подумал, что подобная идея может прийти ей в голову. Я бы понял, если бы это был профессор Мориарти или, на худой конец, доктор Фу Ман-Чу,[38] но никак не почтенная супруга и мать семейства, всеми уважаемая в Маркет Снодсбери, что в Вустершире.

— Бойтесь женского рода, сэр, он опаснее, чем мужской.[39] Могу я осведомиться, составили ли вы план действий?

— Она уже его обрисовала. Я открываю окно, как будто это был кто-то со стороны…

— Простите, что перебиваю, сэр, но здесь, я полагаю, миссис Траверс ошибается. Разбитое окно обеспечило бы большее правдоподобие.

— Да ведь звон поднимет на ноги весь дом!

— Нет, сэр, это можно сделать совершенно бесшумно. Надо намазать патокой лист обёрточной бумаги, приложить бумагу к оконному стеклу и нанести сильный удар кулаком. Это признанный метод, которым сейчас широко пользуются в грабительских сферах.

— Но где взять обёрточную бумагу? И патоку?

— Я могу достать их, сэр, и буду счастлив, если вы пожелаете, проделать эту операцию за вас.

— Правда? Очень благородно с вашей стороны, Дживс!

— Что вы, сэр! Моя цель — услужить вам. Прошу прощения, мне кажется, кто-то стучит.

Он подошёл к двери, открыл её, проговорил: «Конечно, мэм, я

немедленно передам это мистеру Вустеру» — и вернулся ко мне, держа в руке нечто вроде сабли-подростка.

— Ваш нож, сэр.

— Спасибо, Дживс, чёрт бы его побрал! — сказал я, глядя на этот предмет с содроганием, и мрачно принялся надевать вязаное бельё.

Поразмыслив, мы наметили старт операции на час пополуночи, когда обитатели дома, по идее, должны спать сладким сном. В час, точка в точку, Дживс проскользнул в комнату.

— Всё в полной готовности, сэр.

— Патока?

— Есть, сэр.

— Обёрточная?..

— Так точно, сэр.

— Тогда, если вы не против, пойдите и разбейте окно.

— Уже разбил, сэр.

— Вот как? В таком случае, вы были правы насчёт бесшумности. Я не слышал ни звука. Ну что ж, теперь, пожалуй, вперёд, в столовую! Не к чему попусту медлить, или, как говорится, тянуть кота за хвост.

— Совершенно верно, сэр. О, будь конец всему концом, всё кончить могли б мы разом,[40] — подтвердил Дживс, и я, помнится, ещё подумал, как складно он умеет выразить мысль.

Бесполезно было бы утверждать, будто, спускаясь по лестнице, я был беспечен, как всегда. Нет. Я не чуял под собою ног, и любой резкий звук, раздайся он поблизости, заставил бы меня вздрогнуть. И о тёте Далии, которая втянула меня в эту жуткую ночную историю, я думал без должного родственного тепла. Я бы даже сказал, что с каждой ступенькой мне всё больше хотелось дать престарелой родственнице хорошего пинка.

Хотя, конечно, в одном отношении она оказалась совершенно права. По её словам, вынуть картину из рамы — просто, как дважды два — четыре. И она не ошиблась. Равно как и нисколько не переоценила качество и остроту ножа, которым меня снабдила. Четыре быстрых надреза — и холст выскочил из рамы, как улитка из раковины, когда её подденешь булавкой. Я скатал его в рулон и устремился назад в свою комнату.

Дживс в моё отсутствие раскочегарил в камине огонь, и теперь пламя полыхало вовсю. Я уже было собрался сунуть в камин несчастное творение Эдварда Фодергилла и подтолкнуть кочергой, но мой верный слуга остановил меня.

— Было бы неосторожно сжигать такой большой предмет целиком,

сэр. Слишком велик риск возникновения пожара.

— Д-да, пожалуй. Думаете, надо его изрезать на куски?

— Боюсь, без этого не обойтись, сэр. Могу я предложить, в целях облегчения монотонности работы, подать виски и сифон с содовой?

— А вы знаете, где их держат?

— Да, сэр.

— В таком случае — гоните всё сюда!

— Слушаюсь, сэр.

— А я пока приступлю к работе.

Так я и сделал, и дело у меня неплохо спорилось, когда дверь тихо отворилась и в комнату неслышно заползла тётя Далия.

— Ну что, Берти, всё прошло гладко? — раздался её голос у меня над самым ухом, так что я слабо вскрикнул и подскочил чуть не до потолка.

— В таких случаях полагается сигналить, — заметил я не без раздражения, когда приземлился. — Меня чуть родимчик не хватил! Да, всё прошло по плану. Но Дживс настаивает на том, чтобы сжигать вещественное доказательство по частям.

— Конечно! Ты же не хочешь устроить пожар.

— И он то же говорит.

— И как всегда прав. Я принесла свои ножницы. А кстати, где Дживс? Я думала, он рядом с тобой, самоотверженно трудится.

— Дживс самоотверженно трудится в другом месте. Он пошёл за виски.

— Вот молодец! Других таких нет, просто нет. Боже мой, — вздохнула она немного спустя, когда мы сидели рядышком у огня и кромсали ножницами холст, — мне это напоминает милую старую школу, как мы после отбоя всем дортуаром пили какао у камина! Счастливые были дни! А, вот и вы, Дживс, проходите и ставьте все припасы поближе ко мне. Как видите, мы продвигаемся. А что это у вас под мышкой?

— Садовые ножницы, мэм. Я готов оказать любую помощь в пределах своих возможностей.

— Тогда начинайте оказывать. Шедевр Эдварда Фодергилла ждёт вас.

Работая втроём в поте лица, мы справились с нашей задачей довольно быстро. Я только успел допить первый стакан виски с содовой и приняться за второй, а уж от Венеры, не считая золы, не осталось ничего кроме маленького краешка юго-восточного угла, который держал в руках Дживс. Он разглядывал его, как мне показалось, с довольно задумчивым видом.

— Прошу прощения, мэм. Правильно ли я понял, что мистера

Фодергилла-старшего зовут Эдвард?

— Правильно. Можете называть его про себя Эдди, если хотите. А что?

— Дело в том, мэм, что картина, которую мы сейчас изрезали, подписана, насколько я могу судить: «Эверард Фодергилл». Я подумал, что должен сообщить вам об этом.

Сказать, что тётка с племянником приняли это известие спокойно, значило бы злостно исказить истину. Земля дрогнула под нашими ногами.

— Дайте-ка сюда, Дживс! Лично мне здесь видится «Эдвард Фодергилл», — заключил я, всмотревшись.

— С ума сойти! — прошипела тётя Далия, в сердцах вырывая кусок картины у меня из рук. — Тут стоит «Эверард»! Правда, Дживс?

— У меня сложилось такое же впечатление, мэм.

— Берти! — произнесла тётя Далия так называемым сдавленным голосом, глядя на меня так, как, должно быть, в молодые годы на лисьей охоте глядела на негодного гончего пса, погнавшегося за кроликом. — Берти, ты, проклятие цивилизованного мира, если ты сжёг не ту картину, то…

— Да нет же! — уверенно заявил я. — У вас обоих что-то с глазами. Впрочем, если вам так будет спокойнее, я быстренько сбегаю вниз и удостоверюсь. Развлекайтесь пока тут, будьте как дома.

Произнёс я это, как я уже сказал, очень уверенно, и, слушая меня, вы бы наверняка подумали: «Бертрам в порядке, он невозмутим». Но я не был невозмутим. Я опасался самого худшего и уже с содроганием представлял себе, какую гневную речь насчёт моих умственных способностей и моральных качеств произнесёт тётя Далия при нашей очередной встрече. Ведь в прошлом, даже за куда меньшие промахи, она, бывало, честила меня на чём свет стоит, как сержант новобранца, который не знает команд «в ружьё» и «на плечо».

Так что я совершенно не был готов к новому испытанию, ожидавшему меня в конце пути. Когда я входил в столовую, кто-то вдруг выскочил оттуда мне навстречу, налетел на меня с разбегу и едва не вышиб из меня дух. Сцепившись в объятиях как два танцора, мы с ним вывалились в гостиную, и когда я включил свет, чтобы не натыкаться на мебель, то увидел, что обнимаю Фодергилла-старшего в шлёпанцах и халате. В правой руке он держал нож, а на полу у его ног лежал некий рулон — он выронил его при столкновении со мной. Я наклонился, поднял рулон, как того требовала вежливость, он развернулся — и увидев, что это, я издал удивлённое восклицание. Одновременно старший Фодергилл испустил

страдальческий стон. Сквозь растительность на его лице просвечивала болезненная бледность.

— Мистер Вустер! — произнёс, вернее сказать, пролепетал он блеющим голосом. — Слава богу, вы не Эверард!

Меня это тоже вполне устраивало. Меньше всего мне хотелось бы быть щуплым человечком с артистической бородищей.

— Без сомнения, — продолжал он, всё ещё блея, — вы удивляетесь тому, что я вот так, тайком уношу мою Венеру. Но я готов всё объяснить.

— Ну что ж, это замечательно.

— Вы ведь не художник…

— Скорее, литератор. Я однажды написал статью в «Будуар элегантной дамы» на тему о том, что носит хорошо одетый мужчина.

— Тем не менее, я думаю, вы сможете понять, что эта картина значит для меня. Это моё дитя. Я пестовал её, я любил её, она была частью моей жизни!

Тут он умолк, чтобы перевести дух. И я, изловчившись, вставил: — «Очень рад за вас», — чтобы поддержать разговор.

— Но потом Эверард женился, и в каком-то помутнении рассудка я отдал картину ему в качестве свадебного подарка. Как горько я об этом сожалел! Однако дело было сделано. Пути назад уже не было. Я видел, как он дорожит этой картиной. Сидя за столом, он не может отвести от неё глаз. Попросить её назад было выше моих сил, и в то же время я не мог жить без неё.

— Да, ситуация… — согласился я. — Что тут станешь делать?

— Казалось, выхода нет. И вот случились эти кражи картин по соседству. Вы слышали о них?

— Да. Тётя Далия рассказывала.

— Из соседних домов украли несколько ценных полотен, и мне пришло в голову, что если бы я сейчас… ээ… изъял мою Венеру, то Эверард решил бы, что это работа той же шайки и ничего не заподозрил. Я долго боролся с искушением… Простите, что вы сказали?

— Я только сказал: «Молодец».

— Да? Ну, в общем, я всячески старался побороть искушение, но сегодня вечером поддался ему. Мистер Вустер, у вас такое лицо…

Я не понял, что он имеет против моего лица, и оскорблённо выпрямился. Но потом сообразил, в каком смысле он это сказал.

— Спасибо на добром слове.

— И я уверен, что вы сердечный человек и не предадите меня. Вы ведь не расскажете Эверарду?

— Нет конечно, если вы не хотите. Так что, держать язык за зубами?

— Именно.

— Ну и лады.

— Спасибо, спасибо! Бесконечно вам благодарен! Ну что ж. уже поздновато, пожалуй, пора и на боковую. Спокойной ночи! — сказал он и прошмыгнул вверх по лестнице как кролик в свою нору. Едва он исчез, как я обнаружил рядом с собой тётю Далию и Дживса.

— А, вы здесь… — сказал я.

— Да, мы здесь! — ответила моя родственница довольно резко. — Что тебя так задержало?

— Я бы обернулся раньше, но мне помешали леопарды.

— Кто?

— Бородатые леопарды. Шекспир. Правильно, Дживс?

— Совершенно верно, сэр. Шекспир говорит, что солдат бородат, как леопард.[41]

— Да, а их речь проклятьями полна, — добавила тётя Далия. — И некоторые из них ты сейчас услышишь, если не объяснишь, о чём ты лопочешь!

— А я разве не сказал? Я остановился поболтать с Эдвардом Фодергиллом.

— Берти, ты пьян в стельку!

— Не пьян, моя единокровная старушка, а потрясён до глубины души. Я вам, тётушка Далия, расскажу поразительную историю!

И я рассказал им эту поразительную историю.

— Итак, — заключил я, — мы ещё раз получили урок: никогда не отчаиваться, какими бы мрачными ни казались перспективы. Только что небо было тёмным и надвигались грозовые тучи, а что мы имеем сейчас? Солнышко сияет, и синяя птица счастья снова на посту. Мадам Фодергилл хотела, чтобы Венеры не стало — и Венеры не стало. Voila! — повёл я рукой почти как настоящий парижанин.

— А что она скажет, когда узнает, что бесценной картины Эверарда тоже не стало из-за твоей тупости?

— Гм, — я понял, что она имела в виду. — Да, действительно…

— Она же страшно разозлится. Теперь мне не видать её сериала как своих ушей!

— Боюсь, что вы правы. Это я упустил из виду. Беру назад свои слова про солнце и синюю птицу.

Тётя набрала воздуха в лёгкие — невооружённым глазом было видно,

что сейчас начнётся…

— Берти, ты…

Тут Дживс вежливо кашлянул — у него это получается, как будто перхает овца на отдалённом склоне горы.

— Не позволите ли вы мне внести предложение, мэм?

— Да, Дживс? Напомнишь мне потом, — сказала моя родственница, обжигая меня взглядом, — и я договорю то, что собиралась. Вам слово, Дживс.

— Благодарю вас, мэм. У меня просто мелькнула мысль, что проблема, с которой мы столкнулись, имеет решение. Если бы мистера Вустера нашли здесь лежащим без чувств под разбитым окном и пустыми рамами от картин, миссис Фодергилл, я думаю, легко поверила бы, что он застал злоумышленников на месте преступления, и пытаясь защитить её собственность, пал их жертвой. Полагаю, она была бы вам признательна.

Тётушка Далия воспрянула как солнце из глубин мрака, в котором пребывала. Её лицо, и без того красное — следствие занятий охотой в любую погоду в дни юности, ещё больше залилось румянцем.

— Прямо в точку, Дживс! Я поняла! Она так проникнется благодарностью за его смелое поведение, что просто не сможет не пойти нам навстречу с этим романом!

— Так точно, мэм.

— Спасибо, Дживс!

— Не за что, мэм.

— Когда через много лет вы отдадите концы, ваш мозг непременно должен быть заспиртован и сохранён для нации. Потрясающий план, правда, Берти?

Я слушал их беседу, но ничего похожего на тётушкин восторг не испытывал. Я отметил порочность этого плана с самого начала — в той его части, где я должен лежать без чувств. Теперь я обратил их внимание на это обстоятельство.

— Ах, это! — сказала тётушка Далия. — Мы всё устроим. Я могла бы стукнуть тебя по голове, например… чем, Дживс?

— Молоток для гонга — очевидное решение, мэм.

— Правильно, молотком для гонга. И дело в шляпе!

— Ну что ж, всем спокойной ночи, — сказал я. — Я иду спать.

Она посмотрела на меня с видом тётки, которая не может поверить собственным ушам.

— Ты хочешь сказать, что выходишь из игры?

— Выхожу.

— Подумай как следует, Бертрам Вустер! Поразмысли, каков будет результат. Пройдут месяцы, месяцы и месяцы, а ты даже не понюхаешь кухни Анатоля. Он будет подавать свои Sylphides a la creme d'Ecrevisses и Timbales de Ris de Veau Toulousaines и всё что угодно, но тебя там не будет с большой ложкой. И это официальное предупреждение!

Я выпрямился во весь рост.

— Мне не страшны ваши угрозы, тётя Далия, они… как там дальше, Дживс?

— Вооружены вы доблестью так крепко, сэр, что все они, как лёгкий ветер, мимо проносятся…

— Вот именно! Я долго размышлял о проблеме с кухней Анатоля и пришёл к выводу, что это палка о двух концах. Его дымящиеся приношения, конечно, восторг, но как насчёт избыточного веса? В последний раз, когда я пользовался вашим гостеприимством в течение летних месяцев, я прибавил в талии целый дюйм. Мне лучше воздержаться от стряпни Анатоля. Я не хочу выглядеть как дядя Джордж!

Я имел в виду нынешнего лорда Яксли, видного завсегдатая Лондонских клубов, который с каждым годом становится всё более видным, особенно если смотреть сбоку.

— Так что, — продолжал я, — как это ни мучительно, я готов попрощаться навеки с вашими Timbales и. соответственно, отвечаю на ваше предложение стукнуть меня по голове молотком для гонга решительным nolle prosequi!

— Это твоё последнее слово?

— Да, — сказал я, и это оказалось действительно так, потому что едва я развернулся, чтобы уйти, как что-то сильно ударило меня по затылку, и я повалился, как падает какой-нибудь патриарх лесной чаши под топором дровосека.

Что за слово вертится у меня в голове? Начинается на «ха». Хаотический, вот оно! Некоторое время после этого впечатления были хаотическими. Первое, что я помню более-менее ясно — это как я лежу в постели, а рядом со мной раздаются рокочущие звуки. Когда туман рассеялся, я понял — это разговаривает тётушка Далия. Голос у неё весьма звучный. Как я уже упомянул, в своё время она много охотилась, и хотя сам я не охотник, я знаю, что главное в этом деле — это чтобы ваш голос был слышен через три пашни и рощу.

— Берти, — говорила она, — постарайся сосредоточиться и выслушать меня. У меня такие новости — ты просто запляшешь от

восторга!

— Пройдёт немало времени, — холодно ответил я, — прежде чем я займусь какими-то чёртовыми плясками. Моя голова…

— Да, конечно. Немного пострадала, но носить можно. Но давай не будем отвлекаться на посторонние предметы. Я скажу тебе финальный счёт! Все наши грязные делишки приписываются банде, возможно, международной, которая в последнее время воровала картины в этих местах. Корнелия Фодергилл, как и предвидел Дживс, до слёз восхищена твоим бесстрашным поведением и предоставляет мне права на свой роман на льготных условиях. Ты был прав насчёт синей птицы — она поёт!

— И моя голова тоже…

— Ещё бы! И сердце, как ты говоришь, кровью обливается. Но такие уж настали времена — каждому приходится идти на жертвы. Нельзя приготовить омлет, не разбив яиц.

— Это вы сами придумали?

— Нет, Дживс. Он это тихо произнёс, стоя над твоими останками.

— Ах, вот как? Ну, надеюсь, что в будущем… Послушайте, Дживс! — сказал я, когда он вошёл с чем-то вроде прохладительного напитка.

— Сэр?

— Насчёт яиц и омлетов. Если вы найдёте способ исключить с сегодняшнего дня первые и отменить последние, я буду очень вам обязан.

— Слушаюсь, сэр, — сказал славный малый. — Я буду иметь это в виду.

ПИЛЛИНГШОТ ОТКРЫВАЕТ СЧЕТ

Пиллингшот был вне себя. Как гнусно и оскорбительно — по-другому и не скажешь. Нет, он ничего не имел против заявлений мистера Меллиша, что его, Пиллингшота, работа в семестре, особенно над трудами Тита Ливия, не лезет ни в какие ворота. Учитель вправе так говорить, если ему угодно — на то он и учитель. Но когда мистер Меллиш без зазрения совести объявил, что в следующую субботу устроит по Ливию контрольную, Пиллингшот счел, что это переходит все границы. Так не честно. В конце семестра бывают экзамены, и это справедливо. Во всяком случае, точно известно, когда их ждать, и можно принять соответствующие меры. Но устраивать экзамен ни с того, ни с сего посреди семестра — низко, неспортивно, и вообще никуда не годится. Ах, если бы Пилингшот мог прекратить это безобразие: подойти к учительскому столу, смерить мистера Меллиша надменным взглядом и сказать: «Сэр, возьмите свои слова назад. Сию минуту отмените свое решение, а не то…», и так далее в том же духе.

В действительности он лишь простонал: «О, с-э-эр!!» — Да, — сказал мистер Меллиш с плохо скрываемым злорадством, увидев, как воспринял его слова Пиллингшот, — в следующую субботу будет контрольная по Титу Ливию. А кто не выполнит хотя бы половину заданий, Пиллингшот, — чуть ли не пропел учитель, — хотя бы половину, — будет строго наказан. Очень строго наказан, Пиллингшот. И урок пошел своим чередом.

— Да, уж — вот пакость-то, а? С Меллишем всегда так. Вечно норовит свинью подложить, — сказал Паркер, друг Пиллингшота, выслушав его прочувствованный монолог на тему гражданских прав и свобод в контексте контрольных по Титу Ливию в середине семестра.

— И что же мне теперь делать? — взорвался Пиллингшот.

— Советую вызубрить все к субботе, — ответил Паркер.

— Не мели чепухи, — раздраженно буркнул Пиллингшот. Что толку от друзей, способных лишь на дурацкие советы? Пиллингшот помрачнел и побрел к себе.

Произошло это в среду. Итак, чтобы изучить четверть тома Тита Ливия, оставалось всего два дня. Это было немыслимо. От него требовали невозможного.

В коридоре он встретил Смайта.

— Что делать будешь? — спросил Пиллингшот. Смайт был первый ученик: уж если он не знает, как справиться с этой бедой, то кто же?

— Будь любезен, — ответил Смайт, — поясни, о чем, собственно, идет речь. Может, тогда я сумею помочь тебе.

Пиллингшот с подчеркнутой вежливостью объяснил, что «речь» идет о контрольной по Ливию.

— Ах, это, — отмахнулся Смайт, — на всякий случай пролистаю текст, внимательно прочитаю свои записи, а потом, если хватит времени, освежу в памяти историю периода. И тебе советую.

— Что за чушь! — сказал Пиллингшот, снова помрачнел и побрел к себе.

Весь день он корпел над «Энеидой», переписывая четвертую книгу. В начале недели у него возникли некоторые разногласия с месье Жераром, учителем французского языка.

Дело в том, что взгляды Пиллингшота на поведение и манеру держаться на уроках французского не вполне совпадали со взглядами месье Жерара. Пиллингшот рассматривал урок французского как нечто среднее между балаганным представлением и регбийными баталиями. Спихнуть соседа со скамейки и свалить на него книги казалось Пиллингшоту необычайно забавным трюком. К сожалению, месье Жерар не обладал развитым чувством юмора. Он дважды предупредил шутника, а на третий раз предложил тому остаться в среду после уроков.

Пришлось оставаться и переписывать Вергилия.

В четверть пятого Пиллингшот вышел из заточения. Подойдя к спортивным площадкам, он увидел, что кого-то несут на носилках по направлению к «Пансиону». В этот момент на глаза ему попался Паркер. Тот быстро шагал к школьному кафетерию, а его живое лицо сияло от восторга в предвкушении лимонада.

— Эй, Паркер, что там за труп? — спросил Пиллингшот.

— Как, ты не слышал? А, ну да — ты же у нас наказанный. Это Браун. Вроде, без сознания.

— А что случилось?

— Это все дубина Бабингтон из «Дакра». Вышел и давай лупить со всей мочи абы куда, — ну, знаешь, разминался перед игрой. Вот Браун и попал прямо под один из его мячей. По голове ударило, сбоку.

— Сильно досталось?

— Да, нет, не думаю. Освободят от занятий на неделю.

— Везет же. Меня бы кто по голове ударил. Слушай, Паркер, может, ты меня треснешь?

— Может, лучше съедим по мороженому?

— Идет, — согласился Пиллингшот. Была у него такая особенность — в любой день и час, невзирая на погоду, он всегда находил в себе силы полакомиться мороженым. Здесь его усердие не знало границ. Вероятно, причиной тому была гениальность. Едва он покончил с обещанным мороженым, на него свалилась еще одна напасть. В кафетерий вошел Скотт из сборной команды. Скотт нравился Пиллингшоту, но не настолько, чтобы закрывать глаза на определенные недостатки его характера. Во-первых, Скотт был чересчур энергичен. Во-вторых, от его энергии страдали окружающие. Он все время заставлял Пиллингшота что-то делать. Сам же Пиллингшот желал от жизни только одного — dolce far niente.[42]

— Имбирного лимонаду, пожалуйста, — выговорил Скотт запекшимися губами. Он отрабатывал подачу, а день выдался жаркий. — А, Пиллингшот, юный бездельник! Почему не в форме? Отлыниваем от игр в короткий день? Вам, юноша, пора взяться за ум.

— Меня оставили после уроков, — с достоинством ответил Пиллингшот.

— Это уже который раз в семестре? На рекорд идешь? Проявляешь спортивный дух? Скучновато там, а? Еще лимонаду, пожалста.

— Есть немного, — согласился Пиллингшот.

— Так я и думал. А теперь, небось, до смерти хочется размяться. Ну, конечно. Давай-ка, вот что — бегом переодеваться, а потом возвращайся, будешь принимать мяч в поле. Йорк хочет продемонстрировать мне свои знаменитые медленные подачи. Надо показать ему, как с такими пустяками разделался бы Джессоп[43] на пике формы.

Скотт управлялся с битой лучше всех в «Пансионе».[44] Мистер Йорк был одним из учителей. Он подавал медленные крученые мячи, в основном «под биту»[45] или сильно укороченные,[46] Интуиция подсказывала Пиллингшоту, что если Йорк будет подавать, а Скотт отбивать, прием мяча в поле не доставит особого удовольствия. Играть на приеме — значит стоять посреди футбольного поля, не имея ни малейшего понятия, как поведет себя летящий к тебе мяч. Если повезет, обойдется без травм и увечий. Однако, как правило, крикетный мяч в зависимости от высоты полета норовит пересчитать принимающему ребра или зубы. Пиллингшот стал вежливо, но твердо отказываться от предложения.

— Не мели чепухи, — ответил Скотт, — ты же должен тренироваться, а не то потолстеешь. Представь, Пиллингшот, что будет, если ты

испортишь фигуру, каким ударом это станет для твоей семьи. Соберись. Успеешь вернуться через четверть часа, — получишь еще одно мороженое. Большое мороженое, Пиллингшот, за шесть пенсов. Подумай об этом.

Упоминание о мороженом, как уже было сказано, затрагивало тайные струны души, к которым он всегда прислушивался. Еще не прошли отведенные пятнадцать минут, когда он переоделся и вернулся.

— А вот и мороженое, — сказал Скотт, — я следил, чтобы не остыло. Лопай быстрее. Пора отправляться к полю. Живо, живо! Да не смакуй ты, это тебе не портвейн. Так. Закончил? Молодец. Пошли.

Вообще-то он не закончил, но Скотт так искренне в это верил, что было бы жестоко его разочаровывать, и Пиллингшот последовал за своим мучителем.

Полдня он просидел сиднем, но теперь с лихвой это восполнил. Скотт был в отличной форме, и Пиллингшот сделал любопытное наблюдение: неизменно отбивая подачи мистера Йорка чуть ли не на полкилометра, он каждый раз менял направление удара. Не успеешь добежать в один конец поля, чтобы вернуть мяч, как уже слышится мелодичное «бум» — и мяч уносится в прямо противоположную сторону. Скотт великолепно орудовал битой, но Пиллингшот предпочел бы любоваться его мастерством с трибуны.

— Вы, юноша, растете на глазах, — сказал Скотт, снимая защитные наколенники. Такому мастерскому приему животом позавидует любой первоклассный крикетист. Прямо хоть уроки давай. А теперь пойдем выпьем чаю.

Будь Пиллингшот лучше знаком с классикой, он непременно вспомнил бы «Бойся данайцев» и предпринял бы отчаянную попытку к бегству. Однако заманчивое предложение Скотта не вызвало у него подозрений. Он сразу же представил, как сидит, удобно устроившись в кресле, неспешно, одну за другой, отправляя себе в рот булочки, только что разогретые одним из младших учеников. Он последовал за Скоттом, повторив тем самым классический сюжет истории с устрицами.[47] Их в свое время тоже никто не мог удержать.

Войдя в комнату, Пиллингшот со вздохом облегчения хотел было расположиться в самом удобном кресле, но тут Скотт раскрыл карты.

— Вот что, — сказал он со спокойствием, которое, как показалось Пиллингшоту, граничило с наглостью, — парнишки, который помогает мне по хозяйству, сегодня не будет. Этот заморыш взял да и заболел то ли свинкой, то ли чумой. Будь другом, разожги плиту, ладно? Жарковато будет, но ничего. Булочки в шкафу. Ты, пожалуй, займись ими. Там где-то

на стене висит вилка для поджаривания. Нашел? Молодец. Ну, вперед.

Сам Скотт взял пачку печенья, собрал пять подушек и удобно устроился на двух сдвинутых креслах. Не находя достаточно емких слов, чтобы выразить свои чувства, Пиллингшот молча принялся за работу. Удивительно, но Скотту просто невозможно было отказать, а сам он все воспринимал, как должное. Если бы ему вдруг вздумалось подослать убийцу к германскому императору, он просто сказал бы: «Послушай, дуй в Германию! Убьешь там кайзера. Вот и славно. Ну, поживей!»

Едва Пиллингшот разогрел булочки, как открылась дверь и вошел Венейблс из «Меривейля».

— Кажется, Скотт, ты что-то говорил про чай, — сказал Венейблс, — вот я и решил заглянуть на всякий случай. Ну и ну, горячие булочки в это время года! Ты вообще-то знаешь, какая сейчас температура в тени?

— Присядь, — сказал Скотт, — мой успех в жизни целиком и полностью объясняется тем, что я готов есть горячие булочки в любую погоду. Ты знаком с Пиллингшотом? Один из самых проворных полевых игроков во всей школе. Он, правда, уже малость поостыл. Венейблс — Пиллингшот, Пиллингшот — Венейблс. Поторапливайся с чаем, Пиллингшот. Ах, все готово? Отлично. Ну, можно приступать.

— Чертовски жаль Брауна, — продолжил Скотт, — нельзя же так лупить, когда вокруг полно народу. Он, поди, и не поправится к субботе?

— Точно не поправится. А что? Ах, ну да, чуть не забыл! Он же должен был вести счет на выезде в Уиндибери.

— Кого теперь возьмешь?

Венейблс был капитаном сборной. В следующую субботу команда играла в гостях с Уиндибери.

— Еще не решил, — ответил Венейблс, — да найду кого-нибудь. Очки считать — дело нехитрое.

И тут Пиллингшота осенило. Идея была блестящая, просто потрясающая.

— А можно мне вести счет? — с трепетом спросил он, и замер в ожидании ответа.

— А что? — сказал Венейблз, — Можно. Отправляемся со станции в 8.14. Не вздумай опоздать.

— Ни в коем случае, — обрадовался Пиллингшот.

В субботу утром, ровно в 9.15, мистер Меллиш раздал задания по Ливию. Обнаружив, что парта Пиллингшота пустует, учитель выпучил глаза, как сбитый с толку злодей из дешевой мелодрамы.

— Где Пиллингшот? — трагически воскликнул он.

— Уехал с командой в Уиндибери, — ответил Паркер, изо всех сил стараясь скрыть рекордной ширины улыбку. — Будет вести счет.

«Пожалуй, — горько подумал мистер Меллиш, — счет он уже открыл».

ПЕРЕПЛАВЛЕНЫ В ГОРНИЛЕ

Ежегодный концерт клуба «Трутни» только что кончился, и небольшая группа, собравшаяся напоследок в баре, признала, что жемчужиной программы был шестой номер, конкретней — комический диалог Сирила Фотерингей-Фиппса, именуемого Чайник, и Реджинальда Твистлтона-Твистлтона, alias Мартышки. Сирил с рыжей бородой и Реджинальд в прекрасных зеленых баках играли бесподобно. Их блистательные реплики поистине очаровали публику.

— И что странно, — сказал один Трутень, — они лучше, чем в прошлом году. Как-то глубже.

Другой Трутень умудренно кивнул.

— Да, я тоже это заметил, — сказал он. — Но есть причина. Недавно они прошли через испытания, преобразившие их душу. Правда, из-за тех же испытаний номер мог сорваться. Известно ли вам, что они чуть не отказались выступать?

— Быть не может!

— Может. У них испортились отношения, а могли и вообще рухнуть. Одно время они почти не разговаривали.

Слушатели усомнились. Они напомнили, что эта дружба вошла в поговорку. Образованный Трутень сравнил Ч. и М., ну, с этими самыми, как их.

— Однако, — возразил главный Трутень, — я говорю чистую правду. Две недели назад если бы Чайник сказал Мартышке: «С какой это дамой я тебя видел?» — тот не ответил бы: «Это не дама, а моя жена». Он просто поднял бы брови и отвернулся.

Конечно (продолжал Трутень), поссорились они из-за женщины, некоей Анджелики Бриско, дочери преподобного П.П. Бриско, пасшего души в Мейден Эггсфорд (Сомерсетшир). Расположена деревушка в десяти —двенадцати милях от морского курорта Бридмут, где в магазине Торпа и Уиджера неразлучные друзья увидели прекрасную даму.

Поехали они в Бридмут отчасти ради гольфа, отчасти — ради отрешения от суеты, необходимого при подготовке диалога. Тем утром, о котором я веду речь, они зашли к Торпу и Уиджери, чтобы купить то и се, и там увидели девушку неслыханной красоты, которая только что заплатила за пять фунтов бекона. Пока они стояли и смотрели, она сказала

приказчику:

— Ну, вот. Пошлите, пожалуйста, в Мейсен Эгсфорд, дом викария, мисс Анджелике Бриско.

И ушла; а Чайник с Мартышкой, словно опаленные молнией, нервно купили сардин, а также кусок хорошего масла. Потом они притихли, а после обеда Мартышка сказал Чайнику:

— Вот что, Чайник… А Чайник сказал:

— Да?

— Вот что, — продолжил Мартышка, — ты уж прости, но мне надо съездить в Лондон денька на два. Дела, понимаешь! Ничего, что я тебя брошу?

Чайник с трудом скрыл радость. Увидев эту девушку, он сразу понял, что надо заехать в Мейден Эгсфорд, и гадал, куда же деть тело, то есть Мартышку.

— Ну, что ты! — сказал он.

— Вернусь, как только смогу.

— Не торопись, — сердечно сказал Чайник. — Диалогу это пойдет на пользу. Любой актер знает, что хуже всего — слишком много репетировать. В общем, не торопись.

Наутро (конкретней — в субботу) Мартышка сел в поезд, а попозже Чайник, собрав вещички, перебрался в Мейден Эгсфорд, где поселился в «Гусе и Кузнечике». Устроившись в номере, он пошел в бар, освежиться, и его влюбленный взор тут же различил Мартышку, беседующего с девицей, продающей напитки.

Оба не столько удивились, сколько смутились.

— Привет! — сказал Чайник.

— Привет! — сказал и Мартышка.

— Значит, ты здесь?

— Да. И ты здесь?

— Да.

Они немного помолчали.

— Не поехал в Лондон? — спросил Чайник.

— Нет, — ответил Мартышка.

— Ы… — сказал Чайник.

— А ты не в Бридмуте?

— Нет.

— Ы…

Они помолчали снова.

— Сюда приехал? — спросил Мартышка.

— Да (Чайник). И ты, я смотрю, тоже.

— Да. Какое совпадение!

— Чудеса.

— Ну, ваше здоровье.

— Пип-пип!

Чайник осушил бокал по возможности браво, но душа его скорбела. Он мог помножить два на два, и понимал, что Мартышку привела сюда любовь. Это было неприятно. Позже он говорил мне, что именно тогда подумал, не сбежать ли, махнув рукой на диалог. Какие диалоги, какие остроты с таким низким изменником?

Беседа не шла, и Мартышка, суховато извинившись, отправился наверх. Чайник слушал отчет девицы о том, как действуют огурцы на ее желудок, когда появился молодой человек в костюме для гольфа и галстуке их школы.

Ну, сами знаете, что бывает, если ты увидишь былого собрата среди незнакомых. Вы кидаетесь к нему раньше, чем он поймет, в чем дело. Именно так собирался поступить и Чайник, когда бармен сказал:

— Здравствуйте, мистер Бриско.

Пораженный Чайник переспросил нервным шепотом:

— Бриско?

— Да, сэр.

— Из дома, где викарий?

— Да, сэр.

Чайник затрясся, как желе. *Ее* брат — его соученик! Есть ли связь сильнее школы? Да он и ему вроде брата.

Чайник прямо направился к столику, где сидел новоприбывший.

— Вижу, у вас галстук… — начал он.

Бриско нервно дернулся, но понял, что выхода нет, и слабо улыбнулся.

— Джину? — предположил он.

— Да я уже пью, — ответил Чайник. — Можно, я к вам переберусь? Это же чудеса! Добрая старая школа!

— О, да…

— Кажется, я учился позже класса на два, — предположил Чайник, поскольку Бриско был немолод, лет двадцати восьми. — Моя фамилия Фотерингей-Фиппс. А вы Бриско, да?

— Да-а…

Чайник что-то проглотил.

— Ы… А… Э… Кажется, я видел вашу сестру. Вчера. В Бридмуте. — Он приятно покраснел. Точнее, он побагровел и понял, что тайна раскрыта.

— Видели вчера, вот как? — спросил тем временем Бриско.

— Да.

— А сегодня уже здесь!

— Э-э… да.

— Ну-ну!

Они помолчали. Чайник бледнее не стал.

— Хотите с ней встретиться? — осведомился Бриско.

— О, да! Я ее видел недолго, она покупала бекон, но мне показалось, что она ослепительна.

— Пожалуй.

— То есть, я почти не разглядел, но есть в ней что-то этакое…

— Не без того.

— Я только взглянул, но сразу понял, что у нее чистая душа. Скажем, — совсем разошелся Чайник, — как у ангела.

— Да, встретиться вам надо, — сказал Бриско и покачал головой. — Но толку не будет.

— Почему? — забеспокоился Чайник.

— Ну, вы же знаете девушек. Вечно у них причуды. Сейчас она готовит ежегодный школьный праздник. Сразу видно, что вы человек умный, насмешливый. Тут не захочешь, а состришь. Смеяться она будет, это да, но на самом деле обидится.

— Да я ни за что на свете!

— Ну, хорошо. Предположим, что вы удержитесь. Тогда она попросит ей помочь. Это выше человеческих сил.

Чайник затрепетал. На такое он и не надеялся.

— Вы хотите сказать, что она разрешит мне…

— Неужели вы рискнете?

— Конечно! Конечно!

— Тогда дело в шляпе. Сейчас она за мной заедет.

И точно, минуты через две мелодичный голос позвал кого-то, откликавшегося на имя «Дурашка».

Бриско вывел Чайника на улицу, где стояла двухместная машина, и представил его Анджелике. Она улыбнулась, равно как и Чайник. Бриско сообщил, что его школьный друг горит желанием помочь с праздником. Анджелика улыбнулась снова; Чайник тоже. Уезжая, она напомнила, что подготовку начинают ровно в два, в понедельник.

За обедом Чайник с Мартышкой отрабатывали диалог. Они обычно делали это за едой, поскольку заметили, что жевание обостряет разум. Но сегодня любой увидел бы, что это не так. Как-то все шло натянуто, или,

скажем, вяло. Мартышка сказал, что у его тетки ревматизм, но не дождался ответа. Чайник сообщил, что его отец не может встретиться с должниками, и Мартышка откликнулся: «А хочет?» Но не было в этом огня и даже искры. Наконец, они угрюмо умолкли, и тут заглянула девица из бара.

— Мистер Фиппс, — сообщила она, — мисс Бриско просили передать, чтобы вы пришли немного пораньше. Так, в четверть второго. Очень много дел.

— С удовольствием, — ответил Чайник, немного смущенный, поскольку друг его явно зашипел.

— Я ей передам, — сказала девица.

Когда она ушла, Чайник заметил, что Мартышка прожигает его взглядом.

— Что это значит? — спросил былой друг. Чайник притворился беспечным.

— Ах, ничего! У них тут школьный праздник. Дочь викария такая мисс Бриско, хочет, чтобы я зашел, ей помог.

Мартышка заскрипел зубами, но не очень успешно, поскольку он ел пюре. Зато по столу он стучал так, что костяшки побелели.

— Значит, ты втерся к ней в доверие? — спросил он.

— Что за тон, Реджинальд!

— Какой еще тон? Нет, какой тон? Как хочу, так и говорю. А ты — мерзавец. Столько лет дружили!.. Заполз, понимаете, сюда и обольщает ту, кого я люблю!

— Да ты…

— С меня хватит!

— Да я…

— Сказано, все!

— Да я ее тоже люблю! Разве я виноват, что мы оба ее любим? Если кто-то кого-то любит, он не обязан убить свои чувства ради еще кого-нибудь. В любви каждый — за себя. Что, Ромео уступил бы Джульетту? То-то и оно. Так что я не понимаю…

— Па-просил бы… — вставил Чайник.

Они замолчали.

— Фотерингей-Фиппс, — сказал наконец Мартышка — не передадите ли горчицу?

— Пожалуйста, Твистлтон-Твистлтон, — надменно ответил Чайник.

Неприятно поссориться со старым другом. Сидишь в захолустном кабачке, а поговорить не с кем. Так и прошло воскресенье.

В Мейден Эгсфорде, как во многих наших деревнях, в воскресенье не очень весело. Или вы сидите дома, или гуляете по главной улице до водонапорной башни и обратно. Вы поймете, в каком состоянии был Чайник Ф.-Ф., если я скажу, что, услышав вечерний звон, он выскочил из «Кузнечика», словно завидел пожарную машину. Мысль о том, что в Мейден Эгсфорде есть что-то кроме башни, поразила его. В три прыжка оказался он на церковной скамейке; и странные чувства возникли в его душе.

Есть что-то такое в церковной службе, когда ее служат в деревне, летом, что пробивает самых очерствелых. Дверь была открыта, и через нее доносился запах листвы и вьющихся цветов, жужжание пчел. Чайник преображался с каждой минутой. Слушая Писание, он уже был другим человеком.

Текст был ветхозаветный, из тех, где Авимелех родил Иезонию, а Иезония родил Захарию, и красота слов, как и мирные сельские звуки, вконец сокрушили сердце Чайника.

Он обидел старого доброго Мартышку! Лучший из людей, носивших лиловые носки, верный друг — и что же? Отвергнут, унижен, мало того, разлучен с любимой девушкой. Они дружили с детства, делили последний леденец. Что же это такое?! Допустимо ли это? Праведно ли? Авимелех в жизни не поступил бы так с Иезонией. Или, скажем, Иезония — с Захарией. Нет, не поступил бы.

Лучший, обновленный Чайник вышел из храма после долгой проповеди. Он принял решение. Быть может, оно разобьет ему сердце, перечеркнет оставшуюся жизнь, но от борьбы надо отказаться, отдать Анджелику Мартышке.

Вечером, закусывая, Чайник откашлялся и посмотрел на друга с печальной улыбкой.

— Мартышка, — сказал он.

Тот хмуро взглянул на него поверх картофеля.

— Вы что-то хотите сказать мне, Фотерингей? — осведомился он.

— Да, — отвечал Чайник. — Только что я послал записку Анджелике, сообщая, что вместо меня завтра придешь ты. Бери ее. Мартышка. Она твоя. Я ухожу со сцены.

Мартышка удивился, мало того — он просиял, словно траппист, решивший махнуть рукой на все это молчание.

— Вот это да! Такого благородства…

— Ну, что ты, что ты!

— Я просто не знаю, что сказать.

— Желаю вам счастья.

— Спасибо, старик.

— Огромного счастья.

— Помни, у нас всегда будет для тебя ножи вилка. Научим детей звать тебя «Дядя Чайник».

— Спасибо, — сказал Чайник, — спасибо.

— Не за что, не за что.

Тут девица принесла Чайнику записку. Он прочитал ее и смял.

— От нее? — спросил Мартышка.

— Да.

— Все понимает и так далее?

— Да.

Мартышка задумчиво поел сыра. Чайник молчал, ведь он скрыл истину. Анджелика писала, что вместо школьников он может взять местных матерей, тоже участвовавших в празднествах. Кто-то должен отвечать за них, а младший священник вывихнул лодыжку.

Чайник читал между строк. Он понимал, что его роковое обаяние сделало свое дело. Она не может от него отказаться. Да и вообще, школьники — пустяк, а вот эти матери — потруднее. Их она может доверить только тому, кого… хм… э-э… любит.

Он вздохнул. Что ж, от судьбы не уйдешь. Он сделал ради друга все, что мог, но куда ему против нее!

Мне было нелегко (сказал Трутень) выяснить толком, что же случилось на ежегодных игрищах матерей. Чайник говорил об этом так, словно его томит старая рана. Только на четвертом коктейле он мало-мальски раскрылся и, глядя каменным взором, поведал о тогдашних событиях. Правда, каждое слово давалось ему с трудом.

По-видимому, началось все мирно. Шестнадцать особ средних лет сели в автобус и отъехали от викариата. Провожал их сам настоятель, преподобный П.П. Бриско. Под его строгим взором, рассказывал Чайник, дамы были как шелковые. В то время, как ни странно, он боялся только скуки.

И зря. Скуки не было.

Как я говорил, отъехали дамы в тихом, мирном настроении. Поразительно, насколько изменили их какие-то 50 ярдов. Когда викарий уже не мог их видеть, они неожиданно разрезвились. Чайник почувствовал недоброе, заметив, что очень толстая особа в розовой шляпке и цветастом платье внезапно запустила в случайного велосипедиста хорошим спелым

помидором, свалив его тем самым в канаву. Все шестнадцать матерей смеялись, как фурии. Они явно решили, что праздник начался.

Теперь, оглядываясь назад, Чайник говорит, что этих матерей понять можно. Сидишь целый год в таком местечке, занятия — два, стирка и церковь, вот и мечтаешь о вакханалии. Но тогда он об этом не думал и ужасно страдал.

Он был человек скромный, публичности не любил, а как от нее скроешься, если ты едешь в автобусе с шестнадцатью особами, которые то распевают сомнительные песни, то на простой домашний манер бранят прохожих? Особенно запомнилась ему особа в очках и в мягкой шляпе, которую она сняла на ходу с другого велосипедиста. Словарь ее приближался к лексикону Рабле.

Наконец она довела несчастного Чайника.

— Ну, знаете… — сказал он, чувствуя, как слабы его доводы. — Все-таки… э…

Однако слова его произвели глубокое впечатление. Особы посмотрели друг на друга, поджав губы, подняв брови.

— Молодой человек, — сказала особа в шляпке, видимо, считавшая себя вождем, — не помолчите ли часом?

— Нет, это надо же! — возмутилась вторая, а третья заметила: «Вот зануда!»

— Такой сопляк! — поддала жару особа в мягкой шляпе и все захохотали, выражая согласие.

Чайник скис и жалел только о том, что, презрев советы семьи, не пошел в священники. Тех специально тренируют.

Хороший, крутой священник, грозно кривящий губы, быстро бы унасекомил этих мамаш. Он играл бы на них, как на гуслях или десятиструнной псалтыри. Но Чайник священником не стал и сделать ничего не мог.

Он настолько ничего не мог сделать, что, когда они свернули к Бридмуту, совсем пал духом. Викарий говорил, что едут они в соседнюю деревушку Ботсфорд Мортимер, к руинам древнего аббатства, где зайдут в музей (основанный и подаренный покойным сэром Уондсбери Поттом, мировым судьей), немного займутся рукоделием и поедут обратно. Они же направлялись в Бридсмут, к парку развлечений. Чайник задрожал от одной мысли о шестнадцати вакханках в этом парке, но говорить не посмел.

Примерно тогда, рассказывал он позже, он увидел глазами души, как блаженствует Мартышка среди школьников.

О том, что было в парке, Чайник просил меня не допытываться. Он сказал, что до сих пор содрогается при одном воспоминании. Крайне удивила его и психология матерей. По-видимому, думал он, у этих матерей матери были и, тем самым, они знати различие между добром и злом; и все же… Уточнять он не стал, но заверил меня, что одна особа в лиловой накидке, судя по всему, жила ради наслаждений.

Возникли некоторые трения, владелец парка их выгнал, и они отправились на пляж. Кажется, трения были чисто финансовые — владелец утверждал, что мать в бомбазиновом платье каталась на карусели одиннадцать раз, а заплатила один. Удар пришелся по Чайнику, что совсем уж печально, ибо на пути к морю бомбазиновая мать объяснила, что каталась она двенадцать раз, а заплатила — два.

Однако страдалец был так счастлив, что выбрался из парка, что счел подбитый глаз вполне резонной платой. Особенно вознесся он духом, когда все шестнадцать особ хором заорали и кинулись в лодку, которую услужливый ветер быстро отнес от берега. Хуже всего пришлось тому, кто взялся за весла.

Естественно, то был Чайник. Лодочник, человек разумный, отказался вести к берегу такой ковчег. Чайник несмело к нему подъезжал, но тот ответил, что должен следить за рулем, а когда наш герой намекнул, что и он рулить умеет, сообщил, что не доверит любителю ценную лодку. После этого он закурил трубку и принял позу римского патриция на пиру, а Чайник, повторим, взялся за весла точно того же размера, что и у галерных рабов.

Для человека, знавшего в Оксфорде только легкое каноэ, справился он хорошо, тем более, что матери мешали как могли. Они распевали что-то вроде «Эй, бодрей!» (хотя ему казалось, что тут подошла бы песня волжских бурлаков) и очень сбивали его с такта. Семь раз ловил он леща и семь раз все шестнадцать штук, прекратив пение, хохотали. Словом, испытание — на любителя. Прибавьте пляску на песке и обратный путь, и вы согласитесь, что входя в бар, Чайник заслужил хорошую выпивку.

Он как раз ставил кружку, чтобы налили еще пива, когда дверь открылась, и вошел Мартышка. Если бы Ф.-Ф. был меньше занят своими бедами, он бы заметил, что друг — не в лучшем виде. Воротничок его был порван, волосы взлохмачены, лицо перепачкано шоколадом, а к спине прилеплен бутерброд с вареньем. Увидев Чайника, он так разволновался, что кинулся на него, еще не заказав джину с джинджером.

— Ну, спасибо! — начал он. — Премного благодарен!

— За что? — спросил Чайник, уже обретя дар речи.

— За школьников, — едко ответил Мартышка. — За этих мальчишек с липкими ручонками. За… Что ты смотришь, как больная рыба? Я понял твои козни. Это же только выдумать! Вот уж, поистине, бес! Решил, видите ли, унизить меня перед Анджеликой! Конечно, если девушка видит, как эти гады бьют тебя свернутыми газетами, она к тебе изменится. Хо! — закончил Мартышка, спросив наконец джину.

Конечно, Чайник был потрясен, но вежество Фотерингеев не позволило ему продолжить беседу на людях. У девицы, к примеру, уже шевелились ушки.

— Не знаю, о чем ты говоришь, — сказал он, — но пойдем-ка лучше ко мне. Нельзя трепать в баре имя женщины.

— Это кто же его треплет?

— Ты. Если, по-твоему, это не называется «трепать», я уж и не знаю… Однако, слава Богу, есть люди с чувством чести.

Словом, они пошли наверх, и Чайник закрыл двери.

— Так, — сказал он, — что ты бесишься?

— Я уже говорил.

— Ну, повтори.

— С удовольствием!

— Ладно. Нет, минуточку!

Чайник резко открыл дверь и услышал, как катится по ступенькам девица. Потом он дверь закрыл и сказал:

— Ну, вот. Теперь — просим.

Мартышка отпил джину с джинджером и начал снова:

— Нет, такой пакости! Нет, такой подлости! Я тебя вижу насквозь, Фотерингей-Фиппс. Насквозь! Ты знал, во что превращается человек на школьном празднике. Ты не хотел, чтобы Анджелика видела тебя в шоколаде и варенье. А я, дурак, тебе верил!

Сперва Чайник онемел от удивления, потом обрел дар речи. Его благородная душа не могла вынести такой несправедливости.

— Какая чушь! — воскликнул он. — Какой собачий бред! Мои мотивы — чисто рыцарские. Я приносил жертву, не думая о том, что трудно полюбить такое лупоглазое чучело.

Мартышка удивился.

— Чучело?

— Вот именно

— Лупоглазое?

— А то как же! Если хочешь знать, причина в том, что ты начисто лишен обаяния. Тонкой, чувствительной душе не нужно тебя видеть в

шоколаде, чтобы испытать — да, да! — брезгливость.

— Вот как?

— Именно так.

— Да? Разрешите сказать, что Анджелика меня любит.

— То есть меня. Я, слова Богу, разбираюсь в улыбках и взглядах. Ставлю одиннадцать к четырем, что вскоре Анджелика будет Фотерингей-Фиппс. Нет, тридцать три к восьми.

— В какой монете?

— В десятках.

— Идет.

Тут дверь приоткрылась;

— Простите, — сказала девица.

Соперники воззрились на нее. Она была толстой, добродушной и потирала левое ухо. Лестницы в «Гусе и кузнечике» крутые.

— Простите, — повторила она, — я случайно услышала ваш разговор и должна внести ясность. Какие пари? Мисс Бриско выходит замуж.

Нетрудно представить эффект этих слов. Мартышка упал на единственный стул, Чайник привалился к умывальнику.

— Что? — сказал один.

— Как? — сказал другой.

— Да вы сами с ним разговаривали, — сказала девица Чайнику. — Вчера, у нас в баре.

— Не говорите глупостей, моя дорогая, — возразил он. — Это ее брат.

— Нет, что вы!

— Вы же сами сказали, что он живет у викария.

— Гостит, сэр, он их родственник. А помолвлены с мисс Анджеликой они с Рождества.

Чайник сурово посмотрел на нее.

— Что же вы молчали, несчастная? С вашими привычками должны были знать, что мы в нее влюблены. Если бы не вы, мой бедный друг не страдал бы на школьном празднике…

— Мистер Бриско боялся именно школьного праздника. В прошлом году он там намучался, сам мне говорил. И очень просил, чтобы я вам ничего не рассказывала, и теперь взяли вас, а не его. Очень приятный человек, мы его уважаем. Ну, заговорилась я! А кто будет в баре?

Она ушла, Чайник первым нарушил молчание.

— Что ж, — сказал он — у нас осталось Искусство. — Он похлопал Мартышку по плечу. — Конечно, удар тяжелый.

Мартышка отнял руки от лица и потянулся за портсигаром. Вид у него

был такой, словно он очнулся.

— Тяжелый? — повторил он. — Это как посмотреть. Стоит ли страданий девушка, которая сознательно толкнула человека на школьный праздник?

— И верно! — удивился Мартышка. — Или, скажем, загнала его к этим матерям.

— Вот я тебе опишу игру «Мистер Смит дома?» Суют твою голову в мешок, а сами…

— А у нас была мамаша в лиловой накидке…

— Атакой Хорее…

— А мамаша в мягкой шляпе…

— Словом, — сказал Мартышка, — мы сдуру влюбились во властную, жестокую личность без капли жалости. Чайник, старикан, держись подальше от дочек викария!

— Верно, — согласился Фиппс. — А не взять ли нам машину и не махнуть ли в Лондон?

— Взять и махнуть. И тут же начать репетиции.

— Точно.

— Времени — в обрез.

— Вот именно. Значит так: у моей тетки ревматизм.

— А у моей — болонка. Отец не может видеть своих должников.

— А он хочет? Дядя Джо опустился на самое дно.

— Ай-я-яй! Что же он делает?

— Работает водолазом. Вот что Мартышка, возьми себе зеленые баки.

— Нет, что ты!

— Бери, бери. Я давно хотел уступить их.

— Чайник!

— Мартышка.

Они обнялись. Их дружба вышла из горнила.

ДЖОРДЖ И АЛЬФРЕД

Небольшая группа мыслителей, собравшихся в «Привале рыболова», вела речь о близнецах. Джин с Тоником затронул эту тему, поскольку у его кузена родилась двойня, и беседа топталась на месте, пока все не увидали, что мистер Маллинер, местный мудрец, улыбается, словно что-то вспомнил.

— Я подумал о Джордже и Альфреде, моих племянниках, — пояснил он. — Они близнецы.

— Очень похожи? — спросил Скоч.

— Как две капли воды.

— Наверное, их вечно путали?

— Так и было бы, конечно, если бы они вращались в одном кругу, но жизнь развела их.

Альфред, профессиональный фокусник (сказал мистер Маллинер), проживал в Лондоне, тогда как Джордж уехал за счастьем в Голливуд, где рано или поздно пристроился на «Супер-Ультра», у Джейкоба Шнелленхаммера, помощником сценариста по диалогу.

Помощники эти, если не ошибаюсь, занимают не очень высокое место — так. между машинисткой и механическим ветром, но жалость моя смягчалась тем, что работал он временно, ибо в тридцать лет должен был получить крупную сумму, оставленную крестной.

Мы не виделись довольно долго, когда судьба свела нас на яхте Шнелленхаммера. С киномагнатом я подружился в Англии, он туда наведывался, а на сей раз я встретил его, гуляя по центру, и узнал, что он отплывает в Монте-Карло, чтобы обсудить то и се с Сэмом Глутцем из Перфекто-Коллосаль. Пригласил он и меня, а на яхте я сразу встретил Джорджа.

Он был в прекрасном настроении. За несколько дней до того ему исполнилось тридцать, и в Монако его ждали деньги.

— Твой поверенный туда поехал? — спросил я.

— Он там живет, — отвечал Джордж. — Такой, знаешь, Бессинджер.

— Ну, поздравляю. Придумал что-нибудь?

— Да уж, немало. Первым делом уйду со студии. Сколько можно поддакивать!

— Мне казалось, ты по диалогам.

— Одна собака. Я поддакивал Шнелленхаммеру три года. Хватит.

Когда я один, я репетирую новый репертуар. Вот так вот: «Нет, мистер Шнелленхаммер», «Вы неправы, мистер Шнелленхаммер». «Какая чушь, мистер Шнелленхаммер». «Да вы что, мистер Шелленхаммер!» Как ты думаешь, можно посоветовать, чтобы сходил к психиатру?

— В мягкой форме.

— Да-да.

— Не надо его обижать.

— Его ничем не проймешь! А вообще, не надо.

Плыли мы весьма приятно, и в Монако я сразу сошел на берег — погулять, почитать газеты. Я уже думал вернуться, когда увидел Джорджа, который куда-то спешил. Окрикнув его, я с удивлением понял, что это — Альфред, которого я никак не думал тут встретить. Мне казалось, что фокусники покидают Лондон только для того, чтобы выступить перед детьми в провинции.

Альфред мне очень обрадовался, мы вообще дружили. Много раз, еще в отрочестве, он одалживал у меня шляпу для кроликов, ибо уже тогда ему сулили большое будущее. Вот и сейчас он с искренней нежностью вынул у меня из кармана вареное яйцо.

— Откуда ты взялся? — спросил я.

— Выступаю в казино, — ответил он. — Так, номер-другой. Успех огромный, просто катаются от хохота.

Я вспомнил, что он приправляет фокусы остротами.

— А ты зачем приехал? Надеюсь, не ради рулетки?

— Я гость Шнелленхаммера. У него яхта. Племянник удивился.

— Шнеленхаммер? Киношник? Который ставит «Соломон и царица Савская»?

— Он самый. Мы тут, в гавани.

— Та-ак, та-ак… — сказал Альфред, явно о чем-то думая, и взглянул на часы. — О, Господи! Бегу, у меня репетиция.

Что Джордж тоже здесь, я сообщить не успел.

Когда я вернулся на яхту, Шнелленхаммер беседовал на палубе с молодым человеком, по-видимому — репортером. Наконец тот ушел, и магнат тыкнул пальцем в его сторону.

— Знаете, что он сказал? — спросил наш хозяин. — Помните, я собирался встретиться с Глутцем? Так вот, его избили.

— Быть не может!

— Может. Вчера вечером. Я вижу, у вас газеты? Дайте поглядеть. Наверное, сенсация.

Он не ошибся. Даже Джорджу пришлось бы ему поддакнуть. На

первой странице, под броской шапкой, нам сообщали, что, возвращаясь из казино в отель, Глутц был избит неизвестным лицом. Случайный прохожий отвез его в больницу, чтобы его сшили заново.

— Мерзавец исчез, — присовокупил Шнелленхаммер. — Не поймают.

Я заметил, что газеты пишут о каких-то ключах у полиции, но он презрительно фыркнул.

— Полиция!

— К вашим услугам, — услышал я и, обернувшись, увидел генерала де Голля. Правда, тут же оказалось что он на дюйм-другой покороче, а нос у него поменьше. Но и сам де Голль не выглядел бы суровей.

— Сержант Бришу, — представился он. — Мне нужен мистер Маллинер.

Я удивился и этому, и тому, что он безупречно говорит по-английски. Правда, вторую загадку я тут же разгадал: в таких местах полиция постоянно беседует с международными шпионами, авантюристками в густых вуалях и т. п. Не хочешь — научишься!

— Я — Маллинер, — сказал ваш покорный слуга.

— Мистер Джордж Маллинер!

— О, нет! Его дядя. А он вам нужен?

— Да.

— Зачем? — спросил Шнелленхаммер.

— В связи с ночным нападением. У нас есть основания считать, что он может помочь нам.

— Какие?

— Пусть объяснит, почему его бумажник лежал на том самом месте. Странновато, а? Словом, я хотел бы увидеть вашего племянника.

За Джорджем послали майора. Тот вернулся и сказал, что Дж. М. на борту нет.

— Наверное, пошел прогуляться, — сказал Шнелленхаммер.

— Разрешите его подождать. — сказал мрачно сержант.

— А я его поищу, — предложил я.

Мне казалось, что Джорджа надо предупредить. Конечно, он никак не связан с нападением, но если бумажник там нашли, объяснения дать придется. Невинный герой детектива всегда попадает в такое положение, и ему приходится покрутиться.

Джорджа я нашел у гавани. Он сидел на скамейке, обхватив голову руками. Может быть, он опасался, что иначе она треснет, ибо, судя по виду, сильно перепил. Знатоки говорят, что у посталкогольного синдрома шесть разновидностей: сломанный компас, швейная машинка, комета,

атомный реактор, бетономешалка и черный гном. У Джорджа были все шесть.

Собственно, я не удивился. Он говорил мне вчера, что после обеда пойдет за деньгами. Ясное дело, отпраздновал. Однако на мой вопрос он горько рассмеялся.

— Отпраздновал! — повторил он. — Не-ет, не отпраздновал. Хочешь, скажу, что было? Пошел я к Бессинджеру, назвался, спросил его, а они мне дали письмо. Я его прочитал. Тебя били в глаз мокрой рыбой?

— Нет, — признался я.

— Меня как-то били в Санта-Монике и знаешь, точь-в-точь! Этот сын неженатых родителей сообщает мне, что он годами играл на мои деньги и, к сожалению, их больше нет. Исчезли! Как, кстати, и он. По его предположениям, к тому времени, когда я буду читать письмо, он доберется до тех либеральных стран Южной Америки, где преступников не выдают. «Вы уж простите, — писал он, — познакомился с человеком, у которого верная система». Нет, почему эта крестная нашла поверенного *здесь?* Более чем странно.

Я его очень жалел, но утешить не мог. Мало того, был еще сержант Бришу. И я произнес дрожащим голосом:

— Бедный ты, бедный!

— Это точно.

— Какой удар!

— Да уж…

— Что ты сделал?

— А ты бы что сделал? Напился, естественно. И знаешь, у меня был очень странный кошмар. У тебя бывают кошмары?

— Изредка.

— Жуткие?

— Не без того.

— Мой хуже. Мне снилось, что я кого-то убил. Да что там, прямо сейчас то же самое: дерусь, понимаешь, и — бремц! Очень неприятно. Почему ты смотришь на меня, как овца, у которой что-то на уме?

Пришлось во всем признаться.

— Это не кошмар, Джордж. Он рассердился.

— Не дури! Что я, кошмара не узнаю?

— Джордж, это был не сон.

Челюсть у него повисла, как подтаявшее суфле.

— А что? Правда?

— Боюсь, что да.

— Я кого-то укокал?

— Ну, не то, чтобы кого-то… Одного киношного магната.

— Слава Богу, — оживился Джордж, — улик никаких нет. Куда легче! Ты все смотришь, как овца. В чем дело?

— Я горюю, что ты уронил бумажник. Имя, адрес — ну, все.

— Уронил?

— Да.

— А, черт!

— Вот именно. На яхте ждет полицейский. Он считает, что ты можешь помочь в расследовании.

— Трам-та-ра-рам-!

— Возможно. Знаешь что, беги. Езжай в Италию.

— Паспорт на яхте.

— Я сбегаю.

— Ты не найдешь.

— Ну, тогда — не знаю, что и предложить. Можно…

— Ничего не выйдет.

— Или…

— Тоже не выйдет. Нет, это конец. Я в ловушке. Что ж, со всяким случается… Вот она, жизнь. Едешь в Монте-Карло, за большими деньгами, мечтая о том, как скажешь Шнелленхаммеру «Нет», и что выходит? Деньги украли, голова сейчас треснет и еще эта, гильотина или что у них тут. Да, жизнь… Это тебе не фунт изюма.

Изюма! Я радостно вскрикнул.

— Есть!

— Что такое?

— Хочешь попасть на яхту?

— И что?

— Взять паспорт.

— Ну, хочу.

— Так иди туда.

Он посмотрел на меня с укором.

— Если ты считаешь, что такие шутки подходят для данного случая, я с тобой не соглашусь. Ты сам говоришь, что на яхте кишит полиция. Хорошенькое дело! Значит, я вхожу и говорю: «К вашим услугам»?

— Нет, — отвечал я. — Ты говоришь, что ты Альфред. Он заморгал.

— Альфред?

— Да.

— То есть мой брат?

— Да, твой брат, — подтвердил я, выделив последнее слово, и его измученное лицо слабо осветилось. — А я пока что посею доброе семя, рассказав там и сям, что у тебя есть полный близнец и похожи вы, как две изюмины. Тут ты и появишься. Не бойся, тебе поверят. Альфред сейчас здесь, он каждый день выступает в казино, и его хорошо знают. Знает и полиция — не в дурном смысле, конечно, просто и они загадывали карту, а он потом извлекал ее из лимона. Пройди в каюту — скажи, тебе понадобилась сода. Потом ты берешь паспорт, и любезно прощаешься.

— А Шнелленхаммер не попросит меня сделать фокус?

— Ну, что ты! Он не любит развлечений. Избегает изо всех сил. Он говорил мне, что их, магнатов, все буквально измучили. В Голливуде ему спешат показаться секретарша, два литературных агента, страховой агент, массажистка, сторож, парикмахер и чистильщик сапог, это только до завтрака. Нет, не беспокойся.

— Но зачем ему нужна яхта?

— Очень просто. Услышал о прибытии Шнелленхаммера. Это было в газете, он знает, что я с ним…

— Откуда?

— Я сказал. Значит, пришел меня повидать. Теперь Джордж все понял и хрипло засмеялся.

— А знаешь, ничего план!

— Еще бы! Неудача исключена. Ну, пойду наводить мосты. А ты приведи себя в порядок, побрейся, помойся, сколько можешь. Вот тебе немного деньжат. — И я похлопал его по спине.

Когда я пришел на яхту, Бришу был на месте, и его неприятное лицо не утратило упорства. Шнелленхаммер сидел рядом с ним, явно ощушая, что без сержантов мир был бы намного лучше. Полицейских он не любил с тех пор, как один, давая ему парковочный талончик, стал читать «Гамлета», чтобы показать, что он может сделать из роли. Я немедленно приступил к делу.

— Племянник пришел? — спросил я.

— Нет, — ответил сержант.

— Не при-шел?!

— Нет!

— Странно.

— И подозрительно.

— А может, — спохватился я, — он у брата?

— Какого брата?

— Близнеца. Зовут Альфред. Наверное, сержант, вы его видели. Он

выступает в казино. Фокусы.

— А, Великий Альф?

— Да, такой псевдоним. Значит, видели?

— Доводилось.

— До чего же они похожи! Даже я с трудом различаю. Фигура, лицо, походка, глаза, волосы — один к одному. Вы просто удивитесь.

— Жду встречи!

— Альфред, наверное, сюда зайдет, читал же он, что я — среди гостей. А, вот и он! Здравствуй, Альфред.

— Здравствуй, дядя.

— Нашел нас?

— Как видишь.

— Мой хозяин, мистер Шнелленхаммер.

— Как поживаете?

— И сержант Бришу из монакской полиции.

— Очень рад. Я хотел вас видеть, мистер Шнелленхаммер. Большая честь.

Я гордился Джорджем. Спокоен, тверд, ни капли тревоги. Говорит с магнатом, как ни в чем ни бывало.

— Хотел вам предложить в связи с вашим эпосом, ну, про царицу Савскую. Вы, наверное, замечали, что этим историческим фильмам не хватает смеха. Битвы, дворы, тысячи полуголых девиц, а посмеяться — нечему. Возьмем «Клеопатру». Можно там засмеяться? Нет и нет. Так вот, прочитал я про Соломона и понял, кто вам нужен: фокусник. Вряд ли нужно объяснять, как он уместен. Кто развлекает монарха зимними вечерами? Словом, он там был. Теперь — так. Прибывает эта царица. Удивляется: «Какая роскошь!» Царь польщен: «Да, ничего домик, но вы подождите, это не все. Где великий Альф?» Я вхожу, говорю: «Занятная случилась штука…» и даю гэг-другой, из самых сильных. Потом приступаю к фокусам…

Я замер. Еще на половине речи я понял, что передо мною — не Джордж. Сквозь туман волнения я видел настоящего Альфреда и горько корил себя за то, что рассказал о магнате. Надо было знать, что он не упустит случая. А Джордж вот-вот появится!

Словом, я качался от горя, хватаясь за швартовы, если они так называются.

— Для первого фокуса, — говорил Альфред, — мне нужны фунт масла, два банана и аквариум. Простите, на минутку отлучусь.

Он отлучился, и тут пришел Джордж.

В нем не было той спокойной твердости, которая пленила меня в Альфреде. Он трепетал, как новичок на сцене. Ноги тряслись, кадык дергался, словно им кто-то управлял. Напоминал мой племянник и оратора на банкете, который внезапно забыл ирландский анекдот.

Я его не винил, поскольку сержант Бришу вынул наручники, подышал на них и обтер их рукавом, а Шнелленхаммер смотрел тем взглядом, от которого его служащие убегали подкрепиться солодовым молоком. Было в этом взгляде грозное спокойствие вулкана перед извержением или квартирной хозяйки перед скандалом. Магнат явственно сдерживался, решив поиздеваться сперва над моим несчастным родичем. Когда Джордж пролепетал: «А…альф-ред Маллинер», я не увидел на лицах сержанта и магната того недоверия, на которое постоянно сетуют театральные критики.

— Здравствуйте, — сказал Шнелленхаммер. — Какая погода!

— Д-да, месс Шлннхымр…

— К урожаю.

— 3-золотые слова, меер….

— А вот продавцам зонтиков — убыток.

— К…как в-верно, мсссс…

— Что ж, идите к нам. Если не ошибаюсь, Альфред Маллинер?

— Д-д-ды…

— Ложь! — вскричал Шнелленхаммер, сбрасывая маску. — Альфред он, ха-ха! Вы Джордж Маллинер, и вас будут судить за убийство. Вызовите полицейских, — приказал он сержанту.

— Я полицейский, — сухо заметил Бришу.

— Ах ты, забыл! Тогда арестуйте его.

— Сию минуту.

Сержант направился к Джорджу, но наручников надеть не успел. Как ни занят я был происходящим, я заметил, что человек средних лет, весь в бинтах, шел по набережной. В эту минуту он остановился и сказал Шнелленхаммеру:

— Привет, Джекки.

Собственная мать не узнала бы его, но мать — не магнат.

— Сэм! — вскричал он. — А, ч-черт! Я думал, ты в больнице.

— Выпустили.

— Ты прямо Тутанхамон!

— Хорош бы ты был на моем месте. Газеты читал?

— Еще бы. Сенсация!

— А что! Но я не в обиде, нет, не в обиде. Вся жизнь прошла передо мной…

— Что ж тут хорошего?

— Да, ничего, но…

— Сэм, мы его схватили!

— Где же он?

— А вот. Рядом с сержантом. Джордж приподнял голову.

— Вы! — вскрикнул Глутц.

— Да, это он, Джордж Маллинер, — отвечал Шнелленхаммер. — Служил у меня, но я его, конечно, выгнал. Берите его, сержант.

Каждый бинт заволновался, как рожь на ветру, и Сэм страшно закричал:

— Через мой труп! Он меня спас!

— Что?!

— То. Этот гад меня совсем добил, а тут скачет он и раздраконивает гада. Счастлив знакомству, мистер Маллинер. Кажется, Джекки вас выгнал. Что ж, идите ко мне. Жалованье — любое. Будете, скажем так, вице-президентом в ранге деверя. Назначаю вне очереди.

Я вышел вперед. Джордж еще не обрел дара речи.

— Минуточку, мистер Глутц, — сказал я.

— Кто вы такой?

— Агент Джорджа. Меня волнует одно — не мала ли награда? Все-таки, он спас вам жизнь.

Мистер Глутц растрогался. Из бинтов вытекла слеза.

— Вы правы, — согласился он, — пусть будет в ранге зятя. А теперь закусим. И вы, и вы, — обратился он ко мне.

Так мы и двинулись — Глутц, потом я, потом ошарашенный Джордж. Краем глаза я увидел, что на палубу выходит Альфред с маслом и бананами. Он явственно опечалился, вероятно — потому, что не мог поставить аквариум.

КУРОРТНЫЙ РОМАН

Отправляясь в Дройтгейт, прославленный курорт западной Англии, Фреди Фитч-Фитч не надеялся на успех. Ехал он к дяде, генерал-майору сэру Эйлмеру Бастаблу, а хотел попросить, чтобы тот снял опеку с его денег, поскольку он (Фредди, а не дядя) собирался жениться на Аннабелле Первис. Да, на успех он не надеялся, но великая любовь вела его, так что он поехал и добрался до страдавшего подагрой дяди.

— А вот и я! — воскликнул он, ибо считал нужным бодриться, пока не выгонят. — Здрасьте, здрасьте, здрасьте.

— Хр-р-р… — отвечал сэр Эйлмер, вздрогнув и вздохнув. — Ты?..

Он проурчал что-то еще, но Фредди разобрал лишь два слова: «… только этого!..»

Сердце у него екнуло. Родич был явно не в духе. По-видимому, он уже побывал там, где пьют эту воду, и с ним едва поздоровались полные доходяги, презиравшие простую

подагру.

Приехав на курорт, он пережил тяжелое унижение. Аристократ и воин, он ждал, что его примут с распростертыми объятиями и введут в самый избранный круг. Но когда оказалось, что у него только боли в правой ноге, его обдали холодом и оттеснили к тем, кто страдает астмой или печенью.

Поистине, мы не знаем, как живут другие. Известно ли вам, к примеру, как строго соблюдают калеки табель о рангах? Спартанец лучше обращался с илотом, французский вельможа — с крестьянином, чем хороший, полновесный диабетик с тем, кого, предположим, мучают мозоли. Особенно заметно это там, где калеки собираются шайками, то есть в Баден-Бадене, на Горячих водах (Вирджиния) или, как в данном случае, в Дройтгейте.

Представить трудно, как силен там дух замкнутых обществ. Старая знать, чьи *случаи* упомянуты в медицинских журналах, не якшается с мелюзгой.

Вот почему сэр Эйлмер так угрюмо глядел на Фредди.

— Ну, — осведомился он, — чего тебе надо?

— Да так, знаешь, заехал, — отвечал Фредди. — Как живешь?

— Плохо, — признался дядя. — Сестру потерял.

— Какую? — удивился племянник. — Что, тетя умерла?

— Хуже. Моя сиделка вышла замуж. И за кого? У него грибок! С ума

сошла, не иначе.

— Вообще-то ее можно понять.

— Нельзя.

— Видишь ли, — развил свою мысль Фредди, — любовь движет миром.

— Ничего подобного, — возразил дядя, склонный, как многие вояки, понимать все в прямом смысле. — Чушь какая! Миром движет… ах ты, забыл! Во всяком случае, не любовь. Нет, какая ерунда!

— Ладно, я понял, — сказал Фредди. — Скажем иначе, любовь побеждает все. Это уж точно.

Генерал проницательно взглянул на него.

— Ты что, влюбился?

— Безумно.

— Ну и кретин. Наверное, денег хочешь просить?

— Нет, что ты! Заехал посмотреть, как ты тут. Но если уж зашел разговор…

Сэр Эйлмер помолчал, негромко стеная.

— Кто она?

Фредди закашлялся и поправил воротничок. Этого он и боялся. Дело в том, что Аннабелла не отличалась знатностью, а старый хрыч был очень строг в этих вопросах.

— Понимаешь, — сказал Фредди, — она работает с фокусником.

— Что?!

— Ну, помогает. Я ее увидел на благотворительном концерте. Она ассистировала Великому Болони.

— Кому?

— Ну, такой фокусник.

— Что значит «ассистировала»?

— Ну, исчезала, потом появлялась, давала ему рыбок каких-нибудь, улыбалась публике, кланялась… и так далее. Сам понимаешь…

Сэр Эйлмер угрюмо нахмурился.

— Понимаю, — согласился он. — Моего племянника подцепила вульгарная комедиантка. Рыбок, видите ли! Ха-ха.

— Не то, чтобы подцепила… — начал Фредди.

— То, — заверил дядя. — Иди-ка отсюда.

— Хорошо, — сказал Фредди и поехал в Лондон скорым 2.35. В этом самом поезде его осенила неплохая мысль.

Последний из Фитч-Фитчей не очень много читал, но в журналы

заглядывал; а тот, кто заглядывает в журналы, непременно знает, что если жестокий старик видеть не хочет твою невесту, надо привести ее инкогнито, чтобы она его очаровала. Был такой рассказ и в еженедельнике, купленном на станции, так что Фредди сразу подумал о коварной сиделке. Когда поезд подходил к Паддингтонскому вокзалу, план был готов.

— Вот что, — сказал Фредди встречавшей его Аннабелле.

— Да? — откликнулась она.

Фредди нежно взял ее под руку и повел в буфет, где собирался пропустить рюмочку.

— Вообще-то, — сообщил он, — ничего не вышло. Аннабелла охнула.

— Не разрешает?

— Вот именно.

— И денег не дает?

— Конечно. Уперся как мул. Послушал, пофыркал и выгнал меня. Известное дело! Но ты не горюй, все не так плохо. Ты умеешь ухаживать за больными?

— Я ухаживала за своим дядей.

— А теперь поухаживай за моим. У него сбежала сиделка. Я ему позвоню и скажу, что нашел истинное сокровище. А ты уж постарайся.

— Как?

— Ну, крутись вокруг него. Взбивай подушки. Лелей, ласкай. Да, непременно скажи, что ты — хорошего рода, если это так называется. А когда он полюбит тебя, как родную дочь, пошли мне телеграмму. Поверь, план — лучше некуда. Сработает.

Словом Аннабелла отправилась в Дройтгейт, а через три недели Фредди получил телеграмму: «Сработало. Жду. Целую. Аннабелла».

Приехав на воды, Фредди направился туда, где селились подагрики, в том числе — сэр Эйлмер. Тот был у себя и слушал, как Аннабелла читает ему новую монографию о болезнях спинного мозга. Сам он ими не страдал, но стремился к высшему. На столике стояло прохладительное питье, и, когда Фредди вошел, сестра прервала чтение, чтобы взбить подушки.

— Ф-фу! — сказал сэр Эйлмер. — Опять ты?

— Да, — признал Фредди.

— Ну, тебе повезло. Я скорее рад. Оставьте нас, пожалуйста, на минуточку. Хочу поговорить с племянником на очень важную тему.

И прибавил, когда она вышла:

— Заметил ее, а?

— Конечно.

— Хороша, э?

— Прелестна.

— И добра, — сообщил сэр Эйлмер. — Ты бы видел, как она взбивает подушки! А какое питье! Кстати, очень хорошего рода. Отец — полковник. То есть, был полковником, он умер.

— Всякая плоть — трава.

— Ничего подобного. Я, слава Богу, видел и плоть, и траву. Ни малейшего сходства. Но не в этом суть. Я хотел сказать другое. Был бы ты поумней, вот в кого бы влюбился.

— Уже.

— В каком смысле?

— Я влюбился.

— Что! В мисс Первис? Сразу?

— Да.

— Однако! А как же эта фокусница?

— О, там все кончено. Мальчишеская причуда!

Сэр Эйлмер отхлебнул питья и молча посмотрел на племянника.

— Та-ак, — сказал он наконец, отдуваясь. — Если ты с такой легкостью относишься к священнейшим чувствам, чем раньше ты женишься, тем лучше, а то эти мальчишеские причуды доведут тебя до суда. Что же, я рад. Да, рад. Наверное, она была в трико?

— В розовом.

— Какая пакость! Слава Богу, все позади. Прекрасно. Ты свободен и можешь заняться мисс Первис. А хочешь ли?

— О, да!

— Превосходно. Значит, ты женишься на милой, изысканной, превосходнейшей девушке, а я отдаю тебе деньги до последнего пенса.

— Сейчас приступлю к делу.

— Бог в помощь.

Через десять минут Фредди сообщил сэру Эйлмеру, что его ураганные ухаживания увенчались успехом, а сэр Эйлмер признался, что не ждал такого быстрого исполнения молитвы. Горячо поздравив племянника, он понадеялся, что тот понимает, как ему повезло, и тот заверил, что понимает, и вообще его любовь — как роза, роза красная, на что дядя заметил: «Ни малейшего сходства», — а сам он витает в небесах, на что дядя отвечал, что это физически невозможно.

Однако деньги дать он обещал, как только будут выполнены все формальности, и Фредди отправился в Лондон, к поверенному.

Пока поезд бежал по мирной сельской местности, он был совершенно

счастлив. Невзгоды, думал он, позади, впереди же — одна радость. Если бы кто-нибудь сказал ему, что температура резко понижается, он бы не поверил.

Не было у него предчувствий и тогда, когда через два дня, в клубе, ему сообщили, что в малой курительной его ждет некий мистер Рэкстроу. С легким сердцем шел он по коридору, гадая, кто же это может быть. На поверку гость оказался высоким, худым человеком с нафабренными усами. Он нервно ходил по комнате, вынимая между делом кроликов из шляпы.

— Мистер Рэкстроу? — просил Фредди.

Гость резко повернулся, выронив кролика, и зорко взглянул на вошедшего. Взор у него был яркий, что там — сверкающий и зловещий.

— Он самый, — ответил он. — Мортимер Рэкстроу. Фредди вспомнил благотворительный концерт и вскричал:

— Великий Болони!

— Сценический псевдоним. А вы — мистер Фитч? Я бы сказал «мистер Гад», ха-ха!

— Простите?

— Я не ошибся? Вы — Фредерик Фитч?

— Точнее, Фитч-Фитч.

— Что же, тогда «Гад-Гад».

Гость извлек откуда-то колоду карт и сурово велел вынуть одну. Фредди рассеянно вынул, запомнил и сунул обратно, ничего не соображая.

— Почему я Гад-Гад? — поинтересовался он. Гость неприятно ухмыльнулся.

— Если хотите, подлец.

— Подлец? — удивился Фредди.

— Да, сэр. Мерзавец. Увели мою девушку.

— Я не совсем понимаю…

— Значит, еще и полный дурак. Что тут сложного? У-ве-ли. Вот взгляните. Эта шляпа — я. Этот кролик — моя девушка. Появляетесь вы и — фьють! — кролика нету.

— Он у вас в рукаве.

— Его там нет. А если бы и был хоть в тысяче рукавов, все равно вы увели Аннабеллу!

Фредди все понял и даже посочувствовал.

— Вы ее тоже любите?

— Да.

— Прекрасно вас понимаю. Да, ясно, ясно… Вы молча поклонялись ей…

— Почему «молча»?! Мы обручены.

— Вы?

— А то кто же? Но вот она пишет, что выходит за вас.

— Да?.. Вы уж простите, Бога ради! Сочувствую всей душой, но что поделаешь?

— Как это что? Я буду мстить.

— Ну, не сердитесь!

— Почему? Сейчас победили вы, но это еще не все. Нет, не все. Я на вас найду управу!

— Какую?

— Неважно. Скоро узнаете. Да уж, попляшете вы у меня! Всего хорошего.

Он вынул яйцо у Фредди из волос, поднял свою шляпу, которую уронил от избытка чувств, почистил ее рукавом, извлек из нее клетку с птичками и ушел. Однако сразу вернулся, раскланялся — направо, налево — и удалился совсем.

Нельзя сказать, что Фредди не расстроился. Ему не очень понравилась та уверенность, с которой соперник говорил о мести. Что-то в ней было зловещее, и весь оставшийся день он гадал, какой же фокус приготовит этот опытный фокусник. Он думал за обедом, думал за ужином и отошел только к завтраку.

Выспавшись, он увидел все в должной перспективе и решил, что побежденный соперник берет его на пушку. Что, собственно, он может сделать? Не заколдовать же, как в средние века, и не превратить в кролика.

Да, окончательно сказал он себе, берет на пушку; но только он закурил и начал мечтать об Аннабелле, принесли телеграмму:

«Приезжай немедленно. Все пропало. Целую».

Через полчаса он сидел в поезде, поспешающем в Дройтгейт. Входя в вагон, он собирался подумать, но, как всегда бывает, к нему привязался попутчик.

Попутчик этот был вульгарным до крайности (красный жилет, бурые ботинки, черный котелок) и, казалось бы, у них мало общего. Фредди все время молчал, коротышка болтал без умолку. Только через час без малого он стал кивать, потом — захрапел, предоставив страдальцу возможность подумать.

Мысли, надо сказать, становились все неприятней. Какая-то странная телеграмма, ничего не поймешь! Можно представить себе что угодно.

Вот к примеру: «Все пропало». Что это значит? Сокрушаясь о

скаредности, побудившей Аннабеллу загнать сообщение в пять слов, он жалел, что она не решилась потратить хоть на два пенса больше.

Одно было ясно: это связано с недавним посетителем. Сквозь загадочные слова виднелась рука фокусника, и Фредди сокрушался о том, что недооценил противника.

Когда он добрался до обиталища подагриков, нервы его были на пределе. Нажимая на звонок, он трепетал, как желе перед сидящим на диете, и даже вид Аннабеллы, открывшей дверь, его не утешил. Она и сама трепетала.

— О, Фредди! — вскричала она. — Какой ужас!

— Рэкстроу? — догадался Фредди.

— Да, — отвечала она. — Откуда ты его знаешь?

— Он у меня был и грозился, — объяснил Фредди. — Почему ты мне не сказала, что обручена с этим субъектом?

— Я не думала, что тебе интересно. Так, девичья причуда.

— Да? Ты его не любила?

— Ну, что ты! Знаешь, когда тебя пилят пополам, не захочешь, а увлечешься, но когда я встретила тебя…

— Молодец, — сказал Фредди, поцеловал ее и услышал какой-то стук. — Что это? — спросил он.

Аннабелла стиснула руки.

— Это он! Мортимер.

— Значит, он здесь?

— Да. Приехал в четверть второго. Я заперла его в кладовке.

— Зачем?

— Чтобы он не пошел в этот зал.

— А почему ему туда не пойти?

— Потому что сэр Эйлмер слушает там музыку. Если они встретятся, мы пропали. У Мортимера страшный план.

Фредди так и знал. Он бодрился, как мог, но знал, что у Рэкстроу — страшный план. А чего еще ждать от такого типа?

— Что он собирается сделать? Она заломила руки.

— Познакомить сэра Эйлмера с моим дядей Джо. Представляешь, послал телеграмму, чтобы ехал сюда!

Фредди не видел, что тут страшного.

— Ну, понимаешь, — сказала Аннабелла, — он хочет нас разлучить. Он знает, что твой дядя не разрешит тебе на мне жениться, когда увидит моего.

Фредди все понял. Да, план достоин субъекта, который кладет туза в

колоду, тасует ее три раза и вынимает его из лимона.

— А что, твой дядя так ужасен? — спросил он.

— Суди сам, — просто ответила она и дрожащей рукой протянула ему фотографию. — Вот он, при всех регалиях своей ложи. Дядя Джо — верховный Барвинок в мистическом ордене Благородных отродий.

Фредди взглянул и вскрикнул. Аннабелла кивнула.

— Вот, — печально сказала она, — так почти все. Одна надежда, вдруг он не приедет.

— Он здесь! — задохнулся Фредди. — Мы вместе ехали.

— Нет, правда?

— Еще какая! Я думаю, он в зале.

— А Мортимер скоро вырвется, дверь не очень крепкая. Что делать?

— Остается одно. У меня тут бумага…

— Сейчас не время писать.

— Нет, это документ, дядя должен его подмахнуть. Если я побегу в зал, может, успею.

— Тогда беги! — воскликнула она.

— Бегу, — сообщил Фредди, поцеловал ее, схватил шляпу и унесся, словно кролик.

Если вы хотите быстро добежать от обители подагриков до Зала (путь идет по Малой Склерозной), вам не до раздумий, но Фредди думать удалось, и так, что это его только подогнало. Вряд ли он бежал бы быстрее, играй он в фильме, где его преследует полиция.

Спешил он не зря. Аннабелла резонно решила, что его дядя не согласится на брак, увидев такого человека, как Джо. Один взгляд — и гордый баронет наложит свое вето.

Последний рывок перенес пыхтящего Фредди в круглый зал, где собираются сливки Дройтгейта, чтобы послушать музыку. Увидев в дальнем углу сэра Эйлмера, он кинулся к нему.

— Опять ты! — воскликнул дядя. Фредди только кивнул.

— Не пыхти и садись, — сказал сэр Эйлмер. — Сейчас будет «Поэт и пастушка».

Фредди перевел дух.

— Дядя, — начал он, но было поздно. Дирижер поднял палочку и дядино лицо стало таким, каким бывают лица на курортных концертах.

— Ш-ш… — прошипел сэр Эйлмер.

Из несчитанных миллионов тех, кто слушал «Поэта и пастушку», мало кто выражал такое нетерпение, как Фредди. Время летело. Каждая секунда

была на счету; а оркестр играл, словно у него других дел не было. Последний из Фит-чей еле-еле дождался финального «ум-па-па».

— Дядя! — вскричал он, когда затихло эхо.

— Ш-ш, — отвечал сэр Эйлмер, и Фредди с удивлением заметил, что будут играть еще.

Из всех бесчисленных людей, год за годом слушавших увертюру к «Раймонде», никто не терзался так, как наш герой. Страдал он страшно и, на нервной почве, вынул из кармана документ, равно как и ручку. Удивлялся он тому, как успевают сыграть саму «Раймонду», если у нее такая увертюра. Наверное, укладываются в те пять минут, когда публика спешит в гардероб.

Но все на свете кончается, даже увертюра к «Раймонде». Самые усталые реки, и те доходят до моря.[48] Словом, затихли последние ноты, а дирижер раскланивался и улыбался, полагая, как они все, что аплодисменты причитаются ему, а не замученному оркестру.

— Дядя, — сказал Фредди Фитч-Фитч, — можно тебя на минуточку? Вот бумага…

Сэр Эйлмер на нее покосился.

— Какая еще бумага?

— Которую ты собирался подписать.

— Ах, эта! — произнес умягченный дядя. — Да-да, конечно. Сейчас, сейчас. Давай…

Он не договорил, и Фредди увидел, что он глядит на изысканного седого джентльмена, проходящего мимо.

— Добрый день, Рамбелоу, — сказал он как-то слишком угодливо. Мало того, он шаркнул ногой и стиснул руки. Седой джентльмен обернулся и поднял серебристую бровь.

— А, Бастабл!.. — снисходительно бросил он.

Самый тупой человек заметил бы, что он высокомерен. Сэр Эйлмер густо покраснел и пробормотал что-то вроде: «Надеюсь, вам сегодня получше».

— Похуже, — отвечал его собеседник. — Значительно хуже. Врачи не знают, что делать. Да, сложнейший случай, — он помолчал и едко усмехнулся. — А как ваша подагра, милейший? Подагра! Ха-ха!

И, не ожидая ответа, он отошел к стайке больных, а сэр Эйлмер с трудом проглотил подходящее ругательство.

— Сноб, — тихо выговорил он. — У него, видите ли, телеангитазия! Ну и что? Да у каждого… Что ты делаешь? Почему ты машешь каким-то листом? А, бумага! Мне не до бумаг! Убери ее.

Фредди взмолился было, но внимание его отвлек шум у дверей. Он взглянул туда, и сердце у него упало, ибо на пороге стоял Мортимер Рэкстроу.

Фокусник расспрашивал служителя, нетрудно догадаться, о чем. Но это — не все; рядом с ним, искательно на него глядя, стояла едва ли не плачущая Аннабелла.

Через мгновение-другое он двинулся вперед и остановился перед сэром Эйлмером, безжалостно оттолкнув девицу. Взгляд его был суров и беспощаден, хотя он рассеянно подбрасывал два бильярдных шара и букетик роз.

— Сэр Эйлмер Бастабл? — осведомился он.

— Да.

— Я запрещаю!

— Что именно?

— Вот это, — он отнял руку от усов, которые только что закрутил, и указал на Аннабеллу с Фредди, испуганно прильнувших друг к другу.

— Мы еще не обручились, — проговорила несчастная.

— Вот как? — удивился Мортимер. — Что ж, и не обручитесь. Я запрещаю. Как и вы, сэр Эйлмер. Когда вы всё узнаете…

Баронет запыхтел.

— Кто этот злобный хам? — поинтересовался он.

— Быть может, я и хам, — ответил Рэкстроу, — но никак не злобный. Я пришел, чтобы сделать доброе дело, а точнее — предупредить вас: если ваш племянник женится *на ней*, он опозорит имя Бастаблов.

— Опозорит?

— Именно. Она — из самых низких слоев общества.

— Нет! — вскричала Аннабелла.

— Ну, что вы! — поддержал ее Фредди.

— Вы ошибаетесь, — сказал и сэр Эйлмер. — Отец у нее — полковник.

Мортимер мерзко хохотнул, вынимая при этом яйцо из левого локтя.

— Да? А часом не знаете, что он полковник Армии Спасения?

— Что!

— То. А прежде был букмекером по прозвищу Скунс или Вороватый Руперт.

— Господи!

Сэр Эйлмер повернулся к Аннабелле.

— Это правда?

— Еще бы! — отвечал за нее Рэкстроу. — Если хотите убедиться,

взгляните на ее дядю, который как раз входит вон оттуда.

Фредди в полном отчаянии увидел своего попутчика. Кроме того, он услышал крик сэра Эйлмера и ощутил, что Аннабелла предельно напряглась. И неудивительно; солнце, заливавшее ротонду, освещало к тому же и пиджак, и жилет, и котелок, и ботинки.

Вряд ли, подумал Фредди, видело оно на курорте такого чужака.

— Приветик, — сказал дядя Джо. — Здравствуй, Морт. Здравствуй, лапочка.

Сэр Эйлмер, едва пришедший в себя, прогремел:

— Это пр-р-авда?

— Что, старикан?

— То, что вы ее дядя.

— Истинно, правда.

— Хр-р-р!

Баронет продолжил бы свою речь, но тут оркестр заиграл, и беседе пришлось оборваться. Когда стало потише, первый план сразу занял дядя Джо.

— А я вас знаю, — сказал он Фредди. — Мы вместе ехали. Что он тебя обнимает, киса?

— Я выхожу за него замуж, — отвечала она.

— Нет, — возразил сэр Эйлмер.

— Да, — вмешался Фредди.

— Нет, — подвел итог Рэкстроу.

Дядя Джо не совсем разобрался в их репликах.

— Чего-то вы запутались, — добродушно заметил он. — Женись, женись, Анни — хорошая девочка.

— Я и женюсь, — сказал Фредди.

— Нет, — сказал сэр Эйлмер, равно как и Мортимер Рэкстроу.

— Да, — сказала Аннабелла.

— Хорошая, — развил свою мысль дядя Джо. — Как она за мной ходила! И подушку взобьет, и питье приготовит. Можно сказать, не вылезала из больницы.

Сэр Эйлмер, мерно повторявший: «Нет», резко остановился.

— Из больницы? — переспросил он. — Вы там лежали? Дядя Джо снисходительно рассмеялся.

— Эт я? Ну, дает стариканчик! Вы спросите в святом Луке, лежал ли у них Джо Боффин. И в святом Христофоре. Только и делаю, что лежу! Начал, помнится, с почек и желудка, а там и пошло.

Сэр Эйлмер дрожал, благоговейно глядя на пришельца, как глядит

дитя на чемпиона по тяжелой атлетике.

— Вы сказали: «Джо Боффин»?

— Ну!

— Тот самый? Который давал интервью «Ланцету»?

— Верно, было дело.

Сэр Эйлмер пылко подался вперед.

— Разрешите пожать вам руку?

— Чего там, жмите!

— Я горд, мистер Боффин! Я потрясен.

— Спасибо, стариканчик.

— Ваш пример меня вдохновлял. У вас действительно тромбоз сердца и эмфизема легких?

— А то!

— И как-то была температура 43,5°?

— Два раза.

Сэр Эйлмер вздохнул.

— Я выше 41° не поднимался. Джо Боффин похлопал его по плечу.

— Тоже неплохо, — сказал он. — А что, вполне.

— Прошу прощения, — послышался голос, и седой джентльмен, которого сэр Эйлмер назвал Рамбелоу, появился перед ними. Из-за его плеча выглядывали другие. Все очень волновались.

— Простите, мой дорогой, что вмешиваюсь в беседу, но мне послышалась…

— Нам всем послышалась, — поддержал его хор.

— …фамилия «Боффин». Может ли быть, что передо мной сам *Джозеф* Боффин?

— Ну!

— Тот, который лежал у Луки?

— Тот самый.

Седовласый джентльмен смущенно хихикнул.

— Тогда… не разрешите ли нам с друзьями… выразить свое… э… Мы вам помешали, я понимаю, но искреннее восхищение… Вероятно, оно вам не в новость… людей не удержишь… Мы совершенно вам незнакомы…

— Да ладно, старикаша, чего там! Я фанатов люблю.

— Тогда разрешите представиться. Лорд Рамбелоу. А это — мои друзья: герцог Маллский, маркиз Пекэм, лорд Перси…

— Здрась, зрась. Идите к нам, старички. Это моя племянница, мисс Первис.

— Мы счастливы…

— Вот он на ней женится.

— Поздравляем, поздравляем!

— А это… его дядя Эйлмер.

Все повернулись к генерал-майору. Лорд Рамбелоу почтительно произнес:

— Поздравляю вас, мой дорогой. Какая честь! — он немного смутился. — А мы вот как раз говорили, что редко вас видим. Герцог хотел спросить, не согласитесь ли вы вступить в наш клуб… такой, знаете, небольшой… Но избранный, весьма избранный…

— Почту за честь.

— Без вас он как-то неполон. Значит, вы согласны? Превосходно! Замечательно! Не загляните ли сегодня вечерком? Мистер Боффин вряд ли снизойдет… Дядя Джо похлопал его по плечу.

— А чего? Я человек не гордый. Со всем нашим удовольствием.

— Не знаю, что и сказать…

— Мы польщены…

— Какая честь!

— Да я вот был шафером у одного с простым дерматитом!

— Поразительно! Словом, ждем вас сегодня. У нас есть легочный бальзам, пальчики оближешь. Вообще, погреб неплохой.

Все умолкли, ибо дядя Джо, расстегнув жилет, показывал герцогу шрам от первой операции. Сэр Эйлмер заметил, что в его руку что-то вкладывают.

— А? — спросил он. — Что? Что такое?

— Бумага, — ответил Фредди. — Старая добрая бумага. Подпиши вот тут, где мой палец.

— Э? А? О, понятно! Так, так, так… — сказал генерал, ставя свою подпись.

— Спасибо, дядя!

— Не за что, не за что. Прости, но теперь я занят. Уведи свою невесту и дай ей минеральной воды.

И, отстранив Мортимера, предлагающего ему колоду карт, он присоединился к обществу. Фредди пылко обнял Аннабеллу. Фокусник подкрутил усы, вынул из ее волос несколько флагов и, махнув рукой, вышел.

ОДА КОЛЛЕДЖУ

За четверть столетия до начала этой истории одного богатого мизантропа посетила замечательная мысль. Ему пришло в голову увековечить память о себе, а заодно отравить существование отдельным представителям человеческого рода. С этой целью он завещал часть своего состояния на проведение ежегодного поэтического конкурса в колледже святого Августина среди учеников шестого класса. Тема — на усмотрение директора. Кроме того, добавил завещатель (так и слышно, как он довольно посмеивается себе под нос), в конкурсе должны участвовать все шестиклассники до единого. Затем он умер. Люди уходят, но зло, сделанное ими, остается в этом мире — год за годом от завещания безнадежно страдали все новые и новые поэты поневоле. Конечно, всегда находились один-два чудака, радовавшиеся спросу на их сонеты и оды. *W* все же большинство, едва умея рифмовать «любовь» и «кровь», неизменно встречало объявление темы конкурса с глубочайшим отвращением.

Эта история о том, как двадцать семь лет спустя оковы пали.

Косвенной причиной перемен послужил выпускник Рейнолдс. Однажды Смит, краса и гордость шестого класса, зашел навестить Рейнолдса в лазарет, где он лежал, оправляясь от кори.

— Вот это да, — отметил этот джентльмен, с завистью оглядывая палату, — а ты тут здорово устроился.

— Недурно, правда? Присаживайся. Что нового?

— Ничего особенного. Ты, наверное, слышал — мы обыграли Мэрилбон.[49]

— Слышал. Еще что-нибудь?

— Поэтический конкурс, — без всякого энтузиазма вспомнил Смит. Смит не был поэтом.

Рейнолдс заметно оживился. Из всех ролей, что он примерял на себя (а примерил он их, сказать по правде, немало), роль стихотворца была ему особенно мила. Он страстно желал видеть свои строки в печати, а потому взял за правило посылать их в различные периодические издания, впрочем, без всякого результата, если не считать ужасно длинных конвертов с отказами, которые ему вручали за обедом. Смущаясь и краснея, он как можно быстрее прятал эти конверты.

— Какая в этом году тема? — спросил он.

— Колледж. Вот уж ничего глупее придумать не могли!

— Для оды лучшей темы не найти. Вот был бы я в шестом классе.

— Был бы я в лазарете… — в тон ему ответил Смит. И тут Рейнольдса осенило.

— Слушай, Смит, — сказал он, — хочешь, я напишу тебе стих, а ты отдашь его на конкурс? Если он получит приз…

— Не получит, — перебил Смит, — у нас Роджерс явный фаворит.

— Если он получит приз, — с нажимом повторил Рейнольдс, — ты расскажешь обо всем Старикану. Он, конечно, поругается малость, но тут уж ничего не поделаешь. Как тебе, к примеру, такое начало?

Вознесся величаво средь полей
Свидетель поражений и побед
В крокете или в регби.
На заре Ласкает солнце стен твоих красу.

— Класс! А давай что-нибудь про крикет? Можешь зарифмовать «битой» и «убитый». — Смит был в восторге от своей изобретательности, однако его собеседник не замедлил выказать презрение к столь приземленной идее.

— Ладно, — попрощался Смит, — пойду я. У нас игра сейчас. Спасибо огромное за стих.

Оставшись один, Рейнольдс со всей ответственностью приступил к сочинению оды, достойной его дарования. Во всяком случае, он подвинул стол и стул к открытому окну, записал уже сочиненные строки и начал грызть карандаш. Несколько минут спустя он написал еще одно четверостишие, зачеркнул его и достал чистый лист бумаги. На этот лист он снова перенес первые четыре строки. Пожевав карандаш еще немного, так что от него остался небольшой огрызок, Рейнольдс вывел на бумаге два слова — «радость» и «младость» на концах двух разных строчек. Затем он взял третий лист и, стараясь писать как можно аккуратнее, произвел на свет нечто вроде edition de luxe,[50] выделив большими буквами заголовок «Ода колледжу». Он как раз любовался своим творением, когда дверь резко открылась, и вошла миссис Ли, энергичная особа преклонных лет, чьим долгом было ухаживать за больными и ранеными. Миссис Ли принесла чай. Ее манера входить в комнату полностью соответствовала призыву псалмопевца, просившего поднять врата.[51] Она настежь распахнула двери палаты, устроив, что называется, «жуткий сквозняк». Ворох разлетевшихся бумаг закрыл собой небо, а когда буря, наконец,

улеглась, оказалось, что два варианта «Оды колледжу» лежат на траве под окном.

Рейнольдс, даже не пытаясь вернуть утраченные труды, принялся за чай. Поэзия хороша, но чай лучше. Кроме того, он успокоил себя тем, что может с легкостью восстановить все по памяти. Поэтому, с его точки зрения, на эти три листа можно было закрыть глаза.

В тот же день Монтгомери из шестого класса проходил мимо лазарета, и судьба не без помощи ветра принесла ему листок бумаги. «Ух ты», — воскликнул он, когда в глаза ему бросились слова «Ода колледжу». Монтгомери, как и Смит, отродясь не был поэтом. Он провел целый день, тщетно пытаясь выдавить из себя хоть что-нибудь путное для конкурса. На листе была написаны четыре строчки. Еще две и получится стих, да такой, что, пожалуй, сможет претендовать на приз. Слова «Вознесся величаво» сразу же пришлись Монтгомери по душе. Его посетило поэтическое вдохновение — не прошло и трех часов, как он добавил недостающее двустишие:

О, истинное счастье, я тебя
Впиваю с упоеньем!

— Очень хорошо получилось, отметил он с удовлетворением, засовывая рукопись в ящик стола. Конечно, «впиваю» и «с упоеньем» — не так хорошо, но сойдет. Стих, все-таки, с меня взятки гладки. — И он отправился к соседям одолжить книжку.

Два дня спустя Моррисон, тоже из шестого класса, как обычно, сладко спал в отведенное на самостоятельную работу время. Его разбудил стук в дверь. Наскоро схватив словарь, он принял позу искателя знаний и пригласил: «Войдите». Потревожил Моррисона вовсе не один из учителей. С гордостью на физиономии и листом бумаги в руке в комнату вошел Эванс, которого Моррисон обычно гонял по поручениям.

— Вот… — начал он, — помнишь, ты мне говорил найти что-нибудь для стиха. Это годится?

Моррисон критически взглянул на протянутый ему лист бумаги. На нем было написано:

Вознесся величаво средь полей
Свидетель поражений и побед
В крокете или в регби. На заре

Ласкает солнце стен твоих красу.

— Потрясающе, — оценил Моррисон. — Лучше не бывает. Там в ящике яблоки. Можешь взять себе парочку. А ну, погоди, — сказал он вдруг с подозрением, — как-то мне не верится, что ты сам написал. Или все-таки сам?

Прежде чем ответить, Эванс отобрал себе несколько яблок. Затем он покраснел, насколько способны краснеть ученики младших классов.

— Если честно, — ответил он, — нет. Ты ведь сказал мне только подобрать что-нибудь. Ты же не говорил, как.

— И где же ты это взял? Чье это?

— Не знаю. На траве нашел между павильоном и лазаретом.

— Ладно, это не важно. Главное — ты притащил то, что надо. Благодарю. Дверь за собой закроешь?

Эванс, разжившись яблоками, удалился, а Моррисон продолжал смотреть сон с того места, где его прервали.

Через несколько дней Смит снова зашел навестить Рейнольдса и, наливая болящему чай, осведомился между делом:

— Стих уже готов?

— Два куска сахара, пожалуйста, — последовал ответ. — Нет, еще не совсем.

— Да ты что! Когда же, по-твоему, он будет готов? Его ведь завтра сдавать.

— Знаешь, ужасно неудобно получилось, но я такую занятную книжку нашел. Ты читал?..

— Но хоть что-нибудь ты написал? — перебил его Смит.

— Боюсь, только четыре строчки. Послушай, ты ведь не рвешься в победители. Почему бы не сдать одно четверостишье? Вполне нормально получилось.

— Хм. Думаешь, наш Старикан это так пропустит?

— А что он сделает? В правилах ничего не сказано о длине. Вот, бери, если хочешь.

— Спасибо. Наверное, сойдет и так. Ну, пока. Мне надо бежать.

Директор, известный миру как преподобный Артур Джеймс Персиваль, магистр словесности, а колледжу — как «наш Старикан», сидел за столом, помешивая кофе. Его обычно исполненное достоинства лицо выражало крайнюю озабоченность. Причиной тому был вовсе не прекрасно сваренный кофе, а письмо, которое директор держал в левой руке.

— Хм! — произнес он. Затем последовало протестующее «умф», словно кто-то ущипнул его. Наконец, глубоким басом он испустил протяжное — М-м-м. Невероятно, в самом деле, совершенно невероятно. Н-да-а. Ну и ну. Он сделал маленький глоток кофе.

— Дорогая, — внезапно сказал он. Миссис Персиваль подскочила от неожиданности. Она как раз обдумывала небольшой ужин, и мысли ее были заняты сомнениями в способностях кухарки.

— Что? — ответила она.

— Дорогая, я получил совершенно невероятное известие. В высшей степени. Да, в высшей.

— Известие? Чье?

Мистер Персиваль содрогнулся. Он был борцом за чистоту речи. Правильно говорить: «От кого?»

— Письмо от мистера Уэллса, моего друга по колледжу. Я… э-э… передал ему на суд стихотворения, участвующие в конкурсе шестого класса. Пишет он в довольно легкомысленном стиле. Весьма легкомысленном, должен заметить. Вот его письмо: «Дорогой Джимми (ну, как же так, пора бы понять, что мы уже не столь юны), дорогой… гхм… Джимми. По поводу стихов. Я прочитал их, и пишу тебе со своего смертного одра. Впрочем, врачи говорят, что у меня еще есть шансы выжить. Мне попался только один мало-мальски приличный стих, он принадлежит перу Роджерса. Конечно, некоторые строчки болтаются, словно пьяные (ну уж!), но все равно с Роджерсом никто и рядом не стоял. Однако гвоздем программы стало выступление трех комедиантов, чьи труды я также отправляю тебе. Все они, как нетрудно заметить, начинаются с одного и того же четверостишия. Я, естественно, не одобряю списывание, но тут поневоле восхитишься. Прямо дух захватывает от такой отчаянной смелости. Ужасная мысль посетила меня: а не пытались ли они водить директора за досточтимый нос? Помнишь, кстати…» — дальше он пишет о… м-м… о другом.

— Джеймс! Это неслыханно!

— М-да. Не хотелось бы думать о сговоре, но здесь не может быть никаких сомнений. Никаких сомнений. Никаких.

— А может… — задумчиво произнесла миссис Персиваль.

— Никаких сомнений, дорогая, — оборвал ее преподобный Джимми. Лишнее напоминание о том, что его, возможно, водят за досточтимый нос, было ему неприятно.

— Итак, почему я вызвал вас, мальчики? — спросил мистер Персиваль Смита, Монтгомери и Моррисона, собравшихся в его кабинете после

уроков. С этого вопроса он обычно начинал неприятные разговоры. У такого подхода были явные преимущества. Если преступник не обладал железными нервами, он тут же во всем сознавался. В любом случае, этот вопрос обескураживал. «Почему?», — повторил директор, устремив на Смита пронзительный взор.

— Я вам скажу, — продолжил мистер Персиваль. — Потому что только вы можете пролить свет на произошедшее. Как получилось, что ваши работы, представленные на поэтический конкурс, начинаются с одного и того же четверостишия?

Три поэта переглянулись в немом изумлении.

— Вот, — показал он, — эти работы. Сравните их. А теперь, — после минутной паузы, — как вы можете это объяснить? Смит, это ваши стихи?

— Я… написал их, сэр.

— Не юлите, Смит. Вы автор этих строк?

— Нет, сэр.

— Так! Очень хорошо. Может быть, вы, Монтгомери?

— Нет, сэр.

— Прекрасно. В таком случае, с вас, Моррисон, все подозрения снимаются. С вами обошлись крайне непорядочно. Плоды вашего труда были… э-э сорваны теми, кто не желает трудиться, подобно полевым лилиям.[52]

— Но, сэр…

— Да, Моррисон?

— Стихи не мои, сэр.

— Я… не вполне понимаю вас, Моррисон. Вы хотите сказать, что авторство этих строк принадлежит кому-то другому?

— Да, сэр.

— Смиту?

— Нет, сэр.

— Монтгомери?

— Нет, сэр.

— В таком случае, Моррисон, позвольте поинтересоваться, кому?

— Я нашел их, сэр. Они были написаны на клочке бумаги, который я подобрал на газоне.

Моррисон приписал находку себе, так как полагал, что Эванс предпочел бы остаться в стороне.

— И я тоже, сэр, — подхватил Монтгомери.

Весь вид мистера Персиваля выражал недоумение, причем, отнюдь не наигранное.

— А вы, Смит, тоже нашли клочок бумаги на газоне? — В его тоне послышались саркастические нотки.

— Нет, сэр.

— Так. Каким же образом эти стихи оказались в вашем распоряжении?

— Я попросил Рейнольдса написать их, сэр. Раздался голос Монтгомери:

— Я нашел свой листок рядом с лазаретом, а Рейнольдс как раз там лежит.

— И я тоже, сэр, — еле слышно произнес Моррисон.

— Итак, Смит, правильно ли я понимаю что, желая выиграть конкурс, вы прибегли к недостойному средству?

— Нет, сэр, я не хотел получить приз. То есть, мы так решили — если я занимаю первое место, я признаюсь во всем. Рейнольдс подтвердит это, сэр.

— Тогда с какой целью вы пошли на обман?

— Видите ли, сэр, по правилам участвовать должны все, а я совсем не умею писать стихи. А Рейнольдс любит сочинять, вот я и попросил его.

Смит замолчал, ожидая, что грянет буря. Но она не грянула. Где-то в глубине души мистера Персиваля таилось чувство юмора. Именно это чувство и было тронуто сложившимися обстоятельствами. Он вспомнил письмо эксперта, и понял вдруг, как жестоко заставлять прозаичного человека говорить языком поэзии.

— Вы свободны, — сказал он, и троица отправилась восвояси.

На следующем собрании попечительского совета, главным образом благодаря пламенной речи директора, было решено изменить правила поэтического конкурса в шестом классе. Отныне участие в конкурсе принимали лишь те, кто чувствовал в себе бессмертный огонь.

Примечания

Всякий, кто читал «Джима с Пиккадилли», сразу узнает часть героев, прежде всего — мерзкое Золотце. Там он — не в центре сюжета, здесь — в центре. Но главное не это. Романы — разного типа, они не очень похожи. Этот совершенно затерялся среди сентиментального чтива, пока читатели не узнали и не полюбили нового Вудхауза. До этой поры оставалось 2–3 года.

Заметим, как затянуты здесь диалоги, как ходульны любовные сцены. В «Что-нибудь эдакое» (1915) уже не так, хотя еще далеко до мастерства и лаконизма «Летней грозы» или «Раз — и готово!». Словом, в этом романе про Золотце Вудхауза еще легко спутать с другими. Роман про Джима — как бы продолжение — своеобразней, это уже именно Вудхауз, но затянутость и там бросается в глаза.

Когда «Джим» обрел большую популярность, задним числом полюбили и «Золотце». Что ж, своеобразия в нем нет, но уют — есть, равно как и зачатки особого вудхаузовского простодушия.

Поскольку Вудхауз обычно ссылается на те же реалии и цитаты («кошка из присловья», «Железная маска», Эмили Пост и т. д.), мы дадим здесь только то, что неясно из контекста, но важно для понимания.

Рассказы из школьной жизни написаны и опубликованы в 1909–1910 гг. Остальные — намного позже.

---

notes

Примечания

1

В здоровом теле — здоровый дух *(лат.)*.

2

Джуит (Джаурит) Бенджамен (1817–1893) — английский знаток античности, с 1870 г. — ректор Оксфордского колледжа Бэллиол.

3

Встретимся при Филиппах — слова из шекспировского Юлия Цезаря (IV, 3), восходящие к Плутарху. Филиппы — древний город в Македонии, где Марк Антоний победил Брута и Кассия.

4

Дунсинанский лес, Макдуф — см. «Макбета».

5

тонтина — система страхования с общим фондом, при которой накопленную сумму получает член фонда, переживший всех остальных (см. роман «Что-то не так»).

6

Корбетт Джеймс Джон, по прозвищу «Джентльмен Джим» (1866–1933) — боксер, чемпион мира в тяжелом весе 1892–1897 гг.

7

Страшилище *(франц.)*.

8

Выше *(jam.)*.

9

Что-нибудь неприятное да случится *(лат.)*.

10

de luxe — роскошное, «люкс» *(франц.)*.

11

Простак — в других романах и рассказах мы передаем это прозвище как Чайник. По-английски Фотерингей-Фиппса называют Barmy, то есть «чокнутый», «тронутый», «чудак» («barm» — опара; у него что-то бродит в голове). В этом романе, кроме последних глав, преобладают черты простака.

12

Точное словцо *(франц.)*.

13

…с *Кэтикетом* — в рассказе «Переплавлен в горниле» участвует не обычный спутник Фиппса, Кэтикет (Кошкинкорм), а Мартышка Твистлтон.

14

«Мышьяк и старые кружева» — очень популярная пьеса Джозефа Кессельринга (1904–1967). Премьера состоялась 10 января 1941 года в Нью-Йорке.

15

…*по восточному времени* — речь идет об одном из четырех временных поясов, на 5 часов отстает от времени по Гринвичу.

16

Роковая женщина *(франц.)*.

17

Благополучие, хорошее настроение *(франц.)*.

18

как один английский король — речь идет о Генрихе I (1068–1135, правил с 1100-го), который не улыбался после гибели своих сыновей.

19

бэнши — мифическое существо кельтского фольклора, вроде феи или ведьмы, извещающее воями и стонами о чьей-то смерти.

20

«Куин Мэри» — океанский лайнер, названный в честь королевы Марии (1867–1953), жены Генриха V (1865–1936), правил с 1910.

21

…Геркулеса наших дней выбирать между удовольствием и долгом… — аллюзия на известную картину Карраччи «Геркулес на распутье» (1596 г.), сюжет которой состоит в следующем. Геркулес изображен на перекрестье дорог, не зная, какую выбрать. Две женщины появляются перед ним, убеждая его последовать за собой. Одна, Добродетель, влечет его направо, по крутой, каменистой тропе; другая, Удовольствие, — налево. Геркулес выбирает тропу Добродетели, ведь в конце пути его ждет бессмертие.

22

…*великим облаком свидетелей…* — Послание к Евреям 12:1

23

…уходить, уступая место новым… — «Уйдет былой порядок — будет новый» — А. Теннисон. «Королевские идиллии», «Уход Артура», пер. В. Лунина.

24

«… тысячи лишений, присущих телу…» — фраза из монолога Гамлета «Быть или не быть…». «Гамлет, принц датский», пер. Б. Пастернака.

25

«маскировкою и хитрою уловкою» — строка из популярного мюзикла У. Гилберта «Терпение, или Невеста Банфорна».

26

«Агамемнон» — трагедия Эсхила.

27

По дороге *(франц.)*.

28

«Он улыбался, хоть была улыбка неуместна» — «…лишь улыбался. Хотя была / Улыбка неуместна…» Строки их стихотворения У.Ш. Гилберта «Призрак, англичанин, шотландец и гоблин».

29

… *довольно для каждого дня своей заботы* — Евангелие от Матфея 6:34.

30

…в этом семестре я и так уже на посылках у Велша — в английских школах существует практика гонять младших по поручениям. При этом у старшеклассников бывают «постоянные слуги» из числа младших учеников.

31

…*служить двум господам.* — Евангелие от Матфея 6:24.

32

Гарри Вардон (1870–1939) — английский гольфер, победивший на шести открытых чемпионатах Великобритании и на открытом чемпионате США. За свою спортивную карьеру он вышел победителем более чем в 60 турнирах, и в 1913 г написал подробное руководство по этой игре.

33

Эйб (Эбрахам) Митчелл — один из сильнейших профессиональных гольферов первой половины XX века в Англии; его фигура украшает престижный среди игроков в гольф кубок Райдера.

34

Букв, «не хотеть продолжать» — латинский юридический термин, означающий отказ истца от иска или части его.

35

…тех ребят из «Лёгкой кавалерии» — ссылка на стихотворение «Атака лёгкой бригады» Альфреда Теннисона (1809–1883).

36

…*лишь человек ничтожен* — из церковного гимна Реджинальда Хибера (1783–1826).

37

стоя безмолвно на Дариенском пике — из сонета Джона Китса (1795–1821) «На Чапменовского Гомера».

38

Доктор Фу Ман-Чу — персонаж из произведений популярного английского писателя Сакса Ромера (конец XIX — первая половина XX века), преступный гений, мечтающий о мировом господстве, глава секретной международной организации.

39

Бойтесь женского рода, сэр, он опаснее, чем мужской — ссылка на стихотворение Р. Киплинга «Женский род».

40

…всё кончить могли б мы разом — «Макбет», акт I, сцена 7 (пер. Ю. Корнеева).

41

…*солдат бородат как леопард* — «Как вам это понравится», акт II, сцена 7 (пер. Т. Л. Щепкиной-Куперник). Пиллингшот открывает счет

42

Сладостного безделья *(итал.)*.

43

Г. Джессоп (1874 — 1955) — один из лучших бэтсменов сборной Англии всех времен.

44

«Дакр», *«Меривейль»*, *«Пансион»* — В Англии школы-интернаты, как правило, делятся на так называемые «корпуса», объединяющие учеников разных классов. Эти подразделения часто называются по имени старшего воспитателя. Если старшим воспитателем окажется директор школы, подразделение именуется общим словом вроде «Пансион».

45

Подача «под биту» — подача в крикете, которую бэтсмен отбивает, когда мяч отскакивает от земли.

46

Укороченная подача — подача в крикете, при которой мяч ударяется о землю слишком близко к боулеру, так что бэтсмен видит, как и куда отскакивает мяч, и успевает как следует под него подстроиться.

47

…*сюжет истории с устрицами* — аллюзия на стихотворение Л.Кэрролла «Морж и плотник».

48

«Самые усталые реки, и те доходят до моря» — из «Сада Прозерпины» А.Суинберна.

49

Мэрилбон — крикет-клуб, основанный в 1787 году. Команды этого клуба часто играют выставочные матчи в Англии и за ее пределами.

50

Роскошно оформленное издание *(франц.)*.

51

…*псалмопевца, просившего поднять врата.* — см. Пс 23:9.

52

…не трудятся, подобно полевым лилиям — см. Евангелие от Матфея 6:28.